

В фигурные скобки {} номера страниц (окончания) издания-оригинала

Andrzej Bartnicki
Joanna Mantel-Nećko

Historia Etiopii

Wroclaw—Warszawa 1971

А. Бартницкий
И. Мантель-Нечко

История Эфиопии

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО

*К. В. Большаковой, Н. М. Рукиной
и М. Н. Черных*

ПРЕДИСЛОВИЕ И РЕДАКЦИЯ

Ю. М. Кобищанова и М. В. Райт

Издательство «Прогресс» 1976

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В 1974 г. в одном из древнейших государств Африки — Эфиопии, где веками господствовал феодально-монархический режим, произошла антифеодальная, антимонархическая революция, в которой приняли участие самые широкие слои населения: крестьяне, рабочие, интеллигенция, прогрессивно настроенные военные. Эфиопия вступила на путь широких социально-экономических преобразований: не только обнародована, но и активно проводится в жизнь аграрная реформа. Перед страной стоят большие трудности, но народ Эфиопии уверенно идет вперед по пути прогресса. Революция в Эфиопии продолжается!

Интерес к этой далекой африканской стране объясняется и самыми последними событиями в Эфиопии, и своеобразием ее действительно необычной истории.

Говоря о своеобразии Эфиопии на Африканском континенте, историки часто повторя-

ют эпитеты «единственная» и «последняя». К началу XX века Эфиопия была единственной и последней христианской страной в Африке, почти единственной (наряду с Либерией, находившейся фактически под протекторатом США, и Египтом, оккупированным Англией) и последней не колонизированной страной Африки; последней из африканских империй; единственной африканской страной (кроме арабских), сохранившей своеобразное национальное письмо, в том числе системы записи музыки, а также цифры; единственной в Африке страной господства крупного феодального землевладения и т. д. {5}

В чем причина такого яркого исторического своеобразия?

Ученые в разных странах мира, с одной стороны, и национальная эфиопская интеллигенция — с другой, ищут ответа на этот вопрос, анализируя отдельные факты, периоды и всю систему эфиопской истории. Эфиопы справедливо гордятся своей историей, славой своих предков, их энергией, самоотверженностью и талантами, блестящей культурой, созданной ими и бережно переданной в наследие потомкам. Реформаторы и мыслители, гениальные поэты и зодчие, победоносные полководцы и бесстрашные герои; мощные народные движения, патриотические или религиозно-социальные, объединительные или сепаратистские; готовность к принятию новшества и стойкое сохранение основ традиционной культуры; своеобразные формы религиозной терпимости и сосуществования родственных и неродственных по языку народов при сохранении общеэфиопского культурного и временами политического единства; чередующиеся на протяжении тысячелетий циклы консолидации и распада государств и многонациональных общностей — все это можно найти в двухтысячелетней эфиопской истории, все это наложило отпечаток на современную культуру эфиопов.

Историк Эфиопии сравнительно обеспечен источниками. Письмо появилось в этой стране еще две с половиной тысячи лет назад, полторы тысячи лет назад было реформировано, и с тех пор в отличие, скажем, от соседнего Судана в Эфиопии не происходило резкой смены письма, религиозной идеологии и культурной ориентации, хотя и бывали более или менее продолжительные «темные» периоды. Древние надписи, средневековые хроники и различные юридические и агиографические («жития святых») документы, написанные местными авторами на местных языках (гезз, амхарском и др.), дают богатый материал для историков. К тому же об Эфиопии сравнительно много писали и путешественники из других стран: греки, арабы, итальянцы, португальцы, армяне, русские и другие, — которые по разным причинам и в разное время посещали эту страну. Таким образом, в отношении исторических источников Эфиопия — также единственная {6} в своем роде среди африканских стран. Она и географически занимает особое положение.

Тропическая Африка, где расположена Эфиопия, — наиболее изолированный регион Старого Света. Три океана отделяют ее от других населенных земель: Индийский океан на востоке, Атлантический — на западе и океан песчаных и каменистых пустынь — на севере и северо-востоке. Затрудняя контакты между культурами, изоляция тормозила развитие африканских обществ. Но она никогда не была полной. Через моря и пустыни пролегли торговые пути, служившие каналами движения информации. Эфиопия находилась в непосредственной близости от ряда важнейших торговых дорог. У ее восточных границ находятся Баб-эль-Мандебский пролив, один из трех главных морских перекрестков мира; у западных границ — нильский речной путь; со всех сторон Эфиопское нагорье опоясывают караванные трассы, соединяющие долину Нила с морем или ведущие от морских и нильских берегов в глубь материка. Но все это у границ Эфиопского нагорья. На территории же самого нагорья нет ни одной судоходной реки, и лишь в районах городов Массауа и Зейлы оно близко подходит к морю. Основная часть Эфиопии — хорошо орошаемая муссонами горно-тропическая страна с климатом, весьма благоприятным для земледелия и скотоводства, и вместе с тем труднодоступная для иноземцев. Не только высокие горы и глубокие ущелья защищали Эфиопию от вражеских нашествий. Почти со всех сторон Эфиопское нагорье окружено раскаленными каменистыми пустынями, а на западе — болотами и лесами, тем не менее различные культуры вступали во взаимодействие, обогащая друг друга, рождая удивительный синтез — основу новых оригинальных культур. В то же время горные твердыни Эфиопского нагорья укрывали накопленные страной сокровища цивилизации, спасая их от варваров с копьем и варваров с мушкетом. Правда, и в Эфиопии порой горели книги и церкви, переплавлялись в слитки и монеты золотые и серебряные статуи и произведения ювелирного искусства. Но все же в этой стране развитие культуры

протекало с меньшими потерями, чем во многих других странах, которые периодически оказывались на пути переселения народов и грабительских полчищ. {7}

Тем не менее и Эфиопия знала страшные катастрофы, когда рушились мощные империи и решалась сама судьба эфиопской цивилизации. Эти катастрофы, за которыми следуют более или менее продолжительные «темные периоды», образуют наиболее заметные вехи эфиопской истории. В промежутках между ними в стране процветал мирный труд, развивались ее производительные силы, государственность и культура — словом, совершался прогресс общества и цивилизации, и если и не происходила смена общественно-исторических формаций (до недавнего времени вся история Эфиопии — это история зарождения и развития феодализма), то по крайней мере начиналось восхождение на более высокую ступень феодальной формации.

Предлагаемая читателю книга польских авторов — историка А. Бартницкого и филолога И. Мантель-Нечко — в популярной, доходчивой форме излагает политическую историю Эфиопии с древнейших времен до 60-х годов нашего века. В книге широко используются эфиопские легенды, различные источники, опубликованные в Эфиопии на языках гез и амхарском. Это повышает ценность издания, но одновременно заставляет критически относиться к отдельным моментам изложения, поскольку часто вымысел переплетается с действительностью. Поэтому некоторые страницы мы сопровождаем комментариями.

Разумеется, одни исторические периоды, по которым авторы имели больше материалов и источников, изложены полнее и глубже, а другие — значительно короче и более поверхностно. Это относится в первую очередь к глубокой древности и некоторым периодам средневековой истории.

Примерно с XX по V в. до н. э. длился полуторатысячелетний пунтийский период эфиопской истории. Эфиопское нагорье было в самом центре расселения кушитских племен, территория которых на севере достигала Египта, а на юге — Танзании. Главным занятием этих племен было скотоводство, но знали они и земледелие — местами, возможно, с террасированием горных склонов и искусственным орошением полей. Они периодически поддерживали связи с древнеегипетской цивилизацией. Египетские источники сообщают о «князьях Пунта» и «князьях Ку-ша», которых фараоны стремились превратить в своих чиновников и наместников. Египет эпохи Нового Царства, а позднее Напатско-Мероитское царство (в Судане) насаждали среди кушитов свою государственность, идеологию и социальные порядки, но успех египтян и мероитов был весьма ограниченным, и в большинстве кушитские племена остались догосударственными и независимыми. Родовые связи, организация первобытных территориальных общин и военная демократия групп молодых воинов уравнивали друг друга и препятствовали созданию государств. Однако наличие ремесленных каст говорит о начале классовообразования.

В V в. до н. э. на территорию современной Эфиопии переселяются жители Южной Аравии. С этого времени и вплоть до возвышения Аксума длится пятисотлетний преакумский период эфиопской истории. Южноаравийские переселенцы принесли в Эфиопию свой семитский язык (от которого происходят языки гез, тиграй, тигре, амхарский и др.), письмо, астральную древнесемитскую религию, монументальную храмовую архитектуру и скульптуру, своеобразное искусство, многие особенности родоплеменного раннегосударственного строя, торговые навыки, бронзовое литье, плужное земледелие. Культура семитских переселенцев была выше местной африканской культуры кушитских народов не только в техническом отношении, как утверждают авторы настоящей книги, но и своим политическим строем и сравнительно развитыми идеологией и религией.

Переселенцы участвовали в создании первого в Эфиопии государства (V — IV вв. до н. э.), о котором сообщают надписи на древнем южноаравийском языке. Города, основанные в преакумский период (Матара, Йеха и др.), развивались и в аксумское время.

Эти города вели торговлю с царствами Судана (Мероэ) и Аравии, а также с эллинистическим Египтом. Высокие цивилизации Мероэ и Египта наряду с Южной Аравией оказали заметное влияние на Северную Эфиопию. В это же время она завязывает связи с Индией, прежде всего торговые, и становится посредницей в межконтинентальной торговле между этими странами. {9} Вдоль ее берегов плыли суда из Египта в Восточную Африку, Индию, Цейлон, Малакку, Индонезию, Индокитай.

Расцвет этой торговли относится к аксумскому периоду, когда главный порт Аксумско-

го царства — Адулис — стал крупнейшим портом в районе Баб-эль-Мандебского пролива, Красного моря и западной части Индийского океана.

Подчинив себе соседние страны и захватив берега Баб-эль-Мандебского пролива, цари Аксума силой подавили торговых соперников. Они уделяли большое внимание торговле, получая прибыль от пошлин и от организации караванов, например в страну Сасу (на юго-западе Эфиопии), откуда привозили золото. В Адулисе и Аксуме встречались купцы и путешественники из Египта, Сирии, Южной и Западной Аравии, с острова Сокотры, из Индии, Ирана. Адулис и Аксум богатели и отстраивались. В Аксуме были воздвигнуты многоэтажные дворцы, огромные монолитные обелиски (до 30 м высотой и выше), отлиты золотые, серебряные и бронзовые гигантские статуи, о которых говорят надписи и основание одной из которых сохранилось.

Аксумское ремесло достигло высокой степени совершенства. Но ютились ремесленники в маленьких домиках вокруг дворца. Нам не известно, были ли они свободными людьми, невольниками или членами низших каст.

Вообще сохранилось мало данных о внутреннем строе Аксумского царства. Известно, что его столичная область была окружена вассальными княжествами, в одном из которых жили геэзы, давшие имя языку аксумитов — геэз, в другом — агау. Адулис также был столицей вассального княжества. На положении вассальных царств находилась Верхняя Нубия, или Алва, и Южная Аравия, или Химьяр. Кочевые и полукочевые племена Нубийской и Данакильской пустынь также считались подданными аксумского царя. На просторах Аравийского полуострова пересекались сферы влияния Аксума, Персии и Римской (Византийской) империи, в Судане — Аксума и Рима. Послы Византии, Персии и аравийских государств — Химьяра и Мекки прибывали в Аксум, послы Аксума — в Александрию, Ктесифон, Мероэ, Южную Аравию, Индию. {10}

Хотя борьба за Аравию закончилась неудачно для Аксума, это государство в начале VII в. было еще настолько влиятельным, что основатель ислама, пророк Мухаммед, рассчитывал на его поддержку в своих планах, а первые мусульмане, изгнанные из Мекки, нашли прибежище в Аксуме и оставались здесь до возвращения пророка в Мекку. Выходцы из Аксумской Эфиопии (абиссинцы) сыграли выдающуюся роль в становлении ислама и создании Арабского мусульманского государства.

Аксумское царство пало в VIII — IX вв., аксумская народность дезинтегрировалась, но наследие аксумской цивилизации живо в Эфиопии и поныне. Тем более важное значение имели традиции Аксума в X — XIV вв., в «темный период» эфиопской истории. Недаром геэз — язык аксумитов — оставался языком религии и письменности, недаром нынешнюю территорию народа тиграй еще в XIV — начале XV в. называли, как и в VI в., «Страной агази» (страна народа и языка геэз). К сожалению, и без того скудные данные источников IX— XIII вв. весьма неполно отражены в книге польских авторов. Но главное они отмечают совершенно верно: политический и культурный центр Эфиопии переместился к югу, в область кушитских народов агау.

С конца XI—XII в. установились связи христиан Эфиопии с армянами, которые после разгрома Армении сельджуками обосновались в Египте. Армяне покровительствовали эфиопским паломникам и монахам в Египте и Иерусалиме и до известной степени контролировали назначение коптских епископов в Эфиопию.

В XIII—XIV вв. центр эфиопской цивилизации еще дальше перемещается к югу, в Амхару, Шоа, Йифат, Адал (Адаль), Дамот и другие области Средней Эфиопии с семитоязычным населением (амхара и др.). На роль главного порта выдвигается Зейла (теперь деревня на севере Сомали). С этого времени политическую жизнь Эфиопии определяло соперничество христианской империи и соседних мусульманских государств. Союзницей Эфиопской империи была единоверная ей Нубия, союзниками мусульман — фалаша Сымена и Гафата (в долине р. Аббай), а также арабские государства. В этой борьбе каждая из сторон имела свои преимущества, причем {11} Эфиопская империя была сильна своей развитой военно-феодальной и церковной организацией, сравнительно высокой культурой и связями с передовыми странами тогдашнего мира.

А. Бартницкий и И. Мانتель-Нечко не совсем точно определяют различия, существовавшие между христианской и мусульманской культурами. Нельзя сказать, что первая была

связана со Средиземноморьем, а вторая — с миром ислама. Обе они были связаны с арабским миром, и в христианской Эфиопии образованные люди так же знали арабский язык, как и в мусульманских султанатах. Достаточно сказать, что большинство эфиопских книг этой эпохи являются переводами с арабского языка. Но через Египет, Иерусалим, а также через армян Эфиопия была связана также с христианским Востоком и Европой.

Интересная особенность культуры средневековой христианской Эфиопии — отсутствие городов. Не города, а феодальные поместья и монастыри были культурными и политическими центрами.

Община, армия и церковь составляли три главных элемента социальной системы, на которой базировалась эфиопская культура. К сожалению, авторы предлагаемой нами книги уделяют слишком мало внимания общественным отношениям, поэтому надо сказать несколько слов о каждом из элементов этой «триады».

В Эфиопии общины носили соседско-родовой¹ и в то же время кастовый и отчасти храмовый характер, так как максимальная община — волость обычно составляла церковный приход. Население такой общины делилось на три или четыре сословия: духовенство, крестьянство, низшее сословие (касты ремесленников, охотников и певцов — азмари), а также иногда военное сословие.

Армия делилась на две части: дружины феодалов (гвардия) и полки военных поселенцев (цоуа, чоуа, или шоа). Первые назывались по именам их вождей, вторые носили специальные названия («Кинжал на врага», «Лук пчелы», «Крест», «Молния», «Молния в Адале», «Крутая {12} гора в Адале», «Крутая гора Давида», «Гиены» и т. д.). Дружинники жили при дворах своих начальников, военные поселенцы — отдельными деревнями преимущественно в пограничных областях или недавно присоединенных провинциях. Они были освобождены от большинства повинностей. В мирное время цоуа сами обрабатывали свои наделы, частью сдавали землю в аренду крестьянам. Источники сообщают, что иногда полки цоуа получали две трети земель провинции, а местному населению оставалась одна треть, из которой затем еще выделялись участки для церквей и монастырей и т. п. Как и цоуа, духовенство в недавно присоединенных провинциях было пришлым.

Положение эфиопской церкви было противоречивым. С одной стороны, церковь являлась подлинным феодальным государством в государстве, подчиненным императору и в меньшей степени правителям отдельных княжеств. Высшие чины церковной иерархии — ычэге, ныбурэ ыд, акабе сэат и (по крайней мере формально) абунэ — считались более важными вельможами, чем даже крупнейшие светские феодалы. Церковь владела значительной частью земель, получала огромные доходы, накапливала сокровища. Духовное сословие составляло местами до 20—30% населения округов. Но его подавляющее большинство принадлежало не к феодалам, а к трудящимся-земледельцам: бедные монахи работали в монастырях на богатых монахов, бедные священники сами пахали землю, их дети — мальчики-диаконы пасли скот, а книжники — дэбтэра, составлявшие церковный хор, обычно не только занимались сельским хозяйством, но и несли повинности в пользу храмов. Да и церковная служба, в частности для дэбтэра, которые должны были петь, играть на систрах и барабанах-кэбэро и плясать в церкви, а до того проходить курс обучения письму (довольно сложному у эфиопов), церковной музыке и системе ее записи, языку геэз, была нелегким делом.

С другой стороны, церковь, несмотря на связи с местными феодалами, стремившимися к независимости, поддерживала в народе идею общеэфиопского единства под эгидой императорской власти. Император являлся не только верховным правителем государства, но и как бы {13} главой всех христиан, правомочным вмешиваться в чисто церковные дела, в том числе вопросы богословия.

В богословских спорах XIV—XVII вв., о которых рассказывают авторы книги, отразилось не только соперничество между князьями церкви и привилегированными монастырскими общинами Аксума, Хайка, Дэбрэ-Асбо, но они стали идеологическим выражением стремления отдельных провинций к отделению.

В этом отношении особенно показательны евстахианство и «иудаизм» фалаша, а также

¹ О характере землевладения в традиционных общинах Эфиопии см.: Африка; возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. — *Прим. ред.*

другие ереси, о которых упоминается в книге.

Евстахианство, зародившись в начале XIV в., в середине XIV—XV в. стало как бы общенародным движением в Тигре. Социальный состав его был сложен. Большинство руководителей евстахиан принадлежало к тигрейской знати. Но среди их приверженцев было множество бедных дэбэтра и крестьян, интересы которых они защищали от местных феодальных правителей, военных поселенцев — цоуа, высшего духовенства.

Евстахий и его ученики проповедовали идеал бедной церкви и монашества, трудящегося в поте лица своего. Не удивительно, что все бедные и непривилегированные внимали Евстахию, а жадные монахи пытались его убить. Но и знать привлекла проповедь святого бессребреника. Феодальные правители Северной Эфиопии защитили его от гнева монахов, а сам император Амдэ-Цыйон заключил с Евстахием союз против общих противников — князей церкви. Помимо разного рода личных интересов, светских феодалов привлекал идеал бедной церкви, перспективы овладения земельными богатствами монастырей.

Что касается «иудаизма» фалаша, то он во многом ближе к эфиопскому христианству, чем к религиозной практике евреев. Фалаша отвергают Новый завет и большую часть христианской литературы, но талмуда не знают, а Библию читают на языке геэз. Важную часть их литературы составляют переработанные гностические и христианские сочинения, также на языке геэз (но восходящие к греко-египетским оригиналам). Обряды фалаша почти тождественны с обрядностью эфиопских христиан. Были у них священники и монахи, низшие касты ремесленников и феодальная аристократия, но не было купцов {14} и ростовщиков. В XIV—XV вв. население целых областей, отрекаясь от христианства или сохраняя прежнюю веру, примыкало к фалаша и восставало против империи. Это было мощное движение западных агау, частично под знаменем «иудаизма», частично под лозунгом сохранения различных синкретических религий (у этнических групп кемант, воито до принятия ими ислама и др.).

Не случайно авторы книги уделяют много внимания деятельности Зэра-Яькоба. Несомненно, Зэра-Яькоб был исключительно одаренным и дальновидным правителем. Он имел широкую политическую программу централизации, религиозной унификации и отчасти даже «модернизации» страны, которая и через 500 лет сохраняла свою актуальность. Он хотел, чтобы Эфиопия стала мощным абсолютистским государством. Уже тот факт, что его реформы были проведены в жизнь и какое-то время, казалось, имели успех, свидетельствовал о политических талантах императора и потенциальных возможностях эфиопско-христианской культуры (характерно, что Зэра-Яькоб в своей деятельности апеллировал к древней аксумской традиции, национальной «старине», а также к «исконному христианскому» миропорядку). В связи с этим представляется вполне вероятным влияние на императора заморских идей и примеров. Недаром в тогдашней Эфиопии мы находим целый ряд выходцев из Египта, Сирии, Южной Европы и Закавказья. Однако в Эфиопии, лишенной городов и сколько-нибудь развитого внутреннего рынка, не было необходимых предпосылок для перехода от строя феодально-вассалитетного царства к абсолютистскому бюрократическому государству. Недаром режим Зэра-Яькоба держался на подкупе, доносах и терроре. В мирное время при нем проливалось больше крови и производились большие опустошения, чем во время войны. В результате массовых репрессий была уничтожена наиболее энергичная и смелая часть населения, расстроена система традиционных феодальных ополчений, подорвана экономическая база государства. Военные поселенцы бесчинствовали в областях, отданных им в «кормление», разоряя их не хуже, чем вражеские набеги. Это вынуждало крестьян уходить с обжитых мест на окраины империи, в мусульманские и другие иноверческие {15} области. Недаром на юго-востоке Эфиопии через несколько десятилетий после смерти Зэра-Яькоба оказалось множество «маласаев» — эфиопов, перешедших в ислам. Это они вместе с мусульманскими беглецами из Доуаро, Фэтэгара, Бали основали Харэр (Харар) — новый центр ислама в Эфиопии.

XVI — XVIII вв. вошли в историю Северо-Восточной Африки как время заметного упадка торговли, земледелия, государственности и культуры. В частности, источники дают возможность проследить, как постепенно хирела Зейла, которую еще в начале XVI в. продолжали считать одним из крупнейших портов бассейна Индийского океана, торговавшим не только с Аденом, но и Камбеем в Индии. Появившись в 1498—1499 гг. в Индийском океане, португальцы нанесли серию сокрушительных ударов по морской торговле между африканскими и азиатскими портами. В 1517 г. они сожгли Зейлу. В то же время с севера в Красное море и

Аденский залив проникли турки. Разгорелась португальско-турецкая морская война, окончательно парализовавшая заморскую торговлю Адала, Зейлы, Дахлака, Суакина, а также южно-аравийских государств. Благополучие всех городов и многих кочевых племен Адала зависело от караванной торговли с Эфиопией. Адал, Дахлак и Суакин были как бы городской и торговой периферией феодальной Эфиопской империи и вместе с ней образовали единую политическую и экономическую систему.

До XVI в. Эфиопия и Адал сосуществовали, нуждаясь друг в друге. Недаром султан Мухаммед-ибн-Бэдлай в 1469 г. добровольно согласился стать данником императора Бэйдэ-Марьяма. Но к 1516—1517 гг. Адал переживал подлинный экономический кризис, его разоренные горожане и караванщики-верблюдоводы требовали от своих правителей решительных действий, чтобы вернуть былое благополучие и отомстить христианам за свои страдания и унижения. Вместе с тем грабежом эфиопских селений и военной добычей адалцы рассчитывали поправить свои дела. Гибель правителей и разорение городов и деревень Адала амхарскими войсками в 1516 г. лишь подлили масла в огонь. Положение страны было настолько отчаянным, что поражение не могло запугать адалцев. {16}

В пылу борьбы обе стороны обратились за помощью к португальцам и туркам. Но и эфиопские императоры Либнэ-Дынгыль и Гэлаудеус и имам Ахмед-ибн-Ибрахим одинаково не доверяли такого рода союзникам и постарались удалить присланные ими отряды при первой же возможности.

Братоубийственная война в Эфиопии 1516—1548 гг. дорого обошлась населявшим ее народам. Но она поставила перед ними задачи, разрешение которых потребовало ревизии всей традиционной политики. Правители Эфиопской империи теперь должны были перейти к политике религиозной и политической терпимости, ограничению эксплуатации местного населения в вассальных владениях, поискам средств для перевооружения армии огнестрельным оружием, производству пороха, пуль, ружей и т. п. Остро встала проблема привлечения иноземных специалистов, взаимоотношений с ними, а также проблема надежных союзников за рубежами империи. А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко сводят этот круг проблем к связям с государствами Западной Европы. Но существовала и альтернатива, хорошо известная эфиопам. Речь идет о христианах Востока и мусульманах Османской, Иранской и Могольской империй, а также других передовых по сравнению с Эфиопией стран.

Правители Эфиопии не упускали возможностей использовать восточнохристианских, а порой и мусульманских пришельцев, даже если к их услугам уже имелись португальцы или испанцы. В Эфиопии XVI — XVIII вв. мы находим множество армян, греков, арабов, а также грузинских мастеров (при императоре Гэлаудеусе), бухарца — императорского переводчика при Фасиледэсе и др. Связи с внешним миром через восточных христиан имели огромное значение для торговли и дипломатии Эфиопской империи, для получения ею всех видов информации извне.

В частности, армяне, грузины и среднеазиаты были инициаторами и исполнителями большей части основных внешнеполитических проектов Эфиопской империи. Армянин Матейос (Матвей) возглавил первое эфиопское посольство в Индию и Португалию в XVI в., о котором говорится в предлагаемой книге. Бухарец в 1647—1649 гг. {17} курировал йеменское посольство в Эфиопию при Фасиледэсе, армянин и «могол» возглавили в тот период эфиопское посольство в Индию (в 1658—1659 гг.), в начале XVIII в. армяне курировали французское посольство дю Руля в Эфиопию на его пути, начиная от Каира через Судан; грузин М. Качкачишвили вел в Каире переговоры с представителем Эфиопии об установлении контактов с Россией при Екатерине II (в 1786 г.). Борясь за освобождение своей родины от османского владычества, армяне не только помогали России, Польше, Грузии, Египту и Эфиопии сплотиться против общего врага, но и оказывали различные другие услуги единой им африканской стране.

В книге много внимания уделяется борьбе народов Эфиопии против попыток католического духовенства подчинить себе Эфиопию в XVI — XVII вв. К этому необходимо, на наш взгляд, добавить, что по существу это было и антипортугальское освободительное движение, принявшее форму религиозной войны, которую возглавили эфиопская церковь и патриотически настроенные феодалы. Причиной восстаний, потрясших Эфиопию в 30-е годы XVII в., было возмущение народных масс как религиозными реформами, так и тиранической и хищниче-

ской политикой португальских колонизаторов. Стихийные восстания охватили несколько провинций. Затем к движению примкнула и высшая знать. Посетивший Эфиопию в 30-е годы XVII в. Эммануэл Баррадаш писал об опасениях многих эфиопских «грандов», считавших, что, если эфиопское «королевство станет католическим, португальцы будут притязать на него, овладеют им». Однако крестьянские массы, составлявшие основную силу восстания, были настроены гораздо более радикально, чем присоединившиеся ради сохранения своих феодальных привилегий и находившиеся в оппозиции к португальцам эфиопские феодалы и придворная знать во главе с императором Фасиледэсом.

Когда при императоре Фасиледэсе (1632—1667 гг.) возник грандиозный план антиевропейской коалиции в составе Эфиопии, Адала, Сеннара (Судан), государств Южной Аравии, Османской и Могольской империй, осуществить его взялись армяне и выходцы из Средней {18} Азии, пользовавшиеся доверием императора. Этот план лишней раз показывает, что политику «закрытия» Эфиопии для европейцев, проводимую правителями страны в середине XVII—XVIII в., нельзя отождествлять с политикой изоляции и культурного герметизма.

С большим интересом читаются страницы, посвященные складыванию централизованного эфиопского государства во второй половине XIX в., начало чему было положено крупным политическим деятелем эфиопской истории — Теодросом II. А. Бартницкий и И. Мانتель-Нечко совершенно правы, когда говорят, что Теодрос II весьма сложная и противоречивая фигура и что Теодрос II имел интереснейшие начинания, многие из которых ему так и не удалось осуществить. В западноевропейской литературе англо-эфиопскую войну 1867—1868 гг. часто называют слишком упрощенно «военной экспедицией Нэпира», думается, что это неправильно. Со стороны Эфиопии это была антиимпериалистическая освободительная война. В битве при Ароге, как и при штурме Мэкдэлы, эфиопские воины героически сражались против значительно превосходящего в военной технике противника. О Теодросе же, который застрелился, не желая сдаваться в плен, эфиопы сложили песню, которая заканчивалась такими словами: «Смотрите, это была смерть мужчины, который не знал слабости, это была смерть льва; он считал постыдным умереть от руки чужой».

Английское правительство и генерал Нэпир, возглавлявший военные операции против центрального эфиопского правительства, утверждали, что цель кампании — лишь освобождение английских подданных из плена. Однако Англия после штурма Мэкдэлы и победы над Теодросом скорее всего постаралась бы закрепиться в какой-нибудь части Эфиопии, если бы представилась хоть малейшая возможность. Следует подчеркнуть, что основная причина ухода англичан из Эфиопии состояла в том, что эфиопский народ, включая даже феодалов, помогавших англичанам победить Теодроса II, не желал видеть иноземных агрессоров на своей земле. Как во время марша английских войск к Мэкдэле, так и при отходе от нее они нередко подвергались набегам эфиопских отрядов. Многие правители провинций соглашались помогать {19} англичанам только при непременном условии, что после победы над Теодросом они сразу же покинут Эфиопию. Английские войска вынуждены были уйти из Эфиопии в 1868 г. из-за открытой враждебности всех слоев населения страны.

Авторы книги много внимания уделяют походам Менелика II с целью присоединения отдельных земель к Эфиопии. Они правильно подчеркивают, что в этом было заинтересовано и зарождавшееся эфиопское купечество. Нам представляется целесообразным добавить замечание, высказанное еще русским путешественником А. К. Булатовичем, участником одной из экспедиций Уольдэ-Гийоргиса к оз. Рудольфа, о том, что одной из причин затеянных правительством Эфиопии военных походов было стремление помешать намерениям империалистических держав стянуть кольцо своих владений вокруг Эфиопии и захватить территорию Южной Эфиопии.

Надо также учитывать и то, что многие из завоеванных в этот период земель некогда входили в состав Эфиопской империи. Разумеется, расширение Эфиопии в конце XIX в. было также результатом происходивших внутри страны социально-экономических сдвигов. Рост товарного хозяйства, участие в нем феодальной верхушки вызвали стремление к расширению сферы эксплуатации, к захвату новых земель.

Оценивая антиимпериалистическую (дипломатическую и военную) борьбу Эфиопии против англо-франко-итальянских притязаний в конце XIX — начале XX в., А. Бартницкий и И. Мانتель-Нечко кратко, в нескольких разных местах книги говорят об отношениях между

Эфиопией и Россией в тот же период. Нам бы хотелось на этом вопросе остановиться несколько подробнее.

Давние традиционные связи существуют между народами Советского Союза и Эфиопии. Научные поиски наших исследователей каждый день вскрывают новые материалы и данные о развитии связей между самыми различными народами обоих государств. Еще в XII—XIII вв. в России интересовались далекой африканской страной, цивилизация которой насчитывала несколько тысячелетий, а с середины XVIII в. эфиопский язык геэз (гыыз) {20} и эфиопское письмо начали в России изучаться, что было связано с именем великого русского ученого Михаила Ломоносова. В XIX в. эфиопский язык изучали в университетах сперва в Харьковском, а затем в Петербургском. С середины XIX в. начинаются поездки отдельных русских путешественников и научные экспедиции в Эфиопию. Публикации их отчетов находили самый живой отклик среди общественности России; хорошо известны имена таких путешественников и ученых, как Е. Ковалевский, А. Булатович, Н. Бровцын, Г. Федоров, П. Шусев, Л. Артамонов, М. Лебединский, А. Елисеев, Б. Владыкин, А. Кохановский, В. Болотов, Б. Тураев и многие другие, которые либо побывали в Эфиопии и привезли ценные материалы о жизни, культуре и быте народов Эфиопии, либо скрупулезно изучали эфиопские источники, делая их доступными научной общественности.

В борьбе за сохранение целостности и политической независимости Менелик II сам старался опереться на Россию. Правительство царской России стремилось помешать укреплению колониальных позиций в Северо-Восточной Африке других империалистических держав — Англии, Франции и Италии — и было заинтересовано в существовании независимой Эфиопии. Позиция России объективно способствовала борьбе Эфиопии за сохранение самостоятельности. В разгар итало-эфиопской войны Менелик направил в Россию чрезвычайное посольство, с большим вниманием принятое правительством России.

В трудный для Эфиопии час симпатии передовой русской общественности были на стороне сражавшегося за свою независимость эфиопского народа. В эти самые дни великий русский писатель Л. Н. Толстой написал статью «К итальянцам», в которой он с гневом и болью обличал преступные действия итальянского правительства, развязавшего войну против Эфиопии.

В России в 1896 г., по частной инициативе, был произведен сбор средств для оказания медицинской помощи эфиопским солдатам. В Эфиопию был отправлен отряд Российского общества Красного Креста. Практически деятельность отряда вышла далеко за рамки первоначально {21} поставленных целей. Помощь оказывалась не только эфиопской армии, но и населению. Русский санитарный отряд открыл медицинские курсы для эфиопов и фактически положил начало медицинскому обслуживанию населения Эфиопии. Правительство Эфиопии наградило всех участников отряда орденами, медалями и грамотами.

Смерть Менелика II развязала руки феодальным кланам в их борьбе за власть. Характерно, что, за исключением немногих традиционных правителей отдельных княжеств (ныгусэ Тэкле-Хайманот Годжамский, султан Джиммы Аба-Джыфар, султан Аусы Мухаммед-Абу-Бэкр), крупные феодалы того времени уже не были носителями сепаратистских тенденций, но боролись за перераспределение наместничеств. Молодой император Лидж-Иясу и его родственники по матери, Тэфэри-Мэконнын и Уольдэ-Гийоргис, считались главными сторонниками прогрессивных преобразований. Лидж-Иясу попытался привлечь к себе не только христианских, но и мусульманских феодалов Джиммы, Аусы, Харэра, вождей кочевых племен афар и сомали. Он установил связи с антиимпериалистическими силами в Сомали и Судане, а также с Турцией. Державы Антанты воспользовались этим как предлогом для свержения императора, мешавшего разделу Эфиопии на сферы влияния Англии, Италии и Франции, чтобы заменить его более «удобным» кандидатом. Они организовали заговор, во главе которого поставили Тэфэри-Мэконнына. Британская секретная служба вела в Эфиопии разнузданную пропаганду против императора и его отца ныгусэ Микаэля, используя наскоро сфабрикованные фотоколлажи и листовки, отпечатанные в Хартуме, французская — предложила заговорщикам пулеметы. Войска держав Антанты были стянуты к границам Эфиопии, со всех сторон окруженной колониями Англии, Италии, а также Франции, в чьих руках находилась единственная железная дорога, связывающая столицу Эфиопии с внешним миром. Угроза иностранной интервенции заставила примкнуть к заговорщикам, патриотически настроенных военачальников и членов

императорского правительства: Хабтэ-Гийоргиса, Бальчу и др. В результате к власти пришел триумви-^{22}рат в составе императрицы Зоудиту, регента Тэфэри-Мэконнына и главнокомандующего фитаурари Хабтэ-Гийоргиса.

В книге А. Бартницкого и И. Мантель-Нечко значительное место уделяется борьбе империалистических держав, в первую очередь Италии, за овладение Эфиопией в 20—30-х гг. XX в., фашистской агрессии Италии в Эфиопии, итало-эфиопской войне 1935—1936 гг. и освободительному движению эфиопского народа против итальянской оккупации. Не оставляют они без внимания и поддержку Советским Союзом Эфиопии в период итало-эфиопской войны.

Давняя дружба народов Советского Союза и Эфиопии получила наибольшее развитие уже после Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Особенно ярко проявилась дружба народов Советского Союза и Эфиопии, когда народы Эфиопии подверглись нападению фашистских орд. Еще в преддверии фашистской агрессии в Эфиопии, когда в течение длительного времени вопрос о пограничном споре между Италией и Эфиопией обсуждался в Лиге наций, Советский Союз решительно выступил в защиту Эфиопии. Позже, когда итальянские войска вторглись на территорию Эфиопии, советская делегация в Женеве вела энергичную борьбу против саботажа санкций, принятых Лигой наций в отношении агрессора. Советское правительство последовательно добивалось эффективного применения санкций к фашистской Италии, разоблачало колониальный, захватнический характер войны итальянского фашизма против Эфиопии, вскрывало суть политики умиротворения, проводившейся западными державами, как политики поощрения фашистской агрессии.

Трудящиеся Советского Союза с горячим сочувствием следили за всенародной борьбой эфиопов против итальянских захватчиков. «Привет народным массам Абиссинии, мужественно защищающим свою независимость» — так звучал опубликованный 21 октября 1935 г. один из лозунгов ЦК ВКП(б) к XVIII годовщине Великой Октябрьской революции. Трудящиеся Советского Союза оказали эфиопскому народу материальную помощь через Красный Крест. ^{23}

Советский Союз не только был одним из немногих государств, никогда не признавших фашистского завоевания Эфиопии, но он настойчиво продолжал борьбу в защиту Эфиопии и после ее временной оккупации. В июле 1944 г., эфиопская газета «Этиопиэн геральд» писала: «Русские... благородный народ, они искренние друзья. Наша страна помнит, что, несмотря на отсутствие официальных отношений между Эфиопией и СССР, последний не поколебался встать на защиту интересов Эфиопии в Лиге наций».

После освобождения Эфиопии от итальянских захватчиков между Советским Союзом и Эфиопией были установлены в 1943 г. дипломатические отношения, а в 1956 г. правительства обеих стран договорились о преобразовании дипломатических миссий в Аддис-Абебе и Москве в посольства и обменялись послами. С этого момента стали успешно развиваться экономические и культурные связи между нашими странами. Плодотворно трудятся советские врачи в госпитале имени дэджазмача Бальчи в Аддис-Абебе. Советский Союз предоставил Эфиопии долгосрочный кредит в размере 90 млн. рублей для развития промышленности и сельского хозяйства. В 1967 г. вступил в строй нефтеперерабатывающий завод в Асэбе, который эфиопская общественность называет первенцем тяжелой промышленности Эфиопии. Он был построен совместными усилиями советских и эфиопских специалистов. В Бахр-Даре открыт политехнический институт на 1000 учащихся — дар Советского Союза эфиопскому народу. Развитию советско-эфиопских культурных контактов в значительной степени содействует открытая еще в 1945 г. в Аддис-Абебе постоянная выставка Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Произведения эфиопских писателей переводятся на русский язык. С другой стороны, произведения русских классиков и советских писателей переводятся на амхарский. В Советский Союз приезжают на учебу юноши и девушки из Эфиопии, а советские студенты-эфиописты посылаются на практику в Аддис-Абебу.

Советские ученые изучают древнюю, новую и новейшую историю Эфиопии, а также филологию, этнографию и экономику. В примечаниях к книге А. Бартницкого ^{24} и И. Мантель-Нечко мы специально ссылаемся на работы советских эфиопистов, чтобы читатель при желании смог глубже ознакомиться с отдельными периодами и проблемами истории Эфиопии, исследованию которых посвящены труды наших ученых.

Книга А. Бартницкого и И. Мантель-Нечко интересна именно потому, что позволяет увидеть на материале многих веков, каким путем шло развитие страны, как бесконечные меж-

доусобные войны, борьба за верховную власть в стране, всеилие религии (как христианской, так и мусульманской) тормозили прогресс страны; феодально-монархический режим подавлял любые попытки демократизации страны.

А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко доводят изложение до начала 60-х годов, или, точнее сказать, завершают книгу описанием так называемой «Декабрьской революции 1960 г.» — движения протеста против феодально-монархического режима. Авторы совершенно правильно отделяют события 1960 г. от многих других попыток дворцовых переворотов, имевших место в Эфиопии в 40—50-х годах нашего века.

Провал «Декабрьской революции 1960 г.», несмотря на ее острую политическую направленность, объясняется в первую очередь неподготовленностью трудящихся масс к революции в тот период, отсутствием политических партий, запрещенных в Эфиопии, неорганизованностью крестьянства и рабочих, поддержкой феодально-монархического режима христианской церковью. Разумеется, нельзя не сказать о том, что в конце 40-х — начале 50-х годов из различных районов Эфиопии поступали сведения о «бунтах», «мятежах» крестьян. В конце 40-х годов в Эфиопии был организован первый в истории страны профсоюз железнодорожников, вслед за чем произошла также первая забастовка рабочих, жесточайшим образом подавленная.

За период с 1960 по начало 1974 г. в Эфиопии действительно произошли крупные изменения. Эфиопский рабочий класс набирал силу. В 1962 г. профсоюзы добились введения трудового законодательства. Выросло численно эфиопское студенчество, все более активно выступающее с требованиями аграрной реформы, ликвидации {25} феодализма и монархии. Брожение умов охватило армию и часть государственных служащих. Страна медленно, но верно двигалась к революционным событиям 1974 г., о которых мы рассказываем в конце книги в разделе «Вместо послесловия».

* * *

А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко в своей книге транскрибируют имена эфиопских деятелей, этнические и географические названия (пользуясь при этом, естественно, правилами, принятыми в польском языке). Мы в русском переводе также постарались дать имена собственные, этнические и географические названия так, как они звучат по-амхарски, а для ранних исторических периодов — на геэз. Именно этим вызвано новое написание в данной книге некоторых привычных имен и названий, прежде транскрибированных с английского или итальянского языков. С этой целью нами были просмотрены различные источники на амхарском языке; использовали мы также краткий список личных имен в «Амхарско-русском словаре», составленном кандидатом филологических наук Э. Б. Ганкиным (под редакцией кандидата филологических наук гражданина Эфиопии Каса-Гэбрэ-Хыйвот. М., 1969), а также «Словарь географических названий Эфиопии» (М., 1974, составитель Е. В. Горовая), в котором тоже содержится краткий список личных имен. Разумеется, ввиду того что это одна из первых попыток транслитерации огромного числа исторических и географических названий, а также имен различных, в том числе малоизвестных исторических деятелей, вполне возможны некоторые неточности и определенные погрешности.

Ю. М. Кобищанов

М. В. Райт {26}

ВВЕДЕНИЕ

В разделах, касающихся истории Эфиопии, ничего не говорится о рельефе, об этническом и языковом делении народов, населяющих Эфиопию, а также о ряде проблем, важных для понимания развития этой страны или просто интересных в познавательном отношении. Поэтому нам представлялось необходимым и интересным привести здесь наиболее общие сведения об Эфиопии.

Официальное название страны — Эфиопия. Другое наименование — «Абиссиния», также встречается на географических картах, в европейских и арабских источниках. В Европе

еще в XIX в. по этому вопросу не было единого мнения. Эфиопией называли тогда территории Северо-Восточной Африки — Судан, Нубию и собственно Эфиопию. Само название «Эфиопия» происходит от греческого слова «Айтиопия» и означает «страна людей с обожженными (солнцем) лицами». Название «Эфиопия» есть и в Библии, именно отсюда оно взято для названия страны в самой Эфиопии. Название же «Абиссиния» происходит от наименования одного из южноарабских племен хабеш, прибывшего на Африканский континент с Аравийского полуострова, видимо, еще до нашей эры. От наименования «хабеш» пошло название страны, преобразованное впоследствии европейскими путешественниками в «Абиссинию»¹. {27}

Со временем от названия «Абиссиния» отказались. Видимо, одной из причин отказа является арабское слово «хабеш», что значит «метис», «бродяга», оно употреблялось мусульманами в оскорбительном смысле в период распрей между мусульманскими и христианскими жителями страны. Во избежание недоразумений, связанных с официальным названием страны, решили, что «Эфиопия» будет обозначать страну, подчиненную власти ныгусэ нэгэст, или императора,

С языковой точки зрения следует оговорить происхождение слова «Эритрея» — нынешнее название одной из эфиопских провинций. Это название дали итальянцы 1 января 1890 г. приморским территориям Эфиопии. Прежде эти территории не имели общего названия и были разделены на ряд округов (как, например, Сэрае, Хамасен, Кэрэн и т. п.), являющихся административными и даже политическими центрами (например, под управлением бахыр нэгаша). Само название «Эритрея», бытующее сегодня повсеместно, не имеет ничего общего с исторической традицией этих территорий. Итальянские колонизаторы взяли его от названия Красного моря, известного в древности как Эритрейское море (т. е. по-гречески Красное). История Эритреи после 1890 г. такова: в 1936 г. итальянцы включили ее (вместе с завоеванной Эфиопией) в состав Итальянской Восточной Африки; в 1941—1952 гг. Эритрея находилась под английским военным контролем, а позднее была включена в Эфиопию как автономная территория на основе федерации; с 1962 г. она вошла в состав эфиопского государства как одна из провинций. Население Эритреи — частично мусульманское, частично христианское. Наиболее распространенные языки — тигринья и тигре.

Почти всю территорию Эфиопии занимает возвышенность (средняя высота 2000—3000 м над уровнем моря)². {28} Горы, разделенные глубокими ущельями, долинами и руслами рек с отвесными склонами, создающими в период дождей непроходимую преграду, — одна из главных причин коммуникационных трудностей Эфиопии. В течение веков рельеф местности являлся естественным фактором, способствовавшим политическим сепаратистским тенденциям. Это относится прежде всего к главной с исторической точки зрения территории страны, т. е. Центральному массиву, известному также под названием Эфиопского нагорья. Труднодоступность целых районов, главным образом на севере и в центре страны, облегчала отдельным этническим группам сохранять фактическую самостоятельность. Периоды дождей, полностью нарушавшие связи между провинциями, также способствовали проявлениям местного сепаратизма. Недоступность территории позволила, в частности, провинции Ласта сохранять в течение ряда веков фактическую независимость. Императоры Эфиопии потратили не одно столетие, чтобы подчинить себе фалаша, проживавших в высокогорных округах Сымен, Уогэра, Дэмбия. Специфика рельефа в Эфиопии оказала влияние как на внутреннюю историю страны, так и на ее внешнеполитическое положение. Она облегчала Эфиопии защиту своей независимости в периоды, когда внешние враги объединялись против этой высокогорной страны. В многовековой борьбе Эфиопия всегда одерживала в конечном счете победу в далеко не всегда равном для себя поединке. Непроходимые горные цепи и ущелья, особенно коварные для тех, кто не знал этой страны, решили исход борьбы в пользу Эфиопии в период, когда другие страны Африки были захвачены европейскими державами. Даже во время итальянской оккупации

¹ Существуют и другие предположения о происхождении названия «Абиссиния». Племена «хабеш» в Аравии источники не засвидетельствовали. Зато еще древнеегипетские надписи упоминают «хабаса Страны бога» («Страной бога» древние египтяне называли морское побережье нынешней Эфиопии и Сомали). В надписях из Южной Аравии II—VI вв. и в арабских источниках VII—VIII вв. «хабаша», или «хабашат», называли аксумитов и отдельные группы населения Аравии, связанные этнически и политически с Аксумом. — *Прим. ред.*

² См.: Каратаев Н. М. Географический очерк. — В сб. «Абиссиния (Эфиопия)». Под ред. Ольдерогге. М., 1936. — *Прим. ред.*

1936—1941 гг. в некоторые районы страны никогда так и не вступали фашистские войска. Зато сегодня гористый рельеф является одним из препятствий экономического развития страны. Строительство в трудных горных и климатических условиях дорог чрезвычайно отягощает бюджет государства, но без этих дорог невозможно равномерное развитие всех областей Эфиопии, потому что сейчас с некоторыми районами связь осуществляется главным образом при помощи авиации. {29}

Все Эфиопское нагорье разделено на две части глубокой впадиной, так называемым Эфиопским рвом, который имеет северо-восточное направление. К северо-западу от него и до границ Судана располагается Центральный массив. Самая высокая вершина Центрального массива — Рас-Дашэн — достигает высоты 4543 м над уровнем моря. На высоте свыше 2000 м находится столица государства Аддис-Абеба. На восток от Эфиопского рва расположен Восточный массив, спускающийся к Индийскому океану. Этот массив ниже Центрального (наиболее высокая горная цепь его Чэрчэзм — около 4000 м над уровнем моря). Христианское население Эфиопии живет главным образом в области Центрального массива, а территории Восточного массива и Эфиопского рва на протяжении веков составляли пограничную зону, из-за которой велись многочисленные войны между Эфиопской империей и соседними мусульманскими султанатами.

Речная сеть развита наиболее значительно в Центральном массиве, ее бассейном служит Средиземное море. Все реки несудоходны. Важнейшие из них — Мэрэб, Тэкэзе, Голубой Нил (называемый по-эфиопски Аббай), берущий начало у самого большого озера Эфиопии — Тана. Вдоль Эфиопского рва течет река Аваш, исчезающая затем в песках пустыни Данакиль (эфиопское название Дэнкэль). В южной части рва расположен ряд живописных озер, сегодня являющихся одной из туристических достопримечательностей Эфиопии. Реки Восточного массива, бедного водой, стекают в Индийский океан (главные реки — это Уаби-Шэбэлле и Джуба).

Климат Эфиопии разнообразен и зависит от высоты местности. Можно выделить три климатических пояса: жаркий, умеренный и холодный, или по-эфиопски колла, уойнэ-дэга и дэга. Жаркий климат характерен для районов, включающих Данакильскую пустыню, часть Восточного массива, долину р. Аваш и глубокие долины в Центральном массиве (колла — это значит «долины»). Уойнэ-дэга («вершина винной лозы») — так называются территории плоскогорья, наиболее заселенные и с богатой растительностью. Эта зона располагается на высоте до 2500 м над уровнем моря и имеет умеренный климат. И наконец, название «дэга» («вершина») относится {30} к районам с холодным климатом, расположенным на высоте свыше 2500 м над уровнем моря.

В Эфиопии два сезона дождей. С середины июня до середины сентября — пора больших дождей, ливней, парализующая еще и сегодня в большой степени связь и транспорт. Сезон так называемых малых дождей приходится на апрель — май.

Народы Эфиопии говорят на многих языках. В большинстве своем эти языки относятся к семито-хамитской языковой семье. Приблизительно их можно разделить на две группы: принадлежащие к южносемитской и к кушитской языковым группам.

Официальным языком в государстве является амхарский язык, относящийся к семитской группе. Амхарский язык в качестве разговорного языка господствует как более или менее официальный с XIII в., однако в литературу он вошел только во второй половине XIX в. До этого языком письменности был язык геэз (гыыз), также из семитской группы. Он был разговорным языком в Аксумском государстве и вышел из употребления вместе с падением этого государства (т. е. около X в. н. э.). Не употребляемый с X в. н. э. как разговорный язык, он остался в письменности как литературный язык вплоть до XIX в., а сейчас употребляется при богослужении. Первые письменные памятники на языке геэз, дошедшие до нас, датируются IV в. н. э.³ (это надписи на стелах в Аксуме исторического содержания). Литература на языке геэз имеет главным образом религиозный и исторический характер. Как геэз, так и амхарский язык записываются силлабическим письмом, знаки которого характерны только для Эфиопии. Эфи-

³ Небольшое число кратких надписей на языке геэз, возможно, относится уже к III в. н. э. См.: К о б и щ а н о в Ю. М. источники по истории Аксума. — В сб. «Некоторые вопросы истории стран Африки». М., 1968, стр. 144 и сл. — *Прим. ред.*

опская письменность развилась на основе южноаравийского сабейского письма, вначале употреблявшегося в Аксуме. Со временем сабейское письмо преобразовалось в эфиопское, которое с IV в. и до наших дней сохранилось почти в неизменившейся форме. Геэз и амхарский язык можно считать основными для культуры Эфиопии; причем первый из них был в течение {31} многих столетий литературным языком. Если не считать немногочисленных средневековых записей на амхарском языке, впервые на нем была написана лишь хроника императора Теодроса II (Федора II), и именно с этого момента амхарский язык начинает вытеснять в литературе геэз. В настоящее время амхарский язык является языком художественной литературы. Амхарская литература по сравнению с литературой геэз более светская. Кроме амхарского языка, к семитским языкам, употребляемым сегодня в Эфиопии, относятся тигре, тигринья (оба распространены главным образом на севере страны), гураге, харари и аргобба. К вымершим семитским языкам, кроме геэз, сохранившегося еще в литературе, относится язык гафат. К эфиопским языкам кушитской группы относятся галла, агау, беджа, сахо-афар, сомали, сидамо⁴.

Этническая классификация народов, населяющих Эфиопию, проводится по языку⁵: это амхара, гураге, аргобба, харари, тиграй, тигре и др., говорящие на семитских языках; галла, агау, беджа, афар-сахо, сомали, сидамо и др.— на кушитских языках; северо-западные, западные и юго-западные окраины Эфиопии населяют небольшие народы, говорящие на nilотских и близких к ним языках Восточного Судана: нуэр, ануак, барья (бареа), кунама, туркана, берта и др.⁶.

В связи с отсутствием статистических данных численность населения Эфиопии дается приблизительно. Она составляет около 26 млн. человек, причем плотность населения в отдельных районах страны неравномерна.

Эфиопия имеет собственный эфиопский календарь, отличающийся от григорианского календаря на 7—8 лет⁷. {32} Год в Эфиопии начинается 11 сентября и состоит из 12 месяцев по 30 дней и 1 месяца по 5—6 дней. Сутки в Эфиопии делятся на две части по 12 часов, которые начинаются в 6 часов утра и в 6 часов вечера.

В Эфиопии семьи обычно не имеют постоянных фамилий. При рождении ребенку дается имя крестного (у христиан), после которого следует имя отца. Например, сын Лемма-Хайлу называется Мэнгысту-Лемма, а его сын в свою очередь вторым именем будет иметь имя Мэнгысту (для примера мы взяли фамилию известного современного писателя Мэнгысту-Леммы). {33}

Глава I

РАСЦВЕТ И УПАДОК АКСУМА

КОЛОНИСТЫ ИЗ ЮЖНОЙ АРАВИИ

В Южной Аравии, приблизительно там, где на побережье Красного моря расположены современные Йемен и Аден, в той части, которая называлась некогда Аравия Феликс (Счастливая Аравия), в первом тысячелетии до н. э. пышно расцвела цивилизация южноаравийских городов-государств. Такие государства, как Маин, Катабана, Саба и Хадрамаут, в это время находились на вершине экономического, политического и культурного расцвета и соперничали между собой в борьбе за гегемонию. Причины их соперничества коренились в политических и экономических условиях. Благополучие и богатство государств Аравии Феликс обеспечивались высоким уровнем развития земледельческой культуры, но в еще большей степени зависели

⁴ Всего в Эфиопии насчитывается около 20 кушитских языков. — *Прим. ред.*

⁵ Существуют и другие критерии этнической классификации народов. — *Прим. ред.*

⁶ См.: Ольдерогге Д. А. Население и социальный строй.— В сб. «Абиссиния (Эфиопия)», стр. 85—196; Райт М. В. Народы Эфиопии. М., 1965; Ягья В. С. Об этнолингвистической ситуации в современной Эфиопии. — «Советская этнография», № 3, 1970.— *Прим. ред.*

⁷ Своеобразие эфиопского календаря иногда порождает расхождение в датах, приводимых А. Бартницким, И. Мантель-Нечко, с одной стороны, и некоторыми авторами — с другой. Это относится главным образом к историческим событиям в Эфиопии XVII—XVIII вв.— *Прим. ред.*

ли от транзитной торговли, которую в широком масштабе вели эти страны. Торговый путь шел с севера и пересекал территории всех четырех государств, что позволяло государству-гегемону контролировать всю торговлю данного региона.

Длительное время гегемоном в этом районе являлось государство Саба¹. В его столице Марибе находилась мощная дамба, являвшаяся головным сооружением очень сложной в техническом отношении ирригационной системы, обеспечивавшей стране благосостояние и зажиточность. Здесь же из-под песков пустыни были извлечены археологами плиты и стелы с надписями на сабейском {35} языке, статуи и скульптуры, раскопаны руины гранитных храмов, дворцов и башен, свидетельствующие о высоком уровне развития архитектуры того времени.

Во главе государства Саба стояли сначала мукаррибы — правители, соединявшие в своих руках государственную и религиозную власть,— позднее же, приблизительно в V—IV вв. до н. э., власть перешла в руки светских царей. Очевидно, именно тогда усилилась экспансия этого государства на Африканский континент, и именно тогда на противоположном берегу Красного моря стали возникать колонии сабейских купцов и переселенцев, началась постепенная миграция населения из Аравии Феликс на западное побережье.

Эти южноарабские колонисты, прибывавшие в I тысячелетии до н. э. большими и малыми группами, принесли с собой высокоразвитую духовную и техническую культуру и положили начало зарождению своеобразной цивилизации Эфиопии, единственной в своем роде на Африканском континенте. Через своих основателей, представлявших мир предисламской арабской культуры, Эфиопия была связана с семитским кругом цивилизации. Позднее эта цивилизация смешалась с местной африканской культурой кушитских народов.

На африканском побережье вследствие постепенного, но непрерывного наплыва южноарабского населения возникали колонии, тесно связанные торговыми интересами со своей метрополией на противоположной стороне Красного моря. Африканский континент был источником товаров, пользовавшихся в то время большим спросом, таких, как слоновая кость, пряности и благовонные смолы; а благодаря тому что торговля южноарабских государств охватывала огромную территорию, от Занзибара до Индии, включая бассейн Красного моря, эти купеческие поселения на эритрейском побережье были выгодны государствам Аравии Феликс. Долгое время колонисты на африканском побережье Красного моря жили в полном симбиозе с государствами на противоположном берегу этого моря, в особенности с государством Саба. Они принесли с собой свой язык, письменность, свою социальную организацию и религию, свои культурные и художественные традиции, в которых они выросли. Территориально их поселения размещались главным образом там, где теперь находятся современные Эритрея и Тигре.

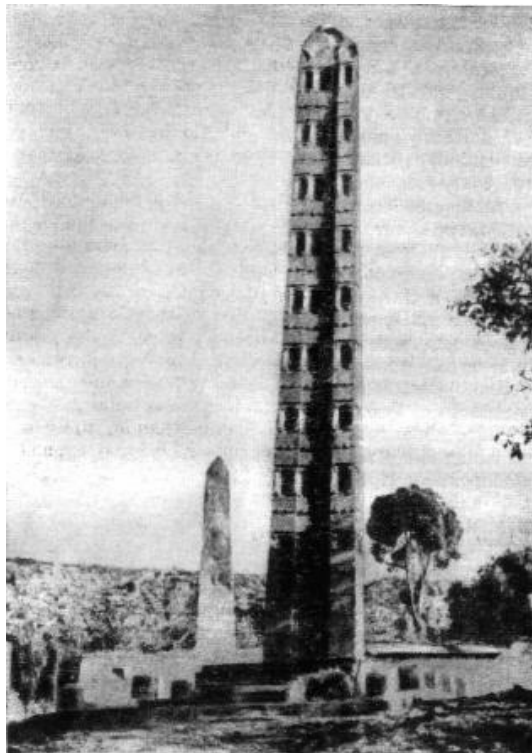
Период с V в. до н. э. и приблизительно до I в. н. э. явился временем, когда южноарабские колонии, сохраняя прекрасные отношения со своей метрополией, вместе с тем уже вросли в африканскую почву и укрепились организационно и экономически. Скупые и лаконичные сабейские надписи, обнаруженные в Африке, определенно указывают на идентичность цивилизаций, существовавших тогда на западном и восточном побережьях Красного моря. В надписях, открытых в Мэкэле, упоминается титул «мукарриб», тот, который присваивали себе религиозно-светские правители Сабы; хорошо известный в Аравии бог Алмаках (называвшийся также Илюмкух, он же бог-луна, изображавшийся в виде быка), видимо, был одним из главных божеств в африканском пантеоне. В Агаме

Статуя женщины, найденная при археологических раскопках в Хаулти близ Аксу-ма (IV в. до н. э.).

¹ О государстве Саба см.: Лундин А. Г. Государство мукаррибов Саба (сабейский эпонимат). М., 1971.— *Прим. ред.*

обнаружен посвященный ему алтарь, в Хаулти Мэлазо — его храм ². Находки в Йеха дают возможность предположить, что именно здесь находился важный религиозный центр сабейского периода. В Йеха имеются замечательный, почти неразрушенный храм, алтари, фрагменты {37} скульптурных стел и монументальных надписей. Все эти памятники выполнены строго по канонам южноарабского искусства. Однако не только раскопки свидетельствуют об упомянутой идентичности цивилизаций. Новые населенные {38} пункты получали названия, вынесенные их основателями с родины, при-

Большая стела. Аксум.

мером чего является хотя бы сохранившееся до сих пор название населенного пункта Сэрае. Название страны Абиссиния происходит также от хабеш — одного из известных в Южной Аравии племен ³, так же как и название древнего эфиопского языка геэз произошло от названия народа агазьян ⁴. Сохранилось много таких слов, когда-то звучавших на обоих берегах Красного моря.

Приблизительно в I в. н. э. на территории современной Северной Эфиопии уже существовала организованная по образу метрополии самостоятельная провинция колонистов из Аравии Феликс. Период становления этой провинции, растянувшийся на несколько веков (V в. до н. э.—I в. н. э.), принято называть сабейским периодом. В это время происходило не только постепенное организационное оформление поселений на новой территории, но и в силу неизбежного хода событий смешение местного кушитского населения с пришедшим семитским, а также слияние местной культуры с привнесенной, причем эта последняя благодаря более высокому уровню играла доминирующую роль.

У ИСТОКОВ ГОСУДАРСТВА АКСУМ

Приблизительно с I в. н. э. можно уже говорить о процессе обособления новой этнической группы и обретения ею политической независимости от южноарабских государств. Ничто

² Подробнее о религии эфиопов того времени см.: Ко би щ а н о в Ю. М. Аксум; М., 1966, стр. 249 и след.— *Прим. ред.*

³ О хабеш см. прим. 1 к вводной главе. — *Прим. ред.*

⁴ Агазьян (агэзьян) обитали в центральной части нынешней Эритреи.— *Прим. ред.*

не препятствовало внутреннему развитию этой колонии. Благоприятным было также и географическое положение: территории, где осели колонисты, являлись важным звеном в торговле между Аравией и царством Мероэ⁵ (в центральной части современного Судана), переживавшим период упадка. Пришельцы с севера беспрепятственно забрали в свои руки торговлю, {39} скупая у слабоющего государства слоновую кость, пряности, благовонные смолы и т. д.

После стабилизации экономического положения переселенцев из Южной Аравии началась их территориальная экспансия в юго-западном направлении. Новое объединение городов все более обособлялось от своей южноаравийской метрополии и начало складываться в самостоятельный и независимый государственный и культурный организм.

Статуэтки бога Алмахаха теперь уже не являлись точной копией сабейских. Их заменил характерный и для современной Эфиопии горбатый бык; сабейские надписи постепенно вытеснялись архаичными эфиопскими письменами на языке геэз, который находился в родстве с сабейским, но сформировался уже на африканском берегу Красного моря, что явилось, между прочим, признаком создания там самостоятельной и самобытной культуры. Местные правители отказались от титула «мукарриб», вместо него они стали называться «ныгусэ нэгэст» — «властитель властителей»; этот титул сохранился до настоящего времени, правда в несколько измененном значении — «царь царей», или император⁶.

Одним из несомненно важных событий этого периода было основание в начале нашей эры города Аксума и размещение в нем резиденции правителей. С этого времени с полным основанием уже можно говорить о новом государстве. Период I—IV вв. н. э., называемый дохристианским периодом Аксума, характеризуется в целом постоянным ростом экономического и политического значения государства и расцветом культуры. Дохристианский период Аксума отличается от предшествующего сабейского (называемого также предаксумским) некоторыми новыми чертами. Это прежде всего организационное упрочение государства, формирование и обособление своеобразной культуры разнородных миграционных групп, смешавшихся с местным населением; затем территориальные приобретения Аксума в Африке и расцвет экономики благодаря благоприятным факторам, а главным образом благодаря положению между приходившим в упадок, но богатым товарами царством Мероэ и Аравийским полуостровом, наконец, возрастающая централизация власти и укрепление авторитета правителей, которые своей столицей избрали Аксум.

В тот период страны бассейна Красного моря находились под сильным влиянием эллинизма. Государство Аксум, имевшее широчайшие торговые связи, также испытало на себе это влияние. Обнаруженные в Абба-Панталевоне греческие эпиграфические памятники отчетливо свидетельствуют о распространении эллинистической культуры в Аксуме, а греческие путешественники, посещавшие эту страну, утверждают в своих описаниях, что правители Аксума свободно владели греческим языком и были поклонниками эллинистической культуры.

Приблизительно к III в. Аксум укрепил свои политические и экономические позиции. Правитель Аксума Сембритэс, как сообщают надписи из вышеупомянутого Абба-Панталевона, получал дань также из Мероэ и Сомали⁷; больше того, он снаряжал экспедиции против расположенных на противоположном берегу южноаравийских государств. Торговые контакты Аксума уже тогда достигали Индии (доказательством чего служат находимые индийские монеты), а в аксумской керамике того времени, для которой характерна коричнево-розовая глазурь с глубокими насечками, прослеживается римское влияние.

В Аксуме в период высшего расцвета его могущества уже имелось сложившееся оригинальное искусство. Кроме знаменитых аксумских надгробных стел, до нас дошли также скульптуры и барельефы, изумительные женские головки из обожженной глины и т. п.

В III в. н. э. правители Аксума приступили к чеканке собственных золотых и серебряных монет с надписями на греческом языке, реже на языке геэз. На монетах изображался такой же, как на аксумских стелах, сабейский символ: шар, вписанный в полумесяц. Аксумиты

⁵ О царстве Мероэ см.: Кацнельсон И. С. Напата и Мероэ — древние царства Судана. М., 1970. — *Прим. ред.*

⁶ Титул «ныгусэ нэгэст» засвидетельствован впервые в надписях IV в. н. э. — *Прим. ред.*

⁷ Здесь допущена некоторая неточность: единственная надпись Сембритэса на греческом языке (из Дакке-Махаре) ничего не говорит ни о дани, ни о Мероэ и Сомали. Кто из аксумских царей является автором других греческих надписей, найденных в Абба-Панталевоне и Адулисе, неизвестно. См.: Кобищанов Ю. М. Источники по истории Аксума. В сб. «Проблемы истории Африки». М., 1968. — *Прим. ред.*

строили дамбы по образцу известной плотины в Марибе, которые должны были обеспечивать равномерный полив возделываемых полей. Именно к этому периоду принадлежит система плотин, открытая в Кохайто. Правители Аксума расширили границы и охватили своим влиянием другой берег Красного моря (особенно в годы правления Афиласа)⁸.

Исходя из характера керамических изделий, стел и других памятников материальной культуры принято деление дохристианской истории Аксума на два периода. Первый охватывает I—III вв. н. э., когда была основана королевская резиденция в Аксуме, выросло значение нового государства на обоих берегах Красного моря, расширилась его территория и увеличилась сфера влияния на Африканском континенте в юго-западном направлении. В этот период были налажены широкие межконтинентальные торговые связи и заложены основы аксумской культуры и архитектуры, а само государство испытывало греческое и римское влияния. Вторым периодом — с III в. и до середины IV в. н. э. Это было время расцвета могущества Аксума: чеканка собственных золотых и серебряных монет, развитие искусства и архитектуры, а также успешные попытки вмешательства в дела южноаравских государств.

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА

Широкие связи с внешним миром, несомненно, стали причиной одного важного события, которое замыкает собой целый период истории Аксума, называемый дохристианским. Оно произошло в IV в. н. э., в правление Эзаны, занимавшего аксумский трон в то время, когда это государство находилось на вершине своего могущества. От этого времени сохранилось несколько стел, на которых Эзана увековечил в трехязычных надписях (греко-сабейско-геэз)⁹ ряд своих завоеваний. Он описал аксумские военные походы в глубь Африканского материка, достигавшие даже реки Нил. Но в этих надписях, кроме сведений об экспансии, отразилось и событие другого рода, а именно принятие христианства Аксумом.

Начало надписи, описывающей завоевание и переселение на другие земли народа беджа, гласит: «Эзана, царь Аксума... царь царей, сын бога Махрема, никогда врагами не побежденный...» Такое вступление явно свидетельствует, что в это время царь Эзана был еще приверженцем пантеистической религии, перенесенной на африканское побережье из Южной Аравии. Но уже в апострофе к надписи, рассказывающей о походе войск царя Эзаны против Нобы (ныне Нубия), введена иная формула: «Силою господ небес, победоносного на небесах и на земле, властителя всего сущего... Силою господ небес, который был милостив ко мне и который царит вечно и непобедимо! Да не выступит против меня ни один неприятель, да не сможет он преследовать меня — пусть так будет волей всеобъемлющего бога». Эта надпись сделана уже после принятия христианства и свидетельствует о начале нового периода в истории Аксума, длившегося с IV по VIII—IX вв. Принятие христианства в значительной мере отразилось на всей последующей истории Эфиопии, оказало влияние и на ее культуру. Оно сыграло роль фактора, обособившего цивилизацию Эфиопии от других культур Африканского континента.

Вероятно, причины перехода к новой религии следует искать в экономических и политических интересах правителей Аксума. Это, разумеется, не исключает того, что интересы аксумских правителей, побудившие их обратиться к христианству, могли совпасть по времени с проникновением этой религии в низшие социальные слои {43} подобно тому, как это произошло на территории Римской империи или в Нубии.

Неизвестно доподлинно, как все было в Аксуме. Однако кажется вероятным, что принятие христианства — религии богатых и влиятельных византийских купцов, часто посещавших Эфиопию, религии монофизитской, следовательно, способствовавшей централизации власти, — по-видимому, представлялось правителям Аксума выгодным с политической и экономической точек зрения. Дошедшие до нас памятники эфиопской письменности, описывающие

⁸ Имя Афиласа, или Афила, одного из первых аксумских царей, начавших чеканить монету, начертано на его монетах, но неизвестно по другим источникам. Надписи из Южной Аравии говорят о другом царе Аксума по имени Гадарат, который вел активную политику в Аравии, владел здесь приморскими областями и пытался подчинить себе некоторые южноаравийские царства. См.: Ю. М. К о б и щ а н о в. Аксум, стр. 21 и след. — *Прим. ред.*

⁹ Точнее на двух языках; геэз (двумя разными системами письма) и греческом. — *Прим. ред.*

христианизацию страны, свидетельствуют именно о том, что аксумские правители обратились к новой вере под влиянием византийских купцов, приняв идеологию экономически и политически могущественной державы, с которой их связывали тесные торговые отношения.

В эфиопских святцах, так называемом Синаксаре, содержащем жизнеописания святых, почитаемых в определенные дни, есть житие аббы Сэламы, крестившего царя и ставшего первым патриархом страны:

«Этот день является днем поминовения крестителя и главы патриаршества Эфиопии, святого отца аббы Сэламы, который почил в этот день.

А вот его деяния: Меропий, великий мудрец, прибыл из Греции, влекомый желанием увидеть Эфиопию. Ему сопутствовали два ученика — его родственники Фрументий и Эдезий... Корабль пристал к берегам страны Агази [Эфиопии]; и Меропий увидел все чудеса, о которых прежде лелеял мечты в своем сердце, а когда уже собирался возвратиться на родину, то напали на него враги. Они убили его и его товарищей. Остались в живых только два мальчика. Туземцы взяли их в неволю, обучили военному искусству и преподнесли в дар царю Аксума — Элла-Алада. Царь назначил Эдезия хранителем казны, а Фрументия блюстителем закона и писцом Аксума. Вскоре потом царь умер, оставив вдову с малолетним сыном. На троне воцарился Элла-Асгуагуа. А Эдезий и Фрументий воспитали ребенка, прививая ему веру Христову. Они построили для него часовню, куда водили и других детей, обучая их пению псалмов и гимнов.

Когда же наследник престола вырос, они обратились к нему с просьбой позволить им вернуться на родину. {44} Эдезий отправился в Тир навестить семью, Фрументий — в Александрию, к только что ставшему патриархом аббе Афанасию. Он рассказал Афанасию обо всем, что с ними произошло, и поведал о том, что в стране Агази верят в господа нашего Иисуса Христа, но нет в той стране ни священников, ни епископов. Услышав все это, Афанасий назначил его епископом Эфиопии и отправил с большими почестями... И он всюду восславлял мир бога нашего Иисуса Христа, и поэтому его стали называть абба Сэлама — Отец мира».

Фрументий — абба Сэлама, первый патриарх Эфиопии — реально существовавшая личность, и приведенный рассказ о постепенной христианизации царского двора, видимо, содержит элементы исторической действительности. Как свидетельствуют археологические открытия, именно в IV—VI вв., не ранее, были построены христианские храмы в наиболее крупных городах, расположенных между Аксумом и Красным морем¹⁰. Базилики в Адулисе, церкви в Кохайто, святилище в Йеха, перестроенное в базилику, подтверждают факт распространения новой религии на территориях, крайне важных в тот период для государства, которое уже простирало свое влияние и господство на другой берег Красного моря. Кроме развалин церквей, сохранившихся вдоль главного пути, связывавшего столицу с морем, руины храмов того периода имеются также в Дыбаруа и севернее его, а на юге — в Куха (Куиха). Они говорят о территориальных границах на Африканском континенте государства Аксум христианского периода. Свидетельством великолепия Аксума того времени являются такие памятники старины, как дворцы и гробницы правителей Калеба и Гэбрэ-Мэскэль, и предметы материальной культуры. {45}

ПОПЫТКИ ПОКОРЕНИЯ ЮЖНОЙ АРАВИИ

В VI в. Аксум, представлявший собой значительную политическую и экономическую силу на побережье Красного моря, энергично вмешивался в дела Аравийского полуострова. Этот век известен историкам как последний период могущества и пышного процветания Аксумского царства, которое вскоре начало клониться к упадку, а затем совсем исчезло, оставив после себя лишь развалины исторических памятников, а также легенды, повествующие о прошлом. Нам придется часто обращаться к ним за неимением других документов.

В VI в., в период царствования Калеба (называемого также Элла-Ацбыха), Аксум при

¹⁰ Судя по новейшим исследованиям, христианство в Эфиопии становится господствующей религией в V в. н. э., после халкидонского собора, когда произошло отделение монофизитства от западного христианства. Монофизиты утверждают единую божественную природу Иисуса Христа в противовес догмату о двух его сущностях — божественной и человеческой. Монофизитскими были с VI в. армянская, сирийская, коптская, эфиопская и нубийская церкви. — *Прим. ред.*

поддержке флота византийского императора Юстиниана захватил некоторые территории¹¹ Южной Аравии. Предлогом военных экспедиций Аксума были преследования христиан Южной Аравии правителем этой территории Зу-Нуvasом, принявшим иудаизм. Кровавая резня христиан в Нагрane произошла, видимо, в 524 г., год спустя после первого неудавшегося похода аксумских войск. Однако Калеп после поражения не отказался от новой попытки, и второй его поход в 525 г. завершился решительной победой Аксума. Очень скоро правитель завоеванной местности Абрыха попытался стать независимым от своей аксумской метрополии, соглашаясь лишь платить дань Калебу. Мало того, Абрыха, стремясь расширить собственные владения на полуострове, предпринял приблизительно в 570 г. военный поход для захвата Мекки. Поход окончился неудачей и стал последним аккордом бывшего аксумского влияния на юге Аравийского полуострова.

Экономические причины вторжения Калеба на Аравийский полуостров, а также попытки Абрыха обеспечить этим территориям самостоятельность были более важны, чем вышеупомянутые политические мотивы оказания помощи христианам полуострова со стороны их единоверцев на Африканском континенте. Как Византия, так и Аксум {46} были заинтересованы в том, чтобы сдержать расширение персидского влияния на Аравийском полуострове, где проходил торговый путь, связывавший Средиземноморский бассейн с Индийским океаном. В этой борьбе между Византией и Персией за так называемую «дорогу благовоний», в которой Аксум в силу своего географического положения был жизненно заинтересован, победительницей оказалась Персия. Аксум же, утратив прежнее влияние в Южной Аравии и контроль над красноморским торговым путем, оказался лишенным чрезвычайно важного источника своего процветания.

В последующие два столетия после этого неблагоприятного для Аксума события, имевшего место в VI в., началось быстрое распространение ислама¹². Мусульмане, перехватив инициативу у Персии, путем следовавших друг за другом экспедиций и походов забрали в свои руки богатейший торговый путь, связывавший Средиземное море с Индийским океаном; на рубеже VII—VIII вв. они захватили острова Дахлак и установили господство над заливом Массауа. Таким образом мусульмане укрепили свои позиции на африканском побережье Красного моря, нанеся этим решающий удар аксумскому государству.

ПАДЕНИЕ АКСУМА

Итак, с конца VI в. Аксум начал клониться к упадку. Лишенному морского побережья государству оставалось только южное направление для экспансии. Назрет (город на юге от Аксума) становится приблизительно до IX в. резиденцией патриархов слабеющего государства. Археологические раскопки показали, что начиная с VI в. аксумские правители чеканили монеты только из бронзы вместо серебряных и золотых периода расцвета государства, а в слоях, относящихся ко времени после середины {47} VIII в., археологи уже совсем не находят собственных аксумских монет. И наконец, в период с конца VIII и до начала X в. прежняя столица была совершенно заброшена.

В государстве, ослабленном экономически и лишенном части своих территорий после роста могущества соседей, произошло также ослабление центральной власти, и в дополнение ко всему оно стало ареной значительных внутренних беспорядков, что нанесло ему окончательный удар. Прежнее население страны, оттесняемое от побережья, перемещалось все более на юг, неся с собой в глубь континента свою цивилизацию, язык и свою религию — христианство. Ассимилируя местное население и его культуру, аксумиты повторяли тот же процесс, который происходил некогда при переселении в Африку южноаравийских пришельцев. Собственно, в условиях этих постоянных связей и смешений народов и цивилизаций в течение сто-

¹¹ Имеется в виду Химьяритское государство. См.: Пигулевская Н. В. Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточно-Римской империей. «Вестник древней истории», 1948, № 1. — *Прим. ред.*

¹² В IV—VI вв. н. э. на территории Аравии происходил процесс образования единой арабской народности и создания больших политических союзов племен. В VII в. в Аравии образовалось арабское государство, религией которого стал ислам. В VII—X вв. в результате завоеваний это государство превратилось в огромную империю — Арабский халифат. — *Прим. ред.*

летия формировалась своеобразная культура и очень индивидуальная форма эфиопской цивилизации. Следует добавить, что принятие христианства в период наивысшего подъема Аксума повлияло и на развитие литературы. В период V—VII вв. в Аксуме был осуществлен перевод ряда религиозных произведений, главным образом с греческих оригиналов. Именно тогда на язык геэз была переведена библия, христологические трактаты, каноническое право, апокалиптические произведения, много апокрифов, целый ряд которых вошел в эфиопский канон, выделяя его среди других (например, «Книга Эпоха», «Книга юбилеев») ¹³.

Несмотря на то что Аксум перестал существовать как самостоятельное государство и что в последующие столетия не его прежние северные территории, а другие стали центром Эфиопской империи, именно Аксум остался навсегда в памяти поколений и в национальной традиции {48} исторической колыбелью Эфиопии. Сюда позднее прибывали на коронационные торжества правители Аксума, чтобы в знаменитом старинном кафедральном соборе Цый-он принять императорское помазание. Духовенство Аксума пользовалось политической и экономической поддержкой тех императоров, которые претендовали на возвращение влияния Эфиопии на севере и в районе побережья. Трон епископа аксумского собора всегда занимал человек, имевший звание необычное, столь же духовное, сколько и светское, — звание *ныбурэ ыд*.

Неоднократно в истории Эфиопии аксумские *ныбурэ ыд* становились наиболее важными политическими фигурами в государстве; к их мнению по вопросам религии, политики и армии прислушивались сидящие на императорском троне; никто, кроме императора, не мог им приказывать, да и сам император вынужден был с ними считаться. Столица исчезнувшего государства оставалась для народов Эфиопии его исторической столицей. {49}

Глава II

ДИНАСТИЯ ЗАГУЙЕ (X—XIII вв.)

ЗАКАТ АКСУМА В СВЕТЕ ЭФИОПСКИХ ПРЕДАНИЙ

В давние, незапамятные времена, рассказывает эфиопская легенда, прибыло в Эфиопию много израильских священников, которые обратили народ в веру Ветхого завета и единого бога. Породнились они с местными племенами и жили так до появления Фрументия — аббы Сэламы, который обратил народ Аксума в христианство. Те же, кто противился новой вере, были изгнаны из пределов страны. Изгнанники осели в Сымене, Уогэре, Уолькайте, Ласте, где их стали называть фалаша; фалаша — это «странники», «скитальцы». Они в свое время прибыли из Иерусалима в Аксум, потом, изгнанные из Аксума, направились в Сымен и Уогэру и в конце концов поселились в Сымене, гористой и труднодоступной области, представлявшей собой естественную крепость. Там постепенно они обжились, даже выбрали себе царя Гедеуона. У этого царя была необыкновенной красоты дочь по имени Юдит, или Эстер. Некий христианский владыка из Бугыны (в Ласте) по имени Зэра-Яькоб, увидя ее, воспылал к ней любовью. Он взял ее в жены, не зная того, что она фалаша. Она так покорила его своей красотой и опутала любовными чарами, что он отрекся от христианства, перешел в ее иудейскую веру и изменил имя на Сэломон.

Как раз в то время (примерно во вторую четверть X в.) умер царь Аксума Дэгнажэн, и трон унаследовал его малолетний сын Анбэса-Ыддым. Узнав об этом, Юдит собрала войско из жителей Сымена и Ласты и отправилась на покорение Аксума. Аксумские князья, желая спасти царского потомка, бежали из Тигре в Шоа, а тронем за- {50} владела прекрасная, но жестокая и ненавидевшая христиан Юдит. Ее кровавое правление, во время которого сжигались церкви и уничтожались аксумские памятники, продолжалось 40 лет. После ее смерти на троне

¹³ Христология — церковное учение о личности Иисуса Христа; апокрифические сочинения — это христианские литературные произведения, не вошедшие по разным причинам в установленный церковью список канонических книг (например, из многих существовавших в раннехристианской литературе евангелий в канон вошло только четыре). Апокалиптические произведения (от греч. апокалипс — откровения) содержат пророчества о предстоящем «тысячелетнем царстве божьем» и т. д. — *Прим. ред.*

в Аксуме вновь оказался радостно принятый народом Тигре Анбэса-Ыддым, царствовавший 20 лет. Однако народ Ласты и Сымена, уже раз свергнувший законного аксумского правителя под водительством Юдит, теперь постоянно роптал и наконец взбунтовался против Дыль-Нэада, наследника Анбэсы-Ыддыма. И снова Дыль-Нэад, как и его отец, вынужден был искать убежища в Шоа, а на севере власть захватил правитель Ласты Тэкле-Хайманот, основатель новой династии — династии Загуйе.

Так излагает легенда историю внутренних волнений, потрясавших в VIII — X вв. государство и способствовавших окончательному падению ослабленного экономически и урезанного территориально Аксума.

Подлинных исторических документов того времени совсем не сохранилось. Есть лишь упоминание в «Истории александрийских патриархов» о письме царя абиссинцев к христианскому царю Нубии, в котором эфиопский правитель просил нубийского посольства в том, чтобы александрийский патриарх прислал возможно быстрее нового абунэ, так как царица народа бени-хамуйах внезапными набегами опустошает страну, сжигает церкви, преследует христиан и царь не в состоянии один остановить этот пожар, угрожающий полным уничтожением христианской веры. К сожалению, кроме этого единственного упоминания, до нас не дошло больше сведений ни о народе, ни о стране по названию Бени Хамуйах.

Данные археологических раскопок и арабские хроники говорят, что примерно в VIII в. в северные и приморские области Аксума вторгались племена беджа, когда-то покоренные и переселенные царем Эзаной. Видимо, набеги этих племен способствовали ослаблению Аксума, но окончательный удар государству нанесли нашествия неведомой и жестокой царицы, которые были предположительно в IX или X в. И наконец, из описаний арабских историков и географов известно, что в начале X в. какой-то аксумский правитель, имени которого они не называют, вновь обрел на короткое время власть над утраченными {51} территориями, вернул острова Дахлак и возобновил контакты с Южной Аравией.

Эти скудные сведения исторических источников в какой-то мере подтверждают записанные эфиопские предания, и пусть мы в настоящее время не в состоянии воссоздать в деталях историю упадка Аксума в VI—X вв., однако внутренние и внешние причины падения государства можно понять. Эти причины состояли в следующем: Арабский халифат лишил Аксум выхода к Красному морю, что сопровождалось уменьшением территории государства и его экономическим ослаблением; рост центробежных тенденций в стране, где за экономическим ослаблением последовало ослабление центральной власти; и наконец, нашествие неизвестных нам народов, враждебных и аксумскому государству и христианству.

Но, несмотря на все эти события, и в последующие века прослеживаются бесспорные связи с культурой и цивилизацией христианского Аксума. Мы имеем в виду период господства так называемой «узурпаторской» династии Загуйе, когда у кормила власти в государстве стали представители местного кушитского населения агау (агоу). Вполне могло быть, что именно набеги кушитских народов в IX — X вв. оказались той разрушительной силой, которая окончательно уничтожила клонившийся к упадку Аксум.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕСТРОТА. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Трудно воссоздать в деталях этническую картину Эфиопии того времени, однако представляется необходимым хотя бы в общих чертах сказать о ней. Как мы уже указывали, жители Аксума — это семитские переселенцы из Южной Аравии, смешавшиеся с местным кушитским населением. Можно утверждать, что по меньшей мере два южноарабских племени очень существенно повлияли на культуру и историю складывавшегося в Африке государства. Одно из этих племен — это хабеш, от которого, как мы говорили выше, происходит историческое название страны Хабашат — Абиссиния¹. Впрочем, со временем {52} это название заменили греческим словом «Эфиопия», которым в настоящее время пользуются в качестве официального названия страны.

Второе племя — это агазьян, также уже упоминавшееся, язык которого — геэз — был

¹ См. прим. 1 к вводной главе. — *Прим. ред.*

сначала языком аксумского двора, а позднее, в течение многих столетий, вплоть до середины XIX в., он оставался языком ученых, религиозной и светской литературы; геэз сохранился и до сего дня как язык литургий.

Однако на территории Эфиопии жили и другие народы, относящиеся к семитской языковой группе, которые в рассматриваемый период, вероятно, уже играли важную роль в государстве. Это прежде всего народ амхара, живший в Шоа, Годжаме, Бэгемдыре, и народ тиграй — на севере.

К местному кушитскому населению, кроме упоминавшегося народа беджа, принадлежала довольно многочисленная народность агау, историческим центром которой считается Ласта, а точнее, Уаг. Именно к группе агау относился народ фалаша, крайне воинственный и независимый, доставлявший немало хлопот правителям Эфиопии вплоть до XVII в., а позднее окончательно утративший свое бывшее значение и превратившийся в небольшую этническую группу, проживающую в настоящее время в районе озера Тана.

Происхождение вероисповедания фалаша является одним из не изученных до сего времени вопросов, так как исповедуют они иудаизм в его самой первоначальной форме и, опираясь в основном на Пятикнижие, совсем не знают позднейших дополнений.

Вопрос о том, были ли фалаша коренными обитателями Эфиопии, которые в незапамятные времена приняли иудейскую веру, или они вместе со своей верой были пришлым населением, не разрешен окончательно. Большая часть исследователей, занимавшихся историей фалаша, полагает, что они представители автохтонной народности агау, которые восприняли иудаизм от пришельцев в Эфиопию. Сами же фалаша считают себя потомками израильтян, некогда переселившихся в Эфиопию.

Как бы то ни было, представляется вполне вероятным, что принятие правящими слоями Аксума христианства {53} сопровождалось преследованием местных религий, из которых иудаизм фалаша не был единственным². Нашествия извне и внутренние беспорядки вынудили аксумских правителей бежать, и, как утверждает традиция, они поселились на севере Шоа среди народа амхара.

Приблизительно в конце X в. государство вновь объединилось под скипетром христианских правителей. Но теперь у власти оказались представители народности агау из Ласты, откуда ведет свое происхождение новая династия — Загуйе. Сменявшие друг друга правители этой династии, развивая христианскую традицию Аксума, находились у власти вплоть до второй половины XIII в.

ЗАГУЙЕ — ДИНАСТИЯ «УЗУРПАТОРОВ». ЦЕРКВИ ЛАЛИБЭЛЫ — ЗАБЫТОЕ ЧУДО СВЕТА

Нам неизвестно, каким путем Загуйе из Ласты пришли к власти; также мало сведений и о времени господства этой династии. Существует несколько разных преданий о приходе к власти Загуйе; одно из них мы уже пересказали. Согласно другому, у последнего правителя Аксума, Дыль-Нэада, была дочь Мэсобэ-Уорк, которую отец скрывал от мира, боясь, что сбудется предсказание, пророчившее ему лишение власти его будущим внуком. Но вот один зависимый от Дыль-Нэада военачальник полюбил Мэсобэ-Уорк, похитил ее, и оба они бежали в Ласту. Дыль-Нэад выступил против них с войском, однако военачальник победил в битве своего прежнего владыку, убил его и воцарился на троне. Звали его Тэкле-Хайманот, и был он основоположником династии Загуйе.

Другая легенда рассказывает, что Дыль-Нэад бросил свою дочь в море, когда услышал предсказание, что через нее лишится власти. Ее спас и воспитал Тэкле-Хайманот, а когда она выросла, то женился на ней. Случилось так, что царь, усомнившись в верности Тэкле-Хайманота, выступил против него, но во время битвы погиб, а Тэкле-Хайманот занял его трон и основал династию Загуйе. {54}

В этом собрании легенд заслуживает упоминания еще одна, которая утверждает, что первый правитель династии Загуйе был по происхождению из Бугыны (в Ласте), т. е. из той

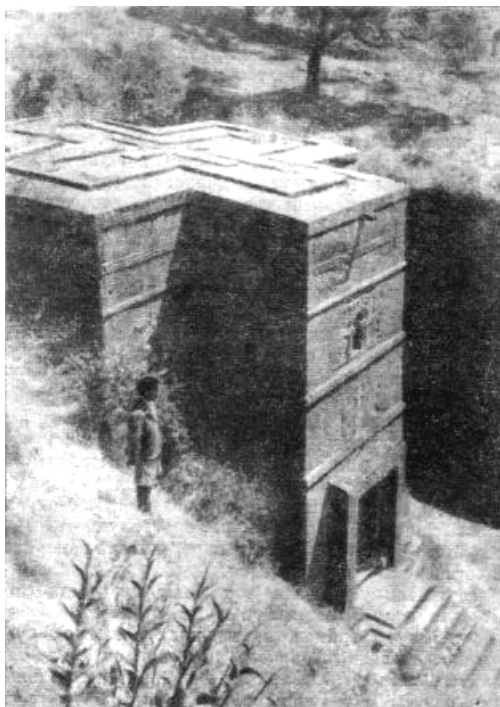
² Данное предположение авторов документами не подтверждается, не сохранилось никаких сведений о преследовании нехристиан в Эфиопии аксумского периода. — *Прим. ред.*

самой местности, из которой происходил муж кровавой Юдит, очарованный ее красотой Сэломон (в христианстве называвшийся Зэра-Яыкоб). Как было в действительности, нам не известно. С полной уверенностью можно только утверждать, что правители из династии Загуйе продолжали считать христианство своей опорой как во внутренней, так и во внешней политике. Несколько царей этой династии, согласно списку, воссозданному историками на основании преданий и позднейших записей, имели титул «кыддус» — «святой». Не скупился, видимо, на дары духовенству один из самых знаменитых правителей этой династии (рубеж XII— XIII вв.), зачисленный в разряд отечественных святых — Лалибэла (Лалыбэла). О его чудесном детстве и благочестивой молодости в «Синаксаре» записано так:

«Это день поминовения целомудренного и благословенного, посвященного в тайну небес Лалибэлы — царя Эфиопии. С самого рождения родители воспитывали его в богобоязни. А когда он вырос, то царь — его старший брат — услышал предсказание, что Лалибэла овладеет тронem и царством. Обуял царя гнев, и потребовал он к себе брата. Прибыл Лалибэла и стал перед царем, который стал его обвинять, а затем приказал сечь с 9 часов утра до 3 часов дня. После чего снова вызвал к себе брата, а когда тот стал перед ним, то изумились царь и его солдаты, не видя никаких следов наказания. Ибо охранял его ангел господень. «Прости меня, брат, за то, что я сделал с тобой», — сказал Лалибэле царь, и тогда воцарились мир и согласие между братьями».

Далее житие указывает, что Лалибэла, когда занял трон, богато одарил бедных и нуждающихся, а в честь бога построил 10 храмов, не похожих один на другой.

И действительно, Лалибэла прославился постройкой знаменитых монолитных храмов Эфиопии; вырубленные в скале, храмы в те времена, когда они воздвигались, были, несомненно, чудом архитектурной техники. Этот церковный ансамбль находится в городе, носящем имя {55} легендарного царя³. Другие правители династии Загуйе также возводили храмы и постройки светского характера, но лишь храмам Лалибэлы суждено было простоять века и сохра-

Церковь Св. Георгия. Лалибэла. {56}

нить до настоящего времени все свое великолепие. Храмы Лалибэлы относятся к известным «чудесам света». Их строили в гористой местности. Сначала освобождали скалу от покрывавшей ее земли, потом вырубали наружные стены и наконец делали интерьер таким образом, что

³ Город Лалибэла находится в области Ласта, населенной народами камир и камта (из группы агау), а также амхара и галла. — *Прим. Ред.*

Орнамент в церкви Бет-Марьям. Лалибэла. {57}

даже алтари вытесывались из того же скального блока. Ансамбль состоит из двенадцати храмов, и среди них самый большой и великолепный — храм Мэдхане-Алем — храм Спасителя (размером 33,5 м на 23,5 м). Именно в этом храме находится камень, на котором, по преданию, сам Христос благословил Лалибэлу, и здесь якобы похоронен архитектор всего ансамбля, зодчий по имени Сиди-Мэскэль. Предполагается, что этот храм строился последним и завершал великие творения Лалибэлы и его зодчего⁴.

Архитектура и декор храмов Лалибэлы свидетельствуют о бесспорном продолжении аксумского стиля. Итак, новое государство, хоть и отодвинутое от Аксума на юг, управлявшееся представителями другой, не аксумской, народности, стало наследником традиций первоначального государства, и, следовательно, период господства ластенской династии Загуйе можно признать историческим продолжением прежней аксумской государственности и культуры.

Мы располагаем самыми отрывочными сведениями также и о внешней политике Загуйе. Известно, что Загуйе установили и поддерживали связи с Египтом и Иерусалимом; это событие оказало влияние на последующее развитие литературы и культуры Эфиопии. Представителям этой династии, и прежде всего Лалибэле, приписывают политику шантажа в отношении окружающих мусульманских стран, в основе которой была угроза отвести воды Нила строительством плотины и этим ввергнуть в нужду Судан и Египет⁵. Эта политика, возможно, позволила христианскому государству сосуществовать с исламизированными странами, которые все более тесно подступали к юго-восточным границам тогдашней Эфиопии. {58} Власть Загуйе распространялась, вероятно, только на гористый округ Лафта (современная провинция Уолло). Север все еще был в руках беджа, на побережье утвердился ислам, в XIII в. проникший уже и в юго-восточные районы современного Шоа.

ПОТОМОК ПОСЛЕДНЕГО ПРАВИТЕЛЯ АКСУМА

Лалибэла был последним могущественным царем династии Загуйе. После него на троне утвердился, вероятно, его племянник по имени Нэакуто-Леаб. К тому времени значительно усилились конфликты внутри самой династии Загуйе, которые, очевидно, были одной из при-

⁴ См.: Кауфман С. А. Зодчество и скульптура древней Эфиопии. — В кн. Искусство народов Африки. Отв. ред. Коростовцев М. А. М., 1975, стр. 58—78. — *Прим. ред.*

⁵ Идея отвести в Красное море воды Голубого Нила родилась в Египте, в среде коптского духовенства, и вспоминалась каждый раз, когда в этой стране начинались гонения на христиан. Что касается Судана (Нубии), то в период династии Загуйе он был дружественной Эфиопии христианской страной. — *Прим. ред.*

чин ее падения. Так, сын Лалибэлы Йитбарэк претендовал на трон, занятый его двоюродным братом Нэакуто-Леабом. Знать и правители Ласты разделились на два противоборствовавших в борьбе за власть лагеря. В то же самое время, т. е. приблизительно в середине XIII в., росла оппозиция против Загуйе и извне. И снова приходится обращаться к сохранившимся преданиям.

В царствование Нэакуто-Леаба, рассказывается в одной из легенд, в Шоа жил Йикуно-Амлак, девятый потомок Дыль-Нэада, последнего правителя Аксума. Отец Йикуно-Амлака, боясь за жизнь сына, которой угрожали ластенские правители Аксума, отдал его на воспитание в монастырь св. Стефания, что на острове озера Хайк, поручив заботу о нем знаменитому монаху аббе Ййесусу-Моа. Однажды в монастырь св. Стефания прибыл абба Тэкле-Хайманот, основатель монастыря Дэбрэ-Асбо в Шоа, имевший особые заслуги перед церковью в связи с успешным обращением в христианство народа Шоа — амхара.

Оба церковника — видные деятели того времени — пришли к мнению, что ввиду близкого и опасного соседства Ласты будет лучше, если подрастающий Йикуно-Амлак покинет монастырь на озере Хайк, чтобы вместе с Тэкле-Хайманотом отправиться в Шоа. Там абба Тэкле-Хайманот познакомил Йикуно-Амлака со знатью областей Шоа и Йифат⁶, путешествуя с ним по Мэнзу, Тэгулету, {59} Мэрабете⁷. После чего Йикуно-Амлак, стараясь быть неузнанным, появился при дворе в Ласте, где познакомился с придворным церемониалом. А абба Тэкле-Хайманот, вознамерившись непременно возвести его на престол, среди знати распространял мнение об узурпаторском характере власти представителей рода Загуйе, происходящего из народа Ласты агау, ибо жив потомок прежних правителей, законный наследник трона, представитель древней династии. Тэкле-Хайманот даже решился предстать перед Нэакуто-Леабом, которому прямо сказал, что эфиопский трон принадлежит не ему. И Нэакуто-Леаб — царь богобоязненный, — опасаясь, как бы слова аббы Тэкле-Хайманота не принесли несчастья, согласился, чтобы после его смерти власть была передана в руки Йикуно-Амлака.

Относительно этого места легенды существует много версий. Согласно одним, Нэакуто-Леаб пожелал передать трон Йикуно-Амлаку, чтобы он не достался двоюродному брату Йитбарэку. Согласно другим, народ в Ласте восстал против своего царя, и, когда Йикуно-Амлак также выступил против него с армией из Шоа, собственные войска Нэакуто-Леаба предали его и отказались от борьбы. Тогда Йикуно-Амлак убил скрывавшегося в соборе св. Кириллы царя и занял престол.

Все эти версии повторяют эпизод о поддержке, оказанной Йикуно-Амлаку духовенством и монахами, а особенно аббой Ййесусом-Моа из Хайка, аббой Тэкле-Хайманотом из Шоа, аббой Йоханысом из Дэбрэ-Дамо, аксумским ныбурэ ыд и патриархом Эфиопии абунэ Кириллом (Керлосом). На эфиопском престоле воцарились правители, считавшиеся наследниками аксумской династической линии. Одновременно с концом господства династии из народа агау центр Эфиопии вновь передвинулся из Ласты к югу — в Шоа. Гегемония в государстве на несколько столетий перешла к новым правителям. {60}

Глава III

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

«ГОД СВЯЩЕННОГО СОЮЗА»

Новому правителю Эфиопии Йикуно-Амлаку удалось получить власть благодаря сильной поддержке духовенства. Несомненно, что эта поддержка не была бескорыстной. На основании позднейших хроник можно предположить, что Йикуно-Амлак заключил с духовенством договор, передававший в собственность церкви третью часть земель в государстве. Очевидно, что обладание третью имущества страны сильно укрепило экономическое положение церкви. Более того, этот договор создал в будущем прочную экономическую основу взаимозависимо-

⁶ Область к северу от Шоа, населенная народом, аргобба (теперь также амхара и галла). — *Прим. ред.*

⁷ Область на севере Шоа. — *Прим. ред.*

сти светской и духовной власти в Эфиопии. Ибо с того времени церковь не меньше, чем светская власть, была жизненно заинтересована в расширении границ государства и христианизации покоряемых народов. Эта взаимосвязь интересов нашла выражение также и в административной структуре государства. Вероятно, в рамках этого договора будущий правитель Йикуно-Амлак признал за эфиопским духовенством право на два главных государственных поста, значение которых оставалось важным и в последующие столетия. Речь идет прежде всего о санах ычэге и акабе сэат.

Высокое значение должности ычэге, главы эфиопских монахов, формально выражалось, в частности, в том, что этот сановник во время придворных торжеств сидел по правую руку от императора, как второе лицо в государстве после правителя. Со временем он станет фактически главой духовенства, с мнением которого император вынужден будет считаться. {61}

Вторым в духовной иерархии и третьим в светской был сан акабе сэат. Духовное лицо, занимавшее этот пост, обладало правом, с одной стороны, разрешать религиозные споры в лоне эфиопской церкви и издавать юридические вердикты, с другой же стороны, в качестве «блюстителя часов» составлять распорядок дня при дворе императора. В будущем акабе сэат станет одной из наиболее привилегированных и авторитетных фигур церкви и одновременно одной из самых влиятельных и значительных особ при дворе. Еще позднее функция акабе сэата будет приобретать все более светский характер, чтобы в конце концов стать исключительно придворной должностью.

Следовательно, не случайно в эфиопской традиции, создававшейся в значительной степени при участии духовенства, год заключения договора Йикуно-Амлака с церковью называется «годом священного союза». Нам не известна точная дата подписания этого трактата. Известно только, что договор был заключен незадолго до коронации Йикуно-Амлака, т. е. приблизительно в 1268 или 1270 г.¹ Об обстоятельствах заключения этого союза также существует несколько легендарных версий.

В соответствии с одной версией, «священный союз» был заключен Йикуно-Амлаком с аббой Ийесусом-Моа из островного монастыря, расположенного на озере Хайк, где, как утверждает легенда, Йикуно-Амлак провел свое детство. Согласно этой версии, абунэ Тэкле-Хайманот из Шоа был фигурой второстепенной, которая не сыграла какой-либо значительной роли в этих исторических событиях и не получила больших привилегий.

Согласно другим источникам, именно Тэкле-Хайманот был главным инициатором «священного союза». Существуют и другие версии, которые обоим деятелям эфиопской церкви отводят одинаковую роль в этом историческом событии.

Эти противоречия возникают потому, что история того периода пишется только на основании позднейших запи- {62} сей и исследователи не располагают ни одним достоверным свидетельством того времени. В последующие же эпохи между духовенством отдельных областей велась яростная борьба за влияние в государстве. Соперничество в борьбе за влияние и власть между духовенством из Шоа и с островов на озере Хайк займет важное место в политической истории Эфиопии. Отсюда понятно, что каждая из сторон старалась именно себе приписать заслугу возвращения трона «законной» династии и право пользоваться полученными от Йикуно-Амлака привилегиями.

В современной эфиопской исторической литературе утвердилась точка зрения, что в «год священного союза» сан ычэге получил Тэкле-Хайманот, основатель одного из наиболее влиятельных религиозных центров в Эфиопии — монастыря Дэбрэ-Асбо в Шоа (с XV в. он назывался Дэбрэ-Либанос), а пост акабе сэата, по данным этой литературы, занял Ийесус-Моа из Хайка.

Фактом является, что в XIV — XV вв. в Эфиопии в сан акабе сэата возводились именно монахи с озера Хайк и что в списках ычэге, передаваемых традицией, первым (в XIII в.) значится абунэ Тэкле-Хайманот.

И пусть трудно в настоящее время установить в деталях содержание договора «года

¹ Известный русский эфиопист В. В. Болотов, а за ним и большинство других русских и советских ученых считают, что «годом священного союза» был 1270 г. В зарубежной эфиопистике эту дату обычно приурочивают к 1268 г. — *Прим. ред.*

священного союза», однако относительно его сути и последствий для дальнейшей истории Эфиопии сомнений нет.

РЕСТАВРАЦИЯ «СОЛОМОНОВОЙ» ДИНАСТИИ

Год 1268 (или 1270), год прихода к власти Йикуно-Амлака, открыл новый период в истории Эфиопии, когда все большую роль в исторических судьбах страны стал играть народ амхара из Шоа². Вновь центр эфиопского государства передвинулся на юг. Впервые это случилось, когда после падения расположенного на севере Аксума центром государства стала Ласта, и теперь, когда на престол вступил Йикуно-Амлак. Но если ластенский период, время господства кушитского племени агау, был с политической точки зрения кратковременным этапом истории Эфиопии, то 1270 г. стал началом продолжающейся (с перерывами) до недавнего времени эпохи гегемонии в государстве династии из народа амхара.

Несмотря на то что в Эфиопии часто менялось соотношение политических сил, что эта страна была населена различными этническими группами, что географические особенности ее поверхности благоприятствовали возникновению местных сепаратистских движений, в этой стране возникла довольно сильная политическая и культурная традиция, которая объединяла эфиопское государство в течение многих веков. Эта единая традиция шла от традиции, сложившейся в этой стране в аксумскую эпоху, упрочившейся в период правления династии Загуйе и продолженной далее последующими правителями (независимо от их происхождения). Политической связью была датируемая также аксумской эпохой традиция объединения более или менее самостоятельных правителей, знатных родов и феодалов под властью, носившей временами проблематичный, но чаще авторитарный характер, под властью императора, так называемого нгусэ нэгэст — царя царей. Причем оба течения этой преемственности — религиозно-культурное и политическое — неразрывно слиты в истории Эфиопии. События «года священного союза», которые предшествовали исторической дате 1270 г., послужили созданию экономических и политических предпосылок этого союза, формирующегося с IV в., т. е. с того времени, когда абба Сэлама — «просветитель» стал первым эфиопским патриархом и когда был заложен мост, связавший Эфиопию с христианской культурой.

Итак, вступление на престол Йикуно-Амлака следует считать чрезвычайно важным моментом в истории формирования эфиопского государства. Значение «года священного союза» многообразно: он открыл период сохранившейся почти до недавнего времени экономической взаимозависимости государства и церкви, той зависимости, которая играла в истории Эфиопии и отрицательную и положительную роль. Эта роль была отрицательной, когда взаимозависимость становилась фактором, тормозившим экономическое, политическое и социальное развитие страны, когда она превращалась в оплот различных консервативных тенденций. В области политических отношений это выражалось в последовательном стремлении эфиопской церкви на протяжении всей истории страны сохранить власть в государстве в руках крупных феодалов. Положительной эта взаимозависимость была тогда, когда она способствовала складыванию культурной традиции Эфиопии, объединению крайне различных в этническом отношении народов и созданию основ эфиопского национального единства. Классическим примером этого является та роль, которую сыграла созданная в начале XIV в. и записанная аксумским ныбурэ ыд Йисхаком на языке геэз легенда о древнем происхождении новой династии. В этой легенде был использован взятый из Библии рассказ о царе Соломоне и царице Савской. Эта версия обосновывала бесспорное и исключительное право на престол потомков Йикуно-Амлака, который якобы вел свое происхождение по прямой линии от Менелика I, легендарного сына царицы из государства Саба и Соломона. Именно тогда была создана книга «Кыбрэ нэгэст», или «Слава царей», одно из наиболее популярных в Эфиопии произведений, которое на протяжении веков играло важную политическую и культурную роль в истории страны. Политическую, ибо эта стараниями двора и духовенства широко распространенная

² Первоначальной территорией народа амхара была область того же названия к северу от Шоа, но с гибелью Шоанского султаната и объединением Эфиопии под властью шоанской «Соломоновой» династии амхара ассимилировали жителей Шоа и ряда соседних областей, став крупнейшим и господствующим народом Эфиопской империи. — *Прим. ред.*

легенда гласит, что жители данной страны являются потомками избранного народа, а ее правители принадлежат к «Соломоновой» династии, основатель которой — божий избранник. Итак, с одной стороны, легенда о царице Савской и царе Соломоне стала отличным орудием господствовавшей династии, с другой же стороны, внушая народу его избранность, она явилась важным инструментом централизации и унификации страны. Формальным выражением той роли, которую «Кыбрэ-нэгэст» сыграла в политической истории Эфиопии, является, в частности, факт изображения на печатях некоторых эфиопских императоров надписи: «Победил лев от колена Иудова». Эта надпись, если обратиться к легенде о царице Савской и Соломоне, должна была напоминать народу о праве на трон представителей вышеупомянутой династии. {65}

«Кыбрэ нэгэст» сыграла также немалую роль в культуре, не раз становясь источником вдохновения при создании различных произведений и оказывая влияние на развитие литературы Эфиопии.

СОЮЗ МЕЖДУ «СОЛОМОНОВОЙ» ДИНАСТИЕЙ И ДИНАСТИЕЙ ЗАГУЙЕ

Теперь перейдем к другим событиям, связанным с приходом к власти Йикуно-Амлака, традиционно почитаемого реставратором «Соломоновой» династии. Совсем не располагая письменными источниками того времени, мы будем вынуждены опираться на предания и документы более поздние. Они утверждают, что после смерти Нэакуто-Леаба Йикуно-Амлак покорил своих ластенских противников. Они передают также содержание договора, заключенного Йикуно-Амлаком с Нэакуто-Леабом. Содержание этого договора свидетельствует о том, что хотя правители Ласты утратили господствующие позиции в государстве, однако у них было достаточно сил, чтобы остаться независимыми, продиктовав новому правителю ряд выгодных для них условий, которые сохранялись в течение длительного периода времени. Условия эти таковы:

- 1) Нэакуто-Леаб сохраняет до конца жизни право на престол и титул правителя Эфиопии;
- 2) после перехода трона к Йикуно-Амлаку власть в Ласте останется у правителей из династии Загуйе;
- 3) правитель Эфиопии будет восседать на золотом троне, а правитель Ласты — на серебряном, и у него будет право только на серебряные регалии власти;
- 4) ластенские феодалы не будут обязаны платить дань правителю Эфиопии и подчиняться его приказам;
- 5) правитель Эфиопии при встрече с правителем Ласты будет приветствовать его и почитать, как брата.

О времени правления Йикуно-Амлака нам почти ничего не известно. Знаем только, что он сделал центром государства Тэгулет (в северном Шоа) и что стремился к укреплению центральной власти, продолжая начатое в период борьбы за трон дело политической консолидации страны. {66}

МУСУЛЬМАНСКИЕ СУЛТАНАТЫ — НОВАЯ СИЛА НА РУБЕЖАХ ИМПЕРИИ

На юго-восточных рубежах все более крепнувшей христианской Эфиопии складывались крайне отличные от нее в политическом и культурном отношении государственные образования — мусульманские султанаты. Вспомним, что в VII — VIII вв. ими были захвачены острова Дахлак и побережье залива Массауа, что арабы, укрепляя свои позиции на африканском побережье Красного моря, в значительной мере способствовали экономическому ослаблению аксумского государства. За время, отделявшее события аксумской эпохи от рассматриваемого здесь XIII в., проникновение ислама в Северо-Восточную Африку постоянно усиливалось. В эпоху Загуйе и периода «священного союза» эфиопское государство располагалось в горных, северных и центральных районах Эфиопского нагорья, называемого Центральным массивом. А проникновение ислама шло в юго-восточном направлении, заключая в кольцо

расположенное в горах государство. Немногочисленные арабские документы этого периода позволяют сделать предположение, что к началу XI в. рядом с Эфиопией, вероятно, существовало в какой-то форме политически организованное объединение мусульманских государств, во главе которого стояла правительница Бадит бинт Майя. Со временем на юго-восточных рубежах Эфиопии сложились своеобразные в политическом и культурном отношении, враждебные по отношению к своему северному соседу мусульманские султанаты. С этнической точки зрения население султанатов составляли в основном коренные жители этого района Африки³.

В отличие от эфиопского христианского государства, характеризовавшегося организационным единством, основанным на политическом институте единого правителя, которому формально или фактически подчинялись областные правители и феодалы, в мусульманских султанатах не было единой центральной власти. Отдельные султанаты {67} боролись друг с другом, и если один из них одерживал победу над другими, то его гегемония выражалась не в стремлении распространить на остальных свою власть, утвердив ее как единственную, а в сохранении доминирующего положения. Поэтому между отдельными мусульманскими султанатами и эмиратами постоянно велась ослаблявшая их междоусобная борьба.

Конфликты между христианским государством и его мусульманскими соседями являются важным элементом истории Эфиопии. Они приводили к длительным и кровавым войнам. Мусульманская сторона в этой политике стремилась к тому, чтобы блокировать расположенное в горах государство и отрезать своего противника от богатых товарами южных стран, — тех стран, чьи территории по географическим особенностям были благоприятны для прокладывания караванных путей, связывавших горные районы Центрального и Северного плоскогорья с морским побережьем. Именно эти экономические соображения лежали в основе заинтересованности в юго-восточных районах, проявлявшейся обеими сторонами.

Враждебность обоих противников неизбежно углублялась фактом принадлежности их к различным культурам. Жители Эфиопии, как мы уже говорили, были связаны с культурой стран Средиземноморского бассейна, жители султанатов на юго-восточных границах империи — с исламизированными странами Азии и Африки.

В XIII в. Шоанский султанат занимал доминирующее положение среди других султанатов. Он находился в юго-восточных районах современной провинции Шоа, северная область которой (Тэгулет) была центром Эфиопской империи периода правления Йикуно-Амлака. В Шоанском султанате правила династия Махджуми, которая, как сообщает традиция, вела свое происхождение из Мекки, от сирийских завоевателей периода первых мусульманских походов.

Мы очень немного знаем об отношениях между Йикуно-Амлаком и султаном Шоа. Однако известно, что непрерывная борьба между самими султанатами не раз заставляла мусульманских правителей спасаться при императорском дворе Эфиопии и искать там убежища и поддержки в борьбе со своими соперниками. Так, напри-{68}мер, известно, что свергнутый в результате борьбы за власть, разгоревшейся внутри династии Махджуми, султан Дильмаррах-ибн-Мальзаррах, побежденный Дильгамисом, искал помощи и убежища у Йикуно-Амлака, ко двору которого он прибыл в 1279 г.

В тот период наиболее значительным было соперничество за гегемонию между династией Махджуми из Шоанского султаната и династией Уоласма из султаната Йифат.

Шоанский султанат, бывший гегемоном среди султанатов во второй половине XIII в., ослабленный внутренней борьбой за трон, а также набегами из Йифата, самые серьезные из которых имели место в 1277 и 1280 гг., в конце концов уступил свое господствующее положение султанату Йифат, и случилось это летом 1285 г. С этого момента султанат Йифат в течение почти трех столетий будет господствовать над другими небольшими мусульманскими государствами, и очень скоро между двумя крупными противниками — христианским и мусульманским — наступит обострение отношений.

Следует помнить при этом, что народы, жившие на юге и востоке по соседству с Эфиопией, стремившейся к расширению своих владений за их счет, видя в султанатах опору против грозного соседа, переходили на сторону ислама, умножая таким образом его силы. Поэтому наряду с султанатом Йифат, игравшим ведущую роль, к исламизированным областям в ту эпоху относились также Адал, Доуаро (Дэуаро), Бали, Хадья и Фэтэгар. Укреплению сил ислама

³ Здесь жили семитоязычные народности (адари, аргобба, гураге и др.) и кушитские (хадья и др.). — *Прим. ред.*

способствовала также та компромиссная политика, какую проводили в отношении султанатов преемники Йикуно-Амлака, не имевшие прочной власти в Эфиопии.

В период правления Йикуно-Амлака вследствие внутренних столкновений между султанатами угроза Эфиопии с их стороны не была значительной. После смерти Йикуно-Амлака в 1285 г. на троне оказался его сын Ягбыа-Цыйон (другое имя Сэломон)⁴. Он был на престоле до 1294 г., и о его правлении нам известно лишь то, что он {69} старался находиться в добрых отношениях с мусульманами Египта и с близлежащими султанатами, а также то, что он поддерживал контакты с Иерусалимом. Согласно эфиопской традиции, при нем абунэ Тэкле-Хайманот обратил в христианство народ Ыннарии⁵.

После смерти Ягбыа-Цыйона пять его сыновей: Цынфэ-Арыд, Хызбэ-Ассэггид, Кыдмэ-Ассэггид, Жан-Ассэггид и Бахыр-Ассэггид — находились на престоле поочередно каждый по одному году. Эти правители, как сообщает традиция, известны были своей слабостью, и за время их правления значительно укрепилось положение султаната Йифат и соседнего с ним султаната Адал. После них в 1299 г. на престоле Эфиопии воцарился второй сын Йикуно-Амлака — Уыддым-Арыд. О его правлении, продолжавшемся до 1314 г., мы не располагаем данными. Лишь 1314 г., когда к власти пришел сын Уыддым-Арыда император Амдэ-Цыйон I, открывает период, о котором мы знаем относительно много, ибо с того времени ведет начало эфиопская историография. {70}

Глава IV

ЦЕРКОВЬ В ЭФИОПИИ. ИМПЕРАТОР АМДЭ-ЦЫЙОН I

РОСТ ЗНАЧЕНИЯ ЦЕРКВИ В ЭФИОПИИ

После тридцатилетнего периода слабой центральной власти, когда на троне за короткое время сменилось семь императоров, в 1314 г. к власти пришел молодой и энергичный Амдэ-Цыйон I¹ по прозвищу Гэбрэ-Мэскэль. Этот правитель занимает видное место в истории Эфиопии, его именем принято называть не только период царствования, но и литературу той эпохи.

Наиболее важными для эфиопского государства XIV и первой половины XV в. следует признать, кроме деятельности Амдэ-Цыйона I, следующие два явления. Одним из них было политическое и экономическое усиление церкви, влияние которой на внутренние события в стране становилось все более значительным. Обогащение духовенства сопровождалось нарастанием конфликтов в лоне церкви. В их основе лежало соперничество за влияние в государстве между отдельными группировками духовенства, проповедовавшими разные религиозные толки. Вторым фундаментальным для того времени явлением была вооруженная борьба между христианской империей и султанатами, лежавшими на ее юго-восточных рубежах. Вначале рассмотрим первое явление.

Нельзя понять внутреннее положение Эфиопии того времени без учета роли церкви, ибо она превращалась тогда во все более сильную в экономическом отношении {71} организацию, настоящую самостоятельную державу в государстве, и играла все более значительную роль в политической и экономической жизни Эфиопии. Прежняя историография слишком мало уделяла этому внимания. Император являлся владельцем всей страны, за исключением земель, принадлежавших церкви. А в ее владении находилась примерно треть территории страны. Эфиопское духовенство постоянно обогащалось как вследствие распространения христианской веры и охвата влиянием церкви новых областей, так и благодаря дарам императоров и знати. Независимая в экономическом отношении церковь являлась после императора самым

⁴ Обычно эфиопский император имел два-три имени. — *Прим. ред.*

⁵ Область Ыннария находилась на юго-западе Эфиопии, к югу от долины р. Аббай (теперь северная часть провинции Кэфа). — *Прим. ред.*

¹ См.: Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. Пер. с эфиопского. М.—Л., 1936. — *Прим. ред.*

крупным экономическим магнатом, благодаря чему могла быть в государстве первостепенной политической силой. В этой связи императорам Эфиопии нередко приходилось делить власть с духовенством или править даже под его диктатом. Предпринимавшиеся некоторыми императорами попытки обрести политическую независимость от церкви кончались для них трагически. Приняв вышесказанное во внимание, необходимо представить соотношение сил, господствовавшее в эфиопской церкви начиная от правления Амдэ-Цыйона I, т. е. с начала XIV в.

МОНАХИ С ОСТРОВОВ НА ОЗЕРЕ ХАЙК. МОНАСТЫРИ ДЭБРЭ-АСБО И ДЭБРЭ-ЛИБАНОС

В то время в Эфиопии существовали по крайней мере три значительные группировки духовенства, соперничество которых сказалось на последующих судьбах страны. Одну из этих группировок составляли монахи с островов на озере Хайк. У них была привилегия на сан акабэ сэата, и таким образом они имели возможность непосредственно влиять на решения императоров. Другой группировкой были монахи из монастыря Дэбрэ-Асбо в Шоа. В их распоряжении находилась должность ычэге, благодаря чему у них было право управления всем монашеством страны.

В начале XIV в. должность ычэге занимал Филипп (Филипос). Вместе с тогдашним патриархом Эфиопии {72} абунэ Яькобом и двенадцатью проповедниками он занимался, как сообщают эфиопские предания, проповедью евангелия по примеру апостолов. При нем монахи из Дэбрэ-Асбо сумели значительно расширить свое влияние и увеличить собственность. Они основывали новые монастыри в Дамоте на Голубом Ниле, в Аруси недалеко от озера Звай, в Ыннари, Бульге, Борэне, Морэте, Мэрабете, Фэтэгаре и т. д. И наконец, во главе третьей группировки был монастырь Дэбрэ-Либанос, расположенный на севере области Хам. Передаваемая эфиопскими хрониками история основания этого монастыря такова: очень давно прибыл в Эфиопию монах абба Мэтаы, называемый также Либанос. Он основал в Тигре ряд монастырей, среди которых самым знаменитым был названный его именем монастырь Дэбрэ-Либанос в Хаме, в округе Шимэзанна. Сначала великий правитель из династии Загуйе император Лалибэла, потом Йикуно-Амлак из «Соломоновой» династии, а в XIV в. император Амдэ-Цыйон I укрепили позиции этого монастыря многочисленными земельными пожалованиями. Одной из причин значительного обогащения монастыря Дэбрэ-Либаноса была слава, распространявшаяся о бившем неподалеку источнике, освященном Либаносом и обладавшем якобы поэтому чудодейственными лечебными свойствами. К легенде о знаменитом монахе-чудотворце Либаносе прибегнул в XV в. один из наиболее известных правителей Эфиопии — император Зэра-Яькоб. Он назвал именем Либаноса и шоанский монастырь Дэбрэ-Асбо, чтобы слава его имени подняла ранг и авторитет той группировки монахов, на которую потом стал опираться этот правитель.

Эти три группировки: духовенство с островов на озере Хайк, из Дэбрэ-Асбо и Дэбрэ-Либаноса в Шимэзанне — в начале XIV в., несомненно, имели наиболее прочные экономические позиции. Кроме того, монахи с озера Хайк и из Дэбрэ-Асбо обладали политическим влиянием благодаря привилегированному праву занимать важные посты в центральной государственной и церковной администрации. {73}

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМ АМДЭ-ЦЫЙОНОМ I И ДУХОВЕНСТВОМ

Отношения между светской и духовной властями составили канву драматических событий, которые разыгрались в начале правления Амдэ-Цыйона I. Началом их послужил на первый взгляд незначительный, но чреватый последствиями конфликт между императором и духовенством из Дэбрэ-Асбо. До ычэге Филиппа и абунэ Яькоба дошла весть, что молодой правитель находится в связи со своей матерью. В императорскую резиденцию в Тэгулете отправились Яькоб, Филипп, а также благочестивый и ученый монах абба Гонорий (Анореуос), чтобы лично разобраться в недостойном факте. И хотя Амда-Цыйон I утверждал, что мачеха, а

не мать является его наложницей, суровый абба Гонорий строго выбрал императора. До сих пор сохранявший спокойствие правитель разгневался и приказал наказывать розгами смелого монаха. По Тэгулету разнеслась весть о небывалом событии — телесном наказании духовного лица. Вечером в городе возник пожар. Люди императора стали обвинять монахов в мстительности, монахи же громко заявляли, что это божье наказание за бесчестие, нанесенное благочестивому Гонорию. Сам император, распаленный гневом, приказал сурово наказывать всех монахов из Дэбрэ-Асбо. Одних он обрек на ссылку, других — на заточение. Ычэге Филипп был изгнан в Гышен, другие — в Тигре, Дэмбию и Бэгемдыр.

Рассеянные по всей стране монахи Дэбрэ-Асбо, приверженцы секты тоуахдо, стали закладывать монастыри на островах озера Тана, в Уолдэбба (на запад от Аксума), в Эррэре (на восток от современной Аддис-Абебы) и т. д. Результатом императорского эдикта было широкое распространение толка тоуахдо из Дэбрэ-Асбо (позднее — Дэбрэ-Либанос) по всей стране. Из тех крайне скудных документов, что доступны в настоящее время о пожалованиях правителей духовенству, можно заключить, что преемники Амдэ-Цьйона I делали крупные земельные подарки этим монахам. Например, император Сэйфэ-Арыд (1344—1372) пожаловал обширные владения монастырю Мэдханине-Ыгзиы в Тигре, принадлежавшие {74} монахам этого толка. И вскоре монастыри тоуахдо в Эфиопии стали представлять экономическую и политическую силу.

ЗНАЧЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА ДЭБРЭ-БИЗЭН. ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ В ЭФИОПСКОЙ ЦЕРКВИ

Примерно во второй половине XIV в. наряду с вышеупомянутыми группировками эфиопского духовенства заявила о себе еще одна сила — на севере росло значение монастырей толка и устава Евстахия (Аустатеуоса). Монахи этого устава почитались духовными наследниками знаменитого аббы Мэтаы (Либаноса). Евстахиевская секта, возникшая сначала, вероятно, в Гэральта, постепенно проникла в районы, лежавшие к северу от Аксума, до области Кохайн и далее. Наиболее знаменитым и важным в истории Эфиопии монастырем устава Евстахия стал Дэбрэ-Бизэн. Благодаря чрезвычайно выгодному положению этого монастыря (в окрестностях современной Асмэры) под его контролем находился торговый путь, связывавший Массауа и Дыбаруа. Одновременно он был укрепленным пунктом на северной границе христианского государства. С начала своего существования этот монастырь прославился борьбой, которую он вел с мусульманами побережья. Позднее благодаря дружественным отношениям, которые Дэбрэ-Бизэн сумел установить с соседними мусульманскими правителями архипелага Дахлак, он стал важным для Эфиопии пунктом поддержания контактов с побережьем.

Основателем Дэбрэ-Бизэна был абба Филипп (Филипос) (1319—1403), ученик Евстахия. Именно этот абба Филипп сделал монастыри устава Евстахия сильнейшими на севере страны. Монахи этого устава считали, что своим значением они обязаны также крупным земельным вкладам императора Давида (Давит) I (1382—1411).

В период правления Давида I столкновения внутри эфиопской церкви приобрели серьезное политическое значение. Абба Филипп из Дэбрэ-Бизэна, несмотря на поддержку императора, был обвинен тогдашним акабе сзат Сэрэкой-Бырханом в ереси. Вплоть до смерти последнего {75} абба Филипп оставался узником монастыря на озере Хайк. По окончании срока заключения абба Филипп проводил не возбраняющуюся императором Давидом деятельность по основанию новых монастырей и укреплению — все так же на севере — позиции монахов Евстахиевского устава. Вполне могло быть, что симпатии, какими одаривал Давид I монахов Евстахиевского устава, вызвали недовольство других и послужили причиной отречения этого императора от престола. Достоверно известно только, что монахи — правда, не ясно какие — заставили его отказаться от трона в пользу сына Теодроса (Федора).

Император Давид I, находившийся под серьезным влиянием монахов, организовал большое паломничество в Иерусалим, участники которого привезли оттуда реликвию креста Христова.

В паломничестве приняли участие многие знаменитые эфиопские деятели, и именно тогда — согласно традиции — был установлен ряд высоких званий и должностей, таких, на-

пример, как дэджазмач или фитаурари.

Торжественное паломничество из Эфиопии отправилось в Иерусалим, воспользовавшись предоставленным правом на проезд по дорогам мусульманских стран. Император Давид добился этого путем мирных переговоров с Египтом. В период его правления Эфиопия наладила широкие контакты с христианским Востоком, что сказалось на развитии культуры этой страны.

Трудно установить, какой группе монахов «обязан» император Давид интригой, лишившей его трона. Традиция лишь сообщает, что однажды император решил спросить о своей судьбе монахов и пустынников «островов и пещер», которые умели предсказывать будущее. Они посоветовали императору передать трон в руки сына Теодроса. Прорицание должны были подтвердить влиятельные при дворе монахи с озера Хайк. По всей вероятности, это предсказание было ловким политическим маневром той церковной группировки, которая стремилась упрочить свои позиции при дворе, устранив нежелательного императора и заменив его другим, более благосклонным к ним. Давид I, отдавая себе отчет в том, что игнорирование предсказания повлечет за собой открытый конфликт с духовенством, отрекся от престола в 1411 г., а в 1413 г. {76} он погиб в результате несчастного случая. Его похоронили на острове Дэга (на озере Тана).

О времени правления Теодроса I мы совсем не располагаем сведениями. Эфиопская традиция сообщает, что император Теодрос расторг договор «года священного союза», устанавливавший принадлежность церкви одной трети территории государства. Он считал, что такое большое богатство должно служить народу, и начал делить между бедными церковное имущество. По-видимому, Теодрос проводил иную, чем его предшественники, политику, игнорируя силу духовенства. Несмотря на это, эфиопское духовенство причислило Теодроса к разряду святых, мотивировав свое решение тем, что император имел одну жену, с детства жил в страхе божьем, раздавал бедным свое имущество и построил много церквей. После неполных трех лет правления в 1414 г. Теодрос неожиданно умер. Он был погребен в Мэрабете. Трон занял его брат, император Йисхак. Представляется вполне вероятным, что и эта смена правителей находилась в тесной связи с интригами различных группировок духовенства, стремившихся к завоеванию исключительного влияния на политику правителей. Однако утверждать это категорически не позволяет слишком малое количество известных в настоящее время подлинных документов.

В период правления последующих правителей, а особенно — как представляется — при императоре Йисхаке (1414—1429), в эфиопской церкви увеличилось число толков и сект. Борьбу с ними потом начал один из очередных правителей — император Зэра-Якоб (1434—1468), который на протяжении всей своей жизни осуществлял план объединения эфиопской церкви. Не место перечислять здесь все эти секты и толки, даже если бы это было возможно в настоящее время. Довольно мало еще известны те различные направления, которые важны для понимания эфиопской религиозной мысли ³, существенны для истории церкви этой страны и даже интересны для всеобщей истории христианства. Некоторые наиболее исследованные секты — например, микаэлитов и стефанитов {77} (ыстифанос) — своими связями с гностическими течениями крайне интересны для истории восточной христианской церкви, а для политической истории Эфиопии они не столь существенны.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И РАСЦВЕТ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВА

Одной из характерных черт внутренней истории Эфиопии XIV — начала XV в. являлось дальнейшее укрепление политической и экономической роли церкви в государстве. Основы этого были заложены в предыдущее столетие, когда создавался союз светской и духовной власти. В XIV в. положение церкви укрепилось, а светскую власть сумел сосредоточить в своих руках император Амдэ-Цыйон I. Союз этих сил начал оказывать положительное влияние как на административную организацию государства, так и на формирование культурного об-

³ Историей эфиопской церкви и религиозных направлений занимался В. В. Болотов. См.: Болотов В. В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. СПб., 1888. — *Прим. ред.*

лика Эфиопии. Интересы обеих правящих верхушек — светской и духовной — неразрывно переплетались. Соглашение «года священного союза» способствовало тому, что укрепление или ослабление одной из них оказывало влияние на положение другой. Вместе с обогащением церкви и далеко зашедшим процессом централизации власти все сильнее возрастал в государстве авторитет духовенства и двора.

Амдэ-Цыйон I начал дело организационного объединения государства и укрепления авторитета императора. Духовенство же, наиболее образованная и одновременно наиболее влиятельная группа в государстве, стала сотрудничать с ним в этом.

К началу XIV в. Эфиопия переживала период внутренней стабилизации и экономического развития. На то же время падает и расцвет культуры этой страны. Этому расцвету способствовали широкие внешние контакты, которые были у тогдашней Эфиопии с христианским Востоком и с соседними мусульманскими странами. Кроме «Кыбрэ нэгэст» («Слава царей»), тогда было создано другое значительное литературное произведение — «Сырыатэ Мэнгыст» («Правила царства»). В нем отразились стремления, а вернее сказать, потребность в создании {78} единой административной системы государства. «Сырыатэ Мэнгыст» — это собрание правил придворного церемониала, описание степеней и званий знати, судей, священников и разного рода учреждений. Его иногда называют учебником двора и государства. И справедливо, так как там записаны церемониалы, обязательные при коронации, венчании, погребении и т. д., объем прав церковных и светских трибуналов, их процедуры, полномочия, связанные с отдельными званиями, и тому подобное. Существует много различных списков этой книги, довольно трудной для толкования и перевода. Нередко сложно определить, когда возникли увеличивавшиеся с веками комментарии и перечень должностей, вписывавшиеся в эту книгу. Известно, что редактирование ее было предпринято в первой половине XIV в. при Амдэ-Цыйоне I. В период его правления была введена должность историографа — цэхафе тыызаза («записывающего приказы»). Сначала она предоставлялась только благородного происхождения аздажам, но с течением времени превратилась в особое придворное звание.

С учреждением должности цэхафе тыызаза связывается начало эфиопской историографии. На время правления Амдэ-Цыйона I приходится период развития светской и церковной литературы. XIV век был вторым, после аксумского, периодом развития литературы в Эфиопии. Наряду с «Кыбрэ нэгэст» и «Сырыатэ Мэнгыст», а также «Хроникой Амдэ-Цыйона», первой эфиопской хроникой, появились другие произведения, важные по своему значению для церкви, государства и всей эфиопской культуры. Авторами произведений либо персонажами жизнеописаний выступали такие лица, как ныбурэ ыд Йисхак, автор «Кыбрэ нэгэст», абба Гийоргис, монах из шоанского монастыря Гасычча. Он осуществил переработку «Хорологиона» — произведения, определяющего время дневных и ночных церковных обязанностей. Сохранилось также имя аббы Бэцэлотэ-Микаэля, жившего во времена императора Сэйфэ-Арыда, аббы Йисхака из монастыря Дэбрэ-Гол в Шоа, аббы Филиппа из монастыря Дэбрэ-Либанос в Сэлале, аббы Гонория из Шоа, аббы Арона из Бэгемдыра, аббы Самуэля из монастыря в Уале (время прав- {79} ления Давида I), аббы Сымона из известного египетского монастыря св. Антония (конец XIV в.)⁴.

Наиболее крупной фигурой в литературе XIV в. был патриарх Эфиопии абунэ Сэлама (примерно 1350—1390), который снискал прозвище «Переводчик». Он был инициатором, а частично и автором многочисленных переводов и обработок произведений христианской литературы, в основе которых лежали арабские тексты. Именно ему приписывается заслуга перевода собрания канонического права и церковных положений «Сендос» и «Дидискулия».

Благодаря широким в то время контактам с христианским Востоком в Эфиопию проникло много произведений, общих для средневековой культуры всего Средиземноморского бассейна. Таким образом в Эфиопии оказалась известная во Франции, Испании, Италии, а также на всем христианском Востоке «Книга чудес Марии» (переведена во время правления Давида I), которая здесь была переработана и распространялась в собственной эфиопской версии. Был переработан крупнейший христианский роман «История Александра Великого», а также «Жития святых», «Жития мучеников», дополненные житиями местных святых. К последним

⁴ В произведениях эфиопской литературы XIV в. фигурирует свыше сотни названных по имени исторических персонажей не только из эфиопов, но также коптов, арабов, армян и др. — *Прим. ред.*

относится житие знаменитого аббы Мэаы (Либанос) под названием «Чудеса Дэбрэ-Либаноса» — книга, написанная во времена императора Йисхака. Абба Сымон из монастыря св. Антония сделал перевод «Синаксаря», календаря святых, в который со временем были добавлены истории отечественных святых. В период правления Давида I были записаны жизнеописания некоторых правителей династии Загуйе. В течение всего этого периода отмечается также развитие религиозной и светской поэзии.

За исключением немногих дошедших до нас произведений светской поэзии, во всей литературе того времени и вплоть до середины XIX в. господствовал язык геэз, который — в самом приблизительном сравнении — можно было бы назвать эфиопской латынью⁵. Только деяния {80} императора Теодроса II были написаны по-амхарски: этим произведением началась литература на амхарском языке, а расцвет амхарской художественной литературы наблюдается лишь в последнее время.

Усилия императора Амдэ-Цыйона I по централизации власти встретили вооруженное сопротивление на севере страны, в том числе и со стороны фалаша. В XIV в. в Тигре, а также в районах на север от Шоа, где был новый центр государства, имели место сепаратистские движения. Около 1320 г. император Амдэ-Цыйон подавил там восстание, возглавленное Ябикой-Ыгзии. Центром мятежа были округа Амба-Сэнэйти и Бихат. Император после победы над мятежниками «наградил» правителя округа Амба-Сэнэйти титулом «правитель обезьян», показав этим, что считает мятежников не заслуживающими человеческого имени. Этот позорный титул сохранялся вплоть до XVI в. Однако гораздо более решительно против императорской власти выступали фалаша в Сымен, Уогэре и Дэмбии. В течение длительного времени фалаша поддерживали в северо-западных районах Эфиопии негаснувший военный очаг против власти императора. Император Йисхак, который значительно расширил границы эфиопского государства на западе, севере и юге, покорил и эти районы. Однако ему не удалось окончательно сломить силы фалаша, стремившихся к независимости. Лишь в последующие века оппозиционность этой группы населения была преодолена и значение фалаша упало.

Согласно эфиопской традиции, многие из императоров Эфиопии в XIV — начале XV в. покрыли себя боевой славой. Хотя из подлинных хроник тогдашних правителей сохранилась только хроника императора Амдэ-Цыйона, но и другие памятники письменности, которые дошли до нашего времени, также главным образом восхваляют величие и мужество царей. Наиболее ценными из дошедших до нас литературных произведений того времени являются «Царские песни», воспевающие военные подвиги императоров. Они представляют собой бесценный лингвистический памятник и, кроме того, важный исторический документ, так как в них можно обнаружить перечень завоеванных областей и племен. {81}

Глава V

БОРЬБА ЭФИОПИИ С СУЛТАНАТАМИ

ОТНОШЕНИЯ ЭФИОПИИ С МУСУЛЬМАНСКИМИ СТРАНАМИ

Период с 1331 по 1445 г. отмечен почти непрерывными войнами с мусульманскими султанатами, расположенными на юго-восточных границах современной Эфиопии. Отсутствие сильной централизованной власти в Эфиопии на рубеже XIII — XIV вв. вынуждало ее вести политику компромиссов по отношению к соседним мусульманским султанатам. Султанаты в то время еще не представляли собой значительной угрозы христианскому государству прежде всего в силу внутренних споров и борьбы за гегемонию, какую они вели между собой. Эта борьба завершилась в 1285 г. победой султаната Йифат и правившей там династии Уоласма, которой подчинился султанат Шоа и правившая там династия Махджуми. Именно с того момента наступил период развития и консолидации мусульманских сил. Таким образом, начало процесса внутреннего упрочения и расцвета султанатов и консолидация Эфиопской империи

⁵ См.: Крачковский И. Ю. Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955. — *Прим. ред.*

совпали во времени, приходясь на начало XIV в. Внутреннее укрепление сопровождалось общей для обеих сторон тенденцией к расширению своих территорий и подчинению себе богатых и потому важных для обеих сторон в экономическом отношении юго-восточных окраин. В такой ситуации вооруженный конфликт был неизбежен.

Эфиопская империя в тот период занимала гористую и труднодоступную территорию почти всего Центрального массива. Султанаты Йифат и Адал находились в Восточном массиве и частично в восточной части Центрального массива. Округа Доуаро, Бали (Бале), Хадья, Фэтэгар, политико-экономические интересы которых в те времена {82} были связаны с исламом, занимали юго-восточную часть Эфиопской впадины. Африканское побережье Красного моря, острова Дахлак, очень важный в экономическом отношении порт Зейла находились в руках мусульман. На противоположной стороне Красного моря были расположены также мусульманские страны. На западе от Эфиопской империи находились принявшие ислам Судан и Египет. Следовательно, Эфиопское нагорье, находившееся во власти христианских императоров, со всех сторон было окружено мусульманами.

Усиливавшийся с начала XIV в. конфликт империи с султанатами не был единственным конфликтом христианского государства с мусульманским окружением. Египет также проводил враждебную в отношении империи политику, реакцией на которую была угроза императора Амдэ-Цыйона, как в прежние времена Лалибэлы, отвести воды Нила. Постоянной причиной напряженных отношений Эфиопии с Египтом была проблема контактов христианской империи с ее александрийской метрополией ¹. На пути из Эфиопии в Александрию, который проходил по мусульманским территориям, имперские посольства постоянно задерживались, послов заточали в тюрьмы или убивали. Та же участь ожидала патриархов, направлявшихся в Эфиопию. Нередко случалось, что Эфиопия в течение нескольких лет была лишена абунэ, что усложняло политическую ситуацию внутри страны. Поэтому правители Эфиопии вели непрекращавшиеся переговоры о переезде патриархов, и не раз именно этот вопрос становился непосредственной причиной начала конфликта.

ИСТОКИ ЭФИОПСКО-МУСУЛЬМАНСКИХ ВОЙН

Отношения Эфиопии с окружавшими ее соседями значительно обострились в начале XIV в. В основе столкновений лежало соперничество обеих сторон в деле {83} завоевания гегемонии на вышеупомянутых территориях, являвшихся важным источником дефицитных в то время товаров. В конце концов в 1328 г. возник вооруженный конфликт, непосредственной причиной которого был захват султаном Йифата Хакк-ад-Дином I возвращавшихся из Каира послов императора Амдэ-Цыйона и истязание их пытками. В этом первом столкновении Амдэ-Цыйон одержал победу, завершившуюся пленением самого Хакк-ад-Дина (Хакдина). Император назначил султаном брата пленника — Сабр-ад-Дина (Сабрдина). Однако этот последний не был верен императору и начал партизанскую войну, проникая в пограничные районы Эфиопии: Дамот, Фэтэгар, Тэгулет, достигая даже центральных областей: Амхары и Годжама. Здесь войска Сабр-ад-Дина устроили резню христиан, сжигали церкви и монастыри и в захваченных округах назначали верных себе правителей.

Таким образом, первая победа, одержанная Эфиопской империей — так же как и многие последующие, — не вызвала фактического перевеса ни в ту, ни в другую сторону.

Как рассказывает хроника ², Амдэ-Цыйон, готовясь к очередному походу, направил к Сабр-ад-Дину посольство с письмом: «Верно ли то, что я слышал о тебе, или нет? Сжег ли ты церковь божию? Умертвил ли ты христиан, а оставшихся увел ли в плен и обратил к своему закону?.. Разве ты не знаешь, что я заключил в тюрьму и сделал своим слугой твоего брата Хакк-ад-Дина? Разве ты не знаешь также, что я убил племянника твоего Дэрадэра? И с тобой я

¹ Вплоть до 1929 г. все высшее духовенство Эфиопии было из Египта и назначалось александрийским патриархом — верховным главой монофизитской церкви. После длительной борьбы за свою самостоятельность эфиопская церковь в 1959 г. стала полностью автокефальной. — *Прим. ред.*

² Здесь и дальше приводятся переводы Б. А. Тураева. См.: Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV в. М.—Л., 1936 — *Прим. ред.*

так же поступлю, низложу тебя с престола твоего и погублю тебя,— и если ты убил десять христиан, я убью у тебя тысячу, если ты убил сто, я убью у тебя десять тысяч».

Ответ Сабр-ад-Дина был таков: «Я не приду к тебе и не стану перед тобой, а если ты придешь ко мне, я не испугаюсь, ибо у меня войска больше, чем у тебя. И оно сражается мечами, ножами, на конях, луками, копьями, щитами, железными палицами, стрелами. Если хочешь — {84} приходи ко мне, путь длинен, а если нет, я приду и буду воевать с тобой!»

Молниеносным маршем выступил Амдэ-Цыйон сначала против Амэно, правителя союзного с Йифатом округа Хадья. Он без труда разбил его и заставил послать Сабр-ад-Дину ложное известие о том, будто бы Амэно разгромил армии Амдэ-Цыйона, благодаря чему путь в Эфиопскую империю открыт. Тогда Сабр-ад-Дин разделил свои войска на три армии и каждую из них послал разными путями на завоевание Эфиопии. Амдэ-Цыйон, ослабив таким образом главные силы противника, вперед выслал без обоза небольшие, но воинственные и закаленные в боях свои самые верные отряды, называвшиеся «Гиены императора», а за ними двинулся сам со всей своей армией. «Гиены императора», искушенные в стремительных маршах и боях, сумели задержать войска Сабр-ад-Дина вплоть до прибытия основных сил императорской армии. В 1331 г. две неприятельские армии снова встретились в битве. Мусульманская армия потерпела сокрушительное поражение. Сам Сабр-ад-Дин едва спасся бегством. Эфиопские войска торжествовали и праздновали победу, радуясь богатству трофеев: драгоценных камней, ценного оружия и одежды, — а также красоте взятых в плен невольниц.

Но и после той решающей битвы император Амдэ-Цыйон вынужден был продолжать военные походы. В северной части страны взбунтовался народ фалаша в округах Бэгемдыр, Сымен, Уогэра, Цэгэде и других. И на юге нельзя было считать борьбу с мусульманами законченной прежде всего потому, что правитель Доуаро — Хайдэра оказал поддержку побежденному султану Йифата. Поэтому Амдэ-Цыйон разделил свою армию на две части. Пешие и конные полки из Дамота, Сэкэльта, Гондэра и Хадья, которые особенно прославились в последней битве, император послал против фалаша под командованием Цэга-Крыстоса. Сам же, возглавив остальную часть армии, выступил против Доуаро. И здесь он одержал победу, увенчавшуюся пленением главных мусульманских правителей — Сабр-ад-Дина и Хайдэра.

Победой в Доуаро Амдэ-Цыйон закрепил на какое-то время превосходство империи над мусульманскими {85} соперниками. Он расширил границы государства, включив в состав Эфиопии территории: Мэнз, Зега, частично Йифат до реки Аваш. Правителем мусульманских округов он назначил Джемаль-ад-Дина (Гемальдина), брата прежних султанов Йифата. На короткое время на юго-восточной границе Эфиопии воцарился мир. Побежденный остался — по словам летописца — «собачьим хвостом, который поднялся против головы льва».

В тридцатых годах XIV в. войны возникали еще несколько раз, а вернее сказать, война велась постоянно с большим или меньшим напряжением. Через несколько лет после поражения в 1331 г. вновь окрепла коалиция мусульманских областей. Правда, султанат Йифат был ослаблен в военном отношении и урезан территориально, но стали возвышаться исламизированная страна Адал, а также Мора, распространившие свое влияние от Фэтэгара и Доуаро вплоть до Индийского океана. Джемаль-ад-Дин, султан покоренного Йифата, назначенный Амдэ-Цыйоном, также был далек от мысли хранить верность христианскому императору. Поэтому тридцатые годы прошли в бесконечных столкновениях. Не раз мусульманские войска окружали небольшие эфиопские отряды, так как армия императора вынуждена была сражаться на двух фронтах: против мусульман и против фалаша и других мятежных народов на севере своей страны. Часто самому императору приходилось спасаться бегством под покровом ночи. Случалось, что обе стороны, истощенные длительным взаимным кровопролитием, заключали кратковременные перемирия и соглашения. В этой войне было немало драматических моментов, которые описывают тогдашние хроникеры. Так, например, они рассказывают, что однажды император зашел в глубь неприятельской территории и раскинул лагерь на реке Яс. Мусульманские предводители также собрали свои войска и двинулись, чтобы разбить армию захватчиков. Вскоре конные эфиопские разъезды принесли весть о приближении многочисленного мусульманского войска, «сила которого равна дождю и ветру во время бури». По стечению обстоятельств в тот же самый день над лагерем императора пронеслась чудовищная буря, поразившая всех и надломившая дух уже ослабленных голодом и лишениями солдат. Тогда Амдэ- {86} Цыйон приказал своим вестникам обратиться к воинам: «Не бойтесь и не ужасай-

тесь, народ христианский, видя дождь и бурю, — это знамение божье, что мы ниспровергнем неверных». Этим обращением сумел император «укрепить своих воинов и не допустить в них страха». Атака мусульман была отбита.

Таким образом, прошло много месяцев, в течение которых император Амдэ-Цыйон вместе со своими воинами, не зная отдыха и не откладывая меча, постоянно сражался и продвигался вперед. Наконец он достиг страны Адал, став первым христианским царем, ступившим на ее землю. Хроникер пишет, что войско шло вперед по неизведанной стране, «камни этой земли — как шипы, а люди ее ходили на руках; ноги их вверху, а головы — внизу, и бежали они на руках, а не на ногах». Именно там император со своими войсками сражался днями и ночами.

Амдэ-Цыйон далеко углубился в полупустынные районы Адала, побуждаемый, вероятно, стремлением окончательно разрешить мусульманскую проблему на юго-восточных границах. Его военные начинания были вызваны не только экономическими интересами, но, очевидно, и политическими соображениями. Ибо султанаты намеревались создать новую коалицию, в которую вошли бы также и прибрежные территории в окрестностях Зейлы. Мусульманская сторона, которая рассчитывала и на помощь Йемена, собирала силы. Правитель страны Адал — Салех³ решил привлечь на свою сторону Джемаль-ад-Дина. Амдэ-Цыйон, по всей вероятности, в этой ситуации спешил разбить мусульманские силы до того, как они соединятся. Салех же стремился к объединению этих сил, чтобы разрезать на две части и уничтожить удалившуюся от родной земли армию императора. Свои планы Салех изложил султану Йифата, предоставив ему оставаться верноподданным вассалом императора или завоевать независимость. Цитируемая уже нами хроника пишет об этом так:

«Мир тебе и мир величеству твоему. Послушай совета моего и внемли слову моему: вот царь христиан идет по тесному пути, где ему не пройти. Ты же выбери себе одно {87} из двух: давать ему подать и дары или нет. Если ты хочешь давать ему дары, продай свою жену и детей и все, что есть у тебя; если ты так поступишь, как не поступали твои отцы, бывшие перед тобой, ты не избавишь от рабства своего потомства и потомства твоего дома вовеки. Ныне же реши своим умом, что делать. Собери войско, сражающееся мечом, луком, со щитом, копьями, деревянными пиками, палицами из железа. И я приду с войском из всадников и пеших, и мы окружим его со всех сторон и всецело, и погубим сразу, и не оставим никого из них».

Четыре месяца собиралось мусульманское войско. Однако, когда правитель страны Адал увидел многочисленность своих отрядов, он, не желая ни с кем делить предстоящие трофеи, решил сам пойти на императора, не ожидая прихода войск Джемаль-ад-Дина из Йифата.

Амдэ-Цыйон, готовя к бою отряды из Амхара, Шоа, Годжама и Дамота, приказал украсить серебром и золотом пешие и конные полки, чтобы солнечные лучи, отражаясь в доспехах, своим блеском слепили противника. Но когда подошла мусульманская армия, Амдэ-Цыйон лежал в шатре, мучимый уже неделю длившимся приступом тяжелой лихорадки. Однако по сигналу труб, возвестивших начало битвы, он поднялся с ложа, но упал, не имея сил держаться на ногах. Обе жены, особенно императрица Жан-Мэнгэса, умоляли его остаться в шатре: «Неужели, господин наш, ты пойдешь на войну? Разве может твоя нога бежать, как прежде, когда была здорова? И рука твоя разве способна натягивать лук, брать щит и копьё? Есть ли у тебя сила воссесть на коня?..» Им ответил Амдэ-Цыйон: «Неужели я умру женской смертью? Не умру я смертью женщин, ибо знаю смерть мужей — борцов». И, преодолевая слабость, Амдэ-Цыйон ринулся в бой. Сражение продолжалось очень долго и закончилось ужасающей резней мусульманской армии. А у императора, когда вернулся в шатер, сообщает летописец, пришлось силой отрывать от руки меч, так приклеила его к ладони неприятельская кровь.

Битва, которая состоялась приблизительно в 1335 г., окончательно закрепила превосходство Амдэ-Цыйона над султанатами, сохранявшееся вплоть до конца его правления. {88}

ИМПЕРАТОР СЭЙФЭ-АРЫД I. ДАВИД I. ДАЛЬНЕЙШАЯ БОРЬБА

³ Салех (или Салих), согласно хронике Амдэ-Цыйона, был кадием — духовным главой мусульман Адала. — *Прим. ред.*

Наследник и сын Амдэ-Цыйона Сэйфэ-Арыд, называвшийся также Ньуйайе-Крыстос, ознаменовал начало своего правления борьбой с династией Уоласма в Йифате. Он победил и заключил в тюрьму султана Али (сына покоренного Амдэ-Цыйоном султана Сабр-ад-Дина). Власть в Йифате император передал в руки сына Али — Ахмеда-Харб-Арада. Однако по прошествии некоторого времени император Сэйфэ-Арыд помиловал заключенного в крепость Али и вернул ему свободу. С этого времени в династии Уоласма началась борьба за трон сначала между отцом и сыном, а потом и между другими претендентами на престол. Эти внутренние столкновения обеспечили на какое-то время мир на границе Эфиопии. Более того, император оказывал военную помощь то одному, то другому сопернику, стараясь, по всей вероятности, использовать внутренние столкновения, ослаблявшие грозного врага империи. Наконец власть в Йифате захватил Хакк-ад-Дин II, внук султана Али.

История правления преемника Сэйфэ-Арыда — императора Ньуйайе-Марьяма (1372—1382) — почти совсем не известна. Вполне вероятно, что этому императору на протяжении его десятилетнего царствования тоже пришлось вести борьбу с султанатами.

На рубеже XIV и XV вв. борьба между империей и султанатами вновь усилилась. Император Давид I (Давит) одержал военную победу над султаном Хакк-ад-Дином II, погибшим в бою в 1386 г. Несмотря на эту победу, война продолжалась со всей непримиримостью. Преемник Хакк-ад-Дина II султан Саад-ад-Дин (Сааддин) бросил на борьбу с христианской империей все мусульманские силы, развязав настоящую «священную войну», в которой наряду с армией участвовало и население. И этот этап борьбы завершился успешно для императорских войск. Сам Саад-ад-Дин, разбитый императором Йисхаком, умер на одном из островов недалеко от Зейлы. Оставшиеся в живых сыновья Саад-ад-Дина, однако, не отказались от дальнейшей борьбы. Опираясь — как и их предшественники — на поддержку Йемена, Зейлы и {89} Адена, они вели партизанскую войну. Постоянными набегами из Адала они нарушали покой в пограничных районах, проникая далеко в глубь страны. Они разрушали все на своем пути, жгли селения, церкви и монастыри. В 1424 г. Мансур, один из сыновей Саад-ад-Дина, оказался в плену у Йисхака. Его брат Джемаль-ад-Дин продолжал прежнюю политику, без устали нападал на империю, в смелых вылазках достигая даже реки Аббай.

Воинственный император Йисхак, который, кроме войн с султанами Уоласма, прославился и другими многочисленными походами, в конце концов погиб в одной из битв в августе 1429 г. После его смерти на эфиопском престоле побывало поочередно несколько правителей, о царствовании которых мы, собственно, ничего не знаем (Ындырыас, 1429—1430; Тэкле-Марьям, 1430—1433; Сыруы-Ийесус, 1433; Амдэ-Ийесус, 1433—1434). Неизвестно, были ли эти частые смены на эфиопском престоле связаны с эпидемией, которая на какое-то время приостановила войну с мусульманами, или, скорее всего, с внутренними интригами, в результате которых в свое время отказался от престола император Давид I, а также, очевидно, преждевременно скончался Теодрос I. Известно, что во время эпидемии умер Амдэ-Ийесус (Бэдыль-Нань). Наконец, в 1434 г. трон Эфиопии занял один из крупнейших в истории этой страны правителей — император Зэра-Якоб (второе имя — Костэнтинос).

БИТВА ПРИ ЫГУББА. ПОРАЖЕНИЕ СУЛТАНАТА ЙИФАТ

Император Зэра-Якоб прославился как своей храбростью, так и настоящим политическим талантом. Когда он пришел к власти ⁴, конфликт с мусульманскими султанатами не был урегулирован. Больше того, после эпидемии, которая естественным образом приостановила войну, исламизированные области Доуаро, Хадья и Бали снова вошли в коалицию с султанатами Йифат и Адал и, рас- {90} считывая на помощь со стороны Йемена и Египта, готовились к решающему бою с империей. Сначала император Зэра-Якоб пытался разобщить союзников и снискать себе с помощью дипломатических усилий приверженцев в неприятельском лагере. С этой целью, стремясь породнить враждующие правящие династии, он сам вступил в брак с сестрой Махики — гэрада страны Хадья. Сверх того, он сделал ее своей первой женой, в резуль-

⁴ Зэра-Якоб управлял, очевидно, страной уже в царствование своих племянников Сыруы-Ийесуса и Амдэ-Ийесуса. — *Прим. ред.*

тате чего она стала императрицей. Но гэрад Махико отказался платить дань и вошел в союз с другими мусульманскими странами.

Несмотря на дипломатические усилия Зэра-Яккоба, война снова стала неизбежной. Обе стороны собирали войска и готовились к решающему сражению. Неприятельские армии встретились в 1445 г. в местности Ыгубба. В продолжавшемся несколько часов бою весы победы долго оставались в равновесии. Наконец смерть предводителя мусульманских войск султана Ахмеда-Бэдлая, называвшегося в эфиопских источниках Арыуе-Бэдлай (Бэдлай-Чудовище), решила исход битвы в пользу армии императора. Преследуемый войсками императора, брат Бэдлая Хаыр-ад-Дин также погиб у реки Аваш. В 1445 г. завершилась почти сто лет длившаяся война. Султанат Йифат перестал существовать. Центр оттесненного ислама был перенесен в Адал. С того времени вплоть до следующего столетия там располагалась главная резиденция султанов династии Уоласма.

Император Зэра-Яккоб следующим образом отметил военный и политический успех битвы при Ыгуббе: день победы, 29 число каждого месяца, он повелел отмечать как всеобщий праздник для увековечения завоеванной в результате многолетней борьбы победы христианской империи над мусульманским противником. Тело убитого Бэдлая он приказал четвертовать и разослать правителям различных провинций в качестве знака предостережения. {91}

Глава VI

ИМПЕРАТОР ЗЭРА-ЯККОБ. ПОПЫТКА УСТАНОВЛЕНИЯ АБСОЛЮТНОГО ПРАВЛЕНИЯ

АМБА-ГЫШЕН

В истории Эфиопии XV в. неизгладимый след оставила деятельность императора Зэра-Яккоба. Мало правителей подобного масштаба было в истории этой страны. Он родился в округе Фэтэгар. Отцом его был император Давид I, матерью — Ыгзиы-Кыбра. Детство и молодость он провел на знаменитой горе Амба-Гышен, где, по-видимому, уже с XIII в. члены императорских семей, фактические и потенциальные претенденты на трон, проводили долгие годы, а иногда и всю жизнь в ожидании своей очереди на царствование. По утверждению легенды, император Бахыр-Ассэгид, имевший много братьев, пришел к мысли заточить их всех вместе на вершине неприступной горы, чтобы обеспечить им жизнь, «лишенную политических забот». Однако кто-то проговорился, и о замысле императора стало известно одному из его братьев. Последний моментально понял бесценное значение проекта и, не мешкая, заточил в Амба-Гышен самого инициатора. Очевидно, с этого времени начало функционировать это единственное в своем роде учреждение. На плоской вершине недоступной горы принцам крови были созданы хорошие условия для жизни. У них были резиденции с богатыми библиотеками, где они могли в обществе церковных ученых вести длительные диспуты и постигать трудное искусство сложения стихов. Основным неудобством этой безоблачной жизни были усиленная охрана и отвесные склоны, делавшие побег практически невозможным. К тому же совершенно отрезаны были все связи с внешним миром.

Зэра-Яккобу, заточенному в Амба-Гышен, пришлось долго ждать момента прихода к власти. Он переждал правление трех своих братьев и трех племянников. Наконец {92} в 1434 г. он оказался в императорском шатре. Зэра-Яккоб вступил на трон вполне зрелым человеком. У него уже были продуманная концепция управления государством. Основными были два положения: максимальная концентрация власти в руках императора и создание централизованной системы правления во всем государстве, а также расширение границ Эфиопии и укрепление ее позиций на севере. В течение тридцати четырех лет правления Зэра-Яккоб с железной последовательностью осуществлял свой план, преодолевая массу препятствий, возводившихся как светской, так и духовной знатью. Несомненно, этот император был одним из самых дальновидных политиков, искусных дипломатов, а также человеком наиболее светлого и образован-

ного ума в истории Эфиопии. Можно вполне согласиться с мнением некоторых историков, что сравнение этого правителя с многими тогдашними европейскими монархами оказывается в пользу эфиопского императора. Политические концепции Зэра-Якоба в последующие столетия развивались наиболее выдающимися правителями Эфиопии.

Вероятно, несмотря на долготлетнюю изоляцию в Амба-Гышен, Зэра-Якоб умел поддерживать связи с внешним миром, благодаря чему он прекрасно ориентировался во внутреннем положении государства. Он также получил хорошее образование в области истории, религии и приобрел глубокие знания об обычаях и традициях различных этнических групп, населявших Эфиопию того времени. Все это в значительной мере облегчило ему осуществление его великих замыслов. До последнего времени имя Зэра-Якоба окружено в Эфиопии мифом о его величии. Действительно, история его правления относится к наиболее интересному и красочному периоду в средневековой Эфиопии, и тем более приходится сожалеть, что так мало известно еще сейчас об экономическом и общественном строе той эпохи.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЗЭРА-ЯКОБА

В настоящее время трудно установить точную хронологию событий периода правления Зэра-Якоба. Эфиопские летописцы излагают истории правителей не в строгой последовательности, а часто прерывают повествование, чтобы, обратившись к минувшим временам, затем вернуться к прерванному ходу рассказа. И хотя составленные таким образом хроники иногда представляют собой прекрасно написанные литературные произведения, но по ним трудно правильно восстановить события во времени. Известная в настоящее время хроника Зэра-Якоба была составлена после его смерти, поэтому хронология периода его правления тем более осложнена.

К осуществлению своих политических концепций Зэра-Якоб приступил сразу же после прихода к власти. Вполне очевидно, что великий замысел объединения и централизации государства был реален только в том случае, если он совпадал с интересами определенного социального слоя. В Эфиопии же того времени наилучшим союзником для установления абсолютистской власти была церковь.

Сильная центральная власть была в интересах духовенства, так как позволяла ему сохранять значительное влияние. Светская же знать теряла при централизации самостоятельность и независимость, какой она пользовалась в своих владениях и округах, поэтому могла быть только противником подобных концепций.

Во времена Зэра-Якоба церковь представляла собой настоящую независимую экономическую державу и имела большое влияние в государственной администрации. Однако внутри церковь не была единой. Напротив, в ее лоне появилось еще больше различных направлений и сект, которые боролись друг с другом, добиваясь исключительного влияния в государстве и подчинения себе всей церкви. Вполне вероятно, что великие унификационные и централизаторские идеи Зэра-Якоба не были только его изобретением. Но как бы то ни было, можно с уверенностью сказать: в создании единой и централизованной Эфиопии в XV в. наиболее заинтересованы были император и часть духовенства. Светская знать ничего не приобретала от осуществления императорской программы власти.

В политическую концепцию Зэра-Якоба также входило упрочение позиций Эфиопии на севере, чтобы обеспечить стране выход к морю. Пожалуй, он был первым хранителем новой династии, происходившей из Шоа, т. е. с юга, который думал не только об укреплении родной шоанской провинции, но руководствовался интересами всей Эфиопии. Это был довольно существенный вопрос. Плодородная провинция Шоа в силу своего экономического положения была больше заинтересована в соседних юго-восточных, в основном исламизированных, областях, чем в далеко на севере расположенном побережье. Будучи экономически независимой, провинция Шоа в последующие века превратилась в удельное княжество, процветавшее и совсем не заинтересованное в северных территориях. Династия, находящаяся на эфиопском троне с XIII в., имела свою резиденцию в округе Тэгулет провинции Шоа. Правители этой шоанской династии в разные периоды проводили либо южную политику, т. е. политику, направленную на непосредственное укрепление родной провинции, либо северную политику, в

основе которой лежало стремление расширить влияние Эфиопии до побережья. Сторонники северного направления эфиопской политики немногочисленны в этой династии, но все принадлежат к наиболее замечательным правителям этой страны. Представители «северной политики», обращаясь к исторической традиции аксумских времен, стремились к осуществлению идеи объединенной Эфиопии, к стиранию антагонизма между округами, населенными различными этническими группами. Правитель, который намеревался проводить северную политику, сразу же заявлял об этом фактом свершения коронационного церемониала в Аксуме.

ПОПЫТКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭФИОПСКОЙ ЦЕРКВИ В УНИФИКАТОРСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Сразу же после вступления Зэра-Якоба на престол перед ним встала необходимость ликвидации внутреннего антагонизма в лоне церкви. На севере и на юге, в Тигре и в Шоа, силу представляли — как мы помним — две разные церковные группировки. На юге монастырь Дэбрэ-Асбо был центром толка тоухдо, на севере же господствовали монахи Евстахиевого устава, которые своим значением {95} были обязаны монастырю Дэбрэ-Бизэн. Император Давид I в свое время упрочил их экономическое положение крупными земельными пожалованиями. Обе группы различались трактовкой богословских догматов, и каждая из них стремилась к распространению своего учения.

Император Зэра-Якоб, нуждавшийся для осуществления своих намерений в поддержке по меньшей мере этих двух влиятельных групп духовенства, лично участвовал в решении их споров и улаживании многих противоречий в вопросах веры и литургии. Он ввел для всей страны строгие религиозные правила, придерживаться которых обязано было все эфиопское духовенство под угрозой утраты имущества в пользу местных управляющих, так называемых шумов. Эти догматико-литургические принципы были опубликованы в книгах, автором которых был сам Зэра-Якоб. Для народа Зэра-Якоб учредил обязательные церковные праздники: субботу, воскресенье, ежемесячные праздники Марии и Михаила, день победы над султаном Бэдлаем-Чудовищем и т. д. Он издал предписания и о праздниках для священников, о строительстве церквей, размещении в них алтарей, о купели, которая должна была находиться снаружи строения, и о прочих деталях. Он даже определял содержание проповедей, которые священники должны были произносить в дни праздников.

Изданием этих правил, охватывавших как крупные проблемы догмата, так и частные вопросы литургии, Зэра-Якоб стремился превратить эфиопскую церковь в идеологически единую организацию. Однако вполне вероятно, что для реализации этих планов мероприятий только законодательного характера было недостаточно. Зэра-Якоб должен был располагать средствами, которые позволили бы ему ввести в жизнь эти правила, часто огорчительные для разных толков духовенства. Ведь не могло же быть приятно монахам толка тоухдо распоряжение о праздновании субботы, так же как Евстахиевым монахам было тягостно предписание празднования воскресенья, если это было предметом их спора между собой. Средством заставить духовенство принять навязанный им устав были в руках императора экономические и политические привилегии, возместившие духовенству его уступки догматико-литургического характера. Так, например, во время своего коронационного путешествия в Аксум — в начальный период правления — Зэра-Якоб значительно укрепил духовенство севера пожалованиями церквям, а также основал там несколько новых монастырей. Укрепление северного клира уравнивалось почти одновременным обогащением южного клира — толка тоухдо. На обратном пути из Аксума Зэра-Якоб заложил в округе Цэхая в Амхара два монастыря — Мэканэ-Гол и Дэбрэ-Нэгодгуад, поселил там много монахов, пожаловал им наследственные земли. В монастырь Дэбрэ-Нэгодгуад он приказал передать гроб с останками своего отца императора Давида, чем значительно поднял престиж нового монастыря. После чего богатый во всех отношениях монастырь он передал представлявшему толк тоухдо ычэге Ындрыясу (Андрею). Как мы уже указывали, он поднял авторитет этой группы монахов, изменив название их центрального монастыря Дэбрэ-Асбо на Дэбрэ-Либанос, т. е. присвоив ему имя одного из наиболее известных в Эфиопии монахов, аббы Либаноса.

Таким образом император Зэра-Якоб поддерживал равновесие между враждующими

группами, привлекал их на свою сторону и умело использовал антагонизм между ними для достижения собственных целей. Строительство каждого нового монастыря было связано с земельными пожалованиями, а монастырские владения становились неприкосновенной собственностью духовенства и освобождались от всяких налогов в пользу императора. Больше того, если не все, то по крайней мере принадлежавшие крупнейшим монастырям имения пользовались практически иммунитетом, т. е. даже войска императора не могли ни вступать в эти владения, ни кормиться в них. Монастыри, в которых покоились останки императора, дополнительно получали щедрые дары от царствующих правителей. Поэтому понятно сопротивление, оказанное монахами острова Дэга, где был похоронен император Давид, когда Зэра-Яыкоб забирал у них такой «доходный» гроб. Понятна также экономическая и моральная выгода, какую приобрели монахи тоухадо, получив так щедро всем обеспеченный монастырь Дэбрэ-Нэгодгуад, который, {97} впрочем, не был для них единственным императорским даром. И наконец, становится понятным, что за такую цену вполне можно было пойти на уступки в религиозных вопросах.

Наряду с экономическими средствами, использованными Зэра-Яыкобом в этой необыкновенно искусно проводимой игре, большую помощь императору оказала поддержка группы церковных сановников. Во главе этой группы стал всемогущий акабе сэат Амха-Ийесус.

Интересы сильных группировок духовенства совпадали с императорскими не только в экономическом плане. Император Зэра-Яыкоб стремился объединить эфиопскую церковь и искоренить при этом все местные культы и верования. Поэтому влиятельные монахи имели в то время попросту неограниченные возможности расправляться с каждым неугодным им лицом. Это были времена кровавой инквизиции, в которой активную роль играл ычэге Ындыряс вместе с упоминавшимся акабе сэат Амха-Ийесусом. Последний был одним из наиболее доверенных лиц императора.

Настали времена, когда никто не был огражден от интриг и доносов монахов, в том числе и самого Ындыряса. Незначительный донос влек за собой или публичное наказание розгами обвиненного в ереси, или ссылку, или жестокие пытки, в результате которых жертва чаще всего лишалась носа и языка. Император железом выжигал любой культ и любую другую, не им установленную форму веры. На севере кровавым образом были ликвидированы секты стэфанитов (ыстифанос) и микаэлитов. Почитатели богов Десака и Дино под угрозой утраты имущества и публичного наказания розгами должны были прекратить отправление своих старинных культовых практик. Прощения не было никому, даже императорским детям. Никто не проверял, соответствует ли донос действительности, поэтому погибали доносчики, ставшие жертвой собственного оружия, погибали монахи, женщины, дети и мужчины. Три известных доносчика тех времен — Зэра-Цыйон, Тэаука-Бырхан и Гэбрэ-Крыстос — никем не проверявшимися обвинениями погубили много монахов, знати и чиновников, прежде чем меткий донос лишил их самих чести, имущества и жизни. И только трагический {98} вопль, вырвавшийся из уст умиравшего Зэра-Цыйона, позволяет предположить, что эти три человека были орудием в руках монахов, которые творили расправу над каждым, кто стоял на их пути, что с их помощью монахи держали народ, знать и остальное духовенство в постоянном напряжении в обстановке террора. Смерть этих троих, трагическая и бесчестная, связана с важным политическим событием, в котором, по-видимому, были замешаны монахи из Дэбрэ-Либаноса. Однако сейчас перейдем к другой сфере деятельности Зэра-Яыкоба, касавшейся организации централизованного государства.

КАЗНЬ ПРИНЦЕВ

Чтобы централизовать власть в одних руках и ввести единую систему управления округами, Зэра-Яыкобу прежде всего нужно было сломить сопротивление местных сановников и балаббатов, издавна там живших и господствовавших в этих землях фактически независимо. Знатные роды из местного населения, естественно, были связаны с обычаями, культурами и традициями своих этнических групп и пользовались там властью и авторитетом. Такое положение вещей составляло для Зэра-Яыкоба одну из важнейших трудностей в деле объединения госу-

дарства и укрепления авторитета центральной императорской власти. Эта независимость округов была причиной многочисленных заговоров и интриг против императора. Очевидно, с антиимператорским заговором именно такой подоплеки встретился в первые годы своего правления Зэра-Яькоб. Во главе заговора стоял его зять Амдэ-Мэскэль, занимавший пост битуюддэда, который делал его ближайшей к императору фигурой. Он был инициатором — по утверждению летописца — «вероломных проектов, замыслов, о которых лучше не говорить вслух, достойных дьявольской, а не человеческой души». В заговоре участвовали монах Амха-Ийесус, ныбурэ ыд Ноб из монастыря Дэбрэ-Дамо, а также предшественник Амдэ-Мэскэля на посту битуюддэда — Исаяс. Обвинение Амдэ-Мэскэля в супружеской неверности было, несомненно, лишь мнимой причиной начала процесса и осуждения заговорщиков. {99} Только император точно знал место в провинции Амхара, куда был сослан его зять, чье имя в результате процесса было изменено: вместо Амдэ-Мэскэль — «Столп Креста» — он стал называться позорным именем Амдэ-Сэйтан — «Столп Сатаны». Монах Амха-Ийесус и ныбурэ ыд Ноб, которому также изменили имя на Кэбэро-Сэйтан — «Дьявольский Тамбурин», — были сосланы в Гошыаро. Был изгнан бывший битуюддэд Исаяс, которого с позором проводили к месту ссылки, надев на него большой железный ошейник.

Этот процесс стал началом реорганизации правления. Был проведен большой «шум шыр» («разжалован — назначен»), т. е. перераспределение должностей, придворных и провинциальных. Император Зэра-Яькоб использовал представившийся ему случай, чтобы за один раз по всей стране лишить власти и влияния неугодных ему местных балаббатов, шумов, мэсафынтов и мэкуанннентов, т. е. наиболее влиятельный слой знати. Желая обеспечить везде строгий контроль, он решил важнейшие посты отдать своим детям, и прежде всего дочерям, опасаясь наследников-мужчин, которым он доверил менее значительные функции.

Женщины в Эфиопии не раз оказывали существенное влияние на политические дела и играли важную роль в государстве, однако никогда не было в Эфиопии так много формально занятых женщинами придворных и государственных постов, как в правление Зэра-Яькоба. Бырхан-Зэмэда, жена осужденного битуюддэда Амдэ-Мэскэля (Амдэ-Сэйтана), получила пост гыра битуюддэда, другая дочь императора, Мэдхын-Зэмэда, — пост кэнь битуюддэда. Во главе всех важнейших провинций вместо прежних родовых¹ правителей были назначены также его дочери. В провинции Амхара управляла Амэтэ-Мэших, в Тигре — Дыль-Сэмра, в Годжаме — Ацнаф-Сэмра, в Шоа — Ром-Гэнэйела, в Бэгемдыре — Цэбэле-Марьям (называвшаяся также Абале-Марьям), в Дамоте — Мэдхын-Зэмэда, в Йифате — Амэтэ-Гийоргис, в Анготе — {100} Бахыр-Мэнгыса, в Гыддыме — Софья, в Гень — Ацнаф-Сэгэду, племянница императора. Другие должности также заняли дети правителя.

Однако этот довольно необычный шум шыр не дал императору ожидавшегося укрепления центральной власти. Очевидно, в своих тенденциях к единовластию принцы и принцессы крови мало отличались от местных крупных феодалов. Поэтому вскоре состоялся следующий шум шыр, еще более жестокий и кровавый, чем предыдущий. Его проведению помогали, вероятно, и монахи толка тоуахдо по причинам, неизвестным нам в настоящее время. Упомянувшиеся выше знаменитые доносчики того времени — Зэра-Цыйон, Тэаука-Бырхан и Гэбрэ-Крыстос — обвинили принцев крови в переходе в языческую веру и поддержке местных, искоренявшихся императором культов и магий, особенно в почитании богов Десак и Дино. Они предъявляли также «много других обвинений, которые были известны только царю; но открыто только то, что они поклонялись Десаку». Обвинение не осталось без внимания. На многолюдном публичном собрании императорские сыновья и дочери, принцы Теодрос, Гэлаудеуос, Амдэ-Цыйон и Зэра-Абрыхам, принцессы Дыль-Сэмра и Ацнаф-Сэмра и многие другие на глазах народа истекали кровью под ударами розог. Над перепуганной толпой, со страхом наблюдавшей муки императорских детей, раздался голос самого правителя: «Смотрите, что сделали мы детям нашим. Мы не пощадили их, ибо они погрешили против бога. И ныне скажите и выскажитесь, достаточно ли этих пыток или мы должны прибавить еще?» Среди собравшихся раздался плач: «Да не прибавляйте им никакого наказания, ибо они близки к смерти, господин наш, царь!» Некоторые из императорских детей умерли сразу же на месте казни, другие скон-

¹ Разумеется, «родовых» лишь в смысле «старинная родовитая знать», связанная узами родства с населением своих владений. — *Прим. ред.*

чались позднее в мучениях. Одновременно с ними были подвергнуты смертельным пыткам еще многие неизвестные люди, также обвиненные доносчиками. А вскоре погибли в мучениях и сами эти доносчики. Имя Зэра-Цыйон (Семя Сиона) распространилось среди народа в унижительной и позорной форме Зэра-Сэйтан (Семя Сатаны). Что все это было крупной политической интригой ычэге Ындрьяса (Андрея), мы можем только предполагать по последним словам {101} умиравшего в мучениях Зэра-Цыйона-Сэйтана: «Смотрите, как пронзает меня огненным копьем абба Ындрьяс Дэбрэ-Либаносский!»

РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

После неудачной попытки укрепить власть, опираясь на членов собственной семьи, император обратился к другому методу. Он состоял в смелой по тем временам мысли назначить на должности управляющих провинциями специально отобранных императором чиновников и присвоить им определенные титулы согласно исполнявшимся функциям. Таким образом, была сделана попытка отстранить от власти местные феодальные роды, управлявшие в силу традиционных прав целыми округами.

Пример судилища, которое император устроил даже над собственными детьми, служил убедительным предостережением каждому, кто попытался бы выступить против Зэра-Яккоба. Вновь назначенные управляющие понимали, что в любой момент они могут утратить посты и титулы, присвоенные им волей их господина. Итак, в силу необходимости они были больше заинтересованы в сохранении верности Зэра-Яккобу, чем в участии в заговорах против личности и воли железного императора. Правители провинций Дамот, Годжам, Бэгемдыр, Тигре, Ангот, Гень, Йифат, Шоа, Кыдда и Гыддым получили титул *масэре*, правитель Доуаро — титул *аурари*, управляющие Джыр, Гыббыр, Уодж — *хегэно*, управляющий провинции Амхара — *цэхафе лам*, а провинции Фэтэгар — *азжаж*. В результате этого последнего шум шыра все важнейшие должности в государстве были заняты людьми, верными императору и связанными с ним своими интересами. Но успех императорской политике обеспечили не только верные императору управляющие.

ОТРЯДЫ «ШОА»

Окончательный успех политике Зэра-Яккоба обеспечили специальные воинские отряды «шоа». В предыдущем столетии название «шоа» (*чоуа*, *цоуа*) присваивалось придворным высокого происхождения, на которых {102} возлагались высшие обязанности при особе императора. С течением времени их функции изменились. Из «шоа» стали формироваться привилегированные отряды, посылавшиеся главным образом в пограничные районы терзаемого постоянными войнами государства. Полки «шоа» подчинялись только императору. Они получали во владение захваченные округа и освобождались от платежей в пользу управляющих провинций, давая дань только императору. Следовательно, они были заинтересованы как в сохранении верности императору, так и в завоевании и удержании пограничных областей для него. Император Зэра-Яккоб еще более укрепил экономическое положение и авторитет «шоа». После подавления бунта находившихся в Доуаро отрядов «шоа», которые вошли в контакт с враждебными силами мусульман, император закрепил за каждой провинцией и округом соответствующий полк «шоа», оберегавший интересы императора и только ему подчинявшийся. Формирования «шоа» в каждом округе имели свои названия, так же как и те, наиболее доверенные, которые несли службу при дворе и являлись личной охраной императора. Представляется вероятным, что Зэра-Яккоб, значительно увеличив численность, авторитет и привилегии «шоа», намеревался противопоставить эту группу децентралистским и сепаратистским силам в лице прежде всего традиционных феодальных родов, которых новая политика императора лишила части прежних привилегий. Так же как и в церковных вопросах, Зэра-Яккоб, применяя принцип равновесия сил между отдельными группами светской знати, успешно проводил свою политику.

БАХЫР НЭГАШ. СЕВЕРНАЯ ПОЛИТИКА

Наряду с «шоа», значение которых выросло во всей стране, император Зэра-Яыкоб — в соответствии со своей, обращенной на север политической концепцией — поднял ранг и значение не только северного клира, но и управляющего приморскими территориями. Благодаря императорскому эдикту об изменении титула мэяке бахыр («приморский наместник») на бахыр нэгаш («царствующий в приморье») возрос моральный вес этого управляющего. Также в соответствии с общим унификационным принципом объем власти бахыр нэгаша по приказу императора был расширен, и ему стали подчиняться управляющие Шире, Сэрае и Бур. Согласно документам того времени, должность бахыр нэгаша решением императора превратилась в одну из важнейших в государстве. В таком поднятии ранга бахыр нэгаша таился зародыш позднейших конфликтов между господствовавшими в центре императорами и царствовавшими в приморье правителями, стремившимися к независимости.

В период 1434—1454 гг. император Зэра-Яыкоб сумел осуществить все свои политические планы. Он подчинил себе земли на севере вплоть до побережья, с одной стороны, благодаря вручению правителю этой области привилегий, несравненно превосходивших престиж и положение управляющих других провинций, с другой стороны — благодаря упрочению позиций тамошнего клира. Он объединил государство путем введения централизованной системы управления и отстранения от власти местных родов, стремившихся к сепаратизму. Он дал эфиопской церкви единую организацию и определил единую форму верования, одновременно укрепив с помощью церкви культурную и политическую общность подвластных ему народов. В то же время он закончил более чем вековую войну с мусульманскими султанатами, утвердив превосходство империи знаменитой победой над мусульманами в 1445 г. при Ыгуббе.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В ДЭБРЭ БЫРХАНЕ

Последние четырнадцать лет своего правления Зэра-Яыкоб посвятил продолжению начатого дела, почти совсем не покидая основанной в 1454 г. резиденции в Дэбрэ-Бырхане. Эфиопские императоры не строили столиц в европейском понимании этого слова. Обычно они выбирали какую-то местность в качестве центрального пункта, а сами большую часть времени проводили в военных походах или в поездках по стране с целью контроля. Императорская резиденция представляла собой скорее лагерь, выстроенный по правилам местной архитектуры, чем го-род — центр политической и культурной жизни государства. То, что Зэра-Яыкоб мог четырнадцать лет провести в основанной им резиденции, свидетельствует о стабилизации государства и настолько прочной его организации, что можно было обойтись без постоянного контроля правителей на местах.

Он избрал своим местопребыванием Дэбрэ-Бырхан, руководствуясь — согласно легенде — «знамением Божиим», озарившим огненным столбом эту гору. Отсюда же и название: Дэбрэ-Бырхан — «Гора Света». Там он повелел возвести частокол из стволов оливковых деревьев, с которых была ободрана кора, чтобы издалека они сверкали белизной. Эти стволы высотой в 20 локтей так тесно были поставлены друг к другу, что не оставалось малейшей щели. Частокол устанавливали только высокие придворные сановники, причем император запретил им облачаться в одежды, приличные их званиям и титулам, до тех пор, пока дело не было закончено. Внутри выстроили главную резиденцию императора, а на ее крыше установили огромный золотой крест, видный издалека. Императорская резиденция была огорожена еще одним частоколом и соединена с выстроенной ранее церковью Троицы, чтобы никто не мог видеть направлявшегося на обедню правителя. Лишь акабе сэат да несколько пажей во главе с блаттенгета сопровождали императора в его пути на богослужение.

Читая описания императорской резиденции и придворного церемониала, трудно освободиться от впечатления, что этот крупный правитель, сумевший диктовать свою волю всей стране, терроризировавший страну и державший всех в железных оковах страха, искоренявший все древние местные верования, сам был одержим паническим страхом перед земными и магическими силами, которым он объявил войну. Пахам из его ближайшего окружения не разрешалось стричь волосы, чтобы отрезанные локоны не попали в руки колдунов-магов, могущих с их помощью взглянуть императора и его двор. Днем и ночью — чтобы отогнать злых духов — кружили по огражденным высокими частоколами дворам монахи, постоянно окропляя

святой водой резиденцию, от сумерек до рассвета и с рассвета до сумерек распевая псалмы {105} и гимны, и особенно сочиненный самим правителем гимн «Бог царствует». Опасаясь колдовства, император приказал выкопать внутри ограды глубокую яму, которую все придворные обязаны были наполнять святой водой. Этой водой, обладавшей якобы чудодейственными свойствами, снимали чары, крестили и лечили болезни. Внизу, у подножия главной императорской резиденции, куда имел доступ только акабе сэат Амха-Ийесус, располагался ряд строений. В них размещались резиденции тех монахов из различных монастырей, кому император разрешил находиться рядом с его особой. Это были монахи из Дэбрэ-Либанос, Дэбрэ-Бизэн, Дэбрэ-Марьям в Гэральта и из многих других монастырей; все они не ели мяса и не пили напитков. Одни из них допускались к участию в ежедневном императорском богослужении, другие — только по праздничным дням. Далее размещались казармы отрядов «шоа» из разных округов страны, затем — кухни и кладовые, сокровищница, в которой хранилась вся получаемая императором дань, и, наконец, конюшни и пастбища для императорских лошадей были также защищены частоколом, дабы никто не мог бросить на них дурного взгляда. Аллеей из сикомор был окружен двор, где вершились суды и экзекуции. Строго определены были места, где придворные принимали пищу в соответствии с их рангом. Кушанья императору на его стол подавала только одна из его жен — гыра бальтихат Фыре-Марьям, называвшаяся также Жан-Хайла. Это ей в дар Зэра-Яыкоб построил церковь Мэканэ-Марьям в Тэгулете. Фыре-Марьям подавала императору пищу, окруженная свитой высших сановников, среди которых находилась другая жена правителя — кэнь бальтихат Ылени (Елена), называвшаяся также Жан-Зала. Охрана постоянно несла караул во дворах, освещавшихся и ночью. Каждый из придворных знал, до какой границы в императорской резиденции позволено ему ходить. Посторонний человек мог войти в пределы резиденции только с разрешения императора, акабе сэата или начальника охраны. Каждого, кто приближался без разрешения, немедленно убивали.

Когда император отправлялся на обедню, блаттенгета уведомлял об этом соответствующие отряды «шоа», кото- {106} рые трубили в рога и трубы, выстроившись до самых дверей церкви вдоль частокола, за которым шел невидимый император с немногочисленной свитой. И тогда вокруг императорской резиденции становились на стражу вооруженные саблями и мечами монахи из Дэбрэ-Бизэн, а также отряд лучников «шоа» под названием «Молния в Адале». Во время богослужений все отряды «шоа» получали хлеб и спиртное в большом количестве. Тайной дорогой в обществе акабе сэата и нескольких пажей Зэра-Яыкоб возвращался с обедни, а когда он входил в свою резиденцию, блаттенгета подавал знак движением руки и шоанские отряды пускались в бешеную пляску под пронзительные звуки барабанов, рогов и труб. Потом опять по сигналу все стихало, и каждый возвращался на свое место. Так проходило время в резиденции Зэра-Яыкоба, в Дэбрэ-Бырхане. Здесь он написал «Книгу света» и «Книгу рождений», в которых рассмотрел различные верования эфиопского народа и определил принципы ортодоксальных догматов и церковной литургии. Возможно, им были написаны и другие книги, авторство которых спорно. В период его правления эфиопская литература обогатилась рядом произведений, главным образом религиозного характера.

Умер Зэра-Яыкоб в Дэбрэ-Бырхане 26 августа 1468г. Он умер, оставив в наследство сыну Эфиопию объединенную и организованную, правда только внешне примирившуюся с абсолютной властью императора. Первым шагом нового правителя было разрушение отцовского дела. {107}

Глава VII

ОСЛАБЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

ИМПЕРАТОР БЭЫДЭ-МАРЬЯМ

26 августа 1468 г. в воскресенье в 3 часа дня вступил на престол Эфиопии Бэыдэ-Марьям — двадцатилетний сын Зэра-Яыкоба. На следующий день утром он объявил амнистию всем противникам централизаторской политики умершего императора. В тот же понедельник он восстановил в каждой провинции традиционные высшие должности и ликвидировал боль-

шую часть вновь учрежденных Зэра-Яыкобом. Вместо правителей, назначенных императором и беспрекословно подчинявшихся его воле, он торжественно короновал местных феодалов, независимость которых с таким трудом ликвидировал прежний император. Новый властитель предоставил каждой области и каждой этнической группе независимость во внутренних делах при условии уплаты ими соответствующей дани. Главной целью Зэра-Яыкоба было превращение Эфиопии в единое государство. Бэйдэ-Марьям, наоборот, предоставил свободу отдельным областям, признал местные обычаи, не навязывал единого управления. Ряду областных правителей новый император вернул старые титулы согласно местной традиции и разрешил носить корону, т. е. формально признал их самостоятельность. Правители бывшего султаната Йифат, подчиненного в 1445 г. империи, получили право употреблять перед своим титулом имя Уоласма, что явилось выражением уважения со стороны нового императора местной традиции и господствовавшего там издавна рода, обязанного платить дань лишь императору. Была ликвидирована должность правителя этой области, введенная Зэра-Яыкобом, — рак масэре. Сновники, управляющие в провинциях Амхара, Шоа, Дамот, стали носить при Бэйдэ-Марьяме титул цэхафе лам; в провинциях Ангот, Тигре и Кыдда — бахыр-^{108}нэгаш; в провинциях Хадья, Гэнз, Доуаро — гэрад; в Гыддым — акацэн; в Генъ — ныгусэ; в Годжам — нэгаш.

Торжественно прошел состоявшийся в первый день правления императора Бэйдэ-Марьяма этот великий всеобщий шум шыр, в котором приняла участие вся светская и церковная знать Эфиопии. Сам император возлагал золотые короны на головы тех, кто совсем недавно был лишен своего значения и даже свободы, кто волей Зэра-Яыкоба был отстранен от политической жизни. Собственно, это именно они, разжалованные вельможи, возвели на трон нового правителя, представлявшего их удельно-родовые интересы. Вероятно, они же, не желая мириться с абсолютной властью Зэра-Яыкоба, организовали в последние годы его правления неудавшийся государственный переворот, за который заплатила своей жизнью Цыйон-Могэса, мать Бэйдэ-Марьяма. Зэра-Яыкоб раскрыл заговор и приказал засечь до смерти главную зачинщицу интриги — Цыйон-Могэса, одну из своих жен или наложниц. Подобная судьба должна была постигнуть и Бэйдэ-Марьяма, который спас свою жизнь и получил отцовское прощение только благодаря заступничеству ычэге Ындырыса из Дэбрэ-Либаноса.

При предположении, что Бэйдэ-Марьям пришел к власти, опираясь на светскую знать как представитель удельного антиунификаторского направления внутренней политики, может показаться удивительным факт, что он сумел снискать и поддержку главы толка тоухадо из Дэбрэ-Либанос, который при Зэра-Яыкобе имел такое большое политическое и экономическое значение. Однако не следует забывать, что тогда Зэра-Яыкоб уже приближался к концу своего правления. Дальновидное духовенство должно было думать о наследнике престола, который сохранил бы их прежнее положение. Итак, если сами монахи из Дэбрэ-Либанос не участвовали в заговоре, то, вероятно, они охотно содействовали спасению Бэйдэ-Марьяма, надеясь на благодарность с его стороны и на новые в скором времени пожалования.

Бэйдэ-Марьям во внутренней политике признавал свободу за удельными княжествами, объединенными формально под скипетром императора, носившего титул ныгусэ нэгэст («царь царей»). «Удельная политика» была ^{109} более близка традиции разнородной в этническом отношении империи, чем дальновидная концепция Зэра-Яыкоба. Результаты возвращения к традиционной форме правления очень скоро стали видны. Уже в период правления Бэйдэ-Марьяма и позднее, при его преемниках, увеличились заговоры и интриги групп, соперничающих между собой в борьбе за власть. «Удельная политика» Бэйдэ-Марьяма нашла выражение не только в возвращении былого значения удельным феодалам, но и в уважении местных обычаев различных народов. Это была тактика, рассчитанная на мирное подчинение императорской власти отдельных областей. Так, например, перед коронацией в Джыджыно император приказал раздать местному населению нарядные одеяния белого цвета, который в данной местности был цветом праздников и торжеств. Находясь в стране народа амхара, он организовал торжества благословения правителя народом в полном соответствии с местным обычаем. На сей раз народ и знать были одеты в черное.

Бэйдэ-Марьям продолжил только два направления политики своего отца. Первым из них было введение в качестве обязательной для всех жителей страны христианской веры и осуждение местных культов, вторым — дальнейшее развитие «северной политики». Осуществление первого из этих направлений проходило, однако, с несравненно меньшим кровопроли-

тием, чем в предшествовавший период.

Вскоре после проведения шум шыра такого важного исторического значения Бэйдэ-Марьям отправился в красивейший из основанных Зэра-Яыкобом монастырь Дэбрэ-Нэгодгуад, чтобы там в обществе монахов толка тоуахдо торжественно почтить память умершего правителя. Монахи приняли нового господина, выйдя ему навстречу в торжественной процессии, которую возглавил приор монастыря, ехавший на коне побежденного некогда Зэра-Яыкобом Бэдлая-Чудовища с его щитом и копьем в руках. Эти вещи убитого правителя мусульман Зэра-Яыкоб даровал монастырю Дэбрэ-Нэгодгуад после знаменитой победы при Ыгуббе. В Дэбрэ-Нэгодгуад состоялся большой, обычаем предписанный церемониал поминовения умершего императора, после чего Бэйдэ-Марьям пожаловал монахам всю дань, поступившую из окрестных селений. Из Дэбрэ-Нэгодгуад, который находился на севере от Тэгулета — центра тогдашнего государства, Бэйдэ-Марьям направился на север, на еще языческие территории Кыланто. Однако это не было вооруженным завоеванием. Император послал сначала гонцов с богатыми дарами для местного населения, которые, раздавая украшения и наряды, оповещали об изменении названия страны с языческого Кыланто на христианское Атронсэ-Ыгзыгтнэ-Марьям — «Престол Госпожи нашей Марии» (сокращенно называвшийся Атронсэ-Марьям — «Престол Марии»). Прибывший вслед за ними император был торжественно встречен местными жителями, нарядившимися в подаренные платья и громко выкрикивавшими новое название страны. Бэйдэ-Марьям построил здесь храм Атронсэ-Марьям — наиболее известное сооружение из всех возведенных за время его правления.

Бэйдэ-Марьям много пожертвовал Атронсэ-Марьям из своей личной сокровищницы и подарил храму ценную библиотеку. Кроме того, сюда были перенесены тела умерших правителей Эфиопии: императоров Теодроса I из Мэрабете (Мэрхабете), Ныуайе-Марьяма из Асэро, Йикуно-Амлака из Йикуно — и останки крупнейших сановников церкви. Бэйдэ-Марьям приказал также захоронить здесь своего любимого учителя монаха Тэкле-Иисуса. Этот храм вместе со всей пожалованной ему землей император приписал монахам тоуахдо из Дэбрэ-Либаноса.

Совсем не значит, что новый император только с помощью подкупа и уважения местных обычаев пытался осуществлять власть над разнородными округами своей страны. Не все области удавалось так легко подчинить, как Атронсэ-Марьям. Бэйдэ-Марьям несколько лет подряд вел войну в Доба, которую после окончательного покорения приказал только что назначенным светским и духовным управляющим старательно благоустроить. Цэлемт, в предшествовавшее царство сумевший сохранить независимость, он подчинил своей власти, разместив там отряды «шоа». Главная заслуга в покорении округа Цэлемт принадлежала одному из военачальников Бэйдэ-Марьяма, монаху, предположительно по имени Маркос. {111}

Присоединенные при Бэйдэ-Марьяме области, а именно Атронсэ-Марьям, Доба, Цэлемт, по всей вероятности, свидетельствуют о том, что новый император, как и его отец, понимал значение для Эфиопии северных провинций. Это подтверждается также намерением, правда не осуществленным, короноваться в Аксуме и постройкой резиденции в Хая, расположенной в Тигре.

После десяти лет правления еще молодой, тридцатилетний император внезапно умер 8 сентября 1478 г. в результате отравления — случайного, как говорят одни, умышленного — утверждают другие. Не трудно найти силы, заинтересованные в том, чтобы убрать императора. Ослабление центральной власти вследствие нового политического направления Бэйдэ-Марьяма благоприятствовало росту притязаний светской и духовной знати. Взаимная неприязнь и интриги стали часты среди окружения императора, которое вздохнуло с облегчением после смерти железного Зэра-Яыкоба. Как всегда бывает в период обострения политической борьбы, в стране распространилось бродяжничество «ясновидящих» монахов, «предсказывавших» будущее. Удивительная безошибочность этих монашеских предсказаний лишь свидетельствует об искусности, с какой церковь осуществляла свои политические замыслы, укрепляя свой авторитет среди народа.

В это время при дворе стала возрастать роль одной из жен императора, кэнь бальтихат Ылени, называвшейся также Адмас-Могэса. Правда, коронованной императрицей была другая жена, гыра бальтихат Жан-Сэйфа, но Ылени благодаря красоте, изрядному светскому опыту и дипломатическим способностям занимала первое место в сердце императора и имела влияние в

государственных делах. Все это не могло оставить равнодушной главную жену императора, которая, кажется, была еще и сослана. В этой ситуации ликвидация правящего императора могла развязать руки ее сторонникам.

ПРАВЛЕНИЕ РЕГЕНТОВ

После смерти императора на трон с большой поспешностью возвели малолетнего Ыс-кындыра (Александра), сына Бэйдэ-Марьяма. Фактически управлять страной {112} стали императрица Романэ-Уорк (или Ромна-Уорк, которую, видимо, следует отождествлять с коронованной и ссыльной императрицей гыра бальтихат Жан-Сэйфа), акабо сзат Тэсфа-Гийоргис, а также гыра битуюддэд Амдэ-Микаэль, сокращенно называвшийся Амду. Тройка регентов поделила власть, отстранив привлекавшегося вначале четвертого регента кень битуюддэда Бэдыларыда. Мать Ыскындыра, императрица Романэ-Уорк, распоряжалась армией, акабе сзат Тэсфа-Гийоргис сосредоточил в своих руках все церковные и административные дела, битуюддэд Амду занимался общегосударственными вопросами. Такое положение вещей неизбежно рождало недовольство светской и духовной знати, которая должна была теперь подчиняться воле равных себе сановников. Очень скоро против регентов возник первый заговор, активнейшее участие в котором приняло духовенство. Однако так же быстро он был раскрыт, и главные виновники — два монаха, абба Хасбо и абба Амду, и человек, называвшийся, видимо, Мыымэн-Бэцдыку, — были приговорены к наказанию розгами и ссылке. Подобная судьба постигла и последующих заговорщиков.

Шестнадцать лет, вплоть до насильственной смерти Ыскындыра, продолжалось более или менее единодушное правление регентского «триумvirата». Подраставший император, который уже принимал участие в войнах как верховный командующий эфиопскими войсками, в конце концов начал угрожать самовластью регентов. Непосредственным виновником смерти Ыскындыра был, предположительно, командующий его войсками по имени Зэсыллус. Во время карательной экспедиции Ыскындыра против одного из мятежных племен Зэсыллус ночью подослал к императору убийц, а сам, покинув лагерь, немедленно выехал в направлении Амхары, чтобы возвести на трон своего ставленника. И тогда борьба за власть разгорелась в полную меру. Претендентов было много. Часть светской знати поддерживала кандидатуру Наода, сына Бэйдэ-Марьяма. Вновь появившаяся на политической арене бывшая любимая жена Бэйдэ-Марьяма Ылени, видимо, в сообществе с Зэсыллусом вербовала сторонников для Ынко-Ысраэля, брата убитого Ыскындыра; наконец, битуюддэд Амду, противник обоих кандидатов {113} на трон, намеревался сделать правителем Эфиопии Ындрьяса, малолетнего сына Ыскындыра, желая обеспечить себе власть при нем. Сторонники Наода, называвшегося также Кэлейопа (Калиопа), уже сумели привезти двадцатилетнего князя из Амба-Гышен. Однако противники умело скомпрометировали его кандидатуру, распространяя среди народа молву, что это зловещая для Эфиопии фигура, так как он родился в Гэбэрге, в той местности и в тот момент, когда император Бэйдэ-Марьям получил печальную весть о смерти двух своих битуюддэдов и о поражении в битве в Адале. Так же быстро удалось избавиться от Зэсыллуса, который был обвинен в убийстве Ыскындыра, и верные умершему императору солдаты закололи его копьями. Униженный принц Наод вынужден был вернуться на гору «заключенных князей», сознавая, что в момент его возвращения битуюддэд Амду возлагает императорскую корону на голову малолетнего Ындрьяса. Только когда все это закончилось, 8 мая 1494 г. в годжамском монастыре Дэбрэ-Уорк были захоронены останки Ыскындыра.

Однако политическая победа битуюддэда Амду была кратковременной. 26 октября 1494 г., после семи месяцев правления, мальчик, получивший императорское имя Амдэ-Цыйон II, неожиданно умер. С горы Амба-Гышен вновь спустился Наод-Кэлейопа, который, вероятно, пользовался поддержкой провинциальной знати, косо смотревшей на правление придворного узурпатора Амду. Духовенство, видимо, также поддерживало его, если судить по распространявшимся по стране предсказаниям монаха Йоханныса о счастливой звезде будущего правителя — императора Наода.

Первое, что сделал новый император, — было наказание битуюддэда Амду, которого Наод считал виновным в своем унижительном возвращении на Амба-Гышен. Связанный по ру-

кам и ногам регент был растоптан копытами прошедшего по нему скота. Подобные действия нового императора, очевидно, восстанавливали против него народ, но одновременно объявленная им амнистия изменила настроение в его пользу. Не раз поднимались мятежи против Наода, крупнейший из которых был организован неким Тэка-Крыстосом, который, согласно эфиопской хро-^{114}нике, пытался склонить императорских «шоа» на сторону мусульман и создать антиимператорскую оппозицию, но заговор его был раскрыт, и ослепленный Тэка-Крыстос остаток жизни провел в ссылке.

Внутренняя ситуация Эфиопии периода правления Наода представляется в основе своей стабильной. Феодалы в своих землях пользовались значительной самостоятельностью, не превышавшей, однако, определенных границ, в пределах которых император Наод умел удерживать своих вассалов. Он не прислушивался, собственно, к мнениям ни одной группировки, выражением чего было изданное им распоряжение о смертной каре за доносы о деятельности отдельных лиц во времена регентского правления. Наод, правитель просвещенный, видимо увлекавшийся поэтическим искусством, оказался на троне в момент, когда страна была уже истощена более чем четверть века продолжавшимися распрями знати в борьбе за власть. Он сумел этот момент использовать для установления в стране порядка без злоупотребления сверхстрогими мерами. В годы его правления в Эфиопии царил мир, и страна процветала. Жена бывшего императора Ылени имела немалое влияние на правление, особенно в области внешней политики. Большим доверием Наода и весом при дворе пользовался также нэгаш Годжама Уосэн-Сэгэд.

После смерти Наода 2 августа 1508 г. на троне оказался 11-летний Либнэ-Дынгыль, сын Наода и императрицы Наод-Могэса, дочери гэрада в Доуаро. Видимо, слезы 8-летнего Либнэ-Дынгыля, которого судьба уже обрекла на заточение в княжеской тюрьме на Амба-Гышен, так тронули Наода, прошедшего свою молодость на высокой горе, что он издал — не действовавший позднее — приказ об отмене традиционного обычая заключать принцев крови в эту привилегированную тюрьму. По крайней мере малолетний Либнэ-Дынгыль избежал участи других наследных принцев. И снова из-за малолетства императора правление оказалось в руках придворных сановников. У кормила власти встала бабка Либнэ-Дынгыля, старая Ылени — человек выдающегося политического ума и одна из наиболее известных правительниц в истории Эфиопии. Вместе с ней в правлении участвовали Наод-^{115}Могэса, мать Либни-Дынгыля, и пользовавшийся большим авторитетом в стране нэгаш Годжама Уосэн-Сэгэд.

УСИЛЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ УГРОЗЫ

Между тем на юго-восточной границе Эфиопии нарастала угроза со стороны крепнувшего мусульманского соседа. Поражение, какое нанес султанату Йифат император Зэра-Яыкоб в 1445 г., стало причиной перемещения центра исламизированных стран в Харэр в Адале.

В первые годы правления императора Бэйдэ-Марьяма правитель страны Адал Мухаммед-ибн-Бэдлай сам предложил платить дань императору при условии, что будут прекращены постоянные вторжения полков «шоа», разорвавших его страну. Император принял это условие, но уже в последние годы его правления усилившийся Адал сам стал предпринимать набеги на пограничные районы империи. Тогда император приказал направить против мусульман свою армию. Он не считал угрозу особенно опасной и сам не отправился на войну, а доверил руководство войсками своим битуюддэдам, о чьей гибели и о поражении в бою войск узнал — как мы помним — в местности Гэбэрге в момент рождения сына Наода. Со страной Адал боролся также молодой император Ыскындыр, и заговор Тэка-Крыстоса против Наода был, видимо, составлен в согласии с мусульманской стороной.

Однако эти события были только с виду не очень грозными, в действительности же оказались предвестием бури, которая в скором времени разразилась над империей. Положение империи представлялось прочным, а вооруженные набеги в пограничье не более опасными, чем те, которые с переменным успехом велись в других краях, особенно же в северных областях Сымен, Уогэра и Дэмбия, населенных все еще сохранявшими независимость воинственными фалаша. Правители Эфиопии более всего стремились удержать только что завоеванные на юго-востоке области Хадья, Фэтэгар, Доуаро и Уодж, очень важные в экономическом отноше-

нии, особенно для являвшейся в то время центром государства области Шоа. Верность этих провинций должны были обеспечить размещенные там многочисленные отряды «шоа». Кроме того, {116} правители Эфиопии пытались династическими браками обеспечить влияние на политику местных гэрадов. Жена императора Ылени была по происхождению из мусульманской династии. Император Наод также следовал этой тактике. Он женился на дочери гэрада Доуаро и, дав жене имя Наод-Могэса, короновал ее императрицей. Однако усиливавшийся Адал также старался привлечь на свою сторону исламизированные области, недавно завоеванные империей. Дипломатические усилия императора не дали ожидаемого результата, и присоединенные округа Йифат, Фэтэгар, Доуаро, Хадья, Уодж, а также Бали все еще представляли собой потенциальную и фактическую угрозу для Эфиопии. В годы правления императора Наода самым беспокойным районом была область Бали (Бале).

В те времена довольно обычным явлением был переход высокопоставленных сановников в другую веру, если они от этого ожидали высоких постов либо других наград. Именно это явление использовали мусульмане, стремившиеся к захвату округа Бали. Император поставил во главе армии, посланной против Бали, сановника по имени Уонаг-Жан, который изменил ему и перешел в ислам. Это был брат известного в империи нэгаша Годжама Уосэн-Сэгэда. Уонаг-Жан, разбитый потом императорскими «шоа», был взят в плен. При посредничестве Уосэн-Сэгэда император простил ему вину, и Уонаг-Жан, вновь принявший христианскую веру, был назначен правителем Бали. Однако он и позже не был верен императору. Вместе с одним из высоких императорских чиновников по имени Дыль-Бэйисус он пригласил военных советников и высоких императорских чиновников на прием и, напоив их, перерезал всех до единого, а затем приказал всем жителям Бали перейти в ислам, что все без исключения и сделали. Однако прежде чем подоспела помощь из Адала, в Бали прибыл император с Уосэн-Сэгэдом, и в ходе трехдневного сражения они полностью разбили силы Уонаг-Жана. После этой битвы Бали стала императорской провинцией, а Адал совсем прекратил вооруженные действия. Был заключен договор, по которому император Наод обязался не вступать со своим войском на территорию Адала взамен освобождения христиан, взятых {117} в плен за последние 30 лет. И снова на несколько лет установилось относительное спокойствие.

В конце концов около 1516 г. эмир Махфуз вновь начал совершать набеги на пограничные районы. Молодой Либнэ-Дынгыль возглавил армию против мусульманских войск. Обе армии встретились где-то у границ Йифата и Фэтэгара. Махфуз имел все шансы на победу. Его силы значительно увеличивало не известное в те времена в Эфиопии огнестрельное оружие, которое турецкий губернатор Зейлы прислал в дар Махфузу вместе с великолепным зеленым знаменем и огромным черным шатром. Однако и на этот раз победу одержали императорские войска. Судьбу битвы решил поединок могучего и, кажется, немного монаха аббы Гэбрэ-Ындыряса с самим эмиром Махфузом. В этой схватке абба Гэбрэ-Ындыряс — которому, видимо, по приказу императора Наода вырвали язык за какое-то прегрешение — отсек голову Махфузу и торжественно бросил ее под ноги императору. Лишившись командующего, мусульманские войска обратились в бегство. Молодой Либнэ-Дынгыль со славой вернулся в Эфиопию и совсем перестал беспокоиться по поводу мусульманских соседей, уверенный в своих силах. Он также не очень заботился, по утверждению эфиопских хроник, о репутации своей императорской особы и, пренебрегая предостережениями возмущенных монахов, вел веселый и разгульный образ жизни, развлекаясь с наложницами, устраивая конные состязания, и, следуя обычаям чужих племен, курил табак.

ИМПЕРАТРИЦА ЫЛЕНИ. КОНТАКТЫ С ЕВРОПОЙ

На какое-то время установился мир. Эфиопия процветала. Победа над мусульманскими войсками в 1516 г., а также хорошая экономическая ситуация в стране создавали видимость стабилизации. Тем временем оказалось, что победа императора Либнэ-Дынгыля над войсками Махфуза была только выигранным военным сражением, на общее же соотношение сил противников ее результат не повлиял. Силы мусульман были по-прежнему велики. Лишь старая императрица Ылени понимала значительность мусульманской угрозы и настойчиво добивалась создания эфиопско-европейской антимусульманской коалиции. Эта чрезвычайно спо-

собная и дальновидная правительница понимала, что в одиночку империи будет трудно противостоять окружающим ее со всех сторон враждебным силам, в отличие от Эфиопии располагавшим широкими внешними связями; что в подобной ситуации гористый рельеф страны и доблесть ее войск недостаточны для сохранения независимого существования государства, а дипломатические усилия хоть и обеспечивали пока что торговые контакты с мусульманскими странами, но не представляли гарантии постоянного мира. Она понимала также, что в конфронтации с исламом империи необходим союзник извне, который, будучи заинтересован в ослаблении ислама на Востоке, поддержал бы Эфиопию политически и оказал бы ей необходимую техническую помощь. Таким союзником могли быть только христианские страны Европы, для которых мусульманские территории были большой помехой в развитии торговли с Востоком, и особенно с Индией. Итак, свои дипломатические усилия императрица Ылени обратила в сторону Европы.

Христианская империя, расположенная вблизи торговых путей, ведущих на Восток, могла стать желанным союзником для европейских государств, конкурировавших между собой в восточной торговле. Для Эфиопии же того времени помощь государств христианской Европы была основным шансом на спасение. Поэтому императрица Ылени уже в первые годы своего регентства начала претворять в жизнь планы установления контактов с Европой.

В 1509 или 1510 г. в Португалию отправился посланец императрицы армянин Матеуос (Матвей), снабженный письмом и подарками к правителю этой страны. Дипломатическую искусность Матеуоса эфиопский двор уже неоднократно имел возможность оценить во время исполнения им различных миссий в Каире, Иерусалиме и других столицах тогдашнего Востока. На этот раз, направившись через Индию, он достиг Лиссабона лишь в 1513 г. Письмо императрицы и устный рассказ посла представили политическую и стратегическую ситуацию Эфиопии. Ылени предлагала Португалии послать на Красное море {119} свой флот, который вместе с сухопутными силами империи уничтожил бы в том районе мусульманское могущество. Она также предлагала установить династические связи между португальским и эфиопским царствующими домами для укрепления антимусульманской коалиции, направленной против господства турок в бассейне Красного моря.

Предложения императрицы Ылени заинтересовали Португалию, которая на рубеже XV—XVI вв. энергично укрепляла свои позиции колониальной державы. Далеким морским экспедициям, осуществлявшимся с начала XV в., установили ее влияние в Африке, Азии и Южной Америке. В начале XVI в. Португалия уже была могущественной торговой и колониальной державой. В приморских районах Африки, Азии и Южной Америки она построила многочисленные укрепленные форты, превратив их в опорные базы для распространения своего влияния на этих континентах.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ МИССИЯ

Посол императрицы Ылени прибыл в Лиссабон в момент, когда король Мануэл I Великий (1495—1521) как раз строил планы дальнейшего укрепления позиции Португалии вне Европы, и особенно в Африке. Поэтому предложение, открывавшее возможность распространения португальского влияния на бассейн Красного моря, должно было заинтересовать этого правителя. В 1518 г., уведомив предварительно об эфиопском посольстве папу Льва X, Мануэл I направил в Эфиопию своих представителей. (В некоторых последних работах в качестве названия этой дипломатической миссии было принято определение «португальское посольство».) Главой миссии был назначен 86-летний дон Эдуард Галван, флотом командовал Лопеш Суареш Д'Албугера. После смерти престарелого Галвана его обязанности стал исполнять дон Родриго де Лима. Папа Лев X назначил капелланом посланцев отца Франсишка Алвареша, одновременно поручив ему представлять папскую столицу при эфиопском дворе. Встреча португальских послов с императором Либнэ-Дынгылем произошла в 1520 г. в местности Анцокия в об- {120}ласти Йифат. Уставшим от долгого и изобиловавшего различными опасностями пути послам Либнэ-Дынгыль оказал не слишком радушный прием. Он ожидал видеть результатом миссии Матеуоса скорее военную помощь в какой-либо форме, чем дипломатическую миссию. Кроме того, не Либнэ-Дынгыль был инициатором установления контактов с Европой, и, веро-

ятно, он был против концепции создания антимусульманской коалиции с Португалией и вообще вступления в тесное общение с ней. Его занимала только возможность получения военной помощи и специалистов в области ремесла, взамен чего он склонен был согласиться на занятие Португалией нескольких портов на побережье Красного моря, впрочем не подвластных ему, а также на установление контактов с папской столицей и даже на назначение католика епископом турецкой Зейлы¹.

Португальские посланцы пробыли в Эфиопии 6 лет, главным образом из-за невозможности вернуться. Отношения между эфиопским двором и португальцами за это время значительно улучшились, но мнение императора относительно существа вопроса не подверглось ни малейшему изменению. Отъезжавшее наконец «посольство» было щедро одарено. Оно везло с собой золотую корону для португальского короля Жуана III и золотой крест для папы Клементя VII. Вместе с португальцами выехали эфиопские послы. Эфиопию при португальском дворе должен был представлять Цэга-Аб (Зеаб). Остальные эфиопские послы направлялись в Рим вместе с отцом Алварешем. В письмах Либнэ-Дынгыля, направленных в европейские столицы, выражалось согласие на занятие португальскими гарнизонами побережья Красного моря и на учреждение там католического епископства. Однако вопрос о направлении в саму Эфиопию представительства какого-либо типа — светского или духовного в них обходился. Убедительно просил Либнэ-Дынгыль о присылке в Эфиопию ремесленников и специалистов в различных областях. Эта просьба никогда не была выполнена, а направленные в Европу послы по неизвестным причинам не возвратились домой. {121}

Таким образом, установленные императрицей Ылени, умершей в первые годы пребывания «посольства» в Эфиопии, контакты с Португалией не дали никаких результатов. Эфиопия в канун готовившегося мощного наступления ислама оставалась одинокой. Либнэ-Дынгыль не предвидел надвигавшегося катаклизма. Он думал, что позиции его государства так прочны, что не требуется какой-либо помощи извне. Впрочем, вероятно, в отличие от Ылени Либнэ-Дынгыль недооценивал и португальской мощи. Он полагал, что предложенные им Португалии золото и войска, а также согласие на занятие побережья Красного моря являются справедливой ценой за присылку в Эфиопию специалистов, значение которых для дальнейшего экономического и культурного развития Эфиопии он отлично понимал.

Здесь мы затронули очень важный вопрос, а именно — каковы были причины, из-за которых Эфиопия после периода своего несомненного расцвета, когда она почти равнялась другим передовым цивилизациям тогдашнего мира, отстала от них в дальнейшем своем развитии, с другой же стороны — сумела сохранить независимость, давая отпор как мусульманским, так и европейским попыткам захвата и колонизации. Видимо, причины замедленного развития цивилизации Эфиопии, приведшие к тому, что это государство относится в настоящее время к слаборазвитым странам, следует искать прежде всего в ее длительной изоляции, из-за которой в ней не развилась цивилизация научно-технического типа. Может быть, следует здесь обратить внимание на факт, что не каждый народ — даже и среди европейских — достигал высокого уровня развития науки и техники самостоятельно, а по мере расширения международных контактов перенимал их у других и внедрял у себя. Изолированная Эфиопия в течение ряда столетий оставалась на уровне цивилизации средневекового типа. В ней сохранялась консервативная общественная и экономическая обстановка, а контакты с другими странами Востока — временами очень оживленные — ограничивались торговыми сношениями и не приносили в Эфиопию новых технических идей. Европейские страны были заинтересованы в бассейне Красного моря, прежде всего в качестве торгового пути. Недоступно расположенная в глубине континента империя не имела большого значения для этих путей. Попытки же включить Эфиопию в орбиту влияния папства, имевшие место в XVII в., закончились полным провалом. Поэтому и Европа не находила причин, по которым она могла бы особенно интересоваться Эфиопией, не говоря уже об оказании ей какой-либо экономической или технической помощи. Интерес к этой стране проявился значительно позднее, когда Италия, увеличивая свои владения в Африке, обратила внимание на Эфиопию. Так Эфиопия покоилась скрытая горами, которые успешно преграждали доступ к ней.

Из этого, однако, не следует, что начатые в XV в. контакты с Европой абсолютно не

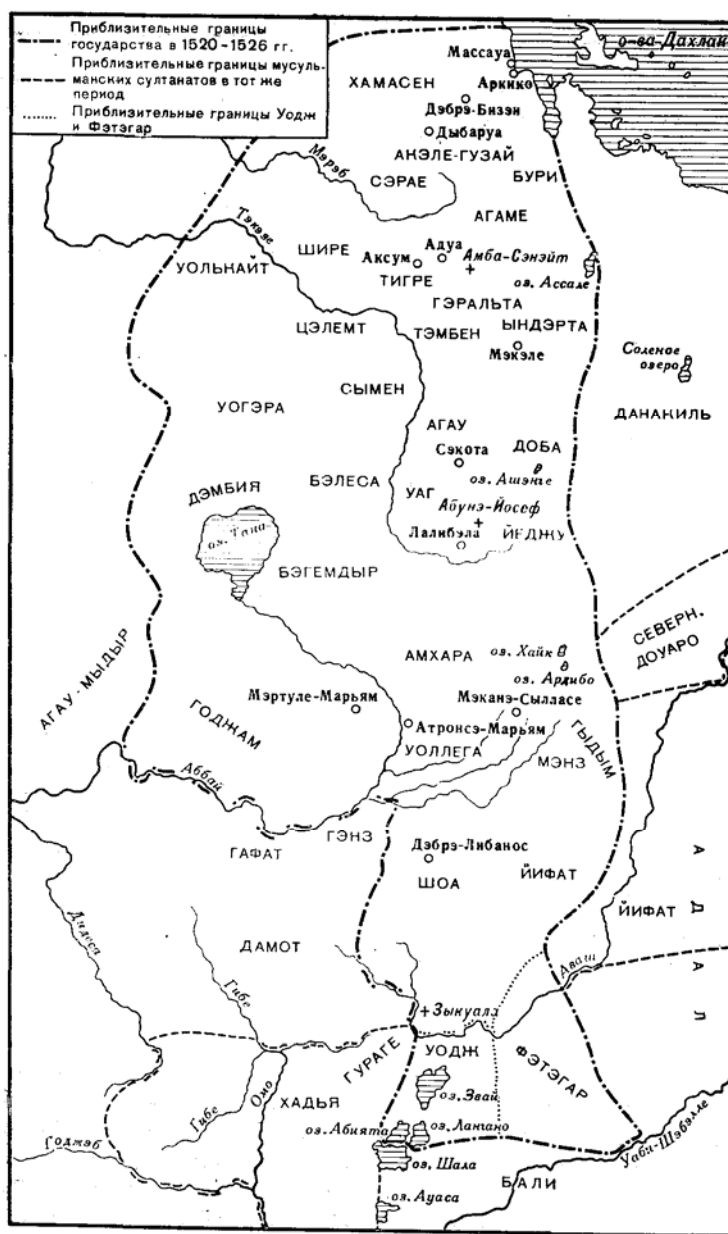
¹ Зейла была занята турками в 1516 г. — *Прим. ред.*

имели значения для Эфиопии. Шестилетнее пребывание португальцев в Эфиопии, естественно, вызвало интерес обеих сторон к вопросам обычаев, культуры и вероисповеданий. При эфиопском дворе было много духовных сановников, а среди членов португальского посольства находился незаурядного образования папский посол — отец Алвареш. Неоднократно император вместе со своим окружением присутствовал на отправляемых Алварешем богослужениях по неизвестному в Эфиопии римско-католическому обряду. Целые дни посвящались религиозным диспутам о церковных догматах. Эти диспуты Алвареша в течение нескольких лет, а затем позднейшие контакты с иезуитами можно признать одной из причин крупного раскола в эфиопской церкви, который отрицательно сказался на политической истории всей империи с конца XVI и в продолжение всего XVII в. Однако в ситуации, господствовавшей в первой половине XVI в., эти вопросы еще не казались актуальными для Эфиопии.

С европейской точки зрения португальская миссия также не принесла ни политических, ни экономических результатов. Как и для Эфиопии, для Европы она была интересной лишь в культурном плане. Именно из-под пера Алвареша вышло первое появившееся в Европе достоверное описание Эфиопии. Можно сказать, что вместо создания нового пункта опоры для торговой и колониальной державы Португалии миссия Родриго де Лима принесла Европе лишь информацию о неизвестной дотоле стране и тем самым положила конец периоду, наполненному ис-ключительно мифами о таинственной христианской стране, расположенной будто бы где-то на Востоке, а скорее всего в Индии. Описание Алвареша до настоящего времени осталось ценным источником сведений об Эфиопии начала XVI в.

О контактах Эфиопии с Европой можно бы написать намного больше. Члены португальского «посольства» не были первыми европейцами в Эфиопии, и отправленный императрицей Ылени посол Матеуос не был первым человеком из Эфиопии, достигшим Европейского континента. Сведения о Европе в Эфиопии и, наоборот, европейские представления об Эфиопии накапливались постепенно. Мысль установить тесные связи с Португалией возникла у императрицы Ылени благодаря тому, что эфиопский двор знал о морском и торговом могуществе этой страны. Эфиопия XIV и XV вв. имела более или менее интенсивные — в зависимости от состояния отношений с мусульманским миром — торговые и культурные контакты с Александрией, Иерусалимом и другими центрами Ближнего Востока, в которых европейцы были известны. С начала XV в. делались взаимные попытки установления каких-либо отношений между европейцами и Эфиопией. Обе стороны были одинаково заинтересованы в этом. Первостепенной задачей для европейских стран была проблема христианского союзника на Востоке для облегчения дальнейшей морской экспансии. Важным также считался вопрос о включении этой неизвестной еще страны в сферу влияния папы. В Европе того времени полагали, что Эфиопия может сыграть очень большую роль в плане прорыва мусульманского круга на Ближнем Востоке. Эта никогда не осуществленная мысль о привлечении Эфиопии в антимусульманскую коалицию долго была распространена в Европе.

В свою очередь Эфиопия была также заинтересована в установлении контактов с Европой по той же причине — из-за мусульманской проблемы. С течением времени у Эфиопии также появилась заинтересованность в приобретении достижений в технической области. Однако Европа не имела причины делать доступными для Эфиопии технические и научные достижения. Следует подчеркнуть, что собственно Эфиопии принадлежит первенство в установлении политических отношений с Европой. Посольство Матеуоса в Португалию имеет историческое значение не только как выражение определенной политической концепции правителей Эфиопии, но и с точки зрения дальнейших последствий, какие повлек за собой этот первый контакт. В тот период Эфиопию посетил ряд чужеземцев, например португалец Педро ди Ковильян. Он был главным информатором императрицы Ылени в европейских делах. В течение длительного времени находясь при эфиопском дворе, он снискал себе там большое доверие. Эфиопы также уже тогда посещали Европу, например их делегация была на Флорентийском соборе (1439—1445). Однако не представляется нужным шире заниматься этими контактами, так как они не имели, за исключением экспедиции Ковильяна, большого значения для политической истории Эфиопии.

Эфиопия в правление Либнэ-Дынгыля

КУЛЬТУРА ЭФИОПИИ НАКАНУНЕ МУСУЛЬМАНСКОГО НАШЕСТВИЯ

В первой половине XVI в. вторжение исламизированных народов, населявших юго-восточное пограничье Эфиопии, привело империю к полному упадку. Эта крупнейшая война прервала культурное развитие государства. Прежде чем обратиться к этим событиям, следует несколько остановиться на достижениях Эфиопии в литературе, живописи и архитектуре в период, предшествовавший этим войнам.

Отрезок времени от правления Зэра-Яькоба до начала христианско-мусульманской войны обычно называют «золотым периодом эфиопского средневековья». Наряду с книгами религиозного характера, жизнеописаниями святых и хрониками правителей в Эфиопии того времени процветала поэзия, особенно религиозная. Важнейшими формами в ней были так называемые сэлам — стихи в честь святых, всегда начинавшиеся словом «сэлам» — «слава», а также мэльк — «образы, представления». Последние — это длинные гимны, воспевающие святых. Появились также книги собраний сэламов и мэльков. Предположительно в то же время

был сложен антифон с названием «Дыггуа», или собрание литургических песен на каждый день года, снабженных музыкальными знаками, характерными только для Эфиопии². В тот период наблюдался также расцвет искусства: стены храмов украшались живописью, а рукописи богато иллюстрировались. Древнейшей известной в настоящее время рукописью, украшенной миниатюрами, является Евангелие императора Амдэ-Цыйона (XIV в.). В области настенной живописи наиболее древними из сохранившихся являются фрески, украшающие некоторые из монолитных церквей Лалибэлы.

Эфиопские правители того времени прославились не только военными действиями или своей политикой. Многие из них записаны в истории этой страны также как меценаты. Они строили церкви, покровительствовали переводам религиозных книг, сами занимались поэзией и живописью. Наряду с Зэра-Якобом следует назвать императора Наода, увлекавшегося поэзией и рисованием. Ему же принадлежит мысль возведения в горах Амхара церкви Мэканэ-Сылласе, которая стала одним из прекраснейших сооружений в стране. Церковь строили много лет — еще и после смерти императора. Изумительно украшенная внутри, высотой почти 50 м, с крышей из чистого золота, эта церковь пользовалась славой высшего достижения в области церковной архитектуры Эфиопии того времени. Императрица Ылени на собственные средства выстроила в Годжаме из белого резного камня прекрасную церковь Мэртуле-Марьям. Однако образ культуры Эфиопии «золотого периода средневековья» с трудом воссоздается сейчас по остаткам, уцелевшим в огромном пожаре. {127}

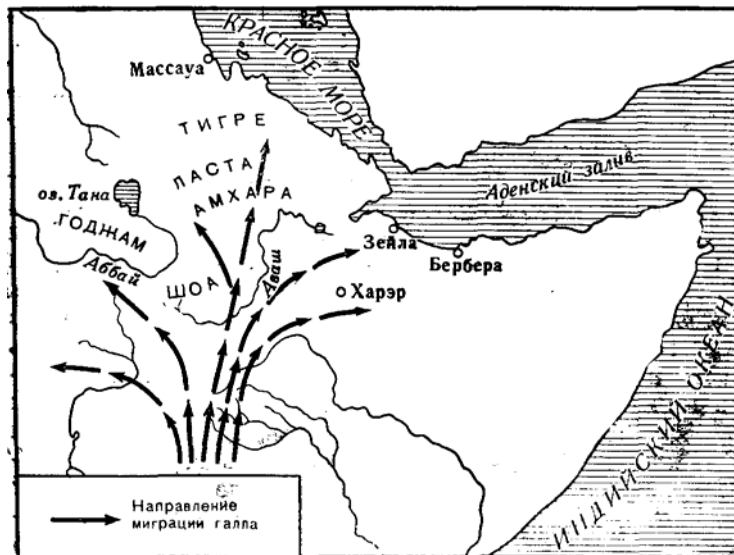
Глава VIII

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1529—1559). ИМПЕРИЯ ПЕРЕД УГРОЗОЙ ГИБЕЛИ

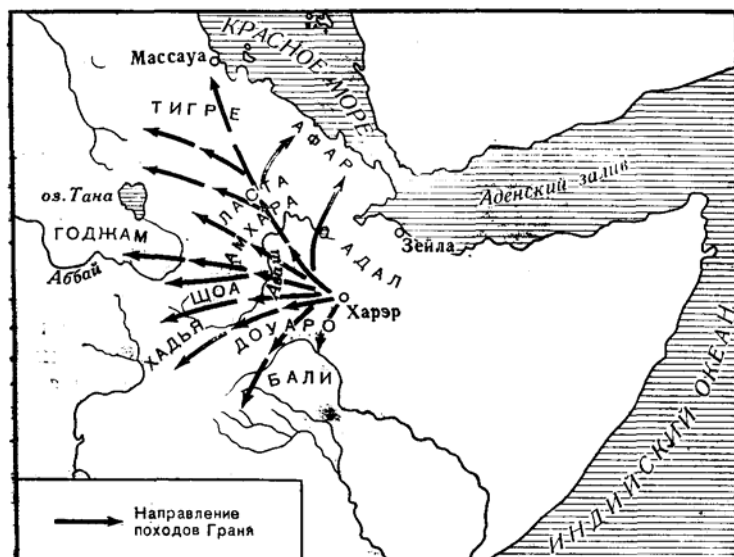
НАРАСТАНИЕ КОНФЛИКТА

В Эфиопской империи XVI в. военное искусство имело давние и замечательные традиции, а армия прославилась своей воинственностью. Центр государства находился тогда в гористой местности, передвигаться по которой можно было, только прекрасно зная ее особенности. Со всех сторон подстерегали пришельцев крутые обрывы, при одном неверном шаге грозившие увлечь в бездну, скальные расщелины позволяли укрывшейся в них небольшой группе воинов с успехом сломать ряды вражеского войска, вынужденного цепочкой преодолевать крутизну. Возделывание почвы, покрывавшей плоские вершины, позволяло защитникам, не страдая от голода, охранять в течение длительного времени с этих вершин проходы в долинах, а отвесные и часто обнаженные склоны, по которым пролегали немногочисленные тропы, ведущие наверх, превращали подобные горы, называемые амбами и типичные для рельефа Центрального массива, в естественные крепости. Поэтому такое большое доверие питал к естественной оборонной мощи своего государства император Либнэ-Дынгиль. Однако наибольшая опасность таилась внутри самой империи. Ослабление центральной власти со времени правления императора Бэйдэ-Марьяма вело к усилению независимости знати. В отдельных областях и округах представители местных крупных родов фактически единолично держали власть, платя только дань императору. Притязания местных правителей постоянно росли, и они были заняты более заботой об укреплении собственного значения и положения, чем о независимом существовании империи. {128}

² Болотов считает, что «Дыггуа» представляет собой собрание музыкальных фраз, на которые была когда-то расчленена древняя, уже позабытая эфиопами песня. Болотов сравнивает «Дыггуа» с европейским сольфеджио. См.: Болотов В. В. Часослов эфиопской церкви... «Христианское чтение», 1898, вып. 2, февраль, стр. 189—198. — *Прим. ред.*

Миграция племен галла в XVI и XVII вв.

Завоевательные походы Граня {129}

Когда в XVI в., в годы великой войны с мусульманами, Эфиопия переживала один из самых трагичных периодов своей истории, крупные феодалы, несмотря на угрозу государству, были заняты прежде всего упрочением собственного положения. Они вели двойную игру, переходя то на одну, то на другую сторону, чтобы в зависимости от соотношения сил извлечь как можно больше выгоды для себя. Не раз они предательски показывали врагам пути для прохода армии, беспомощной без проводников в незнакомой местности, предупреждали о засадах и без борьбы сдавали свои округа, чтобы только сохранить власть и имущество. Они вступали в союз с врагом против собственной страны. Можно назвать только немногих крупных феодалов, которые государственные интересы поставили выше собственных и остались верными императору, продолжавшему борьбу. В течение нескольких лет император, в молодости распутный и своевольный, подвергся великому и тяжкому испытанию, из которого вышел с поднятой головой, своей стойкостью и мужеством в труднейший момент вызывая уважение современников и потомков.

Эфиопские источники сообщают довольно скудные сведения об этом периоде истории империи. Для изложения хода этой войны были использованы арабские хроники, описавшие события довольно подробно.

Прежде чем произошло великое мусульманское нашествие на Эфиопию, соседние сул-

танаты пережили период дворцовых переворотов и внутренней борьбы за власть. С некоторого времени господствовавшие в султанатах члены династии Уоласма утратили былое значение, и фактическую власть захватили эмиры — военные предводители. Уже в период правления императора Наода набеги против империи организовывались и возглавлялись эмиром Махфузом, часто нарушавшим распоряжения султана Мухаммеда, который во время своего правления (1488—1518) был склонен проводить в отношении Эфиопии скорее примиренческую политику. Однако Махфуз, фактический правитель султаната Адал, организовывая походы против Эфиопии, последний из которых закончился в 1516 г. поражением мусульман на границе Фэтэ-гара и Йифата. Наступивший затем период смут и борьбы за {130} власть закончился убийством султана Мухаммеда в 1518 г. В течение следующих двух лет у власти побывало пять султанов. В 1520 г. султан Абу-Бэкр-ибн-Мухаммед перенес столицу в Харэр.

АХМЕД-ИБН-ИБРАХИМ ПО ПРОЗВАНИЮ ЛЕВША И ЕГО ПЛАНЫ ЗАВОЕВАНИЯ ЭФИОПИИ

В непрекращавшихся распрях из-за власти все более явно брали верх представители армии — эмиры, а среди них выделился Ахмед-ибн-Ибрахим аль-Гази. С помощью умелых интриг он укрепил свои позиции, а брак с дочерью Махфуза Бати-Дыль-Уонбэрой поднял его значение в придворных кругах. В конце концов Ахмед-ибн-Ибрахим убил султана Абу-Бэкра (Абу-Бэкрэ), посадил на трон марионеточного султана Умар-ад-Дина, а сам, приняв титул имама, фактически установил власть над рядом исламизированных народов, граничивших на юго-востоке с империей. В арабских источниках Ахмед-ибн-Ибрахим называется имамом, а в эфиопских легендах и хрониках за ним упрочилось прозвище Грань (Левша) из-за того, что он все делал левой рукой.

Нам очень немного известно о происхождении Граня, человека, который организовал и возглавил войну с империей под лозунгом «священной войны»¹. Известно, что Грань, сын гэрада Ибрахима, провел свою молодость при дворе Махфуза, где выдвинулся благодаря собственным способностям. Он женился на дочери Махфуза, по эфиопским преданиям женщине необыкновенной красоты, {131} сжигаемой желанием отомстить империи за смерть своего отца, который погиб — как выше излагалось — в 1516 г. от руки монаха Гэбрэ-Йндырыаса. Постепенно она сумела передать и Граню смертельную ненависть к христианам и желание отомстить за пролившуюся кровь Махфуза. Когда имам Ахмед пришел к власти в Харэре, его первым шагом был разрыв мирных отношений с империей, установленных еще императрицей Ылени и султаном Мухаммедом. Одновременно он усиленно вооружался, собирал армию и открыто готовился к большой войне. Император Либнэ-Дынгиль решил предотвратить удар и первым направил свои войска через Доуаро на Адал. Верховный командующий этой армией уаг шум Фануэль начал грабить пограничные территории Адала, но подошел Грань со своими войсками и полностью его разгромил. Грань перешел границу Доуаро, но, встреченный армией империи, отступил в Харэр. После этого первого сражения с Гранем в 1525 г. на какое-то время установилось перемирие между обеими сторонами. В 1526 или 1527 г. император Либнэ-Дынгиль, обеспокоенный известиями о постоянном усилении армии имама Ахмеда, вновь направил в Адал вооруженную экспедицию, во главе которой на этот раз стал зять императора, правитель округа Бали и верховный командующий эфиопской армией рас Дэгальхан (называвшийся также Дегэльхан или Дегэль). И снова встретились армия императора и армия имама. После шестидневной битвы понесшая значительный урон армия Дэгальхана покинула пределы страны Адал.

Имам Ахмед после победы над Дэгальханом созвал военный совет. Мнения полководцев разделились — одни хотели выступить на Доуаро, другие, и вместе с ними имам, предпо-

¹ Согласно арабо-сомалийской хронике «Завоевание Абиссинии» (автор — сомалиец Шихаб-ад-Дин Ахмед-Араб-Факих), из которой взята большая часть приводимых ниже эпизодов войны, Ахмед-ибн-Ибрахим происходил из знатной семьи, переселившейся в Адал из области, находящейся теперь на севере Эритреи. Это произошло в царствование султана Саад-ад-Дина. Предок Ахмеда, принадлежавший к княжескому соверозритрейскому роду Белау, женился на дочери султана и получил в управление округ Хубат, западнее Харэра. Гэрад Ибрахим, отец Ахмеда, был уже наследственным правителем Хубата, где и родился будущий завоеватель Эфиопии. Гэрад Ибрахим пользовался большим почетом при дворе султана Мухаммеда и визиря Махфуза.— *Прим. ред.*

читали направление на Йифат. Вопреки сопротивлению многих военачальников имама сопровождала в военных походах жена Дыль-Уонбэра. Когда мусульманские войска остановились у реки Аваш, имам разделил их на три корпуса, и они вступили в Йифат с трех сторон. Вскоре этот округ был занят, а защищавшая его армия разбита. В сражении пал правитель Йифата Уонаг-Жан (Джан). В плену оказалась, между прочим, тетка императора Либнэ-Дынгыля, которую он в скором времени выкупил за 50 мер золота. {132}

Войска Граня, заходя все более и более в глубь территории Йифат, несли разрушение и смерть, грабя, сжигая и убивая немилосердно. Нагруженные добычей, ведя за собой огромные стада скота, мулов, груды награбленных товаров и массы захваченных в плен невольников, они наконец покинули пределы империи и вернулись в Харэр. Однако это была еще только пограничная война, и имам Ахмед продолжал крупные приготовления к вооруженному походу в глубь империи. Он старался увеличить армию, направив племенам грамоты, призывавшие подняться на «священную войну» против империи. Он грабил императорские караваны, которые везли на мусульманские рынки золото, слоновую кость и невольников, а прибыль от продажи захваченных товаров расходовал на вооружение. По призыву имама поднялись кочевые племена из Сомали, из бедной пустыни Данакиль и с побережья Красного моря. Они приходили к нему, привлеченные перспективой захватить плодородные и богатые водой земли империи. Под лозунгом «священной войны» собирались народы, жившие в Северо-Восточной Африке и на побережье Индийского океана, в бассейне реки Аваш и в районе Больших озер, тянувшихся к югу.

Наконец имам Ахмед-ибн-Ибрахим дал знак начать поход. При достижении границ империи он разделил армию на три корпуса, торжественно вручив их командующим знамена. В центре находился белый в красном обрамлении стяг имама, красиво выписанные на нем суры Корана должны были воодушевлять сердца воинов. При имаме находилась его неотступная спутница Дыль-Уонбэра, готовившаяся вскоре стать матерью. Рядом со стягом имама развевалось белое знамя визиря Адоле, стоявшего во главе отряда в двести конных и две тысячи пеших сомалийских воинов; красное знамя Мэттана-ибн-Отмана, шурина имама, командовавшего сотней кавалеристов и тремя тысячами пехотинцев, главным образом сомалийских; красно-желтый стяг Мухаммеда-ибн-Ибрахима, брата имама, возглавлявшего сотню конных и две тысячи пеших воинов из племен, населявших приозерье и верховья реки Аваш. Армия имама переправилась через реку Аваш на границе Фэтэгара и Йифата, после чего захватила округ Кэсэм и перешла реку Моджо. Затем она {133} направилась к населенному пункту Бадуки, где находилась резиденция императора с богатой церковью, выстроенной императрицей Наод-Могэсой.

Когда весть о приближавшейся армии имама Ахмеда достигла императора Либнэ-Дынгыля, он немедленно направился в центральные районы государства и, остановившись в округе Бет-Амхара, начал там концентрацию своей армии. Сюда стягивались полки из различных областей, формировались отряды из народов тигре, агау, амхара. Подходили войска из Годжама, Бэгемдыра, Ангота, Кыдда, Гэнь и из прибрежных районов. Одновременно в оставленном императором Бадуки (который в настоящее время иногда отождествляется с Бульга) собирались войска из Бали, Доуаро, Фэтэгара, Гэнз, подходили сюда знаменитые и грозные лучники племени майя, вооруженные отравленными стрелами. И эфиопские, и арабские хроники сходятся во мнении, что силы императорских войск значительно превосходили число воинов имама.

Император приказал отрядам, собравшимся около Бадуки, избегать сражения до его прихода с основными войсками, а от решительного столкновения приказал уклоняться, хотя бы ценой сожжения города. Тем временем среди военачальников стоявшей у Бадуки армии возник спор о том, следует ли послушаться приказа правителя и допустить захват императорской резиденции, а также разрушение церкви. В конце концов решили дать битву у берегов реки Сэмэрма. Битва длилась несколько дней. Дважды в самом начале своего великого и так тщательно готовившегося похода имам стоял перед угрозой полного поражения. Не имевшие навыка сражений с регулярным войском, передовые отряды часто разбегались, ломая строй наступавших флангов армии, сея сумятицу и замешательство в рядах. Эфиопская армия, увидя хаос во вражеском стане, бросилась в погоню, также нарушив строй и тем ослабив свои главные силы. Наступил момент, когда около имама осталось едва ли сорок воинов. Казалось, что

императорские войска без труда разобьют эту горстку людей. Однако в этой панике имам сумел преградить путь убегающим в беспорядке воинам. Верные солдаты Ахмеда безжалостно, с большим кровопролитием остановили бегущих и заставили вернуться на поле боя. Оказавшиеся {134} между двух огней беглецы вновь выступили против императорских войск, которые, будучи уверены в победе, уже сломали боевой строй, увлеченные погоней. В результате эфиопские войска понесли поражение. Правда, имам не вошел в Бадуки, куда вскоре подоспел император с остальной армией, но победу одержал и этим очень поднял дух в своем войске. Армия имама состояла из воинов, привыкших главным образом к набегам и грабежам, и была неопытна в ведении регулярных боев, но все же победоносно выдержала первое сражение, проведенное в непривычном для нее боевом порядке. Это была большая удача имама Ахмеда-ибн-Ибрахима. Император Либнэ-Дынгиль строго осудил своих полководцев за ослушание, но в конце концов оценил положительный результат проигранного сражения, поскольку было спасено Бадуки.

СРАЖЕНИЕ У ШЫНБЫРА-КУРЕ

Было начало 1529 г. Императорская армия из Бадуки выступила в направлении Шынбыра-Куре, населенного пункта, находившегося, по мнению одних, в Фэтэгаре, по мнению других — на территории Йифата. В ту же сторону направлялись войска имама. Теперь война велась уже не за трофеи, не за пограничные уделы, а за всю империю. Непосредственно перед сражением Либнэ-Дынгиль и имам Ахмед выступили перед войсками, поднимая боевой дух своих армий. Делали они это по-разному. Император с пренебрежением отзывался о неприятеле и его силах, считая противника недостойным мощи и мужества своих воинов. Имам Ахмед рисовал своим солдатам соблазнительные картины райской жизни и гурий, ожидавших души погибших за веру ислама, перед которыми настужь распахнутся райские врата, а двери ада будут закрыты. Войска выстроились в боевые порядки. Император, окруженный конной гвардией, наблюдал за происходящим. Грань находился в центре своих войск. Восходящее солнце застало армии на боевых позициях. Эфиопские отряды сомкнутым строем двинулись на оба фланга армии Граня. Туча стрел из луков, пыль от конских копыт и пеших рядов тенью нависла над полем боя. Это {135} была необыкновенно яростная битва, и никто никому не уступал. На поле боя полегли многие замечательные эфиопские полководцы. Погиб в бою от стрелы, попавшей в глаз, нэгаш Доуаро Амха-Тынсай; погиб цэхафе лам Робель; погиб правитель Тигре Ыкубэ-Микаэль, пронзенный копьем самого имама; разрубленный пополам саблей, погиб рас Жан-Белеу; погиб бахыр нэгаш Зоуонгель; погибли правители Агаме, Шире, Тэмбена, Абэргэле, Целемта. Согласно арабским источникам, одних только полководцев из Тигре погибло 86, из других мест — 125. Более 15 тыс. трупов усеяло поле битвы, которое оставила потерпевшая поражение армия императора. Невосполнимые потери понесли наиболее доблестные полки империи, особенно войска с севера, воинственные тигрейские полки. У Шынбыра-Куре остался лежать цвет эфиопского военного командования и верных императору феодалов. Это было страшное поражение, открывшее двери нашествию Граня. Произошло это в феврале (или марте) 1529 г.

Значительные потери понес и противник. Хотя армия имама захватила много трофейного оружия, лошадей, мулов и невольников, она была также сильно потрепана в ходе обеих битв — у реки Сэмэрма и в Шынбыра-Куре. Поэтому имам вернулся в Харэр, чтобы дать отдых армии. Восполнив понесенные потери, он вновь двинулся на Эфиопию в июне 1529 г. На этот раз он направился в Доуаро, куда вступил со стороны реки Уаби-Шэбэлле. Захватывая Доуаро, он жег и казнил, брал бесчисленные трофеи людьми, скотом и товарами. С самого начала ему пытался оказать вооруженное сопротивление рас Бэнят, правитель Доуаро, но часть феодалов вошла в сговор с имамом и согласилась отдать некоторые округа без боя при условии, что они не будут разграблены. Однако в центральных районах Доуаро имам встретил все же вооруженное сопротивление. Против него выступили феодалы из Доуаро — Фануэль, Кыфле, рас Бэнят и другие. Войска имама, разделенные на несколько корпусов, покоряли провинцию, пользуясь услугами местных проводников, которых набирали из многочисленных последователей ислама. Среди них более всех помог имаму человек по имени Раджих, прекрасно

знавший все дороги {136} и переходы и осведомленный о том, какие из местных феодалов согласятся перейти на сторону мусульманских войск. Вооруженное сопротивление не очень помогало в данной ситуации. Снова императорские военачальники гибли в бою, оказывались в плену, а некоторые, отказавшись от борьбы, переходили к Граню, переменяв веру. Из Доуаро, несмотря на сопротивление части своей армии, которая, значительно обогатившись, требовала возвращения в Харэр, имам направился в провинцию Бали, которая также ему покорилась. И лишь отсюда имам вместе с армией повернул к Харэру.

Июньский поход 1529 г. в Доуаро и Бали следует расценить как грабительский, а не направленный против основных сил империи. Вероятно, подобным же образом оценил его и Либнэ-Дынгыль, если не послал главные свои силы на помощь подвергавшимся нападению территориям, а предоставил их защиту местным войскам. Правда, имам прошел через обе пограничные области, обозначив свой путь пожарищами и пепелищами, но он не занимался там никакими политическими вопросами. Несмотря на то что он нашел союзников, мирным путем передавших ему ряд округов и даже перешедших на его сторону, имам Ахмед не назначил в завоеванных провинциях наместников, бросив их на произвол судьбы, и не направился далее в глубь империи. Вполне вероятно, что, несмотря на предшествовавшие успехи, фактический правитель Харэрского султаната еще не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы двинуться в глубь труднодоступного Центрального массива. Он вынужден был считаться и со своей армией, которая, бесспорно, главную цель всех походов видела в трофеях и, обогатившись до пресыщения, требовала возвращения домой. Имам не жалел усилий, чтобы разжечь в своих воинах ненависть к христианам и вдохновить их на «священную войну». Вскоре сказался результат этой деятельности, чему в немалой степени способствовали его прежние боевые успехи.

По возвращении в Харэр имам использовал трофеи похода в Доуаро и Бали прежде всего на перевооружение своей армии и для нового пополнения. Таким образом сама империя в какой-то степени оплатила расходы, {137} связанные с войной, ведущейся против нее. В Харэр прибывали все новые воины и вступали в армию имама, слава которой уже вышла за пределы Африканского континента. Прибыли сюда, например, отряды из Южной Аравии, из племени махра, чтобы принять участие в дальнейшей войне против империи. Имам увеличивал численность своих войск, а средства от захваченных трофеев он расходовал на приобретение огнестрельного оружия, которого до сих пор у него было немного. После двухмесячного отдыха армия имама Ахмеда вновь выступила против империи. На этот раз она имела семь артиллерийских орудий. Перед походом имам поклялся или вернуться в Харэр, завоевав всю империю, или погибнуть. Войска имама вновь двинулись к Доуаро со стороны реки Аваш.

БИТВА В АНЦОКИИ И У АЙФЭР

Император, после того как верные ему правители Доуаро и Бали или погибли, или попали в плен во время июньского похода 1529 г., направил часть своих войск на защиту этих территорий, которым вновь угрожала опасность. Войска имама через территорию Доуаро направлялись к Дамоту. Ближайшей задачей, какую поставил имам перед своими солдатами, было ограбление церкви в населенном пункте Анцокия. Здесь вооруженное сопротивление захватчикам должны были оказать командующие императорских войск: битуюдэд Бэдлай, рас Дэгальхан и другие. Войска Граня двинулись в направлении Хадьи. Проводники указывали имаму скрытые дороги, которыми он, минуя сосредоточенные при главных переходах засады императорских войск, приближался к Анцокии. Рас Дэгальхан, зять Либнэ-Дынгыля, не решился сам дать бой Граню и обратился к императору с просьбой о подкреплении. Вскоре подошел со значительными силами правитель Фэтэгара рас Ыслам-Сэгэд, называвшийся также битуюдэд Ысламо. Большую часть его армии составляли лучники из племени майя, которых боялись войска имама, потому что их отравленные стрелы вызывали смерть в страшных мучениях. В битве у реки Сэмэрма именно они были одной из причин паники среди его отря- {138} дов. Костяк армии составляли бесстрашные полки из Бали. Рас Ысламо вместе с военачальником по имени Аббет, поделив силы на два корпуса, расположили войска на тщательно выбранных позициях в горах около анцокийской церкви.

Битва в Анцокии, состоявшаяся в феврале (или марте) 1531 г., относится к важнейшим в этой войне. Чашу весов победы перетянула на этот раз артиллерия, примененная в этой войне впервые. Несмотря на героическое сопротивление раса Ысламо и военачальника Аббета, пушки внесли сумятицу в наиболее храбро до сих пор сражавшиеся полки пехоты из Бали, заставив их отойти с позиций. Анцокия пала. За уходившим расом Ысламо пустилась погоня, которая окончательно рассеяла разбитую армию, а самого раса вынудила к одинокому бегству в глубь провинции Хадья. Войска Граня вступили в округ Айфэр, где захватили богатые трофеи. Некоторые солдаты Граня вели с собой до тридцати мулов и по десятку невольников, не считая скота, оружия, щитов, богато украшенных и обычных седел и другого добра. В Шарка, куда затем направилась армия имама, безуспешно пытался оказать ему сопротивление битуоддэд Бэдлай. Здесь были взяты в плен жены и дети некоторых крупных феодалов, которые, чтобы вызволить своих близких из плена, начали переходить в ислам и на сторону Граня. Последний держал слово: возвращал неопитам семьи и щадил их имущество. В Шарка впервые достались им в качестве трофеев золото и ткани. Оттуда армия направилась к Доуаро и в населенном пункте Андуррах без борьбы захватила церковь, которую, кажется, 11 лет строил знаменитый нэгаш Годжама Уосэн-Сэгэд. Командующие мусульманскими войсками вошли в церковь и были поражены ее архитектурой и орнаментикой, греческими коврами, иконами, тонким полотном, шелками и драгоценными камнями. Потом церковь разграбили и сожгли.

Либнэ-Дынгыль после получения известия о поражении раса Ысламо у Анцокии, о сожжении церкви Уосэн-Сэгэда и безнаказанном разбое Граня в Доуаро и граничивших с этой провинцией округах поспешно стал сзывать полки и формировать новую армию, во главе которой поставил правителя округа Ангот раса Тэкле-Ийесуса. {139} Костяк армии составили отряды из Тигре и Ангота. Тридцать тигрейских военачальников и наместники округов: из Шири — Сэмаил, из Цэлефта — Абрахам, из Хамасена и Кыдда — Кыфле, из Годжама — Гийоргис, из Бэгэмдыра — Йисхак — и многие другие привели с собой многочисленные полки, и каждый из них — как сообщает не без преувеличения арабская хроника — возглавлял не менее 10 тыс. солдат. К этой армии присоединился рас Ысламо, которому император хотя и простил поражение, но, не забыв потери войск, не доверил на этот раз командования. Рас Тэкле-Ийесус решил захватить врасплох армию неприятеля и атаковать ее с тыла. Он рассчитывал, что армия Граня, захватив уже достаточно трофеев, начнет отходить через Доуаро, а он с войском двинется вслед за ними и будет преследовать их далеко за пределами империи. Однако имам был прекрасно информирован через своих людей, находившихся в близком окружении командования императорской армии, обо всех планах Тэкле-Ийесуса. Захваченной врасплох оказалась не армия Граня, а войска Тэкле-Ийесуса, которые, проснувшись на рассвете, увидели перед собой будто из-под земли выросшие мусульманские полки, приведенные к лагерю хорошо знавшими местность проводниками. У императорской армии не оставалось никаких шансов. Погибли рас Тэкле-Ийесус и рас Ысламо, погибли или оказались в плену все вышеперечисленные наместники. На поле боя осталось 130 военачальников из Амхара и Тигре. Эфиопская армия потеряла все свое снаряжение. Это сражение вошло в историю под названием битвы у Айфэр. После нее феодалы Доуаро прекратили сопротивление и подчинились власти имама.

За армией Граня уже тянулся огромный обоз трофеев. Много разной добычи и пленных приходилось на каждого солдата. Воины имама уже хотели возвратиться домой. Однако на этот раз имам не допустил превращения «священной войны» в грабительский набег. В узком проходе между скалами он остановился и приказал рубить головы всем, кто оставит при себе больше добычи, чем может унести один мул. В округе племени майя, который не был разграблен из-за страха перед отравленными стрелами, воины имама с плачем и криками бросали добычу, чтобы {140} идти дальше в «священный» поход. Теперь целью похода был плодородный и урожайный округ Уорэба, поблизости от Уодж, являвшийся житницей империи.

УОСЭН-СЭГЕД

Либнэ-Дынгыль, войска которого потерпели очередное тяжелое поражение, отступил из округа Уодж и не стал давать сражения находившемуся неподалеку Граню. Его войска понесли очень чувствительные потери и не были способны к следующему сражению. Император

Эфиопии, находясь от Граня на расстоянии только одного перехода, смотрел в отчаянии на дым пылавшей императорской резиденции в Гэбэрге, где родился его отец, император Наод. Свою же резиденцию в Бадуки поджег он сам, чтобы она не досталась врагу. Император выступил в направлении Дамот, куда подходил с войсками бывший регент Эфиопии, крупный амхарский военачальник Уосэн-Сэгэд, нэгаш Годжама (по некоторым документам — нэгаш Дамота). Престарелый Уосэн-Сэгэд был окружен в Эфиопии всеобщим уважением. Можно с уверенностью сказать, что он пользовался авторитетом если не большим, чем император, то равным ему. Мудрость и справедливость снискали Уосэн-Сэгэду огромную популярность, выражением которой было его прозвище, распространенное в народе: Йедыха-Аббат — «Отец бедных».

Встреча Уосэн-Сэгэда с императором произошла вскоре после разорения армией Граня плодородного округа Уорэба и сожжения Гэбэрге. Теперь инициативу дальнейшей политической и военной деятельности взял в свои руки Уосэн-Сэгэд. Прежде всего он направил Граню письмо, в котором сообщал о своем прибытии в армию, одновременно советуя имаму покинуть пределы Эфиопии и довольствоваться прежними успехами. «Победа не вечна,— писал Уосэн-Сэгэд,— достаточно тебе и того, что ты совершил. Возвращайся домой. Ты твердишь сам себе: я обратил в бегство императора у Шынбыра-Куре, я сделал то же самое в Анцокии, в округе Зари я уничтожил императорские войска. А теперь перестань обманывать сам себя: императорские силы восстановлены. У императора многочисленная армия, какой ты не видел и не знал {141} прежде — это народы гураге, гафат², люди из Дамота, Ыннари, Зейта, Джиммы... Возвращайся с золотом и добычей к себе... Я тот, кто убил твоего старшего брата... Не думай, что я буду таким же военачальником, каких ты встречал до сих пор. Я — Уосэн-Сэгэд». Ответ Граня звучал так же высокомерно: «Мы не боимся рабов, так как знаем их. А ты, если ты такой, каким считаешь себя — мы на твоей земле,— сражайся за нее».

Вступление в войну Уосэн-Сэгэда подняло дух в армии императора и смутило неприятеля, тем более что как раз заболел имам, а в дополнение ко всему приближался сезон ливней 1531 г. и воины Граня вновь возымели большое желание вернуться в родные края. Таким образом, стратегический план Уосэн-Сэгэда имел большие шансы на успех. Он намеревался разделить императорскую армию. Одна ее часть под командованием самого императора должна была направиться в горную местность Дамота и, блокировав проходы, ведущие в глубь этой области, не пропускать армию Граня. Вторая часть войск, возглавлявшаяся Уосэн-Сэгэдом, должна была пройти через округа Уодж и Доуаро в направлении Адала и нанести удар Харэру, столице султаната, совсем лишенной какой-либо военной защиты. Уосэн-Сэгэд рассчитывал вызвать разделение армии Граня, часть которой двинулась бы за императором в Дамот, а часть или даже вся армия вынуждена была бы покинуть пределы империи, чтобы защитить собственную территорию. Разделенный таким образом на два отряда противник должен был потерпеть поражение. Однако в округах, где велись военные действия, влияние Граня уже стало значительным. Слишком много феодалов по принуждению или подкупу перешло на сторону Граня и теперь боялось мести императора. Поэтому они не только донесли Граню о стратегических планах командования императорских войск, благодаря чему имам избежал задуманной Уосэн-Сэгэдом засады, но также за высокие должности и богатство указали узкие {142} и малоизвестные проходы в горах Дамота, по которым вражеская армия прошла и напала внезапно с тыла на императорский корпус, охранявший главный путь, ведущий в этот округ. После ожесточенного боя врукопашную в горном ущелье еще раз разбитая императорская армия поспешно отошла в Уодж и Доуаро, чтобы объединиться с Уосэн-Сэгэдом. За ней по пятам двигалась победоносная армия Граня, грабя Дамот и Доуаро, Уодж и Фэтэгар. Все церкви и монастыри в этих местностях были сожжены, ничего не осталось от богатых торговых населенных пунктов, встретившихся на их пути. Хозяйственные и культурные ценности процветавшей империи обращались в пепел. 17 июля 1531 г. солдат Граня по имени Абубэкэр поджег знаменитый монастырь Дэбрэ-Либанос. В огне сгорели рукописи, собиравшиеся в течение веков, были разграблены драгоценные предметы религиозного культа, сокровищница размещавшейся здесь издавна резиденции ычэге. Часть монахов, не вынеся зрелища гибели своего монастыря, духовной

² Гураге и гафат — семитоязычные народы Эфиопии. В настоящее время язык гафат мертв, а гураге образуют группу близкородственных языков и диалектов в Центральной и Южной Эфиопии. — *Прим. ред.*

столицы империи, бросилась в пламя. В конце концов область Шоа и округ Уорэба также подчинились Граню.

Уосэн-Сэгэд отдавал себе отчет в том, что оставление императором позиций в Дамоте равноценно сведению на нет его стратегических планов. Однако он решил скорее погибнуть, чем прекратить борьбу, и, невзирая на сезон ливней, готов был дать бой Граню. Имам Ахмед вопреки мнению большинства своих военачальников и желанию своей армии, насытившейся трофеями и военными трудами, тоже не помышлял о прекращении борьбы. Под дождевыми потоками, по грязи, в которой увязали лошади и мулы, скользкими горными тропами, без отдыха, вел Грань свое войско навстречу армии Уосэн-Сэгэда, бросив даже артиллерию, увязшую в болотистой местности. Он полагал, что крайне тяжелый для передвижений сезон ливней будет способствовать решительной победе над эфиопскими войсками, деморализованными последним поражением в Дамоте. Уосэн-Сэгэд шел ему навстречу. Императорские войска переправились через опасно поднявшиеся воды в реке Аваш, на что до этого никто в Эфиопии не решался. Переправа осуществлялась на лодках, спешно построенных несколькими европейцами — {143} гемузцами, каталонцами, греком, баском и немцем, — которые, освободившись некогда из мусульманского плена, оказались в империи и остались при дворе Либнэ-Дынгыля. Уосэн-Сэгэд направился к горе Бусат, чтобы там на выгодных позициях дать бой Граню. Однако не успел. Войска имама Ахмеда подошли раньше, чем их ожидали, и Уосэн-Сэгэд вынужден был принять бой. Первая атака мусульманского войска была отражена, потом последовали вторая, третья, четвертая и пятая. Наконец, гэрад Шамун возглавил новую атаку мусульман и сломал строй неприятеля. Тогда в бой вступил сам старец Уосэн-Сэгэд. Ему подвели коня, и с копьем в руке он повел в бой свои пошатнувшиеся ряды, воодушевляя их криком и заражая собственным примером. Навстречу двигались мусульманские отряды, во главе которых мчался на коне с саблей в руке гэрад Абид. Уосэн-Сэгэд атаковал его и насквозь пронзил левое плечо, но копье при этом сломалось, а меч он не успел извлечь, и в этот момент гэрад Абид нанес ему удар саблей по шее. Уосэн-Сэгэд свалился с коня. Тут же раздался крик в мусульманских рядах: «Уосэн-Сэгэд мертв!» Напрасно призывал годжамский нэгаш своих солдат: «Продолжайте сражаться, я жив!» После стольких поражений падение с коня знаменитейшего из полководцев потрясло императорских солдат. Они не сражались больше с таким воодушевлением. Бой был проигран. И снова остались лежать на поле боя наиболее преданные императору военачальники, и среди них аздаж Тэклэ-Хауарьят, наместники Ындэрти и Лалибэлы, всего около 30 деятелей империи. Уосэн-Сэгэд, по одним сведениям, погиб сразу после падения с коня, убитый гэрадом Абидом, по другим — после битвы, когда сопротивлялся пленению. Его смерть была огромной утратой для империи. Ибо не было среди знати и при эфиопском дворе человека, равного ему по авторитету.

Все более узкий круг людей, верных и заслуживавших доверия, оставался при императоре Либнэ-Дынгыле. Один за другим гибли лучшие, и среди них потеря Уосэн-Сэгэда была наиболее чувствительной. После его смерти в бою, точную дату которого хроники не сообщают, многие округа сразу перешли на сторону имама, приняв ислам. Армия имама все шире растекалась по империи, за- {144} няв Тэгулет и Гыддым, а императорская, покинув Уодж, быстрым маршем, несмотря на сезон ливней, направилась в провинцию Амхара.

ВЫТЕСНЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКИХ СИЛ В ГОРЫ СЕВЕРА

В середине 1531 г. Либнэ-Дынгыль покинул территорию Шоа. Однако Грань, будучи более военачальником, чем политиком, все еще удовлетворялся военными успехами и в оставленных императорской армией областях не устанавливал собственного правления, ограничившись их завоеванием и разграблением. Либнэ-Дынгыль, наоборот, хотя и покинул Шоа и юго-восточные окраины, которые не сумел отстоять на поле боя, но оставил там старшего сына Яякоба в качестве представителя господствовавшей династии, хотя позиции ее на данных территориях были очень шаткими. Либнэ-Дынгыль собирался организовать оборону оставшейся части империи в высокогорном и действительно труднодоступном округе Бет-Амхара. Непреступной крепостью возвышались здесь горы. От берегов реки Аббай (Голубой Нил) до озера Хайк и области Ангот тянулись крутые, обрывистые, почти отвесные и совсем голые скалы,

непреодолимые для армии и конницы. В глубь округа вело едва ли пять проходов в виде очень широких ущелий, с нависшими над ними с двух сторон обрывистыми склонами, которые даже небольшое количество воинов могло долго и успешно защищать.

На этой естественной границе император Либнэ-Дынгыль тщательно организовал оборону. У каждого из пяти проходов находились войска. Защиту двух важнейших ущелий, Маят и Уосиль, возглавили рас Дэгальхан и сам император. Рас Дэгальхан приказал у входа в ущелье Маят выкопать еще дополнительно глубокий ров. Внутри ущелья он всюду расставил отряды войск из Гыддыма и Тигре, входившие в состав возглавляемого им корпуса. Такой же ров выкопал у ущелья Мэнзи рас Бэнят. Император Либнэ-Дынгыль расположился на склонах гор, защищавших вход в ущелье Уосиль. Когда шла эта подготовка в императорском лагере (июль — август 1531 г.), имам также не бездействовал. Часть войск под командованием визиря Адоле он оставил в Фэтэгаре и в {145} юго-восточных районах, другую же повел сам на север. Имам Ахмед принял решение атаковать округ, который защищал Либнэ-Дынгыль. Рас Дэгальхан, на которого была направлена первая атака войск Граня, успешно и без больших для себя потерь отразил ее, тогда имам Ахмед решил отказаться от осады ущелья Маят и перейти к оборонявшимся императором воротам ущелья Уосиль. Войско его двигалось без обоза, он приказал своим людям не трогать церквей, не грабить, говорить только на местном амхарском языке, а специально высланным вперед отрядам он приказал распространять весть, что идущие за ними войска являются частью войск Дэгальхана, которые, победоносно отразив атаку Граня у Маят, направляются на помощь императору. Весть о приближающейся якобы армии Дэгальхана достигла императорского лагеря, расположенного на горе над ущельем Уосиль, и оттуда спокойно смотрели на взбиравшиеся по отвесной тропинке отряды, не подозревая о страшном обмане. Тридцать кавалеристов и пятьдесят пехотинцев преодолели уже половину подъема. Сзади подтягивались следующие отряды.

Вдруг с вершины горы, где спокойно хлопотали императорские солдаты, заметили клубы дыма над ближайшей церковью. Страшное проклятие вырвалось из уст Граня в адрес того пьяного солдата, который нарушил приказ и поджег христианский храм, обнаружив таким образом приближавшиеся неприятельские войска. Имам начал торопливо преодолевать оставшуюся часть крутизны, а на вершине спешно кинулись седлать коней, хватать щиты, копья и мечи. Из императорских рядов на бешеной скорости вырвался наездник и, приблизившись к скачущему впереди имаму, прокричал формулу мусульманской веры, после чего повел войско имама в атаку. Всего около часа длился бой на вершине. Императорских солдат, которые приписали коварное появление Граня колдовству, охватил панический страх. Они сдавались без борьбы, прося о пощаде, бросались в бездну, гибли под ударами подходивших отрядов, взбирались на деревья, ломавшиеся, под их тяжестью и увлекавшие их на дно пропасти. Эфиопы выкрикивали заклинания, думая силой собственной магии уничтожить мнимые чары имама. Вскоре разбежались последние императорские солдаты. Перед глазами защищав- {146} шегося у входа в шатер Либнэ-Дынгыля появилась мощная фигура. По росту великана и сабле в левой руке император догадался, что это Грань-Левша. Не признанный врагами правитель без коня кинулся бежать, бросив свой императорский шатер, трон и весь двор. Укрывшись до наступления сумерек среди деревьев, в сопровождении двух спутников пробрался он под покровом ночи на следующую горную вершину и ускользнул от погони. 21 октября 1531 г. пало ущелье Уосиль, открыв путь в недоступный до этого район Эфиопии, сердце империи.

ПОТЕРИ, ПОНЕСЕННЫЕ ЭФИОПСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

В этой области между горных цепей находились плодородные долины, по которым текли реки и где прекрасно росли все культуры. Здесь было выстроено много церквей, монастырей, накопивших многочисленные сокровища и богатые библиотеки. Перед армией Граня открылся дуть к овечьему легендами центру Эфиопской империи. Для начала захватчики разграбили белый шатер императора, забрав из него трон, доспехи, парчу и шелка, не считая взятых в плен придворных дам знатного происхождения. В течение трех дней солдаты имама тешили своей добычей. Но от непривычного холода, царившего на этой возвышенности, они очень страдали и даже многие погибли. Проводники указали Граню наиболее богатые из здеш-

них монастырей. Визирь Нур-ибн-Ибрахим направился к монастырю Атронсэ-Марьям, некогда построенному и богато одаренному императором Бэйдэ-Марьямом; Сиди Мохаммед — к Дэбрэ-Нэгодгуад, монастырю императора Зэра-Якоба, где, кроме неисчислимых богатств, хранились доспехи султана Бэдлая-Чудовища, захваченные в 1435 г.; сам имам двинулся к Мэканэ-Сылласе, самому замечательному церковному сооружению империи, строившемуся в течение нескольких лет Наодом и незадолго до этого достроенному правящим императором. Другие отряды направились к остальным монастырям и пустыням.

Хроника рассказывает, как в окружении высших сановников имам Ахмед подошел к собору Мэканэ-Сылласе. Насладились очи его внешним великолепием, которое {147} превзошло все ожидания: двери храма были выложены плитками разноцветного золота и серебра с инкрустацией жемчугом, крыша позолочена, стены украшены позолоченными изваяниями. Затем имам торжественно вступил внутрь и, насмотревшись на пышность орнамента, отдал приказ разрушить это произведение архитектуры и искусства Эфиопской империи, не имевшее себе равных во всей стране. Сотнями топоров сдирали со стен золото, серебро и драгоценные камни. Все сорвать не сумели и подожгли храм, еще полный богатств. Подобным же образом визирь Нур разрушил Атронсэ-Марьям и вынес оттуда Евангелие с золотыми страницами, алтарь из чистого золота, забрал золотой прибор, на котором, по распоряжению императора Бэйдэ-Марьяма, имел право есть здешний церковный сановник; та же участь постигла монастырь Дэбрэ-Нэгодгуад. Все монастыри в этом районе были разграблены, а потом сожжены, и вместе с ними сгорели памятники эфиопской письменности, заботливо собранные и хранившиеся в монастырских библиотеках. Беззащитные монахи пытались — в основном безуспешно — спасти от захватчиков бесценные богатства монастырей. Часто они сами гибли в пламени, не желая видеть, как бесчестят их храмы. Фанатичный имам, с таким трудом разжегший в своих солдатах рвение к войне во имя веры, переживал свой большой триумф. Страшное бедствие, не имевшее себе равных в истории империи, распространялось все шире.

Император Либнэ-Дынгиль отступил к реке Бэшило. Вслед за ним направилась мусульманская погоня, возглавленная гэрадом Ахмушу. Погоня следовала за императором до Бэшило, после чего повернула назад. Император вступил в Бэгемдыр, а корпус Ахмушу направился к горе «заточенных князей» — Амба-Гышен, где были собраны многочисленные сокровища, роскошные наряды, драгоценная утварь и другие богатства, среди которых проходила жизнь претендентов на престол. На вершине Амба-Гышен текли потоки, увлажнявшие почву, возвышались украшенные и богатые жилища, где в момент нашествия Граня находилось много императорских родственников и свойственников. На отвесные стены поднимались по лестницам, а железные барьеры охраняли вход. {148}

Амба-Гышен защищали яростно. 25 ноября 1531 г. мусульманские войска прекратили атаки, а предводитель атаковавшего корпуса гэрад Ахмушу был захвачен в плен и обезглавлен. Разгневанный поражением имам Ахмед хотел сразу же вновь двинуться со своей армией на Амба-Гышен, но остальные военачальники удержали его от этого шага. Они стали указывать ему, что многочисленные завоеванные округа фактически остаются во владении императора, так как там не поставлены новые правители, а старым, несмотря на их измену императору, нельзя было особенно доверять из-за их приверженности христианской вере. Имам согласился с их мнением и приказал визирю Адоле прибыть с его армией в Дэбрэ-Бырхан, туда, где должны были встретиться разделенные в середине 1531 г. мусульманские войска. Сам же он, прежде чем выступить к Дэбрэ-Бырхан, двинулся на север к озеру Хайк, на берегу которого стоял знаменитый монастырь Дэбрэ-Ыгзиабхер, а на острове — известная пустынь Дэбрэ-Ыстифанос. Монахи из монастырей с озера Хайк славились накопленными в течение веков богатствами и играли видную роль в империи, имея привилегию занимать высшую должность акабе сэата. Обо всех богатых и великолепных центрах эфиопской церкви имам узнавал у своего высоко ценимого проводника по имени Ананиаш, хорошо знавшего всю империю, который за награды и высокие звания провел армию имама от Доуаро в глубь страны.

На озере Хайк имам имел первый свой бой на воде. Он построил лодки и вынудил монахов капитулировать. Ценой сохранения церковных строений и при условии своей неприкосновенности духовенство из Хайк согласилось отдать имаму все накопленные сокровища и выдать находившихся здесь в заточении мусульманских сановников, взятых в плен в эту и предыдущую войну. Три лодки, в каждой из которых могло поместиться 150 человек, трижды от-

чаливали от острова, увозя монастырское имущество: золотые и серебряные кресты, золотые светильники с золотыми цепями, книги с листами, украшенными золотом, изваяния, шелк, парчу.

Наконец, отправились к Дэбрэ-Бырхан, по дороге сжигая и грабя остальные монастыри. В пути два знатных эфиопа, которые, приняв ислам, сопровождали Граня, {149} убежали от него, чтобы присоединиться к императору. В это время среди подходившей с юга к Дэбрэ-Бырхан армии визиря Адоле распространилась весть, что император якобы разбил корпус Граня и перебил всех поголовно вместе с имамом. Из корпуса визиря тотчас же бежали отряды, набранные из местного населения и входившие в состав мусульманских войск. Наконец в январе — феврале 1532 г. обе части мусульманской армии встретились в Дэбрэ-Бырхан. Начался раздел добычи. Сорили золотом. Мула покупали за сорок мер золота и, кроме этого драгоценного металла, в то время в Дэбрэ-Бырхан не использовали никакого другого в качестве средства обмена.

Из покоренных округов поступали тем временем сведения о возвращении в христианский лагерь вельмож, прежде перешедших было в ислам, о борьбе, вспыхивавшей тут и там и ведущейся с переменным успехом. Мусульманское командование приняло решение об укреплении своей власти в юго-восточных округах. Армия имама разделилась на несколько отрядов и с начала 1532 г. до начала 1533 г. подчиняла себе этот район империи. На этот раз капитуляцию знати не принимали. Требовали либо перейти в ислам, либо назначали управляющих из лиц, давно принявших ислам. Велись жестокие сражения, и преданные христианству и империи наместники или погибали, или бежали в глубь страны, чтобы присоединиться к армии Либнэ-Дынгыля. При обороне Уодж погиб его правитель Ыслам-Дахар. Адалю, правитель Бали, отчаянно защищал свою провинцию, приказав, чтобы каждый солдат имел с собой жену и детей и знал, что поражение в бою будет равносильно немедленной смерти или плену близких. Сам правитель погиб в той битве, в которой, как говорят хроники, с обеих сторон наряду с мужчинами сражались женщины. Оказавшиеся в плену или соглашались принять ислам, или гибли на месте. В июле — августе 1532 г. Бали было покорено. За округ Уорэба сражался рас Бэнят. Некоторые народы, например в Хадья и Гафате, которые до этого только формально подчинялись империи, вступали в союз с имамом. Другие оказывали ему сопротивление. В конце концов в начале 1533 г. области Доуаро, Бали, Хадья, Гэнз, Уодж, Уорэба, Фэтэгар, Йифат и районы, по всей вероятности, до Дамота включи- {150} тельно были полностью покорены. Непокоренными оставались Тигре, Бэгемдыр и Годжам.

Армия имама вновь соединилась в Дэбрэ-Бырхан. В мусульманском военном командовании возникли разногласия. Часть военачальников хотела остаться на завоеванной территории и посвятить год или больше административной организации покоренных районов империи, после чего, обеспечив надежные тылы, отправиться на дальнейшее завоевание. Другие, и среди них визирь Адоле и имам Ахмед, хотели немедленного выступления на север, чтобы использовать численность армии, увеличенной вербовкой в новопокоренных районах и находящейся в полной боевой готовности. Мнение последних победило.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОРАЖЕНИЯ ЭФИОПСКИХ ВОЙСК

В апреле 1533 г. Грань выступил в поход для дальнейшего покорения Эфиопской империи, предварительно разделив армию. Из Дэбрэ-Бырхан корпуса направились в Йифат, Гыддым и к озеру Хайк. Отрядами, шедшими на север, командовал сам Грань. И снова велись бои у подступов к ущельям, ведущим в глубь плоскогорья. 9 апреля 1533 г. к отступлению из-под Уосиль были принуждены отряды, возглавлявшиеся Тэкле-Хайманотом, сыном раса Дэгалхана — защитника ущелья Маят. Вновь имам осаждал Амба-Гышен и вновь вынужден был снять осаду. Оттуда он направился в Тигре. Он прошел через высокогорный округ Ластва, опустошив по пути знаменитые церкви Лалибэлы. Он достиг округа Кыдда на границе Тигре. Затем вступил в Ындэрта, Тэмбен и Агаме. На очереди был Аксум, он занял и его. Безжалостно убивая, сжигая и грабя, Грань не давал ни минуты отдыха своей армии, изнуренной холодом и трудностями высокогорного похода. Разгром эфиопской армии был безмерен, и казалось, что империя

понесла такое жестокое разорение, от которого уже не оправится. Исламизированные билен³, населявшие {151} северные районы, вступали в армию Граня, благожелательно относились к нему и племена из исламизированного пограничья Судана, а в самом центре покоряемого района, в Сымен и Уогэра, издавна бунтовавшие против императорской власти воинственные народы фалаша также перешли на сторону Граня, видя в поражении империи возможность получения независимости.

Имам начал изматывающее обе стороны преследование императора, который пытался вместе с преданными сановниками защитить оставшуюся часть своего государства. Но в этих горных районах, где сообщение было особенно затруднено, имам вновь прибегал к хитрости и обману, выдавая свои отряды за полки, верные императору, используя при этом поддержку благосклонных к нему групп населения с сепаратистскими тенденциями. Преследуя императора, он прошел Шире, Уолдэббу, где истребил 250 монахов из пустыни аббы Самуэля, Уогэру, Дамбию, Ынфыраз. 16 февраля 1534 г. уже за Ынфыраз он наткнулся на брошенные кухни императорской армии. Не дав своим полкам, близким к полному изнурению, сойти с лошадей и мулов, Грань тут же бросился следом за императором. Его солдаты безмолвно двигались в наступивших сумерках, вновь переговариваясь только на местном наречии. В горном проходе они смешались незаметно с задними рядами армии Либнэ-Дынгыля и, неузнанные в темноте ночи, пробирались к голове колонны императорских войск, распространяя время от времени панические вести о приближении Граня. Императорская охрана зажгла факелы. Их пламя осветило темноту. Далее обман скрыть не удалось. Возникло замешательство, которое трудно описать. Императорские солдаты, зажатые в ограниченном с двух сторон отвесными скалами ущелье, в панике давили друг друга, не зная, куда наступать, от кого защищаться, не имея возможности в бурлящей, ошалевшей от страха толпе выхватить оружие. Имам, решив любой ценой настичь императора, пробирался сам через толпу, однако в противоположном, чем следовало, направлении. Прежде чем он сориентировался, император на быстрых лошадях сумел бежать от погони. В эту ночь погибли акабе сзат Нэгэдэ-Ийесус, его сын Быысе-{152}Ыгзиабхер, погибло много сановников. Однако император уцелел и добрался до Годжама.

Затем имам отступил в Аксум, где его корпус должен был встретиться с войсками, возглавлявшимися визирем Адоле. Воины Граня были истощены до предела. Холодный климат этой возвышенности мучил людей, привыкших к теплу равнин Северо-Восточной Африки, их терзали голод и трудности высокогорных маршей. Население областей, не вступивших в союз с врагом, по собственной инициативе вело партизанскую войну с захватчиками. Оно выкрадывало мулов, прятало продовольствие, не давало покоя армии ночными вылазками. Правитель Сэрае, Тэсфа-Лыуль, в победном сражении, состоявшемся 21 июня 1534 г., нанес поражение визирю Адоле, погибшему в бою. Смерть визиря была большим ударом для имама Ахмеда. Вскоре за нее отомстил визирь Аббас, убив Тэсфа-Лыуля. Сэрае было покорено. Однако голод и усталость истребляли армию неутомимого имама. Тогда он решил отправиться к более теплым горам Бэгемдыра, оставив в округах своих управляющих. Уже целый год продолжалось покорение северных округов империи. К Бэгемдыру имам направился в марте 1534 г.

Вполне вероятно, что именно на этой стадии войны император Либнэ-Дынгыль решил обратиться к Португалии за военной помощью. Казалось, что империя безнадежно потонет в мусульманском наводнении. Очевидно, около 1535 г. Либнэ-Дынгыль отправил находившегося при его дворе венецианца Жоана Бермудеша в качестве своего посла к португальскому королю и в папскую столицу. За то, что Бермудеш сумеет привести помощь, Либнэ-Дынгыль, видимо, обещал ему архиепископский престол в Эфиопии, соглашаясь в качестве цены за военную помощь перейти в католицизм. Бермудеш отправился в свою дипломатическую поездку, а император продолжал попытки удержать остатки империи до того, как придет помощь.

В 1536—1537 гг. имам укрепил свое господство на севере, разбил войска правителя Цэлемта Йоханныса, правителей Уогэра и Дэмбии, сражавшихся здесь под общим командованием Саула, завоевал Бэгемдыр. Во втором, после озера Хайк, сражении на воде он захватил остров {153} Галила на озере Тана. Тогда же он решил выбрать для своего постоянного местопребывания плодородную область Дэмбия. Ему удалось полностью усмирить этот округ, и он

³ Билен, или богос, северного Тигре (теперь Кэрэн в Эритрее) говорили на диалекте языка агау и исповедовали частью христианство, частью ислам. — *Прим. ред.*

роздал его земли наиболее преданным товарищам по оружию и построил там мечеть. Оттуда он направился в Годжам, а затем вновь вернулся в Доуаро и оставался там в течение восьми месяцев. В 1538 г. Грань опять двинулся на север к Анготу. В том же году он предложил императору Либнэ-Дынгылю соединить две враждовавшие династии брачным союзом и заключить мир. Либнэ-Дынгыль отверг это предложение. Тогда имам начал очередное преследование императора, находившегося в области Уаг. С начала апреля 1538 г. отряды имама, идя по пятам за императорским обозом, непрерывно сталкивались с войсками Либнэ-Дынгыля, нанося им тяжелые поражения. В среду 2 апреля 1538 г. погибли в бою с атаковавшими мусульманскими войсками аздаж Тэкле-Гийоргис, аздаж Амха-Микаэль, Яькоб, Гад, погибли абба Тэнсыа-Крыстос, монах из Дэбрэ-Бизэна, Гедеуон из Сымена, Юдит, сноха императора, и многие другие. 7 апреля в очередной схватке погиб сын императора Фиктор и вместе с ним еще несколько высших военачальников. 20 мая был взят в плен другой сын императора — Минас, тогда же погибли два блаттенгета — Эзраш и Йерзи. 11 июня того же года император бежал из округа Уаг и перебрался в Цэлемт. 8 июля он с трудом избежал засады, устроенной Йорамом, правителем союзной имаму области, после чего ушел в Шире. Это преследование продолжалось в течение почти двух лет. Осенью 1539 г. императору удалось одержать победу в одном из сражений. Но вскоре после этого его ждал следующий удар. В январе 1540 г. противник овладел Амба-Гышен, неприступные ворота которой открыл неприятелю один из княжеских слуг. А Бермудеш с помощью все не возвращался.

НАЧАЛО ПОБЕД ЭФИОПСКИХ ВОЙСК

2 сентября 1540 г. на далеком севере вблизи монастыря Дэбрэ-Дамо умер Либнэ-Дынгыль. Кажется, монахи этого монастыря отказались даже захоронить останки императора, опасаясь Граня. На троне оказался Гэлаудеуос (Гэлаудеос, Клавдий, 1540—1559), совсем юный сын Либнэ-Дынгыля и императрицы Сэбле-Уонгель. Положение начало изменяться. Императрица Сэбле-Уонгель сама происходила из Тигре и потому пользовалась поддержкой местной знати, которая приветствовала и ее сына на престоле. Поэтому сразу же Гэлаудеуос получил помощь, так недостававшую на севере его отцу, сыну императрицы Наод-Могэса из мусульманского рода гэрадов южного Доуаро.

С вступлением на трон Гэлаудеуоса судьба войны изменилась как по волшебству. Может даже показаться, что, за исключением немногочисленной горстки северных вельмож, все до сих пор только и ждали смерти старого императора, с которым ничто уже их не связывало, не сознавая, что вместе с его поражением разваливается вся империя. Многие полагали, что нашествие несет гибель только нелюбимому властелину. На борьбу встали слишком поздно — разгрома Эфиопии уже нельзя было предотвратить, как нельзя было воссоздать из пепла памятники культуры империи. В настоящее время большой редкостью являются эфиопские рукописи периода, предшествовавшего нападению. В последующие века по памяти и традиции воссоздавалась и записывалась история империи до 1529 г.

Гэлаудеуос начал свое царствование победоносным сражением с мусульманским корпусом 7 декабря 1540 г. Войсками мусульман командовал визирь Аса, который и погиб в этом бою. Настроенные в пользу Гэлаудеуоса группы населения агау из Сымена оказали ему помощь, благодаря которой он расправился прежде всего с поддерживавшими имама правителями округов Тэмбен, Шире и Сэрае. Отсюда он направился в Тигре, где 24 апреля 1541 г. дал бой гэраду Умару, закончившийся безрезультатно. Из Тигре Гэлаудеуос вернулся в Сымен, в котором имел особенно широкую поддержку и откуда он черпал свои главные силы для походов. Здесь было принято решение о разделе императорской армии. Часть войск осталась вместе с императрицей Сэбле-Уонгель на севере, а другая под командованием Гэлаудеуоса выступила в Шоа, переждав там сезон ливней 1541 г. {155}

ПРИБЫТИЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО ОТРЯДА

Тем временем отправленный в Европу еще императором Либнэ-Дынгылем Жоан Бермудеш выполнил свою миссию. Для Португалии было важно, чтобы мусульманский мир, уже

державший в своих руках сухопутный торговый путь с Индией, пролежавший через Сирию и Ирак, а также средиземноморский выход торгового пути к Красному морю, не сумел захватить полностью — покорив христианскую Эфиопию — побережье Красного моря и Аденский залив. Правда, Эфиопия не была включена в сферу папского и португальского политического влияния, но можно было предположить, что подчинение этого государства после освобождения из-под мусульманского ига пройдет легко, тем более что Бермудеш от имени императора, просившего о помощи, обещал переход эфиопской церкви из александрийской в римскую митрополию. Поэтому 9 июля 1541 г. в Аркако высадился и двинулся в глубь материка вооруженный пушками полк португальских мушкетеров из 400 человек под командованием Крестована да Гама.

Кстати, здесь следует несколько остановиться на значении огнестрельного оружия в тридцатилетней войне. Эфиопская историография единодушно подчеркивает, что одерживать победы Граню помогало огнестрельное оружие, которого не имели эфиопы. Но эта аргументация не представляется убедительной. Правда, у Граня с самого начала были пушки и мушкеты, которые он постоянно покупал. Но правда и то, что императору также удалось купить у мусульман несколько пушек и завербовать арабских пушкарей, — деталь, в прежних исторических работах полностью обходившаяся. Имеет значение и тот факт, что в тогдашней военной тактике главными оставались атака с использованием традиционного вооружения и рукопашная схватка. Фронтальный заградительный огонь, орудийные залпы и огонь мушкетов — основной элемент военной тактики, связанной с новым оружием, — совсем не применялись в той войне. Не специально привезенные имамом пушки открыли ворота неприступной Амба-Гышен, — их открыли обман и предательство. Несомненно, что огнестрельное оружие имама Ахмеда сыграло {156} психологическую роль в нескольких сражениях. Однако на результаты войны оно не повлияло, ибо еще не умели пользоваться орудийным огнем так, чтобы успешно истреблять противника. Впрочем, в Европе тактику, связанную с применением нового оружия, осваивали в течение двух веков (XVI и XVII). В тридцатилетней эфиопской войне участвовало с обеих сторон несколько десятков тысяч воинов. Следовательно, португальский полк из 400 человек для эфиопской стороны мог иметь значение только как отряд хорошо обученных мушкетеров и пушкарей; эта горстка солдат, даже прекрасно вооруженных, не могла в значительной мере повлиять на исход войны. Добавим еще, что португальский отряд прибыл в момент, когда внутреннее соотношение сил в государстве уже изменилось в пользу императора и эфиопские войска начинали одерживать первые серьезные военные победы. Появление португальцев было важно прежде всего с психологической точки зрения. Мы думаем, что не следует принимать утверждение эфиопской историографии, приписывающей успехи Граня огнестрельному оружию, а также мнение европейской историографии, переоценивающей военную роль португальцев в победе империи.

Бахыр нэгаш Йисхак проводил полк Крестована да Гамы к Дэбрэ-Дамо, где находилась императрица Сэбле-Уонгель со своим войском. 4 апреля 1452 г. произошла торжественная встреча войск в Анаса. Вскоре объединившиеся армии дали два сражения. расположившемуся на севере корпусу Граня, первое из которых было безрезультатно, а второе закончилось поражением имама. Затем наступил сезон ливней 1542 г., который эфиопско-португальская армия провела в Тигре, в местности Уольфа, и вылазками в направлении Сымен очищала эту область от групп фалаша, союзных имаму. В то же самое время имам Ахмед спешно собирал новые силы. Он вызвал из Йемена тысячный отряд, вооруженный ручным огнестрельным оружием и десятью пушками. Император Гэлаудеуос, с 1541 г. находившийся в Шоа, сражался в Доуаро и Йифате с корпусом Насреддина и также увеличивал свою армию вербовкой из народов, переходивших после одержанных им побед на его сторону. После получения известия о прибытии португальцев он двинул- {157} ся на север, чтобы объединить обе армии, и дошел туда, несмотря на огромные усилия мусульманской стороны, старавшейся любой ценой не допустить объединения эфиопских и португальских сил.

28 августа 1542 г., опередив Гэлаудеуоса и не дождавшись конца сезона ливней, Грань с полученным подкреплением из Йемена напал на эфиопско-португальский лагерь в Анаса. Бой закончился крупным поражением императорской стороны. Раненый Крестован да Гама был взят в плен и казнен, армия была рассеяна. Почти половина португальцев погибла. Вскоре подошел Гэлаудеуос и объединил свои силы с остатками армии императрицы Сэбле-Уонгель,

которая из Тигре должна была направиться в Сымен. Императорская армия сразу же выступила против неприятеля и 7 ноября 1542 г. в Уогэра провела успешный бой, в котором погиб командующий мусульманским корпусом Сиди Мохаммед. Затем Гэлаудеус двинулся в область Дэмбия и там вел войну со сторонниками имама. Грань же после победы в Анаса и смерти Кростована да Гама отослал в Йемен большую часть вызванных оттуда стрелков.

БИТВА У ЗЭНТЭРА

В среду 22 февраля 1543 г. обе армии встретились в Фогэра у подножия горы Зэнтэра. В самом начале битвы в 9 часов утра смертельная португальская пуля настигла имама Ахмеда. Грань погиб. Армия имама тут же бросилась врассыпную. С трудом спаслась от погони жена имама Дыль-Уонбэра. После четырнадцати лет победа, наконец, была на стороне императора. Португальцы под командованием Мигела да Кастаньозо покинули Эфиопию, а императорские войска отдыхали перед началом следующего этапа борьбы за освобождение страны. Смерть Граня у подножия горы Зэнтэры (это место до настоящего времени называется грань Бэrr — «Ущелье Граня») имела огромное значение для судеб войны, однако не предопределяла автоматически победы. Большая часть страны еще находилась в руках мусульман. Их позиции были наиболее прочными в первых покоренных ими юго-восточных областях империи. Наместником в провинциях {158} Бали, Фэтэггар и Доуаро был визирь Аббас, некогда убивший Тэсфалыуля, защитника северного округа Сэрае. Однако на севере ситуация уже почти полностью контролировалась императорскими силами. Целые области переходили на сторону императора Гэлаудеуса, который принимал верноподданные присяги от феодалов, не наказывая тех, кто был ранее в лагере противника. Только в очень редких случаях он решительно расправлялся с предателями, слишком активно способствовавшими победам Граня. Так, например, не был помилован императором Йорам, правитель Цэлемта, предательство которого вынудило в свое время Либнэ-Дынгыля к бегству.

В середине 1543 г. в истощенной долголетней войной стране наступил голод. Он явился причиной прекращения на какое-то время дальнейших военных действий. В 1545 г. Гэлаудеус выиграл крупное сражение у напавшего на него в области Уодж визиря Аббаса. После этой битвы он овладел Доуаро и в течение последующих трех лет укреплял там свою власть, отстраивая церкви и селения, одновременно подавляя постоянно разжигавшиеся и поддерживавшиеся мусульманской стороной мятежи. В марте 1548 г. император отправился в вооруженную экспедицию в Дамот против мятежных округов, оставив Фануэля охранять Доуаро и восточные окраины. Последующие годы он посвятил упрочению своей власти.

Мусульманские войска, следившие за каждым шагом Гэлаудеуса, выступили в направлении Доуаро, но были отброшены армией Фануэля, которая по приказу императора последовала за противником на территорию Адала, где одержала блестящую победу. Видя ослабление врага, истощенного долголетней войной и, вероятно, покинутого значительной частью прежних союзников, Гэлаудеус двинулся в глубь Адала, разорял и грабил его в течение пяти месяцев. Но Харэрский султан не желал смириться с понесенным поражением. Племянник имама Ахмеда Нур-ибн-Муджахид принял командование мусульманской армией. Согласно эфиопскому преданию, снова появилась на сцене прекрасная дочь эмира Махфуза, жена умершего имама Ахмеда Дыль-Уонбэра. В сетях ее любви оказался молодой Нур, который, страстно влюбившись, хотел жениться на ней, но Дыль-Уонбэра {159} обещала юноше свою руку при условии, если он отомстит за пролитую христианами кровь ее отца Махфуза, а также ее мужа и дяди Нура — имама Ахмеда-ибн-Ибрахима и бросит к ее ногам голову победоносного императора Гэлаудеуса.

Нур-ибн-Муджахид организовал новый поход против Эфиопии и двинулся на Фэтэггар. Гэлаудеус, восстанавливавший в то время годжамскую пустынь Дэбрэ-Уорк, не успев собрать всей армии, двинулся ему навстречу. 23 марта 1559 г., не прислушавшись к мнению военачальников, советовавших ему избегать столкновений с противником до подхода полков из внутренних областей страны, Гэлаудеус начал сражение, которое закончилось поражением императорских войск. В бою погиб ычэге Йоханныс, пал акабе сэат и много других сановников. Пал на поле боя и император Гэлаудеус. Нур отсек ему голову. Однако это сражение не

имело особых последствий в политическом или военном отношении, ибо в Харэре начался голод. В течение трех лет не было дождей. Народ Харэра считал, что это выставленная у городских ворот на столбе голова императора Гэлаудеуоса навлекла на мусульман страшное бедствие.

Итак, 1559 г. завершил тридцатилетнюю войну, не изменив основного соотношения сил между обоими противниками. Харэрский султанат продолжал владеть восточной частью Эфиопского нагорья. Эфиопская империя — как и прежде — занимала западную часть возвышенности. Такое положение вещей сохранялось вплоть до 1887 г., когда Харэр был занят войсками ныгусэ Менелика, правителя Шоа. В 1559 г. война прекратилась не только из-за голода, истощившего Харэрский эмират. Важным фактом было завоевание в 1557 г. султаном Сулейманом порта Массауа. С этого момента Османская держава перестала интересоваться странами внутри континента и вмешиваться в продолжавшиеся там кровавые столкновения. С приобретением Массауа была достигнута важнейшая для турецкой империи цель — овладение значительным пунктом в восточной части Красного моря, лежавшим на важном торговом пути. Экономическое ослабление и отсутствие поддержки извне побудили Харэр в конце концов прекратить борьбу. {160}

Глава IX

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

ВНУТРЕННЯЯ СИТУАЦИЯ ПОСЛЕ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

После окончания тридцатилетней войны Эфиопия оказалась перед множеством трудных внутренних проблем. Желая восстановить авторитет центральной власти и возродить былое величие государства, император вынужден был вести политическую и вооруженную борьбу одновременно на нескольких фронтах. Эта борьба велась как с этническими группами, так и с крупными знатными родами, которые своими сепаратистскими тенденциями способствовали когда-то поражению государства и чьи притязания на самостоятельную власть отнюдь не уменьшились. Во второй половине XVI в. перед правителями Эфиопии встал еще один вопрос: политические взаимоотношения с посланцами из Европы, особенно же с иезуитами — представителями папства, стремившимися к овладению эфиопской церковью и подчинению ее Риму. Эфиопия вынуждена была также защищаться от натиска мигрировавших племен галла, которые с юга стали вторгаться в Эфиопию уже в период правления Либнэ-Дынгыля. Для ослабленного длительной войной государства массовые нашествия галла представляли значительную угрозу. Одновременно все еще существенным был вопрос отношений между империей и мусульманским миром, к которому на юго-востоке принадлежал Харэрский султанат, а на севере — турки, занимавшие с 1557 г. порты на побережье.

В свое время, во второй половине XV в., император Бэйдэ-Марьям, отказавшись от централизаторской политики Зэра-Якоба, признал за правителями отдельных областей далеко идущие полномочия. Зависимость {161} правителей этих уделов от императора ограничивалась главным образом уплатой установленной дани и фактом принадлежности императорской короне. Такое положение вещей, фатальные последствия которого мы наблюдали во время тридцатилетней войны, сохранялось неизменным и во второй половине XVI в. Особенно большой самостоятельностью пользовались четыре области, следствием чего было их стремление главенствовать в государстве или совсем отделиться от империи. Формальным выражением этой самостоятельности было право правителей этих областей восседать на золотом троне. Этим правом обладали правители Тигре на севере, Бэгемдыра и Ластва в центре тогдашнего государства, а также Годжама на западе (по другим источникам — и Шоа). В других областях правители сидели на серебряном троне, а в остальных (расположенных в междуречье рек Аббай и Аваш) — на медном.

Среди этнических групп, стремившихся к самостоятельности, сильнее всего сепаратистские тенденции проявляли фалаша, издавна сопротивлявшиеся власти христианских импера-

торов. В последней войне фалаша выступали на стороне мусульман, стремясь таким образом к уничтожению империи. Другие области, населенные разноплеменными народами, например гураге или гафат, также пытались воспользоваться войной и осуществить свои стремления к самостоятельности. Это явление было особенно опасным на юго-западе и юго-востоке. Если к этому добавить постоянные в тот период, шедшие сразу по нескольким направлениям вторжения народов галла, то можно с уверенностью сказать, что истощенная долголетней войной страна оказалась в очень сложной ситуации.

Правление императора Гэлаудеуоса было заполнено — наряду с борьбой против Харэра — неустанными усилиями по вторичному подчинению тех областей и народов, которые или стали уже самостоятельными, или были близки к отделению от империи. В марте 1548 г. император Гэлаудеуос выступил с вооруженной экспедицией, целью которой было подчинение областей, граничивших с провинцией Дамот. Три года (1550—1552) он посвятил укреплению своего господства в других юго-восточных провинциях, особенно в Уодж, где воздвиг прекрасную {162} резиденцию и выстроил церковь. Он вновь подчинил округа Гэмбо, Гумэр, Уогэм и ряд других. Главное внимание император Гэлаудеуос направлял на юго-восточные области, прежде всего в связи с их экономическим значением для государства: эти области обладали большими естественными богатствами, в том числе изобиловали золотом. Видимо, северные провинции во времена Гэлаудеуоса были относительно спокойны, хотя и в эти районы он несколько раз направлял вооруженные экспедиции. В пятидесятые годы Гэлаудеуос вынужден был дать несколько сражений галла, чьи нашествия, правда отражавшиеся, разоряли и так уже довольно истощенную страну.

Император Гэлаудеуос беспрестанно вел вооруженную борьбу на трех фронтах: с мусульманами побережья и юго-востока, с галла, а также с собственными народами и племенами, повторное присоединение которых к империи было первоочередной задачей. В разоренных Гранем землях Гэлаудеуос восстанавливал разрушенное. Это восстановление было одним из тех деяний, которые наряду с военными успехами умножили славу молодого и энергичного правителя. Прежде всего он определил список разрушенных Гранем церквей и монастырей, подлежащих восстановлению в последовательном порядке. Сам он отстроил и воздвиг в округах, только что подчиненных, ряд церквей и монастырей, таких, например, как Тэдбабэ-Марьям, Мэканэ-Сэмайт, Дэбрэ-Уорк. В ряде областей: Шоа, Амхара-Сайнт, Годжаме, Бэгемдыр и Тигре — он приказал начать работы по восстановлению и возвращению бывшего великолепия монастырям Дэбрэ-Либанос, Дэбрэ-Бырхан, Мэканэ-Сылласе, Атронсэ-Марьям, Дэбрэ-Ыстифанос, Мэртуле-Марьям и другим знаменитым памятникам церковного зодчества. В то же время император заботился о развитии сельского хозяйства и ремесла, также пришедших в упадок в годы нашествия.

ПРИБЫТИЕ ИЕЗУИТОВ

На пятидесятые годы XVI в. приходятся первые значительные попытки вмешательства в эфиопские дела со стороны иезуитских миссионеров. Как мы помним, {163} Бермудеш, отправленный примерно в 1535 г. императором Либнэ-Дынгылем в Португалию за военной помощью, вероятно, от самого императора получил обещание обращения Эфиопии в католицизм. А также император якобы обещал Бермудешу пост епископа эфиопской церкви. Непосредственно после победного сражения объединенных эфиопско-португальских войск в 1543 г. Бермудеш потребовал от Гэлаудеуоса исполнить обещания Либнэ-Дынгыля: передать половину Эфиопии под управление Португалии, перейти в католицизм и назначить его епископом. Гэлаудеуос вместе с церковными сановниками аббой Зыкыре и аббой Паулосом отказался выполнить требования Бермудеша, утверждая, что, во-первых, нет повода, чтобы половину государства отдать Португалии, так как помощь была оказана на принципах дружеской поддержки одной христианской страны другой христианской страной, и, во-вторых, возможность подчинения эфиопской церкви римскому папе исключается фактом принадлежности ее к монофизитству. Вследствие такого оборота дел папа и прежде всего генерал ордена иезуитов Игнатий Лойола, не отказавшись от намерения подчинить Эфиопию Риму, стали тщательно готовить следующую миссию. В Риме при церкви св. Стефана деи Мори была открыта специальная

школа для иезуитских миссионеров, готовившихся выехать в Эфиопию. В школе изучали язык Эфиопии, обычаи и традиции страны, а также принципы ее религии. Папской буллой 1554 г. патриархом Эфиопии был назначен Нуньес Баррето. Чтобы подготовить почву при эфиопском дворе и обеспечить Баррето прием, приличествующий его высокому сану, в Эфиопию в 1555 г. был направлен иезуит Гонсало Родригеш, который возвратился, ничего не сделав из-за отказа Гэлаудеуоса и эфиопского духовенства перейти в католицизм. Родригеша лишь уверили, что патриарх Баррето будет принят императорским двором.

В 1556 г. Баррето вместе с группой иезуитов направился в Эфиопию. Сам он, боясь оскорбления, задержался в Гоа, а в Эфиопию послал епископа Андреса де Овьедо. Епископ прибыл к императорскому двору в 1557 г., где ему оказали дружественный прием, но его миссия снова не принесла Риму ожидаемого результата. Сначала сам {164} император с абунэ Йесуфом проводили диспуты с Овьедо, затем был созван синод с участием высших представителей эфиопского духовенства, на заседаниях которого присутствовал и Гэлаудеуос. Итог синода был отрицателен для иезуитских эмиссаров. В конце 1558 г. Овьедо покинул императорский двор, не добившись ничего, кроме позволения вести проповедь евангелия на территории Эфиопии. Часть эфиопского духовенства в такой степени была недовольна этим предоставлением иезуитам права проповедовать, что смерть Гэлаудеуоса на поле боя начали приписывать божьей каре, ниспосланной на императора за слишком доброжелательное отношение к чужеземцам. Пожалуй, эти фанатические защитники эфиопского символа веры безосновательно обвиняли императора в уступках иезуитам. Ибо Гэлаудеуос, несомненно незаурядный правитель, отличавшийся как военным, так и дипломатическим талантом, старался сохранять твердость в вопросах веры, не теряя, однако, вежливости по отношению к пришельцам.

ЛИТЕРАТУРА

Гэлаудеуос был образованным человеком и оказывал всяческую поддержку развитию литературы и искусства. В 1555—1558 гг. в связи с религиозными спорами, вызванными прибытием иезуитов, он написал краткое сочинение, известное в Европе под названием «Исповедание Клавдия», в котором возражал против главных обвинений, выдвинутых представителями папства эфиопской церкви, и многочисленными цитатами из писаний отцов церкви доказывал ортодоксальность принятых в Эфиопии догматов, церемониалов и обрядов. При его правлении было написано много религиозных сочинений, и среди них ряд книг, созданных с целью отразить как аргументы иезуитов, так и утверждения ислама. Многие из этих сочинений представляли собой перевод с арабского христианской литературы. Одним из важнейших сочинений, переведенных в тот период, является собрание теологических трактатов о троице и о природе Христа под названием «Хайманотэ абэу» («Религия отцов»), перевод был {165} сделан Мэбаа-Цыйоном, сыном раса Амду. Это сочинение, с течением времени исправленное, в конце концов превратилось в книгу основных обязательных догматов. Кроме Мэбаа-Цыйона, следует назвать еще имя ычэге Ымбакома, некогда мусульманина, автора полемизирующей с исламом книги под названием «Анкэцэ ымнэт» («Врата веры»). В других областях искусства, получивших развитие во времена Гэлаудеуоса, известны имена создателей эфиопской системы музыкальной нотации — азажа Гера и азажа Рагуэля, церковных сановников построенного Гэлаудеуосом монастыря Тэдбабэ-Марьям. Следовательно, пятидесятые годы XVI в. следует признать довольно оживленными и в сфере интеллектуальной жизни.

ИМПЕРАТОР МИНАС. МЯТЕЖ БАХЫР НЭГАША ЙИСХАКА. ВОЙНЫ С ФАЛАША

После смерти Гэлаудеуоса, когда трон занял Минас (1559—1563), выкупленный из мусульманского плена брат погибшего императора, положение внутри страны значительно ухудшилось. Император Минас не пользовался популярностью в некоторых кругах эфиопской знати и духовенства. Причиной такой неприязни был, видимо, не только резкий и вспыльчивый характер этого правителя, но прежде всего неудачные мероприятия в области внутренней

политики. Он начал свое правление с того, что отобрал титул ытеге у императрицы Сэбле-Уонгель, матери своей и Гэлаудеуоса, которая пользовалась поддержкой крупных родов на севере, а также всеобщей популярностью за мужественное поведение во время войны с Гранем. Низложив мать, Минас короновал в качестве ытеге свою жену Сыллус-Хайла, получившую тронное имя Адмас-Могэса. Эфиопское духовенство, представленное аббой Зыкыре и аббой Паулосом (Паули), безуспешно протестовало против решения нового императора. Вскоре было организовано, правда неудавшееся, покушение на его жизнь.

Сепаратистские тенденции возрастали. С одной стороны, открытый мятеж подняли фалаша в Сымен, с дру-^{166}гой — крупнейший феодал с севера, бахыр нэгаш Йисхак, правитель Тигре и Хамасен, намеревался свергнуть с престола Минаса и возвести на него другого императора. С этой целью он вошел в коалицию с находившимися в Шоа членами императорского рода, ведущего происхождение от Яккоба, сына императора Либнэ-Дынгыля, оставшегося в Мэнзе в самый начальный период войны с Гранем. Почти весь север бунтовал против императорского господства. В 1559 г. император Минас вынужден был выступить против фалаша в Сымен. Сражение с войсками фалаша, во главе которых стоял Рэдет, не было успешным для Минаса. Как раз в то время и была предпринята неудавшаяся попытка убить Минаса. Год спустя он должен был вести вооруженную борьбу с войском бахыр нэгаша Йисхака и с отрядами его кандидата на императорский трон — Тэзкаре-Каля, называвшегося также Тэзкаро, внука императора Либнэ-Дынгыля и сына абето хун Яккоба. Сначала Минас направил против войск бахыр нэгаша Йисхака и Тэзкаро свою армию под командованием Зэра-Йоханныса. Однако последний был побежден и пал на поле боя. Тогда сам Минас отправился с армией и в июле 1561 г. в Уогэра провел победный для себя бой. Взятого в плен племянника Тэзкаро он приказал бросить в пропасть с вершины горы Лемалема в Бэгемдыре.

После победы Минаса нэгаш Йисхак, не отказавшийся от своих намерений, решил укрепить свои силы и любой ценой завоевать гегемонию в государстве. Он повел переговоры с Земуром, турецким пашой в Массауа, и с иезуитскими миссионерами, которым император Минас запретил дальнейшую миссионерскую деятельность и которых поселил в полной изоляции в Фремоне. Йисхак пообещал иезуитам перейти в католицизм за предоставление ему военной помощи для борьбы с Минасом, а туркам он отдал территории побережья, простиравшиеся от Массауа до Дыбаруа. Императорскую корону Йисхак обещал брату убитого Минасом Тэзкаро — Фасиледэсу (Фасиль). Обеспечив себе таким образом союзников, бахыр нэгаш Йисхак поставил целью захватить фактическую власть в эфиопском государстве. Со своей стороны, Минас собрал многочисленную армию и в сражении с Йисхаком и турками, состоявшемся 20 апреля 1562 г., одержал победу. ^{167} Однако у императора еще не было достаточно сил, чтобы двинуться дальше к побережью и окончательно покончить с бахыр нэгашем Йисхаком, который после поражения отступил в направлении Дыбаруа. Император направился в Шоа, провел несколько успешных сражений с доба и с галла, но в 1563 г. неожиданно умер от приступа желтой лихорадки.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ СЭРЦЭ-ДЫНГЫЛЕМ

После смерти Минаса между различными группировками эфиопской знати снова разгорелась борьба за власть. Одна группа, в которую входили низложенная своим сыном Минасом императрица Сэбле-Уонгель, жена Минаса — императрица Сыллус-Хайла, командующий императорской гвардией Ананья, а также аздаж Кумо и такие церковные деятели, как Кыфле-Марьям, Ацкэ-Дынгыль, Сыбхат-Леаб, поддерживала кандидатуру совсем юного (13 с половиной лет) Сэрсэ-Дынгыля, сына Минаса. Другая группа, к которой принадлежали правитель Годжама Зэра-Йоханныс, правитель Дэмбии Харбо и такие крупные феодалы, как Тэклю, Ром-Сэгэд и Ыслам-Сэгэд, пыталась посадить на трон племянника императора Либнэ-Дынгыля абето Хамэльмаля. Страна разделилась на два лагеря. Правда, группа, к которой принадлежали обе императрицы, сразу же после смерти Минаса провозгласила императором Сэрсэ-Дынгыля, но сторонники Хамэльмаля не думали отказываться от намерения взять власть в свои руки и сбросить с трона вновь назначенного правителя. Казалось, что перевес будет на стороне годжамских приверженцев Хамэльмаля, в чей лагерь стали переходить придворные сановники и

военачальники, но обеих императриц и Сэрцэ-Дынгыля поддерживала значительная часть духовенства. В конце концов 13 февраля 1564 г. дело дошло до вооруженного столкновения между обеими сторонами. Победу одержал Сэрцэ-Дынгыль. После этого часть его противников была брошена в тюрьму, а часть, как, например, Харбо из Дэмбии, оказалась в лагере бахыр нэгаша Йисхака, по-прежнему недоброжелательно настроенного в отношении пришедшей к власти {168} группировки. Некоторые сановники пошли на соглашение с победившей стороной, в силу которого, например, абето Хамэльмаль получил во владение область Годжам, а Ром-Сэгэд — Шоа. Оба они очень скоро умерли, и годжамская группировка перестала угрожать господству Сэрцэ-Дынгыля. Третий претендент — Фасиледэс, шоанский потомок Либнэ-Дынгыля, издавна претендовавший на трон, сразу же подчинился юному, слабому телосложением, но необыкновенно зрелому умственно уже в момент прихода к власти Сэрцэ-Дынгылю. Император, желая привлечь к себе Фасиледэса, дал ему в управление провинцию Дамот.

Перед новым правителем и поддерживавшей его группировкой светских и церковных деятелей стали те же самые проблемы, которые должны были решать его предшественники. Это была борьба с различными сепаратистскими тенденциями, сильнее всего представленными фалаша и бахыр нэгашем Йисхаком, а также со всевозрастающей миграционной волной народов галла и проблемой мусульманских соседей. При Сэрцэ-Дынгыле не возникал только вопрос об иезуитских миссионерах. Заключенные в Фремоне, они спокойно проводили оставшуюся часть жизни в соответствии с распоряжением Минаса, умирая один за другим. Правда, Сэрцэ-Дынгыль делал попытки наладить дружественные контакты с Европой и получить отсюда помощь оружием и различными специалистами, однако его письмо по этому вопросу королю Испании Филиппу II, отправленное через находившегося в Эфиопии Дуарта де Мендес, осталось без ответа. Папская столица пока что не предпринимала никаких значительных шагов в эфиопском вопросе. Несколько лет спустя после смерти Сэрцэ-Дынгыля проблема отношений Эфиопии с римско-католической церковью вновь возникла с удвоенной силой и стала играть важную роль в политической истории Эфиопии следующего столетия.

ЗАВОЕВАНИЯ СЭРЦЭ ДЫНГЫЛЯ. ВОЙНЫ С ГАЛЛА

Сражение 1564 г. решило успех Сэрцэ-Дынгыля в борьбе за власть и укрепило позиции поддерживавшей его группировки. Однако отстраненные от власти группы- {169} ровки отнюдь не успокоились. Довольно быстро Фасиледэс начал организовывать вооруженную оппозицию против молодого правителя. Примерно в 1566 г. Сэрцэ-Дынгыль был вынужден вновь начать войну с группировкой, поддерживавшей Фасиледэса. В сражении, имевшем место в 1567 или 1568 г., одержал победу Сэрцэ-Дынгыль, ликвидировав окончательно, на все время своего правления, южных противников, представленных шоанской линией потомков императора Либнэ-Дынгыля. Затем Сэрцэ-Дынгыль начал осуществлять одну из главных политических задач, а именно стал добиваться признания власти императора всеми народами и областями, которые подчинялись этой власти во времена Либнэ-Дынгыля до нападения Граня.

Почти весь период правления Сэрцэ-Дынгыля заполнен непрерывной борьбой. После подчинения себе Дамота и ликвидации вооруженной оппозиции Фасиледэса император направился в округ Ыннария, когда-то также принадлежавший империи. Этот округ был очень важен экономически как из-за хорошо развитого там животноводства, так и из-за расположенных в этом районе месторождений золота. Сэрцэ-Дынгыль покорил Ыннарию и заставил Себенхи, местного правителя, платить дань скотом и золотом.

Затем император направился с вооруженными экспедициями против Гураге, Шоа, Хадья, Кэмбата и Кулло. Около 1569 г. он покинул эти территории, считая, что уже подчинил их. Он окончательно расправился с мусульманским правителем страны Хадья, который стремился к самостоятельному правлению, и назначил здесь наместником дэджамача Тэкле-Гийоргиса. Однако вскоре он снова вынужден был вернуться на юго-восточные окраины страны, встревоженный известием об очередной волне надвигавшихся с юга народов галла, которые разорили Шоа и соседние области, продвинувшись почти до реки Аббай. После нескольких битв, повлекших много жертв с обеих сторон, галла были оттеснены в окрестности озера Звай. В

1572 г. Сэрцэ-Дынгыль старался вновь задержать в Бэгемдыре продолжавшееся переселение масс мигрировавших галла и хотя выиграл много сражений с ними, но не был в состоянии воспре- {170} пятствовать их проникновению на территорию своего государства.

Подобно империи, соседний с ней Харэрский султанат также не смог противостоять нашествию галла. Как султанат, так и империя, ослабленные опустошительной тридцатилетней войной и позднейшей внутренней борьбой за власть, не были в состоянии оказать сопротивление надвигавшейся массе племен галла. Вскоре галла, проникнув в глубь этих территорий, стали представлять собой значительную силу, с которой вынуждены были считаться эфиопские императоры и которая сыграла немалую роль во внутренней борьбе за власть. С течением времени галла, начавшие в XVI в. вторгаться в пределы империи, постепенно ассимилировались и превратились в одну из многочисленных этнических групп, населяющих это государство ¹.

Несмотря на терзавшие государство набеги галла, Сэрцэ-Дынгыль не отказался от своего намерения подчинить императорской власти большую часть народов и областей, некогда фактически или хотя бы номинально в нее входивших. Он окончательно лишил самостоятельности фалаша, чьи усиливавшиеся мятежи были, как и в прошедшие столетия, выражением непрекращавшихся стремлений к отделению от империи. После многочисленных вооруженных действий и политических переговоров в восьмидесятых годах XVI столетия император Сэрцэ-Дынгыль победил окончательно тогдашнего правителя фалаша Гошена и подчинил империи эту этническую группу, сепаратистские тенденции которой на протяжении веков противостояли централизаторской политике правителей Эфиопии. Вскоре после победы над фалаша он вынужден был вновь выступить в Ыннарию и другие юго-восточные области, где опять восстали отдельные народы, в частности гафат. На этот раз император заставил правителя Ыннарии Бандэчо принять христианство и послал к нему монахов и священников, чтобы наряду с колонистами «шоа» они также укрепляли его господство. Большое значение {171} имели и его политические и военные успехи в борьбе с мусульманскими соседями в лице турок, утвердившихся на побережье, и населения Харэрского султаната.

ЛИКВИДАЦИЯ ТИТУЛА БАХЫР НЭГАША

Недовольство местных правителей пытался использовать в своих целях почти неограниченно господствовавший на севере бахыр нэгаш Йисхак, который и прежде постоянно искал союзников как внутри, так и вне государства для еще большего усиления своих позиций. Этот могущественный феодал, проведший когда-то португальский полк Кристована да Гама от побережья в глубь страны к месту встречи с армией императрицы Сэбле-Уонгель и поддерживавший империю в тяжелые годы борьбы с Гранем, теперь, после окончания войны и после смерти Гэлаудеуоса, заключал союз с каждым, кто был склонен оказать ему поддержку в его борьбе за власть. Бахыр нэгаш Йисхак, без сомнения, возглавлял многие мятежи имевшие место при императоре Сэрцэ-Дынгыле, которому почти все свое 32-летнее правление пришлось провести в военных походах. Важнейшим политическим мероприятием бахыр нэгаша Йисхака было создание антиимператорской коалиции с турками, владевшими портами на побережье Красного моря, и с Харэрским султанатом. Создавая антиимператорскую коалицию, бахыр нэгаш имел все шансы свергнуть Сэрцэ-Дынгыля и захватить наконец власть в государстве. Правда, император последовательно и успешно укреплял свое господство над различными округами и этническими группами, восстанавливая повсюду авторитет сильной центральной власти с помощью как вооруженной борьбы, так и политических мер, имевших целью связать местных феодалов с государем, тем не менее организованная коалиция на юго-востоке и севере могла явиться для него смертельной угрозой.

Харэрский султанат, хотя и ослабленный войной, а затем голодом и набегами галла, был в состоянии если не оторвать от империи, то хотя бы взбунтовать юго-восточные области, где влияние ислама было значительным. Султанат тем более угрожал империи, что после периода {172} острой внутренней борьбы за власть правление наконец захватил Мухаммед IV, представитель наиболее фанатичной группы харэрских сановников, которая стремилась к про-

¹ Имела место взаимная ассимиляция галла и покоренных ими народов, в результате чего язык и культура галла, восприняв многие аборигенные элементы, распространились на огромные территории. — *Прим. ред.*

должению «священной войны» с христианским соседом. Приблизительно в 1573 г. бахыр нэгаш Йисхак заключил союз с правителем Харэра Мухаммедом IV, который начал готовить поход против Сэрцэ-Дынгыля. Одновременно Йисхак договорился о поддержке и военной помощи со стороны турецких правителей побережья. Таким образом, если учесть еще непрерывно продолжающиеся внутренние мятежи, Сэрцэ-Дынгыль оказался в клещах коалиции, угрожавшей ему с юго-востока и севера.

Начатая Мухаммедом IV война всю разгорелась в 1577 г. Армия императора победила харэрские войска в битве у реки Уаби, полностью разгромив противника. Одновременно крупный набег галла разорил Харэр и его окрестности, заставив оставшихся в живых правителей покинуть Харэр и перенести резиденцию процветавшего некогда султаната в оазис Ауса², расположенный в глубине Данакильской пустыни. Однако нахождение там резиденции оказалось кратковременным, и ослабленный имамат Ауса, не имея сил сопротивляться набегам кочевых племен галла, сомали и афар, клонился к упадку. В 1672 г. Ауса перестала существовать в качестве резиденции древней династии султанов Уоласма. Харэр после двух поражений 1577 г., нанесенных ему империей и галла, никогда уже не достиг былой мощи. Однако этот город вплоть до сегодняшнего дня сохраняет значение центра мусульманской культуры в этом районе Африки.

Сэрцэ-Дынгыль после разгрома войск Мухаммеда IV, являвшихся юго-восточным крылом коалиции бахыр нэгаша Йисхака, быстрым маршем направился на север страны, где концентрировались взаимодействовавшие с армией Йисхака турецкие войска.

Перед самым началом военных действий Сэрцэ-Дынгыль пытался, видимо, под влиянием определенной группы придворных сановников разрешить конфликт путем дипломатических переговоров, в которых главную роль {173} играла тетка императора ыте Уолетэ. Бахыр нэгаш Йисхак отказался принять мир на условиях, выдвинутых императором, согласно которым он мог сохранить свое прежнее звание, если перейдет на сторону Сэрцэ-Дынгыля и оставит турецкий лагерь. Сэрцэ-Дынгыль, пользовавшийся на севере поддержкой значительной группы феодалов, и среди них прежде всего феодалов в Тэмбене, а в Тигре — мэконнына Гэбру-Иисуса, решил наконец дать генеральный бой. В трудном и длительном сражении, какое разыгралось в Ынтичоу в ноябре 1578 г., императорские войска одержали победу. Бахыр нэгаш Йисхак после поражения попытался договориться с императором, но теперь уже проведенные при посредничестве ыте Уолетэ переговоры не принесли Йисхаку ожидаемого результата, так как Сэрцэ-Дынгыль, четко видя после выигранного сражения реальную возможность укрепления своего господства на севере, потребовал от бахыр нэгаша участия в совместной вооруженной борьбе против турок, на что Йисхак не согласился. В новой битве в декабре 1578 г. у Адди-Корро Сэрцэ-Дынгыль одержал снова крупную победу, а бахыр нэгаш Йисхак и турецкий паша были убиты. Император Сэрцэ-Дынгыль без борьбы вступил в Дэбаруа, резиденцию бахыр нэгаша Йисхака. Это было необычайно важное событие для восстанавливавшегося государства, потому что императору не только удалось победить одного из наиболее могущественных феодалов того периода, стоявшего во главе угрожавшей императорской власти политической и военной коалиции, — победа над бахыр нэгашем была также крайне существенной с общегосударственной точки зрения как важный шаг в укреплении императорской власти на севере.

Несколькими годами позднее турки, не отказавшись от намерения распространить свое влияние в глубь континента, воспользовались отсутствием императора в тех провинциях и присвоили звание бахыр нэгаша благоволившему им вельможе Уольдэ-Ысуму, передав под его правление Дыбаруа и Хамасен. Однако остальная часть знати севера, и особенно в Тигре мэконнын Дахракот, из Хамасен кэнтиба Гэбрэ-Крыстос, а также акацэн из Сэрае, поддерживала Сэрцэ-Дынгыля и противилась турецким планам овладения побережьем. Поэтому столкновения {174} между бахыр нэгашем Уольдэ-Ысумом и поддерживавшими его турками с императорскими войсками, которым оказывали помощь вышеперечисленные крупные магнаты севера, завершилось победой Сэрцэ-Дынгыля. Уольдэ-Ысум остался лежать на поле боя. Сэрцэ-Дынгыль пытался использовать победу и завоевать Аркико. Однако ему не удалось осуществить этот план, и он ограничился овладением Хамасеном с окрестностями. В 1589 г. турецкий

² Оазис Ауса расположен в низовьях р. Аваш, на юге Данакильской пустыни.— *Прим. ред.*

паша Кадаверт предложил императору мир. Правда, Аркико и Массауа остались в руках турок, но они уже не представляли такой угрозы для империи, как прежде. Сэрцэ-Дынгылю удалось успешно нейтрализовать феодалов, стремившихся отделиться от империи и сделать самостоятельными северные территории.

С укреплением центральной власти на севере звание бахыр нэгаша перестало играть в государстве ту роль, какую имело прежде. Назначенный Сэрцэ-Дынгылем правитель этих территорий Ыкубэ-Микаэль, человек молодой и необычайно преданный императору, уже не получил титула бахыр нэгаш. Император, желая выразить свое признание молодому Ыкубэ-Микаэлю за его необыкновенную верность и доблесть, приказал титуловать его «уольдэ ныгусэ» — «сын царя». Это был крайне ловкий маневр императора, который, подняв в глазах населения севера ранг назначенного им наместника, одновременно фактически ликвидировал звание бахыр нэгаша, связанное с местной традицией и ассоциировавшееся с далеко идущей самостоятельностью.

Сэрцэ-Дынгыль, без сомнения, был представителем того направления эфиопской политики, в основе которого лежала идея сильной, единой Эфиопии. Это был чрезвычайно дальновидный правитель. Он укрепил императорское господство как на юго-востоке и западе, так и на севере государства. Он подавил наиболее грозные в тот период, сепаратистские группы, какими были фалаша и сторонники бахыр нэгаша. Одновременно при нем была окончательно ликвидирована мусульманская угроза, в течение нескольких столетий нависавшая над империей. Султанаты на юго-восточной окраине империи перестали представлять собой организованное объединение, могущее угрожать соседнему государству. Этот талантливый {175} правитель был в то же время прогрессивным и образованным человеком, поддерживавшим развитие культуры и литературы.

Сэрцэ-Дынгыль умер в 1597 г. в пути, во время очередного похода против галла. Он оставил Эфиопию укрепленной экономически, однако он не был в состоянии предотвратить ни набеги галла, ни внутренние конфликты, нараставшие в лоне церкви и в среде крупной знати. В начале нового столетия Эфиопия снова пережила большие внутренние потрясения. {176}

Глава X

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ В XVII в.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НАЧАЛЕ XVII в.

Вместе с XVII в. Эфиопия вступила в один из наиболее интересных и трудных периодов своей истории. Этот период исключительно слабо исследован, особенно зарубежной, не-эфиопской историографией, что является следствием многих факторов, и в первую очередь проистекает от европоцентристской точки зрения на данный период истории Эфиопии. В начале XVII в. усилилось проникновение иезуитов в Эфиопию, а затем изгнание папских эмиссаров оттуда, внимание исследователей сконцентрировалось прежде всего на этих фактах и связанных с этим событиях. Описания иезуитских миссионеров с их субъективной переоценкой собственной роли и незнанием многих условий жизни и традиций страны, трактовавшие все предвзято, содействовали такому искажению. Период, когда в Эфиопии была допущена деятельность иезуитов, а также события, связанные с их изгнанием, были следствием внутреннего развития страны. Результаты иезуитской деятельности, видимо, были значительно меньшими, чем считали до сих пор, их появление в истории Эфиопии можно назвать эпизодическим.

Объединение страны под эгидой императорской власти, которую осуществил Сэрцэ-Дынгыль во второй половине XVI в., имело прежде всего экономическое значение. Этот правитель в течение всей своей деятельности стремился к подчинению ряда областей и княжеств, подати с которых составляли значительную часть дохода его казны. Ставя перед собой цель восстановить империю в границах до нападения Граня, Сэрцэ-Дынгыль стремился к возрождению экономически разоренной войной Эфиопии. {177} Южные области, и особенно Ыннаррия, которую Сэрцэ-Дынгыль покорил после нескольких походов, были для империи важнейшим

источником получения золота, скота, шкур диких животных, мулов и т. п. Северные округа, находившиеся под управлением бахыр нэгаша и являвшиеся во второй половине XVI в. важнейшими центрами сепаратистских тенденций в государстве, платили подати прекрасными лошадьми и ввозившимися из других стран предметами роскоши, такими, как, например, шелк, одежда, фарфор. Значительным источником дохода, извлекавшегося из торговли привозными товарами, были также таможенные пошлины, собиравшиеся как императорской казной, так и наместниками отдельных округов. Годжам и другие центральные провинции платили дань золотом, хлопком, украшениями, лошадьми и медом, шедшим на изготовление хмельного напитка под названием тэдж, пить который имели право только вельможи и люди высокого общественного положения.

Господствовавшая в Эфиопии система сбора налогов действовала таким образом, что в государственную казну попадала небольшая часть дохода от отдельных областей. Местные правители имели полную свободу в установлении размера дани в своих владениях, отдавая императору определенную часть, не зависевшую от собственного дохода. Правда, император имел право, которым пользовался чаще всего в случае политических беспорядков, в любой момент разжаловать наместников и конфисковать все их имущество, что значительно обогащало императорскую казну. Однако во многих областях существовали установленные традицией должности, лишиться которых император не имел права, если они занимались правительством из местного рода. С этих областей император только получал дань. Во второй половине XVI в. и позднее к таким неприкосновенным должностям, с которыми император вынужден был больше всего считаться, принадлежали, в частности, должности бахыр нэгаша, кэнтибы, шумов Тэмбена, Шире, Агаме, Уага и акаэна Сэрае. Кроме того, целый ряд монастырей владел именьями, либо не подлежавшими обложению данью, либо освобождавшимися от других обязанностей, например содержать проходящие местные и императорские войска. В этой ситуации не-^{178}контролировавшиеся повинности ложились на земледельцев, вынужденных платить налоги в размерах, произвольно устанавливаемых часто сменявшимися чиновниками разного ранга, наместниками и князьями. Земледельцы обязаны были также содержать императорские войска, когда они проходили или размещались в данном районе.

В начале XVII в. одним из императоров была предпринята попытка ввести налог в зависимости от размера имущества, но она не увенчалась успехом из-за сопротивления феодалов, в чье безграничное своеволие при сборе дани эта реформа метила в первую очередь. Вполне очевидно, что дополнительной тяжестью для населения были войны, в течение всего XVI в. терзавшие страну. Нашествия кочевников сильно разоряли южные области и все более угрожали центральным округам. Угроза с их стороны была такой значительной, что Сэрцэ-Дынгиль, вынужденный непрерывно вести борьбу сразу на нескольких фронтах и постоянно нуждавшийся в пополнении для армии, все же освободил провинцию Годжам от уплаты дани лошадьми, чтобы обеспечить ей возможность самой защищаться от кочевников. Сэрцэ-Дынгиль своими завоеваниями смог обеспечить опустошенной казне государства необходимый прилив дани, однако он не был в состоянии ни ликвидировать произвол всех сепаратистски настроенных групп знати, ни нормализовать экономическую жизнь в стране. Большим успехом его была — как мы знаем — ликвидация оппозиции со стороны шоанских претендентов на престол и со стороны бахыр нэгашей, а также лишение фалаша их былой силы и значения.

Объединенная с помощью оружия Эфиопия оставалась все-таки внутренне раздробленной страной. Постоянная борьба с галла, внутренние столкновения и отсутствие стабилизации привели к тому, что налоговые обложения крестьян превысили прежние размеры и стали крайне высокими. Трудность положения низших слоев населения увеличивалась голодом и эпидемиями, не щадившими Эфиопию в XVII в. В 1606 г. эпидемия нанесла жестокий урон населению Тигре. В 1611 г. почти вся Эфиопия была охвачена страшным голодом, после которого также возникла эпидемия. В 1618—1619 гг. вновь бушевала эпидемия, а спустя короткое время, в 1623 г., — голод. ^{179} Очередные эпидемия и голод, нанесшие урон главным образом населению Дэмбии, Уогэра и Сымен, наблюдались в 1634—1635 гг. В пятидесятые годы — в 1650 и 1653 — страна дважды страдала от голода, а в 1653 г. снова вспыхнула эпидемия. В 1678 г. исключительно тяжелый голод охватил Годжам. В 1673 и 1685 гг. вновь распространились по стране эпидемии. Наконец, 1700 г. закончил столетие очередным голодом.

КРЕСТЬЯНСКИЕ БУНТЫ И БОРЬБА В ЛОНЕ ЭФИОПСКОЙ ЦЕРКВИ

Страну охватили волнения. Отсутствие сильной центральной власти способствовало росту борьбы за власть¹, разгоревшейся между светской и духовной знатью из разных районов страны. Росло недовольство населения. Вспыхнули первые известные нам в истории Эфиопии бунты, руководители которых были из низших слоев населения и не были непосредственно связаны с мятежами сепаратистски настроенных магнатов, представлявших часто определенную этническую группу. В 1603—1604 гг. в области Амхара-Сайнт появился Лжехристос, вокруг которого теснились ученики и многочисленные группы приверженцев. Пойманный императорскими войсками, он был казнен, а народное движение в Амхара подавлено войском. Приблизительно в 1608 г. в северных округах Сымена некий человек выдавал себя за императора Якоба, уже умершего, и собрал вокруг себя много союзников. В Шире в борьбе с войсками правившего тогда императора Сусныйоса самозванец погиб. Подобных выступлений самозванных императоров на севере было несколько. В 1617 г. беспорядки начались в Шире. Эта область вследствие хищнического хозяйствования тогдашнего правителя Ыбэйе-Дынгыля превратилась в пустыню. Население бежало из разоренного округа в соседний Сэрае. Лишь монахи и духовенство остались на местах. Вопрос был разрешен мирным путем благодаря посредничеству {180} местного духовенства. Налоги на население были уменьшены в соответствии с вердиктом императорского трибунала, Ыбэйе-Дынгыль сохранил свой прежний пост, а местное духовенство за разрешение вопроса получило дополнительный лен. Однако, как можно судить на основании известных в настоящее время источников, наиболее крупный бунт XVII в. имел место в 1687—1688 гг. Возглавил его кузнец из Годжама Йисхак-Уорення (Йисхак-Поджигатель), провозгласивший себя императором и ставший во главе вооруженных выступлений народа сначала в Годжаме, а потом в Амхара-Сайнт и Шоа. Пойманный хитростью Йисхак был приговорен судьями императорского трибунала к смертной казни. О значении, которое придавали этому бунту тогдашние правящие группировки, говорит факт созыва высшего трибунала для рассмотрения дела Йисхака и присутствие на процессе самого императора Иясу I.

Наряду с этими движениями, свидетельствовавшими о трудной социально-экономической ситуации, было много и мятежных выступлений отдельных феодалов, и борьбы с разорявшими страну нашествиями кочевников, и притязаний на императорский трон. В тот же период Эфиопию потряс крупный конфликт внутри церкви. Борьба между двумя главными группировками эфиопской церкви — годжамско-тигррейской и шоанской — началась в XVI в., разгорелась в XVII и XVIII вв., а кончилась фактически во второй половине XIX в. при императоре Менелике II. На усиление внутрицерковных религиозных споров повлиял в значительной мере контакт с религиозной доктриной католицизма, какой установило эфиопское духовенство со времени прибытия в 1520 г. Алвареша с португальским «посольством». Этот контакт углубился во второй половине XVI и в начале XVII в. в связи с деятельностью в Эфиопии очередных папских эмиссаров. Острая борьба между церковными группами из разных областей страны переплеталась с возрастающими сепаратистскими тенденциями отдельных округов, приведшими во второй половине XVIII в. к феодальной раздробленности. Только в период повторного объединения страны и упрочения авторитета сильной центральной власти в XIX в. группировки эфиопской церкви перестали {181} играть большую политическую роль. И с того момента они могут интересовать только исследователя истории эфиопских религиозных течений и культуры.

ЗЭДЫНГЫЛЬ — ЯКОБ — СУСНЫЙОС

Борьба за власть разгорелась сразу же после смерти Сэрцэ-Дынгыля (1597). Она велась тремя группировками, поддерживавшими своих претендентов на престол. Ими были: Зэдынгыль — внук императора Минаса. Сусныйос — сын Фасиледэса, шоанского потомка императора Либнэ-Дынгыля, а также Якоб, несовершеннолетний незаконнорожденный сын импера-

¹ См.: Тураев Б. А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902. — *Прим. ред.*

тора Сэрцэ-Дынгыля. Якоба поддерживали традиционная знать и придворные сановники, представленные женой умершего императора ытеге Марьям-Сыной, расом Атнасыёсом из Бэгема, расом Кыфле-Уахдом из Тигре и дэджазмачем Зэсылласем. Эти сановники посадили на трон малолетнего Якоба и захватили власть в стране. Зэдынгыль опирался в основном на знать из Годжама. А Сусныйос установил дружественные отношения с некоторыми народами галла южных рубежей Эфиопии, желая найти у них убежище после победы вышеперечисленных сановников, возведших на престол малолетнего Якоба. Борьба за власть между тремя претендентами на престол велась в 1597—1607 гг. Вначале, в 1597—1603 гг., правила ытеге Марьям-Сына вместе с дэджазмачем Зэсылласем и расом Атнасыёсом. Позднее Зэдынгыль захватил власть на один год (1603—1604). В 1605—1607 гг. на императорском троне вновь оказался Якоб, и, наконец, в 1607 г. к власти пришел третий кандидат — Сусныйос.

В течение этого десятилетия нарастали конфликты, существенным образом отразившиеся в дальнейшем на политических судьбах страны. Причиной их были две разные политические линии, которые проводили по отношению к иностранцам круги, захватившие власть в государстве. Одну линию проводили сановники, осуществлявшие власть от имени Якоба. Она состояла в стремлении продолжать в отношении представителей римско-католической церкви политику, начатую императором Минасом, {182} в основе которой лежал полный разрыв отношений с Европой. Представители второй тенденции, а к ней принадлежали Зэдынгыль, Сусныйос и, вероятно, подраставший Якоб, наоборот, были склонны открыть границы Эфиопии иезуитским миссионерам. Вопрос становился тем более актуальным, что в конце XVI в. иезуиты решили предпринять новую попытку вовлечь Эфиопию в орбиту влияния римской церкви. В связи с этим в 1603 г. в Эфиопию прибыл очередной их представитель испанец П. Паес.

Император Якоб (1597—1603, 1605—1607), который попытался взять власть в свои руки и уменьшить роль правивших от его имени сановников, видимо договорился с миссионерами, разрешив им организацию школ и обучение эфиопских детей, а также подготовку их к придворной службе. Попытка Якоба захватить фактическую власть не была, однако, успешной вследствие сопротивления раса Атнасыёса и поддерживавших его сановников. Император Якоб был сослан в Ыннарию.

РЕФОРМЫ ИМПЕРАТОРА ЗЭДЫНГЫЛЯ

Борьбу между Якобом и сановниками использовал Зэдынгыль, найдя себе поддержку в Годжаме, и быстро захватил власть. Сразу же миссионеры стали просить у него подтверждения разрешения, полученного у предыдущего правителя. Новый император решил этим воспользоваться. Подавая надежду иезуитам на благожелательное удовлетворение их просьбы, он поставил свое окончательное решение в зависимость от ответа на его дружественные послания папе Клименту VIII и королю Испании и Португалии Филиппу III. В этих письмах он предлагал папе признание его власти эфиопской церковью в обмен на присылку миссионеров, а Филиппу III он предложил породниться династиями и с помощью объединенных сил отобрать у турок порты на побережье Красного моря, причем Массауа должна была отойти к Испании, а Аркико — к Эфиопии. Кроме того, он просил — так же как и его предшественники — о том, чтобы прислали специалистов-ремесленников и оказали военную помощь. {183}

Предпринятый Зэдынгылем шаг в отношении Европы был похож на многие другие политические начинания, инициаторами которых становились некоторые правители Эфиопии на протяжении многих столетий. Эфиопские попытки никогда не приносили ожидаемых результатов. Намерения императоров, рассчитывающих осуществить свои политические планы, связанные с объединением эфиопско-европейских интересов в бассейне Красного моря на принципах равноправного партнерства, заранее были обречены на неудачу. Императоры готовы были даже перейти в католицизм с целью укрепления экономических и политических связей между обеими сторонами. В своих политических расчетах они совершали трагическую ошибку. Политическая концепция эфиопско-европейской коалиции на принципах породнения династий, принадлежности к одной церкви и равноправного экономического партнерства находилась в абсолютном противоречии с европейской концепцией колонизации территорий Азии и

Африки. Поэтому эфиопские правители, которые, приглашая представителей европейских держав, надеялись осуществить свои концепции политико-экономического сотрудничества с Европой и в связи с этим противопоставляли себя изоляционистски настроенным кругам светской и духовной знати, должны были проиграть. Ибо они не получали ожидаемой помощи из Европы, так как предоставление ее шло вразрез с интересами колониальных держав.

Зэдынгыль видел в Европе силу, на которую он мог бы опереться в борьбе с группой сановников, враждебно относящихся к контактам с Европой и всяким начинаниям, направленным на нормализацию социально-экономической ситуации в Эфиопии. Император Зэдынгыль, прогрессивный и энергичный правитель, в значительной мере был опасен для знати². Именно он в 1604 г., вскоре после подавления беспорядков, вызванных появлением в Амхара-Сайнт Лжехриста, издал эдикт, в силу которого размер подати должен быть установлен для каждой отдельной {184} области и ставился в зависимость от фактической урожайности земли, а не от решения местного правителя. Этим шагом Зэдынгыль настроил против себя всю знать во всей Эфиопии. Более того, этот император благосклонно принимал чужеземных миссионеров и даже сам участвовал в нескольких крупных церковных ассамблеях, где неделями велись богословские споры между эфиопскими и иезуитскими теологами. Вследствие таких мероприятий императора как церковные, так и светские феодалы почувствовали серьезную опасность, угрожавшую их прежним позициям. Молодой правитель сразу противопоставил себя всем имущим слоям в Эфиопии, не имея, собственно, ни одного союзника, кроме 200 европейских ружей и поддерживавших его миссионеров. Вскоре стала распространяться компрометирующая императора в глазах народа весть о том, что он вместе с главнокомандующим своей армии дэджамачем Лайкэ-Марьямом переменял эфиопскую веру на европейскую. Абуна Петрос отлучил императора от церкви. Одновременно светские феодалы во главе с дэджамачем Зэсылласе подстрекали народ против императора, готовя бунт в Годжаме, где Зэдынгыль пользовался наибольшей поддержкой. Вооруженное столкновение становилось неизбежным для обеих сторон. В 1604 г. в местности Барча в Дэмбии встретились обе армии. Одна возглавлялась крупными эфиопскими церковными и светскими сановниками, и в ней наряду с солдатами стояли в строю священники и монахи. Второй командовал отлученный император, из отрядов которого каждую минуту убегали солдаты, испуганные патриаршей анафемой, нависшей над головой правителя. При нем оставалась неотлучно только горсточка европейцев, впрочем не имевших иного выхода. Император, сражавшийся до конца, погиб в бою. После смерти ему отсекали палец с алмазным перстнем, выкололи глаза, а тело его было растоптано копытами лошадей. Истоптанные останки повесили на дереве, не удостоив захоронения.

Так завершилось правление императора Зэдынгыля, правителя чрезвычайно широких интеллектуальных замыслов, чьи намерения, однако, оказались преждевременными для современной ему Эфиопии. Период его правления {185} и особенно личность этого императора обходятся молчанием в существующей литературе. И хотя фактически ему не удалось осуществить ни одного из его политических и социальных замыслов, он был единственным правителем в тот период, понимавшим, что возвращение былого блеска Эфиопии зависело от урегулирования экономической и социальной ситуации в стране, разоренной и раздиравшейся безграничным произволом вельмож. Он был правителем, который в своей кратковременной деятельности руководствовался интересами всей страны, а не какой-либо одной провинции или рода. И не удивительно, что церковные летописцы порицали его или пытались умолчать о нем.

ИМПЕРАТОР СУСНЫЙОС. ПОПЫТКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ ОТ ЦЕРКОВНОЙ ЗАВИСИМОСТИ. СОЮЗ С ГАЛЛА И ИЕЗУИТАМИ

После смерти Зэдынгыля на трон вернулся Якоб, установивший хорошие отношения с абунэ Петросом. Одновременно Сусныйос собрал вооруженные силы, достаточные для борьбы с Якобом за трон. Сражение между Сусныйосом и императором Якобом и абунэ Петро-

² См.: Чернецов С. Б. «Хроника галла» и реформы царя За-Денгеля. (Из истории общественно-политической мысли средневековой Эфиопии.) — В сб. «Основные проблемы африканистики». М., 1973, стр. 240—247. — *Прим. ред.*

сом закончилось гибелью императора и абунэ. Сусныйос захватил власть в 1607 г., имея с самого начала настроенное против себя духовенство из-за смерти абунэ. Эту ненависть духовенства Сусныйос пытался уравновесить привлечением на свою сторону светских сановников. Он установил контакт с ытеге Марьям-Сыной и снискал ее расположение, передав часть высоких постов ее ставленникам. Однако наиболее важные должности при дворе и в стране он оставил для своих братьев: Сахле-Крыстоса, Йеманэ-Крыстоса, Мэлька-Крыстоса и Афэ-Крыстоса. Снискав расположение светских феодалов, Сусныйос обеспечил себе союзников, благодаря чему мог держаться у власти, несмотря на возраставшее недовольство духовенства. Сусныйос намеревался, видимо, ограничить значение церкви и ее влияние в государстве, пытаясь уменьшить ее экономическую мощь. Он старался продолжать дело восстановления государства, основав ряд городов, и среди них Дэб-^{186}рэ-Табор и Дэнкэз в Дэмбии, последний, будучи расположен в центре тогдашнего государства и занимая выгодное стратегическое положение, был избран основным местопребыванием и резиденцией императора. Одновременно он попытался опереться на третью силу в государстве в лице тех племен галла, которые начали в полную меру осваиваться на эфиопской территории. Сусныйос пожаловал им в лен земли в различных провинциях страны, например в Дамоте, Годжаме, Агоу-Мыдыре. У некоторых монастырей он отобрал большую часть имений, передав их галла. Это вызвало понятную ненависть духовенства.

В противоположность своему предшественнику, императору Зэдынгылю, пытавшемуся урегулировать экономическую ситуацию в государстве, Сусныйос предоставил полную свободу правителям областей. Именно при нем в связи с чрезвычайными обложениями вспыхнули вышеупомянутые беспорядки в Шире, видимо имевшие место и в других округах. Также в его правление бунтовали отдельные округа и наместники, в подтверждение чего можно перечислить хотя бы неоднократные мятежи народов агау и фалаша в Сымен во главе с Гедеуоном, против которых император организовывал успешные экспедиции в 1616 и 1626—1627 гг., бунты в области Ласта, продолжавшиеся в течение четырех лет — 1629—1632 гг. В 1619 и 1620 гг. бунтовали против него Йонаэль, правитель Бэгемдыра, а также правитель Шоа и другие. В начале его царствования в Тигре появлялись самозванные императоры, выдававшие себя за Яыкоба. Там же распространились сведения о мнимой смерти Сусныйоса.

С самого начала своего правления Сусныйос пытался наладить политико-экономические контакты с Европой. Инициатива таких контактов исходила — как мы знаем — в начале XVI в. от императрицы Ылени, а затем пытался продолжать это его трагически умерший предшественник и товарищ детских лет — Зэдынгыль. Поддерживая Паеса и сопровождавших его миссионеров, Сусныйос позволил им свободно проводить миссионерскую деятельность, особенно в северо-западной части страны, и поддерживал с ними самые дружеские отношения, все более восстанавливая против себя и так уже достаточно враждебное ему местное духовенство. Одновременно он ^{187} вел переписку с папой и испанским двором. В письмах, отправленных в Европу в 1607, 1610 и 1615 гг., подчеркнув свое доброжелательное отношение к римской церкви, он просил прислать военную помощь как для преодоления выступавших против него групп внутри страны, так и для оказания сопротивления продолжавшим угрожать безопасности Эфиопии нашествиям различных кочевых племен.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ

В эфиопской церкви в этот период все более углублялся раскол. Линия этого раскола проходила, если не быть очень точным, между духовенством Шоа, группировавшимся вокруг монастыря Дэбрэ-Либанос с ычэге во главе, и духовенством Годжама и Тигре, с которым часто солидаризировался абунэ. Диспуты во времена Зэдынгыля, проводившиеся Паесом с выступавшим против него эфиопским духовенством, углубили наметившиеся внутренние разногласия. Внутренне раздробленная страна оказалась в огне религиозных распрей. В 1621—1622 гг. и в 1622—1623 гг. были созваны два собора, в которых, по всей вероятности, католические миссионеры не участвовали. Споры, проводившиеся в присутствии императора, тянулись долго и не привели к решениям. Окончательный вердикт против абунэ издал сам Сусныйос, авторитет которого в церковных вопросах — несмотря на его прекрасное богословское образова-

ние — был сильно подорван.

Император находился действительно в трудном положении. Ожидавшаяся им европейская помощь не приходила. Представляется вполне вероятным, что папа, а также испанский двор, ссылаясь на прежние мнимые обещания императора Либнэ-Дынгыля перейти в католицизм, обусловили присылку помощи Сусныйосу его предварительным подчинением Риму. В этой ситуации приблизительно в 1621—1622 гг. император Сусныйос и несколько придворных сановников, например его брат Сахле-Крыстос, азаж Тино и другие, были тайно крещены Паесом по римскому обряду. Весть об этом событии разошлась с быстротою молнии. Абунэ Сымон отлучил {188} императора от церкви. Страна была охвачена беспорядками религиозного характера, которые вскоре переросли в вооруженный конфликт. Произошло крупное сражение, и в нем, с одной стороны, приняло участие духовенство, чьим прежним позициям возникла угроза, во главе с абунэ Симоном, а также часть светских феодалов (среди прочих брат императора Йеманэ-Крыстос), с другой же стороны — император со своей армией и миссионерами. Чрезвычайно ожесточенное сражение повлекло много жертв с обеих сторон. Однако решительную победу одержал Сусныйос. Погиб на поле боя абунэ Сымон. После этого еще больше возросла ненависть духовенства к императору. В это же время в Эфиопию прибывало все больше миссионеров. В 1622 г. внезапно умер Паес, иезуит с несомненным дипломатическим талантом, своим тактом и искусным поведением завоевавший большую популярность. В том же году прибыли другие иезуиты, и среди них М. Алмейда, автор одного из описаний Эфиопии. Иезуитские миссионеры начали все шире вводить римско-католический обряд, абсолютно чуждый традиционному церемониалу эфиопской церкви. В частности, был отменен введенный Зэра-Яякобом с целью примирения враждовавших в XV в. групп обычаев празднования субботы и воскресенья. Предписано было праздновать только воскресенье.

В 1624—1625 гг. прибыл из Рима назначенный патриархом Эфиопии фанатичный иезуит Мендес, а вместе с ним И. Лобо, составивший позднее описание Эфиопии, и многие другие. Деятельность иезуитов становилась все более энергичной. Мендес обращался с духовными и светскими эфиопскими сановниками как с темными и полудикими язычниками, полностью игнорируя вековые традиции и обычаи, топчась достоинство эфиопской знати. Он приказал относиться к нему как к князю церкви и заставил высших сановников преклонять перед ним колена. Недовольство росло как среди сановников, так и в народе, который принуждали к изменению обычаев.

Между тем император все еще не переходил официально в римско-католическую веру и все еще не поступала помощь с европейской стороны. Увеличивались репрессии в отношении мятежников, а также внутренняя борьба {189} и распри. Наконец, 12 февраля 1628 г. Сусныйос официально подчинился папству. Страна была охвачена огнем. Ластва полностью вышла из повиновения. Война охватила почти все области³. Погиб сын императора Маркос, а также его дочь княжна Мэлекотауит. Духовенство подвергалось пыткам и экзекуции. Монахи в свою очередь вели антиимператорскую пропаганду. Распространялось презрительное прозвище Сусныйоса, ранее уже отлученного от церкви, — Алауи-Ныгусэ («Царь-Еретик»). Сусныйос, все еще будучи лишен помощи извне, сражался непрерывно. Но он уже не владел положением. Духовенство использовало в этой борьбе выступавшего против иезуитов Фасиледэса, сына императора Сусныйоса. Видимо, он пытался склонить своего отца к изменению политики. В конце концов в 1632 г. Сусныйос, видя безнадежность ситуации и полный провал своей политической концепции, официально и публично признал, что он совершил ошибку, вводя в Эфиопии римское вероисповедание, и отказался от престола в пользу Фасиледэса. 14 июня 1632 г. трон занял новый император. После этих событий в течение длительного времени ни один правитель не предпринимал попыток осуществления концепции эфиопско-европейского сближения.

ИЗГНАНИЕ ИЕЗУИТОВ

Сразу же после объявленного в 1632 г. возвращения к традиционной вере и прихода к

³ См.: Хазанов А. М., Райт М. В. Попытки колониальной экспансии Португалии в Эфиопии (XVI—XVII). — «Народы Азии и Африки», № 2, 1973. — *Прим. ред.*

власти Фасиледэса был созван по требованию духовенства большой собор в Гондэре, который должен был расправиться с иезуитами. Это был крупный съезд священников и монахов всей страны. От имени эфиопского духовенства выступал ычэге Бэтрэ-Гийоргис. От имени иезуитов — Мендес. Велся резкий и яростный теологический спор, результат которого — вследствие изменившейся политической ситуации — должен был обернуться против иезуитов. Ычэге Бэтрэ-Гийоргис от имени духовенства обратился к императору {190} с просьбой, чтобы он выдал в их руки Мендеса вместе с его единомышленниками. Он полагал, что монахи имеют право отомстить за пролившуюся по вине миссионеров кровь эфиопского народа. Однако Фасиледэс отказался выдать Мендеса и других иезуитов в руки охваченных ненавистью монахов. Он приказал лишь отобрать у них оружие и сослать их всех во Фремону в Тигре — традиционное место изоляции миссионеров. Из Фремоны, до последнего времени являющейся католическим центром Эфиопии, миссионерам удалось убежать к бахыр нэгашу Йоханнису, который, как и его предшественник Йисхак, стремился стать независимым от императора. Император потребовал от Йоханниса немедленной выдачи миссионеров. Правда, бахыр нэгаш Йоханнис отказал Фасиледэсу, однако поспешил передать опасных гостей в руки турок.

КРУПНЫЙ КОНФЛИКТ В ЭФИОПСКОЙ ЦЕРКВИ

На пороге XVII в. со всей силой разгорелся тлевший в течение длительного времени в недрах эфиопской церкви серьезный конфликт. Этот конфликт сыграл важную роль в политической жизни страны. Вследствие почти полного отсутствия работ по истории эфиопской церкви того периода⁴ часто трудно, сориентироваться — без проведения специальных исследований по истории религиозных учений — в том, со многими ли и какими враждовавшими группировками духовенства мы имеем дело в отдельные периоды, особенно потому, что одно и то же направление в разное время имело разные названия или имело множество названий. Однако, не вникая в детали, можно утверждать, что существовало два основных, спорящих между собой лагеря в эфиопском духовенстве: шоанский, называвшийся тоуахдо, с центром в Дэбрэ-Либанос, и годжамско-тигрыйский, называвшийся кыбат, с центром в Дэбрэ-Уорк. Другие названия, встречающиеся {191} в специальной литературе, следует признать или за иные названия тех же самых групп, или же за названия сект, группировавшихся вокруг этих двух крупных направлений. Так, применительно к группе толка тоуахдо в Дэбрэ-Либанос используются также определения цэга или сост лыдэт, а с названием группы кыбат связываются хулет, а также кара, причем последнее определение относится чаще всего к тигрейским сторонникам годжамской группы кыбат.

Основой и движущей силой политической деятельности этих двух крупных групп, кыбат и тоуахдо, была борьба за власть и гегемонию в государстве. Экономический потенциал, сосредоточенный в течение веков в руках эфиопской церкви, способствовал тому, что в моменты обострения внутренних столкновений в церкви императорский трон в немалой степени зависел от поддержки наиболее сильной в то время группы. Не раз в течение XVII в. и в первой половине XVIII в. короны падали с императорских голов и правители оплачивали жизнью яростную борьбу между тоуахдо и кыбат. Нам представляется правильным очень кратко остановиться здесь на истории этого серьезного конфликта с самого начала и вплоть до его угасания.

Следует принять, что XVI в. был периодом, в котором выявился раздел взглядов в лоне эфиопской церкви. Диспуты с Алварешем, а позднее с Овьедо побуждали круги эфиопских богословов к переосмыслению и анализу догматов монофизитства. В начале XVII в. вопрос стал приобретать остроту. В годы правления Зэдынгыля состоялись два собора, в которых участвовал Паес. На одном из них в словесное состязание с иезуитским ученым вступил богослов Сыыле-Крытос. Однако внутренние разногласия, независимые от споров с иезуитами⁵, в сре-

⁴ Это не совсем верно, так как, начиная с проф. В. В. Болотова, имеется значительная литература по этому вопросу. Из последних книг можно назвать: Нейер F. Die Kirche Äthiopiens. Heidelberg, 1971; Тамрат Таддессе. Church and State in Ethiopia (1270—1527), Oxford, 1972.— *Прим. ред.*

⁵ Историей эфиопской церкви и религиозных направлений занимался В. В. Болотов. Тщательно сравнивая эфиопские богословские книги с другими источниками, В. В. Болотов пришел к выводу, что в Эфиопии происходила борьба между умеренным монофизитством в лице дэбрэ-либановцев (толк тоуахдо, дословно — соединение, соеди-

де эфиоп-^{192}ского духовенства стали нарастать в правление Суснийоса. Два следующих собора состоялись в 1621—1622 и 1622—1623 гг. Второй собор, проходивший в присутствии императора и придворных сановников, отличался крайне напряженной атмосферой и завершился победой монахов из области озера Тана, а также преданием анафеме церковников, выступавших против вердикта Суснийоса. После изгнания иезуитов император Фасиледэс пожертвовал толку тоуахдо Дэбрэ-Либаноса монастырь Азэзо, расположенный в Дэмбии. Этот монастырь превратился в скором времени в опорный пункт тоуахдо в районе, охваченном влиянием враждебного религиозного направления — кыбат. В период правления Фасиледэса вновь состоялись два крупных собора. Первый из них был созван в 1654 г. в населенном пункте Барча в Бэгемдыре и закончился победой группы кыбат. Десять лет спустя духовенство всей страны собралось в Аринго. В присутствии Фасиледэса длительные теологические споры вели между собой со стороны кыбат Зэйесус из Дэмбии, а со стороны тоуахдо — Адам из Ынфыраза. На сей раз верх одержали выводы ученого Адама из Ынфыраза, и собор закончился вердиктом в пользу тоуахдо.

После смерти Фасиледэса трон занял его сын Йоханныс (1667—1682), сторонник и последователь тоуахдо. Он проводил политику разделения народов Эфиопии по религиозному признаку. Он издал распоряжение, согласно которому контакты между последователями различных религий в данном районе были запрещены самым строгим образом (например, между мусульманами, христианами, фалаша, кемант и т. п.)⁶. Его правление проходило в обстановке непрерывных конфликтов между кыбат и тоуахдо. Наконец под давлением монахов тоуахдо из ^{193} монастыря Азазо был созван новый собор. 20 октября 1681 г. абба Николаос (Николай), представитель тоуахдо Дэбрэ-Либаноса, и годжамский представитель кыбат абба Акале-Крыстос начали яростный спор. Победил абба Николаос. Собор предал анафеме годжамскую группу.

Вскоре император Йоханныс умер, а трон занял один из наиболее прославленных правителей в истории Эфиопии — император Иясу I, называемый Великим (1682—1706).

Первым начинанием императора в вопросах религии было объявление вердикта последнего собора обязательным и оказание полной поддержки ордену тоуахдо Дэбрэ-Либаноса. Стараясь укрепить позиции монахов тоуахдо в стране, Иясу I заботился о том, чтобы поднять в глазах народа ранг главы этого направления — ычэге. Так, император признал за ним право носить пышно украшенные одежды и корону, ввел обычай, согласно которому при торжественных выходах императорская свита должна была следовать в установленном порядке: впереди шел ычэге в окружении церковных сановников, за ними верхом на лошади ехал император, держа регалии власти, завершали процессию князь и светские сановники. Для годжамских кыбат наступили тяжелые времена, их стали преследовать. Однако они не отказались от борьбы за признание истинности и обязательности своей доктрины в государстве. В конце концов по их настоянию в 1687 г. был созван новый всеобщий собор, решения которого оказались снова благоприятными для тоуахдо. Однако Иясу I Великий во избежание дальнейших разногласий приказал наиболее авторитетным представителям обеих группировок удалиться в монастырь Дэбрэ-Марьям на одном из островов озера Тана, чтобы там в тишине и спокойствии, пользуясь монастырской библиотекой, разрешить, наконец, так давно и болезненно волновавший эфиопское духовенство вопрос о природе Христа. Целый год на тихом острове шел ученый спор эфиопских богословов. После чего в 1688 г. в населенном пункте Йибаба состоялось торжественное открытие нового собора, где аббы тоуахдо Бетэ-Крыстос и Уольдэ-Крыстос, а также аббы кыбат Тэбдан и Космос должны были публично представить результаты своих длительных дискуссий. Однако эти ре-^{194}зультаты были очень далеки от согласия. Собор снова предал анафеме и изгнал монахов кыбат. Девять лет спустя, в 1697 г., под давлением от-

нившись), строгим монофизитством, характерным для годжамцев, и крайним монофизитством, господствующим среди тиграйцев (толк кара-хайманот). Исследования Болотова показали, что умеренное монофизитство наиболее близко к православию. В схеме, составленной Болотовым, в одну группу входят сторонники строгого и крайнего монофизитства, а в другую — сторонники умеренного монофизитства. Исторически дело происходило таким образом, что верх брали сторонники то одного, то другого течения. См.: Болотов В. В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. СПб., 1888. — *Прим. ред.*

⁶ Согласно описанию йеменского посла аль-Кавкабани, представители разных религий жили в Гондэре обособленно еще при императоре Фасиледэсе в 1647—1648 гг. — *Прим. ред.*

лученной от церкви группы вновь был созван собор. Представители кыбат абба Уольдэ-Тынсае, а также абба Тэмэртэ опять были преданы анафеме. Однако годжамцы были достаточно влиятельны, чтобы собрать новую ассамблею. Она состоялась в Йибаба в 1699 г. и вновь закончилась неблагоприятно для годжамской группы.

Лишенный власти и преследовавшийся толк кыбат стал связывать надежды на восстановление своих пошатнувшихся позиций с сыном господствовавшего императора Тэкле-Хайманотом. В конце концов, в 1706 г., в обстановке переплетения сложнейших интриг, кандидат на престол, поддерживаемый кыбат, пришел к власти. Однако надежды годжамской группы не оправдались, так как, получив власть, новый правитель стал поддерживать тоуахдо. На состоявшемся в 1707 г. соборе толк кыбат, представленный аббами Уольдэ-Тынсае, Тэмэртэ, Цэдаль-Комите, а также Мадэре, опять был предан анафеме. После этого собора представители кыбат, не имея возможности вернуть себе власть, организовали волнения в стране, намереваясь свергнуть с престола неблагожелательного к ним правителя. Доходило до кровавых столкновений. Правда, Тэкле-Хайманот умел владеть положением, но в 1708 г. он погиб. На троне оказался император Теуофлос (1708—1711), сразу после прихода к власти объявивший официальным вероисповеданием кыбат. Это вызвало мощный протест со стороны последователей тоуахдо, обвинявших Теуофлоса в незаконных действиях, предпринятых без духовного собора. Однако Теуофлос, несмотря на протесты духовенства Дэбрэ-Либаноса, не изменил своего положительного для кыбат решения и не созвал собора. Вновь страну охватили волнения, инициаторами которых на этот раз были шоанские монахи. Им удалось привлечь на свою сторону тесно связанного с императором бэджыронда Йостоса. Теуофлос не продержался долго у власти. В 1711 г. он неожиданно умер, отравленный, как утверждают некоторые, расом Йостосом, захватившим власть после него. {195}

Как представляется, Йостос (1711—1716) не вмешивался излишне в церковные дела и время своего царствования провел больше в удовольствиях, чем в трудах правления. За его спиной обе группы плели политические интриги. Приверженцы кыбат пытались сохранить обретенное наконец-то господство в стране, а тоуахдо всеми силами стремились вернуть утраченные позиции. Однако годжамской группе удалось удержаться у кормила. Посаженный на трон в ходе волнений, связанных с борьбой за власть, император Давид III (1716—1721) провел в интересах кыбат шум кыр, в результате которого влиятельный при дворе пост битуоддэда занял дэджазмач Гийоргис, годжамец и сторонник кыбат. Годжамские кыбат, считая свое влияние при дворе окончательно упроченным, добивались созыва всеобщего собора и официального объявления их вероисповедания господствующим, а также отлучения шоанских тоуахдо. 10 апреля 1720 г. был созван всеобщий собор духовенства всей страны, на котором в качестве представителя императора выступил сторонник кыбат битуоддэд Гийоргис. Монахи Дэбрэ-Либаноса вследствие невыгодного для них соотношения сил, кажется, отказались прибыть на собор, и толк тоуахдо представляли церковники из Азэзо. Фактическое решение собора как будто было в пользу тоуахдо, однако годжамская партия, поддержанная битуоддэдом Гийоргисом, добилась объявления официального коммуниката в свою пользу. Представители тоуахдо заявили протест и отправились с целью разрешения спора к абунэ Крыстодулосу, уклончивый ответ которого о том, что истинной следует считать веру предков и отцов церкви, обе стороны истолковали по-своему. Однако вопрос необходимо было разрешить, и вновь обратились к мнению абунэ Крыстодулоса, высказавшегося на сей раз в пользу тоуахдо. Это привело к кровавым столкновениям между сторонниками обеих групп. Император Давид и битуоддэд Гийоргис оказали кыбат вооруженную поддержку. Император собрал отряды из языческих и мусульманских солдат, которые окружили монастырь тоуахдо в Азэзо и учинили кровавую расправу над тамошними монахами. Приора монастыря раздели донага и высекли. И в других монастырях дело доходило до резни. Погибло много богословов, таких, как {196} абба Николаос или Аусынйос. Вскоре после этих событий император Давид III умер, но сторонники кыбат сохранили, видимо, свою гегемонию и во время правления следующих правителей — Бэкаффы (1721—1730) и Иясу II (1730—1755).

Во второй половине XVIII в. еще увеличилось число направлений в эфиопской церкви, возникновение которых было связано как с непрерывными богословскими диспутами, так и с оживленными контактами с христианским Востоком, которые наладились после улучшения политических и торговых отношений Эфиопии с окружавшим ее мусульманским миром. В

1762—1763 гг. при императоре Ййоасе (1755—1769) была предана анафеме одна из вновь возникших сект, созданная в монастыре Уольдыбба, расположенном в северо-западной части страны. В то же самое время сформировалась или заявила о себе родственная кыбат тигрейская группировка под названием кара.

Феодальная раздробленность Эфиопии, наступившая во второй половине XVIII в., решила проблему борьбы за гегемонию в государстве между тоухдо и кыбат, ибо сферы влияния этих группировок приблизительно совпадали с границами провинций, управлявшихся в то время самостоятельно. Лишь во второй половине XIX в. вместе с объединением государства и централизацией власти проблема единства эфиопской церкви вновь приобрела актуальность.

Перед императором Теодросом II (1855—1868), объединившим Эфиопию, наряду с множеством других проблем встала также необходимость ликвидации церковных групп, связанных с отдельными провинциями страны и сопротивлявшихся унификации не меньше, чем светские правители отдельных уделов. Разгорелась ожесточенная борьба между светскими и церковными князьями за завоевание гегемонии в объединяющемся государстве. К наиболее опасным противникам Теодроса относились правители из Шоа, которые издавна претендовали на объединение Эфиопии под своим скипетром. Ныгусэ Шоа Сахле-Сылласе за несколько лет до начала унификации Теодросом II издал в своем княжестве указ о религиозных делах. В 1840 г. он официально объявил толк тоухдо соответствующим традиционной вере времен Йикуно-Амлака и абунэ Тэкле-Хайманота, основателя монастыря Дэбрэ-Либанос, центра тоухдо. Теодрос, борясь с выступавшими против его правления феодалами Шоа, пытался лишить значения и духовенство, связанное с Дэбрэ-Либаносом. Он провозгласил официальной в стране религию тигрейской группы кара и старался свести на нет значение сана ычэге, главы толка тоухдо. Он даже выдвинул к назначению ычэге церковника из Годжама.

Шоа представляло собой важный центр антиимператорской оппозиции также и в правление императора Йоханныса IV (1872—1889). Происходивший из тигрейского рода, Йоханныс IV открыто поддерживал тигрейско-годжамскую группу, продолжая политику Теодроса II. Однако правитель Шоа, ныгусэ Менелик, стремившийся сам захватить власть в государстве и в течение длительного времени не подчинявшийся императору, провозгласил официальной религией, соответствующей исторической традиции, толк Дэбрэ-Либаноса. В этой ситуации император Йоханныс IV созвал в 1878 г. великий собор в Бору-Меда, утвердивший годжамско-тигррейское вероисповедание в качестве официального и обязательного для всей страны. Император Йоханныс претворял в жизнь решение собора самым беспощадным и кровавым образом, как когда-то в XV в. это делал Зэра-Яякоб, тоже стремившийся к унификации эфиопской церкви.

В правление Йоханныса IV для Эфиопии настали времена кровавой церковной инквизиции. Однако по мере объединения Эфиопии и укрепления центральной власти проблема раскола церкви потеряла политическое значение. Когда в 1889 г. к власти пришел Менелик II, положение уже настолько упрочилось, что он смог занять либеральную позицию в церковных делах и предоставить отдельным направлениям свободу вероисповедания при официальной — в связи с тем, что у власти находилась шоанская династия — гегемонии тоухдо. {198}

Глава XI

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ РАСЦВЕТ ИМПЕРИИ

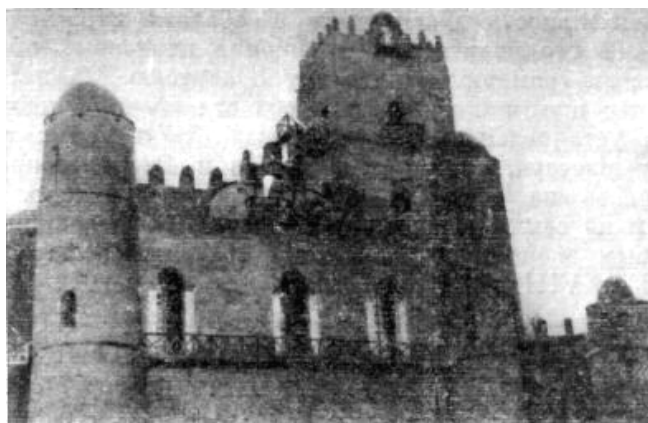
ГОНДЭРСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Всегда было трудно удержать под одним скипетром это государство, расположенное на горах, которые затрудняли сообщение между отдельными районами. Поэтому издавна в обычае эфиопских императоров были почти непрерывные поездки по стране для постоянного и личного контроля над областями. Однако сезоны ливней, затруднявшие как мирные путешествия, так и военные походы, а также периоды относительной политической стабилизации эфи-

опские правители проводили обычно в какой-то определенной местности, избираемой тем или иным императором в качестве основного местопребывания и резиденции. Эти резиденции возводились с большим или меньшим размахом в округах, которые в данный период можно было считать центральными в империи. В конце XIII в., в XIV и XV вв. таким центром был находившийся в Шоа округ Тэгулет. Среди императорских резиденций того времени наибольшей славой пользовалась резиденция Зэра-Якоба в Дэбрэ-Бырхане. В XVI в. император Либнэ-Дынгыль намеревался возвести постоянную резиденцию в окрестностях современной Аддис-Абебы. Этот план после вторжения Граня остался неосуществленным. В XVII в. главные резиденции правителей Эфиопии располагались в местности около озера Тана, особенно же часто на его северном берегу, в округе Дэмбия. Правители Эфиопии конца XVI и начала XVII в. Якоб, Зэдынгыль и Сусныйос имели свои постоянные резиденции в Дэнкэзе или его окрестностях. Сын Сусныйоса Фасиледэс построил прекрасную резиденцию в Гондэре. Такое передвижение центра {199} государства из Шоа к озеру Тана, видимо, объясняется постоянными набегами кочевых племен на южные округа государства, а также все углублявшимся конфликтом между отдельными провинциями. Среди этих распрей важное место занимал конфликт между Шоа и Годжамом с Тигре, сопровождавшийся церковными разногласиями.

В богатом и экономически независимом Шоа росло стремление к самостоятельности. Развитию подобных тенденции способствовало и пребывание в Шоа потомков императора Либнэ-Дынгыля, который — как мы помним — во время вторжения Граня оставил в Мэнзе править своего сына Якоба. С течением времени потомки Якоба укрепили свои позиции и стали удельными правителями Шоанской области. В 1672 г. абето Нэгаси-Крыстос провозгласил себя повелителем Шоа и был признан императором как удельный князь. В первой половине XVIII в. потомок Якоба мэрыд азмач Абийе отказался подчиняться эфиопским императорам, открыв тем самым наступивший вскоре в империи период феодальной раздробленности.

Вполне понятно, что в складывавшейся таким образом ситуации начала XVII в. центральный пункт государства был выбран в плодородном и выгодно расположенном округе Дэмбия. Почти одинаковой длины дорога вела отсюда к находившимся под постоянной угрозой мятежным южным округам и на север. Более того, этот округ исключительно удобен в стратегическом отношении, что в период постоянных нашествий галла было важно. В этом новом центре государства в городе Гондэре впервые в истории Эфиопии императором Фасиледэсом была выстроена каменная императорская резиденция. Подобное нововведение в архитектуре было связано с появлением неизвестного ранее в Эфиопии нового строительного раствора для каменной кладки, принесенного скорее всего европейцами ¹. Каменная резиденция Фасиледэса не сразу превратилась в столицу государства в европейском смысле, {200} ибо сам

Замок Фасиледэса. Гондэр (XVII в.).

Фасиледэс и его преемники и в дальнейшем большую часть времени проводили в разъездах по стране и военных походах. Но тем не менее каменный дворец Фасиледэса в Гондэре стал резиденцией и последующих правителей Эфиопии, также возводивших здесь свои дворцы. С тече-

¹ В архитектуре Гондэрского замка заметно португальское, арабское и индийское влияние. Цементирующий раствор применялся в Эфиопии еще в аксумский период. Речь идет о внедрении в строительство нового вида цемента, применявшегося южными европейцами и арабами. — *Прим. ред.*

нием времени Гондэр превратился в фактическую столицу в европейском смысле, а период, когда у власти находились правители, жившие в этой резиденции, называется «Гондэрской империей».

Первым гондэрским императором был, естественно, Фасиледэс, основатель этой резиденции. Не известно точно, кем были архитекторы, возводившие гондэрскую резиденцию Фасиледэса. Думается, что среди них были индийские строители, а также фалаша. В более поздний период среди зодчих, расширявших и украшавших Гондэр, упоминается имя эфиопского архитектора Уольдэ-Гийоргиса. Фасиледэс построил также недалеко от озера Тана на реке Аббай два каменных моста, чрезвычайно прочных, которыми можно было пользоваться даже в периоды ливней, когда бушевали крайне опасные полые воды Голубого Нила. Каменные мосты в населенных пунктах Афэроуаннат и Андабет и сегодня называются «мостами Фасиля». В обычае переходивших их купцов было вспоминать имя этого правителя. {201}

Деятельность Фасиледэса в области строительства, а также его политика в отношении церковных проблем принесли громкую славу этому правителю. Чрезвычайно важным шагом Фасиледэса в области внешней политики было установление дружественных отношений с турками Массая, Суакином и Йеменом. Это благоприятно сказалось на развитии торговли и, несомненно, было одним из самых значительных факторов, сделавших возможным экономический расцвет государства на рубеже XVII и XVIII вв.

МЯТЕЖ ОБЛАСТИ ЛАСТА. РОЛЬ НАРОДОВ ГАЛЛА

К наиболее важным событиям внутренней жизни страны периода правления Фасиледэса следует отнести мятеж в Ласте. Ластва принадлежала к областям, где в правление императора Суснийоса возникли сильные волнения на религиозной почве. С момента обнародования в 1628 г. официального указа о принятии Суснийосом римско-католического вероисповедания Мэлька-Крыстос, тогдашний правитель Ласты, отказался подчиняться императору и поднял вооруженный мятеж. Все последние четыре года своего правления император Суснийос вел войну с Ластой. Объявленное отречься императором возвращение к традиционной вере и предпринятые Фасиледэсом решительные шаги, ведущие к полному разрыву отношений с римско-католической церковью, не успокоили Ласту. Мэлька-Крыстос стремился к отделению от империи. В 1632—1633 гг. армия Ласты, внезапно атаковав войска Фасиледэса в местности Либо в Бэгемдыре, заставила императора бежать с поля боя. Война вновь разгорелась в 1634—1635 гг. На этот раз против императора выступили вместе правители Ласты и Тэмбена. Однако голод, охвативший тогда Эфиопию, заставил борющиеся стороны на время прекратить военные действия. Территория от Ласты до Гондэра была полностью разорена вооруженными набегами армий Ласты и Тэмбена. И позднее волнения в Ласте продолжались. Частично они носили характер антиимператорских бунтов, частично — народных волнений, вспыхнувших в связи с тяжелой экономическою ситуацией, в какой оказалась Эфиопия XVII в., разоренная войнами и страдавшая от стихийных бедствий. Приблизительно в 1660 г. Мэлька-Марьям вновь начал войну, на этот раз закончившуюся победой императора Фасиледэса. Мэлька-Марьям сложил оружие и согласился платить дань, а император, желая прочнее связать Ласту с империей, отдал в жены ластенскому магнату свою дочь.

Несколько десятилетий спустя в Ласте вспыхнули бунты изнывавшего под бременем налогов населения, подобные тем, что имели место в начале XVII столетия в Шире. В 1689 г. взбунтовалось население округа Уаг, отказавшись платить дань императору Иясу I. Возглавили бунт крестьяне Абрам, Сэрцэ-Кыссос, Ынкуай, Сэбхай и Уольдэ-Хауарьят. Император приказал направить в мятежный округ отряд военных колонистов «шоа», который должен был получить 2/3 земли, оставив лишь 1/3 местному населению. Абрам, главный предводитель мятежников в Уаг, организовал вооруженное сопротивление, пытаясь не пропустить отряды «шоа». Волнения были подавлены самым кровавым образом. Вероятно, движение подобного же рода имело место в Ласте в 1696—1697 гг. Наконец в 1699 г. император Иясу I нормализовал ситуацию в этой области, которая вновь начала бунтовать уже в правление императора Бэкаффы. Войска мятежных правителей Ласты были разбиты, и сначала Губала, а потом Ылфыйос были

принуждены платить дань Бэкаффе.

Немалую проблему представляли собой также галла. Эти народы овладели постепенно юго-восточными районами государства. В начале XVII в. (1605—1617 гг.) нападения различных племен галла совершались почти непрерывно. Приблизительно в 1617 г. крупные силы галла-борана атаковали центральные округа государства — Бэгемдыр и Годжам. В 1620, 1627, 1636, 1639, 1643, 1649, 1652, 1658 гг. все последующие правители Эфиопии вынуждены были защищать страну, но оказались не в состоянии дать отпор многочисленным племенам галла. В 1684—1685 гг. император Иясу I боролся против галла в Уолло и Годжаме, в 1693—1694 гг. галла-гудру атаковали Годжам и Бэгемдыр, в 1699 г. в сражении с императором Иясу погиб вождь галла-гудру Диламо, в 1709 г. галла-либэн напали на Годжам, разорив город Йибаба, расположенный на южном берегу озера Тана.

С течением времени некоторые народы галла прижились на эфиопской земле и даже являлись силой, которой пользовались борющиеся группировки светских и церковных магнатов. Они стали играть политическую роль в государстве и приобретать все большее значение. В конце XVII в. они уже принимали активное участие в политической жизни государства. Так, например, во время бунта Йисхака-Поджигателя в 1687—1688 гг. галла-тулома (тулема) предоставили убежище преследуемому руководителю мятежа и его армии, состоявшей из бедноты и бродяг. После многих переговоров, ввиду угрозы полного разорения их земель, они решились выдать искавшего у них приюта Йисхака. В период столкновений между годжамской группой кыбат и шоанскими тоуахдо галла были использованы для разжигания антиимператорских волнений, имевших целью устранение нежелательного данной группе правителя. Отряды галла-меча и гудру принимали участие в заговоре, организованном годжамскими кыбат против Иясу I. Однако они отказались привести в исполнение смертный приговор, вынесенный этому великому правителю Эфиопии светскими и церковными сановниками. У галла искали убежища претенденты на престол, лишенные власти. Эти претенденты не раз набирали свои отряды именно из этой народности. В первой половине XVIII в. среди высших придворных сановников были уже представители некоторых народов галла — это, например, Кучо, блаттенгета императора Бэкаффы, и Уыбит, жена императора Иясу II. В позднейшее время роль галла значительно возросла. Уже во второй половине XVII в. начался процесс взаимной ассимиляции между некоторыми пришлыми племенами галла и другими народами империи.

ИМПЕРАТОР ИЯСУ I ВЕЛИКИЙ. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

Постепенно к концу XVII в. жизнь в государстве, так долго потрясаемом непрерывными внутренними и внешними войнами, стала нормализовываться. В конце XVII столетия императору Иясу I удалось подчинить весь север вооруженными походами 1692—1693 гг. в Сымен, Кэрэн и Хабаб и женитьбой на Уолетэ-Цыйон, дочери Хабтэ-Ийесуса, правителя округа Хамасен. В конце концов и Шоа, хотя и признанное в 1672 г. удельным княжеством, стало платить установленную дань в императорскую казну. Более того, конфликты между правителями отдельных шоанских округов, обострившиеся в 90-х годах XVII в., были улажены Иясу I во время его поездок в Шоа (май 1695 г. и апрель 1697 г.). Благодаря этому вмешательству Иясу I укрепил свой политический авторитет в этой области.

Таким образом, император Иясу I, называвшийся также Великим, фактически господствовал над империей, включавшей в себя в конце XVII в. все важнейшие южные, центральные и северные провинции. Эфиопская империя стала постепенно возвращаться к былому процветанию. Этому способствовала умелая внутренняя политика Иясу I, старавшегося разрешить существовавшие в стране противоречия и смягчить острые конфликты. Император Иясу I стремился унифицировать административную систему и заботился об экономическом развитии всего государства. Он провел две чрезвычайно важные реформы: экономическую и административную. Административная реформа была направлена на упорядочение высших имперских и придворных должностей и постов в государственной администрации, экономическая — на упорядочение внутреннего торгового рынка. Сразу же после прихода к власти император Иясу I провел смену на высоких придворных, церковных и провинциальных постах. Это меро-

приятие было необходимо для нового правителя, принявшего трон Эфиопии после своего отца Йоханнуса I, чья политика разделения населения по вероисповеданию и поддержка гуджамского религиозного направления кыбат принципиально была отлична от программы Иясу I. Стремясь к осуществлению своей политической концепции, Иясу I прежде всего должен был располагать соответствующими людьми в подвластном ему аппарате власти. В результате шум шыра, проведенного императором Иясу I, были сделаны следующие назначения в провинциях: уойзэро Ылени, сестра императора, получила {205} в управление Сымен, дэджазмач Аныстасйос был назначен расом битуюддэдом и правителем Дамота, фитаурари Фысыха-Крыстос — правителем Годжама, аггафари Асрат — правителем Бэгемдыра. На придворные должности были назначены, в частности, Асбо — бэджырондом, Маммо — блаттенгета, азжаж Хаурья-Крыстос исполнял функции джантырара и цэхафе лама. Среди церковных постов изменения коснулись двух важнейших званий — акабе сэат и ычэге. Абба Ассэрэ-Крыстос получил сан акабе сэата, а абба Хырьяксо — сан ычэге. Проведение великого шум шыра шло параллельно с предпринятой Иясу I попыткой улаживания церковных конфликтов. Провозгласив себя официально сторонником тоуахдо и стремясь поднять авторитет этой группы, он одновременно пытался свести конфликт между тоуахдо и кыбат до уровня исключительно богословского спора, не связанного с политической жизнью государства. Но ему не удалось претворить в жизнь этот замысел.

Примерно в 1689—1690 гг. император Иясу I реорганизовал совещательный орган, называвшийся мыкыр бет. В состав мыкыр бета обычно входили высшие светские, военные и церковные сановники. При решении каких-либо вопросов его члены высказывали свое мнение в соответствии с установленным порядком. По традиции первыми получали голос наименее важные, затем сановники более высокого ранга и в конце выступал император, одновременно объявляя окончательное решение по данному вопросу. Сфера деятельности этого административного органа — мыкыр бета — и полномочия его членов до сих пор почти совсем не освещались в научной литературе, поэтому мы здесь очень кратко, лишь в самых общих чертах, его охарактеризуем. Состав мыкыр бета, значение и функции отдельных сановников подвергались изменениям в различные исторические периоды. Правители приближали к себе тех или иных членов совета в зависимости от существовавшей ситуации. Изменявшийся состав мыкыр бета был отражением политической ситуации в различные периоды. Изменение очередности выступления данного лица на совете безошибочно свидетельствовало об изменении его положения в иерархической лестнице. Так, например, во времена бунтов бахыр нэгаша против императора тигре мэконнын занимал высшее место на совете, в другой ситуации было все наоборот. Подобное же происходило с должностью цэхафе лам из отдельных провинций. Они получали голос на совете в зависимости от степени верности данного округа и от политического направления того или иного правителя страны. Цэхафе лам из Дамота, а в другой раз цэхафе лам из Амхара-Сайнт менялись местами, опережая или уступая друг другу. Право выступать непосредственно перед императором было выражением высшего значения данной должности. Это право не было закреплено за какой-то должностью, а зависело от господствовавшего в данное время соотношения политических сил. В периоды наибольшего влияния духовенства в последнюю, т. е. наиболее почетную, очередь выступали церковные сановники, такие, как рак масэре, акабе сэат и т. п. Во времена Сусныйоса, например, последним перед императором выступал акабе сэат. В то время, когда сильным влиянием обладали светские сановники, привилегия предварять выступление императора переходила от акабе сэата к блаттенгету или битуюддэду. Вероятнее всего, попытки ввести стабилизацию в иерархию сановников были предприняты уже императором Сэрцэ-Дынгылем после войн с Гранем. В период его правления азжаж Уольдэ-Тынсае написал об иерархии должностей и о полномочиях, связанных с определенными постами, книгу под названием «Нэгэрэ уаг» («Сочинение о полномочиях»). Однако потом в этой области воцарился хаос, и каждый правитель руководствовался собственными соображениями относительно важности того или другого титула, отсюда шли споры об очередности выступлений.

Император Иясу I решил ввести постоянный и обязательный порядок на заседаниях мыкыр бета. Опустив вопрос об очередности выступлений первых, т. е. наименее влиятельных, ораторов, остановимся лишь на самых высоких должностях. Светские сановники наделялись самыми важными полномочиями. Привилегию выступать перед императором получил рас би-

туоддэд, которому предшествовало выступление тыллак блаттенгета. Лишь третьим по важности голосом обладал акабе сэат, после которого шли поочередно: тигре мэконнын, аггафари из Сымена, {207} цэхафе лам из Амхара, нэгаш Годжама, цэхафе лам из Дамота и т. п. Из соотношения сил в мыкыр бете, установленного Иясу, видно, что влияние церковных сановников на государственные дела было значительно уменьшено. Высокие полномочия, какими пользовались в новом мыкыр бете сановники с севера — тигре мэконнын и аггафари из Сымена, — также свидетельствовали о заинтересованности императора этими областями. Иясу I отлично понимал, что экономическая ситуация государства зависела во многом от развития торговли, для которой ключевое значение имели соседние с побережьем провинции.

В конце XVII столетия Иясу сумел подчинить себе как мирными переговорами, так и вооруженными экспедициями все северные округа. Одновременно он принудил наиба Мусу, тогдашнего турецкого правителя Массая и Аркико, к ведению торговли с Эфиопией на выгодных для империи условиях. Этого он добился прекращением на какое-то время поставок продовольствия из Хамасена в Массая. Сначала наиб Муса пытался оружием разрешить конфликт в свою пользу, однако потерпел поражение от императорской армии. В подобной ситуации он вынужден был начать мирные переговоры с Иясу I. 17 февраля 1693 г. он прибыл в Аксум на встречу с императором и привез с собой товары, ранее награбленные под видом взимания пошлин с купцов, торговавших с Эфиопией. В Аксуме обе стороны договорились о размере пошлин на товары, ввозившиеся в Эфиопию из разных стран Востока, и на вывозимые империей зерно, масло, кофе, кожи и скот. Организацию торговли внутри страны император Иясу поручил двум иностранцам: армянину по имени Мурад и египтянину Хаджи-Али. Это были люди, прекрасно ориентировавшиеся в вопросах торговли. Именно им Иясу доверил должности главных сборщиков пошлин с ввозившихся в страну товаров. Мурад выполнял функции нэгадраса, ответственного за торговлю товарами, шедшими через Красное море из Индии и Йемена, а Хаджи-Али получил должность нэгадраса, ответственного за торговлю с Суданом, Нубией и Египтом. {208}

Одной из основных трудностей, тормозивших развитие торговли в империи, был полный произвол при взимании таможенных пошлин. Караваны, которые везли товары, должны были платить по пути почти каждому правителю, а размер этих платежей был абсолютно произволен. По совету вышеупомянутых специалистов император Иясу издал инструкции, четко регулировавшие размер таможенной платы и точно определявшие места сбора таможенных пошлин. Это было чрезвычайно важное мероприятие для экономики Эфиопии. Налоговые инструкции, изданные Иясу I, предписывали, что в каждой области может быть одноединственное место, где собираются таможенные пошлины. Были определены пункты сбора в Гэральте, Тэмбене, Абэргэле, Цэлемте и т. п. Распоряжения были направлены на ликвидацию произвола феодалов и поддержку торговли в общеэфиопском масштабе. Оплата устанавливалась в размере 1 амале соли за груз, перевозимый на пяти мулах или восьми ослах, причем значительные налоговые льготы предоставлялись купцам, торговавшим на гондэрских рынках. Одновременно эти распоряжения определяли суровые наказания — вплоть до смертной казни — за нелегальную торговлю солью. Каждого пронесившего соль на собственных плечах мимо сборщиков пошлин лишали имущества и приговаривали к смерти. Это была попытка упорядочения торговли с помощью закона.

Проведенные императором Иясу I мероприятия в области администрации и экономики в значительной степени способствовали процессу экономического и культурного расцвета государства. Наивысший расцвет империи наступил в первой половине XVIII столетия. В западной исторической литературе это время часто характеризуется такими определениями, как «изоляция» и «внутренняя замкнутость», чем недвусмысленно выражается мнение о царившем якобы застое во всех областях жизни страны, но это несправедливо и объясняется исключительно европоцентристской точкой зрения на историю этого государства. Правление императора Иясу I, просвещенного и умного правителя, продолжавшего политику мирного сосуществования христианской Эфиопии с окружающими ее мусульманскими странами, представляет со- {209} бой наиболее яркий, хотя и не исключительный пример, опровергающий этот европейский тезис.

Обычаем эфиопских правителей было основание новых монастырей и строительство церквей. В соответствии с традицией император Иясу I основал прекрасный монастырь Дэбрэ-

Бырхан-Сылласе, в котором привезенный из-за границы огромный колокол должен был возносить хвалу великому императору по всей Дэмбии. Дэбрэ-Бырхан-Сылласе стал одним из центров интеллектуальной жизни страны. Именно там, под тенью огромного оливкового дерева, проповедовал абба Кыфле-Йоханныс, один из наиболее образованных умов того времени. Скромный и не заботившийся о внешнем виде, он был замечательным знатоком богословия и истории церкви и в совершенстве владел трудным искусством сложения стихов. Хроника рассказывает, что он раздражал остальных монахов своей необычайной скромностью и отсутствием заботы о костюме. Эти монахи упростили императора запретить вход в церковь небрежно одетым людям, желая таким образом досадить известному ученому. Император издал такое распоряжение. На другой день Кыфле-Йоханныс отправился на богослужение, одетый в достойное его положению платье, а за ним шла толпа бедных и убого одетых учеников. Кыфле-Йоханныс вошел в церковь, а группа учеников — в соответствии с императорским распоряжением — осталась на улице. На следующий день император, которому Кыфле-Йоханныс пожаловался, что ворота церкви закрыты для бедных учащихся церковных школ, вынужден был со стыдом отменить свой приказ, и Кыфле-Йоханныс вернулся к излюбленному скромному костюму.

ЛИТЕРАТУРА

Этот период отмечен пышным расцветом религиозной литературы, что было связано с общим оживлением интеллектуальной жизни, вызванным проводившимися тогда непрерывными религиозными диспутами. Процветала также поэзия, развивавшаяся в нескольких традиционных жанрах. Приобретение поэтических навыков требовало {210} многолетней учебы, отличного владения языковыми средствами, а также больших знаний. К наиболее известным поэтам периода правления императора Иясу I принадлежали вышеупомянутый Кыфле-Йоханныс и аздаж Кэнафро. Сохранились также имена летописцев, писавших истории правителей конца XVII — начала XVIII в. Цэхафе тыызаз Хауарья-Крыстос записывал историю Иясу I и, вероятно, его отца Йоханныса I вплоть до своей гибели в 1700 г. вместе с ликэ мекуасом Гэбрыэлем и другими сановниками в крупном сражении с галла-гудру. Историю Иясу I писал также аздаж Зоуольд. Позднее, в течение 26 лет, деяния эфиопских правителей записывал аздаж Синода. Его смерть, наступившая в августе 1726 г., повергла в глубокий траур императорский двор, и особенно Бэкаффу, тогдашнего правителя Эфиопии. Аздаж Синода был летописцем, поэтом, композитором, лингвистом и большим знатоком истории Эфиопии. Именно он свел воедино разные хроники Йоханныса I и Иясу Великого, а также до самой своей смерти записывал историю Бэкаффы. Аздаж Синода занимал должность цэхафе тыызаса при правителе, был одним из судей императорского трибунала и одновременно имел высокое церковное звание. Он был также учителем императорских детей. Им была составлена грамматика эфиопского языка, а также написан ряд литературных сочинений, посвященных таким событиям, как скорбь императора Бэкаффы по умершей матери или описание драматической смерти Иясу Великого. После смерти аздажа Синода его сын Кынфэ-Микаэль продолжил дело отца.

ВНУТРЕННИЕ БЕСПОРЯДКИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ИЯСУ I ВЕЛИКОГО

Около 1705 г. уже стал виден конец правления стареющего великого императора. Между его сыновьями втайне велись торги за власть. Сохранились разноречивые сведения о событиях последнего года правления Иясу I. Согласно одной версии, император объявил наследником престола Тэкле-Хайманота, сына его и уойзэро Мэлекотауит. Годжамские кыбат, пытаясь обеспечить себе скорейшее {211} возвращение к власти, установили контакт с Тэкле-Хайманотом. Организовался заговор с целью свержения с престола Иясу Великого и провозглашения императором Тэкле-Хайманота. Узнав о заговоре, Иясу I вызвал к себе Тэкле-Хайманота. Однако последний, опасаясь подвергнуться заточению, отказался явиться по вызову отца и стал готовить вооруженный мятеж. Император Иясу, вероятно стремясь избежать кровопролития, отказался от престола. Он отправил к Тэкле-Хайманоту остальных своих сы-

новой, после чего, видимо, огласил акт об отречении и удалился в монастырь на одном из островов озера Тана, чтобы в тишине и спокойствии провести остаток дней. Тэкле-Хайманот вступил в Гондэр, провозгласил себя императором и по совету своих дядей, Дармэна и Паулоса, стал последователем кыбат. Когда известие об этом достигло императора Иясу, он решил аннулировать свое отречение и предал анафеме своего сына. Заговоры множилось, плелись сложнейшие интриги. В конце концов император Иясу, опасаясь покушения, приказал сжечь все лодки на берегу озера Тана и окружил остров, на котором он находился, усиленной стражей. Тем не менее противникам Иясу удалось проникнуть на остров и вывезти его оттуда, после чего Тэкле-Хайманот приказал умертвить своего отца. Отряд, состоявший из галла-меча, отправился к месту заточения Иясу, чтобы убить его. Вместе с отрядом ехали Дармэн и Паулос, сторонники Тэкле-Хайманота. В последний момент командир отряда меча отказался привести в исполнение смертный приговор над императором, не желая убийством императора Иясу посеять вечный раздор между эфиопами и племенами меча. Паулос и Дармэн убили на месте непослушного вождя меча. Сами же вошли в императорский шатер, но полное достоинства спокойствие Иясу привело заговорщиков в замешательство. Ему предложили сохранение жизни за переход в веру кыбат. Он отказался. Тогда Паулос приказал одному из солдат стрелять в императора. Дармэн двумя пулями добил раненого. Они вышли из шатра и подожгли его. Императорские останки спасли преданные погибшему монахи. Все это произошло в 1706 г. Тэкле-Хайманот сразу же провел шум шыр. Дармэн получил про-^{212}винцию Годжам, Паулос получил Бэгемдыр, Амхайес был назначен бэджырондом.

Вскоре смерть Иясу Великого обернулась против Тэкле-Хайманота. Новый император, пришедший к власти при поддержке годжамских кыбат, в дальнейшем не захотел занять решительной позиции в вопросах веры, утверждая, что он не властен без решения церковного собора изменить прежнего распоряжения. Созванный в 1707 г. собор вновь принял решение против кыбат. В Годжаме вспыхнули волнения, организатором которых было настроенное теперь против императора духовенство. Нового императора провозгласили перед народом отцеубийцей. Распространялось презрительное прозвище молодого императора — Рыгум Тэкле-Хайманот («Проклятый Тэкле-Хайманот»), напоминавшее о довлеющем над ним проклятии отца. Оппозиционная партия провозгласила своего императора из родственников правителя. В том же 1707 г. под Йибаба произошло вооруженное столкновение между группировкой, поддерживавшей Тэкле-Хайманота, и группировкой его противников. В жесточайшем бою погибли многие церковники, возглавлявшие кыбат. Победа была на стороне Тэкле-Хайманота. Но в 1708 г. Тэкле-Хайманот сам погиб при таинственных обстоятельствах, охотясь на буйволов.

К власти пришел брат Иясу I — Теуофлос, поддержанный бэджырондом Йостосом и духовенством кыбат. За помощь в получении трона Теуофлос официально объявил себя приверженцем кыбат, присвоил Йостосу титул раса и поручил ему пост правителя Сымен и Тигре. Вместо Дармэна правителем Годжама стал дэджач Уольдэ-Абиб, управление Бэгемдыром от Паулоса перешло к дэджазмачу Хызкыясу. И в придворных должностях Теуофлосом были проведены изменения. Он абсолютно игнорировал духовенство тоуахдо, требовавшее созыва собора и законной формы объявления в качестве официальной веры кыбат. Император отказал. Тогда духовенство тоуахдо стало плести интриги, вызвавшие беспорядки в стране. Теуофлос был вынужден постоянно проводить изменения в придворных и провинциальных должностях. Взбунтовался дэджазмач Хызкыяс в Бэгемдыре, на его место был назначен рас Дыметрос, был заточен рас Йостос и т. д. ^{213}

Одновременно галла-либэн атаквали Годжам, вновь разорив город Йибаба. Правда, император одержал над ними победу, но затем в скором времени тяжело заболел и умер в 1711 г.

Новым правителем стал рас Йостос, род которого, видимо, не принадлежал к линии господствующей династии. В период его правления велась почти непрерывная борьба между группами, пытавшимися возвести на престол одного из двух сыновей Иясу I — Давида или Бэкаффу. В 1716 г. удача оказалась на стороне Давида, которому приписывают отравление или удушение Йостоса. Император Давид III был последователем кыбат. Вместе со своим ставленником битуюддэдом Гийоргисом, правителем Годжама, он вел политику, направленную против тоуахдо. При нем Шоа объявило себя независимым от империи царством, и борьба кыбат и тоуахдо с того времени велась, вероятнее всего, только между представителями этих двух

группировок, находившимися в Годжаме и Бэгемдыре. В основном в борьбу были вовлечены монахи из Дэбрэ-Уорк (кыбат) и из Азэзо (тоуахдо). Над последними по повелению императора в 1720 г. была учинена кровавая расправа. Наиболее крупным заговором периода правления Давида было неудавшееся покушение дэджазмача Лета.

ИМПЕРАТОР БЭКАФФА

После смерти Давида III в 1721 г. трон занял Бэкаффа, сын Иясу I и уойзэро Марьямауит. Неоднократно уже пытался он завоевать власть и раза два даже сумел убежать из Уохни-Амба — что было незаурядным поступком, — чтобы снова туда вернуться. Наконец Бэкаффа оказался на троне. Вероятно, князья в Уохни-Амба не хотели допустить воцарения Бэкаффы, боясь его жестокости. Ситуацию разрядил дэджазмач Амхайес, убедивший Бэкаффу тут же после прихода к власти принести присягу в том, что он не будет преследовать своих двоюродных братьев — принцев крови.

Первые годы правления Бэкаффы отмечены частыми заговорами против него. Набиравшие силу группировки {214} светских и церковных феодалов вели каждая свою политику. Вместе с экономическим процветанием, наступившим в результате реформ Иясу I, усиливался процесс упрочения позиций отдельных магнатов, управляющих успешно развивавшимися областями. Любой крупный сановник в государстве мог себе позволить иметь собственную армию и, чувствуя свою силу, был склонен вмешиваться в государственные дела, поддерживать одних и выступать против других кандидатов на престол. Бэкаффа оказался в довольно сложной ситуации. В 1723—1725 гг. усилились беспорядки, связанные с борьбой за власть. В 1723 г. Бэкаффа вернулся из большого похода против галла, которые перешли Аббай и разорили окрестные провинции. Он нашел Гондэр в состоянии полного разложения. Солдаты, пользуясь отсутствием правителя, веселились и пьянствовали. Император быстро ликвидировал распушенность среди солдат и провел в армии шум шыр, сменив военачальников. Вскоре после этого события умерла мать императора уойзэро Марьямауит. Бэкаффа похоронил ее в Дэбрэ-Бырхан-Сылласе с пышными церемониями. В 1724 г. он произвел многочисленные перемещения на придворных, церковных и провинциальных постах. Дэджач Амхайес, содействовавший Бэкаффе в освобождении из Уохни-Амба, получил пост раса битуюддэда. Вместо ычэге Тэкле-Хайманота был назначен ычэге Йоханныс. Одна из сестер Бэкаффы, уойзэро Уолетэ-Руфаэль, вместе с сыном Сусныйосом и правителем Сымена организовали неудавшееся покушение на императора. Организаторы заговора были сосланы в Уолькайт. К тому времени рас битуюддэд Амхайес, находившийся уже в оппозиции к императору, вызвал из Уохни-Амба принца Наода и пытался провозгласить его императором. Однако Бэкаффе удалось поймать Наода. Ему отрубили руки и ноги. Наод умер от потери крови. А рас Амхайес ушел от преследования и укрылся в Ласте, где вскоре присоединился к вооруженному антиимператорскому выступлению Губала, правителя Ласты. В отсутствие императора в Гондэре провозгласил себя императором Хызкыяс. Его схватили, и император приказал отрубить ему руки. Этими событиями не завершается перечень заговоров и покушений на жизнь императора. Часто сменялись {215} придворные сановники, не менее часто менялись люди на высоких постах в провинциях. В отношении мятежников Бэкаффа чаще всего применял жестокие репрессии, причем самым распространенным методом было отсечение рук и ног.

Бэкаффа, продолжая политику своего великого предшественника Иясу I, заботился об экономическом и культурном развитии Эфиопии. Он выписывал из Египта ремесленников, в частности кораблестроителей, построивших корабль на озере Тана. Он воздвиг также огромный храм св. Руфаэля. При нем продолжалось развитие литературного творчества — как в области религиозной литературы, так и летописания и художественной литературы.

ИМПЕРАТРИЦА МЫНТЫУАБ И ИЯСУ II

Женой императора Бэкаффы была ытеге Мынтыуаб. Он женился на ней, руководствуясь скорее чувством, чем политическими соображениями. Она была дочерью одного балаббата из народности куара, у которого император остановился однажды, будучи больным. Необык-

новенная красота ухаживавшей за ним во время болезни дочери балаббата так очаровала правителя, что он обвенчался сразу же по выздоровлении и позднее короновал ее императрицей. Прекрасная Мынтыуаб не играла, кажется, большой политической роли во время правления Бэкаффы. Однако после его смерти она стала одной из выдающихся деятельниц. Красота и обаяние сочетались в ней с незаурядным дипломатическим талантом и любовью к литературе и искусству.

В 1730 г. Бэкаффа тяжело заболел и больше уже не поправился. Правление взяла в свои руки императрица Мынтыуаб. Она не сообщала о смерти императора до тех пор, пока не прибыли из Куара ее родные и двоюродные братья. Лишь после укрепления позиций куарийцев при дворе, и особенно после назначения брата блюстителем Уохни-Амба, ытеге Мынтыуаб публично объявила о смерти императора и о назначении новым правителем Эфиопии своего сына Иясу II (второе имя — Бырхан-Сэ-^{216}гэд), называемого также Иясу Куариец. Начало его правления было чрезвычайно трудным. Светские и церковные феодалы из старых амхарских и тигрейских родов не были склонны допустить к власти представителей куара, небольшой этнической группы, не выступавшей до сих пор на политической арене. Рас битуоддэд Зэгийоргис, сосланный еще Бэкаффой в Уолькайт, первым поднял мятеж. Быстрым маршем он направился к Уохни-Амба, чтобы освободить оттуда одного из принцев абето Уольдэ-Гийоргиса и, возведя его на трон, захватить влияние в государстве. Однако в то время во главе охраны Уохни-Амба уже стоял брат императрицы Мынтыуаб дэджазмач Уольдэ-Лыуль. В течение двух дней высоко в горах вблизи Уохни-Амба шел яростный бой, закончившийся поражением раса битуоддэда Зэгийоргиса. Затем беспорядки возникли в Гондэре. Много отрядов галла сражалось на стороне императора. Во главе противоположной группировки стояли Маммо, Хызкыяс и рас Элияс (Элыяс). Сторонники императрицы Мынтыуаб и императора Иясу Куарийца в конце концов одержали победу благодаря тому, что умело привлекли на свою сторону духовенство. Абунэ Крыстодулос объявил, что каждый погибший за императора приобретет славу мученика. Это заявление поддержало силы сторонников Мынтыуаб, однако борьба велась еще долго, и Гондэр был сильно разорен. Но в конечном итоге господство группы куарийцев было упрочено и фактическая власть сосредоточилась в руках императрицы Мынтыуаб, которая вместе с сыном стала управлять государством.

Новая группировка, пришедшая к власти, сознавала, что традиционные роды амхарских и тигрейских сановников не выпустят так легко власть из своих рук и будут стремиться любой ценой свергнуть господствующего правителя. Поэтому куарийцы должны были искать себе союзников, заинтересованных в поддержке новых правителей. Таким союзником в первую очередь могла стать народность галла, представлявшая собой новый этнический элемент, еще не сросшийся с традиционными родами. Император Иясу женился на дочери сановника из галла-уолло по имени Уыбит. Ытеге Мынтыуаб, а также император Иясу II во внутренней политике руководствовались ^{217} интересами всей Эфиопии, не ограничиваясь поддержкой только той этнической группы, которую сами представляли и с которой были связаны. Это был период просвещенного и разумного правления в империи.

Кроме вооруженных конфликтов, имевших место в момент прихода куарийцев к власти, только два крупных военных похода омрачили 25-летний мирный период правления Иясу II. Первый поход был совершен в Шоа, правитель которого мэрыд азмач Абийе не пожелал платить дань Гондэрской империи. Поход, возглавленный братом Мынтыуаб расом Уольдэ-Лыуль (до этого он занимал пост дэджазмача), не был успешным. Однако Иясу II не хотел обострять конфликт, и обе стороны поддерживали потом мирные отношения. Вторая экспедиция была несравненно важнее, о чем свидетельствовал факт участия в ней самого императора. Речь шла о том, чтобы удержать северные области в составе империи и побудить их вести политику в соответствии с интересами государства. Конфликт возник после ухудшения отношений с наибами Массауа и Аркико, начавшими — как и во времена Иясу Великого — грабить караваны с товарами, шедшими в Эфиопию. Иясу II обратился к тогдашнему правителю Тэмбена расу Микаэлю-Сыулю, приказав оружием заставить наиба Аркико прекратить грабежи. Однако Микаэль-Сыуль, будучи в хороших отношениях с турецкими правителями, но не собираясь открыто встать на их сторону, медлил с выступлением против Аркико, постоянно обещая императору предпринять соответствующие шаги в ближайшее время. Иясу лично отправился на север, чтобы разрешить важнейший для дальнейшего экономического развития Эфиопии во-

прос: обеспечить возможность торговых контактов с внешним миром. Рас Микаэль-Сыуль, чрезвычайно способный и искусный дипломат, не выступил лично против императора, а подстрекал жившие на севере воинственные племена галла-райя (галла-рая) и галла-азебо. Конные и пешие полки рая и азебо двинулись навстречу императорской армии. Правитель Ындэрти стал на сторону императора. Иясу II, будучи поборником мирной политики и противником любого кровопролития, пытался установить контакт с расом Микаэлем-Сыулем. Однако тот не откликнулся на обращение императора, спокойно выжидая. Иясу вынужден был прибегнуть к решительным мерам. Отряды рая и азебо отступили, разграбив окрестности, а императорская армия в полном боевом порядке направилась к Адуе. Однако Микаэль-Сыуль избежал непосредственного столкновения. С небольшой группой солдат он укрылся на вершине горы Сэмаят, забрав с собой казну, и снова выжидал, не предпринимая никаких решительных шагов. Лишь когда войска Иясу II окружили с четырех сторон гору Сэмаят, рас Микаэль-Сыуль уже не смог далее откладывать своего решения. В знак раскаяния он привязал камень на шею и как вассал направился к императорскому лагерю. В первый момент Иясу II решил приговорить его к смерти за кровопролитие между императорской армией и рая с азебо, однако, вняв просьбам многих сановников, ограничился заточением Микаэля. В скором времени Микаэль-Сыуль был освобожден и стал одним из ценимых советников императора. Итак, север остался в составе империи.

РАСЦВЕТ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Иясу II Куариец был действительно просвещенным правителем и большое значение придавал развитию образования и культуры в Эфиопии. Пожалуй, он был первым правителем в стране, пытавшимся как-то стимулировать науки и литературную деятельность. Было публично объявлено, что каждый желающий учиться будет получать пищу при императорском дворе. И тот, кто успешно продвигался в своих занятиях, пересаживался за стол, уставленный более изысканными яствами. Самую простую пищу получали те, кто только приобщался к науке чтения и письма. Кто переходил к следующей стадии обучения, наряду с повседневной пищей получал также телла — напиток вроде пива, повсеместно потребляемый в Эфиопии. Тот же, кто продолжал обучение на еще более трудной стадии, какой было искусство стихосложения, мог пить уже тэдж — напиток, который в Эфиопии по традиции дозволено пить только людям, стоящим на высокой ступени социальной иерархии. Самые изысканные яства подавали тем, кто, освоив науку поэтического мастерства, переходил к изучению книг.

Вскоре при дворе Иясу II появилось большое количество учителей и учеников: Гондэр превращался в центр интеллектуальной жизни страны. Проявляя заботу также о развитии литературной деятельности, Иясу учредил пенсии и взял на полное содержание ученых, занятых переводом книг с арабского на геэз. Было переведено много произведений восточной христианской литературы. Эти переведенные книги император распределял затем между различными монастырями. Самое большое количество книг было собрано в построенном им на одном из островов озера Тана монастыре св. Гэбрыэля. Со всей страны свозил он туда наиболее знаменитые произведения, создав библиотеку, не имевшую себе равных в Эфиопии. Слава о библиотечном фонде монастыря св. Гэбрыэля вскоре распространилась по всей стране. Из Шоа и Тигре, Бэгемдыра и Годжама приходили туда ученые монахи. На берегах озера Тана они запасались продовольствием, садились в легкие тростниковые лодки, называвшиеся танкуа, и переправлялись на остров, где возвышался монастырь св. Гэбрыэля. В нем они проводили часто год или два, изучая книги. Видимо, количество собранных там рукописей было столь велико, что многие из этих произведений еще и в настоящее время не изучены.

Бйтеге Мынтыуаб старалась не уступать сыну. На собственные средства она выстроила удивительно красивый и богатый монастырь для монахинь — Кускуам. Когда не хватило золота, она, как говорят, пожертвовала свои украшения, чтобы ни в чем не было недостатка у женского монастыря, который по красоте и значению должен был соперничать с мужским монастырем св. Гэбрыэля. Иясу отстроил также Гондэр, разоренный во время беспорядков, имевших место в начальный период его правления. Он возвел вокруг города новые стены и заложил сады, в которых цвели растения, привезенные из Йемена, Египта и других стран. Он приказал

заложить виноградные плантации южнее Дэнкэз, в Йифат и Карода, и ввел обычай пить вино.

Просвещенный правитель, проявлявший заботу о развитии науки и литературы, он поднял также уровень {220} культуры и эстетики повседневной жизни. Он издал распоряжение о том, чтобы в окрестностях тех населенных пунктов, где были монастыри, являвшиеся центрами интеллектуальной жизни данного округа, культивировали растение ындод с пенящимися при вымачивании в воде листьями, служившими стиральным средством. С того времени к неблагородным стали относить всякого, кто носил грязную одежду. Духовным лицам, об уровне и авторитете которых император заботился больше всего, он приказал носить нарядные одежды и позолоченную обувь. При императорском дворе был введен обычай, дотоле неизвестный: каждое воскресенье ытеге Мынтыуаб и аце Иясу устраивали прием для ученых богословов, поэтов и композиторов. Собирались за обильно уставленным яствами и винами столом и целые часы проводили за учеными беседами, а также увлекались поэтическими импровизациями в особом стиле, когда составляются стихи, весь смысл и тонкость которых состоит в подборе соответствующих иносказаний, придающих произведению многозначительность².

В истории эфиопской культуры принято рассматривать период от окончания тридцатилетней войны и до второй половины XVIII в. как особый этап. Это, несомненно, был один из наиболее плодотворных периодов развития культуры. Рукописная литература оставалась в основном религиозной и исторической, хотя к гондэрскому периоду можно отнести уже начало литературы другого типа. Речь идет прежде всего о грамматиках эфиопского языка, так называемых соуасыу.

Наряду с литературой и культовой архитектурой, о которой многократно упоминалось ранее, большое развитие получила живопись. Развивались те же формы живописи, которые процветали в «золотой период эфиопского средневековья». Это прежде всего было искусство книжной миниатюры и настенные фрески. Однако стиль и содержание живописи гондэрского периода очень заметно отличались от образцов средневекового искусства. Произведения средневековой живописи изображали в основном сцены религиозного характера, фигуры писались на одном цветном, лишенном элементов украшательства фоне. В гондэрский период наряду с религиозной живописью, все еще остававшейся главной темой творчества, мы обнаруживаем уже произведения светского содержания. Художники — в подавляющем большинстве анонимные — обращались к исторической тематике, запечатлевая в картинах легендарные события аксумских времен, образы героев минувших эпох и современных правителей. Именно к этому периоду относятся фрески на тему, взятую из легенды о Яреде — музыканте, когда-то в Аксуме в правление Калеба создавшем каноны эфиопской церковной музыки. Его вдохновенное пение так сильно очаровало правителя, что, заслушавшись, он опустил острый наконечник жезла на ногу Яреды, который, не ощущая боли и не видя текущей крови, продолжал выводить мелодию своей песни. В гондэрский же период появились, вероятно впервые, портреты императора Йикуно-Амлака, абунэ Тэкле-Хайманота и другие. В этих картинах чаще всего изображалась придворная жизнь, но иногда встречались и сцены из народной жизни. Образам гондэрского периода не присуща средневековая суровость. Фон обычно многокрасочен, украшен декоративными элементами, а тон всей картины, в котором присутствуют желтые, лазурные, красные и зеленые краски, очень выразителен. Среди немногочисленных имен великих мастеров кисти гондэрского периода следует упомянуть хотя бы одно — это представитель духовенства Хайлу, называемый некоторыми тогдашними европейскими путешественниками «Рафаэлем Эфиопии».

ОТРАВЛЕНИЕ ИЯСУ II

Однако спокойствие, царившее в столице, и необыкновенный расцвет духовной жизни не сопровождалось миром в политической жизни. Конфликты между отдельными группировками продолжали потрясать страну. Галла-уолло, допущенные ко двору Иясу II, пытались захватить власть в государстве. Распри между куара и галла-уолло все усугублялись. Позднее этот конфликт стал одной из причин упадка Гондэрской империи. {222}

² Речь идет об оригинальной эфиопской поэзии кыне. — *Прим. ред.*

Иясу II не был в состоянии задержать нараставший процесс ослабления центральной власти, в чем вполне отдавал себе отчет этот правитель с широчайшими политическими и гуманистическими взглядами. В 1775 г. Иясу Куариец умер, как кажется, от отравления. Причиной смерти мог быть, вероятно, частный конфликт между сыном и матерью. Императрица Мынтыуаб не вышла замуж после смерти Бэкаффы. Она находилась в тайной связи с двоюродным братом Бэкаффы по имени Иясу. У них родилось несколько дочерей; как и мать, они были необыкновенной красоты. Все содержалось в глубокой тайне. В течение многих лет встречались императрица и ее возлюбленный по прозвищу Мыльмыль-Иясу (Иясу-Избранник). Когда же об этом стало известно императору, он разгневался и, пригласив Мыльмыля-Иясу на прогулку к озеру, приказал утопить его. Тело обнаружили несколько дней спустя. Вероятно, никто не догадывался о преступлении кроткого и не терпевшего кровопролития императора. Однако все видела сестра умерщвленного Избранника и поклялась отомстить Иясу Куарийцу. В его пищу она добавила яда. Так закончил жизнь Иясу II. {223}

Глава XII

ЗАКАТ ИМПЕРИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ НАРОДОВ КУАРА И ГАЛЛА В XVIII В.

Заключенный по политическим соображениям брак Иясу II с Уыбит, принадлежавшей к знатному роду крупных землевладельцев Уолло, ставил своей целью укрепить позиции императора с помощью поддержки племен галла, поселившихся в Уолло, и галла-йеджу. Однако этот брак не смог помешать росту центробежных тенденций в стране. Даже наоборот, прибытие ко двору новой жены императора, названной после крещения Уолетэ-Берсабех, а также многих представителей знати из галла, которым были предоставлены высокие государственные посты, обострило внутренние политические конфликты. В период, когда после трагической смерти Иясу II в 1755 г. начал править его сын Ийоас, эти конфликты усилились в еще большей степени. Их непосредственную причину следует искать в соперничестве между представителями куара, занимавшими многие важные должности в государстве благодаря поддержке старой императрицы Мынтыуаб, и галла из Уолло и галла-йеджу, пытавшихся при покровительстве матери Ийоаса Уолетэ-Берсабех добиться влияния при императорском дворе. Борьба за политическую гегемонию в Гондэре между этими этническими группами явно свидетельствовала о чрезвычайно сложной ситуации, впервые возникшей в такой форме при эфиопском императорском дворе. Оказалось, что в условиях роста сепаратизма отдельных областей амхарцы перестали играть главную роль в столице государства, они были вынуждены уступить место выходцам из других народов. В относительно короткое время знать из племени куара, активного и динамичного, а также из воинственных племен {224} галла из Уолло и галла-йеджу, опираясь на поддержку собственных вооруженных сил, сумела занять самые высокие посты при императорском дворе. Особенное негодование у амхарской знати, воспитанной на старинных христианских традициях, вызывало то, что эти вновь прибывшие лица лишь недавно приняли христианство. Когда в начале правления Ийоаса стало казаться, что его бабка ытеге Мынтыуаб может перетянуть чашу весов на сторону куара, Уолетэ-Берсабех призвала на помощь своего отца Амизо и братьев Либо и Бырылле. Они прибыли во главе сотен грозных воинов из Уолло и Йеджу и заполнили улицы Гондэра бряцанием оружия. На некоторое время в столице государства стал господствующим язык галла, что было явным признаком наступления нового этапа в политической жизни. Даже сам император все чаще начал употреблять язык галла, которому его научила мать. Правда, в Гондэре дело не дошло до открытых столкновений куара с галла, но напряженные отношения между этими группировками постоянно угрожали взрывом. Когда Амизо, Либо и Бырылле получили высокие государственные должности, Мынтыуаб в противовес этому добилась признания ее брата, раса Уольдэ-Лыуля, пожизненным губернатором Гондэра; губернатор этой провинции являлся заместителем императора и после него считался вторым лицом в государстве.

С того момента, как старой императрице удалось посадить на многие государственные посты своих родственников и преданных себе людей из куара, ее влияние стало таким значительным, что она сумела после смерти раса Уольдэ-Лыуля назначить наместником императора второго своего брата — Ышэте (Эште), бывшего правителем Дамота. Она также не допустила коронации Уолетэ-Берсабех на ытеге. Этот вопрос, впрочем, превратился еще в один пункт раздора при императорском дворе, где сведение личных счетов стало почти единственным занятием группировок, боровшихся за власть, и это все больше вытесняло занятие общегосударственными проблемами и задачами общеэфиопской политики. Положение ухудшалось то обстоятельством, что ни одна из сторон не была настолько сильной, чтобы одержать решающую победу. В довершение обе враждующие между собой группировки — куара и галла, уолло и йеджу — вместе составляли политическую опасность для амхарской знати. Их пребывание при дворе вызывало протест у феодалов Годжама, Сымена, Тигре и Гондэра. Но в данный момент перед лицом военного преимущества куара и галла эти круги знати, из которых по традиции рекрутировались высшие государственные чиновники, не решились бунтовать. Тем не менее значительная группа этих феодалов, не выступая еще открыто, готовилась к свержению Ийоаса и к ликвидации влияния его матери Уолетэ-Берсабех, чтобы восстановить прежние порядки и обычаи.

РОСТ ЦЕНТРОБЕЖНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Появление в XVIII в. на эфиопской политической сцене народов куара, а затем галла из Уолло и Йеджу стало новым важным фактором во внутренней жизни Эфиопии и привело к нарастанию очередного крупного внутреннего конфликта. Если добавить к этому, что центробежные и сепаратистские тенденции, всегда столь характерные для истории Эфиопии, в середине XVIII в. значительно усилились, то нетрудно будет понять, что сложившиеся условия способствовали окончательному упадку центральной власти. У отдельных крупных феодалов чрезвычайно возросли шансы на реализацию их сепаратистских стремлений, так как в то время, когда они укрепляли свою власть в отдельных провинциях, одновременно шел процесс, приведший к падению авторитета императора. Уже в первой половине XVIII в. провинция Шоа стала фактически независимой от Гондэра. Экономическое развитие этой провинции и растущая вместе с этим власть шоанских князей, подчинивших себе и тех феодалов, которые до той поры неодобрительно смотрели на их централизаторские планы, привели к созданию на территории Шоа почти самостоятельного государства. Провинция Шоа, независимая экономически и обладающая значительными военными силами, смогла отказаться от уплаты дани гондэрским императорам. Подобные процессы происходили и в других провинциях, которые также стремились освободиться от власти Гондэра по мере того, как возрастало значение их собственной знати, подчинявшей себе более мелких феодалов.

В такой ситуации последним монархом, который еще полностью пользовался императорской властью, можно считать Иясу II. Размер власти нескольких последующих императоров, а именно Ийоаса, Йоханнуса II, Тэкле-Хайманота, Сэломона и Тэкле-Гийоргиса, был уже невелик. В период их правления происходил быстрый упадок Гондэрской империи. Эфиопская историография называет даже Тэкле-Гийоргиса «последним императором». Условно можно принять, что именно 1784, конечный год правления этого монарха, является началом периода удельной раздробленности Эфиопии. Однако следует отметить, что традиционная историография датирует начало феодальной раздробленности 1769 годом, т. е. годом смерти императора Ийоаса.

Естественно, что при характеристике таких длительных и сложных процессов — экономических, политических, этнических и религиозных, — в результате которых распалось политическое единство страны, трудно принять какую-нибудь точную дату, так как формально императорская власть продолжала существовать и далее. Если же руководствоваться только политическими критериями, то, действительно, именно после правления Тэкле-Гийоргиса, т. е. после 1784 г., власть императора стала чисто номинальной. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению этих проблем, следует остановиться на описании политических событий, происшедших в Эфиопии во время правления этих пяти императоров, власть которых эфиопская ис-

ториография определяет как «неполную».

Во время одного из военных походов против галла-борана погиб гондэрский наместник, брат императрицы Мынтыуаб, — Ышэте. Странные и таинственные обстоятельства его смерти привели к распространению слухов о том, что его убили люди, подсланные Бырылле. Эти слухи усилили недоверие между представителями куара и уолло. После этого власть гондэрского наместника уже недолго оставалась в руках куара. Новым губернатором Гондэра был назначен правитель провинции Бэгемдыр, зять Мынтыуаб, рас Марьям-Бария. Однако вскоре между ним и императором произошел конфликт, из-за которого {227} Марьям-Бария получил отставку. Следствием этих событий явилось то, что могущественный правитель Бэгемдыра, имеющий еще и поддержку в провинции Ласта, вообще отказался подчиняться императорской власти, заявив, что при гондэрском дворе слишком большое влияние имеют люди из Уолло.

РАС МИКАЭЛЬ-СЫУЛЬ

Оппозицию, стремившуюся устранить влияние провинций Куара и Уолло, возглавил рас Микаэль-Сыуль. Он был правителем провинции Тигре еще со времени Иясу II, который после краткого периода немилости к нему отдал ему ее в управление. В роли наместника Тигре он приобрел большое влияние. Располагая 26-тысячной армией, рас Микаэль являлся весьма желательным политическим союзником. Император Ийоас, оказавшись в ситуации, грозящей полным распадом государственной власти, решил назначить его на пост гондэрского губернатора.

Новый наместник срочно прибыл в столицу во главе собственной армии и без промедления установил власть сильной руки. Император предоставил ему широкие полномочия. Рас Микаэль, опытный, старый политик, прекрасный военачальник и способный организатор, быстро завоевал большую популярность среди гондэрского населения, которое предпочло сильную губернаторскую власть прежним непрерывным беспорядкам. В скором времени авторитет нового губернатора стал чуть ли не выше, чем императора¹. Нет ничего удивительного в том, что, когда в Гондэре был установлен порядок, так как представители куара и галла в присутствии многочисленных войск раса Микаэля утратили шансы на победу в борьбе за власть, — император начал неодобрительно смотреть на возрастающее влияние раса Микаэля и делал попытки {228} избавиться от своего слишком могущественного наместника. Настал период, когда император, практически бессильный против раса Микаэля, осуществлявшего фактическое правление страной, путем придворных интриг и противопоставления ему других феодалов пытался подорвать его влияние. Однако все это Ийоас старался держать в тайне, сохраняя видимость лояльности в отношении гондэрского наместника. Ытеге Мынтыуаб, лишившись влияния после прибытия раса Микаэля, внимательно наблюдала за развитием событий, бдительно подмечая образование трещин во взаимоотношениях его и императора, поскольку только конфликт между ними предоставил бы ей новые возможности прихода к власти.

Первый наиболее серьезный конфликт между императором и расом Микаэлем возник в тот момент, когда рас Микаэль решил заставить подчиниться себе раса Марьяма-Бария, не выполнявшего приказов, исходивших из Гондэра. К тому же рас Марьям-Бария наращивал свои силы не только за счет провинции Бэгемдыр, но и используя союз, заключенный с некоторыми феодалами Ласты. Рас Микаэль-Сыуль, будучи искусным политиком, прежде чем приступить к вооруженной расправе с расом Марьямом-Бария, решил лишить его союзников, перетянув на свою сторону во время тайных переговоров феодалов Ласты. Этот метод оказался результативным, и феодалы Ласты, соблазненные обещаниями, на которые не скупился гондэрский наместник, прибыли в Гондэр. Рас Микаэль устроил им там необычайно сердечный прием, благодаря которому он не только отнял у своего врага поддержку, но и сам приобрел новых союзников.

Всю эту тонкую политическую игру одним ударом разрушил император Ийоас, приказав одному из своих людей убить приехавших из Ласты. Этот жестокий поступок разгневал

¹ В Египте, согласно свидетельству Манучара Качкачишвили, раса Микаэля считали даже «царем Абиссинии» (см.: «Африка глазами наших соотечественников». Под ред. Ю. М. Кобищанова и Л. Е. Куббеля). М., 1974, стр. 94 и сл. — *Прим. ред.*

раса Микаэля, который в свою очередь приказал уничтожить убийцу ластенских феодалов. С этого времени конфликт между императором и его наместником начал нарастать ускоренными темпами. Очередным поводом к его обострению явился вопрос о судьбе раса Марьям-Бария. Победа над ним после устранения поддержки со стороны ластенских феодалов не составляла больших трудностей для армии императора и раса {228} Микаэля. В битве под Нэфас-Муса, расположенном на границе между Ластой и Бэгемдыром, войска раса Марьям-Бария были окончательно разбиты. Губернатор Бэгемдыра вместе с горсткой своих солдат пытался укрыться в Уолло, однако был выдан в руки императора. Тогда рас Микаэль-Сыуль, который, как можно предположить, имел наибольшие основания для того, чтобы желать окончательно избавиться от одного из своих самых грозных соперников, предложил не убивать пойманного раса, а только заключить его в тюрьму. Микаэль не хотел, чтобы расправа над одним из известнейших в то время эфиопских воинов вызвала недовольство среди феодалов амхара и куара, что могло бы привести к росту оппозиции по отношению к Гондэру. Но император вопреки этим советам приговорил раса Марьям-Бария к смерти, причем с применением самых изощренных пыток. Это была серьезная политическая ошибка, так как жестокая казнь вызвала в стране значительное недовольство императором.

В конце четырнадцатого года правления Ийоаса поднял бунт губернатор Дамота Фасиль. Обстоятельства этого мятежа, последствия которого явились совершенно неожиданными, остаются невыясненными. Существует мнение, что выступление Фасиля только внешне было направлено против императора, фактически же Фасиль по договоренности с Ийоасом, обещавшим ему пост гондэрского наместника, должен был расправиться с армией раса Микаэля. В пользу этого мнения говорит тот факт, что император, армия которого обычно действовала совместно с войсками раса Микаэля при подавлении всяких волнений, на этот раз отказался от похода. Микаэль двинулся против Фасиля только со своими собственными отрядами. Ийоас же тайно сообщил Фасилю, что если тот победит и убьет раса Микаэля, то за это не только не будет наказан, но, наоборот, получит награду от императора. Об императорском поручении узнала Мынтыуаб. После тяжелой смерти, по приказу императора, своего зятя раса Марьям-Бария она искала только случая, чтобы поссорить своего внука с Микаэлем и самой захватить власть. Она тотчас обо всем известила Микаэля.

После победы, одержанной над Фасилем, которому удалось бежать, Микаэль схватил императорских послан- {230}цев. Они рассказали о поручении императора. Оказалось также, что несколько отрядов, входивших в основной состав армии Ийоаса, прибыли в лагерь Фасиля для оказания ему поддержки в борьбе с Микаэлем. Трудно сказать, до какой степени эта версия является правдивой. Во всяком случае, известные до настоящего времени источники, пожалуй, подтверждают ее. Возможно, когда-нибудь в будущем в одном из монастырей будут найдены источники, которые позволят более детально и полно представить эти события. Здесь следует заметить, что в тот момент для Микаэля была очень выгодна версия о помощи императорских отрядов бунтовщикам. Ибо, когда он узнал от Мынтыуаб о подготовляемом заговоре Ийоаса, он решил свергнуть императора и захватить власть. Для реализации этого плана распространение слухов об оказании вооруженной помощи императором бунтовщикам, несомненно, было полезным.

После одержанной победы и триумфального возвращения в Гондэр рас Микаэль-Сыуль 7 мая 1769 г. созвал собрание высших духовных и светских сановников, на котором предъявил обвинения императору. Во время проходивших заседаний Гондэр контролировался исключительно войсками Микаэля; преданные ему солдаты плотным кольцом окружили место совещания.

«По приказу императора я выступил против бунтовщиков,— сказал рас Микаэль, открывая заседание,— император же в помощь бунтовщикам направил верных себе людей. Во время боя один из них, выполняя поручение своего властителя, пытался меня убить, но плохо прицелился, и погиб один из находившихся рядом со мной солдат».

После долгой дискуссии, во время которой часть собравшихся высказалась за заключение императора в тюрьму, а часть за умерщвление его, было решено, что Ийоас заслуживает смерти через удушение муслиновой шалью. Спустя неделю по приказу Микаэля император был задушен. Вся власть в государстве перешла в руки гондэрского наместника. Оказалось, что последняя политическая интрига ничего не принесла ытеге Мынтыуаб. Рас Микаэль-Сыуль

отнюдь не собирався делиться с нею властью. Мынтыуаб, не имея практически ни возможностей {231} для открытой борьбы против раса Микаэля (поскольку ее союзники из куара уже в основном были удалены с важнейших постов), ни прежней энергии, утраченной в связи с преклонным возрастом, отошла от политической жизни и остаток своих дней провела в основном ею монастыре Кускуам. Так закончилась карьера одной из самых выдающихся женщин в политической истории Эфиопии. Отход Мынтыуаб от политической жизни совпал с концом краткой, но блестящей карьеры небольшого народа куара, который никогда до этого в истории Эфиопии не играл столь значительной политической роли, какая выпала ему на долю в первой половине XVIII в. Не играл он ее и никогда позже, если не считать того политического феномена, каким явился император Теодрос II, вышедший именно из этого народа. Но в последнем случае роль была гораздо менее значительной, чем во времена ытеге Мынтыуаб.

Планируя свержение Ййоаса и отдавая совершенно четко себе отчет в том, что отсутствие императора может почти автоматически привести к росту центробежных стремлений и внутренней борьбе, рас Микаэль заранее подумал о его наследнике. Им был Йоханныс II, сын Иясу I, брат Бэкаффы. Император Бэкаффа, прославившийся жестокими методами расправы со своими политическими противниками, именно Йоханнысу приказал отсечь руку, когда тот пытался бежать из Уохни-Амба. Рас Микаэль-Сыбуль, человек большого честолюбия, опирался прежде всего на провинцию Тигре, но вместе с тем он был решительным сторонником сохранения любой ценой политического единства Эфиопии. Символом этого единства являлся император. Однако Микаэль, желая править сам, решил посадить на императорский престол такого человека, который бы выполнял исключительно роль марионетки. Йоханныс наилучшим образом подходил для такой роли. Когда в мае 1769 г. его привезли в Гондэр из Уохни-Амба, это был уже 70-летний старец, совсем не интересующийся политикой. Йоханныс, проведя почти всю свою жизнь в Уохни-Амба, где он писал песни и вел богословские диспуты, вовсе не думал о власти, когда за ним прибыли посланники раса Микаэля и почти силой привезли в Гондэр. Собрание высших светских и духовных са-{232}новников, которому Микаэль представил своего кандидата на пост императора, пыталось возражать против этой кандидатуры, ссылаясь на то, что немощный, безрукий и не имеющий ни малейшего опыта в управлении государством Йоханныс не может справиться с предназначенной ему ролью. Собравшиеся не отдавали себе отчета в том, что все эти качества почти идеально отвечали политическим намерениям раса Микаэля. Рекомендация последнего, заявившего, что если новому императору будет нужна помощь при посадке на мула, то он лично готов поддерживать ему каждый раз стремя, победила окончательно; Йоханныс стал императором. В целях формального утверждения своей позиции гондэрского наместника и для увеличения своего престижа в глазах народа рас Микаэль выдал свою внучку Уолетэ-Сылласе замуж за императора.

Император Йоханныс правил едва лишь несколько месяцев. Отдаваясь целиком изучению книг и не желая принимать даже формального участия в государственных делах, он не оправдал надежд раса Микаэля. Йоханныс отказывался находиться вместе с армией, не выступал публично. Такой марионеточный властитель, даже не желавший показываться перед народом вместе с расом Микаэлем, стал последнему неудобен, тем более что Йоханныс продолжал настаивать на своем возвращении в Уохни-Амба. 7 октября 1769 г. по приказу Микаэля императора отравили.

В 1769 г. в Эфиопию прибыл один из самых известных европейских путешественников, которые когда-либо посещали эту страну. Это был англичанин Джеймс Брюс². Он оставался в Эфиопии до 1771 г., поддерживал близкие отношения с расом Микаэлем и с другими известными людьми, изучил местный язык. Джеймс Брюс оставил многотомные воспоминания, которые являются очень ценным источником по истории Эфиопии того периода.

После смерти Йоханныса II рас Микаэль поставил новым императором его 15-летнего сына, Тэкле-Хайманота II. {233} Несмотря на молодость, Тэкле-Хайманот II проявлял большую политическую зрелость и самостоятельность в действиях. Несомненно, если бы он находился у власти в другое время, то сумел бы многое совершить. В данный момент он мог только задержать процесс окончательного политического распада государства. Создавшаяся полити-

² Знаменитый шотландский путешественник Джеймс Брюс совершил многолетнее путешествие по Египту, Судану и Эфиопии, имевшее большое научное значение. — *Прим. ред.*

ческая ситуация и экономический сепаратизм отдельных областей в значительной степени предрешили упадок авторитета императорской власти. Поддерживая кандидатуру Тэкле-Хайманота на императорский престол, рас Микаэль, вероятно, стремился обеспечить себе полную власть еще на несколько лет вперед, пока тот не достигнет совершеннолетия. Возможно также, что здесь определенную роль сыграла и надежда оставить после себя достойного наследника, каким обещал быть молодой, необычайно способный император. Ибо рас Микаэль сознавал, что преклонный возраст не позволит ему слишком долго находиться у кормила государственной власти.

В противоположность своему отцу, вообще не участвовавшему в военных делах и протестовавшему особенно против ведения каких-либо войн, Тэкле-Хайманот II горячо поддерживал планы раса Микаэля относительно усмирения военной силой бунтовавших провинций. Вначале требовалось подавить мятеж, поднятый снова Фасилем. Император и рас Микаэль вместе возглавили армию, выступившую против Фасиля. В местности Фагит между двумя армиями произошла большая битва. На поле сражения осталось 10 тысяч убитых. Войска Фасиля были разбиты, сам же он сумел уйти. В этой войне пленных не брали: рас Микаэль приказал убивать всех взятых в плен. Следует отметить, что рас Микаэль, прежде практиковавший скорее политические методы, чем физическую расправу с противниками, под конец своего правления стал исключительно жестоким. По-видимому, на это повлияла также постоянно ухудшавшаяся в стране политическая ситуация, из которой этот опытный, старый политик уже не видел выхода. Во всяком случае, с битвы под Фагит Микаэль начал безжалостное подавление оппозиции, и применявшиеся по его приказу пытки противников наполнили ужасом всю страну. Например, когда был схвачен один из союзников Фасиля, то, несмотря на мольбы о сохранении ему жизни, его убили, сняли с него кожу, затем набили ее соломой и такое чучело показывали народу. Эти методы привели к противоположному результату, чем ожидалось. Бунты начали возникать с еще большей силой. Так, против Микаэля выступили рас Гошу из Амхара-Сайнт и дэджазмач Уонд из Ласты. Они располагали столь значительными силами, что рас Микаэль решил укрепить свою армию перед походом против них. С этой целью он вместе с императором направился в Аксум. Здесь, в сердце Тигре, рас Микаэль-Сыуль мог всегда рассчитывать на поддержку. В Аксуме император получил много подарков, а рас Микаэль пополнял ряды своей армии.

В это время взбунтовавшиеся отряды заняли Гондэр, объявили о низложении Тэкле-Хайманота II и провозгласили императором Сусныйоса, внука императора Иясу II. Отстраненная от политической жизни ытеге Мынтыуаб, считая, что ей, может быть, удастся в этой неясной ситуации вернуться на политическую сцену, прибыла в Гондэр. Однако, ничего не добившись, она вскоре вернулась в Кускуам.

Зато новые обстоятельства оказались очень благоприятными для Фасиля. Когда он узнал о свержении Тэкле-Хайманота II, он тотчас же направился в Гондэр, рассчитывая на получение какого-нибудь высокого поста при новом правителе. Тем временем, однако, ему преградили путь отряды Гошу, Уонда и других крупных феодалов, которые также стали во главе оппозиции, выступавшей против раса Микаэля. Тогда Фасиль, видя, что в этих условиях поддержка Сусныйоса не принесет ему никаких личных выгод, переориентировался и заявил, что он признает законным властителем только Тэкле-Хайманота II. Более того, он начал распространять слухи о том, что Сусныйос вовсе не является настоящим внуком Иясу II, за которого он себя ложно выдает.

Вскоре Тэкле-Хайманот II и рас Микаэль, собрав мощную 40-тысячную армию, двинулись к Гондэру. Узнав о приближении этой армии, Сусныйос, брошенный своими союзниками, бежал из столицы вместе с горсткой солдат и укрылся в лесах, раскинувшихся на запад от {235} озера Тана. Не встречая на пути никакого сопротивления, Тэкле-Хайманот и рас Микаэль вступили в столицу. Предварительно они помирились с Фасилем, который стал называться Фасиль Могучий.

По возвращении императора в Гондэр начались широко задуманные репрессии несмотря на то, что все те, кто предал его, перейдя на сторону Сусныйоса, теперь поспешно воздавали ему почести и выражали свою лояльность. Многие знатные люди, поддерживавшие Сусныйоса, в том числе и духовные лица, были повешены. Некоторым была дарована жизнь, но им выкалывали глаза. Начиная с октября 1770 г. в течение многих недель продолжались публичные

казни. Весь Гондэр тонул в крови.

Со времени этой кровавой расправы рас Микаэль почти не оставлял Гондэра. В 1770 г. ему исполнилось уже 70 лет. Он все чаще недомогал, в результате чего власть постепенно уходила из его рук. Вдобавок по всей стране прошли очередные бунты. Наиболее крупный из них вспыхнул в Бэгемадере в начале 1771 г. Взбунтовавшиеся отряды, разрушая и сжигая все на своем пути, заняли округ Дэмбия и подошли к Гондэру. Тогда рас Микаэль еще раз решился сам выступить в поход во главе 25-тысячной армии. Количество войск, выступивших против императора, неизвестно. 6 мая 1771 г. (по другим источникам 1772 г.) обе враждебные армии встретились южнее Гондэра, около Сыбэркуаза. Битва ничего не решила. Благодаря большому опыту и отваге раса Микаэля его войска, несмотря на меньшую численность, не были разбиты, и если можно говорить об успехе какой-либо из сторон в положении, когда обе армии сохранили свои основные силы, то он выпал на долю именно раса Микаэля. На следующий день после битвы главные руководители мятежа Гошу и Уонд направили посланников к императору для того, чтобы выразить свою лояльность и обещание служить ему при условии, если он отошлет раса Микаэля в Тигре. Тэкле-Хайманот II отклонил это предложение. 19 мая битва началась снова, однако ее прервал проливной дождь. На следующий день обе армии вновь вступили в сражение. И на этот раз оно не решило спора, хотя можно говорить о большом успехе императорской {236} армии, поскольку она потеряла убитыми только 3 тысячи человек, тогда как противник потерял 10 тысяч солдат.

23 мая произошла третья битва под Сыбэркуазом. Здесь победа склонилась на сторону противников раса Микаэля, который в окружении своих солдат из Тигре покинул поле боя в тот момент, когда стало ясно, что он терпит поражение.

Рас Микаэль вместе с императором укрылись в Гондэре, окруженном взбунтовавшимися отрядами. После кратковременной осады последние преданные расу Микаэлю солдаты сложили оружие. Тогда он был схвачен и вывезен из Гондэра. Существует несколько версий о дальнейшей судьбе этого самого выдающегося в XVIII в. политического деятеля из Тигре. Согласно одной из них, он находился в течение года в тюрьме в Центральной Эфиопии, а затем его выслали в Тигре, где он умер в возрасте 88 лет. В соответствии с другой, более правдоподобной, рас Микаэль погиб намного раньше, он был убит по приказу раса Гошу, обвинившего его в убийстве Ййоаса.

После отстранения от власти раса Микаэля главную роль в Гондэре начал играть рас Гошу, поддерживаемый дэджазмачем Уондом. Император Тэкле-Хайманот II пока был оставлен на престоле, однако фактически он не располагал никакой властью, все решал рас Гошу, занявший пост гондэрского губернатора. Спустя некоторое время Тэкле-Хайманот II попытался вернуть себе власть: он приказал арестовать и заключить в тюрьму раса Гошу. Но последнему удалось освободиться с помощью войск дэджазмача Уонда, после чего оба крупных феодала свергли Тэкле-Хайманота II. Императора выслали в Уальдыбба, где он умер в 1777 г., через несколько месяцев после отречения от престола.

Гошу и Уонд посадили на императорский престол Сэломона, сына абето Аданэ, несмотря на то что законным наследником трона был сын Тэкле-Хайманота II, Уольдэ-Сэломон. Новый император правил очень мало — с сентября 1777 г. до июля 1779 г. Будучи полностью послушным требованиям феодалов, которые возвели его на престол, он ничем особенным не отличился в истории Эфиопии и был совершенно бесцветной личностью. {237}

ТЭКЛЕ-ГИЙОРГИС — «ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ИМПЕРАТОРОВ»

После падения раса Микаэля-Сыуля политическое положение Эфиопии продолжало ухудшаться. Его преемник на посту гондэрского губернатора был деятелем значительно меньшего масштаба. К тому же ему была свойственна провинциальная узость политического мышления, и он не ставил общегосударственные интересы выше интересов собственного рода, как это делал рас Микаэль. Такая позиция гондэрского губернатора являлась еще одним, хотя, естественно, только дополнительным, фактором, способствовавшим внутреннему политическому ослаблению страны. Множилось количество претендентов на престол. Некоторые феодалы

стали собирать вокруг себя богословов, которые на основе «святых книг» старались теоретически доказать право этих феодалов на власть. В стране ходили многочисленные предсказания относительно будущего императора. Это еще увеличивало хаос.

В такой ситуации в 1779 г. императорскую власть взял в свои руки Тэкле-Гийоргис, брат Тэкле-Хайманота II. Он получил императорский трон с помощью раса Уольдэ-Сылласе и раса Киффу-Адьяма, феодалов, правивших в Дамоте и Тигре. Тэкле-Гийоргис в период первого своего правления (позднее он еще несколько раз был императором) пытался объединить страну под своей властью. В существовавших тогда условиях, когда феодалы чуть ли не всех провинций выступали против сильной центральной власти, эта задача являлась почти невыполнимой, тем более что император не имел сильной армии, а объективная ситуация благоприятствовала феодальной раздробленности. В то время в Эфиопии не было ни одной социальной группы, на которую мог бы опереться император, стремясь укротить своеволие крупных феодалов. Императорская казна была пуста. Все налоги и повинности забирали себе феодалы, правившие отдельными провинциями и округами.

Тэкле-Гийоргис, намереваясь укрепить свою власть, пытался изменить податную систему. В частности, он начал вводить налоги в Бэгемдыре — в провинции, освобожденной от такого рода повинностей во времена правления предшествовавших императоров. Намерения императора вызвали бурный протест в Бэгемдыре. Как записано в одной из хроник, местные феодалы на распоряжение императора ответили следующее: «Как не может быть в городе джунглей, так и в Бэгемдыре налогов... Управляй нами так, как твои предки, и мы будем поддерживать твой трон, как поддерживали трон твоих предков».

Император не смирился с этим открытым вызовом и заявил, что он обладает полнотой власти и будет править так, как считает нужным, реализуя до конца свою политику. В ответ во всем Бэгемдыре вспыхнул бунт. Его предводители пригрозили императору, что «если он не изменит своей политики, то они сменят повелителя». В связи с возрастающей оппозицией в 1784 г. Тэкле-Гийоргис вынужден был оставить престол. Формально эта дата является началом периода удельной раздробленности в Эфиопии. {239}

Глава XIII **«ВРЕМЕНА КНЯЗЕЙ»**

НАЧАЛО УДЕЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Со второй половины XVIII в., точнее с 1784 г., т. е. с конца правления Тэкле-Гийоргиса — «последнего из императоров» гондэрской линии, как его называет эфиопская традиция, — в Эфиопии наступил период удельной раздробленности, продолжавшийся почти до 1855 г. По той же традиции этот период получил название «времена мэсафынтов», или «времена князей». Это был период значительного упадка авторитета императорской власти и почти полной самостоятельности мэсафынтов и других крупных феодалов чуть ли не на всей территории Эфиопии, за исключением провинций, подчинявшихся в отдельные годы в большей или меньшей степени гондэрским правителям.

Период феодальной раздробленности в Эфиопии наступил в результате длительного исторического процесса. Со времени завершения великого мусульманского нашествия в XVI в. ни одному императору не удалось реализовать до конца централистические планы. Основная причина этого крылась в том, что Эфиопия, полностью разоренная нашествием Граня, в течение многих десятилетий не смогла оправиться от экономической катастрофы, которую принесла эта разрушительная война. Экономический и культурный подъем при Иясу I Великом, Бэкаффе и Иясу II не сопровождался политической централизацией страны.

В первой половине XVIII в. хозяйственная жизнь развивалась внутри отдельных областей. Между провинциями тесных экономических связей не складывалось, не было общезиопского внутреннего рынка. Экономические реформы Иясу I на рубеже XVII и XVIII вв., а также {240} наблюдавшийся в это время заметный рост торговых связей с внешним миром, и прежде всего с Йеменом и Египтом, действительно способствовали расцвету самой столицы Гондэр и

провинций, через которые шли торговые пути к побережью. Однако все это не привело к экономической интеграции страны. В данный период, кроме императора и его двора, в укреплении центральной власти могло быть заинтересовано купечество, однако его влияние в государстве было ничтожным.

Эфиопская историография считает, что во «времена мэсафынгов» центральная власть пришла в полный упадок. Европейские авторы придерживаются того же мнения. Однако представляется, что перед историком, который займется детальным изучением истории Эфиопии 1784—1855 гг., неизбежно возникнет вопрос: действительно ли факт падения императорской власти равнозначен полному упадку центральной власти? Думается, что нет.

Нельзя автоматически приравнивать период удельной раздробленности в Эфиопии к временам феодальной раздробленности, известным из истории некоторых европейских государств, так как в Эфиопии центральная власть продолжала существовать почти в течение всего «времени князей», за исключением нескольких первых лет. Только осуществлял ее не император, и ее масштабы значительно уменьшились по сравнению с периодом расцвета империи. После Тэкле-Гийоргиса гондэрское губернаторство в 1784 г. перешло к роду Серу-Гуангуль, правившему до 1853 г. Таким образом, власть в Гондэре перешла в руки новой династии, которая стала фактически управлять страной и только из тактических соображений не возводила на престол императора представителей собственного рода.

ВОЗВЫШЕНИЕ РОДА СЕРУ-ГУАНГУЛЬ. ГОНДЭРСКИЕ НАМЕСТНИКИ

Карьера рода Серу-Гуангуль является чрезвычайно интересной, несомненно, заслуживающей самостоятельного исследования. Род Серу-Гуангуль происходил из галла-йеджу. Начало ему положил, как по крайней мере утверждает традиция, шейх Омар (Умар), поселившийся во {241} время великой войны с исламом в Йеджу. Первым представителем этого рода, начавшим после переселения в Гондэр играть значительную роль, являлся абба Серу-Гуангуль. Укрепить политически ему помог брак с Гэллебу, дочерью раса Фариса, знатного феодала из Ласты. Думается, что рост влияния представителей из галла-йеджу и галла-уолло во время правления Ийоаса помог и карьере Серу-Гуангуля.

Уже с 1774 г. Али, сын Гуангуля, умершего в 1777 г., был правителем Бэгемдыра. В 1784 г. он стал гондэрским губернатором, и с этого момента род Серу-Гуангуль в течение 69 лет удерживал этот пост в своих руках. Это было большим достижением рода, тем более если учесть, что он принял христианство только при Гуангуле. Последнее обстоятельство давало возможность политическим противникам Серу-Гуангуля объявлять чуть ли не крестовые походы против узурпаторов, как они утверждали, из Гондэра. Несмотря на это, семь последующих гондэрских наместников, происходивших из этого рода (исключая 1793—1799 гг., когда правили дяди раса Али, братья его матери, рас Асрат и рас Уольдэ-Гэбрыэль), сумели удержаться под большим или меньшим контролем Бэгемдыр, Уолло, Дэланта, Уадла, Агоу, Ласту и Йеджу, хотя временами некоторые провинции выходили из подчинения. Естественно, годы правления Асрата и Уольдэ-Гэбрыэля также следует причислить к периоду гегемонии рода Серу-Гуангуль.

Фактическая власть гондэрских наместников сохранялась на значительной территории Эфиопии, с той, однако, существенной разницей, что не императоры назначали гондэрских наместников, а гондэрские наместники — императоров. Бывали такие времена, когда в стране существовали одновременно несколько императоров, поддерживаемые различными борющимися между собой группировками феодалов.

Когда в 1784 г. первый представитель из рода Серу-Гуангуль рас Али Великий (это дополнение к имени было дано позднее) получил власть в Гондэре, страна страдала от внутренних войн. Против императора Иясу III, находившегося с 1784 г. на престоле, выступил рас Гэбрэ-Мэскэль, который провозгласил императором Бэйдэ-Марьяма. Другие крупные феодалы также выдвигали своих кандидатов. В 1788 г. в Эфиопии оказалось сразу четыре императора: Иясу III, Бэйдэ-Марьям, Тэкле-Хайманот и Тэкле-Гийоргис.

В 1788 г. рас Али Великий умер. В том же году был свергнут Иясу III, также вскоре

умерший. Бэйдэ-Марьям был на престоле два года. Одновременно с ним был провозглашен императором Хызкьяс (1788—1794), а в 1789 г. — снова Тэкле-Гийоргис. В последние годы XVIII в. марионеточные императоры менялись очень часто, пока в Гондэре не укрепилась власть Серу-Гуангуль.

Первые годы правления династии Серу-Гуангуль вызвали особенно сильную оппозицию со стороны знатных семей, которые не хотели допустить господства рода из племени йеджу. Оппозицию возглавили рас Уольдэ-Сылласе из Ындэрти, рас Гэбрэ-Мэскэль из Тэмбена, а также рас Хайлу из Годжама.

Во время правления гондэрского наместника раса Алигаза (1788—1793), брата раса Али Великого, а также в 1793—1799 гг., когда этот пост находился в руках их дядей, непрекращавшиеся внутренние войны приводили к частой смене императоров. Случаи одновременного правления нескольких императоров продолжали повторяться. Такие периоды вызывали внутренний хаос в стране, возраставший в связи с тем, что к каждому императору тотчас присоединялись многочисленные сторонники. Они рекрутировались главным образом среди ба-лаббатов, надеявшихся получить привилегии в случае окончательной победы кандидата, поддерживаемого ими.

Непрестанные внутренние войны чрезвычайно тяжело сказались прежде всего на положении деревни. Почти не прекращавшееся движение военных отрядов, забиравших продовольствие у крестьян и уничтожавших посевы, приводило к обезлюдению целых районов страны. Отсутствие сильной централизованной власти вело к тому, что не соблюдалось никаких законов, которые бы регулировали повинности крестьян, достигавшие огромных размеров даже в мирное время. Позднее в деревне, более всего страдавшей от феодальных войн, найдут самый живой отклик любые попытки объединить страну, ибо для крестьян-ина было предпочтительнее установленное сильной центральной властью даже высокое обложение, но твердо определенное и не зависящее от своеволия отдельных феодалов и нескончаемых военных реквизиций.

В последние годы XVIII в., когда царил полный беспорядок, некоторое просветление принесла деятельность раса Мэрыда, правившего Годжамом после смерти своего отца, раса Хайлу. Он несколько укротил самоуправство феодалов в деревне, ликвидировал распоясавшиеся банды бывших солдат, бродившие по стране и грабившие население. Он применял жестокие наказания за неподчинение приказам, абсолютно не считаясь с происхождением. В результате в Годжаме на некоторое время установились спокойствие и порядок. В деревне начался некоторый подъем. Рас Мэрыд стал очень популярной личностью среди крестьян, но феодалы ненавидели его. Рас Мэрыд правил недолго: он погиб в одной из очередных междоусобных войн.

После нескольких лет политического хаоса пост гондэрского губернатора, наконец надолго, перешел в руки раса Гугсы. Он занимал его с 1799 по 1825 г. В этот период он возвел на императорский престол поочередно Ыгуале-Цыйона (1801—1818 гг.), Ийоаса II (1818—1821 гг.) и Гигара (1821—1826 гг.). Его время характеризуется относительной политической стабилизацией в Гондэре.

Рас Гугса удерживал власть с помощью огромной армии, численностью в несколько десятков тысяч солдат. Самыми грозными его противниками были старый рас Уольдэ-Сылласе и рас Гэбре из Сымена. В 1805 г. рас Гугса решил окончательно расправиться с расом Гэбре. Он выступил против него во главе 60-тысячной армии, состоявшей из 40 тыс. пехотинцев и 20 тыс. конников, и разбил его. Но оставался рас Уольдэ-Сылласе. Он управлял провинцией Тигре и имел большую армию, однако не настолько сильную, чтобы дерзнуть завоевать Гондэр. После смерти в марте 1816 г. раса Уольдэ-Сылласе (он умер в возрасте 80 лет) в Эфиопии уже не осталось ни одного могущественного феодала, который поставил бы своей целью свергнуть с поста гондэрского губернатора раса Гугсу. {244}

Поддерживаемый уолло и йеджу и имевший в распоряжении прекрасных воинов из галла-рая и галла-азэбо, рас Гугса установил свое господство на значительной территории Центральной Эфиопии. Его авторитет еще более возрос, когда ему удалось победить правителя Дамота, дэджазмача Зоуде. Этот феодал, стремясь захватить власть в Гондэре, собрал крупные силы и во главе их двинулся сначала против Годжама, правителем которого был союзник Гугсы дэджазмач Гуалу. Зоуде выиграл битву у Гуалу, но тогда против него выступил Гугса и раз-

бил его армию. Зоуде был заключен в тюрьму и поселен на одном из островов озера Тана. После этого гондэрскому губернатору подчинилась провинция Дамот и значительная часть Южной Эфиопии. Вне сферы его власти оставались Тигре и Шоа — провинции, сами стремившиеся к политической гегемонии в государстве.

Внутренние волнения в стране рас Гугса пытался усмирять не только с помощью оружия. Он проводил политику сглаживания этнических конфликтов и религиозных споров, чем завоевал большой авторитет. Рас Гугса умер 23 мая 1825 г. и был торжественно похоронен в Дэбрэ-Таборе.

После смерти раса Гугсы на два года гондэрским губернатором стал его сын, рас Йи-мам. Сразу же начались попытки свергнуть нового губернатора и вместе с ним династию Серу-Гуангуль. Против раса Йимама выступил правитель провинции Сымен дэджазмач Хайле-Марьям, который выдвинул собственного императора и намеревался посадить его в Гондэра. Ему удалось подойти с войском близко к окрестностям Гондэра. Здесь его встретила армия раса Йимама. Во время сражения войска дэджазмача Хайле-Марьяма были разбиты, а сам он погиб. За смерть отца пытался отомстить его сын и наследник дэджач Уыбе. Однако и он проиграл битву при Уогэра и возвратился в Сымен, но провинция не признала власть раса Йимама и налогов ему не платила. После смерти раса Йимама в 1827 г. преемником стал его брат рас Марйе, правивший с 1827 по 1831 г.

В это время сын дэджача Зоудедэджач Гошу, получивший в управление провинцию Годжам, почувствовал себя настолько сильным, что отказался платить налоги {245} гондэрскому губернатору. Начались волнения в провинции Сымен, и дэджач Сэбагадис, владевший Агаме, также отказал ему в повиновении. После нескольких походов рас Марйе заставил Годжам и Сымен признать власть и платить налоги. Только дэджач Сэбагадис продолжал сохранять независимость и пренебрежительно отзывался о расе Марйе. Сэбагадис славился не только как необычайно храбрый воин, но и как мудрый правитель своей области, начавшей при нем быстро экономически развиваться.

Заручившись поддержкой дэджача Уыбе, правителя Сымена, рас Марйе выступил против Сэбагадиса. В январе 1831 г. в местности Май-Ысламай на берегу реки Тэкэзе произошла решающая битва. Войска дэджача Сэбагадиса были разбиты, а он сам попал в плен, но через несколько часов все изменилось: на помощь Сэбагадису подоспел его сын, дэджач Хагос. В начавшемся снова сражении Хагос убил раса Марйе, но затем погиб и сам. Из этой битвы, принесшей поражение армии Сэбагадиса и смерть расу Марйе, выгоду извлек дэджач Уыбе, получивший огромное количество трофейного оружия.

С этого момента начало быстро расти могущество дэджача Уыбе. Вскоре он управлял уже провинциями Хамасен и Тигре и начал думать о захвате верховной власти над всей Эфиопией.

Преемником раса Марйе стал рас Дори. Он правил только в течение трех месяцев 1831 г. После его смерти пост гондэрского губернатора перешел к племяннику раса Гугсы, расу Али Малому. Это укрепившееся за ним прозвище «Малый» никак нельзя отнести к оценке его правления, так как, несомненно, он был наряду с расом Гугсой самым выдающимся гондэрским наместником из династии Серу-Гуангуль. Рас Али Малый в конце правления перенес свою резиденцию из Гондэра в Дэбрэ-Табора, благодаря чему этот город стал быстро развиваться.

Как и прежде при смене императорского наместника, так и на этот раз ряд провинций воспользовались случаем, чтобы отказаться от уплаты налогов новому правителю. Расу Али Малому отказались подчиниться правитель Годжама Гошу и его сын Бырру, правитель Дамота, а также дэджач Уыбе, которому рас Дори передал в управление {246} провинцию Тигре в награду за участие в битве на стороне раса Марйе.

Тогда рас Али Малый решил провести шум шыр. Он призвал из Йеджу верных себе феодалов и назначил их губернаторами Дамота, Годжама и Агоу-Мыдыр. Он поставил перед ними только одно условие: власть в этих провинциях они захватят сами, хотя и с помощью его армии. Так, дэджазмач Сьюм-Бэкахань получил Годжам, дэджазмач Мэшэша-Баббу — Дамот и дэджазмач Адойе-Баббу — Агоу-Мыдыр.

Новые губернаторы во главе войск из Йеджу и Бэгемдыра направились занимать свои посты. В местности Дэрэбе-Меда — Сыкут им преградили путь войска Гошу и Бырру. Армия

раса Али Малого потерпела поражение. Тогда же погиб прославившийся на всю Эфиопию воин дэджамач Сьном-Бэксахэнь. Гошу и Бырру одержали победу и над другой армией, высланной против них расом Али Малым. Тогда рас Али Малый решил изменить тактику, особенно в связи с тем, что на севере ему угрожал другой сильный соперник — дэджач Уыбе, владевший Тигре, Сыменом и Хамасеном и готовый в любую минуту выступить против Гондэра. Рас Али признал власть Гошу в Годжаме и Бырру в Дамоте. Таким путем ему удалось примириться с ними.

Укрепляя свои позиции в Гондэре и Бэгемдыре, а также в других подчинившихся ему провинциях, рас Али Малый прекратил агрессивные военные походы в целях расширения сферы своего влияния и больше внимания начал уделять экономическому развитию подвластных ему территорий.

При расе Али Малом императорами поочередно назначались Гэбрэ-Крыстос, Сахле-Дынгьль (дважды) и Йоханныс III. Как и его предшественники из династии Серу-Гуангуль на посту гондэрских правителей, рас Али Малый тщательно соблюдал старинные христианские обычаи, а все конфликты старался улаживать дипломатическим путем. Лишь в тех случаях, когда другие средства не приносили желаемого результата, он прибегал к помощи оружия. Он понимал, что оппозиция в борьбе против его власти постоянно выдвигает обвинения в том, что род Серу-Гуангуль не имеет ничего общего с «Соло-^{247}моновой династией», что он поддерживает мусульманские обычаи и, опираясь на племена галла-йеджу и галла-уолло, пытается сделать их господствующими во всем государстве.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРОВИНЦИИ — ГОНДЭР, ТИГРЕ И ШОА

Между тем на севере росло могущество провинции Тигре. Эта область была исторической колыбелью Эфиопской империи¹ и всегда занимала видное место в истории страны, теперь же наряду с провинцией Шоа она начала претендовать на ведущую роль в стране. После разгрома в 1831 г. дэджамача Сэбагадиса, самого сильного соперника в борьбе за власть в провинции Тигре, дэджамач Уыбе стал самым могущественным феодалом Северной Эфиопии. Наиболее серьезными политическими противниками, еще пытавшимися оказывать ему сопротивление, были сыновья Сэбагадиса, дэджач Касай из Агаме, дэджач Гэбрэ-Руфаэль из Тэмбена и кэнтиба Хайлу из Хамасена. Когда в 1832 г. в период дождей Уыбе отправился в свой родной округ Сымен, сыновья Сэбагадиса решили воспользоваться его отсутствием и занять Тигре. Дэджачу Касай удалось захватить Адуа.

В 1833 г. Уыбе во главе 60-тысячной армии выступил против своих соперников. В войне с ним приняли участие только дэджач Касай и кэнтиба Хайлу, располагавшие 30-тысячным войском, ибо дэджач Гэбре-Руфаэль отступил в Тэмбен. Решающая битва произошла в местности Фэрэс-Май. Уыбе одержал победу. Касай, Хайлу и Гэбрэ-Руфаэль признали его власть и обязались платить дань. Позднее дэджач Касай еще раз пытался сопротивляться Уыбе, но был захвачен в плен и сослан на Амба-Фэзан, где он находился до прихода к власти императора Теодроса II.

В 30-е годы XIX в. в Эфиопии существовали следующие самостоятельные политические объединения: 1) Гондэр, где правил рас Али Малый. Его власть признавали ^{248}Бэгемдыр, Дамот, Дэмбия и несколько других, менее крупных округов Центральной Эфиопии; 2) Тигре и Сымен с дэджачем Уыбе, контролировавшим также и Ласту; 3) Шоа, где правил ныгусэ Сахле-Сылласе. Фактически независимым был и Годжам, хотя его правитель Гошу формально признавал власть раса Али Малого.

На рубеже 30-х и 40-х годов силы дэджача Уыбе значительно возросли. Имея хорошие отношения с турками, владевшими побережьем Красного моря, правитель Тигре обеспечил свои войска новым, огнестрельным, оружием. Контакты с внешним миром способствовали и экономическому развитию Тигре. В 1841 г. дэджач Уыбе почувствовал себя настолько сильным, что начал помышлять о захвате императорской короны. С этой целью он направил в Египет своего представителя, алека Хабтэ-Сылласе, чтобы тот привез нового абунэ вместо умер-

¹ Имеется в виду прежде всего историческая роль Тигре в преакумский и акумский периоды. — *Прим. ред.*

шего несколько лет назад главы эфиопской церкви. Новый абунэ Сэлама, прибывший в 1841 г., остался при Уйбе. Последний, намереваясь захватить императорский трон, начал распространять слухи о своем роде, который якобы происходил от царя Соломона и царицы Савской. Затем во главе 20-тысячной армии, при которой находился и абунэ Сэлама, Уйбе двинулся в направлении Дэбрэ-Табора, где в то время располагались силы раса Али Малого, состоявшие из войск провинции Бэгемдыра, Дамота и Годжама, а также набранные из племен уолло, йеджу, рая, азэбо. В январе 1842 г. Уйбе вступил в Дэбрэ-Табор. Тотчас на его сторону перешли многие сановники, в том числе и император-марионетка Йоханнэс III. В феврале того же года в районе Дэбрэ-Табора произошла решающая битва. Она закончилась победой войск дэджача Уйбе. Рас Али Малый оставил поле боя. Победители торжествовали свою победу.

Между тем в дальнейшем события приняли совершенно неожиданный оборот. Один из самых отважных полководцев армии раса Али по имени Алигаз собрал рассеянные, но не деморализованные отряды галла и неожиданно ударил по пирующим в городе победителям, разбив их в пух и прах. Уйбе попал в плен. Рас Али Малый, находившийся довольно далеко от поля боя, не ожидал такого поворота событий. Приняв от Уйбе выкуп и присягу {249} в повиновении, рас Али Малый приказал его освободить. Уйбе обязался платить налоги.

В результате этой войны силы дэджача Уйбе значительно ослабли, и он пока не мог думать о завоевании политической гегемонии в государстве. Через несколько лет между расом Али и Уйбе дело снова дошло до вооруженных конфликтов. Но и они не принесли окончательного решения вопроса.

В начале 50-х годов к уже имеющимся двум сильнейшим противникам прибавился третий — дэджач Каса. На пути к достижению своих целей он окончательно разбил как силы раса Али Малого, так и дэджача Уйбе, подчинив своей власти их провинции.

Одержанная 29 июня 1853 г. победа Касы над войсками раса Али Малого в битве при Айшале положила конец господству династии Серу-Гуангуль в Центральной Эфиопии. Рас Али Малый укрылся в Йеджу, откуда происходил его род, и до дня своей смерти (1866) он уже не играл никакой политической роли. Некоторые историки считают, что битва при Айшале завершила «времена князей». Однако и фактически и формально этот период закончился лишь спустя два года, когда в 1855 г., разбив всех своих главных противников, Каса короновался императором Эфиопии, приняв имя Теодроса II.

РОСТ ЗНАЧЕНИЯ ПРОВИНЦИИ ШОА

Во «времена мэсафынгов» провинция Шоа являлась отдельным и почти самостоятельным государством. Становясь все более крупной политической и экономической силой, Шоа в конце XIX в. достигла наконец, после длительной борьбы с Тигре, политической гегемонии в государстве. Обособленное географическое положение, а также сохранявшаяся сильная власть шоанских князей внутри провинций спасли ее от разорения, постигшего другие эфиопские земли в результате гражданских войн во «времена мэсафынгов». Несомненно, это благоприятствовало и крепкой экономической позиции Шоа по сравнению с другими провинциями. Экономическое развитие Шоа явилось позднее одним из основных факторов, обеспечив- {250} ших шоанской династии завоевание императорской власти.

Политическая история Шоа связана с династией князей, ведущих свое происхождение от императора Либнэ-Дынгыля. Как уже указывалось, император Либнэ-Дынгыль во время нашествия Граня, покидая Шоа, оставил там своего сына Яькоба. Молодой князь военные события переждал в труднодоступных районах округа Мэнз, благодаря чему остался в живых. После него осталось несколько сыновей, один из которых, Гэрам-Фасиль, был отцом аце Сусныйоса, а от другого, Сыгыуо-Каля, вели свою линию шоанские князья.

До второй половины XVII в. ни один из феодальных родов не мог добиться политической гегемонии в Шоа. Не добились большого значения и потомки Яькоба — абето Сыгыуо-Каль, а затем его сын абето Уорэдэ-Каль. Позицию рода несколько укрепил абето Либсэ-Каль, заключивший брак с уойзэро Сэнбелът, дочерью одного из крупнейших феодалов. Однако и ему не удалось объединить под своей властью значительной территории. Сколь сильна была феодальная раздробленность в Шоа еще во второй половине XVII в., свидетельствует следую-

ший список феодалов, правивших почти независимо в своих округах, выплачивая лишь небольшую дань скотом и зерном императорскому сборщику налогов — цэхафе ламу. Так, в округе Анцокия правил Зэмикаэль, в Эфрате — Уольдэ-Гэбрыэль, в Гыддыме — Лета, в одной части Мэнза — Маммо, в другой — Лало, в Гыше — Аусабийос, в Доба — Гетачоу, в Дэбыб — Цэга, в Мэрабете и Кора — Уольду, в Морэт — Тыду, в Тэгулете — Йигэбауаль, в Уогда — Хырьякос.

Лишь сын Либсэ-Каля абето Нэгаси (Нэгаси-Крыстос) настолько укрепил свои силы, что смог объединить Шоа под своей властью. В 1672 г. (по другим данным, в 1675 г.) в Мэнзе абето Нэгаси созвал великое собрание балаббатов и объявил себя властителем всей Шоа. Часть феодалов не признала верховной власти Нэгаси и выступила против него с оружием в руках. В течение десяти лет длились войны, пока, наконец, в 1682 г. крупная победа войска Нэгаси при Гера над объединенными отрядами враждебных феодалов не утвердила его власти {251} над Шоа. В течение нескольких лет феодальная знать еще пыталась оказывать ему вооруженное сопротивление, но это уже не имело большого значения, тем более что император Иясу I Великий лично прибыл в Шоа и поддержал Нэгаси. По всей вероятности, Иясу I считал, что Гондэрской империи будет лучше, если в Шоа установится сильная власть одного князя, так как тогда провинция сможет стать надежным барьером для Гондэра, обороняющим его от наступления галла с юга.

Укрепив свою власть внутри страны и проведя ряд победоносных войн с галла, абето Нэгаси начал уделять все большее внимание экономическому развитию Шоа. Он покровительствовал развитию земледелия и ремесел, ввел постоянные налоги и взял крестьян под защиту от своеволия феодалов, а также наделял их пахотной землей, отвоеванной у галла. В 1683 г. он построил город Айне. В 1705 г. абето Нэгаси умер в Гондэре, где находился с визитом у императора Иясу I.

Эфиопская традиция считает абето Нэгаси первым правителем из шоанской династии. Преемником Нэгаси стал его сын Сыбсите. Он принял титул мэрыда азмача, заявив собравшимся родственникам и феодалам на торжественных похоронах отца: «Мой титул — мэрыд азмач. Накажу каждого, кто, обращаясь ко мне, не назовет меня мэрыд азмачем».

За время своего 15-летнего правления мэрыд азмач Сыбсите провел ряд успешных войн с галла. Обстоятельства его смерти неясны. Согласно одной версии, выдвигаемой традицией, он погиб во время вооруженного конфликта со своим сыном Абийе. Предание рассказывает, что будто бы один из солдат Абийе, без ведома начальника, убил Сыбсите. За этот поступок Абийе приговорил к смерти слишком переусердствовавшего слугу.

Заняв в 1720 г. после смерти своего отца престол шоанских князей, Абийе чувствовал себя уже настолько сильным, что отказался платить подати гондэрским императорам. Формально это означало отделение Шоа от Гондэрской империи. Карательная экспедиция Гондэра потерпела поражение.

Абийе, как и Нэгаси, заботился о развитии земледелия. Он раздавал крестьянам земли, отвоеванные у галла. {252} Ввел улучшенный плуг для обработки земли. Он поддерживал развитие ремесла, собирая в Шоа различных умельцев из других провинций, укреплял армию и заботился о ее вооружении. Абийе обеспечил себе также поддержку эфиопской церкви, даровав ей новые земли. При нем был построен Анкобэр — знаменитый город шоанских князей; до этого Абийе основал другой город — Хар-Амба. При нем были также возведены укрепления вокруг Айне.

После смерти Абийе в 1745 г. власть перешла к его сыну мэрыд азмачу Амхайесу. Амхайес значительно расширил территорию, которой владели шоанские князья, подчинив себе районы Тэра, Бульга и Мынджар. Он продолжил строительство города Анкобэр. Амхайеса за строгое выполнение установленных в Шоа законов прозвали Амхайес Справедливый. Умер Амхайес в 1775 г., оставив на престоле своего сына Асфа-Уосэна, известного своей широкой образованностью.

Новый князь был выдающимся знатоком искусства сложения песни. Со времени его правления при шоанском дворе стали высоко ценить ученых и поэтов. Асфа-Уосэн продолжал политику своих предшественников, направленную на экономическое развитие Шоа и усиление власти ее князей. Отличаясь большими военными способностями, он подчинил своей власти несколько новых областей — Гыддым, Эфрата, Анцокия, Мэрабете, Гыше, Морэт, заставив

платить их дань и тем самым признать верховную власть шоанских князей. Как и его предшественники, старавшиеся возвести хотя бы один новый храм, где их после смерти хоронили, Асфа-Уосэн построил несколько новых церквей. Он также много строил в Анкобэре, что стало как бы традицией князей Шоа.

Мэрыд азмач Асфа-Уосэн умер в 1808 г., пробыв у власти 33 года. На период его правления приходится начало удельной раздробленности Эфиопии. Когда на гондэрском престоле стали восседать марионеточные императоры, а всю страну сотрясать междоусобные войны, Шоа, находясь на юго-восточной окраине империи, вдалеке от главного района конфликтов, избежала разрушительных последствий внутренних войн. Естественно, главным фактором, защитившим эту провинцию от внешнего {253} нашествия, являлась сильная армия, которой располагали шоанские князья.

Преемник мэрыд азмача Асфа-Уосэна, его сын Уосэн-Сэгед, в отличие от своих предшественников принял титул раса. Уже в начале своего правления он торжественно заявил на собрании феодалов, что принимает титул раса и, если кто-нибудь назовет его мэрыд азмачем, тот будет наказан. Свое правление он начал также со строительства нового города и основания там храма. Заложенный им город назывался Кунди. За короткое время своего правления Уосэн-Сэгед восстановил также Дэбрэ-Бырхан — город, основанный Зэра-Яйкобом. Этим он, вероятно, хотел дать понять, что в своей политике стремится продолжить славные традиции этого великого императора. Судя по широким планам на будущее, рас Уосэн-Сэгэд намеревался даже свергнуть династию Серу-Гуангуль в Гондэре. По шоанским преданиям, Уосэн-Сэгэд был очень храбрым человеком и способным воином, но не любил в бою прибегать к хитрости. Так, выступая со своей армией против Гондэра, он направил расу Гугсе следующее уведомление: «Я происхожу из императорского рода. Кто же тебя, галла, посадил на троне моих отцов? Сейчас я собираю войска и выступлю против тебя. Готовься к бою, берегись». Однако до сражения дело не дошло. Во время похода 7 июня 1813 г. рас Уосэн-Сэгэд был убит. Видимо, он погиб от руки раба, подкупленного недовольными феодалами.

После смерти Уосэн-Сэгэда к власти пришел самый известный из правителей шоанской династии Сахле-Сылласе. Он первый принял титул ныгусэ (царя), на его печати было написано: «Сахле-Сылласе ныгусэ Шоа, Галла и Адала». Во время его правления Шоа достигла значительного экономического расцвета. Получили развитие художественные ремесла. Тогда же приобрели широкую славу изготавливаемые шоанскими ремесленниками художественные изделия из слоновой кости, рога, серебра, железа и меди. Покровительствуя развитию этих ремесел, Сахле-Сылласе установил награды за лучшие работы. Сахле-Сылласе часто находился в обществе ремесленников. Иногда и сам любил мастерить собственноручно раз-{254}личные изделия² Нет ничего удивительного в том, что все это привлекало в Шоа ремесленников со всей Эфиопии, все еще раздираемой внутренними войнами.

Положение в Шоа во «времена князей» по сравнению с другими провинциями было совершенно исключительным. Несомненно, в этом большая заслуга принадлежала и шоанским князьям, независимо от таких объективных факторов, как, например, географическое положение этой области. Все они, начиная с Нэгаси, последовательно проводили политику, целью которой было экономическое и культурное развитие провинции наряду с военным и политическим укреплением позиций собственной династии. Они являлись дальновидными политиками, понимавшими, что в итоге экономическое развитие ведет к росту военной и политической мощи. Поэтому все князья Шоа придавали большое значение развитию земледелия и ремесел.

В последние годы своего правления Сахле-Сылласе был уже настолько могущественным правителем, что начал подумывать о короне императора Эфиопии. Создававшаяся ситуация способствовала этому, так как Гондэр и Тигре находились в это время в остром конфликте и никакая другая провинция не могла мечтать о серьезном противостоянии могуществу Шоа. Стремясь получить поддержку эфиопской церкви в осуществлении своих планов объединения Эфиопии под главенством Шоа, Сахле-Сылласе построил много новых храмов. В 1840 г. он объявил веру тоуахдо, занимавшую первое место в Шоа, обязательной. Ныгусэ Шоа налаживал также контакты с внешним миром. В 1841 г. в Шоа прибыл майор У. К. Харрис как официаль-

² Как известно, ремесло в Эфиопии считалось «неблагородным» занятием, принадлежностью низших каст. — *Прим. ред.*

ный представитель британских властей в Индии. От имени английского правительства он подписал договор о дружбе с ныгусэ Сахле-Сылласе. Ныгусэ Шоа установил также дружеские отношения с Францией.

В разгар подготовки к войне за трон императора Эфиопии Сахле-Сылласе неожиданно заболел и умер. Это случилось 22 октября 1847 г. К власти пришел его сын ныгусэ Хайле-Мэлектот, также стремившийся овладеть эфиоп-^{255}ским престолом. Попытки реализации этих планов были отложены из-за тяжелой войны с Аруси. Когда, наконец, Хайлэ-Мэлектоту удалось покорить Аруси, оказалось, что в Центральной Эфиопии неожиданно вырос новый опасный конкурент, также претендовавший на эфиопский трон — дэджазмач Каса. Он, идя от одной победы к другой, вскоре поочередно разбил армию раса Али Малого, дэджазмача Уыбе и, наконец, ныгусэ Хайле-Мэлектота. В 1855 г. он провозгласил себя императором Эфиопии под именем Теодроса II, завершив дело политического объединения государства и тем самым покончив с «временами князей». ^{256}

Глава XIV

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЭФИОПИИ. РЕФОРМЫ ТЕОДРОСА II

ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Вернемся в своем рассказе несколько назад. Сороковые годы XIX в. принесли не только первые серьезные попытки объединения государства, но и очередные крупные междоусобные войны. Ни одна из соперничавших сторон не смогла обеспечить себе решительного перевеса, хотя казалось, что наибольшие шансы имела провинция Шоа, экономически развитая и представлявшая собой хорошо организованную самостоятельную область. Однако она не имела еще достаточно сильной армии, чтобы утвердить свою гегемонию над другими провинциями. Не смог осуществить своих планов подчинения всех эфиопских земель и смелый гондэрский правитель рас Али Малый. Правивший самостоятельно в Сымене и Тигре дэджач Уыбе также оказался не в состоянии перетянуть победную чашу весов на свою сторону. В результате борьбы этих правителей, а также из-за многочисленных войн между более мелкими феодалами страна разорялась, деревня обезлюдела, так как жители, спасаясь от постоянных грабежей проходящих войск, бежали в недоступные горные местности. Вдобавок, небывалых размеров достигла деятельность банд — так называемых шыфта.

В этих условиях все меры, направленные на создание сильной центральной власти, находили благоприятный отклик у бедного крестьянского населения, больше всего страдавшего от постоянных феодальных войн. Именно это обстоятельство помогло блестящей карьере человека, который добился установления своей власти над всеми эфиопскими землями и объединения государства несмотря на то, что не принадлежал к знатному феодальному роду ^{257} и происходил не из самой сильной в военном и экономическом отношении провинции. Это был Каса, будущий великий император Эфиопии — Теодрос II.

ДЭДЖАЗМАЧ КАСА. БОРЬБА С ГОНДЭРСКИМ НАМЕСТНИКОМ. ЗАВОЕВАНИЕ ТИГРЕ

Каса родился в 1818 г. в местности Шарге, в области Куара, расположенной на северо-западе от озера Тана. Напомним, что из этого народа куара, составлявшего часть агау, происходила и известная императрица Мынтыуаб. Его отец, Хайле-Марьям, был из феодального рода, не имевшего большого влияния в области Куара. Таким образом, Каса начал свою политическую карьеру не с очень высокой ступени феодальной иерархии. После смерти отца его опекуном стал дядя, дэджач Хайле-Кынфу, назначенный расом Али на пост правителя округа Дэмбия, граничившего с Куара на востоке. Это опекуновство, несомненно, повлияло на даль-

нейшую судьбу Касы. Кынфу отдал юношу в монастырь Махбэрэ-Сылласе, чтобы под приглядом монахов он получил образование.

В этот период Мухаммед Али, правитель Египта (государства, находившегося в номинальной зависимости от султана Турции, но фактически самостоятельного и очень активного в своей внешней политике), подчинив себе Судан, начал строить планы аннексии Эфиопии. В 1838 г. одна из его армий направилась к Дэмбии. Дэджач Хайле-Кынфу встретил египтян и одержал блестящую победу. На поле боя осталось свыше тысячи убитых египтян. Однако вскоре Кынфу умер, и молодой Каса остался без своего сильного покровителя. Мать Касы, чтобы добыть средства, вынуждена была заняться продажей косо — лекарственного растения, употребляемого при желудочно-кишечных заболеваниях. Это обстоятельство позднее не раз используют враги будущего императора Эфиопии для ослабления его позиций.

В 1840 г. в жизни Касы произошло событие, в значительной степени определившее его дальнейшую судьбу. Однажды в монастырь Махбэрэ-Сылласе ворвался воору- {258} женный отряд дэджамача Мару, учинивший кровавую резню обучавшейся там молодежи, чтобы отомстить их отцам-феодалам. Каса вышел из погрома невредимым и добрался до своих родных мест. Здесь он присоединился к разбойным отрядам шыфта, проявив необыкновенно большие военные способности, и вскоре он стал там популярной личностью. В шыфта он прошел суровую школу. Строя далеко идущие планы политической карьеры, Каса понимал, что для осуществления их мало содействия вооруженных отрядов, созданных из товарищей по сражениям и недовольных бедняков, необходим большой опыт политической борьбы и высокое общественное положение. Имея это в виду, он отправился ко двору крупного годжамского феодала дэджача Гошу, чтобы познать искусство управления. Официально он занимал должность военного советника Гошу. В 1842 г. Каса вернулся в Куара, собрал вокруг себя вооруженные отряды шыфта, с которыми вместе недавно воевал, и создал из них личную гвардию. Очень скоро он стал фактически правителем Куара, хотя его не признавали ни дэджач Гошу, ни рас Али. Он сам именовал себя уже дэджамачем, и с его растущей вооруженной силой вынуждены были считаться самые крупные соседние феодалы.

В октябре 1846 г. Каса напал на округ Дэмбия, признававший верховную власть раса Али, и разбил войска его правителя. Тогда мать раса Али, императрица Мэнэн, выслала свой военный отряд во главе с дэджачем Уонд-Йирадом, приказав захватить Касу. Уонд-Йирад двинулся в поход, громогласно хвастаясь, что без большого труда поймает «сына торговцев косо». Во время битвы, происшедшей в местности Чачо, западнее озера Тана, Уонд-Йирад попал в плен к Касе. Последний, мстя Уонд-Йираду за его слова, приказал ему во время пира выпить большое количество косо. Это вызвало мучительную смерть Уонд-Йирада, потому что даже минимальная доза косо оказывает сильное слабительное действие.

Тем временем Мухаммед Али, несмотря на поражение, понесенное им в 1838 г., не оставил мысли о захвате Эфиопии. В 1846 г. он снарядил новую вооруженную экспедицию под командованием Муссы Паши. Египетская армия направилась традиционным путем захватчиков с запада {259} через местности Галлабат и Мэтэма в направлении Куара и Дэмбии, находившихся на пути в Центральную Эфиопию. Мухаммед Али, не ориентируясь ни в географическом расположении земель, которые он намеревался захватить, ни в рельефе местности страны, создававшей прекрасные условия для организации неожиданных нападений, надеялся на быстрый успех. Мусса Паша получил приказ в первую очередь разбить силы Касы; военная слава о нем дошла уже до двора властителя Египта. Каса, однако, не собирался вступать в открытую битву с хорошо вооруженными отрядами египтян. Собрав войска, он ушел в горы, откуда внимательно следил за продвижением противника.

Эфиопия, политически разобщенная, в которой внутренняя борьба за власть превалировала даже над осознанием внешней опасности, не была в состоянии организовать общего отпора египетской армии. Более того, императрица Мэнэн, супруга марионеточного императора Йоханныса III и мать раса Али Малого, решила использовать создавшуюся обстановку и разбить войска Касы. Она выслала против него армию, приказав захватить «сына торговцев косо», как она его называла. Императрица надеялась, что на этот раз армию Касы удастся легко разбить, так как с другой стороны ему угрожали отряды Муссы Паши. Отряды Мэнэн сопровождала ее внучка, княжна Тоуабэч. Ее присутствие должно было воодушевлять войска. Между тем произошло событие, полностью перечеркнувшее планы императрицы. В сентябре

1846 г. войска императрицы вместо армии Касы натолкнулись на отряды Муссы Паши. Тот же, считая, что это солдаты Касы готовятся к нападению, дал приказ атаковать их. Исход битвы решили пушки египтян. Эфиопы были разбиты. Княжна Тоуабэч попала в плен.

Тогда Каса понял, что наступил момент, когда он может реализовать значительную часть своих планов, в первую очередь так укрепить свои позиции в Эфиопии, чтобы получить шансы завоевать власть над всей страной. Для этого он решил прежде всего разбить египтян (победа над врагом повысила бы его военный авторитет) и, во-вторых, породниться с императорским двором и таким путем формально обеспечить себе высокое положение в феодальной иерархии. Вероятно, уже тогда этот честолюбивый и способный вождь и политик предвидел, что выполнение этого последнего намерения будет для него в будущем необычайно выгодным аргументом в борьбе за императорский престол.

Собрав все свои войска, Каса атаковал египтян и разбил их, освободив из плена княжну Тоуабэч, предназначенную Муссой Пашой для своего гарема. 15-летняя Тоуабэч была девушкой необыкновенной красоты. Это еще больше укрепило желание Касы породниться с гондэрским двором. Пока же Тоуабэч уехала в императорский дворец своих родителей в Гондэре.

Тем временем рас Али Малый решил окончательно расправиться с Касой и поддержал свою мать, императрицу Мэнэн, которая в Дэмбии дала бой войскам Касы. Она располагала собственными войсками и вспомогательными отрядами дэджача Уыбе, правителя Тигре и Сымена, в общей сложности 20-тысячной армией.

Это была одна из самых драматических минут в карьере будущего правителя объединенной Эфиопии. Благодаря численному перевесу своих войск императрица Мэнэн была уже близка к победе. Однако большой полководческий талант Касы и его неслыханная отвага, а также боевой опыт немногочисленных, но хорошо обученных войск обеспечили ему в результате успех. Императрица Мэнэн была взята в плен. Это дало в руки Касы блестящий козырь при переговорах с расом Али. За освобождение своей матери наместник Гондэра обещал формально признать власть Касы над Дэмбией и Куара. Каса принял эти условия, и на короткое время установился мир. Однако после освобождения матери рас Али и не думал безучастно наблюдать, как растут силы его врага. Прошло немного времени с момента возвращения из плена императрицы Мэнэн в Гондэр, как рас Али, собрав свои войска, двинулся вместе со своим союзником деджачем Гошу, правителем Годжама, на Дэмбию. Каса, хорошо осведомленный о силах противника, понимал, что он не сможет одолеть объединенные армии. Поэтому он оставил Дэмбию и ушел в Куара. Рас Али назначил Гошу правителем Дэмбии и вернулся в Гондэр. Дэджач Гошу, располагающий многочисленной армией, прославившийся на всю страну воин, стал мощной преградой для Касы. Однако Гошу думал только об охране собственных владений и, находясь главным образом в Годжаме, вообще не намеревался защищать Гондэр от войск Касы.

Пополнив свои отряды, Каса во главе 15-тысячной армии двинулся на Гондэр, считая, что теперь ему удастся получить согласие императорской семьи на его брак с княжной Тоуабэч. Однако императрица Мэнэн с презрением отвергла его предложение. Рас Али выслал свои войска, чтобы расправиться с армией Касы. Сражение закончилось победой Касы, который в июне 1847 г. занял Гондэр и взял в плен императрицу Мэнэн, а также императора Йоханнуса III. Рас Али вынужден был спасаться бегством. В том же году состоялась свадьба Тоуабэч с Касой, породнившегося теперь с императорской семьей. Кроме того, этот брак еще и с другой точки зрения способствовал укреплению позиции Касы. А именно: Тоуабэч, полюбившая Касу с того момента, как он ее освободил из рук египтян, стала его самым верным союзником и помощником в осуществлении его дальнейших планов.

Прежде чем окончательно свести счеты с расом Али, Каса решил разбить его самого сильного союзника дэджача Гошу и потому направился в Дэмбию, где в это время находился Гошу со своей армией.

Решающая битва состоялась 27 ноября 1852 г. в Гур-Амба. В какой-то момент уже стало казаться, что войска Касы, меньшие по численности, чем войска противника, терпят поражение и что ничто не может спасти их от окончательного разгрома, как вдруг в дэджача Гошу попала пуля. После смерти вождя его солдаты либо в панике бежали, либо перешли на сторону победителя.

После этой победы Каса попытался заключить соглашение с расом Али. Он еще не

чувствовал достаточной силы, чтобы сразиться с ним в решающем бою. Рас Али, однако, отверг предложение о переговорах. На это повлияло прибытие отрядов, присланных дэджачем Уыбе. В марте 1853 г. войска раса Али под командованием четырех дэджазмачей: Язоу, Бэлоу, Аббе и Бырру-Алигаза, выступили к Дэмбии против армии Касы. Битва произошла 12 апреля. Каса вновь одержал победу, несмотря на огромное численное преимущество врага. Во время сра- {262} жения погибли два военачальника раса Али: дэджазмач Бырру-Алигаз и дэджазмач Бэлоу. Теперь Каса отказался от мысли о переговорах и выступил против раса Али. В мае он захватил и сжег его главный опорный пункт — Дэбрэ-Табор. Затем он двинулся против основных сил раса Али. Обе армии встретились недалеко от озера Тана. Победу одержали войска Касы. Рас Али после этого еще раз попытался разбить Касу. Собрав в Годжаме все возможные силы, он 28 июня дал генеральное сражение при Айшале. Необычайно кровавая битва закончилась, как известно, полным разгромом войск раса Али, который ушел вначале в Анкобэр ко двору Хайле-Мэлекота, а затем перебрался в Северо-Восточную Эфиопию, где и умер.

После победы над расом Али Каса установил свою власть над Амхара. Признали его и земли, подчинявшиеся до этих пор императорам, номинально правившим в Гондэре. В 1853 г. он подчинил себе всю Центральную Эфиопию. Теперь на пути дальнейшего расширения его власти встали самые сильные эфиопские правители: ныгусэ Шоа Хайле-Мэлекот и дэджач Уыбе, владевший Сименом и Тигре. Оба они претендовали на императорскую корону и намеревались распространить свою власть над всей Эфиопией.

Дэджач Каса прекрасно понимал, что в окончательной борьбе за императорскую власть большая роль будет принадлежать церкви. Как известно, уже в 1842 г. дэджач Уыбе установил близкий контакт с недавно прибывшим из Александрии молодым, тогда еще 25-летним, патриархом эфиопской церкви, абунэ Сэламой III. В течении длительного времени абунэ находился при дворе дэджача Уыбе, который считал, что он скоро одержит военную победу над своими соперниками и будет коронован в Гондэре. Вероятно, однако, сановник эфиопской церкви не захотел быть пассивным орудием в руках крупных феодалов, интриговавших друг против друга, а предпочел играть активную, самостоятельную политическую роль и поддерживать того из конкурентов, у кого имелись наибольшие шансы на победу и одновременно кто гарантировал бы наибольшие привилегии для церкви. Абунэ Сэлама отправился в путешествие по стране, посещая дворы крупных феодалов, где вел беседы, выясняя, {263} насколько осуществимы его намерения, и склонял враждебные стороны к компромиссу. Когда последнее оказалось невозможным, он посчитал, что наибольшими шансами на победу наряду с дэджачем Уыбе располагает Каса, и именно с ним начал вести переговоры. Желая любой ценой привлечь на свою сторону церковь, Каса охотно согласился с предложениями Сэламы, так как религиозный вопрос в дальнейших планах Касы должен был занять место одного из важнейших факторов, способствовавших интеграции страны. По мнению Касы, церковь могла бы сыграть действительно большую роль, если бы были ликвидированы раздиравшие ее изнутри враждебные толки и направления. С точки зрения дальнейших политических интересов для Касы чрезвычайно выгодным было условие, поставленное ему абунэ Сэламой, от принятия которого глава эфиопской церкви ставил в зависимость свою поддержку и участие в церемонии коронации. Речь шла о том, чтобы Каса поддержал направление кара, представляемое абунэ Сэламой, запретив деятельность других групп в лоне эфиопской церкви.

В результате заключенного соглашения 15 июля 1854 г. абунэ Сэлама и Каса издали указ, предписывавший всем признавать одну веру. В нем также говорилось, что если кто-либо не будет придерживаться принципов веры, сформулированных в указе, то его ждет смерть. В следующем году Каса по требованию абунэ подверг репрессиям католических духовных лиц и последователей этой веры. Одновременно он признал старшинство абунэ по отношению к другому высокому сановнику церкви — ычэге монастыря Дэбрэ-Либаноса, придерживавшегося противоположного направления в религии, чем абунэ. Поведение Касы диктовалось политическими соображениями. Суть этих мероприятий заключалась в том, чтобы найти политические аргументы для борьбы с провинцией Шоа, где власть принадлежала одному из самых серьезных противников Касы — ныгусэ Хайле-Мэлекоту. В Шоа вера тоухадо, приверженцем которой был именно ычэге, была объявлена в 1840 г. официальной. Каса, придерживавшийся тигрейского направления кыбат, называемого кара, пытался лишить политического влияния в стране духовенство враждебной ему провинции. {264}

После заключения соглашения с абунэ и завершения военных приготовлений Каса выступил против дэджача Уыбе. Обе армии встретились в местности Дэрэсге в Сымене. Битва произошла 4 февраля 1855 г. и закончилась победой Касы. Дэджач Уыбе был взят в плен. Позднее его заключили в тюрьму поблизости Гондэра, где он оставался до своей смерти, последовавшей в 1867 г.

КОРОНАЦИЯ ТЕОДРОСА II. ПОБЕДА НАД ШОА

Сразу же после этой победы Каса решил короноваться на императора Эфиопии. 7 февраля 1855 г. в Сымене, недалеко от места недавней битвы под Дэрэсге, в небольшом монастыре Марьям-Дэрэсса состоялась церемония коронации. Провел ее с соблюдением всех старинных, традиционных эфиопских обычаев абунэ Сэлама. 37-летний дэджач Каса как император стал именоваться Теодросом II. Принятие этого имени было связано со старой легендой о том, что во время правления императора по имени Теодрос в Эфиопии установится мир, справедливость и благополучие, а слава о могуществе этой страны пойдет по всему свету. После же смерти императора в течение 1000 лет в Эфиопии будет продолжаться счастливая и зажиточная жизнь. Каса использовал эту известную легенду и принял имя, которое должно было укрепить его авторитет.

После коронации Теодрос II назначил наместником провинции Тигре дэджача Арая, дядю будущего императора Йоханнуса IV, и возвратился со своей армией в Гондэр.

Теперь Теодросу осталось подчинить себе из числа основных политических противников только ныгусэ Шоа Хайле-Мэлекота, усилившегося благодаря союзу с княжной Уоркит, управлявшей воинственными племенами галла, населявшими провинцию Уолло.

В первую очередь император выступил против Уолло, стремясь до решающей битвы с Хайле-Мэлекотом лишить его сильного союзника. После битвы с войсками Уолло Теодрос II впервые показал себя как человек, который для достижения своих целей не остановится ни перед какой жестокостью. Так, по его приказу пленным отрубили руки и отпустили в Уолло. Это наполнило всю страну ужасом, имя императора стали произносить со страхом. Сразу же после этого Уолло признала верховную власть императора.

Теперь наступила очередь Шоа. В октябре 1855 г. Теодрос II в сопровождении абунэ Сэламы и высших духовных лиц эфиопской церкви прибыл во главе своей армии в округ Мэнз, расположенный на границе Уолло с Шоа. Здесь ему удалось склонить известной своей воинственностью народ к признанию своей власти, в чем неоценимую услугу ему оказал авторитет абунэ. Затем император двинулся в Анкобэр, укрепленную столицу князей Шоа, где находился ныгусэ Хайле-Мэлекот. Опасаясь, что Анкобэр попадет в руки противника, Хайле-Мэлекот 26 октября приказал поджечь город. Сгорела большая его часть, в том числе и резиденция шоанских князей.

Спустя несколько дней обе армии встретились. Накануне генерального сражения, 9 ноября, неожиданно заболел, умер ныгусэ Хайле-Мэлекот. Странные обстоятельства его скоропостижной смерти позднее вызвали слухи о том, что он умер от яда, данного ему шпионом по приказу Теодроса II. Пока же командование шоанской армии, не желая ослабить боевой дух своих войск, держало весть о смерти ныгусэ в строгой тайне. Во время подготовки к битве тело Хайле-Мэлекота в сидячем положении поместили в паланкин, поставленный среди войск, где обычно во время боя находился ныгусэ Шоа. Правда, его не мог увидеть ни один солдат, так как занавеси паланкина были плотно задернуты, но солдатам объяснили, что у Хайле-Мэлекота болят глаза и ему вреден солнечный свет. Однако не очень-то это помогло шоанским войскам. Битва закончилась победой императорской армии. В руки Теодроса попало все вооружение врага, в том числе после взятия Анкобэра бесценные для императора две пушки, привезенные в 1842 г. майором Харрисом ныгусэ Сахле-Сылласе.

Наследник шоанского трона, сын Хайле-Мэлекота, тогда еще 12-летний князь Сахле-Марьям, будущий великий эфиопский император Менелик II, не был на поле боя. После смерти отца и поражения его армии, а также {266} после захвата противником Анкобэра он вместе со всей семьей отправился на юг Шоа, где собирались силы для продолжения войны.

Вскоре, однако, лидж Сахле-Марьям попал в руки Теодроса, и, хотя держали его в хо-

роших условиях, он считался заложником, гарантировавшим лояльность Шоа. Он находился в горной недоступной крепости Мэждэла (Магдала). В этой естественной крепости император устроил одну из своих опорных баз и временных резиденций. Другая находилась в Дэбрэ-Таборе.

После покорения Шоа Теодрос II объединил под своей властью все самые крупные эфиопские области. Объединение Эфиопии шло военным путем. Теодрос оружием заставлял отдельных феодалов подчиняться императорской власти. Это, однако, не означало, что они навсегда отказались от борьбы. Власть Теодроса пытались свергнуть всеми доступными средствами. Только в период с 1855 по 1857 г. зафиксировано 17 покушений на его жизнь. Несколько раз он был ранен, однако остался в живых. Стремившаяся свергнуть только что возникшую центральную власть оппозиция феодальных магнатов с яростью атаковала Теодроса. Эта ярость, несомненно, являлась одной из причин жестоких, безжалостных мер императора против бунтов и заговоров. Нам еще предстоит вернуться к этому вопросу при оценке личности Теодроса II, вызывающей большие разногласия в исторической литературе, хотя все авторы признают его огромную роль в истории Эфиопии. В историографии очень распространен тезис о том, что жестокие методы Теодроса II по отношению к политическим противникам объясняются прежде всего чертами его характера. Этот тезис, повторяемый вслед за недоброжелательно относившимися к нему летописцами, нам представляется неприемлемым.

Подчинив себе страну силой оружия и задушив наиболее острые проявления сепаратизма, император пытался, как об этом можно судить, с помощью репрессий сохранить политическое единство государства, которому постоянно угрожали бунты феодалов. Это был продуманно применяемый, хотя и жестокий, метод объединения страны, не очень-то отличавшийся от принципов утверждения власти европейскими монархами в период средневековья {267} и даже нового времени. Следует отметить, что этот террор, так красочно описанный некоторыми европейскими путешественниками и оставивший по себе память в народном творчестве Эфиопии, не являлся для Теодроса II единственным средством объединения страны и восстановления авторитета центральной власти.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ТЕОДРОСА II

После завершения военных походов Теодрос II приступил к проведению ряда внутренних реформ. Он реорганизовал систему государственной администрации, разделив страну на более мелкие округа, чем раньше, и поставив во главе их преданных себе людей. Он ввел также новый порядок уплаты налогов. Налоги теперь поступали непосредственно в императорскую казну, а не так, как до этого в казну феодалов. Теодрос пытался лишить крупных феодалов права иметь свой суд и собственные армии. С одной стороны, это позволило бы ему создать большую наемную армию, подвластную только императорским приказам, с другой — ослабить силу крупных землевладельцев, затруднить положение сепаратистски настроенных феодалов.

Один из самых важных указов Теодроса касался уничтожения торговли рабами. В нем же содержалось распоряжение о том, чтобы все люди во всем государстве нашли себе работу. Это должно было приостановить ширившийся в стране бандитизм. Императорский указ гласил: «чтобы крестьяне вернулись к земледелию, купцы — к торговле и каждый человек к своей работе».

В связи с приведенным выше указом произошло одно событие, которое ярко характеризует атмосферу тех времен и жестокость Теодроса. Так, на императорский двор прибыла группа людей, заявившая, что им трудно выполнять императорские указы о том, чтобы все жители страны работали, так как они ничего не умеют делать, поскольку до сих пор занимались исключительно грабежами и разбоем, находясь в шыфта. Император выслушал их спокойно, затем сказал, чтобы они через несколько дней пришли к нему вместе с другими группами разбойников, {268} тогда он выскажет им свою волю относительно наилучшего их использования. Бандиты ушли, а в императорском окружении слышны были насмешки и шутки в адрес Теодроса, ведущего переговоры с грабителями.

Когда разбойники явились вновь, на этот раз в большом количестве, так как шыфта со-

брала свои отряды с отдаленных окрестностей, то император приказал своей гвардии окружить их и расстрелять всех до единого.

Согласно традиции, с того дня при дворе Теодроса умолкли шутки, а по всей стране прекратились нападения бандитов, и движение на всех дорогах стало безопасным. Естественно, в этих рассказах много преувеличений. Тем не менее именно Теодросу следует приписать заслугу серьезного пресечения деятельности шыфта, этого бича эфиопской торговли и дорог.

Среди других вопросов особого внимания заслуживает политика императора в отношении церкви. Используя поддержку эфиопской церкви для осуществления своих целей и провозгласив запрет всех других направлений религии, кроме кары, Теодрос II сделал это не для того, чтобы подчиниться церкви, ранее неоднократно оказывавшей решающее влияние на светскую власть. Как раз наоборот, он стремился подчинить церковь светской власти. Поэтому вскоре отношения между императором и абунэ ухудшились. Такое направление политики Теодроса II заслуживает внимания, тем более что сам он отличался религиозным фанатизмом.

Наряду с вышеназванными попытками реформ Теодроса II, закрепивших за ним в эфиопской историографии определение «современного монарха», еще следует отметить начатое им строительство дорог, а также стремление вооружить армию новейшим европейским оружием. Высоко оценивая значение артиллерии, он намеревался даже построить пушечный завод в Эфиопии.

Следует также обратить внимание и на попытки реформ в области нравов. А именно: Теодрос выступил против распространенной в стране полигамии. Он издал закон о том, что каждый христианин может иметь только одну жену. Чтобы подать пример, он сам удалил всех своих наложниц. {269}

Большинство намерений и реформ Теодроса II, ставивших своей целью преобразование страны, в результате дальнейшего развития события не было реализовано. Однако попытка их проведения именно в момент завершения периода раздробленности, когда перед Эфиопией открывался выбор: либо пойти по пути современного государства (к чему стремился Теодрос II), либо отсрочить этот процесс — несомненно, свидетельствовала о широком кругозоре этого правителя. {270}

Глава XV

ПОПЫТКИ ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП К МОРЮ. СМЕРТЬ ТЕОДРОСА II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТЕОДРОСА II

Захватив в XVI в. побережье Красного моря, турки с перерывами в течение свыше трех столетий держали свой гарнизон в порте Массауа и на островах Дахлак, затрудняя Эфиопии выход к морю и торговлю с другими странами. В 1847 г. порты на Красном море стал контролировать хедив Мухаммед Али, мечтавший после захвата Судана о создании великой империи. Правда, в скором времени Египет был вынужден вновь признать господство Турции в этом районе, но в 1868 г. султан вернул порт Массауа Египту. В последующие годы египетские войска заняли район залива Таджура, а также Зейлу и Берберу. Египетский гарнизон обосновался в Харэре, где оставался до середины 80-х годов XIX в.

Египетские завоевания и намерения утвердить и расширить свое господство в районе Красного моря встретили решительное сопротивление Теодроса II. Император Эфиопии, укрепив свои позиции внутри страны, и сам строил большие планы в области внешней политики, а изгнание мусульман с побережья и обеспечение Эфиопии выхода к морю он считал своей первоочередной задачей. Такая позиция Теодроса II ставит его в ряд тех эфиопских властителей, которые понимали важность для империи «северного направления политики». Теодрос мечтал даже о совместном с другими христианскими странами крестовом походе против мусульман.

В свои планы борьбы с мусульманами Теодрос II намеревался вовлечь и Великобританию. Ему это представлялось реальным после беседы, состоявшейся в первые месяцы его правления с английским консулом в Массауа, {271} Уолтером Плоуденом. Плоуден 25 июня

1855 г. нанес визит эфиопскому императору и во время беседы поддержал намерения Теодроса. Посол сразу же проинформировал об этой встрече министерство иностранных дел, и его позиция была одобрена тогдашним министром иностранных дел Великобритании лордом Джорджем Кларендоном. Предложения Плуодена, чтобы Великобритания поддержала антитурецкие планы Теодроса II, были положительно восприняты и английским генеральным консулом в Египте лордом Брюсом, слывшим в английских дипломатических кругах знатоком ближневосточных проблем. Лорд Кларендон считал даже, что Эфиопия должна получить порт Массауа. Позднее политика Англии изменилась. Опасаясь, что Россия добьется на Балканах, а также на Ближнем и Среднем Востоке слишком больших успехов, Великобритания стала поддерживать Турцию в противовес России, и поэтому все проекты оказания помощи Эфиопии были похоронены. В довершение всего произошел конфликт непосредственно между Великобританией и Теодросом, что окончательно лишило Эфиопию шансов возвратить побережье Красного моря при поддержке Англии.

Однако в первые годы правления императора не оставляла надежда именно с помощью Англии осуществить свои честолюбивые внешнеполитические замыслы. Казалось, что они вполне реальны. Но в феврале 1860 г. Плуоден заболел и отправился на лечение в Англию. Вместе с англичанином Джоном Биллом он выехал из Гондэра. Неподалеку от города на них напал феодал лидж Гарэд, один из противников императора. Английский консул был смертельно ранен и вскоре умер. Месть Теодроса за смерть дружественно настроенного к нему английского дипломата была быстрой и кровавой. День и ночь преследуя лиджа Гарэда, он в конце концов настиг его и разбил, а пленным приказал отрубить руки и ноги. Британское правительство, узнав об этом, сочло себя удовлетворенным и не выразило никаких формальных претензий к Эфиопии по поводу гибели своего дипломата. Наивно было бы считать, что этот случай оказал решающее влияние на дальнейшее развитие эфиопско-английских отношений. Тем не менее, смерть Плуодена, сторонника дружеских {272} отношений с Эфиопией, с которым

Одна из больших пушек Теодроса II, названная «Севастополь» (Англо-эфиопская война 1867—1868 гг.).

как с экспертом по эфиопским делам, несомненно, считалось британское министерство иностранных дел, ускорила кризис эфиопско-английских отношений.

КОНФЛИКТ С АНГЛИЕЙ

В феврале 1862 г. в Эфиопию прибыл новый консул Великобритании капитан Камерон. При его посредничестве Теодрос II решил установить более тесные контакты и потребовать более конкретного выражения обещанной помощи Англии. Не сумев оценить изменившееся соотношение сил на международной арене и не зная, в частности, того, что политика Великобритании стала протурецкой, эфиопский император 30 октября 1862 г. направил письмо королеве Виктории, в котором сообщал о намерении изгнать турок с побережья Красного моря и о том, что он рассчитывает на помощь Англии.

Письмо отвез Камерон, который сообщил также английскому министерству иностран-

ных дел, что Теодрос выразил желание пригласить из Англии инженеров, {273} особенно специалистов по производству оружия, а также врачей. Лорд Рассел, сменивший Кларендона на посту руководителя британской внешней политики, отнесся весьма недоброжелательно к предложениям Теодроса. Эфиопский император даже не получил ответа на свое письмо. К тому же Рассел приказал Камерону оставить Эфиопию и переехать в Массауа. В связи с таким отношением Теодрос в январе 1864 г. приказал арестовать Камерона, обвинив его в антиэфиопской деятельности. Поводом послужила поездка английского консула в провинции, расположенные на границе с Египтом, где, согласно обвинениям эфиопских властей, он встречался с находившимися по другую сторону границы командующими мусульманских отрядов. Даже если его действия не были прямо направлены против Эфиопии, как утверждали англичане, то все же такое поведение английского консула было нелояльным по отношению к императору.

Вместе с Камероном были арестованы и другие европейцы (всего около 40 человек), находившиеся на территории Эфиопии. Так в 60-х годах XIX в. начался крупный эфиопско-английский конфликт, закончившийся экспедицией Нэпира и смертью Теодроса.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Конфликт с Англией, о чем речь будет идти ниже, начался в очень невыгодных условиях для Теодроса. На рубеже 50-х и 60-х годов внутри Эфиопии произошли изменения, значительно ослабившие императорскую власть. Вновь подняла голову феодальная оппозиция, и остро обозначались сепаратистские стремления. Теодрос II, собравший в первые годы своего правления под своим командованием 150-тысячную армию, а по некоторым источникам даже 300-тысячную, к моменту вступления на эфиопскую землю английской армии располагал лишь личным войском, насчитывавшим около 10 тыс. солдат, в то время как некоторые оппозиционно настроенные феодалы имели армии намного сильнее. Для того чтобы понять, как сложилась такая ситуация, мы должны последовательно проследить этапы ослабления власти Теодроса, что непосредственно связано с крупными мятежами во многих провинциях.

Покоренные Теодросом II провинции начали восставать уже вскоре после ухода его войск. Наиболее крупными были мятежи, поднятые в Шоа князем Сэйфу, братом ныгусэ Хайле-Мэлекота, в Амхаре сыном дэджача Кынфу лиджем Гарэдом и Бырру-Хайлу, а в Годжаме дэджачем Тэдла-Гуалу. Особенно серьезным было выступление против императора дэджача Ныгусе, родственника дэджача Уыбе, овладевшего провинцией Тигре и стремившегося самому завладеть императорской короной.

После победы над войсками Хайле-Мэлекота в 1855 г. Теодрос II назначил наместником в Шоа верного себе, хотя и происходившего из рода шоанских князей, князя Бэзаббыха. Однако его правление было кратким. Поскольку его считали предателем, он не встретил широкой поддержки населения; власть его была номинальной. Когда же против него выступил князь Сэйфу, пользовавшийся в Шоа большим авторитетом, то ему без особых трудностей удалось убрать Бэзаббыху и стать шоанским правителем.

Это событие послужило причиной повторного похода Теодроса II в Шоа. На этот раз он покорила провинцию с трудом. По его словам, если бы шоанские солдаты в тот первый поход сражались с такой отвагой, как теперь, то он не смог бы их победить.

Во время этого похода в 1860 г. Анкобэр был полностью уничтожен. В 1855 г. Теодрос пощадил этот город, частично сожженный Хайле-Мэлекотом. Он не допустил грабежа, чтобы не восстанавливать против себя местное население, желая создать впечатление, что Шоа признала его власть добровольно. Теперь же он отдал Анкобэр на разграбление своим солдатам. Вновь овладев Шоа, Теодрос снова назначил ее правителем князя Бэзаббыху и ушел в Бэгемдыр.

В это время заболела и вскоре умерла супруга императора Тоуабэч, что явилось тяжелым ударом для Теодроса, очень любившего свою жену. Она была ему преданным другом и его политическим союзником. Тоуабэч похоронили в Гыше. По обычаю в Эфиопии был объявлен {275} многодневный траур, во время которого в окрестностях Гондэра поднял мятеж прославленный в этих краях воин, известный своим большим мужеством лидж Гарэд, задумавший

установить власть над всей областью Амхара. Как сын дэджача Кынфу, слава которого еще была жива, он получил относительно большую поддержку среди местного населения.

Едва император подавил мятеж лиджа Гарэда, как, в окрестностях озера Тана вспыхнул новый мятеж, который возглавил Бырру-Хайлу. Когда, отступая, Бырру-Хайлу укрылся на одном из островов озера, то Теодрос посадил своих солдат на легкие лодки, так называемые танкуа, и разбил его. Бырру-Хайлу был убит.

Против императора выступил также правитель провинции Годжам дэджач Тэдла-Гуалу. Он имел достаточно крупные силы, и бороться с ним Теодросу было трудно. Но еще в том же 1860 г. Тэдла-Гуалу заболел и умер.

МЯТЕЖ ДЭДЖАЗМАЧА НЫГУСЕ

Самым крупным выступлением против Теодроса II в эти годы был мятеж дэджазмача Ныгусе из провинции Тигре. Считают, что он был родственником дэджача Уыбе, что в какой-то мере могло бы объяснить его быструю карьеру. Однако имеются мнения, что он не только не принадлежал к кругам крупной местной знати, а был выходцем из народа агау. Так или иначе Ныгусе, после битвы при Дэресге занимавший небольшой пост в Сымене, к 1858 г. овладел почти всей провинцией Тигре. В том же году он провозгласил себя ее ныгусэ. Он намеревался также захватить императорскую корону. Будучи противником реформ, проводимых Теодросом, Ныгусе стал очень популярен среди наиболее отсталых и придерживавшихся старых традиций феодальных кругов. В начале 1858 г. Ныгусе захватил всю северную Эфиопию.

Чтобы увеличить свои силы накануне выступления против Теодроса, Ныгусе в ноябре 1859 г. направил послов к Наполеону III и папе Пию IX с многочисленными дарами с просьбой оказать ему помощь. Во главе эфиопского посольства, прибывшего в Париж в январе 1860 г., {276} находился абба Ымнэту, эфиопский князь католического вероисповедания из окружения Ныгусе, хотя последний на словах выступал против католиков.

Трудно объяснить, почему Ныгусе искал покровительства папы и этим восстанавливал против себя духовенство эфиопской церкви, имевшей большое влияние. Возможно, он считал, что поддержка папы обеспечит ему помощь Франции. По его мнению, эта помощь была необходимым условием победы в окончательном сражении с императорской армией.

В то время, когда Ныгусе направил посольство во Францию, католические круги уже проинформировали Наполеона III, что в борьбе за императорскую власть в Эфиопии успех скорее всего будет на стороне Ныгусе. В такой ситуации Париж очень дружелюбно принял его послов, тем более что уже издавна существовали традиции эфиопско-французских контактов. Послам была обещана помощь. Ко двору Ныгусе был направлен капитан де Рюссель, в задачи которого входило наладить непосредственные связи между Ныгусе и Францией.

К тому времени, когда де Рюссель прибыл в Массауа, положение в корне изменилось: Теодрос II решил расправиться с восставшими в Тигре. Он объявил, что за поимку Ныгусе даст награду, какую до этого никто не получал, и сам выступил против него. После нескольких сражений в январе 1861 г. силы Ныгусе так уменьшились, что у него осталось всего лишь несколько тысяч солдат. Положение Ныгусе осложнялось враждебностью эфиопского духовенства, считавшего его почти католиком за контакты с папой. Войска Теодроса окружили большую армию ныгусэ Тигре в северном Тэмбене недалеко от Аксума и разбили ее. По приказу императора захваченному в плен Ныгусе и его брату сначала отрубили правую руку и левую ногу, а затем убили. Погибли также многие феодалы, служившие под его началом.

Таким образом, на рубеже 50-х и 60-х годов Теодрос сумел подавить неожиданно разгоревшиеся в Эфиопии феодальные мятежи. Однако они показали, что физическое истребление политической оппозиции дало желаемые для Теодроса результаты только на некоторое время. Государство продолжали раздирать внутренние {277} противоречия, которые нельзя было разрешить только репрессиями. Административные же реформы Теодроса за столь короткий промежуток времени не могли оказать существенного влияния. Кроме того, и это представляется основным фактором, в этот период отсутствовала социальная группа, заинтересованная в ликвидации обособленных провинций, не было внутреннего рынка, отсутствовало купечество, на экономическую силу которого мог бы опираться император. По существу в сво-

их больших замыслах Теодрос был одинок. Лишь несколько десятилетий спустя социально-экономическое развитие Эфиопии привело к появлению сил, ставших союзником центральной власти. Пока же император мог рассчитывать только на армию, обожествлявшую его, и на беднейшие слои общества, видевшие в императоре защиту от произвола феодалов. Со временем, однако, в связи с постоянными карательными экспедициями Теодроса против, восставших феодалов, когда в ходе военных действий опустошались целые области, и эти слои постепенно начали отходить от него. С начала 60-х годов в постоянных войнах редела и императорская армия.

КОНФЛИКТ ИМПЕРАТОРА С ДУХОВЕНСТВОМ. РЕПРЕССИИ ТЕОДРОСА II

Отношения императора с церковью также ухудшились. Абунэ выступал против усиления императорской власти, и особенно против контроля над церковью, который император стремился осуществить. Между ним и абунэ происходили многочисленные столкновения. Наконец, в 1864 г. Теодрос приказал заковать абунэ и заключить в тюрьму в Мэкдэле, где глава эфиопской церкви умер. 25 октября 1867 г. император подверг репрессиям и многих других оппозиционно настроенных духовных сановников, особенно в Гондэре, где по его приказу в начале 60-х годов были сожжены многие храмы. Возможно, это было мщением городу, являвшемуся одним из центров антиимператорской оппозиции духовенства. По распоряжению императора у некоторых монастырей отобрали много ценных рукописей и перевезли их в Мэкдэлу. Позднее рукописи захватили англичане. Теодрос без колебания расправился с той частью духовенства, которая стремилась ослабить императорскую власть.

В середине 60-х годов Теодрос оказался в ситуации, когда ему приходилось бороться сразу против всех. Нет сомнения, что он был великой и трагической фигурой в истории Эфиопии. Причем трагизм заключался не в драматических обстоятельствах конца его жизни, а прежде всего в его полнейшем одиночестве и в непонимании современниками его широких замыслов. Непрерывные покушения на его жизнь и вооруженные мятежи свидетельствовали о том, что мечты о великой Эфиопии не имели шансов на реализацию, пока он не сломит сопротивление крупных феодалов. Их кругозор был узок, они мыслили в масштабах управляемых ими провинций, и не только не думали об интересах государства как единого целого, а, наоборот, постоянно стремились к ослаблению централизованной власти. Этим вызваны бурные реакции Теодроса на все сепаратистские тенденции, его лихорадочные поиски союзников. Оба брака, как с Тоуабэч, так и после ее смерти с дочерью дэджача Уыбе, Тыру-Уорк, носили политический характер. Окруженный внутренними врагами, Теодрос возлагал большие надежды на помощь Англии. Она должна была обеспечить ему не только победоносную войну с исламом и возвращение побережья Красного моря, но и укрепить авторитет внутри страны. Можно рискнуть высказать предположение, что у императора вследствие непрерывных выступлений против него появилась определенного рода мания, чему способствовала также смерть любимой жены Тоуабэч в 1860 г. Начиная с 1863—1864 гг. репрессии Теодроса стали особенно жестокими, что вызывалось ростом его болезненной подозрительности. Хотя к высказываниям ненавидевших его летописцев следует относиться с осторожностью (известные на сегодняшний день жизнеописания этого властителя написаны его духовными противниками), однако несомненно, что в последние 5 лет правления его поступки переставали одобрять даже близкие ему люди. Только самый преданный военачальник, друг еще со времен пребывания в шыфта, фитаурари Гэбрийе, как всегда слепо выполнял его приказы. {279}

В начале 60-х годов против него консолидировалась внутренняя оппозиция. Из Мэкдэлы бежал сын Хайле-Мэлекота, его преемник на шоанском престоле — Сахле-Марьям, и провозгласил независимость от императора своей провинции. Новые репрессии Теодроса теперь уже не могли изменить хода событий. Вызывая ужас, они одновременно способствовали росту оппозиционных настроений среди феодалов. К смертельной борьбе с Теодросом готовилась правительница воинственных народов галла, населявших провинцию Уолло, княгиня Уоркит. Император ее жестоко наказал за помощь, оказанную бежавшему из Мэкдэлы князю Сахле-Марьяму. Он приказал бросить в пропасть ее дочь, находившуюся в Мэкдэле в качестве за-

ложницы.

Мэkdэла, резиденция Теодроса, была расположена на плоской вершине горы с круто обрывающимися склонами. В пропастях, окружавших гору, нашли смерть многие противники Теодроса и заложники. Эфиопская легенда рассказывает, как Теодрос приказал схватить несколько сот феодалов из бунтовавших племен агау и меча и держал их под строгой охраной в чистом поле под палящим солнцем, не давая им пить. Они умерли от жажды. Хроники времен Теодроса полны описаниями такого рода событий.

В середине 60-х годов оформились три крупных центра политической оппозиции против Теодроса. Первым из них была Шоа, правитель которой князь Сахле-Марьям не только провозгласил независимость своей провинции, но и, продолжая дело своего отца, ныгусэ Хайле-Мэлекота, и главным образом своего деда, ныгусэ Сахле-Сылласе, стремился захватить императорскую власть, подчинив остальные эфиопские земли политической гегемонии Шоа.

Второй центр оппозиции находился в Ласте, в области с сильными исторически сложившимися своеобразными традициями. Правители Ласты связывали свое происхождение с династией Загуйе, что, несомненно, повышало их престиж в провинции. В 60-х годах в Ласте правил уаг шум Гобэзе. Не признавая власти Теодроса, он готовился к борьбе за императорскую корону и наращивал военные силы,

Об императорской короне думал и дэджазмач Бэзыбыз-Каса, потомок прославленного раса Микаэля-Сьюля. {280} Вокруг Бэзыбыз-Касы, действовавшего в северном Тигре и Тэмбене, возник третий важный центр политической оппозиции против Теодроса. В 1866—1867 гг. позиции уаг шума Гобэзе, покорившего к тому времени и южную часть Тигре, укрепились настолько, что Теодрос, которому угрожали и другие области, уже не отваживался усмирять его военной силой. Это дало свободу действий дэджазмачу Бэзыбыз-Касе, тем более что его провинция была отделена от Теодроса еще и армией уаг шума Гобэзе. К 1865 г. подчинявшаяся Теодросу территория ограничивалась Бэгемдыром, Уолло, Дэлантой и другими менее важными округами.

Такова была внутренняя ситуация в Эфиопии, когда ссора Теодроса II с Англией из-за ареста консула Камерона начала перерастать в серьезный конфликт.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЛОРДА НЭПИРА. ПОРАЖЕНИЕ И СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА

После ареста Камерона английское правительство пыталось добиться его освобождения путем переговоров. С этой целью в Эфиопию был направлен специальный политический советник британских колониальных властей в Адене, Х. Рассам. Рассам родился в Мосуле в мусульманской семье, затем принял христианство. Он хорошо знал восточные проблемы, был знатоком обычаев народов Северо-Восточной Африки. Не имея возможности добраться до Теодроса через Северную Эфиопию, Рассам отправился в путь через Судан. В ноябре 1865 г. он вместе с сопровождавшими его лицами прибыл в Мэтэмму. В январе 1866 г. в сопровождении эскорта, присланного Теодросом II, он направился в императорский лагерь, находившийся тогда на границе Дамота и Агау-Мыдыра. Рассам передал Теодросу долгожданное письмо от королевы Виктории. Однако письмо не содержало обещания оказать помощь взамен освобождения арестованных. Теодрос сказал Рассаму, что освободит заключенных европейцев, если Англия пришлет ему квалифицированных специалистов-оружейников и поможет в строительстве военного завода. И до тех пор, пока не получит положительного ответа, Рассам должен будет находиться в Эфиопии. {281}

Тем временем независимо от исхода миссии Рассама Великобритания начала готовить вооруженную экспедицию против Эфиопии¹. Подготовка шла под лозунгом освобождения арестованных европейцев. Этот лозунг не был пустой фразой. Англия в период расширения колониальной империи не желала терпеть какое-либо ущемление своего престижа в районе Красного моря, тем более что этот район в связи с завершением строительства Суэцкого канала приобретал для нее колоссальное значение.

¹ См.: Трофимов В. Политика Англии в Эфиопии в 1848—1868 гг. «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», 1961, (45), стр. 25—30. — *Прим. ред.*

В апреле 1867 г. английский министр иностранных дел официально обратился к военному министру и к государственному секретарю по делам Индии по поводу разработки проекта возможной вооруженной экспедиции в Эфиопию. В июле этого же года английский кабинет принял решение направить в Эфиопию такую экспедицию. Ее должен был возглавить генерал Роберт Нэпир.

Базой экспедиции был Бомбей. Осенью 1867 г. палата общин предварительно ассигновала 2 млн. фунтов для финансирования мероприятия, официальной целью которого было освобождение капитана Камерона, Рассама и других европейцев, заключенных в тюрьму Теодросом II.

21 октября 1867 г. в порте Зула высадились первые английские части. 3 января 1868 г. прибыл генерал Нэпир. В том же месяце почти весь британский экспедиционный корпус в количестве 15 тыс. солдат уже находился на эфиопской территории. Армия Нэпира вместе с так называемым вспомогательным персоналом насчитывала 26 тыс., а некоторые источники называют даже 32 тыс. Вместе с позднее присланными резервами английские вооруженные силы достигли 40 тыс. Расходы этой экспедиции исчислялись в 9 млн. фунтов стерлингов.

Продвигаясь в глубь Эфиопии в направлении Мэкдэлы, английские войска не встречали ни малейшего сопротивления. Соперничавшим с Теодросом феодалам представился прекрасный случай расправиться с императором чужими руками. Как уаг шум Гобэзе из Ласты, так и Бэзыбыз-Каса из Тигре заключил союз с англичанами. На сторону захватчиков перешел и Сахле-Марьям из Шоа. {282}

Уже в период подготовки экспедиции англичане прекрасно понимали, что для реализации их планов бесценной будет помощь феодалов, враждовавших с Теодросом. Главным они считали соглашение с Бэзыбыз-Касой, поскольку путь английских войска пролегал через его территорию. Враждебная позиция Бэзыбыз-Касы при отсутствии дорог и незнании местности затруднила бы или сделала невозможным продвижение англичан. С полной уверенностью можно сказать, что война с ним лишила бы британский экспедиционный корпус коммуникаций, отрезав его от побережья и баз снабжения. Англичане придавали огромное значение соглашению с Бэзыбыз-Касой и переговоры с ним начали еще в конце 1867 г. Вел их полковник Уильям Лакшир Мереуезер, высокопоставленный чиновник в Адене и один из организаторов экспедиции. 4 декабря 1867 г. Мереуезер получил от Бэзыбыз-Касы письмо с уверениями в том, что охотно установит дружеские отношения с англичанами. В январе 1868 г. было достигнуто соглашение, предусматривавшее, что Бэзыбыз-Каса будет поставлять продовольствие для английских войска. В следующем месяце состоялась встреча Касы с Нэпиром. В обмен на поставку продовольственных продуктов и охрану коммуникаций британских экспедиционных войска генерал Нэпир обещал прислать оружие. Переговоры были тайными. Уверения в дружбе англичане получили и от уаг шума Гобэзе.

В такой ситуации немногочисленные войска Теодроса не имели никаких шансов на победу. Единственный серьезный бой, данный Нэпиром, произошел 10 апреля 1868 г. под Ароге. Во главе эфиопских войска, насчитывавших 4 тыс. солдат, стоял фитаурари Гэбрийе. Теодрос наблюдал за боем в подзорную трубу с ближайшей горы. Англичане не были захвачены врасплох, вероятно, их проинформировали местные союзники. Они не торопились начинать сражение, решив прежде применить артиллерию. Английское превосходство в вооружении было настолько разительным, что им достаточно оказалось ввести в бой 2 тыс. солдат, чтобы разбить армию Теодроса. Артиллерийский огонь нанес жестокий урон эфиопам, потерявшим свыше 700 убитых и около 1500 раненых. Погиб и фитаурари Гэбрийе. Эта утрата была необычайно {283} болезненной для Теодроса. Как утверждают, после смерти своего самого способного полководца и преданнейшего друга император потерял всякую надежду удержаться на престоле. Потери англичан в битве под Ароге были ничтожными: двое убитых и несколько десятков раненых.

После поражения Теодрос задумал уйти на юг через Уолло. Однако узнав, что княгиня Уоркит перекрыла своими войсками все пути, он укрылся в своей крепости — Мэкдэле. 11 апреля он освободил заключенных европейцев, а 13 апреля англичане начали штурм крепости. Труднодоступная Мэкдэла подверглась шквальному огню артиллерии. Теодрос, видя, что ему

не отразить атаки, приказал войскам оставить Мэкдэлу, а сам застрелился ¹.

Непосредственной причиной окончательного поражения Теодроса, несомненно, было вторжение англичан. Однако было бы ошибочно считать, что экспедиция генерала Нэпира явилась фактором, решившим судьбу императорской власти Теодроса. Еще до прихода английских войск мечты императора о создании сильной и объединенной Эфиопии фактически были разрушены действиями внутренних сил. В политическом отношении Теодрос потерпел поражение еще до войны с Англией. Его небольшая армия, с легкостью разбитая англичанами, не имела никаких шансов на победу в борьбе с армиями таких крупных, выросших на волне феодального консерватизма и сепаратизма противников, как Бэзыбыз-Каса в Тигре, уаг шум Гобэзе в Ласте и Сахле-Марьям в Шоа. К тому же их решительно поддерживало духовенство, ставшее в 60-е годы враждебным по отношению к Теодросу. Кроме того, император, ненавидимый крупными феодальными землевладельцами, не имел средств для усиления своей армии. Таким образом, экспедиция Нэпира, будучи действительно драматическим эпизодом политической истории Эфиопии того времени, явилась лишь одним из факторов, повлиявших на формирование внутреннего положения в Эфиопии в конце 60-х годов XIX в. {284}

Глава XVI

ЛАСТА, ТИГРЕ И ШОА В БОРЬБЕ ЗА ГЕГЕМОНИЮ

БОРЬБА ЗА ИМПЕРАТОРСКУЮ КОРОНУ

После смерти Теодроса II соперничество между претендентами на императорский престол значительно обострилось. Основными соперниками, стремившимися захватить власть, были крупнейшие феодалы, правители главных эфиопских областей: уаг шум Гобэзе, правитель Ласты, дэджач Бэзыбыз-Каса, контролировавший Тигре и всю северную Эфиопию, и владевший Шоа князь Сахле-Марьям, недавно принявший титул ныгусэ и имя Менелика. Определенную роль играл также Тасоу из Уолькайта. Однако присутствие английских войск сдерживало пока враждующие между собой стороны. Каждый из претендентов надеялся на помощь англичан в вооружении армии. Только Гобэзе проявлял по-прежнему большую активность, стараясь распространить свою власть, на юго-западные земли.

Генерал Нэпир, выполнив главную задачу — разбить Теодроса и освободить пленных европейцев, — не намеревался долго оставаться в Эфиопии. В конце апреля 1868 г. английский экспедиционный корпус повернул обратно к побережью Красного моря. Англичане забрали из Мэкдэлы много бесценных памятников эфиопской письменности, регалии эфиопских императоров, золотую корону Теодроса II, множество предметов из золота и серебра, а саму крепость взорвали. Среди вывезенных старых рукописей оказалась также императорская «Кыбрэ нэ-гэст», та самая «священная книга эфиопского народа», где записана легенда о царе Соломоне, царице Савской и Менелике I, основателе династии эфиопских императоров. Император Йоханнэс IV, один из следующих правителей Эфиопии, в 1872 г. обратился с просьбой к Англии {285} вернуть книгу, так как «народ не желает слушать моих приказов, пока у меня нет этой книги». В декабре того же года англичане отослали эту бесценную рукопись. С этого времени на книге, обладателем которой мог быть только император и которую держал при себе даже в минуту смерти Теодрос, стоит печать Британского музея в Лондоне и подпись библиотекаря.

Решение о поспешном отходе Нэпира из Мэкдэлы было принято из-за опасения, что отношение местного населения к английским войскам может каждую минуту измениться. Было неизвестно, как долго благоприятно настроенный к англичанам Бэзыбыз-Каса сможет удерживать в повиновении властителей некоторых народов, прежде всего галла, намеревавшихся напасть на англичан. Кроме того, существовала угроза, что феодалы, охотно сотрудничавшие с англичанами до свержения Теодроса, после смерти императора могут выступить против агрес-

¹ Все захваченные в Мэкдэле артиллерийские орудия (33 пушки и мортиры) англичане уничтожили, все жилища в Мэкдэле и ее окрестностях предали огню, а крепость взорвали. — *Прим. ред.*

сора, не располагавшего крупными военными силами. К Мэкдэле Нэпир подошел с меньшим количеством войск, чем имел в момент высадки на побережье. Необходимость оставлять гарнизоны для охраны коммуникаций британского экспедиционного корпуса в значительной степени сократила его численность. К тому же англичане боялись наступления периода дождей, когда бурные ливни делали и без того трудные дороги непроходимыми для европейцев. В период дождей сама природа могла легко отрезать английский экспедиционный корпус от побережья. В такой ситуации Нэпир отдал приказ отходить, но при этом он решил оказать поддержку тому претенденту на императорский престол, кто бы в наибольшей степени гарантировал дружеское сотрудничество с Англией. Выбор Нэпира пал на Бэзыбыз-Касу, хотя и Гобэзе, будучи союзником англичан, оказывал им активную помощь, но его попытки установить связи с Францией настораживали англичан. Близкие же отношения Нэпира с Бэзыбыз-Касой, а также то, что он владел Тигре, по территории которой проходил путь английских войск, явились дополнительными аргументами в пользу Касы. Английское командование оставило ему 12 пушек, несколько сот винтовок и много боеприпасов. Это уже позволяло ему думать о реальном захвате императорской власти в будущем. {286}

К моменту отхода англичан сильнейшей армией в Эфиопии, насчитывавшей 60 тыс. солдат, располагал правитель Ласты уаг шум Гобэзе. Ему Нэпир передал Мэкдэлу. С точки зрения перспективы этот дар был менее ценным и не мог сравниться с тем, что получил Бэзыбыз-Каса. Но в то время обладание Мэкдэлой, важным стратегическим пунктом и резиденцией последнего императора, имело большое политическое значение.

Прежде чем пытаться захватить императорский трон, Гобэзе должен был сломить своего ближайшего противника, феодала Тасоу, называемого также Тырсо, правившего округами Уолькайт и Дэмбия. 28 марта 1868 г. между ними произошло сражение, в котором войска Тасоу были разбиты, а сам он погиб. После этого правитель Бэгемдыра рас Уольдэ-Марьям без боя признал верховную власть Гобэзе и обязался платить ему дань.

Следующей целью Гобэзе стал Годжам, одна из важнейших провинций, правители которой всегда играли большую роль в истории Эфиопии. В 1860 г. после смерти известного дэджача Тэдла-Гуалу, выступавшего против Теодроса, власть перешла к его сыну, дэджачу Ныгусе-Гуалу. Однако он правил всего лишь несколько дней. В результате заговора, организованного годжамской знатью, в котором приняла участие и личная охрана Ныгусе-Гуалу, правителем стал его младший брат, дэджач Дэста, называвшийся еще Абба-Кэммау. Ныгусе-Гуалу едва спасся и должен был оставить Годжам.

Дэста, имевший относительно сильную армию, отказался подчиниться Гобэзе и выступил против него, но в сражении был разбит и бежал.

Уаг шум Гобэзе, стараясь укрепиться в Годжаме, назначил правителем его не местного феодала, а одного из самых способных своих вождей, баламбараса Адаль-Тэсэмму. Сделав его правителем Годжама, он присвоил ему титул раса и одновременно выдал за него свою сестру Лакэч-Гэбрэ-Мэдхын, чем еще крепче привязал его к себе.

Затем войска Гобэзе двинулись на север. Теперь уаг шум Ласты хотел подчинить себе и заставить платить дань правителя Тигре Бэзыбыз-Касу. Последний, хотя и сам претендовал на императорскую корону, однако, еще {287} не чувствовал себя достаточно подготовленным к борьбе и не хотел с оружием в руках выступать против Гобэзе. Он согласился признать его верховную власть и обязался платить дань.

ТЭКЛЕ-ГИЙОРГИС II

Подчинив себе, за исключением Шоа, почти всю Эфиопию, уаг шум Гобэзе посчитал, что наступило время провозгласить себя императором Эфиопии. В 1868 г. в Гондэре из-за отсутствия абунэ он принял помазание из рук ычэге и занял престол, взяв себе, как император, имя Тэкле-Гийоргис II, а в дополнение к нему — Абба-Джахид. О делах Тэкле-Гийоргиса известно немного. У власти он был довольно короткое время. Хроники сообщают, что Тэкле-Гийоргис был якобы потомком династической линии Загуйе, из народа агау в Ласте.

Те же хроники пишут, что Тэкле-Гийоргис II оставил по себе память как император необыкновенно мужественный и мудрый, не терпевший бессмысленного кровопролития, хотя и

не останавливавшийся перед применением крутых мер против врагов, когда считал это нужным. Он был одним из наиболее известных эфиопских полководцев второй половины XIX в. В народной песне о нем говорилось: «От Гондэра до Амота не найдешь более искусного воина, чем Тэкле-Гийоргис».

Но военная слава не очень помогла Тэкле-Гийоргису II. Феодалы продолжали поднимать мятежи, сепаратистские стремления после смерти Теодроса II вспыхнули с новой силой. Чтобы удержать в стране сильную центральную власть на длительное время, нужно было располагать более мощными экономическими и людскими ресурсами, чем имел правитель Ласты, провинции бедной, малонаселенной, способной выставить и содержать большую армию только короткое время. Поэтому шансы Тэкле-Гийоргиса II удержать престол были невелики, так как у таких провинций, как Тигре, Шоа, Бэгемдыр и Годжам, экономический и людской потенциал был значительно выше, чем у Ласты.

В 1869 г. Тэкле-Гийоргис заключил союз с Менеликом, который получил за признание нового императора свободу действий в Шоа и Уолло. Это несколько улучшило положение Тэкле-Гийоргиса, так как ныгусэ Шоа, занятый укреплением своей власти, пока не намеревался выступить против него. Соглашение с Менеликом, нейтрализуя одного из претендентов на императорский престол, на некоторое время обеспечило Тэкле-Гийоргису спокойствие на южных окраинах. Однако оно не затормозило центробежных тенденций в Центральной Эфиопии, которые в скором времени дали о себе знать.

Первый мятеж против нового императора поднял правитель Бэгемдыра рас Уольдэ-Марьям, недолго сохранявший свою лояльность. Посланные против него императорские войска потерпели поражение. Тогда Тэкле-Гийоргис возглавил армию сам. Войска раса Уольдэ-Марьяма были окружены, а он должен был просить о милости. Вопреки обычаям эфиопских императоров, каравших за такие выступления, как правило, смертью, Тэкле-Гийоргис II не только простил раса, но и не лишил его права управлять провинцией Бэгемдыр. Таким путем император хотел сделать своим сторонником раса Уольдэ-Марьяма.

Едва Тэкле-Гийоргис покончил с мятежом в Бэгемдыре, как начались выступления на востоке страны. В Йеджу взбунтовался Али-Фарис. Волнения в этом округе, известном воинственным характером населения, всегда были опасны для эфиопских императоров. До прихода к власти Теодроса II в 1855 г. в Гондэре фактически правил род Серу-Гуангуль, происходивший из Йеджу. Теодрос его отстранил, но недовольство местных феодалов не исчезло. Поэтому нет ничего удивительного, что в связи с ослаблением после смерти Теодроса центральной власти именно Йеджу подняла бунт против нового императора. Императорские войска, однако, и на этот раз разбили противника, а Али-Фарис вынужден был искать укрытия среди народов галла.

ГЕГЕМОНИЯ ПРОВИНЦИИ ТИГРЕ

Правление Тэкле-Гийоргиса II было отмечено непрекращающейся внутренней борьбой. Император постоянно был в походах, от Йеджу до границ Судана, подавляя неутихавшие бунты. Тем временем росло могущество двух самых больших эфиопских провинций — Тигре и Шоа, и их правителей — дэджача Бэзыбыз-Касы и ныгусэ Менелика. Последний был занят внутренними делами Шоа и думал об императорской короне лишь в далекой перспективе. На третий год правления Тэкле-Гийоргиса стало ясно, что в ближайшее время произойдет непосредственное столкновение между императором и дэджачем Бэзыбыз-Касой. Признав первоначально верховную власть императора, он теперь открыто отказывался повиноваться ему и готовился к борьбе.

Бэзыбыз-Каса пользовался большой властью во всей провинции Тигре. Он происходил из старинного тигрейского рода, состоявшего в родстве с Зэра-Яякобом и Либнэ-Дынгылем и тем самым в родстве с «Соломоновой» династией. Во всяком случае, по документам известно родство Бэзыбыз-Касы с прославленным расом Микаэлем-Сыулем из Тэмбена, а также дэджачем Сэбагадисом. Его дядя — рас Арая из Ындэрти пользовался большим влиянием в Эфиопии. Впоследствии это родство с самыми сильными родами Северной Эфиопии способствовало его карьере. Бэзыбыз-Каса родился в 1833 г., юношеские годы он провел в монастыре

ских школах Тигре, где получил образование. Позднее находился при дворе императора Теодроса II, присвоившего ему титул баламбараса. Однако вскоре Бэзыбыз-Каса оставил двор императора и отправился на север, где стал правителем Тэмбена и Ындэрти с титулом дэджамача. В 1867 г. дэджач Бэзыбыз-Каса, контролируя почти всю провинцию Тигре, провозгласил ее независимой. Когда армия Нэпира начала продвигаться к Мэкдэле, Бэзыбыз-Каса решил не вмешиваться в конфликт между англичанами и Теодросом, выжидая, пока английские войска разобьют Теодроса и тем самым облегчат ему путь к императорскому трону. Действовала и искусная политика Нэпира, издавшего в самом начале экспедиции декларацию, обращенную к правителям провинций, отдельным вождям, священнослужителям и ко всему эфиопскому народу, с заявлением о том, что английская экспедиция не собирается завоевывать Эфиопию. В декларации говорилось, что королева Великобритании отнюдь не настроена враждебно к Эфиопии и что английские войска будут уважать обычаи, религию и свободу эфиопов.

Эта умелая пропаганда англичан, говоривших, что единственной целью британской вооруженной экспедиции является освобождение заключенных в Мэкдэле европейцев, тем лучше воспринималась местными феодалами, чем больше они сами были настроены против Теодроса II. Бэзыбыз-Каса не только не мешал проходу английских войск через свои территории, но и стал союзником англичан. За это он получил от Нэпира оружие, позволившее ему вооружить свою армию. После этого армия Бэзыбыз-Касы, хотя она была и немногочисленная, стала одной из сильнейших в Эфиопии. Ее военная подготовка также была намного лучше, чем у войск Тэкле-Гийоргиса II.

В 1871 г. дэджач Бэзыбыз-Каса окончательно отказался подчиняться Тэкле-Гийоргису. Император в это время вместе с армией находился в Уолло, где подавлял очередные волнения. Когда он узнал о мятеже в Тигре, то незамедлительно отправился на север, взяв с собой 60 тыс. солдат.

Эфиопские легенды рассказывают, что жена Тэкле-Гийоргиса, Дынкынэш, сестра Бэзыбыз-Касы, прекрасно зная военные способности брата и силу его армии, горячо убеждала императора не отправляться в этот поход. Однако Тэкле-Гийоргис, зная количественное превосходство своей армии, решил немедленно покончить с мятежом Тигре. Как сообщают те же эфиопские источники, император направил Бэзыбыз-Касе послов, вручивших ему без слов большой мешок, наполненный мелким зерном. Это должно было значить, что количество императорских войск столь велико, как количество зерен в мешке, поэтому у Тигре нет ни малейшей надежды на победу. Бэзыбыз-Каса понял императора и приказал присланные зерна изжарить на сковородах. И также без слов вернул их императору, символизируя этим, что армия императора будет сожжена железным огнем винтовочных пуль, как зерна на железных сковородах.

11 июля 1871 г. недалеко от Адуи, около реки Дарыча, обе армии вступили в решающий бой. Против 60 тыс. солдат Тэкле-Гийоргиса II стояло едва ли 12 тыс. солдат Бэзыбыз-Касы. Несмотря на подавляющее численное {291} превосходство, армия императора потерпела поражение, главным образом потому, что противник был лучше вооружен. Кроме того, во время сражения император был ранен и упал. Это вызвало панику в его войсках. Победе над императорской армией помог также рас Алула, прославленный вождь Тигре, войска которого незадолго до битвы присоединились к войскам Бэзыбыз-Касы.

По приказу Бэзыбыз-Касы взятого в плен императора подвергли пыткам и заключили в тюрьму на горе Абба-Сэлама, где он в скором времени скончался. Сохранилось много стихов, авторство которых приписывается убитой горем Дынкынэш, не видевшей для себя места на свете после того, как рука брата погубила ее мужа, а также стихи сторонников и противников нового властителя. К сожалению, кроме этих произведений, до нас не дошло ни одной хроники о Тэкле-Гийоргисе, и неизвестно, имелась ли когда-либо такая хроника.

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЙОХАННЫСА IV

Спустя несколько месяцев после победы над Тэкле-Гийоргисом II дэджач Бэзыбыз-Каса короновался императором Эфиопии под именем Йоханныса IV. Церемония коронации состоялась в аксумском соборе Цыйон 21 января 1872 г. Коронацию провел патриарх эфиоп-

ской церкви, абунэ Атнагеуос.

Его правление (1872—1889) было насыщено войнами с внешними врагами, принесшими ему заслуженную славу, но прежде следует сказать о его внутренней политике, которая безусловно должна обеспечить этому правителю почетное место в истории Эфиопии¹. На наш взгляд, историческая литература недооценивает роль этого императора в формировании эфиопской государственности. Европейские исследователи, заинтересованные личностью Теодроса II и привлеченные большим количеством европейских источников об итало-эфиопской войне и о Менелике II, оставили без должного внимания императора {292} Йоханныса IV. Определенное влияние на это оказало, конечно, скудное количество источников о жизни и деятельности этого властителя, правившего в период не менее трудный для Эфиопии, чем время Теодроса II.

Йоханныс IV начал царствовать в необычайно сложных внутривластных условиях. Падение Тэкле-Гийоргиса II оживило все центробежные силы. Отдельные провинции, признававшие власть этого императора только формально, после его смерти стали почти самостоятельными государствами. Эфиопии снова начала грозить феодальная раздробленность, такая, как во «времена удельных князей». Не учитывая этих сложностей, трудно понять и по достоинству оценить внутреннюю политику Йоханныса IV.

Уже через несколько недель после коронации против нового императора восстали галла, жившие на границе с Ластой, так называемые галла-рая и галла-азэбо. Едва император подавил этот бунт и заставил подчиниться рая и азэбо, как в его столицу Мэкэле пришла весть о выступлении раса Адаль-Тэсэммы. Годжамский правитель, муж сестры Тэкле-Гийоргиса II, виня нового императора в убийстве своего шурина, не хотел признавать верховной власти Йоханныса IV. Император выступил против него и разбил войска раса Адаль-Тэсэммы, бежавшего с поля боя. Вместо него Йоханныс IV назначил годжамским губернатором дэджача Дэсту, дав ему титул раса. Как только император ушел со своим войском из Годжама, рас Адаль-Тэсэмма напал на армию нового правителя и разбил ее. Рас Дэста был убит, власть в Годжаме вновь перешла к Адаль-Тэсэмме. Однако, не имея достаточно сил, чтобы воевать с императорскими войсками, Адаль-Тэсэмма направил послов в Мэкэле, которые от его имени принесли присягу в повиновении Йоханнысу IV. Не имея возможности отправиться в тот момент на юг в связи с угрозой египетской экспансии на севере, император вынужден был предать забвению смерть раса Дэсты и признать раса Адаль-Тэсэмму правителем Годжама.

Йоханныс IV после прихода к власти поставил перед собой задачу добиться политического единства страны. Он шел к этому путем осуществления прежде всего двух задач. Во-первых, он стремился принудить всех крупнейших {293} эфиопских феодалов признать его верховную власть. Эта задача была решена уже в начале 70-х годов. Только ныгусэ Шоа Менелик чисто формально признал власть нового императора, фактически же оставался независимым правителем своего края. Между Йоханнысом IV и Шоа, к которой он относился почти как к самостоятельному государству, установились отношения своего рода сосуществования на основе невмешательства императора в шоанские дела при одновременном отказе Менелика от каких-либо экспансионистских действий на севере. Лишь в конце 70-х годов и в 80-е годы ныгусэ Шоа предпримет более активные действия, стремясь расширить свое влияние на всю Эфиопию.

Во-вторых, Йоханныс IV стремился выработать у эфиопов чувство государственного единства, ликвидируя межобластные противоречия. Именно для этого он пытался добиться введения единой для всей страны религии. Уже со времен Зэра-Якоба властители Эфиопии, заботившиеся об объединении страны, рассматривали религию как одно из средств для осуществления своих политических намерений.

Император Йоханныс IV также видел в ликвидации раскола внутри церкви один из важнейших способов объединения страны. Для Йоханныса IV, как и для его предшественников, религиозно-церковные вопросы играли немаловажную роль в связи с экономическим потенциалом эфиопской церкви. Йоханныс IV, связанный с североэфиопскими народами, опирался также и на духовенство этого района, он объявил религиозное направление кара обяза-

¹ См.: Трофимов В. А. Политика Англии и Италии в Северо-Восточной Африке во Второй половине XIX в. (Эфиопия и Сомали). М., 1962, стр. 39—128. — *Прим. ред.*

тельным для всей страны; это решение было вызвано в первую очередь желанием уничтожить самостоятельность противостоящих ему провинций, сильнейшей из которых была Шоа. Она располагала немалыми экономическими и военными ресурсами, а духовенство, придерживавшееся толка тоухдо, являлось противником власти Йоханныса IV. Император считал для себя необходимым лишить опоры это духовенство и умалить его авторитет. В 1878 г. на соборе в Бору-Меда принципы годжамско-тигрейского религиозного направления были провозглашены официальными и повсеместно обязательными. Это решение, узаконивающее борьбу против любого {294} другого толка, отличного от официального, касалось и Шоа, где с 1840 г. формально толк тоухдо считался законной формой религии. Последовательно и энергично проводя в жизнь решение собора в Бору-Меда, Йоханныс IV укрепил поддерживаемое им религиозное направление, призвав из Александрии четырех патриархов вместо одного, как это было принято до сих пор. Назначив их в различные провинции, он таким путем намеревался усилить контроль со стороны официальной церкви над всем эфиопским духовенством. Двух абунэ он оставил при себе в Тигре, одного направил в Годжам, другого в Шоа. Он вел последовательную борьбу также и против сторонников всех других вероисповеданий. Это коснулось и протестантских и католических миссионеров. Однажды он вызвал их к себе и спросил, зачем они приехали в Эфиопию, христианскую страну. Те ответили: для обращения в христианство евреев и мусульман, которых здесь много. Тогда император спросил, через какие земли они прошли, добираясь до Эфиопии. Через Египет, ответили миссионеры. На это император сказал, что в Египте, Ливии и Иерусалиме много евреев и мусульман и что миссионеры могут заниматься своей деятельностью там. А в Эфиопии у него достаточно своих священников. Добавив, что вместо миссионеров он с большим удовольствием увидел бы у себя европейских ремесленников, купцов, строителей, он приказал им немедленно оставить Эфиопию.

Стараясь как можно быстрее утвердить веру кара в государстве, Йоханныс IV издал распоряжение об обязательном ее принятии всеми под угрозой пыток. На основе императорского указа стали применять телесные наказания либо выселять из Эфиопии (чаще всего в Судан) мусульман, приверженцев родо-племенных культов и др.

Император издал также указ, запрещающий курение, считая, что это недостойно эфиопа-христианина. Обычай курить табак принесли в Эфиопию племена галла. Уже издавна курение считалось в Эфиопии варварским обычаем. Известно, что императора Либнэ-Дынгиля (XVI в.) в период его бурной и разгульной молодости духовенство больше всего винило именно за курение табака. У не выполнявших указ Йоханныса IV конфисковывали земли и отсекали их губы. {295}

Йоханныс IV беспощадно вводил в стране единые обычаи и единую религию. Такая политика была свойственна всем властителям Эфиопии, осуществлявшим объединение страны. Достаточно вспомнить самых известных, таких, как Зэра-Якоб или Теодрос II. Конечно, с помощью одних указов трудно было изменить многовековые традиции или заставить всех принять единую форму религии. Действия Йоханныса IV в этой области потерпели неудачу, чему способствовали и внешнеполитические события. Тем не менее Йоханнысу IV удалось укрепить авторитет императорской власти как центральной власти для всей Эфиопии. И это стало основным достижением его внутренней политики.

Внешняя политика Йоханныса IV убедительно показала, что он принадлежал к плеяде тех эфиопских императоров, которые, стремясь возродить могущество Эфиопии, ставили общегосударственные интересы выше интересов собственного рода, династии и родной провинции. Йоханныс IV, борясь с партикуляризмом отдельных провинций и осуществляя общегосударственную политику вопреки сепаратистским стремлениям феодалов, остался в истории страны поборником объединения Эфиопии, а также внедрения в сознание народа общезфиопского патриотизма. {296}

Глава XVII

ЭФИОПИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЙОХАННЫСА IV

ЕГИПЕТСКО-ЭФИОПСКАЯ ВОЙНА

Во второй половине XIX в. Эфиопия была вынуждена почти постоянно обороняться от внешней агрессии. Период нашествий на Эфиопию открыла экспедиция генерала Роберта Нэпира. Едва лишь закончилась английская агрессия 1867—1868 гг., как над границами страны снова нависла большая опасность. Египет начал подготовку к нападению на Эфиопию. С открытием в 1869 г. Суэцкого канала честолюбивый хедив Египта Исмаил обратил свои взоры на побережье Красного моря. Он намеревался расширить владения за счет районов, расположенных на границе с Суданом, уже ранее завоеванным Мухамедом Али, а также за счет турецких владений в Северо-Восточной Африке. 20 марта 1868 г. в руки Исмаила перешел порт Массауа, до этого формально принадлежавший Турции. В начале 70-х годов под контролем египтян уже находилось сомалийское побережье от Зейлы и почти до Гвардафуя. После этого хедив Исмаил начал думать о захвате Эфиопии. Войны с Египтом, а позднее борьба с махдистами не позволили Йоханнису IV реализовать свои внутривосточные замыслы; более того — необходимость держать войска на западных границах создавала выгодные условия для итальянской экспансии на севере страны.

Начало вооруженных экспедиций Египта против Эфиопии в 70-х годах связано с именем путешественника и авантюриста шведа Вернера Мюнцингера. Этот арабизированный европеец, женившийся на дочери одного из вождей племени из пограничной с Эфиопией области, прекрасно знал этот район Африки и обычаи его народов. {297} Несколько лет он находился на службе хедива Египта и высоко ценился им как военачальник. Будучи губернатором Массауа, он в 1871 г. предложил план рейда египетских частей из этого порта через Кэрэн к Судану. В 1872 г. ему удалось захватить район Кэрэн — Билен. В 1874 г. Мюнцингер подчинил Египту и весь округ Богос.

После этого хедив решил овладеть Северной и Восточной Эфиопией. В 1875 г. в районе порта Массауа были сконцентрированы значительные египетские войска. В том же году началось наступление. Одна группа войск, которую возглавил Рауф-паша, выступила из Зейлы. В ее задачу входило занятие Харэра и превращение его в плацдарм против Восточной Эфиопии. Выполнению задачи помогла разгоревшаяся в Харэре, после смерти в 1866 г. эмира Ахмеда-ибн-Абу-Бэкра, борьба за власть. Египетские части без особого труда заняли Харэр и в 1875 г. присоединили его к Египту.

Во главе второй экспедиции, насчитывавшей около 500 солдат и выступившей из Таджура, стал Вернер Мюнцингер, получивший титул паши. Она направлялась в Центральную Эфиопию, и ее путь лежал через безлюдные территории на границе с Данакильской пустыней и через труднодоступные земли страны Ауса, населенные враждебно настроенными по отношению к нему народами. Казалось, что экспедиция может рассчитывать на успех, так как Мюнцингер хорошо знал страну, против которой выступил, и даже владел некоторыми эфиопскими языками. Кроме того, его сопровождало несколько эфиопских военачальников, не признавших власть Йоханнуса IV.

Экспедиция успешно преодолела большую часть пути и вступила в страну Ауса в начале ноября 1875 г. В окрестностях озера Асэль был устроен привал. Ночью, когда лагерь заснул, его окружило одно из данакильских племен. Несколько воинов пробрались в шатер, где спал Мюнцингер, набросились на него и после короткой схватки убили. Несмотря на отчаянное сопротивление, египетские солдаты были полностью вырезаны. Из всей экспедиции в живых остались около 20 человек. Как выяснилось позднее, нападение на Мюнцингера было совершено по {298} приказу султана края Ауса, находившегося в союзе с Йоханнусом IV.

Наибольшие надежды хедив Исмаил возлагал на третью группу. Она выступила из Массауа под командованием полковника Арендрупа, датчанина, служившего у египтян, а также армянина Аракия-бея. Одну из частей возглавлял австрийский офицер, также состоявший на службе у хедива, князь Зихи. Превосходно снаряженная, вооруженная современными винтовками и сопровождаемая артиллерией, которой так недоставало эфиопам, египетская армия, переправившись через реку Мэрэб, двигалась к Тигре. Вблизи реки 7 ноября 1875 г. в местности Гундэт ей преградили путь эфиопские войска под командованием императора. Йоханнус IV разделил армию на две части. Одну возглавил сам, другой командовал прославленный военачальник рас Алула. Обе группы одновременно с разных сторон напали на египетский ла-

герь. Битва при Гундэте длилась целый день. Лишь к вечеру победу одержали эфиопы. Большинство храбро сражавшихся египтян полегло на поле боя, среди них Аракия-бей и полковник Арендруп. Часть египтян попала в плен; лишь немногим удалось вернуться в Массауа.

После этого поражения хедив Исмаил начал готовиться к новому походу против Эфиопии. Для очередной экспедиции он выделил 20 тыс. солдат и дал им новейшее оружие. Возглавлял ее Мулай Хассан-паша, офицер, получивший военное образование в Германии. Вместе с ним отправились и другие известные египетские военачальники, среди них прославленный Ратиб-паша. В декабре 1875 г. войска хедива высадились в Массауа и начали продвигаться вглубь Эфиопии. В феврале 1876 г. они уже находились в окрестностях реки Мэрэб.

В ответ на очередное нашествие египтян Йоханнис IV провозгласил «крестовый поход» против мусульман. Он призвал дополнительные отряды из Годжама и Шоа. Его войска насчитывали около 60 тыс. солдат. В марте 1876 г. обе армии встретились в местности Гураы. Египтяне окружили свой лагерь системой укреплений, благодаря которым удавалось отбивать все атаки эфиопов.

Разгоряченный первоначальным успехом Мулай Хассан, вопреки советам старого и опытного Ратиба-паши, {299} решил выйти из укреплений и в открытом бою разгромить врага. Это решение оказалось пагубным. Более многочисленные эфиопские отряды сломили ряды египтян и ворвались в лагерь. Вскоре битва превратилась в резню бежавших в панике египетских солдат. Хассан-паша также пытался спастись бегством, однако был взят в плен и доставлен к императору. Тот приказал выжечь ему на плечах два креста, чтобы он не забыл своего поражения. Позднее, после заключения мира между Египтом и Эфиопией, хедив Исмаил выкупил Хассан-пашу и других высших египетских офицеров, плененных в битве при Гураы.

Победа при Гураы, способствовавшая росту престижа Эфиопии за границей, имела большое значение не только с политической точки зрения, но и военной. Императорская армия захватила большое количество современного оружия: пушек и винтовок. Победа способствовала также значительному росту авторитета Йоханниса IV внутри страны.

ДОГОВОР МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМ ЙОХАННИСОМ IV И МЕНЕЛИКОМ, НЫГУСЭ ШОА

После победы над египтянами в Эфиопии наступил восьмилетний период спокойствия, что содействовало экономическому развитию страны. Начали восстанавливаться города, ожидалась замершая от постоянных внутренних войн торговля.

Однако феодальные правители были недовольны ростом авторитета императора. Первым отказался подчиняться императору рас Алула, правитель Тигре. Фактически независимой была и Шоа. Правивший в этой провинции князь Сахле-Марьям провозгласил себя ныгусэ под именем Менелика и думал об императорской короне. Ненадежным был и правивший в Бэгемдыре рас Адаль. Йоханнис IV решил пойти на компромисс с последними двумя правителями и постараться привлечь их на свою сторону. В марте 1878 г. он заключил соглашение с ныгусэ Менеликом, по которому последний обязывался платить дань императору Йоханнису IV; обеспечивать продовольствием императорскую армию, когда она будет проходить через его территорию; соглашался употреблять {300} только титул ныгусэ Шоа, а не ныгусэ нэгэст; в случае необходимости оказывать помощь Йоханнису IV; император в свою очередь обязан был оказать помощь Менелику, когда тот будет нуждаться в ней; ныгусэ Менелик обязывался строить церкви в Уолло и вводить там христианство.

В это же время Йоханнис IV установил полный контакт с расом Адалем, присвоив ему титул ныгусэ Годжама с дополнительным именем Тэкле-Хайманот. Несколько позже подчинился императору также рас Алула. Ему Йоханнис IV отдал округ Агау-Мыдыр, взяв его у ныгусэ Годжама и поссорив таким образом двух могущественных сановников. Тогда же, в 1882 г., император, желая ослабить могущество Менелика, отобрал у него область Уолло, разделив ее на два округа. Один из них он отдал своему сыну расу Арае, другой — расу Микаэлю, до этого времени носившему имя Мухаммеда Али и недавно принявшего христианство; он стал одним из вернейших военачальников императора.

Лишившись Уолло, ныгусэ Шоа решил укрепить свое господство на юге страны и од-

новременно предложил императору свою дочь, княжну Зоудиту, в жены сыну Йоханныса IV¹, расу Арае. Император принял предложение. 22 октября 1882 г. состоялась символическая свадьба 12-летнего императорского сына раса Арая-Йоханныса с 7-летней княжной Зоудиту. Одновременно император и Менелик заключили соглашение, предоставлявшее последнему право на расширение своих владений на запад и юг от Шоа. С помощью династического брака Менелик не только стремился укрепить свое настоящее положение в стране, но и обеспечить в будущем если не себе, то по крайней мере зятю и дочери императорскую корону.

НАЧАЛО БОРЬБЫ С МАХДИСТАМИ. ЗАХВАТ МАССАУА ИТАЛЬЯНЦАМИ

На политическую ситуацию в Эфиопии решающее влияние оказали не внутренние факторы, а внешние события. После нескольких лет мира Эфиопия в 1884 г. {301} снова оказалась на пороге войны, на этот раз с махдистами. В 1882 г. Англия приступила к оккупации Египта, одновременно намереваясь подчинить себе и Судан. В это время в Судане, с конца 1881 г., ширилось восстание против господства Египта и сотрудничавших с ним чужеземцев, особенно англичан. Восстание возглавил Мухаммед Ахмед, объявивший себя махди, т. е. мессией, и призвавший всех мусульман к «священной» войне против «неверных». Восстание разрасталось. В 1883 г. махдисты заняли Кордофан. В ноябре того же года они разбили англо-египетские войска под командованием генерала Гикса. Вскоре они овладели провинцией Дар-фур, и их отряды стали появляться на побережье Красного моря. В апреле 1884 г. войска махдистов достигли границ Эфиопии и заняли Мэтэмму (Мэтэма).

В связи с успехами махдистов в Судане Англия² решила заключить соглашение с Эфиопией для совместной борьбы с ними. Йоханныс IV отнюдь не думал о вооруженных действиях против Судана, но был вынужден защищать границы страны. В 1884 г. в Тигре, где находился Йоханныс IV, прибыл представитель Великобритании адмирал сэр Уильям Хьюитт. После кратких переговоров в Адуа 3 июня 1884 г. был заключен англо-эфиопский договор. Его подписали с одной стороны — Уильям Хьюитт и губернатор Массауа Муса-бей, представлявший хедива Египта, с другой — Йоханныс IV. По договору Эфиопия со дня его подписания имела право на транзит через Массауа всех товаров, в том числе и военного снаряжения. С 1 сентября 1884 г. область Богос возвращалась под власть императора Эфиопии. Египетские гарнизоны, покидая крепости, построенные в Богосе, в местностях Кассала (Кэсэла), Амдыб и Сэнхет, должны были оставить в полном порядке все возведенные египтянами укрепления, склады боеприпасов и оружия. Все это становилось собственностью императора. Император обязывался оказывать помощь египетским частям, эвакуирующимся из Кассалы, Амдыба и Сэнхета в Массауа через эфиопскую территорию, хедив уже обязывался оказать императору по- {302} мощь в вопросе возможного назначения абунэ. Император и хедив должны были выдавать друг другу преступников, скрывшихся на их территориях. С согласия императора все споры, возникшие между ним и хедивом после подписания этого договора, передавались на рассмотрение Великобритании.

Заключая договор с Эфиопией, в котором формально участвовал Египет, Англия надеялась использовать эфиопские войска против восстания в Судане. Однако Эфиопия не стала пассивным орудием в руках британской политики. Йоханныс IV, подписывая договор, стремился воспользоваться ослаблением Египта и вновь присоединить к Эфиопии побережье Красного моря. Когда же египетская и английская стороны, снабдив его оружием, потребовали непосредственной поддержки, он так долго ее откладывал, что египетские гарнизоны, ожидавшие его помощи, большей частью были разгромлены. Нельзя согласиться с тезисом, содержащимся в некоторых исторических работах о Судане, относительно того, что эфиопская армия, сражаясь с махдистами, выполняла английские распоряжения. Махдистские войска напали на Эфиопию, и ей надо было думать прежде всего об обороне своей западной границы, а не об экспансии. Эфиопская сторона атаковала первой только на эфиопской территории, занятой махдистами, и таких случаев было немного.

¹ См.: «История Африки в XIX—начале XX в.». М., 1967. — *Прим. ред.*

² См.: Смирнов С. Р. История Судана (1821—1956). М., 1968. — *Прим. ред.*

Первые серьезные действия против махдистов Йоханнис IV предпринял в районе Мэтэммы. Этот город, длительное время окруженный суданцами, ожидал помощи. В то время большинство его населения составляли египтяне и турки, но сам город находился на территории Эфиопии. В январе 1885 г. эфиопам удалось прорвать кольцо суданских войск и эвакуировать население из Мэтэммы. После отхода императорских войск город перешел в руки махдистов.

К 1885 г. в числе окруженных крепостей, защищаемых египтянами, наряду с Амдыб и Алгеден находилась и Кассала. Этот большой форт мог выдержать долгие месяцы осады. Хедив Египта и англичане были очень заинтересованы в спасении гарнизона крепости. Обе стороны обратились к Йоханнису IV с просьбой оказать помощь окруженным войскам. Эфиопский император воспользовался этим, чтобы добиться от Египта дальнейших уступок. За освобождение этих гарнизонов он потребовал возвращения Эфиопии порта Массауа. Англия дала согласие. На выручку должен был идти рас Алула, получивший значительное количество оружия от Англии. Однако император не спешил с приказом о выступлении. Он медлил, считая, что все решится и без участия его войск. Наконец, в середине сентября 1885 г., армия раса Алулы двинулась в направлении Куфит, где находились войска Османа Дигны, главнокомандующего армией махдистов в северном Судане. В сражении в районе Куфит эфиопы одержали победу. Войска раса Алулы потеряли 2 тыс. солдат, противник — 3 тыс. Битва при Куфит, включая раненых и погибших при отступлении, стоила Осману свыше 10 тыс. солдат. Это поражение махдисты вскоре компенсировали победами на западном фронте. К Мэтэмме двинулся эмир Уад Арбаб. Он перешел границу и, спалив ряд селений, в том числе и прославленный монастырь Махбэрэ-Сылласе, объявил новую войну.

В этот период внешнеполитическое положение Эфиопии чрезвычайно осложнилось. В феврале 1885 г. в Массауа высадились итальянцы и, несмотря на протесты Йоханниса IV, не только удерживали город в своих руках, но и начали захватывать территории, оставленные войсками хедива и по договору в Адуа отошедшие к Эфиопии. Неожиданно Йоханнис IV оказался перед лицом двух врагов. Считая, что наибольшая угроза идет с запада, он решил главное внимание уделить ей. Положение императора еще более осложнилось в связи с тем, что активизировал свою деятельность властитель Шоа Менелик, намеревавшийся захватить императорский престол. Менелик установил тесные связи с итальянцами. Все это угрожало власти императора и настоятельно требовало принятия быстрых решений.

По приказу императора в январе 1886 г. против эмира Уад Аржаба выступил нугусэ Тэкле-Хайманот со 100-тысячной армией. Эмир, имевший только 17 тыс. солдат, укрепил Мэтэмму и в крепости ожидал прибытия эфиопов. Мэтэмма была взята, несмотря на отчаянное сопротивление гарнизона. В значительной степени победу эфиопам обеспечил происшедший в крепости взрыв складов с боеприпасами. Взяв много пленных и опустошив Мэтэмму, нугусэ Тэкле-Хайманот возвратился в свои провинции — Бэгемдыр и Годжам.

После смерти махди в 1885 г. махдистское государство возглавил халиф Абдаллах. Узнав о поражении Уад Арбабы, он назначил эмиром Мэтэммы своего племянника Юнуса. Он предоставил в его распоряжение 10 тыс. превосходно снаряженной пехоты и 2 тыс. конницы. Юнус занял оставленную эфиопами Мэтэмму, продвинулся в глубь Эфиопии, дойдя почти до Чыльга, затем вернулся, спалив по пути все деревни, и начал укреплять Мэтэмму. Тогда же он разрешил купцам свободно торговать и селиться в Мэтэмме.

В июле 1887 г. халиф Абдаллах направил императору Йоханнису IV письмо следующего содержания: «Если ты уничтожишь свой крест и станешь, как и я, мусульманином, то мы тотчас заключим мир. Кроме того, если ты хочешь мира, то должен мне вернуть всех пленных, находящихся в твоей стране — мужчин и женщин, рабов, старых и молодых. Тогда и я верну захваченных эфиопов. Если откажешься, то объявлю тебе войну». Эфиопский император не ответил на письмо. Обе стороны начали готовиться к войне.

Руководить подготовкой к войне против Эфиопии халиф поручил своему лучшему и любимому полководцу Абу Анге, получившему титул абагаз. Пока 100-тысячная армия Абу Анги двигалась к Мэтэмме, положение императора стало еще хуже. На севере начали военные действия итальянцы, продвигавшиеся от побережья Красного моря в глубь страны. Хотя масштаб этих действий был невелик, они сковывали силы раса Алулы. На востоке на императорские войска напали народы галла и данакиль. Йоханнис IV не знал, где главная опасность. До

конца периода дождей в 1887 г. он оставался в Бэгемдыре. Позднее, 7 ноября, узнав о продвижении итальянцев, он направился в Тигре. Заботу о западных границах страны он передал ныгусэ Тэкле-Хайманоту, поручив охранять ему прежде всего Дэмбию и Гондэр.

Когда Абу Анга узнал об уходе императора на север страны, он приказал немедленно выступить в направлении Гондэра. 17 января 1888 г. на равнине Сар-Уыха ему {305} преградили путь войска Тэкле-Хайманота. С переменным успехом битва продолжалась целый день и закончилась победой Абу Анги. Он захватил много пленных, среди них и дочь Тэкле-Хайманота, ускокавшего после поражения с поля боя. Эфиопы понесли тяжелое поражение, потеряв многих высших военачальников. Три дня махдисты праздновали победу, после чего Абу Анга двинулся на Гондэр. Ранним утром 21 января махдистские отряды вторглись в Гондэр. После разгрома Тэкле-Хайманота в этом районе уже не было армии, которая могла бы защитить бывшую столицу эфиопских императоров. Войска Абу Анги разграбили город и захватили богатые трофеи. Жителей, не успевших бежать, убивали либо брали в плен. Все церкви были сожжены. После этого Абу Анга приказал возвращаться в Мэтэмму. Все селения, находившиеся на пути его войск, были сровнены с землей. Радость победителей была омрачена смертью Абу Анги, умершего после непродолжительной болезни.

После поражения ныгусэ Тэкле-Хайманота Йоханныс IV, сосредоточив главные силы на севере страны против итальянцев, пытался нейтрализовать халифа, предложив ему заключить соглашение. Он направил ему письмо следующего содержания: «Заключим мир между собой и будем жить в согласии. Народы Судана и Эфиопии имеют общее происхождение. Мы близки друг другу. Вместо того чтобы быть врагами, лучше объединимся и будем бороться против общего врага». Как подтвердили позднейшие события, император Эфиопии правильно посчитал, что в тот момент главной опасностью для страны была итальянская агрессия. Во главе огромной, 200-тысячной, армии он находился тогда в районе Адуа и Аксума, ожидая нападения итальянцев.

Абдаллах не принял предложения о заключении мира и установлении дружеских отношений. В ответном письме, отправленном в марте 1888 г., халиф писал: «Если оставишь свою веру и станешь мусульманином, то мы будем настоящими друзьями. В том случае, если не примешь ислама, то станешь главным врагом аллаха и пророка Магомета. И что бы тогда ни случилось, я не успокоюсь, пока не уничтожу тебя». {306}

СРАЖЕНИЕ ПОД МЭТЭММОЙ. СМЕРТЬ ЙОХАННЫСА IV

Между тем положение Эфиопии на северном фронте значительно улучшилось. Итальянцы признали, что для решающего успеха в войне с Эфиопией у них на Африканском континенте не имеется еще достаточного количества сил. Итальянцы отвели свой африканский корпус из глубинных районов, оставив за собой контролирование стратегических пунктов на побережье. Это дало возможность Йоханнысу IV перебросить силы с северного фронта в центр страны, где возникла острая необходимость не только в защите западных границ, но и в обуздании сепаратистских стремлений ныгусэ Тэкле-Хайманота, который отказывался подчиняться императору, а также ныгусэ Менелика, находившегося в то время в дружественных отношениях с Италией.

Перед генеральным сражением с махдистами, оккупировавшими Мэтэмму, Йоханныс IV постарался установить порядок внутри страны. Он выступил против Годжама и Шоа. Ныгусэ Тэкле-Хайманот без сопротивления заключил соглашение с императором и присоединился к нему. Однако главный противник — Менелик — по-прежнему не хотел подчиняться Йоханнысу IV, и император решил окончательно с ним расправиться.

Во время начатого похода на Шоа князья и духовенство из окружения императора убеждали его повернуть к Мэтэмме. Собравшиеся на совет светские и духовные сановники заявили: «Мы не считаем правильным выступать против Шоа, оставив дервишей в тылу. Сначала уничтожим дервишей, а потом уже направимся против Шоа».

Позднее ходили слухи о том, что большую роль в убеждении князей и императора в необходимости прежде всего отправиться на запад, а не к Шоа сыграли духовные лица, специ-

ально подосланные Менеликом. Они агитировали за войну с махдистами и выступали против войны с Италией на севере и, конечно, против войны на юге с Шоа.

Так или иначе, императорская армия, вместо того чтобы продолжать начатый по направлению к Шоа поход, от {307} Годжама двинулась через Агау-Мыдыр к Дэмбии. Йоханнис IV выступал во главе огромной армии из 150 тыс. пехотинцев и 20 тыс. конницы. Эфиопские воины были полны жаждой мести. Чтобы укрепить эти настроения, император провел свои войска через местность под Дэбрэ-Сина, где потерпел поражение Тэкле-Хайманот. На поле битвы лежали многочисленные трупы эфиопов, вид которых еще больше усилил жажду мести в армии императора.

Затем Йоханнис IV направился к Мэтэмме, после захвата которой намеревался двинуться к Омдурману, чтобы окончательно разбить врага. В этом походе императора сопровождали крупнейшие военачальники Эфиопии. Среди них были: рас Арая Великий, рас Микаэль, рас Хайле-Марьям, рас Алула, а также сын императора рас Мэнгэша.

Когда известие о походе императора с огромным войском достигло Мэтэммы, армия махдистов начала лихорадочно готовиться к обороне. Эмир Зеки Тумаль, заступивший Абу Анги, приказал все силы бросить на укрепление крепости. Безостановочные работы, проведенные в течение января и февраля 1889 г., позволили значительно усилить укрепления Мэтэммы. И все же Зеки Тумаль, в распоряжении которого было только 85 тыс. солдат, включая в это число также спешно мобилизованных окрестных крестьян и всех горожан, способных носить оружие, не надеялся удержать город. Он посылал халифу Абдаллаху отчаянные просьбы о подкреплении. В одном из писем Зеки Тумаль писал: «Пойми мое положение и пришли помощь. Лазутчики, которых я посылал к абиссинцам, сообщили мне, что их столько, сколько звезд на небе и песка в море. Они идут, и неисчислимые их громады поднимают с земли клубы пыли, которые, как тучи, закрывают солнце. Кроме того, есть предсказание, что абиссинские конники, искушавшись по грудь в человеческой крови, дойдут до Хартума... Все это переполняет меня ужасом».

В начале марта 1889 г. эфиопская армия показалась под Мэтэммой. Император Йоханнис IV, по своему обыкновению, перед началом сражения направил письмо эми- {308} ру Зеки Тумалю: «Я прибыл с тобой сражаться. Приготовься и жди меня, и не говори потом, что я упал на тебя неожиданно, как вор. Моя цель — отомстить за христианскую кровь».

9 марта эфиопские войска начали штурм. Сосредоточение огромного количества войск на сравнительно небольшом пространстве привело к тому, что сражавшиеся части оказались скрытыми клубами пыли, поднятыми с пересохшей земли десятками тысяч солдат, и потеряли связь со своим командованием. В один из моментов боя эфиопские солдаты прорвали в двух местах укрепление и ворвались в центр города, но в результате общего замешательства штурмующие отряды не использовали момент прорыва оборонительных линий и не послали необходимого подкрепления солдатам, сражающимся в центре вражеских позиций. В довершение солдаты, которым удалось прорваться в город, полагали, что это уже окончательная победа. Вместо того чтобы нанести удар по войскам Зеки Тумалю, застигнутым врасплох появившимися в их тылу вражескими солдатами, они начали поджигать дома и обыскивать те места, где предполагали найти труп Абу Анги. Настолько сильной была ненависть эфиопов к этому мусульманскому командующему, что они хотели сжечь его тело, чтобы отомстить ему хотя бы после смерти.

Несмотря на то что эфиопы не воспользовались возможностью атаковать врага с тыла, победа после четырех часов сражения начала явно склоняться на их сторону. В этот момент упал раненный пулей император Йоханнис IV, который, стремясь придать смелость своим солдатам, спешил и сражался во главе пехотинцев. Когда слух о ранении императора распространился среди эфиопских войск, их охватила паника. Огромная масса солдат обратилась в бегство. В один момент близкая уже победа превратилась, в полное поражение. Командующие отрядами не смогли овладеть положением и, отступая вместе с войсками, забрали с собой раненого императора. Вместе со всеми бежали абунэ Петрос и ычэге Теуофилос. Память о позорном бегстве церковных сановников с места сражения с мусульманами сохранялась в Эфиопии долгие годы. {309}

На следующей день после сражения Йоханнис IV умер от полученной раны. Перед смертью он успел еще объявить, что императорский трон передает своему сыну расу Мэнгэше.

Эмир Зеки Тумаль заплатил за победу такими огромными потерями, что побоялся сразу же броситься в погоню за бегущим, но еще многочисленным врагом. Он считался также с возможностью нового наступления неприятельской армии, не зная, что охваченные паникой эфиопские войска беспорядочно бегут как можно дальше от Мэтэммы, совершенно не думая о какой-либо борьбе. Ночь с 9 на 10 марта войско мусульман оставалось внутри своих укреплений. Только на следующий день, когда лазутчики принесли эмиру весть о том, что армия противника полностью разбежалась, он понял, что неожиданно одержал крупную победу. Зеки Тумаль тотчас же отдал приказ своим войскам догнать и атаковать в беспорядке отступающую эфиопскую армию.

После смерти Йоханныса IV феодалы из его окружения, забрав с собой гроб с останками императора, начали поспешно отступать по направлению к реке Атбара. 11 марта, подойдя к Атбаре, они разбили лагерь. Здесь их настигла погоня. За гроб императора разгорелась ожесточенная борьба. В конце концов мусульмане завладели гробом. Отрубленную голову Йоханныса IV, так же как и головы других убитых эфиопских князей, Зеки Тумаль в знак своей победы послал в Омдурман в подарок халифу Абдаллаху.

В столице государства махдистов в честь победы над эфиопами был устроен большой трехдневный праздник. После его окончания по приказу халифа голову императора Эфиопии привязали к верблюжьему горбу и возили по всему Судану, а человек, ведущий верблюда, оповещал: «Вот какой конец нашел могущественный император Эфиопии».

Поражение под Мэтэммой дорого бы стоило Эфиопии, если бы не внутреннее положение Судана, не позволившее организовывать большие походы на восток. Войны с Эфиопией как экономически, так и в военном отношении истощили государство Абдаллаха. Кроме того, страшный неурожай 1888 г. вызвал в Судане такой голод, которого давно уже здесь не бывало. Отсутствие запасов продовольствия привело к голодным эпидемиям в армии Зеки Тумаль, число солдат в которой сократилось вследствие войн с Эфиопией и голода с 85 тыс. до 10 тыс. Именно поэтому мусульманские войска халифа Абдаллаха, несмотря на победу под Мэтэммой, не предприняли дальнейших серьезных выступлений против Эфиопии, за исключением одного похода на Гондэр. {311}

Глава XVIII

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ.

МЕНЕЛИК II

ПРОНИКНОВЕНИЕ ИТАЛИИ В СЕВЕРНУЮ ЭФИОПИЮ

Итальянская экспансия в районе Красного моря началась в конце шестидесятых годов. В восьмидесятые годы, во время правления Йоханныса IV, она представляла уже серьезную угрозу северным границам Эфиопии. Покупка 15 ноября 1869 г. итальянским монахом Джузеппе Сапето небольшой части территории Асэб (Ассаба) за несколько тысяч талеров положила начало этой экспансии. Продавцами были султаны Ибрахим-бен-Ахмед и Хассан-бен-Ахмед. Сапето выступал от имени итальянской паровой компании Рубаттино. В марте 1870 г. итальянцам удалось расширить свои владения, приобретя еще часть территории в Асэбе. Действуя таким образом, они завладели исходной базой на африканском побережье Красного моря.

В 1879—1883 гг. компания Рубаттино и итальянское правительство заключили ряд соглашений с вождями данакильских племен, а также с султанами Асэба. Соглашения предусматривали отказ их от прав на прибрежные земли, расположенные по Баб-эль-Мандебскому проливу, и на прилегающие острова и признавали протекторат Италии над вышеуказанными территориями. В 1882 г. к итальянцам перешел уже и порт Асэб, который в этом же году вместе с прилегающими к нему землями был объявлен итальянской колонией. Таким образом, итальянское правительство приступило к осуществлению своих планов создания колоний в Северо-Восточной Африке.

Интерес Италии к этой части Африки особенно усилился после захвата Францией Ту-

ниса в 1881 г. Поражение итальянского правительства в длившемся несколько лет конфликте с Францией из-за Туниса оказало серьезное влияние не только на изменение в расстановке международных сил в Европе, но и способствовало сближению Италии с Германией и Австро-Венгрией. Кроме того, это усилило интерес Италии к Эфиопии как территории для возможной экспансии.

Завладев опорным пунктом в Асэбе, итальянцы намеревались начать дальнейшее продвижение вдоль побережья по направлению к Массауа, а оттуда в глубь территории. Эфиопия в сравнении с негостеприимной прибрежной полосой с трудным для европейцев климатом представлялась им страной необыкновенно богатой, с прекрасной природой и плодородными землями. В целях лучшего ознакомления с территорией предполагаемой экспансии итальянское правительство выслало туда в начале восьмидесятых годов ряд научных экспедиций. Их отчеты и карты должны были облегчить позднейшее продвижение военных отрядов. Первая экспедиция была в 1881 г. уничтожена данакильскими племенами. Вторая, руководимая Густаво Бьянки, через два года разделила ее судьбу.

Одновременно с направлением научных экспедиций, часть из которых все же завершилась удачно и позволила собрать необходимые сведения о стране, особенно о господствовавших там политических отношениях, итальянцы использовали также данные, сообщаемые католическими миссионерами. Наибольшую пользу принес им священник Массайя, который в течение ряда лет прожил среди галла, стремясь обратить их в христианскую веру. Позже он переехал в Шоа и, находясь при Менелике, завязал с ним близкие отношения. Итальянцы, узнав о большом политическом честолюбии правителя Шоа, решили установить с ним непосредственные контакты и в случае нужды оказать ему помощь. В их планы пока еще не входил захват Шоа, территории, находящейся на южных рубежах империи. Однако разжигание сепаратистских тенденций и поддержка Менелика в конфликте с Йоханнсом IV могли, по их мнению, привести к ослаблению центральной власти в Эфиопии и облегчили бы захват этой страны. Кроме того, итальянцы видели, что Шоа, отдаленная от побережья Красного моря, не была так сильно, как Тигре и северные области, заинтересована в получении выхода к морю. Геополитическое положение этой территории в определенной степени способствовало тому, что основным направлением внешней политики господствующей там династии было южное направление. Их привлекало не побережье Красного моря, а малонаселенные земли, расположенные к западу, югу и юго-востоку от Шоа. Главным образом в этом, а также в стремлении Менелика получить поддержку извне в борьбе за императорскую корону следует искать причины его сближения с Италией в восьмидесятые годы.

Формальным выражением этого явилось заключение договора между Шоа и Италией, подписанного 21 мая 1883 г. Менеликом и представителем итальянского правительства Пьетро Антонелли. Договор предусматривал, что обе стороны обменяются консулами и установят торговые связи, а также будут стремиться в будущем поддерживать мирные дружественные отношения.

Восстание махдистов в Судане, как нам уже известно, способствовало подписанию в 1884 г. англо-египетско-эфиопского договора, но оно же повлияло и на заключение тайного англо-итальянского соглашения, по которому Италия должна была оказать помощь английскому генералу Гордону, окруженному в Хартуме махдистами вместе со своим египетским гарнизоном. За это Великобритания обещала не препятствовать Италии в захвате африканского побережья Красного моря и особенно порта Массауа. Таким образом, британское правительство одновременно пообещало Массауа как Италии, так и Эфиопии. Это был хитрый ход, и, возможно, англичане, даря одно и то же двум партнерам, получили бы от обеих сторон помощь против суданцев, если бы не осторожная политика Йоханнса IV и непредвиденно быстрые успехи повстанцев. 5 февраля 1885 г. итальянский десант под командованием полковника Танкреди Салетта высадился в порту Массауа, где в это время находились, солдаты хедива Египта.

Командующий итальянской экспедицией старался создать у местного населения впечатление, будто он действует в согласии не только с Великобританией, но даже с Турцией, Египтом и Эфиопией. На следующий день после захвата порта он выпустил следующее воззвание к жителям Массауа: «Итальянское правительство в согласии с английским и египетским правительствами, а также с правительством Абиссинии поручило мне с сегодняшнего дня взять в свои руки контроль над крепостью Массауа и поднять итальянский флаг рядом с

египетским». Египетский гарнизон спокойно воспринял высадку итальянцев. Не раздалось ни одного выстрела. Англичане, выполняя тайный договор, тоже промолчали. С формальным протестом выступили только египетские гражданские власти города.

Когда итальянцы намеревались направиться на выручку к генералу Гордону, пришло известие, что Хартум пал. Их помощь уже не нужна была англичанам. Однако Массауа остался в руках итальянцев. В том же году они приступили к дальнейшим захватам в этом районе. Заняли Аркико и другие пункты на севере Эфиопии, распространив свою власть на все побережье между Массауа и Асэбом, и стали проникать все дальше в глубь страны. Одновременно итальянцы начали строить укрепления в Массауа.

Йоханнес IV, ссылаясь на англо-эфиопский договор 1884 г., протестовал против захвата итальянцами этого порта. С формальным протестом выступили также Египет и Турция. Однако эти демарши не были поддержаны никакими вооруженными выступлениями и потому остались без отклика. Решающий голос в этом вопросе могла иметь Англия, но она по-прежнему считала своим главным конкурентом в вопросе о колониях Францию, была обеспокоена все более активной политикой ее в районе Красного моря и потому смотрела на итальянскую экспансию даже с некоторым удовольствием, видя в ней фактор, способный частично нейтрализовать французские начинания. Во всяком случае, Великобритания предпочитала на этой территории иметь дело со слабой Италией, чем со значительно для нее более опасной Францией. Эта позиция Англии, не менявшаяся до конца XIX в., в значительной степени облегчила Италии проведение ее политики в отношении Эфиопии.

При негласном одобрении английского правительства итальянцы в 1885 г. осуществили депортацию египетского губернатора Массауа и начали укреплять свои {315} позиции на побережье Красного моря. Вначале они успокаивали Йоханнеса IV уверениями в том, что ограничатся только захватом нескольких пунктов на побережье вблизи Массауа и Асэба.

1886 год прошел еще без серьезных инцидентов между итальянскими и эфиопскими войсками. Йоханнес IV, а также рас Алула, провинция которого непосредственно соприкасалась с итальянскими владениями, ограничились формальными протестами против захвата Италией местностей, признанных по соглашению Хьюитта за Эфиопией. Было отмечено только несколько столкновений между итальянскими отрядами и данакльскими племенами. Наиболее серьезное из них имело место в конце 1886 г., когда полностью была уничтожена экспедиция Пьетро Порро, которая формально носила научный характер. В 1886 г. стали отправлять караваны по пути, пролегающему между Асэбом и Шоа. С ними итальянцы посылали в помощь Менелику оружие, стремясь ускорить начало вооруженного конфликта между ним и Йоханнесом IV, что значительно облегчило бы Италии действия на севере.

В начале 1887 г. итало-эфиопские отношения значительно обострились в связи с захватом Италией новых территорий, которые находились, по соглашению Хьюитта, в эфиопской сфере влияния. Особенно серьезно обострилось положение после вступления итальянских войск в Саати и оккупации этой местности, несмотря на протесты раса Алулы, тем более что итальянские войска не только заняли спорные территории, но и начали ускоренно сооружать там укрепления.

В связи с этим рас Алула направил главнокомандующему итальянских войск генералу Джене ультиматум, в котором потребовал освободить спорные территории и вывести отсюда итальянские войска. Когда это требование не было удовлетворено итальянской стороной, отряды раса Алулы начали двигаться по направлению к Массауа.

Первая встреча эфиопских и итальянских войск закончилась поражением эфиопов. 26 января 1887 г. вблизи Догали состоялось второе сражение. На этот раз итальянский отряд из 500 человек под командованием полковника Христофори наткнулся на авангард войск раса Алулы, насчитывавший 15 тыс. солдат. Итальянцы потерпели полное поражение: из всего отряда осталось в живых только 80 солдат, причем все они были ранены. В бою погибли 23 итальянских офицера и около 400 солдат. После этого поражения командование итальянского экспедиционного корпуса, учитывая численное превосходство эфиопских сил, эвакуировало гарнизоны из многих пунктов, сконцентрировав все силы, насчитывающие в то время 2 тыс. солдат, в Массауа. Одновременно в этом порту начались усиленные работы по расширению военных укреплений.

Поражение итальянских войск под Догали вызвало в Риме большое замешательство.

Итальянское правительство поняло, что военная кампания против Эфиопии не будет такой легкой, чтобы ее можно было бы осуществить при помощи незначительных сил, уже находящихся в Африке. Парламент утвердил новые кредиты на ведение военных действий в Африке. Приступили к организации специального африканского корпуса, который предназначался для завоевания Эфиопии.

В течение нескольких месяцев подготовка была закончена. В декабре того же года африканский корпус, во главе которого стоял один из наиболее опытных итальянских генералов — Сан Марцано, находился уже в Африке. Корпус насчитывал вместе с отрядами, завербованными из местного населения, 25 тыс. солдат.

Во время конфликта с императором Эфиопии Италия продолжала поддерживать дружественные отношения с ныгусэ Шоа и 20 октября 1887 г. заключила с ним соглашение о союзе, согласно которому итальянское правительство обязалось не аннексировать территории, принадлежащие «царю Шоа, Кэфа и страны галла», как был назван Менелик в этом трактате. Добившись вышеупомянутого соглашения, итальянская дипломатия последовательно продолжала проводить ранее намеченную политику, целью которой было ослабление сил Эфиопии изнутри при помощи разжигания сепаратистских стремлений и разногласий между отдельными провинциями. Наиболее отчетливо это выразилось в поддержке Менелика против Йоханнуса IV. {317}

Йоханнус IV пытался дипломатическим путем помешать началу военных действий со стороны Италии. С запада ему угрожали махдисты, с юга Менелик, который, несмотря на заключенное соглашение, только ждал случая, чтобы свергнуть его с императорского трона. Не уверенный в Годжаме и ныгусэ Тэкле-Хайманоте Йоханнэс IV в данных условиях не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы начинать войну с Италией. Отдавая себе полностью отчет, насколько важным для Эфиопии является доступ к морю, он намеревался возратить себе ранее отторгнутое побережье Красного моря. Однако пока Йоханнус IV считал, что первоочередной задачей является не борьба с Италией (к ее мощи он относился несерьезно, рассчитывая, что это будет не очень трудный противник), а отражение нашествия махдистов и приведение в порядок внутренних дел, и прежде всего склонение Менелика к послушанию.

В этой ситуации император попытался решать конфликт с Италией путем дипломатических переговоров. Он направил письмо королеве Виктории, прося, чтобы правительство Великобритании оказало посредничество в данном вопросе. В этом письме, ссылаясь на договор Хьюитта, Йоханнус IV отмечал, что Великобритания согласилась на то, чтобы Эфиопия пользовалась портом Массауа. Италия же, оккупировавшая порт, не разрешает эфиопским купцам им пользоваться, нарушая тем самым англо-эфиопский договор от 1884 г. Великобритания, не желавшая восстанавливать против себя императора Эфиопии, на помощь которого в войне с махдистами все еще рассчитывала, взяла на себя официальную миссию посредника. В середине 1887 г. английское правительство предложило свое посредничество в разрешении итало-эфиопского спора, но итальянский премьер-министр Франческо Криспи в официальном ответе сообщил 1 августа правительству Великобритании, что не видит возможности каких-либо уступок в пользу Эфиопии со стороны Италии. В то же время итальянцы направили письмо и к императору Йоханнусу IV, в котором изложили свои предложения по разрешению конфликта. Они заключались в следующем: признание Эфиопией итальянского протектората над Саати (Сахети) и другими спорными территориями; заключение торгового соглашения с Италией, а также выражение сожаления со стороны Эфиопии по поводу битвы под Догали. Все эти условия были решительно отклонены Йоханнусом IV.

В конце 1887 г. император сконцентрировал все свои войска на севере страны. Безусловно, он имел тогда все шансы победить итальянцев и освободить побережье Красного моря. Однако Йоханнус не мог решиться на наступление, так как с тыла ему постоянно угрожали махдисты и Менелик. Пытаясь оградить себя от дальнейших атак мусульманских войск и развязать руки для генерального сражения с итальянцами, Йоханнус IV послал ранее уже упоминавшееся письмо к халифу Абдаллаху, в котором предлагал заключить мир и заявлял, что вместо того, чтобы бороться друг с другом, эфиопы и суданцы должны выступить совместно против общего врага — агрессивных европейцев. Как уже знаем, предложение было отвергнуто халифом. Это означало войну с махдистами.

В подобной ситуации Йоханнус IV, не желая бороться на два фронта, решил пойти на

уступки Италии. В марте 1888 г. генерал Сан Марцано, африканский корпус которого продвинулся в глубь Эфиопии, не встречая никакого сопротивления со стороны эфиопской армии, получил от Йоханнуса IV предложение о мире. Йоханнус IV предложил тогда итальянцам не только заключить мир, но и совместно бороться против махдистов. Император писал: «Если бог уделит мне свою ласку, то вы с одной стороны, а я с другой — сможем атаковать дервишей и разбить их». Одновременно с этим эфиопский император просил открыть Массауа для эфиопской торговли. Правдоподобно, что под нажимом Великобритании, которая хотела, чтобы Эфиопия бросила свои главные силы против махдистов, а также учитывая значительную концентрацию эфиопских войск на севере, итальянцы весной 1888 г. начали отводить свой африканский корпус на побережье. Отсюда большая часть его была отправлена назад в Италию. Это дало возможность Йоханнусу IV перебросить армию на западные границы, где в марте 1889 г., как мы помним, он был смертельно ранен в сражении с махдистами под Мэтэммой. {319}

После смерти Йоханнуса IV на эфиопской политической арене появилась в полном блеске фигура ныгусэ Шоа — Менелика, который вскоре станет добиваться императорской короны. Однако, прежде чем до этого дойдет рассказ, следует несколько шире показать путь, по которому шел к власти Сахле-Марьям, известный со времени его коронации ныгусэ под именем Менелика.

ЗАХВАТ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ МЕНЕЛИКОМ II

Сахле-Марьям родился 17 августа 1844 г. После смерти своего отца Хайле-Мэлекота в 1855 г. и поражения армии Шоа в сражении с войсками императора Теодроса II одиннадцатилетний Сахле-Марьям был взят в императорский плен как заложник, гарантирующий лояльность Шоа. Как передают эфиопские хроники, молодой князь отличался большими военными способностями. С ним никто не мог соперничать в конных турнирах, которые часто устраивались при дворе Теодроса II. Первые годы его пребывания около императора не были тягостными. Рассматриваемый почти как член императорской семьи, он мог забыть о том, что находится в плену. Тем более что император Теодрос, стремясь прочнее привязать его к себе, а также отвлечь от возможного бунта, женил на своей дочери Альташ.

Однако хорошие отношения между императором и молодым князем продолжались недолго. Когда в провинциях дошло до первых серьезных столкновений, в Шоа тоже начались волнения. Тогда Теодрос приказал заключить князя Сахле-Марьяма в Мэкдэле. Ему разрешилось и в заключении иметь при себе нескольких близких ему людей из Шоа. Через них князь Сахле-Марьям поддерживал тайную связь со своей страной. Воспользовавшись тем, что Теодрос все чаще бывал занят усмирением бунтующих провинций и не обращал на него внимания, князь начал готовить побег. Ему помогала ненавидевшая императора княгиня Уоркит, правительница Уолло, через территорию которого Сахле-Марьям должен был пробираться в Шоа. В ночь на 30 июня 1865 г. он незаметно скрылся из Мэкдэлы. {320}

Когда Теодрос узнал о бегстве Сахле-Марьяма и о той помощи, которую оказала ему княгиня Уоркит, он приказал некоторым заключенным в Мэкдэле узникам отрубить руки и ноги и живьем бросить в пропасть. Среди них находилась и дочь правительницы Уолло.

Такой поступок Теодроса вместо того, чтобы утешить князя, укрепил его решимость. Горящая местью Уоркит дала ему вооруженную охрану, и в Шоа он прибыл во главе довольно большого отряда солдат. Его войско быстро увеличивалось. В армию сына Хайле-Мэлекота, которого в Шоа считали законным наследником трона, вступали добровольцы. Когда князь Бэзаббых, управляющий этой областью от имени Теодроса II, преградил ему путь в Гадило, то был атакован довольно значительным отрядом, сопровождавшим князя Сахле-Марьяма, и разбит. Бэзаббых вынужден был спасаться бегством.

В том же 1865 г. Сахле-Марьям сам присвоил себе титул ныгусэ Шоа и стал называться Менеликом. Только в 1878 г. этот титул был утвержден уже новым императором. 26 марта Йоханнус IV короновал Менелика как ныгусэ Шоа своей собственной короной. При этом Йоханнус торжественно заявил: «Корону моего сына Менелика ныгусэ Шоа, и следует его чтить так же, как и меня».

Новый ныгусэ Шоа в начале своего правления прежде всего стремился укрепить свою

власть в стране и избавиться от конкурентов. Единственным серьезным соперником на трон Шоа был князь Бэзаббых, правда разбитый в битве под Гадило, но не побежденный окончательно и имеющий своих сторонников. Менелик расправился с ним с помощью хитрости: предложил Бэзаббыху мирные переговоры и, когда тот прибыл на них, обвинил его в бесчеловечных издевательствах над солдатами и приговорил к смерти. Бэзаббых был расстрелян, а его труп сожжен.

В течение нескольких последующих лет Менелик укреплял свою власть в Шоа. Однако планы его простирались дальше. Как уже рассказывалось, сразу же после смерти Теодроса II Шоа включилась в борьбу за политическую гегемонию в стране, но, когда успех оказался на стороне Ласты и Центральной Эфиопии, а позднее на стороне провинции Тигре, правителю которой Бэзыбыз-Касе {321} удалось захватить императорскую власть и короноваться под именем Йоханнуса IV, Менелик решил пока не участвовать в открытой борьбе. Шоа еще не имела достаточно сильной армии, чтобы вооруженным путем бороться за главенствующее положение в государстве, особенно учитывая, что авторитет Йоханнуса IV как императора был значительным.

Менелик шел к власти медленно, избегая открытых столкновений с императором. Он охотно налаживал многочисленные связи с заграницей и приглашал к себе иностранных специалистов. Как эфиопская литература, так и многочисленные путешественники единогласны в оценке Менелика как человека очень способного, с широким кругозором, энергичного и ловкого, а одновременно с этим жесткого политика. Используя для достижения своих целей чаще всего дипломатические средства, Менелик в то же время прибегал и к вооруженной силе, когда считал это необходимым. С этой характеристикой Менелика можно согласиться, но с оговоркой, что она относится только к первому периоду его деятельности, когда он был в Шоа. Пребывание его на императорском троне — это уже иной период и иная характеристика его как деятеля.

Следует прежде всего отметить, что в роли ныгусэ Шоа Менелик был одним из самых крупных представителей сепаратистских тенденций. Однако этим определением нельзя передать всю суть проблемы. Гегемония в империи Тигре означала господство в общеэфиопской политике «северного направления», т. е. борьбы за выход к морскому побережью. Шоа же издавна была связана с южным направлением в общеэфиопской политике. Она всегда была заинтересована в экспансии Эфиопии на юг, в земли, частично пустынные, частично богатые и плодородные. Важную роль в этом южном направлении политики играли и следующие соображения: перенесение интересов на юг способствовало бы тому, что Шоа могла оказаться в центре будущей укрупненной Эфиопии. В данный же момент она находилась на юго-восточных окраинах страны. Положение подобного рода было очень неудобным, если принять во внимание стремление господствовать над всей империей. Идея увеличения Эфиопии {322} за счет новых провинций, к тому же присоединенных войсками Шоа и потому зависящих от этой области, родилась, как видим, в результате сложных причин.

В существовавшем в то время административном делении Эфиопии Шоа являлась только одной из крупных провинций, хотя и с богатыми историческими традициями. Другие провинции, такие, как Тигре или Бэгемдыр, Годжам, а также Ластва, могли уравновесить влияние Шоа на политической арене Эфиопии. Равновесие сил могло быть изменено в пользу Шоа прежде всего путем присоединения к Шоа новых, зависящих от нее территорий. Это прекрасно понимал Менелик, и из этого вытекала его завоевательная политика, о которой позже будет сказано. Без этой предварительной характеристики концепций внешней политики Менелика было бы трудно понять политические шаги, предпринятые им по отношению к Италии. Полагаем, что существовали две главные причины, из-за которых Менелик, вплоть до момента своей коронации императором, допускал определенные отношения с Италией. Первая — это его заинтересованность в проведении экспансии на юг, а не на север, где обосновались итальянцы, которые не угрожали экономическим и политическим интересам Шоа. Вторая — это расчет, что итальянцы настолько ослабят силы Йоханнуса IV, что это облегчит Менелику захват императорской власти. К этому следует добавить, что расширение итальянских владений на севере происходило за счет Тигре, политического соперника Шоа. Следовательно, внешняя политика Менелика в бытность его правителем Шоа основывалась исключительно на провинциальных интересах этого края и не считалась с государственной политикой Йоханнуса IV.

Выжидая удобный момент для захвата императорской власти, Менелик по отношению к Йоханнису IV проводил политику компромиссов и кратковременных союзов, в то же время поддерживая дружеские контакты с итальянцами. Одновременно с этим он старался распространить свое влияние на территории, граничащие с Шоа. В начале восьмидесятых годов Менелик захватил и подчинил себе округа Гума и Гера, заставил платить дань правителя Годжеба, владевшего территорией в крае Кэфа (Каффа), {323} расположенной на юг от Гумы. В 1882 г. один из выдающихся военачальников Менелика покорил народ галла-гудру. В это же время султан Джиммы Абба-Джыфар признал главенство Менелика и согласился платить ему дань. Войска Шоа захватили также населенные гураре территории, расположенные между Гибе и Аваш. В последующие годы власть Менелика признали Лиму, Джанджэро и Уоламо.

Чтобы укрепить свою власть на захваченных территориях, Менелик проводил политику перемещения групп населения, проживающих в различных округах. Он переселял в Шоа большие группы населения, проживающего на юге, а на их место отправлял жителей Шоа или других округов, стараясь таким образом создать опорные пункты. Кроме того, стремясь как можно быстрее объединить захваченные земли, он всячески поддерживал браки между представителями родов, принадлежащих к различным этническим группам. Обычно Менелик не прибегал к репрессиям как главному средству сохранения своей власти в подчиненных округах, а привлекал к себе местную знать, давая им высокие должности при дворе. Именно из них позднее вышли многие известные военачальники, которые сыграли большую роль в истории Эфиопии.

Значительно укрепил позиции Менелика его новый брак с княжной Тайту, дочерью дэджача Быгуля, владеющего в Йеджу округом, который славился воинственным населением. Бракосочетание Менелика и Тайту состоялось 2 мая 1883 г. С этого времени отряды галла-йеджу стали самыми верными военными формированиями Менелика. Тайту, известная не только своей красотой, но и умом, стала играть большую роль при дворе Менелика, часто вмешиваясь в решения государственных вопросов. Огромное значение среди окружения Менелика также стал иметь младший брат Тайту дэджач Уоле, воин, известный своими доблестями.

Крупной экспедицией вне границ своей страны, которую осуществил Менелик прежде, чем стать императором, был поход в Харэр. В 1885 г. этот город был оставлен египетским гарнизоном, который был отозван в Египет в связи с действиями махдистов в Судане, и управление им перешло к эмиру Абдуллаху. Менелик начал поход на {324} Харэр из Ынтотто (Энтотто), своей новой резиденции.

6 января 1887 г. войска Менелика подошли к Харэру. Армия Абдуллаха была разбита, и город оказался в руках эфиопских войск. Назначив правителем этого города баламбараса Мэконнына, Менелик вернулся в Шоа.

Когда Италия стала готовиться к войне с Йоханнисом IV, Менелик со своей стороны начал готовиться к сражению за императорский трон. Укрепив свои позиции договором с Италией, заключенным в октябре 1887 г., он одновременно стал увеличивать свои войска. Как известно, Йоханнис IV, имевший огромную армию, не вступил в сражение с итальянцами, а начал передвигать свои войска на юг, и длительное время не было уверенности в том, использует ли он их в целях подчинения себе Менелика или двинется против махдистов. В конце концов Йоханнис IV предпринял последнее. В начале 1889 г. императорские войска вместо того, чтобы дальше продвигаться по направлению к Шоа, двинулись к Мэтэмме.

Между тем Менелик стянул к Ынтотто вооруженные отряды из всех подчиненных ему земель и во главе большой армии в начале марта 1889 г. двинулся к Дэбрэ-Бырхану, куда прибыл 18 марта. Потом Менелик вступил в Уолло, где его настигло известие о поражении и смертельном ранении императора под Мэтэммой. Менелик немедленно приказал выпустить прокламацию, объявляющую, что он берет в свои руки императорскую власть в Эфиопии. 18 апреля Менелик прибыл в Йеджу, где уже в качестве повелителя Эфиопии назначил своим наместником дэджача Уоле, одновременно присвоив ему высокое звание раса. Здесь Менелику были оказаны почести рядом крупнейших феодалов, которые, несмотря на то что Йоханнис IV на смертном одре назначил в качестве преемника на императорский трон своего сына раса Мэнгэшу, решили поскорее признать Менелика главой Эфиопии. В их числе были ныгусэ Годжама Тэкле-Хайманот, уагшум из Ласты Бырру, а также правитель Сымена Уольдэ-

Сылласе. Всем этим сановникам Менелик даровал новые земли, после чего двинулся в обратный путь в Шоа.

После смерти Йоханныса IV итальянцы активизировали свою деятельность. Они вновь захватили Догали и ряд других пунктов в Северной Эфиопии. Одновременно {325} с военной активностью на территории Эфиопии начала оживленную деятельность и итальянская дипломатия. Итальянцы полагали, что теперь они смогут большего достигнуть путем мирных переговоров с Менеликом, чем ранее это им удавалось военными действиями. Эти расчеты оказались в значительной степени правильными. Менелик, чтобы утвердиться на троне, все еще нуждался в итальянской помощи, во всяком случае, в первое время своего господства не хотел открытого конфликта с Италией. Счет за оказанную ему помощь итальянцы представили очень скоро. Не прошло и двух месяцев после вступления Менелика на императорский трон, как они предложили подписать новый договор.

УЧЧИАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР

2 мая 1889 г. в местности Уччале (итальянское название Уччиалли), недалеко от Бору-Меда, был подписан итало-эфиопский договор, так называемый Уччиалльский договор¹. Он стал одним из наиболее известных международных трактатов в истории эфиопо-итальянских отношений. Договор, заключенный в Уччале, был ратифицирован итальянским королем 29 сентября 1889 г.

Статьи договора заключали следующее; объявлялся вечный мир и дружба между двумя странами; затем шло соглашение об обмене дипломатическими представителями; устанавливалось, что отныне спорные пограничные проблемы будет решать специальная комиссия, состоящая из представителей обеих сторон. Кроме того, Менелик согласился передать итальянцам ряд территорий, в том числе округа Богос, Кэрэн и Хамасен. Эти земли принадлежали расу Алуле и расу Мэнгэше, наиболее грозным соперникам Менелика в первые месяцы его господства. Граница между Эфиопией и итальянскими территориями должна была проходить вдоль реки Мэрэб и Бэлеса. Следующая статья договора признавала собственностью эфиопского правительства монастырь Дэбрэ-Бизэн, расположенный на территории, контролируемой Италией, только {326} с той оговоркой, что он не может быть использован для военных целей. Очередной пункт договора разрешал Менелику осуществлять свободный транзит оружия и амуниции через порт Массауа. При этом было оговорено, что караваны с оружием и амуницией, предназначенные для Менелика, будут идти под защитой итальянских солдат вплоть до границы Эфиопии.

Следующие статьи касались возможности свободного передвижения граждан обоих государств по одной и другой стороне границы, гарантии религиозных свобод, выдачи преступников, ликвидации работорговли, а также торговых вопросов. Самой важной была статья 17 договора, которая вскоре вызвала серьезные споры, связанные с ее интерпретацией. Для Италии она позднее явилась предлогом навязать свое господство Эфиопии. Содержание этой статьи, согласно амхарскому тексту, гласило следующее: «Его величество царь царей Эфиопии может прибегать к услугам правительства его величества короля Италии во всех делах с прочими державами и правительствами». Трактат был изготовлен на двух языках — итальянском и амхарском. В итальянском тексте слово «может» было заменено словом «согласен», и таким образом получилось, что Менелик передал вопросы, связанные со своей внешней политикой, в руки Италии. Принятие такой редакции этой статьи означало бы, что Эфиопия признала над собой протекторат Италии.

1 октября 1889 г. представитель Эфиопии рас Мэконнын подписал в Неаполе дополнительную конвенцию к Уччиалльскому договору. Обе стороны выразили в ней согласие на взаимное признание существующего положения дел. Кроме того, итальянское правительство согласилось предоставить Менелику заем в 4 млн. лир, из которого половина должна была быть использована на оплату купленного в Италии оружия. Одновременно с этим в виде подарка было передано Менелику 30 тыс. винтовок и 28 пушек.

¹ См.: Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Леонтьева Н. С. СПб., 1898. — *Прим. ред.*

После заключения договора с Италией Менелик отправился в Шоа. 3 ноября 1889 г. в Бнтотто в костеле Марии (Марьям) состоялась торжественная коронация Менелика императором Эфиопии. В императорский сан под именем Менелика II его возвел абунэ Матеуос. {327}

Глава XIX

ИТАЛО-ЭФИОПСКАЯ ВОЙНА (1894—1896) ¹

УСИЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ИТАЛИИ В ЭРИТРЕЕ И СОМАЛИ

Несмотря на продолжавшиеся итало-эфиопские переговоры, итальянская армия не прекращала захват новых территорий на берегах Красного моря. Она вступила в Асмэру, Догали, Акэле-Гузай, оккупировала Кэрэн и Хамасен.

Одновременно итальянцы начали проникать и в районы, расположенные на сомалийском побережье Индийского океана. Формально эти территории принадлежали султану Занзибара, но фактически он не управлял ими. Кроме того, его права были частично ограничены договором от 9 июня 1886 г., заключенным между Великобританией, Францией и Германией; по этому договору вышеназванные государства признавали власть султана Занзибара только над некоторыми важнейшими портовыми территориями, такими, как Могадишо, Мерка, Брава, Кисмаю.

В конце 80-х годов на сомалийском побережье стал активно действовать итальянский консул на Занзибаре Винченцо Филонарди. Путешествуя от мыса Гвардафуй до реки Джуба, он убеждал местных вождей племен перейти под протекторат Италии. В 1889 г. Филонарди уже мог сообщить своему правительству, что он добился желаемых результатов. Многие сомалийские вожди, подкупленные им с помощью денег или оружия, готовы были признать главенство Италии. В том же году Италия официально объявила, что берет под свое покровительство порты на побережье Бенадир, т. е. в районе, расположенном между Могадишо и мысом Гвардафуй. Все это было {328} осуществлено при согласии и поддержке Великобритании, которая в своей политике в Северо-Восточной Африке еще стремилась использовать Италию против Франции.

Султан Занзибара Сайид-Халиф-ибн-Сайид дал согласие на итальянский контроль над этой территорией, а за это он должен был ежегодно получать от Италии денежные субсидии. В первое время на сомалийском побережье действовали итальянские частные компании, поддерживаемые правительством. Только в 1905 г. итальянское правительство окончательно и официально откупило у султана Занзибара за 144 тыс. фунтов стерлингов сомалийское побережье. Эта дата формально считается началом итальянского колониального владения этой территорией, так называемым Итальянским Сомали. Завоевав позиции на территориях, расположенных на юг от Эфиопии, Италия еще больше стала стремиться захватить эту страну, намереваясь создать в будущем огромную итальянскую колонию, включающую всю Северо-Восточную Африку.

11 октября 1889 г. итальянское министерство иностранных дел поручило своим представителям за границей сообщить правительствам, при которых они были аккредитованы, ссылаясь на статью 34 Генерального акта, подписанного великими державами 26 февраля 1885 г. в Берлине относительно раздела сфер влияния в Африке, что Италия, согласно статье 17 Уччиалльского договора, обязуется представлять интересы Эфиопии на международной арене. Фактически это означало провозглашение протектората Италии над Эфиопией. Именно тогда возникла правовая проблема, получившая позднее известность не только в истории итало-эфиопских отношений, но и в истории мировой дипломатии,— проблема, связанная с различной интерпретацией сторонами статей международных трактатов.

Дело в том, что, согласно эфиопской версии, Италия фальсифицировала одну из самых существенных формулировок статьи 17 Уччиалльского договора, о чем мы уже упоминали ранее. Впрочем, обе стороны обвиняли друг друга в фальсификации. Как нам кажется, формаль-

¹ В советской историографии принята датировка итало-эфиопской войны 1895—1896. — *Прим. ред.*

но-правовая интерпретация статьи 17 не являлась таким важным вопросом. Не вызывает сомнения, что наиболее существенное значение имела уже тогда сфор- {329} мулированная программа итальянской колониальной экспансии в Африке. Эту программу итальянское правительство намеревалось осуществить независимо от тех или иных формулировок Уччиалльского договора. Спор, разгоревшийся вокруг этого договора, заслуживает внимания прежде всего в связи с тем, какое место он занимает в истории дипломатии, а также в связи с тем, что он является ярким примером того, какими методами пользовался итальянский колониализм в отношении Эфиопии.

Великие державы, кроме Соединенных Штатов Америки и России, на практике признали, хотя и не высказали этого формально, протекторат Италии над Эфиопией¹. Особенно явно это сделала Великобритания по известным нам причинам, а также потому, что она хотела, чтобы итальянский контроль над Эфиопией явился преградой для пытавшегося все еще расширить свое господство государства махдистов. Позднее, когда Великобритания укрепила свои позиции в Судане, ее политика изменилась. Но в 1891 г. и в 1894 г., составляя совместно с Италией протоколы о границах между колониальными владениями в Северо-Восточной Африке, Англия прямо признавала протекторат Италии над Эфиопией.

В декабре 1889 г. Менелик II официально сообщил правительствам европейских стран о своей коронации императором Эфиопии. Это был косвенный протест против всех попыток, прежде всего Италии, ограничить суверенитет Эфиопии. Первым официальным протестом против итальянской интерпретации Уччиалльского договора было письмо Менелика II королю Италии Умберто I от 27 сентября 1890 г., в котором император Эфиопии открыто заявил, что итальянская редакция этого трактата принципиально отличается от амхарского текста. В том же году Менелик начал переписку с английским правительством, желая получить помощь королевы Виктории в предпринятой им дипломатической акции, целью которой была защита суверенитета Эфиопии на международной арене. Одновременно император стремился установить близкие контакты с Францией и Россией. В 1890 г. {330} он принял у себя представителей этих государств и постарался убедить их, что Эфиопия хочет установить дружеские отношения с их странами. Несмотря на все эти акции Менелика II, Италия делала попытки склонить его к призванию ее протектората. Активно действовал в этом направлении Пьетро Антонелли, находившийся в 1890 г. при императорском дворе. Ничего не достигнув, он в конце концов покинул Шоа.

Пока итальянские отряды не переходили границу, установленную по реке Мэрэб, спор относительно интерпретации Уччиалльского договора шел исключительно в дипломатической плоскости и не принимал острых форм. Положение начало меняться в январе 1890 г., когда итальянцы все чаще стали нарушать установленную границу. Об активизации итальянской колониальной политики в Африке свидетельствовала и прокламация 1 января 1890 г. о новой колонии на побережье Красного моря. Колонию итальянцы назвали Эритрея. Это название возникло тогда впервые, но позднее к нему привыкли и Эритреей стали называть не только административную единицу, но и географический район.

В ответ на действия Италии Менелик II 10 апреля 1891 г. направил правительствам всех европейских государств письмо, в котором сообщал о границах своей империи, дезавуируя информацию Италии по этому вопросу.

Все вышеупомянутые действия Менелика II, направленные против попыток Италии ограничить суверенитет его страны в области внешней политики, были недостаточно энергичными. Это объясняется внутренним положением в Эфиопии на рубеже 80-х и 90-х годов. Хотя Менелик и получил императорскую корону, противников у него оставалось много. Оппозицию возглавлял рас Мэнгэша, правитель провинции Тигре, которого поддерживал очень популярный в этой местности рас Алула.

Рас Мэнгэша после Менелика был самым серьезным претендентом на престол. Йоханнес IV, будучи на смертном одре, назначил своим преемником сына — раса Мэнгэшу, и тот не отказался от своих притязаний на корону даже после официального захвата трона Менеликом II. Правда, в 1889 г. рас Мэнгэша, не имея сил для открытой борьбы, вынужден был при-

¹ См.: В а с и н И. И. Политика капиталистических держав в Эфиопии (80—90-е годы XIX века). М., 1974.— *Прим. ред.*

сягнуть на верность Менелику, {331} но он все время помнил о том, что является наследником Йоханныса IV.

Учитывая это, итальянцы постарались противопоставить Мэнгэша Менелику, так же как в свое время Менелика — Йоханнысу IV. Мэнгэша надеялся, что при помощи Италии ему удастся свергнуть Менелика. 7 декабря 1891 г. он заключил с Италией тайный договор о дружбе. Однако этот союз продолжался недолго. Итальянская экспансия против Эфиопии прежде всего затрагивала пограничную провинцию Тигре. Последствия агрессивных действий итальянцев ощущали в первую очередь владения Мэнгэши, через которые шел путь в Центральную Эфиопию, поэтому очень скоро начали портиться отношения между Италией и правителем Тигре, который, борясь с Менеликом, не собирался отказываться даже от части своих владений в пользу Италии.

Итальянцы, постепенно готовившиеся в Эритрее к войне против Эфиопии, в течение нескольких лет после подписания Уччиалльского договора не теряли надежду склонить Менелика к признанию их протектората. В феврале 1893 г. они предприняли очередную попытку дипломатическими средствами утвердить свою власть над Эфиопией. К императорскому двору прибыл представитель итальянского правительства Салимбени в качестве советника Менелика. Салимбени сопровождали Чезаре Нераццини, который должен был выполнять функции политического представителя Италии в Харэре, а также Леопольдо Траверси. Ему было поручено итальянскими властями играть такую же роль в Шоа.

Сразу же после своего приезда Салимбени потребовал от императора признать его советником по судебным вопросам, а решение всех споров, возникающих между его соотечественниками и эфиопскими гражданами, он предложил поручить генералу Баратьери, губернатору Эритреи. Все это было категорически отклонено Менеликом. Тогда Салимбени заявил, что его требования вытекают из Уччиалльского договора. В ответ император еще раз подчеркнул, что между Эфиопией и Италией существуют дружеские, а не вассальные отношения. Итальянская миссия некоторое время оставалась в Шоа, однако не добила никаких результатов, несмотря на то что к ней {332} вскоре присоединился один из самых опытных итальянских дипломатов, занимавшихся Эфиопией, — Пьетро Антонелли.

Продолжая дипломатическую кампанию, имевшую целью показать, что Италия не имеет никаких прав на управление Эфиопией, Менелик II 27 февраля 1893 г. сообщил правительствам европейских государств, что он считает Уччиалльский договор недействительным. В ответ на это итальянцы начали передислокацию войск у границ Тигре. Одновременно с этим стремясь обеспечить себе в последующем большую свободу действий против Эфиопии, итальянские войска заняли некоторые местности на границе с Суданом. В 1893 г. они захватили Агордат, где одержали победу над махдистами. В 1894 г. генерал Баратьери занял Кассалу, вытеснив махдистов из всего прилегающего к этому пункту района.

После того как Антонелли вместе с Салимбени, Траверси и Нераццини, не добившись успеха при переговорах с Менеликом, покинули Эфиопию, итальянское правительство сделало еще одну попытку склонить к уступкам эфиопского императора. В середине 1894 г. в резиденцию Менелика явился майор Пьяно, который в ультимативной форме потребовал от императора объяснений относительно его нелояльных действий, угрожая войной, если ответ будет неудовлетворительным. На это Менелик ответил, что, если итальянское правительство согласно признать эфиопскую редакцию статьи 17 Уччиалльского договора, итало-эфиопские отношения могут сложиться наилучшим образом. В противном случае Эфиопия также готова к войне.

Миссией майора Пьяно закончился тот этап, когда итальянское правительство рассчитывало добиться подчинения Эфиопии дипломатическим путем. Началась открытая подготовка к войне. Итальянские соединения, расквартированные в Эритрее, все чаще нарушали границы и углублялись в Тигре, захватывая владения раса Мэнгэши, который, как и предполагал Менелик, уже к весне 1894 г. из союзника Италии превратился в ее врага. Мэнгэша окончательно убедился в том, что итальянцы намереваются присоединить Тигре к Эритрее, а его травливают против Менелика и кормят обещаниями, которые {333} и не собираются выполнить. В мае 1894 г. рас Мэнгэша вместе с огромной свитой прибыл ко двору Менелика. Его сопровождал бывший воспитатель рас Алула. Передавая многочисленные подарки, Мэнгэша в знак своего полного подчинения императору привязал к шее камень. Во время церемонии выступил престарелый рас Алула и заявил Менелику: «Я не советовал этому юноше являться к

тебе в знак покорности. Но так как он это сделал, то и я признаю тебя императором. Можешь считать меня своим слугой и сделать со мной все, что захочешь. Я останусь здесь и не вернусь в Тигре». Менелик, понимая, что в Северной Эфиопии, особенно в Тигре, наибольшим авторитетом по-прежнему обладает рас Мэнгэша, назначил его правителем Тигре и отправил обратно, чтобы он организовал там защиту границ от итальянцев.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В декабре 1894 г. итальянские части перешли границы Эфиопии. Началась итало-эфиопская война 1894—1896 гг. Армия генерала Баратьери заняла Адуа, которую, впрочем, скоро итальянцы вынуждены были оставить. 14 января 1895 г. состоялось первое серьезное сражение итальянцев с армией раса Мэнгэши под Коатит. Вначале успех был на стороне эфиопских солдат, которые разбили передовые части противника. Однако итальянское подкрепление во главе с генералом Аримонди, прибывшее в момент самой ожесточенной схватки, не позволило эфиопам одержать полную победу. Кроме того, наступившая темнота заставила сражающихся прервать бой. На следующий день, узнав о прибытии новых подкреплений врага, отряды Мэнгэши начали отступать по направлению к Сэнафе, где в тот же день состоялась новая битва. На этот раз она закончилась полным поражением эфиопов. Расу Мэнгэше с трудом удалось уйти живым. Многие крупные эфиопские военачальники погибли. Итальянцам достался весь обоз раса Мэнгэши.

Тогда Менелик официально обратился к итальянскому правительству с требованием эвакуировать итальянские войска с территории Эфиопии. Его требование было оставлено без внимания. Войска генерала Ореста Баратьери продолжали дальнейшее продвижение. Итальянские войска заняли Адди-Грат, контролировавший путь на юг и имевший в связи с этим огромное стратегическое значение. 1 апреля 1895 г. итальянские войска опять заняли Адуа, чтобы через некоторое время снова ее оставить, на этот раз уже навсегда. Это было одним из крупнейших просчетов итальянского командования в войне, потому что город представлял собой важнейший стратегический пункт и контроль над ним позволял позднее Менелику осуществлять удобную для него перегруппировку войск. Успешное наступление итальянской армии было приостановлено из-за наступившего в мае сезона дождей.

Еще до начала военных действий итальянцы пытались склонить на свою сторону некоторых эфиопских феодалов. Баратьери очень надеялся на то, что ему удастся спровоцировать в Эфиопии внутренние раздоры. Он рассчитывал, что Менелик уже в начале войны окажется в своей стране в политической изоляции. Казалось, что его предположения были обоснованы. Так, один из вернейших вождей Менелика рас Мэконнен, губернатор Харэра, согласился вести с итальянцами переговоры. Однако губернатор Эритреи не знал, что тайные якобы переговоры, которые вел с ним Мэконнын, происходят с согласия императора. О каждой встрече Мэконнына с итальянским агентом в Харэре Фелтером он подробно сообщал Менелику. Последний же передавал ему инструкции, предлагая продолжать переговоры, чтобы держать в заблуждении противника.

Второй наиболее серьезной политической фигурой наряду с расом Мэконныном, на которую хотели поставить итальянцы в своей игре против императора, был ныгусэ Годжама Тэкле-Хайманот. Этот давний политический противник Менелика дал бы себя втянуть в заговор, если бы император, зная его неприязнь к себе, внимательно не следил за всеми его контактами с итальянцами. Угрожая вооруженной интервенцией, он приказал ему прекратить переговоры. В письме, посланном Менеликом Тэкле-Хайманоту, он писал: «...Тебя не было бы мне жаль, но я беспокоюсь о твоей стране, в которой находится множество храмов, которые мне скоро, наверное, придется превратить в пепел». После этого ныгусэ Тэкле-Хайманот {335} прервал всякие политические связи с Италией и перестал заниматься сепаратистской деятельностью.

Итальянцы рассчитывали также на то, что смогут поднять против Менелика данакильские племена, над большинством из которых власть, по крайней мере формально, осуществлял султан страны Ауса. В середине 1894 г. к султану прибыл капитан Персико, который от имени итальянских властей передал ему крупную сумму денег а также большое количество оружия, требуя взамен выставить против Менелика 20-тысячный вооруженный отряд. Султан Аусы

деньги и оружие оставил себе, переговоры с гостем довел до конца, а затем обо всем сообщил Менелику. Решающую роль здесь сыграла не столько лояльность в отношении императора Эфиопии и ненависть к итальянцам, сколько страх перед возможными репрессиями со стороны Менелика, который дал понять султану, что знает о его контактах с врагом. Так или иначе надежды Италии склонить на свою сторону султана Аусы не оправдались. Только в немногих случаях, если не принимать во внимание лиц, не имевших большого политического значения, итальянцам удалось найти союзников среди крупных эфиопских феодалов. Одним из них был уаг шум Бырру, правивший в Ласте. Несмотря на то что переговоры, которые он вел с итальянцами, были окружены глубокой тайной, о них стало известно в Шоа. Менелик, уже готовый со своими войсками выступить против итальянской армии, вызвал к себе уаг шума Бырру, не давая понять, что ему известно о связях последнего с врагом. Когда Бырру явился к Менелику, его схватили, заковали в кандалы и бросили в тюрьму. На место Бырру уаг шумом в Ласту император назначил его сына Гуангуля. Некоторую, правда незначительную, помощь оказали итальянцам расы Сыххат и Хагос (Агос), которые со своими войсками в течение нескольких недель находились в рядах итальянской армии. Однако и они вскоре перешли к Менелику. Таким образом, уже в самом начале войны стало ясно, что все попытки разжечь внутренние конфликты в Эфиопии потерпели неудачу и Баратьери в войне с Менеликом придется рассчитывать только на собственные силы.

ЭФИОПИЯ ПЕРЕД РЕШАЮЩИМИ СРАЖЕНИЯМИ

Командующий итальянскими силами в Эритрее до начала военных действий очень оптимистически оценивал шансы Италии на победу в борьбе с Менеликом. Он полагал, что для захвата страны ему будет достаточно армии в 20 тыс. солдат. Этой точке зрения в значительной степени способствовала недооценка противника, вытекающая из плохого знания внутреннего положения в Эфиопии. Баратьери рассчитывал провести военную операцию, напоминающую экспедицию Нэпира, не встретившего в Эфиопии серьезного сопротивления. Он не понимал, что за 30 лет, минувших со дня смерти Теодроса II, в Эфиопии произошли глубокие внутренние изменения, в результате которых возросло значение центральной власти. Кроме того, ненависть эфиопов к иноземным агрессорам настолько усилилась, что уже стала одерживать верх над внутренними спорами. Командующий итальянским экспедиционным корпусом также недооценивал ни военных, ни политико-административных способностей Менелика II, который за несколько лет правления сумел подчинить себе большинство провинций и подавить сепаратистские стремления отдельных правителей. Таким образом, несмотря на то что положение Менелика II как императора в 1894 г. в корне отличалось от положения Теодроса II в 1868 г., окруженного внутренними врагами, Баратьери, планируя свою кампанию, не учитывал этого и заявлял, что в скором времени разделается с Менеликом. Такое легкомысленное отношение к политическим и военным возможностям императора Эфиопии было также следствием того, что Баратьери помнил прежнего Менелика, у которого с Италией существовали многолетние дружественные отношения еще в то время, когда он был ныгусэ Шоа. Привыкшие в прошлом к его уступчивости, итальянцы не считали, что теперь Менелик будет серьезным противником.

Тем временем Менелик II, будучи, безусловно, исключительно способным политиком, человеком с широким кругозором, необычайно тонкой политической интуицией (это отмечали все встречавшиеся с ним в те годы европейские путешественники), не собирался спокойно {337} взирать на итальянскую экспансию. Оказалось, что его прежняя уступчивость Италии объяснялась только тактическими соображениями. Когда Менелик захватил императорскую власть, он уже не нуждался в итальянской помощи, а дальнейшее расширение итальянских владений на севере страны шло вразрез с его идеей создания великого централизованного эфиопского государства. Соглашаясь в принципе на статус-кво в районе Красного моря и на итальянские владения в Эритрее, Менелик не собирался допустить распространения итальянского влияния в районах за рекой Мэрэб и далее в направлении Центральной Эфиопии. В течение всего времени, пока велись переговоры относительно интерпретации Уччиалльского договора, император готовился к отражению предполагаемого нашествия. Менелик ввел специаль-

ные налоги на покупку оружия. Так, например, с каждой пары скота взимался один талер. Таким путем за короткое время император собрал дополнительно на военные нужды 2 млн. талеров. Помимо этого, Менелик приказал создавать запасы продовольствия для армии. По всей стране распространялось воззвание императора, в котором он призывал жителей Эфиопии сдавать все, что может пригодиться на случай войны. Одновременно была организована закупка оружия и боеприпасов за границей. Накануне итальянской агрессии императору удалось приобрести более 100 тыс. винтовок. К началу войны Эфиопия имела вместе с полученными ранее от итальянского правительства около 200 тыс. винтовок. Одновременно с подготовкой к войне эфиопский император вел дипломатические переговоры, с помощью которых он хотел укрепить позиции своей страны на международной арене. Менелик согласился передать французам концессию на строительство железнодорожной линии из Джибути до Аддис-Абебы. Он направил специальное посольство к русскому царю в Петербург. В результате этого Эфиопия в 90-е годы установила очень близкие отношения с Россией.

Баратьери не принимал всерьез всей этой деятельности Менелика. Только этим можно объяснить его хвастливые заявления в Риме, которые он сделал в парламенте в июне 1894 г., вызвав аплодисменты всего зала; он сказал, что ему нужна лишь небольшая помощь, чтобы победить Менелика.

После разгрома в январе 1895 г. вооруженных сил раса Мэнгэши итальянцы продолжали двигаться в глубь Тигре. Они захватили бывшую столицу Йоханныса IV и центр этой провинции Мэкэле. Командир наиболее продвинувшейся на юг группы, майор Тозелли, достиг даже Амба-Алаге. После этого итальянская армия остановилась и начала укреплять захваченные местности, прежде всего Амба-Алаге и Мэкэле.

В сентябре 1895 г. Менелик огласил манифест, в котором призвал народ к войне против итальянцев. Он приказал, чтобы ни один воин не оставался дома и отправился вместе с ним на поле брани. В манифесте говорилось: «Из-за моря пришли к нам враги; они вторглись на нашу землю и стремятся уничтожить нашу веру, наше отечество. Я все терпел и долго вел переговоры, стремясь уберечь нашу страну, которой так жестоко приходилось страдать в последние годы. Но враг движется вперед и, действуя обманным путем, грозит нашей земле и нашему народу. Я собираюсь выступить в защиту отчизны и надеюсь одержать победу над врагом. Пусть каждый, кто в силах, отправится вслед за мной, а те из вас, которые слабы, чтобы воевать, пусть молятся за победу нашего оружия».

2 октября император во главе армии, насчитывавшей 25 тыс. пехотинцев и 3 тыс. конницы, выступил из Аддис-Абебы. В Шоа в качестве регента остался рас Дарге, дядя Менелика. Накануне выступления армии в Ынтотто пришло известие о готовившемся выступлении против Менелика нескольких данакильских племен, подговоренных итальянскими агентами. Рас Мэконнын, как губернатор провинции, где был организован заговор, получил приказ жестоко наказать мятежных руководителей. Вождей племен, которые готовились выступить на стороне Италии, Мэконнын вызвал на совещание, где якобы должен был разбираться вопрос об участии в военных действиях. Вожди, не знавшие, что заговор раскрыт, и намеревавшиеся до последнего момента играть роль союзников императора, прибыли в Харэр. Когда они уселись, чтобы начать совещание, их окружили воины раса и расстреляли. Это {339} устршило весь данакильский край, и там на некоторое время перестали и думать о выступлении против Менелика.

После прибытия 27 октября 1895 г. императорских войск в Дэссе Менелик начал готовиться к решающему сражению. К месту сосредоточения войск императора направились со своими армиями рас Мэконнын из Харэра, рас Микаэль из Уолло, рас Уоле из Йеджу, Мэнгэша-Атикэм из Гондэра и ныгусэ Тэкле-Хайманот. Поблизости от итальянских позиций уже находились рас Мэнгэша и рас Алула во главе 12-тысячной армии. Кроме того, под командованием Менелика прибыло много и небольших отрядов. По данным европейских источников, император располагал более чем 100-тысячной армией. Но ее боеспособность была ослаблена тем, что она состояла в значительной степени из нерегулярных, слабо вооруженных и не знакомых с военной дисциплиной частей.

Современная эфиопская литература утверждает, что количество императорских войск было значительно меньше и колебалось между 70 и 80 тысячами, но также отмечает, что в императорскую армию независимо от тех войск, которые привели с собой крупные феодалы, вли-

лось много отдельно действующих отрядов. Даже шифта встали под знамена императора. Учитывая это, следует принять, что Менелик располагал в начале войны с Италией армией общей численностью около 100 тыс. человек. {340}

Глава XX

СРАЖЕНИЕ ПОД АДУА

ПОБЕДА ПРИ АМБА-АЛАГЕ

В начале октября 1895 г. генерал Баратьери, воспользовавшись окончанием периода дождей, начал продвигать свою армию в глубь Тигре. Майор Тозелли, ожидая направлявшиеся вслед за ним отряды генерала Аримонди, начал укрепляться на занятых позициях. Менелик, прежде чем начать военные действия, еще раз попытался договориться. Он направил письмо генералу Баратьери, предлагая покинуть территорию Эфиопии. В противном случае, писал император, война станет неизбежной. Итальянцы, контролировавшие к тому времени почти всю провинцию Тигре, отклонили эфиопское предложение. Баратьери, чувствуя себя уже почти победителем, обратился к Менелику со следующими контрпредложениями: разоружить эфиопскую армию, заключить в тюрьму раса Мэнгэшу, уступить Италии всю территорию Тигре и Агаме и признать протекторат Италии над Эфиопией.

Это означало безусловную капитуляцию еще до начала военных действий. Менелику не оставалось ничего иного, как начать вооруженную борьбу, и императорские войска двинулись на север. Во главе их находился рас Мэконнын, который получил приказ атаковать Амба-Алаге. В начале декабря силы Мэконнына приблизились к позициям, занимаемым отрядом майора Тозелли. Вместе с расом Мэконныном, собственная армия которого насчитывала 15 тыс. солдат, к Амба-Алаге прибыли также рас Микаэль с 11 тыс. солдат, рас Уоле с 10 тыс., Мэнгэша-Атикэм с 6 тыс. и рас Алула во главе 5 тыс. солдат, а также несколько других более мелких отрядов. В целом рас Мэконнын располагал около 50-тысячной {341} армией. Эфиопы атаковали гарнизон в Амба-Алаге, насчитывавший 2450 солдат. Сражение длилось около двух часов и закончилось полным поражением итальянцев. Только немногим удалось уйти живыми и добраться до лагеря генерала Аримонди. Из 34 итальянских офицеров, находившихся в Амба-Алаге, погибло 31. Из солдат уцелели только 200 человек. Тозелли погиб, прикрывая отступление своих солдат.

Победа под Амба-Алаге была первой значительной победой эфиопов в войне с итальянцами. Но не ее военное значение было главным, наиважнейшим было ее политическое и психологическое воздействие. Эфиопы убедились, что победить европейскую армию не так уж трудно. Это подняло боевой дух в армии Менелика. О победе императорской армии стало известно и в Европе, и сообщения о поражении Италии, часто преувеличенные, способствовали дальнейшему росту авторитета Менелика. Внутри же страны известие о победе пресекло возможные попытки антиимператорских выступлений. Это было особенно важно в тот момент, когда любая диверсия в тылу императорской армии могла оказаться очень опасной.

В то время, когда Мэконнын быстро приближался к Амба-Алаге, генерал Аримонди, находившийся со своей армией южнее других итальянских отрядов, предупредил генерала Баратьери о приближении главных сил противника. Однако командующий итальянским экспедиционным корпусом полагал, что Менелик за такое короткое время не смог еще собрать свои войска. И только 2 декабря, когда стало ясно, что с юга подходит огромная эфиопская армия, которую не смогут остановить находящиеся на ее пути немногочисленные итальянские гарнизоны, Баратьери издал приказ о концентрации всех своих сил в районе Адди-Грата. Этот приказ был получен генералом Аримонди одновременно с пришедшим известием о разгроме отряда майора Тозелли.

ВЗЯТИЕ МЭКЭЛЕ

Согласно приказу, генерал Аримонди начал отвод своих войск в район дислокации итальянской армии. Итальянский гарнизон остался только в Мэкэле. Вдали от горо- {342} да, на вершине горы Ында-Ийесус, находился сильно укрепленный форт, защищенный целой системой фортификаций. Внутри крепости были сосредоточены большие запасы продовольствия, но не хватало воды: в специальных цистернах находилось 200 тыс. литров — этого запаса, как рассчитывали, должно было хватить лишь на 10 дней осады. Во главе 1500 оставленных в Мэкэле солдат находился майор Галлиано, получивший приказ как можно дольше защищать крепость. Итальянское командование считало очень важным удержать Мэкэле — город, расположенный на пересечении дорог. Владея им, можно было осуществлять контроль над коммуникациями, ведущими на юг к озеру Ашэнге и дальше в глубь Центральной Эфиопии, на юго-восток в край Ауса, а также на север к Адуа.

8 декабря 1895 г. к Мэкэле подошли передовые отряды раса Мэконнына, и началась осада крепости. Эфиопские войска прежде всего захватили источники воды и установили усиленную блокаду гарнизона майора Галлиано. 7 января 1896 г. сюда прибыл император Менелик II. Теперь здесь сконцентрировалась уже вся эфиопская армия. В тот же день начался штурм крепости. В течение последующих дней повторялись атаки, не давшие, однако, никаких результатов. Потери итальянцев были незначительными, а рас Мэконнын при каждом штурме терял много солдат. Но итальянцы начали ощущать недостаток воды. Зная это, Баратьери предложил Менелику выпустить отряд майора Галлиано, за что ему передадут Мэкэле и в виде выкупа определенную сумму денег. Одновременно Баратьери заявил, что если эти условия будут приняты, то солдаты гарнизона не будут впредь использованы для дальнейших военных действий против Эфиопии. Как оказалось позже, это обещание выполнено не было.

Император, не желая больше терять своих солдат в безуспешных атаках, согласился на итальянское предложение. 21 января 1896 г. отряд майора Галлиано в полном вооружении покинул Мэкэле и двинулся по направлению к тому месту, где находились главные итальянские силы. Отходящему отряду император выделил военный эскорт, опасаясь, как бы итальянцы не подверглись {343} нападению со стороны какой-либо группы эфиопских войск, весьма недовольных тем, что отряд вражеских солдат уходит невредимым.

После взятия Мэкэле Менелик вновь предложил генералу Баратьери заключить мир, но так как Баратьери имел инструкторию из Рима в случае мирных переговоров требовать от Менелика признания протектората Италии, то всякие переговоры исключались.

Победа под Амба-Алаге и взятие Мэкэле способствовали тому, что от итальянцев отошли до этого времени выступающие вместе с ними раса Сыбхат и раса Хагос. Они прибыли к Менелику и, оказав ему почести, попросили взять их под свое командование. Согласно своей тактике, смягчения во время войны всяческих противоречий в собственном лагере, император прощал даже изменникам, если они хотели сражаться против итальянцев, Менелик обещал принять в свою армию раса Сыбхата и раса Хагоса при условии, что они представят доказательства своей верности. Долго ждать ему не пришлось. В ту же ночь вооруженные силы обоих расов неожиданно напали на находящийся вблизи от них итальянский отряд и полностью его уничтожили.

Для генерала Баратьери их переход на сторону Менелика был тяжелым ударом. Дело не только в том, что его покинули несколько тысяч воинов, подчинявшихся приказам вышеназванных расов, но главное, что они находились в тылу его войск и угрожали коммуникациям, по которым подвозили снабжение для итальянской армии

СРАЖЕНИЕ ПОД АДУА

В середине февраля 1896 г. армия Менелика после проведения ряда маневров заняла окончательные позиции в районе Адуа ¹. К ней из окрестностей Адди-Грата приближались также войска генерала Баратьери. В конце {344} февраля обе враждебные армии стали друг

¹ Анализ военных действий см.: Орлов Н. А. Итальянцы в Абиссинии, 1870—1896 гг. (Стратегический очерк). Спб., 1897; Попов В. Т. Разгром итальянцев под Адуа (Итало-абиссинская война 1895—1896 гг.). М., 1938; Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н. С. Леонтьева. Спб., 1898. — *Прим. ред.*

против друга под Адуа. Итальянские силы насчитывали 17 700 солдат, из них 10 596 были итальянцы, а остальные — жители Эритреи. Генерал Баратьери разделил свои войска на три колонны и выделил одну резервную группу. Состав их был следующим: первая колонна под командованием генерала Альбертоне насчитывала 4076 солдат и 14 орудий, вторая колонна под командованием генерала Аримонди насчитывала 2493 солдата и 12 орудий, в третьей колонне под командованием генерала Дабормиды было 3800 солдат и 18 орудий. Резервная группа состояла из 4150 солдат и 12 пушек. Возглавлял ее генерал Элена. В общей сложности эти четыре группы насчитывали, кроме офицеров, 14 519 солдат. Если к этому прибавить оружейные расчеты, состоявшие из 2 тыс. человек, то получим полную картину того, каковы были итальянские силы. Правда, различные источники сообщают несколько отличающиеся друг от друга данные, однако все они единогласно утверждают, что итальянская армия под Адуа насчитывала более 17 тыс. солдат.

Против этих сил эфиопский император выставил армию, состоявшую, по данным современной эфиопской литературы, из следующих отрядов: 1) войска самого Менелика численностью 30 тыс.; 2) вооруженные отряды императрицы Тайту — 3 тыс. солдат; 3) фитаурари Гэбэйеху — 6 тыс.; 4) ныгусэ Тэкле-Хайманот — 3 тыс.; 5) рас Уоле — 3 тыс.; 6) рас Микаэль — 8 тыс.; 7) лиуль рас Мэконнын — 8 тыс.; 8) рас Мангэша-Йоханныс, а также рас Алула и рас Хагос — 3 тыс.; 9) уаг шум Гуангуль — 6 тыс.; 10) рас Мэнгэша-Атикэм — 3 тыс. Итак, Менелик в целом располагал вооруженными силами численностью в 73 тыс. Если же примем во внимание, что, помимо этих войск, император располагал еще нерегулярными частями, то можно считать верным мнение европейцев о том, что армия Менелика насчитывала более 100 тыс. человек. Несмотря на такое огромное численное превосходство, исход битвы нельзя было заранее предрешить. Итальянская армия располагала современным вооружением, несравненно лучшим, чем то, которое имели эфиопские солдаты. Преимущество итальянской артиллерии было подавляющим: на 56 итальянских орудий приходилось 42 эфиопских, {345} кроме того, это была артиллерия новейшего образца, а эфиопы имели пушки давно устаревшие. Лучшая подготовка итальянских войск сводила на нет количественное преимущество эфиопской армии. Она могла стать решающим фактором в сражении, если учесть, что в частях Менелика была слабая дисциплина.

Битва под Адуа, ставшая потом знаменитой, началась ранним утром 1 марта 1896 г. атакой вооруженных сил генерала Альбертоне в 5 часов 32 минуты. С ним начали сражаться солдаты фитаурари Гэбэйеху, уаг шума Гуангуля, раса Микаэля и раса Мэнгэши. Особенное мужество в борьбе с итальянцами проявил фитаурари Гэбэйеху, командовавший центральной группой императорских войск, который с саблей наголо бросался туда, где шла самая жаркая схватка. В какой-то момент фитаурари Гэбэйеху был смертельно ранен выстрелом из винтовки. Эфиопские отряды, забрав тело своего погибшего вождя, начали отступать. У генерала Альбертоне появилась возможность выиграть битву на своем участке. Если бы в этот момент он получил подкрепление, о котором просил генерала Баратьери еще в начале сражения, то мог бы атаковать эфиопских солдат, растерявшихся после смерти своего вождя.

Однако помощь не подошла. Правда, генерал Баратьери приказал генералу Аримонди поддержать группу генерала Альбертоне. Но расстояние между обеими колоннами итальянских войск было настолько велико, что они не могли быстро приходить на помощь друг другу.

Дабормида, также получивший приказ продвинуться к отряду Альбертоне и помочь ему, тоже не мог этого сделать, так как находился еще дальше. Кроме того, гористая местность и отсутствие хороших дорог затрудняли быстрое передвижение войск. Только во время сражения стало видно, какую огромную ошибку совершил генерал Баратьери, разделив свою армию на четыре отдаленные одна от другой колонны. Вдобавок ко всему Баратьери, находясь сначала в резерве генерала Элены, а потом в отряде генерала Аримонди, почти не имел связи с другими продвинувшимися вперед колоннами, а позднее, во время сражения, он уже полностью потерял с ними связь. В результате этого эфиопы смогли по отдельности расправиться с каждой группой итальянских войск. {346}

Паника, охватившая эфиопских солдат после смерти Гэбэйеху, вскоре прекратилась, и они с новым упорством начали атаковать силы генерала Альбертоне. К 10 часам Альбертоне лишился уже большинства своих офицеров. Стало ясно, что он проиграл. Поражение отдалял только ураганный и очень точный огонь итальянской артиллерии. Внезапно мул, на котором

сидел Альбертоне, был убит и генерал упал на землю. Его мгновенно окружили эфиопские солдаты и взяли в плен. Это решило судьбу сражения. Итальянские солдаты в панике бросились бежать. Часть из них попала в плен, другие пытались добраться до других колонн, вызвав замешательство и в их рядах.

Эфиопские войска, преследуя бежавших солдат генерала Альбертоне, с ходу нанесли удар по колонне генерала Аримонди. В бой включились вооруженные силы, непосредственно подчиненные императору. Менелик тоже участвовал в бою, но место, где он находился во время сражения, итальянцам не было известно. Согласно обычаю, Менелик находился в рядах своей армии в форме простого солдата, а его двойник — ликэ мэкуас, одетый в императорские одежды, должен был отвлекать на себя внимание врага.

В сражении принимал участие абунэ Матеуос, который с крестом в руке вдохновлял эфиопских солдат.

Вскоре колонну генерала Аримонди окружили эфиопские части. Поражение итальянцев на некоторое время отдалило прибытие резерва генерала Элены. Собравшись с последними силами, итальянцы атаковали так отчаянно, что эфиопские войска начали отступать. Большую роль тогда сыграл рас Мэнгэша, который бился во главе своих тигрейских отрядов и будто бы сказал императору: «Я восемь лет сдерживал итальянцев, а вы не можете в течение одного дня!»

Контратака итальянцев, вызванная лишь их отчаянным положением, вскоре прекратилась. Аримонди, убедившись, что его ничто не может спасти от поражения, попытался организовать отступление. Но именно в этот момент он был убит. Итальянских солдат охватила паника. Спасаясь бегством, итальянские отряды, которые прорвались через кольцо окружения эфиопских войск, увлекли {347} за собой остатки резерва генерала Элены. Вместе с ними бежали раненный в ногу генерал Елена и Баратьери.

Больше всех сопротивлялась эфиопским войскам группировка генерала Дабормиды. Удар по ней нанесла 30-тысячная армия под командованием раса Мэконнына. Бой продолжался с 7 часов утра до 6 часов вечера, когда итальянские войска стали испытывать недостаток боеприпасов. Вначале итальянские подразделения, отступая под огнем эфиопских войск, сохраняли дисциплину и боевой порядок. Артиллерия, которая не могла быстро передвигаться по гористой местности, осталась на поле боя. Во время отступления погиб генерал Дабормида. Его преемник, полковник Рани, не смог уже сохранить порядок из-за постоянных атак эфиопов. К отступающим частям группировки Дабормиды вскоре присоединились остатки войск генерала Альбертоне, внося еще больший беспорядок и панику. Спокойный до этого отход быстро превратился в беспорядочное бегство. Дорога, ведущая к Адди-Кэйих заполнилась разбитыми, ищущими спасения в бегстве итальянскими отрядами. Эфиопские войска преследовали их вплоть до реки Мэрэб. За 24 часа остатки разрозненной армии генералов Баратьери и Елена преодолели путь от Адуа до Адди-Кэйих протяженностью в 105 км, принеся расквартированному там итальянскому гарнизону известие о поражении. Битва под Адуа закончилась полным поражением итальянцев. Вечером 1 марта 1896 г. экспедиционный корпус генерала Баратьери прекратил свое существование.

Европейские источники по-разному определяют количество итальянских потерь в битве под Адуа. Авторы, в интересах которых было уменьшить значение этого поражения, утверждают, что итальянцы имели 5179 убитых, 1428 раненых, 954 пропавших без вести, 1865 взятых в плен. Это количество надо принять как минимальное. Другие авторы утверждают, что потери армии генерала Баратьери составили около 11 тыс. солдат убитыми и ранеными, а в плен попало около 4 тыс. человек. Подобной точки зрения придерживается и современная эфиопская историческая литература. Видимо, последние цифры более точны, так как известно, что в Адди-Кэйих вернулись {348} с поля боя только около 2500 человек. Среди убитых было два итальянских генерала: Аримонди и Дабормида. Генерал Альбертоне был взят в плен. Погибли или попали в руки эфиопов большинство офицеров итальянской армии. Только несколько десятков офицеров осталось в живых и добралось до Адди-Кэйих. В руки эфиопов попала вся итальянская артиллерия, более 11 тыс. винтовок, большое количество боеприпасов и другое снаряжение.

Потери эфиопов составляли 4 тыс. убитыми и 6 тыс. ранеными. Но эти цифры неточны, так как отдельные командующие императорской армии не имели списков своего личного

состава и данные о потерях ими составлялись приблизительно. Среди убитых был фитаурари Гэбэйеху. Его бесстрашие в битве под Адуа стало позже символом мужества эфиопского солдата. Погиб также отважный князь Дамтоу, возглавлявший раньше в Петербурге миссию Эфиопии. Остались на поле боя дэджазмач Мэшэша, дэджазмач Чача, кэннязмач Тафэссэ, кэннязмач Гэнэме и многие другие крупнейшие эфиопские военачальники.

В то время, когда шло сражение под Адуа, рас Сыбхат, стремившийся любой ценой реабилитировать себя в глазах Менелика за прежнее сотрудничество с врагом, атаковал тыл итальянской армии и захватил обоз армии генерала Баратьери.

Когда поражение итальянской армии было уже предreshено, император издал приказ щадить военнопленных и не убивать тех, кто добровольно сдается в плен. Императорский приказ был действителен и позднее.

Весть о поражении армии генерала Баратьери под Адуа громким эхом прокатилась по всей Европе. Самое большое впечатление произвела она в Италии. Вечером 3 марта, когда о сражении под Адуа стало известно повсюду, во всех крупных городах страны прокатилась волна демонстраций против политики правительства в Африке. Премьер-министр Криспи вынужден был подать в отставку. В Эритрею на место генерала Баратьери был назначен генерал Антонио Бальдиссера.

Армия Менелика два дня праздновала победу. В Аксумском соборе состоялся благодарственный молебен. После этого Менелик с большинством своих войск отправился в обратный путь в Шоа. {349}

ПОЛИТИКА МЕНЕЛИКА П ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ПОД АДУА

Возвращение Менелика из-под Адуа, когда на эритрейском побережье оставались всего-навсего незначительные итальянские гарнизоны, было поразительным, и сегодня его объясняют по-разному. Действительно, трудно понять, почему император не воспользовался тогда исключительной возможностью возвращения Эфиопии доступа к морю. Мы полагаем, что основное влияние на решение Менелика не продолжать войну с Италией оказало внутреннее положение в Эфиопии. В исторических трудах, как европейских, так и эфиопских, освещающих историю Эфиопии в конце XIX в., выдвигаются следующие причины возвращения Менелика в Шоа: во-первых, приближающийся сезон дождей, во время которого вести военные действия в Эфиопии очень трудно. Однако имеются многочисленные примеры из истории Эфиопии, когда правители этой страны вели войну в сезон дождей и добивались успехов. Следует добавить, что сезон дождей в первую очередь затруднил бы ведение войны итальянцам, плохо переносящим африканский климат, не знавшим страны и нуждавшимся в хороших дорогах для доставки снаряжения. Следовательно, для Менелика приближение сезона дождей могло бы быть благоприятным моментом. Как нам кажется, император мог успешно занять Эритрею и установить свое господство на побережье Красного моря еще до мая месяца, когда начало сезона дождей явилось бы защитой перед возможным контрнаступлением итальянцев. Следует также подчеркнуть, что с военной точки зрения захват портов был необходим. Это лишило бы Италию возможности прислать новые войска и продолжать войну или, во всяком случае, сильно бы затруднило ее ведение. Оставление Эритреи в итальянских руках во время незакончившейся войны, когда Менелик не имел никакой уверенности в том, что итальянцы не предпримут нового наступления после получения подкрепления, могло оказаться для Эфиопии губительным. Страшные последствия этого шага Эфиопия почувствует через 40 лет, во время новой итальянской агрессии. {350}

Следующие моменты, которые якобы оказали влияние на решение Менелика, — это его опасения внутренних волнений, а также боязнь возможных поражений в дальнейшей войне с Италией. Однако и эти аргументы, хотя и более правдоподобные, чем первый, не кажутся убедительными. После битвы под Адуа авторитет Менелика в Эфиопии сильно возрос. Ни один из феодалов не мог в то время думать о серьезном бунте. Известно, что, кроме волнений в стране Ауса, серьезных выступлений против императора не было. Кроме того, с возможными сепаратистскими движениями на местах мог с успехом справиться дядя Менелика рас Дарге, который остался в Аддис-Абебе во главе сильного 10-тысячного гарнизона.

Аргумент, приводимый главным образом современной эфиопской исторической литературой и состоящий в том, что Менелик не предпринял наступления на север, опасаясь возможного поражения и боясь перечеркнуть таким образом успех, которого он добился под Адуа, кажется нам неубедительным. После поражения под Адуа именно итальянцы должны были опасаться продолжения военных действий до того, как прибудет подкрепление из Италии. Небольшие силы, которыми располагал генерал Бальдиссера, насчитывали, кроме довольно крупного, составляющего более 2 тыс. солдат гарнизона в Адди-Грате, около десяти батальонов и имели мало шансов удержать свои позиции, если бы Менелик направился к ним со всей своей армией. Тем более что эти батальоны находились не в одном месте, а были разбросаны по многим пунктам эритрейского побережья.

Как нам кажется, приведенные выше аргументы недостаточно убедительны. Вероятно, более глубокие причины крылись в антагонизме, который в то время существовал между Шоа и Тигре, а следовательно, их следует искать во внутреннем положении Эфиопии. Напомним, что Менелик в течение длительного времени имел дружественные отношения с Италией, ослабляя таким образом силы происходившего из Тигре императора Йоханнуса IV. Когда же он оказался на троне, то никогда первым не начинал борьбу с итальянцами и предоставлял Тигре своей судьбе. Менелик вступил в борьбу только тогда, когда итальянцы заняли почти всю эту провинцию. После {351} победы под Адуа, когда итальянские войска были изгнаны, самой важной проблемой для Менелика снова стало не допустить усиления влияния Тигре. Следует помнить, что у жителей этой части империи Менелик, как представитель династической линии Шоа, был фигурой малопопулярной, а авторитетом пользовался потомок Йоханнуса IV рас Мэнгэша, который не забывал о том, что именно его Йоханнус IV назначил своим преемником на эфиопском троне. Следовательно, Менелик мог опасаться, что Тигре и далее будет представлять угрозу для сохранения им императорской власти. Усиление значения Тигре не соответствовало интересам шоанской династии. Изгнание итальянцев из Эритреи, граничащей с Тигре, усилило бы значение этой провинции. Возвращение назад побережья способствовало бы росту внешней торговли северных земель и экономическому оживлению на территориях, расположенных вблизи моря, а следовательно, и Тигре. Сравнительно меньшую выгоду получила бы от этого Шоа, территория, расположенная далеко на юге и не имеющая удобных путей сообщения с побережьем.

Таким образом, если учесть, что ослабление Тигре было, по мнению Менелика, выгодно для Шоа, то становится ясно, почему он не пытался вернуть себе Эритрею. Менелик одобрил северную границу Эфиопии, идущую по рекам Мэрэб и Бэлеса, которая за счет Тигре и во вред общегосударственным интересам, а также эфиопской политике в целом обеспечивала возможность сохранения и укрепления власти в стране для династии Шоа. Свою внешнюю политику эта династия направляла главным образом на юг, а не на север. Поэтому мы считаем, что важнейшей причиной возвращения Менелика из-под Адуа было то, что интересы Шоа и происходившей оттуда династии он поставил выше общеэфиопских государственных интересов. Однако это не может уменьшить ту роль, которую сыграл Менелик II в истории Эфиопии.

Спустя несколько дней после битвы под Адуа итальянцы предложили Менелику мирные переговоры. 9 марта в императорский лагерь прибыл в качестве парламентаря майор Томасо Сальса. В течение двухдневных переговоров обе стороны пришли к соглашению относительно условий перемирия. Они заключались в следующем: {352} 1) очищение от итальянских войск Адди-Грата и всей эфиопской территории вплоть до реки Мэрэб; 2) обмен раненых итальянцев на эфиопских военнопленных, взятых в плен в первый период войны, в том числе кэньязмача Хайле-Марьяма; 3) перемирие должно быть обязательным в течение трех месяцев, до момента прибытия в Ынтотто специального представителя короля Италии, обладающего полномочиями для заключения мирного договора с Эфиопией.

15 апреля 1896 г. Менелик II вступил в Аддис-Абебу, приветствуемый жителями столицы. В мае папа Лев XIII направил императору Эфиопии письмо с просьбой освободить итальянских заключенных. Менелик в знак того, что он готов нормализовать свои отношения с Италией, в том же месяце освободил 50 пленных итальянских солдат. В мае в Зейлу прибыл майор Нераццини в качестве чрезвычайного посла итальянского короля к императору Эфиопии. Однако перед отъездом в Аддис-Абебу он направил императору письмо, в котором спрашивал, может ли он, как лицо, назначенное для ведения мирных переговоров, прибыть к его

двору. Лишь через два месяца письмо Нераццини дошло до императора, и он получил ответ с согласием на приезд итальянского посла в Аддис-Абебу. Временное обострение отношений между Менеликом и Италией, вызванное задержкой итальянским морским флотом парохода «Дельви́г», направлявшегося в Эфиопию с оружием, снова на несколько недель отдалило переговоры. Наконец, 26 октября 1896 г. в Аддис-Абебе был согласован текст итало-эфиопского мирного договора. Этот договор, явившийся результатом огромной победы эфиопских войск под Адуа, одновременно стал дипломатическим успехом Менелика. Договор содержал следующие статьи: прекращение состояния войны между обеими сторонами и установление «на все времена» мира и дружбы между Италией и Эфиопией. Аннулирование договора, подписанного в Уччале. Признание Италией «полностью и без каких-либо ограничений» независимости Эфиопии. Установление границы между итальянскими владениями и Эфиопией по линии Мэрэб — Бэлеса — Муна. Было решено, что в течение года обе стороны путем взаимных консультаций определят окончательную линию {353} границы. Италия обязуется до этого не передавать какому-либо третьему государству даже отрезка земли, находящейся на контролируемой ею территории. Передача прав подобного рода может быть сделана только в пользу Эфиопии. Обе стороны решили, что в целях взаимного развития торговых отношений будет подписана специальная конвенция.

Обе стороны обязались ратифицировать этот договор в течение месяца со дня его подписания. Одновременно с этим было обусловлено, что все военнопленные получают свободу и будут высланы в Зейлу через Харэр тогда, когда в Аддис-Абебе станет известно о ратификации договора итальянским правительством. Итальянская сторона обязалась оплатить эфиопскому правительству расходы на содержание военнопленных.

Военный успех эфиопских войск под Адуа, несмотря на то что Менелик не использовал его до конца, был скреплен подписанием мирного договора, окончательно перечеркнувшего итальянские планы, направленные на установление господства над Эфиопией. Значение Эфиопии на международной арене значительно возросло. В европейской печати раздавались голоса, что в Африке появилось новое государство. Правильно было бы сказать, что победа под Адуа прежде всего вывела Эфиопию на международную арену и способствовала ее дальнейшему существованию как самостоятельного государства в эпоху колониального раздела Африки. {354}

Глава XXI

ЗАВОЕВАНИЯ И РЕФОРМЫ МЕНЕЛИКА II

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ ИМПЕРАТОРСКИХ ВОЙСК

Продолжая стремление своего знаменитого деда ныгусэ Сахле-Сылласе, Менелик уже в конце 60-х годов начал расширять влияние Шоа на соседние с ней территории. Первым оказался Уолло. В 1869—1876 гг. ныгусэ Шоа добился главенства над этой провинцией. Однако в 1882 г. Йоханнис IV отобрал у Менелика право на управление Уолло. Направление политики Менелика на север было лишь временным. Последовательным и широко задуманным мероприятием явилось начатое в середине 70-х годов расширение территории Шоа за счет присоединения областей, расположенных на юге, западе и востоке. В 1875 г. было начато длившееся несколько лет постепенное покорение края Гураге.

В 1881 г. рас Гобэна, один из наиболее выдающихся военачальников Менелика, принял большой поход на небольшие государства — Лиму (Ыннаррия), Гума, Гера, Джимма и Кэфа, — заставя их признать верховную власть ныгусэ Шоа. Правда, Кэфа скоро перестала платить дань, но Лиму, Гума, Гера и Джимма были покорены окончательно. Присоединение последней территории оказалось очень ценным для Менелика. Джимма являлась одним из наиболее богатых округов юго-западной Эфиопии, важным экономическим центром. Оттуда вели торговые пути через Годжам и Тигре до Массауа и через Харэр до портов залива Гаджура. Кроме эфиопских купцов с севера страны, туда приезжало и много арабских купцов. За металлические изделия приобретались слоновая кость и кофе. Джимма была также крупным цен-

тром торговли {355} рабами. Изданный Менеликом спустя некоторое время указ, запрещающий работоторговлю, частично уменьшил значение Джиммы как торгового центра.

После присоединения Джиммы войсками Шоа повелитель этого края Абба-Джыфар II был заключен в тюрьму в Анкобэре. Через год Менелик вернул ему трон. С этого времени Абба-Джыфар II стал одним из вернейших союзников ныгусэ Шоа и позднее оказывал ему существенную помощь в его военных экспедициях, особенно при покорении Кэфы.

Джимма перед тем, как она была занята войсками Менелика, находилась в ленной зависимости от Кэфы. Ныгусэ Годжама Тэкле-Хайманот также пытался установить над ней контроль. В 1880 г. дело дошло до кровавых столкновений между войсками Годжама под командованием раса Дэреса-Шифэррау и армией Галито, правителя Кэфы. В результате этой войны Галито вынужден был признать верховную власть ныгусэ Годжама. Возможность осуществления политических стремлений ныгусэ Тэкле-Хайманота, намеревавшегося распространить свое господство на территории, расположенной южнее Годжама, была перечеркнута экспансией Шоа, которая проводилась в то же самое время и в том же направлении. Предпринятая в 1881 г. крупная экспедиция раса Гобэны, приведшая к захвату нескольких территорий, в том числе и Кэфы, и включение их в сферу влияния Шоа вызвали острый конфликт между двумя соперничающими ныгусэ. В результате этой борьбы за влияние на юге в 1882 г. дело дошло до войны между Шоа и Годжамом.

Во главе армии Шоа стоял рас Гобэна. Годжамскими войсками командовал лично ныгусэ Тэкле-Хайманот (Адаль). Обе враждебные армии встретились друг с другом южнее реки Аббай в местности Ымбабо. 7 мая 1882 г. состоялось решающее в этой войне сражение. В начале битвы ныгусэ Годжама был ранен и взят в плен, и победу одержала армия Шоа. В результате вмешательства Йоханныса IV, который видел в Тэкле-Хайманоте противовес влиянию Менелика в южной Эфиопии, ныгусэ Шоа был вынужден освободить ныгусэ Годжама, однако получил свободу продвижению Шоа на юг. За победу {356} своей армии под Ымбабо Менелик должен был заплатить, помимо предоставления свободы ныгусэ Тэкле-Хайманоту, отказом от своих прав господства над Уолло. Таково было требование Йоханныса IV. Как уже сообщалось, эта территория была передана тогда императором расу Микаэлю. Потерю Уолло Менелик компенсировал договором с Йоханнысам IV, заключенным в 1883 г., по которому Шоа получила согласие императора на расширение своего влияния в западном и южном направлениях. В 1882 г. войска Шоа предприняли первую попытку занять Аруси. Однако только спустя четыре года расу Дарге удалось подчинить эту территорию Менелику. В этом же году рас Гобэна занял территорию Уоллега.

В 1887 г. после победы над эмиром Харэра Абдуллахом Менелик захватил всю эту обширную страну. В это же время войска Шоа, двигаясь на юго-запад от Уоллеги, заняли Иллубабор. В 1889 г. Менелику удалось полностью подчинить округа, населенные тураге. В этом же году рас Уольдэ-Гийоргис захватил небольшие территории Конта и Кулло.

В 1890—1893 гг., после вступления Менелика на императорский трон, войска Шоа заняли Кэмбату. В 1891 г. верховной власти Менелика были подчинены Огаден, Бале и Сидамо, малонаселенные территории, занимающие огромные пространства на юг и юго-восток от Шоа. В 1894 г. рас Уольдэ-Гийоргис завладел Гофа. Одновременно военные отряды Шоа заняли Уоламо, которым управлял король Тона, широко известный на землях, расположенных на юг от Шоа. В том же году рас Уольдэ-Гийоргис занял государство Джанджэро.

После победы под Адуа император Эфиопии, отказавшись, как мы знаем, от борьбы за возвращение побережья Красного моря, приступил к осуществлению планов, направленных на еще большее расширение границ страны в южном направлении.

В 1896 г. Менелик послал первую экспедицию в страну Борана, расположенную далеко на юге. Однако подчинить ее власти Менелика смогла только вторая экспедиция, организованная в 1897 г. Командовал ею фитаурари Хабтэ-Гийоргис, который во главе 15-тысячной армии в июле того же года достиг границы Кении. Заложив {357} здесь укрепленный форт Мега, фитаурари Хабтэ-Гийоргис направился в обратный путь. По дороге на родину он подчинил господству Менелика и округ Консо.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КЭФЫ

Небольшие государства, враждовавшие между собой и не имевшие сильных армий, не оказывали сопротивления и одно за другим были присоединены к Эфиопии. Среди важнейших государств, расположенных на огромной территории между реками Аббай и Омо, независимость сохраняла одна лишь Кэфа, которая вскоре после покорения вновь отказалась платить дань Менелику. Кэфа имела древние государственные традиции и была в прошлом известной империей. В состав этой империи некогда входили государства Джимма, Ыннаррия (Лиму), Конта и Кулло. Однако от могущества Кэфы уже ничего не осталось к тому времени, когда Менелик приступил к завоевательным походам. Окружающие когда-то Кэфу вассальные государства получили самостоятельность и перестали признавать власть Кэфы еще до того, как сами были подчинены войсками Шоа. Тем не менее Кэфа, достаточно сильная экономически, имела в начале 90-х годов армию, которая могла оказать сопротивление войскам Менелика. В 1890 г. на трон Кэфы после смерти короля Галито вступил его сын, молодой, энергичный и способный повелитель тато Тчениито (иначе Кеннито, а также Гака Сероко). Правители (тато) Кэфы пытались доказать происхождение своей династии от царицы Савской и царя Соломона, утверждая, что их предки были связаны узами крови с императорами Эфиопии со времен Зэра-Якоба.

В 1896 г. Менелик приказал расу Уольдэ-Гийоргису занять Кэфу¹. В ноябре рас Уольдэ-Гийоргис во главе 10-тысячной армии вступил в Кэфу со стороны Кулло. Преодолевав сопротивление на своем пути, эфиопская армия заняла столицу Кэфы Андрача (Ындэрача). Здесь рас Уольдэ-Гийоргис создал укрепленный лагерь, наде- {358} ясь, опираясь на эту базу, окончательно разгромить силы властителя Кэфы. Однако последний, отдавая себе отчет в том, что у него в сражении нет шансов на победу с преобладающими силами противника, прибегнул к тактике партизанской войны. Отряды Тчениито частыми неожиданными нападениями постоянно беспокоили эфиопскую армию. Рас Уольдэ-Гийоргис не мог говорить о полной победе до тех пор, пока правитель Кэфы был на свободе. Проходили месяцы, а Тчениито все ускользал от охотящихся за ним эфиопских отрядов. Однако силы его постепенно уменьшались. Положение Кэфы значительно ухудшилось, когда на ее территорию с запада вступили войска раса Дэмсоу, а с севера — поддерживавшие его вооруженные отряды правителя Джиммы Абба-Джыфара II. Положение Тчениито, которому угрожали с востока, севера и запада, было плачевным. В середине 1897 г. его главные силы были разбиты, а сам он с небольшим отрядом еле скрылся от преследовавших его эфиопских частей. Рас Уольдэ-Гийоргис понимал, что Тчениито, пользовавшийся в своей стране славой легендарного, непобедимого героя, представляет огромную опасность. Не взяв его в плен, командующий эфиопскими войсками не мог возвратиться в Аддис-Абебу и доложить императору о полном покорении Кэфы. Тем временем положение расквартированных в Андраче эфиопских войск становилось трудным: среди них начались различные болезни, им не хватало продовольствия. Уже в первые недели войны Тчениито приказал уничтожить запасы зерна, ничего не сеять и все разрушать перед наступающим неприятелем, и теперь эта политика приносила свои плоды. Победоносной, но страдавшей от болезней армии Уольдэ-Гийоргиса угрожал голод. Среди людей, окружавших расу, начали раздаваться голоса, призывавшие покинуть Кэфу, иначе эфиопской армии грозит гибель от эпидемий и голода. Споры по этому вопросу еще продолжались, когда 14 августа 1897 г. Уольдэ-Гийоргис получил известие, что одному из его отрядов удалось захватить в плен правителя Кэфы.

Так завершилось покорение Кэфы. Тчениито, последний правитель, или, как его еще называли, император Кэфы, был отправлен в Шоа в качестве пленника раса {359} Уольдэ-Гийоргиса. Когда Тчениито вместе с войсками раса проезжал по мосту через реку Годжэб, направляясь в Шоа (по этой реке проходила граница между Кэфой и Джиммой), он, согласно эфиопской легенде, снял с пальца свой королевский перстень и бросил его в воду, сказав: «Империя Кэфы перестала существовать. Императоров Кэфы уже никогда не будет. Пусть в реке навсегда останется перстень повелителей Кэфы».

Тчениито некоторое время находился при дворе Менелика. Позже он был заключен в тюрьму в Анкобэре, а потом в Дэссе. Во время правления Лиджа-Иясу ему разрешили поселиться в Аддис-Абебе, где он и умер в 1919 г. В награду за одержанную победу император назначил расу Уольдэ-Гийоргиса губернатором Кэфы, и он правил ею до 1914 г.

¹ См.: Булатович А. К. С войсками Менелика II. СПб., 1900. — *Прим. ред.*

ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕМЕЛЬ НА ЮГЕ И ЗАПАДЕ

В 1897 г. Менелик подготовил крупные вооруженные экспедиции, которые должны были расширить владения императора Эфиопии вплоть до берегов Нила на западе и до озера Рудольфа на юге. В октябре 1897 г. после окончания сезона дождей в Аддис-Абебе были сконцентрированы большие вооруженные силы и разработан следующий план действия: рас Мэконнын, губернатор Харэра, должен был двинуться на запад и подчинить богатую золотом, как говорили, страну Бени-Шангуль, а также достичь берегов Нила. Дэджазмачу Тэсэмме, губернатору юго-западных округов, было поручено захватить территории, находящиеся на юго-западе от Горе, и достичь верх-него течения Нила. Губернатор Кэфы рас Уольдэ-Гийоргис по приказу императора должен был завладеть землями, расположенными на юг от его провинции, и достигнуть озера Рудольфа.

В январе 1898 г. рас Уольдэ-Гийоргис ² во главе 30-тысячной армии двинулся из Кэфы по направлению к озеру Рудольфа. В конце марта эфиопские войска достигли озера со стороны устья реки Омо. По пути рас {360} Уольдэ-Гийоргис подчинил власти императора Эфиопии край Голдеа и Меджи, а также все племена, проживающие в районе нижнего течения реки Омо.

В апреле 1898 г. дэджазмач Тэсэмма во главе 8-тысячной армии двинулся через Баро в сторону Белого Нила ³. Одной из целей этой экспедиции, кроме присоединения новых территорий, была встреча с капитаном Маршаном, командиром французского отряда, направлявшегося к верхнему течению Нила с западной стороны, от побережья Атлантического океана.

В этот период англо-французские отношения были весьма напряженными. А между Францией и Менеликом происходило дальнейшее сближение. В связи с этим было решено, что войска Тэсэммы, которого сопровождали французские советники, встретятся с отрядом сенегальских стрелков капитана Маршана в районе Фашоды, старой крепости на Белом Ниле. Было решено также, что в случае необходимости Тэсэмма окажет Маршану помощь.

В июле 1898 г. Тэсэмма достиг Белого Нила. Однако он не нашел здесь французских солдат. Маршан, отправившийся в путь с побережья Габона еще в июле 1896 г., пробирался через всю Центральную Африку. Не имея в течение двух лет связи со своим правительством, он ничего не знал и о том, что в районе Белого Нила его ожидают вооруженные отряды, готовые оказать помощь. Поэтому он не торопился и в Фашоду прибыл только 10 июля.

Тем временем Тэсэмма, в армии которого начались массовые заболевания, не мог долго ждать и через несколько дней покинул берега Нила, двинувшись в обратный путь. 15 сентября 1898 г. он прибыл в Аддис-Абебу и доложил императору о выполнении задания, о присоединении к Эфиопии почти всей провинции Иллубабор и о покорении племен масонго и гимирра.

Так же успешно прошла экспедиция раса Мэконнына, который в том же году завоевал край Бени-Шангуль.

В 1898 г. закончился период великих походов Менелика, в результате которых были расширены восточные, {361} южные и западные границы Эфиопии. Эти границы без больших изменений сохранились и до настоящего времени. Оставив в руках Италии исконные эфиопские территории, находящиеся на побережье Красного моря, и отказавшись от проведения активной политики на севере, Менелик, однако, претворил в жизнь свой план присоединения к Эфиопии новых обширных территорий.

Одной из причин продвижения границ на юг были политические соображения. В первую очередь речь шла об усилении таким образом позиции Шоа по отношению к северным провинциям, постоянно мечтавшим (как, например, Тигре) добиться доминирующего политического положения в стране. Достаточно посмотреть на карте границы Эфиопии, какими они были перед экспедициями Менелика, и сравнить их с границами этого государства после присоединения южных территорий, чтобы понять, что они дали Шоа. Из провинции, расположенной на юго-западных рубежах империи, Шоа превратилась в область, находящуюся в центре государства. Присоединенные земли могли со временем сыграть роль противовеса северным провинциям, и династия из Шоа могла таким образом выиграть в борьбе за сохранение власти

² В походе участвовал известный русский путешественник А. К. Булатович. — *Прим. ред.*

³ В экспедиции Тэсэмма принял участие другой русский путешественник Л. К. Артамонов. — *Прим. ред.*

в целом государстве. Со временем выращиваемый на юге кофе стал основным сельскохозяйственным продуктом в экспорте страны.

До сих пор еще не исследовано то влияние на политику присоединения новых территорий, которое имели социально-экономические изменения, происшедшие в Шоа в конце XIX в. Постепенное, хотя и очень медленное развитие товарно-денежных отношений способствовало появлению более многочисленной прослойки купцов, заинтересованной в новых рынках сбыта и источниках дешевых товаров, пользующихся большим спросом за границами Эфиопии, таких, как слоновая кость или кофе. Купечество активно поддерживало политику Менелика на юге. С другой стороны, император нашел поддержку своим планам у среднесостоятельных и разоренных представителей феодальных родов Шоа, которые мечтали создать огромные поместья на юге. И действительно, одним из результатов завоеваний Менелика был рост богатства значительной части феодалов Шоа, число которых еще увеличилось за счет прослойки так называемого нового дво-^{362}рянства, появившегося в результате военных походов. Следует добавить, что Менелик II не вел себя по отношению к присоединенным территориям как победитель, он включал эти области в состав своего государства, стремясь вернуть Эфиопии ее исторические земли. Одновременно император Эфиопии старался оставлять на прежних постах местных феодалов, предварительно заставив их признать его власть. Очень часто позднее они сливались с родами в Шоа или в других провинциях, пополняя таким образом ряды эфиопской аристократии.

Одновременно с расширением границ страны Менелик провел целый ряд внутренних реформ, осуществление которых сделало его одним из наиболее выдающихся императоров в истории Эфиопии.

ОСНОВАНИЕ АДДИС-АБЕБЫ

Вся внутренняя политика Менелика была направлена на создание сильной централизованной государственной власти. Он стремился также использовать европейские технические достижения и организационный опыт в деле экономического и административного преобразования Эфиопии. Уже в 1878—1879 гг. Менелик выбрал в качестве своей постоянной резиденции Ынтотто, горную местность, расположенную на расстоянии немногим более десяти километров от современной столицы — Аддис-Абебы. Ынтотто, отдаленный от земель, непосредственно контролируемых Йоханнысом IV, являлся, по мнению Менелика, выгодным стратегическим пунктом в случае возможного конфликта с тогдашним императором Эфиопии. Следует добавить, что новая резиденция Менелика находилась в районе, где с конца XIII и до начала XVI в. было местопребывание императоров Эфиопии. Ныгусэ Шоа прекрасно понимал, что перенос им столицы на место древней резиденции эфиопских императоров прибавит ему блеска в глазах народа и будет свидетельствовать о его стремлении возродить прежнюю мощь Эфиопии. На рубеже 1886—1887 гг. резиденция была перенесена с горы Ынтотто, где был холодный, неприятный климат, немного на юг, в местность, расположенную значительно ниже, хотя тоже находящуюся на большой высоте — 2500 м ^{363} выше уровня моря. Инициатива перенесения столицы в это место приписывается жене Менелика Тайту, которая, заложив новое поселение, назвала его Аддис-Абеба, что означает «Новый цветок». Вслед за Тайту построили здесь свои дворцы все крупнейшие сановники Шоа, такие, как лиуль рас Мэконнын, ныгусэ Микаэль, рас Уольдэ-Гийоргис, фитаурари Хабтэ-Марьям, рас Дарге, рас Тэсэмма и др. Вскоре, уже в конце XIX в., Аддис-Абеба стала крупнейшим городом Эфиопии и самым оживленным торговым центром империи. Около 1910 г. Аддис-Абеба насчитывала почти 70 тыс. постоянных и от 30 до 50 тыс. временных жителей.

ТОРГОВЛЯ. СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ ДЖИБУТИ — АДДИС-АБЕБА

Экономическое положение Эфиопии в середине 90-х годов было катастрофическим. Это объяснялось двумя главными причинами. Во-первых, в 1888—1892 гг. страна пережила страшный голод, вызванный военными разрушениями, неурожаями, а также неоднократными

эпизоотиями скота. Кроме того, Эфиопия была опустошена в результате войны с Италией 1894—1896 гг., жители деревень еще не успели прийти в себя после голодных лет, когда снова были ограблены реквизициями, наложенными обеими враждующими армиями. Разрушения в Центральной и Северной Эфиопии заставили Менелика наряду с ранее приведенными политическими причинами предпринять поход на юг, где имелись довольно богатые земли. Кроме того, Менелик поддерживал развитие торговли, ослабленной в результате прежних военных действий, понимая, что ее оживление является одним из основных условий улучшения экономического положения страны.

Одной из причин, тормозивших экономическое развитие Эфиопии, было то, что в стране отсутствовали удобные пути сообщения между отдельными районами, а также между центром страны и побережьем. Это было серьезным препятствием развитию торговли. Наиболее ярко можно показать это на примерах, иллюстрирующих трудности, которые необходимо было преодолеть купцам, намеревавшимся проехать к побережью из центральных {364} районов страны. Одним из важнейших существовавших в то время торговых путей была дорога, соединяющая Аддис-Абебу с Зейлой через Харэр. Караваны из Аддис-Абебы в Харэр двигались около 6 недель. По горным дорогам использовать приходилось только ослов и лишь позднее можно было пересечь на верблюдов. Из Харэра в Зейлу путешествие продолжалось около месяца. В лучшем случае караван из Шоа прибывал на побережье через два месяца.

Другой важный торговый путь вел из Аддис-Абебы в Массауа. Этапы пути каравана, двигающегося по этой дороге, были следующими: Аддис-Абеба — Бору-Меда — 17 дней; Бору-Меда — Мэкэле — 18 дней; Мэкэле — Массауа через Адуа и Асмэру — 21 день. В общей сложности путешествие от Аддис-Абебы до Массауа продолжалось немногим меньше двух месяцев. На преодоление другого важного торгового пути, соединяющего Аддис-Абебу через Дэбрэ-Маркос с Мэтэммой, караван купцов должен был потратить 30 дней. Поездка из Аддис-Абебы в богатую провинцию Бени-Шангуль продолжалась более 40 дней. Таким образом, чтобы добраться из провинции Бени-Шангуль до портов, расположенных в заливе Таджура, купцам требовалось около 100 дней — и это лишь в одну сторону. Кроме того, купеческие караваны часто подвергались нападению разбойничьих шаек шыфта. В этих условиях торговля в Эфиопии развивалась очень медленно. Поэтому Менелик, собираясь модернизировать свое государство и укрепить его экономический потенциал, намеревался строить новые дороги и обеспечить купцам безопасность во время их торговых путешествий.

В этом кроется одна из основных причин, которой руководствовался император Эфиопии, решаясь на предоставление французам концессии на строительство железнодорожной линии, соединяющей Шоа с побережьем Красного моря; кроме экономических соображений, Менелик руководствовался и внутривнутриполитическими моментами. Проведение железнодорожной линии, соединяющей Аддис-Абебу с побережьем, делало столицу Эфиопии независимой от путей сообщения, проходящих через северные провинции и Тигре. {365}

Хотя концессию на строительство железной дороги император Эфиопии 9 марта 1894 г. формально передавал эфиопской компании, на деле она была дана швейцарскому инженеру Альфреду Ильгу, который совместно с французом Л. Шефнё должен был осуществлять строительство железной дороги. Участие эфиопов в строительной компании было фиктивным. Все предприятие находилось в руках французских акционеров. То, что Менелик решил предоставить эту концессию именно французам, явилось следствием тех дружественных отношений, которые в конце XIX в. установились между Францией и Эфиопией. В то же время император Эфиопии, опасаясь агрессии Италии, стремился укрепить свою международную позицию, усиливая связи с Францией.

Краткое содержание документа о концессии, предоставленной вновь созданной Императорской компании железных дорог, было следующим:

«Статья 1. Его величество Менелик II, император Эфиопии, передает господину Альфреду Ильгу право организовать компанию под названием «Императорская компания эфиопских железных дорог», целью и задачами которой будет строительство и эксплуатация линии от Джибути до Харэра, от Харэра до Ынтотто и от Ынтотто до Кэфы и Белого Нила.

Статья 2. Весь железнодорожный путь по очередности работ и использованию имеющихся в распоряжении материалов следует разделить на три отрезка: первый — от Джибути до Харэра, второй — от Харэра до Ынтотто, третий — до Кэфы и Белого Нила. Данное соглаше-

ние относится только к линии, соединяющей Джибути с Харэром.

Статья 3. Вышеупомянутая железнодорожная концессия дается компании на 99 лет, считая со дня окончания работ и начала эксплуатации. Это будет также относиться к следующему построенным отрезкам пути. Одновременно с этим заявляется, что ни одна другая компания не будет иметь права на строительство конкурирующих железнодорожных линий в глубь страны независимо от того, будут ли они идти от берегов Индийского океана, или Красного моря, или же из центральных районов Эфиопии в направлении Белого Нила». {366}

Другие пункты документа о концессии касались прав и обязанностей компании, с одной стороны, и эфиопского императора — с другой, во время строительства и эксплуатации железной дороги, а также условий ее приема Эфиопией после окончания срока концессии. Таким образом, Франция получила договор на монопольное строительство железнодорожных линий в Эфиопии.

Первый отрезок строящейся железнодорожной линии был сдан в эксплуатацию 22 июля 1901 г. Тогда Джибути была соединена с Доуоле, отдаленного от этого порта на 106 км. В 1902 г. дорога была доведена до Дыре-Дауа.

В последующие годы были заключены дополнительные франко-эфиопские соглашения, в результате которых железнодорожная линия, контролируемая французским капиталом, была доведена до Аддис-Абебы. Первый поезд прибыл в столицу Эфиопии в 1917 г. Железнодорожная линия, соединившая Джибути с Аддис-Абейбой, была протяженностью 784 км. Ее важнейшими участками были:

Джибути — Дыре-Дауа — 310 км, Дыре-Дауа — Аваш — 237 км, Аваш — Аддис-Абеба — 237 км. Несмотря на то что железная дорога Джибути — Аддис-Абеба была узкоколейной и имела ограниченную возможность перевозок в связи с необходимостью преодолевать местности, расположенные на различных уровнях, она стала важнейшей артерией страны. Эта линия способствовала экономическому оживлению Эфиопии и дальнейшему росту значения провинции Шоа.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА.

Менелик II был сторонником применения в Эфиопии достижений европейской технической мысли. Один из европейских путешественников говорил о нем, что если бы он не был великим императором, то был бы великим инженером. Эти слова точно характеризуют отношение Менелика к технике. Он был первым из эфиопских императоров, которому удалось, правда в ограниченной степени, ввести в Эфиопии ряд технических достижений, применявшихся в Европе. Он осуществил также ряд внутренних {367} реформ⁴, направленных на модернизацию государственного и административного аппарата. В 1892 г. была реорганизована система налогов с целью обеспечения государственной казне постоянных доходов. В том же году император ввел единую форму, а также звания и титулы в армии. Кроме того, порвав с традиционной системой, согласно которой на содержание армии шли главным образом реквизиции, Менелик издал распоряжение, регулирующее денежное и пищевое довольствие в армии.

В 1893 г. в Эфиопии была создана почта. Аддис-Абеба получила телеграфную и телефонную связь с побережьем. Первые почтовые отделения были образованы в таких городах, как Аддис-Абеба, Аваш, Дыре-Дауа, Джиджига, Горе, Харэр, Адуа, Мэкэле, Дэссе, Джимма, Дэбрэ-Табор. Были выпущены первые эфиопские почтовые марки. В 1894 г. была введена новая монета — талеры, сделанные во Франции, которые начали вытеснять находившиеся до этого времени в обращении неудобные, тяжелые талеры Марии Терезии и другие платежные средства. (В Эфиопии на протяжении веков такими платежными средствами были бруски соли, называемые амале.) В 1905 г. впервые в Эфиопии был построен водопровод, по которому вода с горы Ынтотто подавалась в императорский дворец в Аддис-Абебе. В 1906 г. был открыт эфиопский банк — филиал Египетского национального банка.

⁴ См.: Цыпкин Г. В. Эфиопия в конце XIX в. (Менелик II и его реформы 1889—1895 гг.). — «Тропическая Африка. Проблемы истории». Под ред. Давидсона А. Б., Луконина Ю. В., Нерсесова Т. А., Субботина В. А. М., 1973. — *Прим. ред.*

В 1908 г. Эфиопия присоединилась к международному почтовому союзу. В том же году в Аддис-Абебе была открыта школа имени Менелика II. Одновременно с этим император начал посылать молодых эфиопов на учебу за границу. Первые из них направились в Швецию и Россию. 15 октября того же года император издал закон об охоте, направленный на охрану природы.

31 мая 1909 г. в Аддис-Абебе была создана Эфиопская организация содействия развитию сельского хозяйства и торговли. Среди ее создателей наряду с Менеликом II были императрица Тайту, рас битуоддэд Тэсэмма, рас {368} Уольдэ-Гийоргис, фитаурари Хабтэ-Гийоргис, бэджыронд Мулугета и нэгадрас Хайле-Гийоргис.

В 1910 г. в Аддис-Абебе была открыта больница. Как школа, так и больница были первыми учреждениями подобного рода в Эфиопии. В том же году в Аддис-Абебе был построен первый в Эфиопии завод боеприпасов. В следующем году в столице начала работать типография.

Менелик издал ряд распоряжений, запрещавших иметь рабов и заниматься работорговлей. Были также установлены регулярные выездные сессии императорского суда. Так, например, в марте императорский суд проводил сессию в Годжаме, Агау-Мыдыре, Дамоте, Мече, в апреле — в Гондэре, Бэгемдыре, Куаре, Уотэре, Ласте, в мае — в Адуа. Ежегодно в каждую пятницу июня заседания императорского суда происходили в Аддис-Абебе.

К важнейшим реформам Менелика II следует отнести создание 26 октября 1907 г. первого в истории Эфиопии кабинета министров. Кроме того, было создано Управление по делам почт и телеграфа, а также Управление по делам религии и просвещения. Одновременно были разработаны правила, точно определявшие функции и полноту власти отдельных министров. Однако на деле роль министров была незначительной. Вся власть по-прежнему находилась в руках императора и крупнейших феодалов. Кроме того, Менелик II упорядочил существовавшие в течение веков феодальные титулы, которые по существу были государственными и военными постами, точно определив их иерархию. По старшинству эта иерархия была определена в следующем виде:

I. Княжеские должности: 1. ныгусэ, 2. мэрыд азмач и абето.

II. Военные должности: 1. рас битуоддэд, 2. рас, 3. дэджамач, 4. лигаба, 5. фитаурари, 6. аггафари, 7. кэннязмач, 8. гыразмач, 9. баламбарас, 10. шака, 11. бальдэрас, 12. баша.

III. Административные должности: 1. битуоддэд, 2. афэ ныгусэ, 3. цэхафе тыызаз, 4. аз-жаз, 5. бэджыронд, 6. нэгадрас, 7. кэнтиба, 8. блаттенгета, 9. ликэ мэкуас, 10. уохни азжаз, 11. блатта, 12. лидж, 13. ато.

Для укрепления своих вооруженных сил Менелик определил крупным феодалам обязательные военные кон- {369} тингенты, которые они должны были содержать и выставлять по требованию императора: ныгусэ Уольдэ-Гийоргис — 30 тыс. солдат, рас Мэконнын — 30 тыс., фитаурари Хабтэ-Гийоргис — 17 тыс., афэ ныгусэ Нэсибу — 5 тыс., дэджач Бальча — 5 тыс., рас Абатэ — 4,5 тыс., рас Луль-Сэгэд — 4,5 тыс.

Независимо от того, насколько реформы Менелика II были проведены в жизнь, именно они положили начало тем изменениям в Эфиопии, которые произошли после первой мировой войны и продолжают вплоть до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ. ВВЕДЕНИЕ В ПИСЬМЕННОСТЬ АМХАРСКОГО ЯЗЫКА

Создание в 1911 г. первой в истории Эфиопии типографии явилось выражением тех изменений, которые начали проявляться в культурной жизни страны уже в XIX в.⁵ В это время амхарский язык начинает вытеснять в литературе уже давно не применяемый в разговорной речи язык геэз. Язык становится одним из средств, способствующих объединению страны. В

⁵ См.: Тураев Б. А. Абиссинская литература. — В сб. «Литература Востока», вып. 2, Пг., 1920; Тураев Б. А. и Айналов Д. В. Произведения абиссинской живописи, собранные д-ром А. И. Кохановским. — «Христианский Восток», т. II, вып. 2, СПб., 1913. — *Прим. ред.*

период правления императора Теодроса II амхарский язык стал проникать в литературу, вытесняя из все более значительных областей эфиопской письменности мертвый и понятный только образованным духовным лицам и придворным сановникам язык геэз. Амхарский язык, известный с прошлых времен благодаря лишь немногочисленным, написанным на нем произведениям, становится все более распространенным языком, языком разговорным. Хроника императора Теодроса II, созданная Уольдэ-Марьямом, а также Зэннэбэ, является первой написанной на амхарском языке хроникой. По-амхарски написаны также исторические письма духовного лица из Уадла — Ассэгахэня, рассказывающие о {370} драматических событиях, происшедших в последние годы правления Теодроса II и во времена Тэкле-Гийоргиса.

Памятников письменности, относящихся к периоду удельной раздробленности и второй половине XIX в., сохранилось сравнительно немного. Непрерывная внутренняя борьба между отдельными частями страны и претендентами на власть не способствовала расцвету культуры. Можно также предположить, что многие произведения или были уничтожены во время частых пожаров, не пощадивших в тот период ни одного из важнейших центров страны (например, пожары Гондэра, уничтожение Анкобэра), или же являются до настоящего времени частной собственностью, хранящейся в отдельных родах или в монастырях. Несмотря на то что сейчас известно лишь небольшое количество произведений, можно утверждать, что введение письменности на амхарском языке сказалось на дальнейшем развитии эфиопской литературы. Ясно, что языком, которым пользуются живые люди, выражаются совсем иные общественные и культурные понятия, чем языком мертвым, уже в течение столетий. Произведения на языке геэз отражали проблематику, важную для правящих классов: духовенства и придворных. Поэтому прежде всего они были религиозного содержания либо описывали политические события. Амхарский же язык являлся таким языком, которым пользовались группы, находившиеся как на самой высокой, так и на самой низкой ступени общественной лестницы. В связи с этим, даже не будучи распространенным на территории всей страны, он мог помочь выразить то, что волновало все слои населения, мог быть выразителем как придворной, так и народной культуры. Поэтому использование амхарского языка для написания исторической хроники следует считать переломным событием в истории культуры Эфиопии.

На страницы рукописей, а позднее и книг начинает попадать многогранное народное творчество, до тех пор передававшееся лишь в устной форме. Первые амхарские произведения второй половины XIX и начала XX в. по своему содержанию идентичны произведениям на геэз и прежней историографии. К числу крупнейших писателей того периода, занимавшихся исторической тематикой, принадлежит алека Тайе. Его «История эфиопского народа» {371} до сегодняшнего дня является ценным источником информации по истории различных народов, населяющих империю. Из-под пера блаттенгеты Хыруй-Уольдэ-Сылласе, политического деятеля, поэта, писателя и историка, вышла «История Йоханныса IV» — исключительно ценное с литературной точки зрения произведение; им же написаны биографии людей, оставивших след в истории Эфиопии. Его произведения были изданы в 1915 и 1917 гг. При Менелике II хронику писал цэхафе тыызаз Гэбрэ-Сылласе, в работе которого излагается сокращенная история Эфиопии, а также история князей Шоа.

Следует коснуться и других областей эфиопской культуры. Во второй половине XIX в. жил один из самых интересных людей той эпохи — духовное лицо Гэбрэ-Ханна. Местом его пребывания были окрестности озера Тана. Сначала он преподавал в Гондэре, в одном из имевшихся там монастырей, знаменитом на всю страну тем, что был прекрасной школой религиозного танца. Удаленный из Гондэра представителями консервативных духовных кругов за попытку введения нового стиля в церковный «балет», он перебрался ко двору Менелика II. Новаторские художественные идеи Гэбрэ-Ханны, распространяемые его сыном, со временем были восприняты широкими слоями эфиопского духовенства. А сам Гэбрэ-Ханна остался в истории эфиопской культуры как автор нового литургического танца, на создание которого его вдохновило движение волн на озере Тана и гнущихся под ветром стеблей прибрежных тростников и камышей. В Эфиопии сохранилась память о глубоком уме и большом остроумии этого человека. Это видно из опубликованного в 1955 г. сборника сатирических рассказов и анекдотов, более четверти которых связано с именем Гэбрэ-Ханны.

Новый этап переживала и живопись того периода. Прежде всего художники отказались от прежних формальных требований при иллюстрировании рукописей и в настенной живописи.

си. Стали создаваться большие живописные полотна, художники перестают быть анонимными и хотя бы инициалами помечают свои произведения. В их картинах по-прежнему отражались религиозные сюжеты и придворная жизнь, но наряду с выдающимися личностями стали изображаться и батальные сцены и повседневная жизнь. Императоры и крупнейшие феодалы имели уже своих придворных художников, которые обучались в различных монастырях, известных как школы изящных искусств. Из прежних канонов эфиопской живописи, которые были обязательными в период средневековья, в рассматриваемый период перешел обычай изображать положительных героев анфас, а отрицательных — в профиль, остался также обычай изложения в подписи содержания картины. По-прежнему живы традиции большой настенной росписи, отображающей исторические события. Так, например, в середине XIX в. на стенах церкви святой Марии в Гондэре была сделана огромная роспись, изображавшая борьбу за престол Тэкле-Хайманота со своим отцом императором Иясу I Великим (на рубеже XVII—XVIII вв.), а церковь святого Марка в Дэбрэ-Маркосе была украшена сценами из жизни годжамских ныгусэ. Среди крупнейших живописцев конца XIX и начала XX в. можно назвать духовное лицо Ынгыда (проживавшего во времена Теодроса), а также Лукаша из Годжама, Уодьдэ-Гийоргиса из Годжама, Элиаша, придворного художника Менелика II, и Эмайлафа-Хыруя, живших и творивших уже при последующих императорах. {373}

Глава XXII

ЭФИОПИЯ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Поражение Италии в войне с Эфиопией 1894—1896 гг. перечеркнуло планы вооруженного захвата этой страны. Одновременно начался период активного соперничества между европейскими странами за влияние в Эфиопии. Кроме Италии, это были Великобритания и Франция. Надо подчеркнуть, что Эфиопии, единственной стране, сохранившей независимость во время империалистического раздела Африки, до известной степени помогли острые противоречия между Италией, Великобританией и Францией в эфиопском вопросе в конце XIX — начале XX в. С того времени и вплоть до 1935 г. Эфиопии поможет сохранить свою независимость то, что ни одно из заинтересованных государств не захочет допустить кого-либо из своих соперников безраздельно господствовать в этой стране. В этот период наиболее характерным методом колониализма стала экономическая экспансия.

Наряду с Великобританией и Италией, первые захватнические стремления которых в отношении Эфиопии проявились еще в шестидесятые годы XIX в., Франция также постаралась укрепиться на территориях, расположенных на побережье Красного моря. Поражение дэджача Ныгусе в войне с Теодросом II разрушило французские планы вмешательства во внутренние дела Эфиопии путем оказания помощи властителю Тигре в его борьбе за императорский престол. Как известно, дэджач Ныгусе отправил посольство в Париж и явно рассчитывал на помощь Франции. Однако она не успела ее оказать до его разгрома. {374}

В 1862 г. французский консул в Адене от имени своего правительства купил у одного из вождей данакильских племен местность Обок. Это был важный в стратегическом отношении пункт у выхода из Баб-эль-Мандебского пролива и Аденского залива, позволявший контролировать путь к Индийскому океану. Эта покупка обошлась французам в 10 тыс. талеров Марии Терезии. Несмотря на то что открытие Суэцкого канала в 1869 г. усилило интерес Франции к району Красного моря, ее поражение в войне с Пруссией в 1870 г. задержало на несколько лет осуществление колониальных планов Парижа. Только после 1882 г., когда усилилась колониальная экспансия Франции в Северной Африке, возрос ее интерес к району Баб-эль-Мандебского пролива и залива Таджура. Французы основали в Обоке торговую компанию и начали строить и укреплять порт. В 1885 г. Франция объявила, что берет под свой протекторат весь район залива Таджура. Так появилась новая французская колония под названием

«Французское Сомали»¹. Формально французские власти сделали это, прикрываясь договорами, заключенными с вождями племени исса², которые проживали на большей части этой территории. Подкупленные вожди согласились на французский протекторат.

Одновременно с непосредственным захватом территорий, расположенных у залива Таджура, Франция начиная с 80-х годов стала оживлять свои дипломатические контакты с Эфиопией. Это ей удавалось особенно легко в связи с тем, что Менелик, учитывая опасность итальянской агрессии, предпочитал видеть около себя французских советников и стремился как можно больше сблизиться с Парижем, чтобы создать противовес дипломатическим действиям Италии, направленным против его страны и касавшимся прежде всего вопроса интерпретации Уччиалльского договора. В связи с тем что Великобритания в 80-е годы XIX в. еще поддерживала политику Италии в Северо-Восточной Африке, для Франции создавалась очень благоприятная обстановка при дворе эфиопского императора. Тем более что, кроме района залива {375} Таджура, не интересовавшего Менелика, Франция пока не проявляла стремления к дальнейшим территориальным захватам граничащих с Эфиопией территорий. Следствием дружественных франко-эфиопских отношений было, как нам уже известно, предоставление Менеликом II в 1894 г. концессии французам на строительство железной дороги из Джибути во внутренние районы Эфиопии.

Начало работ на строительстве железной дороги в 1897 г. способствовало оживлению порта Джибути. Джибути, основанный в конце 80-х годов, в 1894 г. насчитывал около 2 тыс. жителей. В 1897 г. число жителей возросло до 4,5 тыс., а в июле 1898 г. оно уже достигло 13 тыс. Когда начались работы на строительстве железной дороги, Лягард, губернатор Французского Сомали, перенес свою резиденцию из Обока в Джибути.

На политику Франции в Эфиопии вплоть до 1898 г. серьезное влияние оказывало англо-французское соперничество в верховьях Нила. В планы французского правительства входило намерение включить в состав своих колониальных владений в Африке весь Судан. Однако в результате инцидента в Фашоде Франции пришлось отказаться от захвата территорий в районе Белого Нила. Определенную роль в осуществлении этих планов должна была играть Эфиопия, которую после победоносной войны с Италией Франция стала рассматривать как очень полезного союзника, способного взаимодействовать с французскими войсками в Судане.

Колониальным англо-французским соперничеством объясняется первоначальная поддержка Великобританией политики Италии в Эфиопии. Англия предпочитала, чтобы в Северо-Восточной Африке доминирующие позиции приобрела слабая Италия, а не старый колониальный антагонист Англии — Франция. Этим же соперничеством можно объяснить поддержку Эфиопии Францией, снабжавшей Менелика оружием как до начала итало-эфиопской войны, так и позднее.

Стремясь укрепить связи с Менеликом и склонить его послать эфиопские войска навстречудвигающемуся по направлению к Фашоде отряду капитана Маршана, французское правительство решило в 1896 г. заключить формальный договор с Эфиопией, чтобы таким образом отрезать англичанам доступ к территориям, расположенным у Белого Нила. В связи с этим 6 декабря губернатор Французского Сомали Лягард, наделенный полномочиями своего правительства, направился в Аддис-Абебу. По пути он был торжественно встречен в Харэре губернатором этой провинции расом Мэконныном. Во время своего пребывания в Харэре Лягард заключил с расом Мэконныном торговый договор, который, хотя и имел местное значение, был утвержден Менеликом II.

В Аддис-Абебе Лягарду был оказан необыкновенно теплый прием. Главе французской миссии было поручено его правительством согласовать с императором Эфиопии вопрос о заключении франко-эфиопского договора о дружбе, торговле и взаимных действиях в бассейне Белого Нила, а также вопрос об определении границ между Эфиопией и Французским Сомали. По всем этим вопросам обе стороны достигли полного согласия.

20 марта 1897 г. в Аддис-Абебе был подписан франко-эфиопский договор, регулировавший пограничные вопросы между Эфиопией и Французским Сомали, а также торговые и дипломатические отношения между двумя странами. Формально он заменил договор, подпи-

¹ Точное название — «Французский берег Сомали». — *Прим. ред.*

² Одна из этнических групп сомали. — *Прим. ред.*

санный в 1843 г. между Францией и ныгусэ Сахле-Сылласе. Некоторые постановления нового договора были секретными, например заявление Франции о согласии на захват Эфиопией нескольких данакильских округов, в том числе района озера Ассале, и о сохранении в силе договора 1843 г. Была определена также сфера французского и эфиопского влияния в районе верхнего течения Белого Нила. Территории, расположенные на левом берегу этой реки, должны были принадлежать Франции, а правобережные земли — войти в состав владений императора Эфиопии. Решено было, что Менелик вышлет специальную вооруженную экспедицию в район Белого Нила для встречи с отрядом капитана Маршана, а в случае необходимости и окажет ему помощь. Как мы уже знаем, такая экспедиция была отправлена под командованием раса Тэ-сэммы.

Разгром махдистов под Омдурманом 2 сентября 1898 г. Китчером и дипломатическое поражение Франции в конфликте с Великобританией по поводу Фашоды перечеркнули французские планы покорения Судана. После {377} этого Франция стала прежде всего стремиться к завоеванию ведущих экономических позиций в Эфиопии, свидетельством чего явилось строительство железной дороги Джибути — Аддис-Абеба.

Усилился интерес к Эфиопии в конце XIX в. и со стороны Великобритании. После того как в начале 80-х годов английское правительство решило оккупировать Египет, а вслед за тем занять Судан и создать великую колониальную империю в Африке, которая бы простиралась от Каира через Восточную Африку до Кейптауна, англичане изменили свое отношение и к Эфиопии. Правда, восстание махдистов в Судане способствовало тому, что эта страна на несколько лет была исключена из сферы английского влияния, тем не менее актуальным и важным для Лондона оставался вопрос о контроле над истоками Нила, из которых важнейший — Голубой Нил брал свое начало вблизи озера Тана. Убежденная в том, что тот, кто владеет истоками Нила, будет контролировать и политику Египта и Судана, Великобритания никоим образом не хотела допустить, чтобы в Эфиопии приобрело большое влияние какое-либо европейское государство, конкурирующее с Англией в Африке. Именно таким государством была Франция. Следя за тем, чтобы ни Западная Эфиопия с озером Тана, ни Судан не попали во французские руки, англичане одновременно стали укреплять свои позиции в районе Красного моря, которое получило для английской колониальной политики огромное военно-стратегическое значение после открытия Суэцкого канала.

Когда в середине 80-х годов египетские гарнизоны оставили Харэр, Зейлу и другие пункты на сомалийском побережье, вместо них в прибрежной зоне появились британские войска, посланные английским губернатором Адена. Этим временем датируется создание новой английской колонии в Африке, так называемого Британского Сомали. Как это сделали французы в районе залива Таджура, так и англичане в захваченной ими части Сомали формально заключили договор с вождями местных племен, которые в обмен на небольшое количество оружия и денег признали власть английской королевы. {378}

Итальянское правительство после объявления протектората над Эфиопией на основании статьи 17 Уччиалльского договора стремилось получить от Великобритании признание его действий. Так появились итало-английские соглашения, заключенные в 1891 и 1894 гг. Великобритания обеспечила себе этими договорами полную свободу действий в Судане. После сражения под Адуа Англия перестала рассматривать Италию возможной преградой расширению французского влияния в Северо-Восточной Африке; кроме того, в середине 90-х годов английское правительство, намечая в ближайшем будущем захват Судана, решило само активизировать политику в отношении Эфиопии, тем более что до Англии дошли вызывающие беспокойство известия о налаживании связей между Эфиопией и Суданом и значительном улучшении отношений между Менеликом и Абдаллахом. В Омдурман была направлена специальная эфиопская миссия, благожелательно принятая Абдаллахом.

28 апреля 1897 г. в Аддис-Абебу прибыла британская миссия во главе с Реннелом Роддом. Ее задачей было не допустить укрепления эфиопско-суданских отношений, а также способствовать ослаблению французского влияния при императорском дворе путем заключения англо-эфиопского договора. Менелик II понимал, какую цель преследовали европейские страны в своей политике в Эфиопии. Во время беседы с английским представителем император хотя и принял миссию благожелательно, но все же дал понять, что ему ясны истинные намерения европейских государств, которые стремятся использовать Эфиопию в собственных интере-

сах. Менелик II, раздраженный помещаемыми в европейской печати корреспонденциями, в которых Эфиопию рассматривали исключительно как своего рода курьез, заявил: «В некоторых странах смотрят на меня как на ребенка, предлагая мне музыкальные шкатулки, магические фонари и механические игрушки».

В мае 1897 г. в Аддис-Абебе состоялось подписание англо-эфиопского договора, регулировавшего пограничные вопросы между Эфиопией и Британским Сомали. В результате этого соглашения англо-эфиопские отношения улучшились. Однако англичанам не удалось нейтрализовать французское влияние или добиться формального отказа императора Эфиопии от намерения расширить границы своей страны за счет Судана, который, согласно британским планам, должен был в ближайшее время стать колонией Великобритании. Менелик заявил Родду, что границы Эфиопии лежат между 2 и 14° северной широты, на востоке достигают побережья океана, а на западе — правого берега Нила. Когда рас Тэсэмма в июне 1898 г. достиг с военными отрядами Белого Нила, он объявил земли, находящиеся на его правом берегу, принадлежащими Эфиопии. Как мы знаем, Тэсэмме пришлось уйти, и его заявление не вошло в силу. Тем не менее оно свидетельствует о том интересе, который проявляла Эфиопия к территориям, расположенным в бассейне Белого Нила.

РОССИЯ И ЭФИОПИЯ

Россия была вторым, после Франции, государством, с которым отношения Эфиопии в конце XIX в. развивались успешно. Это объяснялось главным образом двумя причинами. Во-первых, Россия не имела колоний в Африке и даже потенциально не представляла угрозы для Эфиопии. Поэтому Менелик очень благосклонно смотрел на расширение контактов с Россией. Во-вторых, этому способствовал огромный интерес, который проявляла Россия к Эфиопии в то время. Следует также отметить, что эфиопское христианство было окружено в России почти что легендой и рассматривалось как вероисповедание, очень близкое православию. В тот период русская наука и публицистика также проявляли большой интерес к эфиопским вопросам. На рубеже XIX и XX вв. в России успешно развивалась эфиопистика и появилось много ценных научных работ. В тот же период Эфиопию посетили несколько русских путешественников³, сообщения которых возбуждали в России дополнительный интерес к Эфиопии. Следует здесь отметить, что описания путешествий А. К. Булатовича⁴ и Н. С. Леонтьева — ценнейшие источники по истории Эфиопии — почти не использованы в западноевропейской исторической литературе. Дополнительным фактором, заставившим русскую дипломатию проявлять интерес к Эфиопии, был острый англо-русский антагонизм на Ближнем Востоке в конце 70-х годов. Конфликт с Англией повлиял на то, что Россия независимо от вышеупомянутых причин доброжелательно относилась к Эфиопии и приветствовала одержанную под Адуа победу над Италией, союзником Англии. Одновременно с этим Россия была на стороне своего союзника Франции в ее африканской политике. Русское правительство, безусловно, восприняло бы благосклонно расширение французского влияния в бассейне Нила за счет Великобритании. Это положение изменилось только в 1907 г., после заключения между Россией и Англией договора, урегулировавшего спорные вопросы между этими странами, касавшиеся Среднего Востока.

Первые официальные контакты между Россией и Эфиопией относятся к 1894 г., когда в Аддис-Абебу прибыла первая русская научная экспедиция, руководимая А. В. Елисеевым и Н. С. Леонтьевым. Последний несколько лет оставался в Эфиопии и в 1895—1897 гг. выполнял обязанности советника Менелика. В июне 1895 г. в Петербурге находилась эфиопская дипломатическая миссия. Выражением поддержки Эфиопии во время итало-эфиопской войны явилась отправка в Эфиопию русского санитарного отряда, который 28 мая 1896 г. прибыл в Ха-

³ Райт М. В. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — начале XX в. и их этнографические материалы. — «Африканской этнографический сборник». I. М., 1956 («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XXXIV). — *Прим. ред.*

⁴ Булатович А. К. От Энто до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи в 1896—1897 гг. СПб., 1897; его же: С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа. СПб., 1900; Кацнельсон И., Терехова Г. По неизведанным землям Эфиопии. М., 1975. — *Прим. ред.*

рэр⁵. Оттуда этот отряд, оставив часть своего персонала, направился в Аддис-Абебу, где русские врачи {381} организовали полевой госпиталь, в котором лечили раненых. Официально дипломатические отношения между Россией и Эфиопией были установлены в 1897 г., а в феврале 1898 г. в Аддис-Абебу прибыл в качестве главы русской дипломатической миссии П. М. Власов⁶.

ПОГРАНИЧНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

В результате соперничества между европейскими колониальными державами международное положение Эфиопии в 90-е годы было относительно устойчивым. После сражения под Адуа Италия, не сумев захватить Эфиопию вооруженным путем, все делала, чтобы другое государство также не подчинило себе территории, расположенные между Эритреей и Итальянским Сомали. В этот период в Эфиопии европейские страны стремились расширить свое влияние путем экономической экспансии. Благодаря политике Менелика II, а позже Хайле Селассие (Хайле-Сылласе I), следивших за тем, чтобы экономические концессии, предоставляемые европейцам, не ограничивали политическую независимость страны, экономическая экспансия, несмотря на то что она создала возможность для значительного проникновения в Эфиопию европейского капитала, не вызвала, однако, значительного ограничения суверенитета этого государства, как это произошло в Персии и в других неевропейских государствах. Очень большое значение в сохранении Эфиопией ее независимости сыграла труднодоступная территория страны, где отсутствие удобных путей сообщения делало маловыгодным любое капиталовложение. Это сдержало проникновение европейского капитала на эфиопский рынок и объективно делало невозможным быстрое подчинение Эфиопии какому-либо европейскому государству путем экономической экспансии. Кроме того, к этому времени в Эфиопии не были найдены какие-либо важные полезные ископаемые, что могло бы вызвать заинтересованность европейских государств.

После заключения франко-эфиопского договора, определявшего границы между Эфиопией и Французским {382} Сомали, а также англо-эфиопского соглашения 1897 г., дополненного 4 июня того же года и определившего границы между Эфиопией и Британским Сомали, пришла очередь решить наиболее спорный пограничный вопрос, стоявший перед Эфиопией, а именно вопрос о границе с Итальянской Эритреей. Согласно договору 1896 г., заключенному в Аддис-Абебе, эта граница должна была быть определена позже. В 1897 г. начались переговоры между представителем итальянского правительства майором Нераццини и Менеликом, в результате которых были установлено, что граница между Эфиопией и Эритреей будет проходить от Томата до Тоглука, затем по реке Мэрэб, Май-Анбэса, Май-Мэрэпта и дальше на юг от местности Халай и Махио, отсюда параллельно побережью Красного моря на расстоянии 60 км.

Постановления эти были немного изменены в пользу Италии в официальном итало-эфиопском договоре, заключенном 10 июля 1900 г. Окончательные границы между Эфиопией и Эритреей определил договор от 16 мая 1908 г., установивший также границы между Эфиопией и Итальянским Сомали. В этом последнем случае пограничная линия устанавливалась чисто теоретически, и ее можно было в эфиопо-сомалийских пограничных районах определить только приблизительно, так как в этом районе не было ни рек, ни поселков, по которым можно было ориентироваться и которые бы дали возможность точнее наметить границы на карте. Это вызвало позднее независимо от других моментов много итало-эфиопских пограничных конфликтов.

Упомянутые выше соглашения с Великобританией, Францией и Италией, помимо того, что они регулировали пограничные конфликты, определяли и другие вопросы, такие, как установление дипломатических отношений, компетенцию дипломатических представителей этих стран на территории Эфиопии, торговые и таможенные вопросы, а также обеспечивали вышеупомянутым странам статут наибольшего благоприятствования.

В начале XX в. к государствам, пытавшимся добиться экономического влияния в

⁵ См. Материалы Архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях (конец XIX—начало XX в.). — «Проблемы востоковедения», 1960, № 1. — *Прим. ред.*

⁶ См.: В а с и н И. И. Политика капиталистических держав в Эфиопии (60—90-е гг. XIX в.). М., 1974. — *Прим. ред.*

Эфиопии, присоединились Германия и частично Соединенные Штаты Америки, Бельгия и Австро-Венгрия. В 1903 г. из Берлина в Аддис-Абебу {383} была направлена миссия для установления дипломатических отношений между Германией и Эфиопией. Переговоры завершились полным успехом. Менелик II охотно согласился на прибытие германского посольства в Аддис-Абебу. По мнению императора, Германия как страна, не имевшая колоний в непосредственном соседстве с Эфиопией, не представляла собой такой большой угрозы, как государства, чьи колониальные владения окружали Эфиопию со всех сторон. Кроме того, Менелик мог использовать Германию в качестве противовеса захватническим стремлениям других стран. Следует напомнить, что как в арабских странах, так и в Эфиопии германская дипломатия прикрывалась лозунгом защиты интересов коренного населения от происков английских и французских колонизаторов. Через несколько лет после установления эфиопо-германских дипломатических отношений в Аддис-Абебу прибыли немецкие специалисты, которые стали наряду с другими европейцами советниками императора.

Это были главным образом инженеры и купцы. 7 марта, 1905 г. был подписан эфиопо-германский торговый договор, который предоставлял немцам такие же привилегии, какие раньше получили итальянцы, французы и англичане. Усиление немецкого влияния в Эфиопии прекратилось лишь с началом первой мировой войны. Правда, в течение ее первых двух лет, когда на эфиопском троне сидел Лидж-Иясу, поддерживавший Турцию — союзницу, Германии, в Берлине вновь появились надежды добиться решающего влияния в Аддис-Абебе. Однако после свержения императора в 1916 г. надежды Германии были развеяны новой ориентацией Эфиопии на государства Антанты.

27 декабря 1903 г. в Аддис-Абебе был подписан торговый договор между Эфиопией и Соединенными Штатами Америки. В этом же году в столице Эфиопии было открыто американское консульство, в 1909 г. преобразованное в посольство. 27 июля 1914 г. Эфиопия и США подписали новый договор, который заменил собой соглашение от 1903 г. Соединенные Штаты, проявлявшие в то время интерес главным образом к странам Латинской Америки и Дальнего Востока, не действовали активно в Эфиопии. Даже в период между мировыми войнами их активность {384} в Эфиопии была довольно слабой. Только после второй мировой войны Эфиопия окажется в числе тех африканских стран, в которых США займут прочную позицию.

Так называемые договоры о дружбе и торговле заключили в то время с Эфиопией Австро-Венгрия и Бельгия. Соглашение с Австро-Венгрией было подписано 27 марта 1905 г., а с Бельгией — 6 сентября 1906 г. Однако эти два договора почти не имели для Эфиопии ни дипломатического, ни экономического значения.

С формальной точки зрения соглашения Эфиопии с другими странами, заключенные на рубеже XIX и XX вв., подразделяются на договоры о дружбе и торговле и на пограничные соглашения. К первой группе можно отнести следующие договоры: Договор с Францией от 27 января 1897 г.; с Великобританией от 14 мая 1897 г.; с США от 27 декабря 1903 г.; с Германией от 7 марта 1905 г.; с Австро-Венгрией от 27 марта 1905 г.; с Италией от 21 июля 1906 г.; с Бельгией от 6 сентября 1906 г. и с Францией от 10 января 1908 г.

К пограничным соглашениям относятся: с Францией от 20 марта 1897 г.; с Великобританией от 14 мая 1897 г., которое было одновременно договором о дружбе, дополненным 4 июня 1897 г.; с Италией — соглашение от 10 июля 1900 г., дополненное англо-итало-эфиопским соглашением от 15 мая 1902 г., регулировавшим, кроме пограничных вопросов между Эфиопией и итальянскими владениями, также границу между Суданом и Эфиопией; с Великобританией — соглашение от 6 декабря 1907 г., определившее границы между Эфиопией и британскими колониями в Восточной Африке.

Безусловно, эти договоры являлись лишь формальным выражением отношений, существовавших между Эфиопией и другими государствами, и не отражали истинного положения. Отдельные статьи этих договоров написаны необыкновенно торжественно, форма должна была скрыть настоящие намерения колониальных государств в отношении Эфиопии. Чтобы выяснить действительную политику великих держав, следует коснуться другой, более существенной стороны этой политики, т. е. экономической экспансии колониальных государств в Эфиопии. Эта сторона в начале XX в. выдвигается на первый план {385} в эфиопской политике Великобритании, Франции и Италии. Каждое из этих государств стремилось к достижению максимального экономического влияния в Эфиопии, чтобы таким путем оказывать как можно

большой нажим на Аддис-Абебу.

Однако уже в это время пути Италии и Великобритании в эфиопской политике решительно разошлись. Это произошло как в результате изменения в расстановке международных сил в Европе, так и в результате захвата англичанами Судана, а также укрепления их господства в Кении. В связи с захватом территорий, граничащих на западе и на юге с Эфиопией, Великобритания решительно противилась завоеванию Эфиопии другой страной, во всяком случае ее западных районов, в том числе озера Тана. В подобной ситуации в начале XX в. отношения между Италией и Великобританией стали значительно холоднее. Кроме того, несмотря на постепенное сближение позиций Франции и Великобритании в связи с обострением отношений этих государств с Германией, их враждебная политика по отношению друг к другу на территории Эфиопии подверглась изменениям только после заключения англо-французского «сердечного соглашения».

Таким образом, в начале XX в. соперничество колониальных государств на территории Эфиопии обострилось. Вместо двух соперничавших здесь в конце XIX в. государств — Франции и Италии — появился третий крупный конкурент — Великобритания, которая начала проводить собственную политику в Эфиопии. Кроме того, появился и четвертый претендент, стремившийся захватить эфиопский рынок, — Германия.

Намерения европейских государств мирным путем проникнуть на территорию Эфиопии остались неосуществленными. Только Франция, как уже говорилось, получила крупную концессию, которая обещала ей большие выгоды в будущем. Речь идет о строительстве железнодорожной линии Джибути — Аддис-Абеба. Нет ничего удивительного, что это предприятие привлекало к себе внимание иностранных государств. Великобритания с беспокойством наблюдала как за строительством этой железнодорожной линии, так и за ростом французского влияния {386} при дворе Менелика. Английская дипломатия усиленно стремилась прекратить работы на этом строительстве или отнять его у французов.

После окончания строительства отрезка пути между Джибути и Дыре-Дауа 6 февраля 1902 г. был подписан новый договор, регулировавший условия дальнейшего проведения работ. Его подписали от имени «Императорской компании эфиопских железных дорог» Шефне и губернатор Французского Сомали Бонур. Это соглашение, или так называемая «конвенция Бонур — Шефне», было заключено без переговоров с императором Эфиопии.

Губернатор Бонур гарантировал компании от имени французских властей ежегодный кредит в 500 тыс. франков на 50 лет. За это компания соглашалась на следующие условия: управление компанией должно находиться в Париже, а все важнейшие решения, принимаемые компанией, должны получить одобрение французских министерств: колоний, финансов и иностранных дел. Это касалось также возможных решений относительно строительства дальнейших участков дороги. Французское правительство оставляло за собой право непосредственного надзора за строительством железнодорожной линии на территории Эфиопии. В результате конвенции Бонур — Шефне Франция формально взяла на себя полный контроль за строительством железнодорожной линии Джибути — Аддис-Абеба. Тот факт, что Менелик был обойден при заключении вышеназванного соглашения — французский советник при дворе Менелика Шефне не спросил даже разрешения на его подписание, — временно ухудшил франко-эфиопские отношения. Менелик, предоставляя в 1894 г. французам концессию на строительство железнодорожной линии Джибути — Аддис-Абеба, не хотел, чтобы контролируемая Францией компания «стала государством в государстве».

Обострением отношений между Парижем и Аддис-Абебой тут же воспользовались англичане и предложили императору Эфиопии свои услуги в строительстве другой железнодорожной линии. Великобритания предложила построить железную дорогу через юго-западную Эфиопию, которая соединила бы Уганду и Судан. Она выдвинула также идею возможного соединения Аддис-Абебы с портами Британского Сомали — Зейлой или Берберой. Менелик, стремясь дать понять Франции, что не собирается допустить чрезмерного расширения ее влияния в Эфиопии, принял некоторые английские предложения. Соответствующее соглашение нашло свое отражение в уже упоминавшемся англо-итало-эфиопском пограничном договоре от 1902 г. Эфиопский император, наблюдая деятельность компании Бонур — Шефне, стремился усиливавшемуся влиянию Франции противопоставить влияние Великобритании и, используя противоречия между великими державами в целях сохранения независимости соб-

ственной страны, пошел на большие уступки Англии. Соответствующие статьи этого договора гласили: «Статья 3. Его величество Менелик II, император Эфиопии, обязуется в отношении Великобритании, что не предпримет никаких работ на Голубом Ниле, озере Тана или реке Собат, которые могли бы помешать доплыву их вод до Нила, без предварительного согласования по этому вопросу с британскими властями в Судане... Статья 5. Его величество Менелик II, император Эфиопии, предоставит правительству Великобритании и правительству Судана право на строительство железной дороги через территорию Эфиопии для соединения Судана с Угандой. Трасса этой дороги будет определена соответствующим соглашением между высокими договаривающимися сторонами».

В этом же договоре Менелик II отказался от своих претензий на территории, расположенные на правой стороне верхнего течения Нила, присоединение которых к Эфиопии предлагал рас Тэссэма во время своего рейда в Фашоду в 1898 г. 28 августа 1904 г. Менелик II в обстановке продолжавшегося кризиса в эфиопо-французских отношениях в связи с конвенцией Бонур — Шефне согласился на строительство железной дороги англичанами. Эта дорога должна была пройти по территории Эфиопии, соединив Британское Сомали с Суданом. Однако британские планы строительства на территории Эфиопии вышеупомянутой железнодорожной линии так и не были осуществлены. {388}

ЛОНДОНСКИЙ ТРАКТАТ О РАЗДЕЛЕ СФЕР ВЛИЯНИЯ В ЭФИОПИИ

Италия с все большим беспокойством наблюдала за укреплением позиций Франции и Великобритании в Эфиопии. После разгрома под Адуа Рим мечтал о «мирном проникновении» в Эфиопию и о постепенном покорении, этой страны путем экономической экспансии. Несмотря на поражение в войне 1894—1896 гг., Италия никогда не отказывалась от мысли создать в Северо-Восточной Африке колониальную империю. Придя к убеждению, что полное подчинение Эфиопии хотя бы только в экономическом отношении невозможно из-за растущего в этой стране влияния других государств, итальянское правительство начало протаскивать тезис о разделе Эфиопии на «сферы влияния». Министерство иностранных дел Италии в 1903 г. обратилось к правительству Великобритании с соответствующими предложениями по этому вопросу. Оно считало, что Италия и Великобритания должны заключить соглашения, обеспечивающие их интересы в Эфиопии. Позже, после подписания англо-французского договора 1904 г., касавшегося Египта и Марокко, в эти переговоры включилась и Франция. В результате длительных переговоров 13 декабря 1906 г. три наиболее заинтересованных в Эфиопии европейских государства — Франция, Великобритания и Италия — подписали в Лондоне договор о разделе Эфиопии на «сферы влияния». Важнейшие постановления этого договора были следующими:

Статья 1. Франция, Великобритания и Италия будут сотрудничать друг с другом в вопросе сохранения в Эфиопии политического и территориального статус-кво.

Статья 2. Концессии, полученные одним из государств, не должны ущемлять интересы остальных стран.

Статья 3. Договаривающиеся стороны обязуются не вмешиваться во внутреннюю политическую борьбу в Эфиопии.

Статья 4. В случае нарушения статус-кво, определенного в статье 1, Франция, Великобритания и Италия примут соответствующие меры для сохранения единства эфиопской территории. В каждом случае они будут {389} сотрудничать в защите а) интересов Великобритании и Египта в бассейне Нила, б) интересов Италии и Эфиопии, связанных с проблемой Эритреи и Сомали, в) интересов Франции в Эфиопии, касающихся Французского Сомали и района, через который будет проходить железная дорога из Джибути в Аддис-Абебу.

Статья 5. Принимается к сведению предоставленная в 1894 г. концессия на строительство железной дороги.

Статья 6. Три государства выражают свое согласие на продолжение строительства железнодорожной линии из Дыре-Дауа до Аддис-Абебы с отдельной веткой до Харэра.

Статья 7. Французское правительство предпримет соответствующие шаги, чтобы в

правление французской компании или другой какой-либо компании, которой может быть поручено строительство и эксплуатация железной дороги из Джибути до Аддис-Абебы, вошел один англичанин, один итальянец и один представитель императора Эфиопии. Английское правительство, а также правительство Италии со своей стороны сделают все, чтобы во главе правления какой-либо британской или итальянской компании, которая была бы создана с целью строительства и эксплуатации железнодорожных линий, идущих от какого-либо пункта на территории Эфиопии до какого-либо пункта, находящегося на территории итальянских или британских владений, был француз.

Следующие пункты соглашения признавали за Великобританией право на строительство железнодорожной линии от Британского Сомали в Судан, а также из Судана до Кении, а за Италией — право на строительство железной дороги из Итальянского Сомали до Эритреи. Кроме того, было решено, что Англия возьмет на себя контроль за эфиопскими финансами, а Италия организует в Эфиопии почтовую службу.

Лондонское соглашение, серьезно нарушившее суверенитет эфиопской империи, было заключено без консультации с Менеликом II. Текст его был направлен императору Эфиопии для сведения. Заключенный в Лондоне трехсторонний договор по вопросу об Эфиопии, безусловно, ставил своей целью обеспечение интересов договаривающихся государств и недопущение на территорию Эфиопии других, соперничающих с Францией, Англией и Италией государств, и прежде всего Германии. Независимо от того, каковы были стремления стран — участниц Лондонского договора, его заключение формально гарантировало независимость Эфиопии и одновременно выразительно свидетельствовало о противоречиях в политике великих держав в Эфиопии; это способствовало тому, что ни одна из них не могла отважиться подчинить себе эту страну. Лондонский договор являлся той основой, на которой Франция, Великобритания и Италия проводили свою политику в Эфиопии вплоть до конца первой мировой войны. Некоторые постановления этого договора, например о строительстве железнодорожных линий Англией и Италией, так и не были претворены в жизнь. Только Франция сумела позднее почти полностью использовать свою «сферу влияния». Когда в конце 1907 г. компания, строившая железную дорогу, обанкротилась, вместо нее французское правительство создало новую компанию под названием «Франко-эфиопская компания по строительству железной дороги из Джибути в Аддис-Абебу»; 8 марта 1909 г. эта компания получила новую концессию от Менелика. На этот раз концессия, перечеркнувшая некоторые пункты соглашения 1894 г., была более выгодна для Эфиопии. Эфиопское правительство стало одним из акционеров. Франция, благодаря тому что в ее владении находилась железная дорога, заняла привилегированную позицию по отношению к остальным странам, подписавшим Лондонский договор; и нет ничего удивительного, что в дальнейшем именно французское правительство больше всего стремилось сохранить в Эфиопии статус-кво. {391}

Глава XXIII

КРУПНЫЕ РАСЫ И МЕНЕЛИК II

ПРАВДА И ЛЕГЕНДА О МЕНЕЛИКЕ II

Наряду с укреплением в конце XIX в. центральной власти несколько уменьшилась роль эфиопских феодалов, которые в период удельной раздробленности почти безраздельно господствовали в подвластных им провинциях. Объединение государства при Теодросе II и дальнейший рост авторитета императорской власти в период правления Йоханнуса IV и Менелика II привели к ослаблению позиций крупных феодалов, которые, по крайней мере формально, должны были признать верховную власть императора. Тем не менее их влияние на политические судьбы государства и впредь оставалось огромным, а их господствующее положение в социально-политической и экономической структуре страны не изменялось и в последующие десятилетия.

Как в европейской, так и в эфиопской публицистике и в научной исторической литературе политическая история Эфиопии на рубеже XIX—XX вв. связывается исключительно с

именем Менелика II. Не уменьшая значение этого выдающегося государя, которому обеспечено заслуженное место в истории Эфиопии благодаря проведению ряда важных реформ, равно как и крупным успехам во внешней политике, следует, однако, подчеркнуть, что сведение всей истории Эфиопии этого периода только к деятельности императора принципиально неприемлемо. Точка зрения, будто политическая жизнь Эфиопии была сосредоточена только при императорском дворе, ошибочна. Причины, по которым европейская публицистика с конца XIX в. начала сводить всю политическую историю Эфиопии к деятельности Менелика II, в некоторой степени объяснимы. С одной стороны, журналисты были совершенно несведущи в вопросах внутреннего положения этой страны, с другой же — победу эфиопов над итальянцами при Адуа стали безосновательно приписывать исключительно военному таланту императора, не принимая во внимание той значительной роли, которую сыграли его военачальники. Не учитывался и тот факт, что только объединение всех сил Эфиопии в борьбе с Италией позволило одержать победу в битве при Адуа и что каждая значительная народность, населявшая Эфиопию, внесла свой вклад в эту победу. Недооценка этих факторов в итало-эфиопской войне преувеличивала в глазах потомков действительные заслуги Менелика II.

Таким образом, легенда вокруг этой личности росла и с течением времени заслонила истинную картину внутривнутриполитической обстановки в Эфиопии на рубеже XIX — XX вв. Кроме того, европейские путешественники, находившиеся чаще всего при императорском дворе, почти все свое внимание уделяли ему. Задачей авторов позднейших работ, посвященных истории Эфиопии конца XIX—начала XX в., должно было быть воссоздание действительной ситуации. К сожалению, и они продолжали отождествлять политическую историю Эфиопии периода правления Менелика II с его личностью. Такая позиция неприемлема не только потому, что нельзя отождествлять историю какой-либо страны с личностью ее правителя, но прежде всего потому, что существующие источники, как, например, местные хроники, в основном не шоанские, а также европейские материалы (в том числе при более критическом анализе и описания путешественников) дают, несомненно, основание для иных утверждений. Следует обратить особое внимание на недооцененные или же неизвестные западноевропейской литературе русские источники. Именно русские путешественники в связи с дружественными отношениями между Россией и Эфиопией в конце XIX в. занимали привилегированное положение при императорском дворе. Они смогли оставить описания своих путешествий, изобилующие ценным фактическим материалом, благодаря тому, что имели возможность получать от эфиопских властей во время поездок по стране большую помощь, чем представители других европейских стран. Кроме того, некоторые из них хорошо знали эфиопскую проблематику и местные языки.

Конечно, в данной работе невозможно дать исчерпывающую характеристику того вклада, который внесли в историю этой страны отдельные общественные деятели. Здесь только намечена эта проблема. Это необходимо, так как замалчивание роли феодалов, даже самых известных, является тенденцией в эфиопистской литературе. Независимо от существования упомянутых уже мнений выяснение политики отдельных групп феодалов, поддерживавших Менелика II, позволит более объективно оценить и значение самого императора. Нам же представляется, что без поддержки некоторых феодалов и без их помощи Менелику II не удалось бы ни удержать власть в течение длительного времени, ни осуществить ряд важных задач. Исторические факты свидетельствуют, что выдающуюся роль в создании сильной централизованной Эфиопии на рубеже XIX — XX вв. сыграли очень многие общественные деятели, причем очень часто — роль самостоятельную. Они внесли существенный вклад в дело создания современного эфиопского государства. Несомненным является то, что территориальное расширение и оформление новых границ Эфиопии, которое произошло в конце XIX в., было бы невозможно без участия военачальников, зачастую только во главе собственных местных войск, без поддержки армии императора предпринимавших от имени Менелика II большие завоевательные экспедиции.

Мы указывали уже, что до сих пор историческая литература преуменьшала роль крупных феодалов, стоявших во главе группировок, поддерживавших императора. Однако некоторые из них хотя бы упоминались; иначе обстояло с теми феодалами, которые принадлежали к политической оппозиции Менелику II. Об их деятельности почти совсем не упоминается. Это создает существенный пробел в политической истории Эфиопии. Тем более что Менелик II и

поддерживавшие его шоанские феодалы не были единственными выразителями политических тенденций, направленных на создание сильного централизованного государства. Эти идеи находили поддержку феодалов и в других провинциях, прежде всего в Тигре. Более того, {394} концепция внешней политики страны, выдвинутая представителями этой провинции, предусматривала завоевание Эфиопией выхода к морю, а следовательно, реализацию того направления внешней политики, которого в прошлом придерживались известные правители этой страны. Как уже было указано, шоанская концепция внешней политики была направлена на расширение границ Эфиопии на восток, юг и запад, оставляя неразрешенной проблему непосредственного ее выхода к морю.

Необходимо дать хотя бы в самых общих чертах описание деятельности наиболее выдающихся личностей политической истории Эфиопии на рубеже XIX — XX вв. Это важно еще и с другой точки зрения.

В эти годы на политической арене Эфиопии появляется несколько новых могущественных родов, выходцев либо из завоеванных земель, либо таких, которые до недавнего времени исповедовали ислам. Наряду с другими они начинают играть важную роль при дворе императора. В интересующий нас период можно найти ответ на вопрос, в каких условиях формировалась или укреплялась позиция всех тех крупных феодальных родов, которые позднее оказали наибольшее влияние на политическую историю Эфиопии. А также ответ на вопрос, почему в эти годы потомок Йоханнуса IV — Мэнгэша-Йоханнус, пытавшийся вернуть императорскую власть тигрейской династии, потерпел поражение в борьбе за трон с представителем шоанской династии Менеликом II.

РАС МЭКОННЫН

Нашу характеристику мы начнем с тех крупных феодалов, которые были близкими друзьями Менелика и проложили ему дорогу к трону либо способствовали его позднейшим успехам. Самым близким императору человеком и самым выдающимся политиком и военачальником был рас Мэконнын. Рас Мэконнын был двоюродным братом Менелика II. Его мать, княгиня Тэнанье-Уорк, была дочерью ныгусэ Сахле-Сылласе, деда Менелика II, и сестрой Хайдге-Мэлекота, отца Менелика. Отец его, дэджазмач Уольдэ-Микаэль, был феодалом в округе Мэнз. Четырнадцатилетним юношей Мэконнын начал службу при дворе {395} Менелика. Вскоре он стал одним из наиболее доверенных и близких ныгусэ Шоа сановников. Его карьера началась в 1887 г., когда шоанские войска заняли Харэр. Ни один из крупных шоанских феодалов не хотел быть губернатором этой только что завоеванной окраины, населенной главным образом мусульманами. Тогда Менелик назначил на этот пост 35-летнего Мэконнына, а три года спустя пожаловал ему титул раса.

Будучи губернатором Харэра, Мэконнын беспощадно подавлял сопротивление бунтовавших племен и распространил свою власть далеко на юго-восток, подчинив большую часть местных народов. Вскоре он завоевал у населения огромной Харэрской провинции авторитет, пожалуй больший, чем имел император. Со временем Мэконнын сделался самым близким советником Менелика II и всегда оставался преданным своему государю.

Занимая исключительно важный пост губернатора Харэра, Мэконнын оказал большие услуги императору в установлении контактов с заграницей. Харэр, расположенный на пути, связывающем Шоа с побережьем Красного моря, стал важным пунктом, соединяющим Эфиопию с внешним миром. Здесь часто появлялись разные европейские миссии, и многое зависело от того, какие контакты установит с ними местный губернатор. Европейские путешественники и дипломаты, встречавшиеся с Мэконныном, высоко оценивали его дипломатические способности и умение управлять вверенной ему провинцией. Дипломатические способности необходимы были харэрскому губернатору даже не столько из-за его частых контактов с иностранными дипломатами, сколько в связи с политической ситуацией во вверенной ему провинции.

Большинство населения этой территории составляли мусульмане. Враждебно относившиеся к новым властям, они часто бунтовали. Мэконнын безжалостно подавлял всякие попытки вооруженного сопротивления. Однако он прекрасно понимал, что применение одной политики силы может дать желаемые результаты только на короткое время и не решит главной за-

дачи: объединения харэрской провинции с Эфиопией. Мэконнын пытался привлечь отдельных племенных вождей на свою сторону мирным путем. С большим тактом он пытался разрешать конфликты {396} религиозного характера. Эти вопросы имели огромное значение, так как нап-

Поход в страну Сомали, против «сумасшедшего муллы».
Рас-Маконен во главе эфиопской армии.
По рис. Бомбледа авт. «Нивы».*

ряженные — именно на религиозной почве — отношения между шоанцами, в большинстве своем христианами, и харэрсцами, в основном мусульманами, таили в себе угрозу взрыва в любой момент.

Одной из важных проблем, которую должен был разрешить Мэконнын, было строительство церквей в Харэре. До захвата этого города шоанскими войсками здесь имелись только мечети. Местное население, и главным образом мусульманское духовенство, враждебно относилось к планам строительства христианских святынь. Преодоление этого сопротивления силой, конечно, было возможно, но таило в себе угрозу обострения религиозного конфликта. Это поставило бы под удар далеко идущие планы Мэконнына, желавшего привести к мирному сосуществованию в Харэре обе религиозные общины: христианскую и мусульманскую.

Однажды Мэконнын пригласил мусульманских старейшин на совет и заявил, что властям известна недоброжелательная позиция мусульманского населения Харэра к плану строительства церкви, поэтому они отказываются от этого проекта. И чтобы никого не обижать строительством христианской святыни, но одновременно положить и конец дальнейшей дискриминации христиан, он предлагает разделить мечеть на две части: одной пользовались бы по-прежнему мусульмане, другая была бы передана христианам. Собравшиеся мусульмане в этой ситуации, конечно, согласились, чтобы христиане построили свою церковь.

Таким образом Мэконнину удалось положить начало разрешению проблемы, которая лишь с первого взгляда может показаться маловажной. В сущности религиозные конфликты в Харэре совпадали с политическими. Мирное улаживание отношений между мусульманским и христианским населением являлось краеугольным камнем политики объединения этой провинции с остальными землями Эфиопии. Идея дружбы и сотрудничества между обеими религиозными общинами, населяющими Харэрскую провинцию, получившая большое распространение в последующие десятилетия и способствовавшая значительному укреплению в сознании населения Харэра при-{397}надлежности, независимо от вероисповедания, к общему эфиопскому государству, была заложена именно расом Мэконныном. Его заслуга в этом деле тем

* Этот рисунок добавлен сюда, выполнившим OCR (взят из ж-ла «Нива» №8 от 22.02.1903 г.). «Сумасшедший мулла» — так англичане называли одного из руководителей сомалийцев, боровшихся в начале XX в. с английскими колониальными войсками. «Сумасшедший мулла» разгромил один из отрядов англичан. Эфиопия выступила против него, как союзница Великобритании.— Ю. Ш.

более значительна, что в период его правления, когда в Харэрской провинции так часто возникали мятежи, очень легко можно было свести всю политику только к военным экспедициям.

Думается, что независимо от огромных заслуг раса Мэконнына в других областях деятельности выдвинутой им идея объединения всех эфиопских земель путем укрепления сознания государственной общности и формирования патриотических чувств уже одна обеспечила бы ему почетное место среди выдающихся политических деятелей. Для осуществления этой идеи следовало, конечно, избегать решения конфликтов военными средствами и стараться смягчить национальные и религиозные противоречия мирным путем. Выдвигая эту идею, Мэконнын обращался к политическим концепциям, которых в прошлом придерживались многие известные правители Эфиопии, стремившиеся различными способами сгладить внутренние противоречия и создать общество, сознающее свою государственную, а также и национальную общность. В условиях Эфиопии это был сложный процесс. Лишь в последние десятилетия намечился заметный прогресс в этой области. Этот процесс будет идти тем более успешно, чем большей будет сфера влияния эфиопской интеллигенции, а также чем быстрее пойдет экономическая интеграция страны. Среди многих факторов, которые сегодня непосредственно способствуют укреплению чувства общеэфиопского патриотизма среди всех народностей, населяющих Эфиопию, следует выделить образование и средства массовой информации, такие, как пресса и радио.

Выдвигая на первый план при характеристике раса Мэконнына указанные выше политические концепции и подчеркивая его исключительные дипломатические способности, следует отметить, что он был также одним из выдающихся полководцев Менелика II. Его большой военный талант и необыкновенная храбрость проявились во время итало-эфиопской войны 1894—1896 гг. Когда в 1898 г. рас Мэнгэша, правитель провинции Тигре, считающийся себя законным наследником эфиопского престола, отказался подчиниться Менелику II, последний послал раса Мэконнына с поручением принудить его к повиновению. После успешного выполнения задания Мэконнын был назначен губернатором этой провинции. Одновременно он оставался губернатором Харэра. В эти же годы Мэконнын подчинил новые территории, расположенные на юго-восток от Шоа, кроме того, он руководил большой экспедицией, присоединившей к Эфиопии земли, расположенные на запад от Шоа. По поручению императора Мэконнын побывал с дипломатическими миссиями в Италии, Франции и Англии, где он был признан очень искусным дипломатом.

Несмотря на то что при императорском дворе было немало людей, недолюбливавших Мэконнына, завидовавших его влиянию на правителя и интригами пытавшихся возбудить в Менелике недоверие к знаменитому расу, последний пользовался всегда огромной благосклонностью правителя. Даже императрица Тайту, имевшая большое влияние на Менелика и часто проводившая свою собственную политику, неоднократно противоречившую действиям раса Мэконнына, не сумела повлиять на отношения между Менеликом и Мэконныном, хотя вложила в это дело много усилий. В начале XX в. позиции раса Мэконнына при дворе настолько укрепились, а его влияние на императора и государственные дела стало так велико, что его считали наследником престола. Вероятно, Менелик, у которого не было сыновей, действительно намеревался сделать его наследником. Однако эти планы перечеркнула смерть раса Мэконнына, наступившая 21 марта 1906 г.

РАС ДАРГЕ И РАС ТЭСЭММА

Если Мэконнын был выдающимся военным полководцем и политиком Менелика II в период роста его могущества, а начиная с конца XIX в. до самой смерти — его самым близким советником, то человеком, сыгравшим решающую роль в судьбе Менелика в более ранний период его жизни, был рас Дарге, сын ныгусэ Сахле-Сылласе, дядя Менелика. {399}

Когда молодой князь Сахле-Марьям (позднее ныгусэ Менелик) был заключен в тюрьму Теодросом II, рас Дарге оставался в Шоа. Как потомок славного ныгусэ Сахле-Сылласе он мог тогда безо всякого труда захватить полную власть в провинции. Тем более что император Теодрос пытался установить с ним мирные отношения и обещал сделать его своим наместником в Шоа. Однако рас Дарге по-прежнему утверждал, что законным наследником престола шоан-

ских ныгусэ является Сахле-Марьям, сын ныгусэ Хайле-Мэлекота, последнего правителя Шоа. Это привело к конфликту между Теодросом и расом Дарге, в результате которого рас Дарге также был заключен в тюрьму в Мэкдэле. Вернулся он в Шоа лишь после смерти Теодроса и некоторое время правил вместе с молодым ныгусэ Менеликом, передавая ему одновременно весь свой опыт и знания в области управления государством.

Рас Дарге был известен далеко за пределами провинции Шоа как честный и очень мужественный человек. У него была собственная армия, состоявшая из 10 тыс. человек. Он хотел, чтобы Менелик, его любимый племянник, стал императором Эфиопии. Поддержка раса Дарге была для Менелика неоценимой. Неизвестно, удалось бы вообще Менелику осуществить свои честолюбивые планы без помощи великого дяди. Напомним, что в то время, когда в период войны с Италией 1894—1896 гг. решались судьбы государства, рас Дарге, поставленный во главе гарнизона в Аддис-Абебе, как самый верный из верных охранял интересы Менелика на юге страны. В конце своей жизни (умер в 1900 г.) он отошел от политической деятельности. В своей резиденции он устраивал большие приемы, на которых бывали самые известные сановники Аддис-Абебы. Впрочем, и до этого дом раса Дарге слыл как самый гостеприимный во всей Эфиопии. Это, конечно, важно не столько как любопытная подробность, сколько как факт, что широко задуманная светская жизнь позволяла, несомненно, расу Дарге влиять на общественное мнение, выгодное императору.

Известную роль в истории Эфиопии сыграл также сын раса Дарге рас битуоддэд Тэсэмма. Он принадлежал к кругу людей, пользовавшихся наибольшим доверием Менелика. Тэсэмма отличался также исключительными военными способностями, его причисляли к кругу лучших полководцев императорской армии. Он участвовал во многих военных походах, в результате которых значительно расширились границы Эфиопии в 90-х годах прошлого столетия. Большую славу принесла ему экспедиция 1898 г., во главе которой он дошел до Белого Нила. Император ценил его почти так же высоко, как раса Мэконнына. Тэсэмма обладал широким политическим кругозором. Он живо интересовался политикой европейских держав, легко завязывал контакты с европейцами и был горячим сторонником введения в Эфиопии европейских технических достижений. В 1909 г. Менелик назначил его регентом Эфиопии. В 1911 г. Тэсэмма был отравлен во время разгоревшейся борьбы за власть.

РАС УОЛЬДЭ-ГИЙОРГИС

Как и с Мэконныном, Менелик был связан родством и с расом Уольдэ-Гийоргисом. Его матерью была принцесса Аяхылюшым, дочь ныгусэ Сахле-Сылласе, сестра княгини Тэнанье-Уорк, матери раса Мэконнына. Формально Уольдэ-Гийоргис был даже больше связан родственными узами с императором, чем рас Мэконнын, так как был женат на сестре императрицы Тайту.

Эти связи уже сами по себе обеспечивали Уольдэ-Гийоргису значительное положение при императорском дворе. Однако не только они способствовали его блестящей карьере. Основой успеха Уольдэ-Гийоргиса были прежде всего исключительные военные способности. Он отличился уже во время войн с племенами галла, которые вел рас Гобэна, и во время кампании, проводимой шоанскими войсками на южных границах государства. За участие в них он получил титул фитаурари, а позднее — дэджазмача и должность губернатора провинции Лиму. Во время итало-эфиопской войны он вел с большим успехом борьбу с восставшими данакильскими племенами. Уольдэ-Гийоргис прославился как бесстрашный и замечательный боец. У европейских путешественников, до которых доходили вести о его военных успехах и необычайном мужестве, он получил прозвище «Ахиллеса Эфиопии». {401} Именно его поставил Менелик во главе необычайно трудной экспедиции, высоко ценя его лояльность и считая его наряду с расом Мэконныном одним из наиболее способных своих полководцев. Целью этой экспедиции был захват царства Кэфа и подчинение земель, расположенных еще далее на юг, в районе озера Рудольфа. После победоносной кампании рас Уольдэ-Гийоргис получил титул губернатора Кэфы. В течение нескольких лет он был фактическим правителем огромных территорий южной Эфиопии, присоединение которых было прежде всего его заслугой. Личная армия раса Уольдэ-Гийоргиса насчитывала 10 тыс. человек. Вершиной его карьеры было присвоение ему

титула ныгусэ в 1917 г., а годом позже он умер. В последние годы жизни он был активным противником императора Лиджа-Иясу.

ФИТАУРАРИ ХАБТЭ-ГИЙОРГИС

К лицам, игравшим видную роль в политической жизни Эфиопии уже в конце XIX в., принадлежал и фитаурари Хабтэ-Гийоргис. Он действовал также и в более поздний период, когда возглавил наиболее консервативную группировку в Шоа и проводил политику противодействия прогрессивным реформам раса Тэфэри (позднее императора Хайле Селассие I). Нам еще придется о нем вспомнить. Но Менелику II в последние годы его правления он оказал огромные услуги.

В правительстве Менелика фитаурари Хабтэ-Гийоргис выполнял функции военного министра. Он высоко ценил свое звание фитаурари и не добивался получения формально более высокого чина в военно-придворной иерархии. Будучи одним из богатейших эфиопских феодалов и располагая самой большой личной армией, беззаветно преданной ему, Хабтэ-Гийоргис фактически занимал самые высокие позиции среди расов. Именно после него выросло значение должности фитаурари в Эфиопии.

Хабтэ-Гийоргис оказывал Менелику постоянную политическую поддержку, особенно во время проведения внутренних реформ в Эфиопии, встречавших сопротивление со стороны наиболее консервативных кругов, а также оказал императору большую помощь в расширении границ Эфиопии в южном направлении. Именно он в 1897 г. принял участие в присоединении территории Борана и прилегающих к ней земель. Военная экспедиция во главе с Хабтэ-Гийоргисом продвинулась в том году далеко на юг, вплоть до границы с Кенией. В течение последующих нескольких лет происходила постепенная политическая эволюция фитаурари Хабтэ-Гийоргиса, когда из умеренно консервативного политика он превратился в представителя наиболее реакционных сил.

РАС ГОБЭНА

Необыкновенно интересной фигурой в окружении императора был рас Гобэна, в карьере которого отразилась политика Менелика, направленная на объединение любыми средствами, часто и родственными узами, амхарских феодалов Шоа и старейшин народов галла, населявших эту территорию. Гобэна заслуживает нашего внимания еще и потому, что среди всех выдающихся полководцев Менелика именно он сотрудничал с императором дольше всех. В нем Менелик — бывший в то время еще ныгусэ Шоа — нашел верного и умного исполнителя своих планов, когда приступил к осуществлению упомянутой политики сближения с галла. Для Менелика он был очень ценным союзником не только потому, что обладал большими военными и политическими способностями, но прежде всего потому, что, сам будучи галла, Гобэна мог скорее найти сторонников идеи сближения населявших Шоа народов амхара и галла, по крайней мере среди близких себе племен. На определенное время ему удалось объединить ряд племен галла и склонить их к поддержке экспансионистской политики Менелика, обещая взамен участие в дележе доходов с захваченных территорий.

Речь шла не только о военной добыче. Старейшины галла, давно уже жившие на территории Шоа, были близки по образу мышления и социальному положению с амхарскими феодалами и были заинтересованы в новых земельных пожалованиях, которые они ожидали в случае успешной реализации политики экспансии. В результате Менелику удалось получить много тысяч воинов-галла, составлявших главный стержень армии {403} раса Гобэны. В 80-х годах эта армия оказала большие услуги шоанскому ныгусэ. Без раса Гобэны и привлеченных им на сторону Менелика вождей галла задуманная в широком масштабе экспансия Шоа была бы в то время невозможна. Напомним, что Гобэна в 1881 г. включил в сферу влияния Шоа ряд территорий, расположенных на юг и юго-запад от этой провинции. В 1882 г. он разбил войска годжамского ныгусэ Тэкле-Хайманота. В 1886 г. он захватил провинцию Уоллега. Следовательно, именно Гобэне Менелик обязан самыми значительными успехами своих войск в период, предшествовавший завоеванию престола Эфиопии. За эти услуги Менелик присвоил Гобэ-

не титул раса.

Пример раса Гобэны показывает, какую искусную внутреннюю политику проводил Менелик в Шоа. Умело лавируя и используя интересы различных этнических групп, а иногда и существовавшие между ними противоречия, Менелик сумел найти много союзников среди не-амхарского населения. Такая политика явилась одной из главных причин его могущества. Очень помогало Менелику многолетнее пребывание в ранней молодости среди галла. Это позволило ему познакомиться с их обычаями и установить дружеские контакты с некоторыми вождями этого народа.

РАС МИКАЭЛЬ ИЗ УОЛЛО

Особое и исключительное положение среди эфиопских феодалов конца XIX — начала XX в. занимал рас Микаэль. Он происходил из Уолло, из семьи, сыгравшей огромную роль в политической истории Эфиопии. Вначале приверженец ислама, в конце 70-х годов, в период правления императора Йоханнуса IV, он перешел в христианство, приняв имя Микаэль. Раньше его звали Мохаммед Али. Располагая 15-тысячной армией, состоявшей из хорошо подготовленных храбрых солдат, считавшихся лучшими в стране, рас Микаэль был очень выгодным союзником для императора. Поэтому нет ничего удивительного, что Менелик, как только стал императором, попытался установить с ним как можно более тесные отношения. С этой целью в 1891 г. он отдал ему в жены дочь — принцессу {404} Шоуарэг. Правда, принцесса была дочерью не Тайту, а неизвестной женщины из восточных провинций, причем долгое время никто не знал, что она была дочерью Менелика. Тем не менее этот брак очень приблизил Микаэля к особе императора, которому он с этого момента помогал во всех его начинаниях. Рас Микаэль сыграл важную роль в итало-эфиопской войне. Его армия в немалой степени способствовала победе эфиопских войск в битве при Адуа.

Происхождение раса Микаэля из Уолло, его мусульманское прошлое, но прежде всего появление сына от дочери Менелика явились причиной возникновения интриг против него при дворе императора. Его пытались обвинить в переписке с враждебными Менелику восточными племенами, исповедовавшими ислам, а главным образом обвиняли в контакте с султаном страны Ауса. В действительности шоанских феодалов беспокоил только сын Микаэля, внук Менелика. Его существование в то время, когда у Менелика не было детей от императрицы Тайту, создавало угрозу для шоанских феодалов, так как сын раса Микаэля, связанный не с ними, а с мусульманскими кругами, в будущем теоретически мог стать императором. Эти опасения, не принимавшиеся всерьез еще в начале XX в. даже теми, кто их в то время высказывал, оказались обоснованными. Пока Менелик фактически управлял страной, т. е. до 1908 г., когда прогрессирующая болезнь лишила его возможности управлять, никто не смог поколебать доверия императора к расу Микаэлю. Напротив, возрастающая привязанность больного и стареющего императора к внуку только усиливала влияние Микаэля. Однако вершины карьеры Микаэль достиг позднее, когда его сын, Лидж-Иясу, конечно при значительной помощи отца, заявил притязания на императорскую корону. Тогда рас Микаэль стал ныгусэ.

ИМПЕРАТРИЦА ТАЙТУ

В истории Эфиопии, может быть, больше, чем в истории других стран, сохранилось имен выдающихся женщин-политиков, сыгравших видную роль в жизни страны. Такими были императрица Ылени и императрица {405} Мынтыуаб. Не всегда, конечно, женщины непосредственно управляли государством. Иногда они оказывали большое влияние на судьбы Эфиопии, как жены правителей. Интересно, что политическая позиция этих женщин основывалась на сосредоточении в своих руках реальных политических козырей, таких, как, например, большая армия и опора на собственных политических союзников. Но очевидно и то, что их успехи были прежде всего связаны с незаурядными дипломатическими и политическими способностями, которыми упоминаемые женщины — государственные деятели превосходили современных им политиков.

В интересующий нас период огромное влияние на политическую жизнь государства

оказывала жена Менелика II императрица Тайту. Она родилась в 1853 г. в Гондэре и происходила из известного в Йеджу феодального рода. Отцом ее был дэджазмач Бытуль, брат известного дэджазмача Уыбе, который, как мы помним, потерпел поражение в борьбе с императором Теодросом. Еще до брака с Менеликом у Тайту уже был большой жизненный опыт. В 13 лет Тайту стала женой дэджазмача Уольдэ-Гэбрыэля, одного из выдающихся полководцев императора Теодроса II. Заключение императором в тюрьму, Уольдэ-Гэбрыэль вскоре умер, вероятнее всего отравленный. После смерти императора Теодроса II Тайту вышла замуж за дэджазмача Тэкле-Гийоргиса. Спустя некоторое время она его оставила и вступила в связь с одним из расов, но, заключенный в тюрьму императором Йоханнысом IV за попытку мятежа, тот также вскоре умер. В наказание за связь с ним Тайту должна была выйти замуж за простого солдата. Этот союз продолжался недолго. В четвертый раз Тайту вышла замуж за фитаурари Зык-Аргачу, брата принцессы Бафэны, бывшей в то время женой Менелика. Бафэна была третьей женой Менелика, и у нее было то же имя, что и у его первой жены, дочери императора Теодроса, с которой он развелся. В 1882 г. Менелик развелся и с Бафэной, которая поддерживала императора Йоханныса IV и участвовала в заговоре. Так по крайней мере утверждает эфиопская хроника. В это время в Шоа приехала известная своей красо- {406} той Тайту, оставившая уже своего последнего мужа. Менелик, очарованный ее красотой и умом, как утверждают хроники, решил жениться на ней. Немалую роль в принятии этого решения сыграло то обстоятельство, что Тайту, связанная родственными и дружественными узами с крупными феодалами Йеджу и Ласты, т. е. земель, не подвластных Менелику, но поставлявших отличных солдат, была очень желательным политическим союзником. Поддержка феодалов, с которыми была связана Тайту, являлась условием осуществления широких планов Менелика, главным из которых было получение императорской короны.

2 мая 1883 г. абунэ Матеуос обвенчал Менелика и Тайту. Когда в 1889 г. Менелик стал императором, Тайту получила титул ытеге (императрицы) с добавлением Бырхан. С этого времени она официально называлась Тайту-Бырхан. Следует отметить, что не все жены императоров Эфиопии носили этот титул. Он давался только после коронации императрицей, особой торжественной церемонии, но не каждый император соглашался на нее.

Тайту быстро завоевала прочное положение при императорском дворе. Это выражалось не только в огромном непосредственном влиянии на Менелика, который очень часто прибегал к советам жены в важнейших государственных вопросах, но и в постоянном упрочении ее политических позиций, проявлявшемся в назначении на высокие государственные посты преданных ей людей. Так, например, большую роль начал играть при дворе императора рас Уоле, младший брат императрицы, известный своей отвагой, которого Менелик ценил за храбрость и военный талант. Императрица имела и в Тигре много своих сторонников. Это обстоятельство было исключительно важно для Менелика, потому что рас Мэнгэша из Тигре считался по праву наследником Йоханныса IV на императорский престол Эфиопии. Тайту поддерживал также рас Хайлу Тэкле-Хайманот, сын годжамского ныгусэ Тэкле-Хайманота. Среди многих сановников, преданных императрице, следует отметить еще дэджазмача Кэббэдэ. Кроме того, у Тайту была личная гвардия, состоявшая приблизительно из 3 тыс. слепо преданных ей воинов. Во {407} главе их стоял дэджазмач Аялеу, верный полководец императрицы. Эта хорошо обученная и состоящая из отборных бойцов гвардия императрицы прекрасно показала себя в битве при Адуе и в значительной мере способствовала победе эфиопских войск.

Поддержка, какой пользовалась Тайту среди ряда влиятельных родов северных провинций, была необходима Менелику в период утверждения его на императорском престоле. Рост влияния Тайту и поддерживавших ее чужеземных феодалов, прежде всего из Йеджу и Ласты, очень обеспокоил шоанскую знать. Со своей стороны Тайту также не питала симпатии к ней. Она приложила, например, немало усилий, чтобы ослабить растущее при императорском дворе влияние раса Мэконнына, поддерживаемого шоанскими феодалами. Однако ей не удалось свергнуть раса Мэконнына не только потому, что он пользовался большим доверием Менелика, но, пожалуй, также и потому, что император, искусный тактик, старался удержать равновесие сил между приобретающей все большее значение группой, связанной с императрицей, и лагерем шоанских сановников, главной фигурой в котором был именно рас Мэконнын. Нараставший между этими двумя группировками конфликт обострился в 1908 г., когда Тайту во время болезни Менелика начала — при поддержке феодалов из Йеджу и Ласты — решительно

брать в свои руки власть в государстве. К ее роли в этот период мы еще вернемся. Здесь же хотелось бы только добавить, что потомки напрасно дают ей только отрицательные оценки, считая ее интриганкой либо только красивой женщиной, капризы которой влюбленный император исполнял до такой степени, что построил для нее даже новую столицу Аддис-Абебу. Такого рода оценки не отвечают действительности. Тайту была политическим деятелем, проводившим собственную политику, рассчитанную в перспективе на завоевание крупными феодалами с севера решающего влияния в государстве. У нее были большие дипломатические способности и дар политического предвидения. Именно она наряду с тигрейскими деятелями выражала опасения, что оставить итальянцам территории на берегу Красного моря — значит создать постоянную угрозу для Эфиопии. Эти опасения, как показало будущее, были обоснованны.

Почти все перечисленные выше выдающиеся эфиопские деятели и полководцы относились лояльно к политике Менелика в течение всего периода его правления, не считая 1908—1913 гг., когда больной император управлял только номинально. То есть мы видели, что императору удалось получить поддержку большинства важнейших феодальных родов Эфиопии. Даже давний соперник Менелика в тот период, когда он еще был только ныгусэ Шоа, — гонджамский ныгусэ Тэкле-Хайманот — вынужден был стать его союзником после того, как в 80-х годах потерпел поражение в решающем сражении с шоанскими войсками. Со стороны Тэкле-Хайманота поддержка была вынужденной, но тем не менее перед лицом возмужавшего могущества Менелика она оказалась прочной. Менелик стремился устанавливать мирные отношения с политическими противниками различными способами. Когда уже ни один метод не действовал, он не останавливался и перед вооруженными выступлениями. Однако даже после одержанной победы Менелик не стремился окончательно уничтожить противника, а предпочитал заключить с ним мир. Он отдавал себе отчет в том, что смерть какого-либо феодала, род которого владел подвластной ему провинцией нередко столетиями, не разрешит политическую проблему, а, напротив, обострит ее. В большинстве провинций император мог назначить нового губернатора только из членов местного рода. Нарушение этого обычая, практикуемого уже несколько веков, привело бы к возникновению постоянного вооруженного сопротивления в данной провинции и было бы возможно лишь при условии расквартирования там на длительное время больших отрядов императорского войска, набранных, конечно, в других частях Эфиопии. Действия подобного рода, за немногим исключением, когда это было уже абсолютно необходимо, Менелик в основном не предпринимал, так как они не разрешали политических проблем, не способствовали фактическому укреплению единства страны, а, наоборот, тормозили процесс формирования государственного и национального сознания. {409}

РАС МЭНГЭША-ЙОХАННЫС И ДРУГИЕ ПРОТИВНИКИ МЕНЕЛИКА II

Наиболее серьезной фигурой среди политических противников Менелика был рас Мэнгэша-Йоханныс. Назначенный Йоханнысом IV на смертном одре, в присутствии выдающихся князей Эфиопии наследником престола, молодой двадцатилетний Мэнгэша даже не успел короноваться императором. Менелик его опередил, обосновав формально свои права на эфиопский престол происхождением из «Соломоновой» династии. Практически же вопрос о троне решила быстрота действий Менелика, его большой практический опыт и прежде всего обладание значительной военной силой. Личная армия Мэнгэши насчитывала всего около 12 тыс. человек. Кроме того, Мэнгэша, имевший главную поддержку в Тигре, в провинции, граничившей с итальянскими колониальными территориями, находился в конфликте с итальянцами. В этой ситуации он не решился бороться за императорский престол. Правда, в 1889 и 1890 гг. он начал уже собирать войска против Менелика, но, как только армия императора двинулась на север, он отказался от военных действий и помирился с Менеликом, понимая, что война на два фронта не дает ему никаких шансов на победу. Итальянская агрессия 1894—1896 гг., целью которой был захват не только Тигре, но и всей Эфиопии, вынудила Мэнгэшу и Менелика сотрудничать друг с другом. В битве при Адуа тигрейские войска во главе с расом Мэнгэшей во многом, способствовали победе Эфиопии. Временное перемирие с Менеликом не перечеркнуло честолюбивых планов Мэнгэши, намеревавшегося осуществить завещание Йоханныса IV,

передавшего ему императорский трон. Об этом свидетельствует хотя бы письмо, направленное им королеве Виктории во время итало-эфиопской войны, в котором, прося о помощи в борьбе против итальянцев, Мэнгэша называет себя «сыном императора Йоханнуса, царя царей».

Мэнгэша очень рассчитывал на помощь годжамского ныгусэ Тэкле-Хайманота. Он предполагал, что годжамский правитель, будучи издавна противником Менелика, примирился с последним только внешне и ждет случая, чтобы выступить против него. Он рассчитывал на его под- {410} держку еще и потому, что Йоханнус IV объявил Мэнгэшу наследником именно в присутствии Тэкле-Хайманота. Однако годжамский ныгусэ был человеком непостоянным и плохим полководцем. Он отдавал себе отчет в том, что его владения граничат с провинцией Шоа, поэтому ссора с Менеликом может оказаться весьма рискованной. Поэтому он не поддержал притязания раса Мэнгэши. Несмотря на это, в 1898 г. рас Мэнгэша сумел собрать армию из 80 тыс. воинов и объявил, что не признает императора Менелика. Его поддержали два известных полководца: дэджазэмач Хагос-Тэфэри и рас Сыххат. Против Мэнгэши император послал сорокатысячную армию во главе с Мэконныном. Прежде чем дошло до битвы, положение Мэнгэши значительно ухудшилось. Дэджазэмач Хагос-Тэфэри изменил ему и перешел на сторону Менелика. Вслед за ним перед лицом надвигавшейся армии Мэконнына покинуло лагерь Мэнгэши и большинство других феодалов. Таким образом, он проиграл кампанию, не дав ни одного серьезного сражения. В феврале 1899 г. рас Мэнгэша явился в лагерь Менелика в Бору-Меда с охраной, данной ему Мэконныном, и сдался на милость императора. Менелик лишил его управления провинцией Тигре, передав ее расу Мэконныну. Последний пробыл губернатором Тигре около 20 месяцев, после чего она была передана брату императрицы расу Уоле-Бытулю.

Не желая настроить против себя население Тигре, император оставил раса Мэнгэшу в живых. Но чтобы удалить его от родных мест и лишить таким образом каких-либо политических шансов на завоевание престола, Менелик сослал Мэнгэшу в Анкобэр, правильно считая, что здесь, в сердце Шоа, потомок Йоханнуса IV не найдет никакой поддержки. Когда в 1906 г. рас Мэконнын умер, шансы раса Мэнгэши снова возросли. В Эфиопии начали даже поговаривать о возможности вступления Мэнгэши на престол после смерти Менелика. Эти расчеты, не имевшие больших шансов на успех, окончательно пресекла смерть Мэнгэши в 1906 г. Добавим, что несколькими годами раньше, в 1901 г., умер второй серьезный соперник Менелика, годжамский ныгусэ Тэкле-Хайманот.

Наиболее серьезным союзником раса Мэнгэши был одно время рас Алула. Раса Алулу можно отнести к {411} самым выдающимся полководцам в истории Эфиопии, а может быть, и всего Африканского континента. Благодаря своим незаурядным военным способностям он многократно одерживал победы над превосходившим его численно противником. Он прославился во время войны с Египтом, с махдистами и во время итало-эфиопской войны. Его боготворили солдаты, с которыми он делил трудности военных кампаний, ел из общего котла и переносил в одинаковых условиях всякие неудобства лагерной жизни. Алула был главным творцом стратегического плана, приведшего к успеху эфиопских войск в битве при Адуа. Отношения между ним и Мэнгэшей были дружественными сразу после смерти Йоханнуса IV, но позднее ухудшились.

Среди деятелей, сыгравших важную роль в политической жизни Эфиопии на рубеже XIX — XX вв., можно назвать еще очень многих. К ним в интересующий нас период принадлежали также высшие сановники эфиопской церкви: абунэ Матеуос и ычэге Уольдэ-Гийоргис. Даже в период своей наибольшей популярности, когда значение духовенства несколько уменьшилось вследствие огромного роста центральной светской власти, Менелик должен был всегда с ним считаться и без его согласия не осуществлял ни одного из своих важнейших мероприятий.

Большинство феодалов, крупных военачальников и придворных сановников поддерживало Менелика. Однако это не означало, что они все были убежденными сторонниками единого направления в политике. В принципе их объединяла прежде всего особа императора, которого одни безгранично любили, как большинство шоанских феодалов и некоторые полководцы галла, другие боялись, третьи выжидали дальнейшего развития событий, чтобы поступить в зависимости от обстоятельств. Открытые военные выступления против императора происходили тем реже, чем более укреплялась его власть. Достигнутое им единство, основанное глав-

ным образом на авторитете его личности и силе верной ему армии, в сложных условиях Эфиопии, полной внутренних противоречий, не могло быть прочным. Проведенные Менеликом государственные реформы с целью консолидации страны не могли дать {412} в короткий период желаемых результатов. За спиной императора формировались враждебные ему политические группировки, которые вербовали себе союзников и готовились выступить в борьбе за власть в тот момент, когда кончится господство Менелика.

Будущее вырисовывалось тем более угрожающим, что у Менелика не было сына. Вопрос о наследнике престола оставался открытым. Достаточно было в 1908 г. появиться первым признакам неизлечимой болезни императора, как сразу же начало рушиться созданное им тонкое здание различных межплеменных союзов, угрожая стране очередной катастрофой гражданской войны. {413}

Глава XXIV

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛИДЖА-ИЯСУ

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ ПОСЛЕ МЕНЕЛИКА

В конце 1908 г. Менелик серьезно заболел. Болезнь приковала его к постели и лишила возможности управлять государством до конца жизни. Как утверждают, Менелика разбил паралич.

Ко времени болезни императора в стране существовали три значительные политические группировки, из которых каждая имела своих влиятельных представителей при дворе и пыталась захватить власть в стране.

Кроме упомянутой группировки императрицы Тайту, существовала еще группа крупных шоанских феодалов, а также группа феодалов из восточных и северо-восточных провинций, главным образом из Уолло, связанных с мусульманскими кругами, объединенными вокруг раса Микаэля и рассчитывавшими на Лиджа-Иясу, внука Менелика II. Казалось, что только две из этих группировок имели шансы захватить власть: группировка Тайту и шоанские феодалы.

Проводя с конца минувшего столетия политику, заключавшуюся в назначении на важные государственные должности преданных ей людей, императрица значительно укрепила свое положение. Ей удалось прежде всего женить своего племянника раса Гугсу-Уоле на княгине Зоудиту (Заудиту), второй наряду с княгиней Шоуарэг дочери Менелика, родившейся в 1876 г. Это давало ей надежду, что в будущем рас Гугса вместе с Зоудиту добьется престола. В этом случае Тайту надеялась захватить фактическую власть правительницы государства. Искусно используя браки между своими родственниками и свойственниками, с одной стороны, и представителями других влиятельных родов — с другой, императрица все {414} более укрепляла свое положение. Однако сфера ее влияния ограничивалась феодалами северных провинций, в основном Гондэра, частично Тигре и Йеджу. Это ослабляло возможности императрицы действовать в Аддис-Абебе, расположенной в центре враждебных ей земель. Кроме раса Уоле и его сына Гугсу-Уоле, Тайту могла еще рассчитывать на поддержку раса Тэкле-Хайманота, дэджамача Кэббэдэ и ряда других феодалов. Когда в октябре у Менелика серьезно ухудшилось состояние здоровья и стало ясно, что он не сможет далее управлять государством, Тайту начала править от его имени. Она назначила ряд новых и отстранила неугодных ей сановников. Это встретило сопротивление прежде всего со стороны шоанских феодалов, опасавшихся, что Тайту после захвата власти не только полностью отстранит их от управления, но даже может перенести столицу государства в Гондэр. Шоанская группировка, в которой выделялись рас Тэсэмма и фитаурари Хабтэ-Гийоргис, при поддержке высших сановников эфиопской церкви выступила против политики Тайту, ссылаясь формально на то, что только император может отдавать приказы.

Наряду с этими двумя группировками созревала третья политическая сила, вскоре ставшая неприятной неожиданностью как для честолюбивой императрицы, так и для шоанских феодалов, но главным образом — для эфиопской церкви. Это был лагерь, объединенный во-

круг раса Микаэля, имевшего значительные владения в Уолло, поддерживаемого племенами галла, некоторыми феодалами из центральных и северных провинций, а также мусульманскими народами, прежде всего восточных провинций.

С политической точки зрения позиции раса Микаэля были не слишком сильные. Христианская Эфиопия недоброжелательно относилась к недавно окрещенному расу. Поговаривали даже, что он принял христианство только формально, а фактически оставался мусульманином. Трудно сказать, было ли это правдой или наговором на раса Микаэля, но несомненным оставался факт, что несмотря на то, что многие мусульмане считали его отщепенцем, он все же мог рассчитывать на поддержку некоторых мусульманских сановников из восточных {415} провинций. Намного лучше политического было военное положение раса Микаэля. Его собственная 15-тысячная армия принадлежала к лучше всего обученным войскам в Эфиопии.

Когда заболел Менелик, рас Микаэль заявил, что единственным законным наследником престола является его сын и внук императора — Лидж-Иясу. Сам Менелик после смерти раса Мэконнына в 1906 г. начал все более склоняться к мысли о передаче престола Лиджу-Иясу, продолжателю его династии. Многое теперь зависело от того, как решит больной император. Авторитет Менелика был еще настолько значительным, что трудно было предположить, чтобы какая-либо группировка выступила против него открыто. Таким образом, осенью 1908 г. Эфиопия оказалась на пороге важных политических событий.

Следует отметить, что в ситуации, когда классовое сознание, вытекающее из экономического положения самых бедных слоев населения, в течение длительного времени затуманивалось племенным и религиозным сознанием, намеренно поддерживаемым правящим классом, в политической программе упоминавшихся трех группировок не получили отражение никакие социальные вопросы. Руководители этих группировок были выходцами из самых богатых родов, находившихся на верхушке иерархической феодальной лестницы, и строго следили за тем, чтобы существующий порядок был сохранен. Как мы уже многократно указывали, эфиопские магнаты, вершившие судьбами Эфиопии в течение многих столетий, создавали существующую феодальную социально-политико-экономическую систему, нерушимость которой они бдительно охраняли независимо от собственной этнической принадлежности. Основное различие, существовавшее между соперничающими группами, сводилось к тому, какой район страны и какой род будет иметь решающее значение в управлении государством. Другое существенное различие в политике группировок — это отношение к установлению контактов с внешним миром. С этой точки зрения консервативные круги встречались в самых разных провинциях. Например, императрица Тайту склонялась к политике изоляции. Подобные тенденции мы наблюдаем {416} также в Шоа, где во главе консерваторов стоял фитаурари Хабтэ-Гийоргис. С другой стороны, многие государственные деятели Эфиопии понимали, что без применения европейских технических изобретений в экономике страны она всегда будет отсталой и не сумеет противостоять иностранной агрессии. Эту мысль, кроме Менелика II, в интересующий нас период высказывали также рас Мэконнын и его сын дэджазмач Тэфэри.

Стремление к технической модернизации страны, усовершенствованию государственной администрации и укреплению центральной власти имело, однако, мало общего с планированием каких-либо социальных реформ. В последние годы правления Менелика значительно укрепилась группа, с которой был связан дэджазмач Тэфэри, однако же называть ее сторонников «младоэфиопами», как это делают некоторые авторы, перенося понятие даже не из Европы, а с Ближнего и Среднего Востока, совершенно неправильно. Эта группа не может быть поставлена ни в какие аналогии ни с «младотурками», ни с «младоперсами», как с точки зрения социального состава, так и программы. Более того, вплоть до начала 20-х годов XX в. эта группа была тесно связана с феодалами из Шоа и всем тем лагерем, который будет позже выступать против Лиджа-Иясу и где позднее станет верховодить известный уже тогда сторонник изоляционизма и даже по эфиопским условиям крайний консерватор — фитаурари Хабтэ-Гийоргис.

Следовательно, три вышеуказанные группировки, вступившие в борьбу за власть в момент болезни Менелика, ставили перед собой единственную цель — завоевание решающего влияния в управлении государством. Это была цель чисто политическая, и не представляется, чтобы кто-либо из них ставил перед собой социально-экономические задачи. С этой точки зрения положение несколько изменится лишь в момент захвата власти дэджазмачем Тэфэри.

В связи с ухудшением здоровья император в ноябре 1908 г. отправился к известным целебным источникам в Дэбрэ-Либанос, а в Аддис-Абебе в это время распространился слух, что Менелик умер. Тайту, которой удобнее было действовать, прикрываясь авторитетом императора, постаралась вернуть Менелика в столицу весной 1909 г. {417}

ПРОКЛАМАЦИЯ МЕНЕЛИКА II О НАСЛЕДНИКЕ ПРЕСТОЛА

Вскоре после возвращения в Аддис-Абебу Менелик II принял окончательное решение о наследнике престола. 18 мая 1909 г. он подготовил письменную прокламацию, которая должна была довести до всеобщего сведения имя наследника императора. Им был Лиджа-Иясу. В это время по инициативе Менелика, стремившегося укрепить позиции Лиджа-Иясу, был заключен брак молодого наследника престола с еще более юной, семилетней внучкой Йоханнуса IV, принцессой Роман. Он должен был ослабить предполагаемую оппозицию Лиджу-Иясу со стороны провинции Тигре.

В результате действий Тайту, которая окружила императора своими людьми и сама ухаживала за больным, решение императора в течение долгого времени не было официально оглашено. Тайту хорошо понимала, что выдвижение Менеликом Иясу позволит последнему получить поддержку также самой преданной императору шоанской группировки, которая хотя и очень недоброжелательно была настроена к расу Микаэлю, но не выступила бы против публично выраженной воли императора. Тайту делала все, что могла, чтобы императорский указ сохранить в тайне. В течение нескольких месяцев, пока тайна сохранялась, она еще более укрепила свои позиции, назначая на важные государственные должности преданных себе людей либо высылая из Аддис-Абебы тех сановников, в поддержке которых не была уверена. Характерным для этого периода правления императрицы и свидетельством нарастающего внутреннего политического кризиса в государстве было так называемое дело Абрехи и Абатэ.

Это дело свидетельствовало о большой ловкости императрицы, поссорившей двух враждебных ей феодалов, пытавшейся таким образом их нейтрализовать. Втайне от недоброжелательно настроенных к ней шоанских сановников императрица еще 1 мая 1909 г. назначила дэджазмача Абатэ на должность уаг шума в Сэкота, отдав в его подчинение часть провинции Тигре. Речь шла об удалении дэджазмача Абатэ из Аддис-Абебы. {418}

Прежний губернатор округа Ындэрта, пограничную часть которого императрица отдала новому уаг шуму, развлекался в то время в Аддис-Абебе. Решение императрицы привело его в негодование не только потому, что была отрезана часть подвластных ему земель, но и потому, что был нарушен давно установившийся в этих краях обычай, согласно которому уаг шумом мог стать только кто-либо из рода Абрехи. Род этот принадлежал к самым старейшим в Ындэрте и много поколений правил этой территорией. К тому же императрица поделила доходы от торговли солью, бывшей главным богатством этих земель, между дэджазмачем Абрехой, дэджазмачем Абатэ и расом Уоле. Это переполнило чашу обид, которую проглотил гордый дэджазмач Абрехи, до этого единолично получавший все доходы от торговли солью. После отъезда из Аддис-Абебы он решил сражаться за свои права. Несмотря на то что у него была слабая, состоявшая только из 3 тыс. солдат армия, он выступил против нового уаг шума.

Рас Абатэ имел в своем распоряжении 10 тыс. солдат. Кроме того, на его сторону стали известные полководцы, в том числе рас Сыбхат, дэджазмач Тэсэмма, фитаурари Аббоне. 9 октября 1909 г., в субботу, войска дэджазмача Абрехи подошли к Корэм, новой столице уаг шума, и, несмотря на численное превосходство противника, ночью начали атаку. Ожесточенная битва длилась до утра следующего дня. Плохо дисциплинированная армия дэджазмача Абатэ понесла огромные потери, но благодаря численному превосходству в конце концов все же одержала победу. Дэджазмач Абрехи был взят в плен., его армия потеряла 1 тыс. солдат, потери же Абатэ превысили 2 тыс. солдат. Высланный в Аддис-Абебу дэджазмач Абрехи был обвинен в измене, но вскоре освобожден. Позднее, в правление Лиджа-Иясу, он стал министром внутренних дел.

27 октября 1909 г. Менелик потерял речь. В стране создалась драматическая ситуация¹, так как император {419} официально не объявлял, кого назначает своим наследником. Казалось, что императрица добьется своей цели и не допустит, чтобы престол захватил Лидж-Иясу, или по крайней мере затруднит ему это. Тем временем, однако, здоровье императора несколько улучшилось. Опасаясь нового приступа болезни, он созвал на 30 октября 1909 г. собрание высших государственных сановников и шоанских феодалов с участием абунэ, чтобы сообщить им о наследнике престола. Обращаясь ко всем собравшимся, и прежде всего к абунэ Матеуосу, Менелик сказал, что передает трон в руки Лиджа-Иясу, своего внука от дочери, принцессы Шоуарэг. Прося всех присутствующих исполнить его волю, император отдельно обратился к главе эфиопской церкви с просьбой оказать помощь Лиджу-Иясу, а в случае мятежа — пригрозить отлучить от церкви его предводителей. В случае продолжения бунта, несмотря на предостережения, продолжал далее Менелик, нужно бунтовщиков отлучить от церкви. Одновременно Менелик сообщил, что своим временным заместителем назначает раса Тэсэмму. В тот же день принятое императором решение было передано солдатам императорской гвардии и другим войскам, находившимся в Аддис-Абебе. В каждую область были высланы специальные глашатаи, которые торжественно объявляли распоряжение императора. Решение Менелика склонило чашу весов на сторону Лиджа-Иясу. В конце концов, правда неохотно, шоанские феодалы смирились с волей императора и не стали выступать против молодого наследника трона. 13-летний Лидж-Иясу еще не имел права управлять страной и должен был ждать совершеннолетия. Это еще более осложняло ситуацию, так как можно было самое большее надеяться на одобрение шоанскими феодалами императорского внука, но его полный политических амбиций отец, рас Микаэль, не мог ждать поддержки или хотя бы только нейтралитета с их стороны.

КРАХ ПЛАНОВ ИМПЕРАТРИЦЫ ТАЙТУ

Однако даже публичное оглашение решения Менелика не остановило императрицу. Имея теперь против себя лагерь раса Микаэля и ненавидевших ее шоанских феодалов {420}, она продолжала действовать, хотя в данной ситуации шансов на осуществление ее планов почти не осталось.

В начале марта 1910 г. ситуация в Аддис-Абебе значительно обострилась. Появились слухи, что императрица послала в Гондэр 2000 солдат и несколько десятков тысяч талеров из императорской казны, чтобы создать там большую армию для захвата власти. Говорили, что Тайту намерена короновать на ныгусэ своего фаворита Тайе, а своего племянника раса Гугсу-Уоле — императором Эфиопии. Насколько это последнее известие могло быть правдивым, как и несомненными были связи императрицы с Гондэром, настолько слух о предполагаемой коронации Тайе ныгусэ был явно распространен с провокационной целью, чтобы дискредитировать императрицу. Регент Тэсэмма и шоанские феодалы приняли решение о полном отстранении императрицы от власти.

С этой целью 21 марта 1910 г. в соборе Тэкле-Хайманота в Аддис-Абебе состоялось большое собрание крупнейших шоанских феодалов. Неприязнь к Тайту среди собравшихся была так велика, что даже ее явные или тайные сторонники не решились выступить в защиту. Одним из сановников, более всего атаковавшим Тайту, был рас Дэмс, сын преследовавшегося императрицей афэ ныгусэ Нэсибу (Тайту лишила раса Дэмса управления провинцией Уоллега). На следующий день собравшиеся постановили, что Тайту должна покинуть императорский дворец в течение недели. Императрица обратилась к ним с просьбой, чтобы ей разрешили поселиться при дворе ее брата, раса Уоле в Йеджу, желая провести там остаток своей жизни. Однако опасаясь, что императрица с помощью брата снова попытается претендовать на трон, сановники отказали ей в этом и решили, что в данный момент она останется при больном императоре, чтобы за ним ухаживать, а позднее пойдет в монастырь.

В это же время были произведены аресты сторонников Тайту, в том числе арестован и

¹ См.: [Кохановский А. И.] Абиссиния. Доклад министру иностранных дел С. Сазонову А. Кохановского, бывшего врача при императорской российской миссии в Абиссинии, 1 июня 1913 г. «Новый Восток», 1922, № 1. — Прим. ред.

рас Гугса-Уоле. После нескольких дней колебания дэджазмач Аялеу, тогдашний командующий императорской гвардией, когда стало ясно, что Тайту потеряла власть, перешел на сторону раса Тэсэммы, предложив ему свои услуги. В Аддис-Абебу с триумфом вернулся дэджазмач Абатэ, хотя произошло {421} это не без препятствий. Когда до него дошло известие о назначении Лиджа-Иясу наследником престола, он, самый большой враг императрицы, вскоре направился в столицу. Однако по приказу императрицы уаг шум Абатэ был задержан в Джиру аздажем Заманелем и аздажем Мэшэша. В Джиру уаг шум должен был ожидать дальнейшего развития событий в столице. Когда свергли императрицу, уаг шум сам арестовал обоих аздажей и двинулся в Аддис-Абебу.

Особую позицию занимал рас Уольдэ-Гийоргис. Этот могущественный губернатор крупной провинции Кэфа, не выступая ни на чьей стороне, только наблюдал за развитием событий. Будучи сам внуком Сахле-Сылласе, он также имел шансы занять императорский престол. После оглашения указа о назначении престолонаследником Лиджа-Иясу, он присоединился к лагерю сторонников раса Тэсэммы. После мартовских событий ему отошли ленные владения в Бэгемдыре, Гондэре и Сымене, до того принадлежавшие Тайту.

Очень интересную роль играл рас Тэсэмма. Этот серьезный и уравновешенный политик, назначенный Менеликом регентом, пытался выражать интересы государства и бороться с партикуляризмом отдельных провинций. Формально Тэсэмма был главой шоанских феодалов, фактически же он выражал интересы не только одной этой провинции. Он был решительным противником роста влияния раса Микаэля. Рас Тэсэмма пытался продолжать проводить в жизнь, оставаясь лояльным по отношению к императору, его великую идею укрепления и централизации эфиопского государства. В период болезни императора рас Тэсэмма стал неудобен для сторонников сепаратистских устремлений. Будучи сторонником укрепления государственного единства Эфиопии, но под политической гегемонией Шоа, он находился в остром антагонизме с Тайту, добивавшейся той же цели, но под политической гегемонией северных провинций.

По поручению Менелика, который, помимо прочего, вверил ему опеку над Лиджем-Иясу, рас Тэсэмма скрупулезно старался выполнить эту обязанность, готовя находящегося при его дворе молодого принца к управлению государством. В то же время он все делал, чтобы вместе {422} с Лиджем-Иясу не проникли в столицу влияния феодалов восточных провинций, главным образом людей, преданных расу Микаэлю. Подобная политика привела его также к конфликту с расом Микаэлем. В результате у раса Тэсэммы волей-неволей осталась поддержка только шоанских феодалов. После падения императрицы рас Тэсэмма обладал полной властью в государстве. Формальным подтверждением этого была использовавшаяся им печать с гербом Эфиопии и надписью «Рас битуюддэд Тэсэмма, полновластный в эфиопском государстве наместник императора».

Еще до лишения власти Тайту ее брат рас Уоле заявил, что не будет подчиняться Лиджу-Иясу. Решение Менелика о передаче престола своему внуку было для раса Уоле очень болезненным не только потому, что он поддерживал Тайту. Дело в том, что рас Уоле уже давно вел пограничный спор с расом Микаэлем. Провинции обоих расов граничили друг с другом. Весной 1910 г. рас Уоле начал подготовку к вооруженному выступлению против Микаэля. Однако, не ожидая наступления, рас Микаэль со сторонниками — феодалами битуюддэдом Луль-Сэгэдом и лигабой Уольдэ-Гэбрыэлем — двинулся в направлении Йеджу. Перед лицом превосходящих сил противника рас Уоле согласился на компромиссное решение спора.

11 апреля 1911 г. неожиданно заболел и со словом «яд» на устах умер рас Тэсэмма. Не известно, сколько правды в предположениях, что он был отравлен по поручению раса Микаэля. Существуют также подозрения, что именно Тайту способствовала смерти регента. Трудно сказать, насколько достоверны эти слухи. Остается фактом, что рас Тэсэмма был отравлен и что его смерть была выгодна обеим группировкам.

После смерти пользовавшегося большим авторитетом регента в стране создалась новая политическая ситуация, чреватая угрозой резко пошатнуть и так непрочное положение в столице государства. Пребывавшего до этого времени при дворе регента Лиджа-Иясу начали вдруг приглашать в свои резиденции каждый из крупных шоанских феодалов. Дело было в том, что каждый хотел бы оказать на него наибольшее влияние до прихода его к власти. Рас {423} Абатэ даже созвал к себе знатных вельмож и предложил им совместно заняться даль-

нейшим воспитанием Лиджа-Иясу в том направлении, которое было бы полезно собравшимся. Это предложение было одобрено. После этого рас Абатэ неожиданно окружил своими солдатами дом, где жил Лидж-Иясу, желая таким образом обеспечить себе одному контроль над будущим правителем. Завязалась стычка со стражей принца, но вмешались абунэ Матеуос и ычэге Уольдэ-Гийоргис, заставившие раса Абатэ отступить.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ ЛИДЖЕМ-ИЯСУ

Узнав о событиях в Аддис-Абебе, рас Микаэль поспешно выступил в столицу, куда прибыл в начале осени 1911 г. Одним из первых его мероприятий был арест раса Абатэ и ссылка его в Дэссе, а позднее — в Мэкдэлу. Лидж-Иясу, ожидая смерти Менелика, покинул Аддис-Абебу и большую часть 1912 г. пробыл у своего отца, раса Микаэля, в Дэссе. Наконец, когда распространились слухи о смерти императора, он двинулся к Аддис-Абебе и 1 февраля 1913 г. вступил в столицу. 8 февраля 1913 г. в столице Эфиопии произошли события, оказавшие большое влияние на дальнейшую судьбу Лиджа-Иясу, ибо в результате их он потерял поддержку абунэ Матеуоса, который до этого времени лояльно выполнял императорский указ и старался поддержать наследника своим большим авторитетом. Лидж-Иясу во главе своей гвардии двинулся к императорскому дворцу, чтобы захватить его. Во главе императорской гвардии, охранявшей дворец, стоял фитаурари Гэбрэ-Марьям, старый воин Менелика. Он заявил, что по старому обычаю во дворце может находиться только один император, а до этого времени никто официально не объявил о смерти Менелика. Трудно сейчас сказать, был ли тогда Менелик еще жив. Официальная дата смерти императора 12 декабря 1913 г., очевидно, неправильна, так как в течение длительного времени известие о смерти императора держалось в тайне. Остается фактом, что фитаурари отказался подчиниться Лиджу-Иясу и не впустил его во дворец. Начались продолжавшиеся несколько дней бои между императорской гвардией {424} и войсками Лиджа-Иясу, которыми командовали бэджыронд Ашэннафи, аггафари Бэйенэ и кэннязмач Уольдэ-Гэбрыэль. Бои прекратились вследствие вмешательства абунэ Матеуоса, который отправился к фитаурари Гэбрэ-Марьяму и заставил его капитулировать под угрозой отлучения от церкви. Взамен абунэ обещал ему полную безопасность в своей резиденции. Следует отметить, что в Эфиопии соблюдался обычай, по которому дом абунэ являлся неприкосновенным и никого нельзя было там арестовать. Рассерженный Лидж-Иясу нарушил этот обычай. Во главе своей гвардии он ворвался в неприкосновенную для светских властей резиденцию, арестовал Гэбрэ-Марьяма и сослал его в Годжам. Все это было крупной политической ошибкой. Начался конфликт между Лиджем-Иясу и эфиопской церковью, отрицательные результаты которого для нового императора не замедлили сказаться.

Принимая 12 декабря 1913 г. условно за день смерти Менелика, можно считать, что Лидж-Иясу официально стал императором в конце 1913 г. или самом начале 1914 г. Точную дату трудно установить. Эфиопская историография почти полностью замалчивает особу этого правителя. Европейские источники и научные монографии также проливают мало света на этот вопрос. Можно предположить, что в будущем станут доступны церковные источники, в которых, вероятно, с детальной точностью зафиксированы все действия императора, которого ненавидела церковь. Впрочем, быть может, что даже церковный архив прольет немного света на этот вопрос. Нельзя исключать, что документы о деятельности Лиджа-Иясу были специально уничтожены, чтобы изгладить из памяти потомков его имя. Во всяком случае, несомненно, что это одна из наиболее интригующих личностей в истории Эфиопии XIX в. Трудно избавиться от впечатления, что отрицательные оценки этого императора, содержащиеся в эфиопских монографиях, если они вообще о нем упоминают,— субъективны. Сообщается, например, такой факт, что Лидж-Иясу, узнав о смерти Менелика, будто устроил пышный пир и веселился и пил в течение нескольких дней. Подчеркивается, что он нечестно боролся в {425} рыцарских турнирах. Все это приводится для дискредитации его в глазах потомков.

Представляется, что для такого резко отрицательного отношения к деятельности этого императора были более серьезные причины, чем только ошибки, которые он мог совершить по молодости лет и недостатку политического опыта. Можно предположить, что причины скорее, всего в той внутренней и внешней политике, которую он пытался проводить. Способы осуще-

ствления и совершенные при этом тактические ошибки представляются второстепенными вопросами.

Лидж-Иясу родился в 1896 г.; он получил хорошее образование, свободно владел французским и арабским языками. Это был способный и энергичный человек. Позднейшие разговоры об отсутствии у него якобы способностей ни на чем не основаны и связаны с пропагандой, проводимой против императора. Главной же его виной эфиопская церковь считала его промусульманские симпатии. Другой вопрос, что у него действительно не хватало опыта в ведении политической борьбы и он не умел выбирать соответствующую тактику для достижения намеченных целей. Все это естественно в человеке в таком юном возрасте, но именно это и привело Лиджа-Иясу к поражению.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЛИДЖА-ИЯСУ

Правление нового императора началось войной в Тигре. Дэджазмач Гэбрэ-Сылласе, правитель Адуи и Аксума, не подчинился императорскому распоряжению о передаче этих округов расу Уольдэ-Гийоргису. Против Гэбрэ-Сылласе был выслан дэджазмач Сьном, а вслед за ним направилась и армия Уольдэ-Гийоргиса. В марте 1914 г. дэджазмач Сьном, не дождавшись прибытия высланных Уольдэ-Гийоргисом отрядов, принял бой в местности Фэрэс-Меда. Закончился он победой дэджазмача Гэбрэ-Сылласе. Решили исход битвы новые карабины, полученные до этого мятежным дэджазмачем из Италии. Но после подхода армии Уольдэ-Гийоргиса дэджазмач Гэбрэ-Сылласе отказался от дальнейшего сопротивления и бежал {426} в Эритрею. Так закончился очередной серьезный мятеж в Тигре.

Частые внутренние волнения, хотя и подавляемые с успехом войсками раса Микаэля, ослабляли политическую позицию Лиджа-Иясу, официально называвшегося Иясу V. Непопулярности способствовала и его политика ориентации на восточные провинции, а также связи молодого императора с мусульманскими кругами. Иясу начал выдвигать на должность мусульманских сановников. В первую очередь он назначил своего отца раса Микаэля ныгусэ Уолло и Тигре. Это вызвало большое недовольство в Тигре, и вся провинция выступила против императора, который осмелился поправить старый обычай, согласно которому правителем данной области, всегда игравшей такую важную роль в Эфиопии, должен был быть только представитель из местного знатного рода. Кроме того, в Тигре хорошо помнили, что рас Микаэль принял христианство лишь недавно. Это усугубляло обиду.

И в дальнейших поступках Лиджа-Иясу также трудно усмотреть политическое благоразумие. Не считаясь с реальной расстановкой политических сил в стране, он отдалил свою жену-христианку Роман, вступил в связь с дочерью мусульманского правителя Аусы Мухаммеда-Абу-Бэкра и окружил себя наложницами. С течением времени Лидж-Иясу все более строго стал соблюдать мусульманские обычаи. Мусульманские сановники из восточных районов Эфиопии получили большое влияние при его дворе. Лидж-Иясу стал возводить в разных городах мечети. Рассказывают даже, что он приказал составить свое генеалогическое древо, по которому якобы вел свой род от пророка Магомета. Даже император, пользующийся самым большим авторитетом, не смог бы безнаказанно так поступать в христианской Эфиопии. Таким образом, уже очень скоро, на рубеже 1915—1916 гг., против Лиджа-Иясу составила сильная политическая оппозиция из шоанских феодалов и духовенства. Эфиопская церковь, господствующим позициям которой в государстве стали угрожать действия молодого императора, быстро забыла о завещании Менелика и стала беспощадным врагом Лиджа-Иясу. Положение императора ухудшалось еще тем, {427} что его промусульманские симпатии нашли выражение и во внешней политике Эфиопии. Лидж-Иясу начал, хотя и незначительно, сближаться с союзником Германии — Турцией. Это, конечно, вызвало энергичное противодействие со стороны Англии и Франции, участвовавших в это время в войне.

Беспокойство Великобритании было понятно. Возможное сближение Эфиопии с Германией могло создать серьезную угрозу для английских позиций в Восточной Африке, в Египте и Судане. Угроза эта могла тем более казаться реальной, что в Восточной Африке еще находились немецкие войска во главе с генералом Паулем фон Леттов-Форбек. Ничего удивительного, что в этой ситуации французы и англичане мобилизовали все силы, какими располагали в

Эфиопии, для борьбы против Лиджа-Иясу. К этим действиям присоединилась также Италия. Видимо, в кампании, направленной против Лиджа-Иясу, принимала непосредственное участие и английская разведка. Выдвигаются предположения, что в 1916 г. в Аддис-Абебу прибыл с тайной миссией и полковник Лауренс, однако доказательств, подтверждающих это, нет. Во всяком случае, часть памфлетов, высмеивающих Лиджа-Иясу и обвиняющих его в желании установить гегемонию ислама в Эфиопии и даже в преследовании христианской религии, была напечатана в Хартуме, находившемся тогда в английских руках.

Следует отметить, что отрицательная оценка внешней политики Лиджа-Иясу в эфиопской литературе слишком поспешна и основывается на результатах первой мировой войны, которые, конечно, Лидж-Иясу в 1915 г. не мог предвидеть. С точки зрения интересов государства связь с лагерем, борющимся со странами, имевшими колонии вокруг всей Эфиопии, вовсе не была такой уж неразумной, и в случае иного исхода войны в Европе это могло бы укрепить международное положение Эфиопии. Можно было бы здесь только поставить вопрос, на который, быть может, будущее даст ответ: была ли эта внешняя политика следствием широких и далеко идущих политических концепций молодого императора или же только — что тоже возможно — результатом его узких прому-^{428}сульманских симпатий. Разрешение этой проблемы может иметь принципиальное значение для полной оценки роли Лиджа-Иясу в истории Эфиопии в период первой мировой войны.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

В сентябре 1916 г. войска шоанских феодалов, решивших свергнуть Лиджа-Иясу, заняли Аддис-Абебу. Император в это время находился в Харэре. Руководители мятежа, среди которых наибольшую активность проявляли лиуль рас Каса-Хайлу, рас Уольдэ-Гийоргис, бэджыронд Тэкле-Хауарьят, кэнтиба Гэбру и нэгадрас Гэбрэ-Хыйуот-Байкэдань, явились к абунэ и сделали следующее заявление: «Освободи нас от присяги верности. Никогда мы не уступим исламу. Мы не хотим, чтобы наша страна подчинилась иностранцам из-за вредной политики Лиджа-Иясу, ведущего страну к гибели. Мы не позволим, чтобы нами руководил правитель, изменивший своей вере». Абунэ, до этого не выступавший официально против Лиджа-Иясу, опасаясь мести армии раса Микаэля, сейчас, под защитой шоанских войск, согласился открыто стать на сторону оппозиции. 27 сентября 1916 года глава эфиопской церкви огласил торжественное обращение ко всему народу, в котором объявил о низложении Лиджа-Иясу и провозгласил императрицей дочь Менелика — Зоудиту. Одновременно в нем сообщалось, что наследником трона, соправителем Зоудиту и регентом страны будет сын раса Мэконнына, правнук ныгусэ Сахле-Сылласе, дэджазмач Тэфэри-Мэконнын, получивший звание раса. Обращение призывало всех к лояльности и послушанию новым властям. Абунэ закончил обращение предупреждением, что тот, кто не подчинится ему, будет отлучен от церкви.

Государственный переворот произошел собственно без крови, так как верные Лиджу-Иясу войска находились вне столицы; раса Микаэля также не было в Аддис-Абебе. С одной стороны, это облегчило заговорщикам их действия, но с другой — оставшиеся войска, верные Лиджу-Иясу, представляли угрозу гражданской войны. ^{429}

День 27 сентября 1916 г. открыл очередную страницу в политической истории Эфиопии. Несмотря на то что руководителей государственного переворота ждала еще трудная борьба с силами, поддерживавшими Лиджа-Иясу, события этого дня положили начало важному историческому периоду, в который произошли существенные внутренние изменения в стране. ^{430}

Глава XXV

ИМПЕРАТРИЦА ЗОУДИТУ И РАС ТЭФЭРИ

ПОБЕДА ШОАНСКИХ ФЕОДАЛОВ

Разгоревшаяся в последние годы правления Менелика борьба за власть в империи не закончилась после воцарения Лиджа-Иясу. В продолжение всего трехлетнего правления этого императора политическое положение в стране оставалось напряженным и нарастал мощный внутренний конфликт. На этот раз в политической борьбе участвовали уже только две группировки — крупные феодалы из Шоа, поддерживаемые высшими церковными сановниками, и сторонники Лиджа-Иясу и раса Микаэля. Политическое значение Тайту, которая еще недавно наравне с ними претендовала на власть в стране, уже совсем упало. Теперь старую императрицу сближала с шоанским лагерем ненависть к Лиджу-Иясу, поэтому Тайту поддержала в сентябре 1916 г. государственный переворот.

Одержавшая победу группировка выдвинула вперед две фигуры, которые по замыслам руководителей переворота должны были сыграть чисто символическую роль. Это были Зоудиту и дэджазмач Тэфэри-Мэконнын. Будущее, однако, показало, что рас Тэфэри и не думал играть роль подставного лица.

В первое время, несомненно, самую сильную позицию в Аддис-Абебе занимал фитаурари Хабтэ-Гийоргис. Значительное влияние имел также рас Уольдэ-Гийоргис. Большие политические амбиции были и у других сановников. Однако ни один из них не был настолько силен, чтобы смог самостоятельно захватить власть в государстве. В этой ситуации на первый план были выдвинуты лица, которым мог достаться престол из-за родства с Менеликом II. Хабтэ-Гийоргис и другие крупные феодалы полагали, что будут иметь в своих руках фактическую власть, тогда как Зоудиту, не имеющая никакого политического опыта и до этого времени совсем не причастная к государственным делам, а также молодой рас Тэфэри ограничатся только ролями марионеточных правителей.

Судьба Зоудиту была весьма удивительной. Она была второй дочерью Менелика после принцессы Шоуарэг. Родилась она 29 апреля 1876 г. в Ыноуари. В 1882 г. семилетним ребенком она была выдана замуж Менеликом II за раса Арая, сына императора Йоханныса IV. После смерти раса Арая Зоудиту была вторично выдана замуж за дэджазмача Уыбе, а затем за раса Гугсу-Уоле. Во время болезни императора она приехала в Аддис-Абебу и находилась при отце. После его смерти по приказу Лиджа-Иясу она вынуждена была покинуть столицу и поехать в Фале, где находилась до сентября 1916 г. В Аддис-Абебу она вернулась по приглашению заговорщиков за несколько дней до переворота. Можно утверждать, что только счастливое стечение обстоятельств выдвинуло ее на императорский трон. Решающим оказался в этом случае факт, что она была дочерью Менелика, ее личные качества не играли здесь роли.

РАС ТЭФЭРИ-МЭКОННЫН

Совершенно иначе сложился жизненный путь молодого регента, раса Тэфэри, сына раса Мэконнына. Рас Тэфэри родился 23 июля 1892 г. в провинции Харэр, в местности Эджэрс-Горо. Принцесса Йеши-Ыммэбет была его матерью. 19 ноября 1905 г. Тэфэри-Мэконнын от своего отца получил титул дэджазмача и назначение губернатором округа Гара-Мулета. После смерти раса Мэконнына в 1906 г. Тэфэри-Мэконнын был вызван Менеликом в Аддис-Абебу, где император утвердил его титул дэджазмача и одновременно дал ему в управление провинцию Сэлале. Молодой дэджазмач послал в пожалованную ему провинцию своего заместителя, а сам остался на некоторое время при императорском дворе, где имел возможность познакомиться с политической жизнью страны. В это время он часто находился в обществе Лиджа-Иясу. {432} Некоторые источники утверждают, что уже тогда происходили конфликты между двумя молодыми принцами. В 1907 г. Тэфэри-Мэконнын получил округ Бассо, а в следующем году был назначен уже губернатором провинции Сидамо. Наконец, в 1911 г. он получил провинцию Харэр, управляемую прежде его отцом. Таким образом, к 1916 г. Тэфэри-Мэконнын накопил уже значительный политический опыт. Лидж-Иясу знал об этом и опасался, как бы Тэфэри-Мэконнын, опираясь на крупную провинцию Харэр, в которой он пользовался большим влиянием прежде всего благодаря авторитету отца, не стал бы его конкурентом на императорский престол. Поэтому в 1916 г. он отстранил его от должности губернатора этой провинции и отправил губернатором провинции Кэфа, расположенной далеко на юге. Лидж-Иясу считал Тэфэри-Мэконнына грозным противником и на всякий случай предпочитал держать

подальше от столицы. Отозванный из Харэра, рас Тэфэри прибыл в Аддис-Абебу. Однако ехать в Кэфу он медлил и задержался в столице вплоть до государственного переворота.

БИТВА ПОД СЭГЭЛЕ

Заговорщики обдуманно выбрали время для переворота. Лидж-Иясу в этот момент находился в провинции Харэр. Его отец ныгусэ Микаэль пребывал тогда в Дэссе, столице провинции Уолло. Когда он узнал о детронизации своего сына, то начал готовиться к войне. В Аддис-Абебе стали беспокоиться. Снова могли начаться серьезные конфликты между центральными провинциями, в основном Шоа, и землями, расположенными на востоке и северо-востоке, где проживали преимущественно мусульмане. С тревогой вспоминали жившую еще в народной памяти угрозу времен нашествия Граня. Собрав армию, насчитывающую около 60 тыс. человек, ныгусэ Микаэль двинулся на Шоа. В это же время Лидж-Иясу пытался найти поддержку в стране Ауса.

Первое серьезное сопротивление армия Микаэля встретила лишь вблизи Анкобэра, в местности Тора-Мэск, расположенной к северу от этого города. Рас Луль-Сэгэд и дэджазмач Тэсэмма-Гэзму, стоявшие во главе армии, {433} насчитывавшей лишь несколько тысяч человек, пытались здесь оказать сопротивление. Битва у Тора-Мэск 17 октября 1916 г. закончилась полным поражением шоанских войск. Рас Луль-Сэгэд и дэджазмач Тэсэмма-Гэзму погибли. На помощь Аддис-Абебе шли еще войска фитаурари Хабтэ-Гийоргиса и войска раса Дэмса. Это были серьезные силы, однако уступавшие по численности армии раса Микаэля. Но Хабтэ-Гийоргис опасался не столько численного преимущества противника, сколько атаки непобедимых в борьбе конных отрядов из Уолло, известных своей храбростью и военным мастерством. Еще ранее Хабтэ-Гийоргис заказал в Джибути партию пулеметов. По его замыслам, это оружие должно было сыграть главную роль в битве, поэтому он не хотел вступать в решающее сражение до прихода транспорта из Джибути. Чтобы протянуть время, он начал переговоры с ныгусэ Микаэлем, послав ему письмо, в котором писал, что ему трудно даже представить, чтобы могла произойти битва между двумя старыми полководцами Менелика. Ныгусэ Микаэль надеялся, что ему удастся перетянуть Хабтэ-Гийоргиса на сторону Лиджа-Иясу, тем более что он знал о намечающемся уже конфликте между полководцем шоанской армии и расом Тэфэри. Поэтому он пошел на переговоры. Хитрый план Хабтэ-Гийоргиса удался, и генеральное сражение было отсрочено на несколько дней. Тем временем прибыли ожидаемые пулеметы, которые должны были уничтожить конницу из Уолло. В следующем письме Микаэлю Хабтэ-Гийоргис уже призывал его к повиновению расу Тэфэри и утверждал, что Лидж-Иясу окончательно скомпрометирован. Ныгусэ Микаэль понял, что был обманут, и немедленно дал приказ атаковать шоанские войска. Обе вражеские армии встретились под Сэгэле. В шоанский лагерь уже прибыл новый регент рас Тэфэри-Мэконнын. 27 октября 1916 г. началась битва под Сэгэле, прочно вписавшая название этой небольшой местности в историю Эфиопии. Битва началась стремительной атакой конницы ныгусэ Микаэля. Вероятно, она сумела бы прорвать позиции шоанских войск, если бы не неожиданный для нее пулеметный огонь, который сломил линию атакующих и нанес жестокий урон конным отрядам Уолло. Однако борьба была очень упорной и лишь спустя {434} несколько часов закончилась окончательной победой шоанской армии. Ныгусэ Микаэль не пытался бежать, как советовало ему ближайшее окружение, и, до конца сражаясь в окружении своей гвардии, был взят в плен. Многие его известные полководцы погибли или были заключены в тюрьму. Шедший ему на помощь Лидж-Иясу не успел прибыть вовремя под Сэгэле и вместе с остатками разбитой армии ныгусэ Микаэля отступил в Уолло, чтобы там продолжать сопротивление.

Битва под Сэгэле принадлежит к ключевым, переломным событиям в новейшей истории Эфиопии. Она явилась поворотным моментом в истории Эфиопии и утвердила возвращение политической гегемонии в государстве в руки шоанских феодалов и находящихся в союзе с ними представителей церковной верхушки.

31 октября 1916 г. рас Тэфэри-Мэконнын триумфально вступил во главе победоносных войск в Аддис-Абебу, ведя с собой множество пленных. Несмотря на то что не был взят в плен еще Лидж-Иясу, в Аддис-Абебе отдавали отчет в том, что борьба за власть была решена под

Сэгэле. Взятие в плен ныгусэ Микаэля лишило Лиджа-Иясу союзника, с помощью которого он мог бы реально думать о возвращении престола. В данный момент ему оставалась только возможность партизанской борьбы, которая, затягивая военный конфликт, не сулила ему, однако, надежды на серьезный успех.

КОРОНАЦИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЗОУДИТУ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РАСА ТЭФЭРИ-МЭКОННЫНА РЕГЕНТОМ

В атмосфере огромного упоения после победы под Сэгэле шоанские феодалы готовились праздновать коронацию Зоудиту. 11 февраля 1917 г. произошла коронация императрицы в соборе св. Георгия в Аддис-Абебе. Для придания пышности этим торжествам в момент, когда Зоудиту направилась на коронацию, электрический свет, до этого освещавший только императорский дворец, засверкал на всем пути ее проезда от императорского дворца к собору. В этот же день был коронован и рас Тэфэри-Мэконнын как наследник императорского престола. Спустя несколько дней императрица Зоудиту совершила {435} торжественную коронацию раса Уольдэ-Гийоргиса ныгусэ Годжама. Титул ныгусэ Уольдэ-Гийоргис получил при поддержке Тэфэри-Мэконнына, желавшего таким образом уравновесить влияние Хабтэ-Гийоргиса для того, чтобы легче проводить собственную политику.

Уже в начале 1917 г. внутри победоносного шоанского лагеря образовались два основных политических направления, выдвигавших различные концепции как внутренней, так и внешней политики. Во главе одного стоял фитаурари Хабтэ-Гийоргис, имевший уже тогда звание дэджазмача, но традиционно употреблявший только титул фитаурари. Хабтэ-Гийоргис представлял наиболее консервативное крыло шоанских феодалов. Он был противником каких-либо политических или социально-экономических реформ. Он отбрасывал всякую мысль о необходимости оживления контактов Эфиопии с внешним миром, поддерживая политику изоляционизма. Он был противником введения в Эфиопии и европейских технических изобретений. Имея огромные земельные владения, данные ему еще Менеликом II, и пользуясь огромным авторитетом полководца великого императора, фитаурари Хабтэ-Гийоргис представлял значительную политическую силу. Поддерживая кандидатуру Зоудиту на императорский престол и Тэфэри-Мэконнына как регента и наследника престола, Хабтэ-Гийоргис надеялся, что после свержения Лиджа-Иясу именно он сосредоточит в своих руках фактическую власть в стране.

Создание системы двоевластия должно было облегчить ему достижение этой цели. Ведь формально императрица и регент должны были совместно править страной. Можно было надеяться, что такая ситуация ослабит позиции каждого из них и позволит Хабтэ-Гийоргису в своих целях противопоставлять их друг другу.

ПОЛИТИКА РАСА ТЭФЭРИ

Действительность показала, что расчеты эти были обманчивы. Правда, Зоудиту многократно помогала Хабтэ-Гийоргису, однако это не ослабляло в серьезной степени позиций раса Тэфэри. Этот энергичный и очень способный политик, несмотря на молодой возраст умеющий уже {436} прекрасно использовать противоречия между крупными феодалами для осуществления своих целей, стал во главе группировки, придерживавшейся другой политической линии в области внешней и внутренней политики, чем Хабтэ-Гийоргис. Как мы уже сказали, Тэфэри-Мэконнын и до регентства уже имел значительный политический опыт. Он понимал, что, не считаясь с реальным соотношением сил, существенным фактором которого была консервативная группировка Хабтэ-Гийоргиса, ему не удастся сразу ни завоевать полной власти, ни осуществить преобразования Эфиопии в современное государство, о чем он уже тогда мечтал. Поэтому Тэфэри-Мэконнын пытался не допустить, чтобы нарастающие между ним и Хабтэ-Гийоргисом трения переродились в открытый конфликт.

Поводом для обострения отношений между этими двумя государственными деятелями были попытки Хабтэ-Гийоргиса полностью подчинить себе Тэфэри-Мэконнына, чего последний не позволил сделать, став фактическим, а не формальным регентом. Хабтэ-Гийоргис был также противником программы, выдвинутой Тэфэри-Мэконныном и поддерживаемой его

группировкой. Важнейшим в программе было стремление ликвидировать феодальную раздробленность и сепаратистские тенденции, укрепить и централизовать государственную власть. Для этого требовалось реорганизовать администрацию и судопроизводство, ввести европейские технические изобретения в производство, развивать просвещение и образование, строить новые дороги, развивать транспорт, торговлю и промышленность; окончательно ликвидировать рабство и укрепить позиции Эфиопии на международной арене. Одним из наиболее существенных пунктов этой программы было создание постоянной, подчиненной только императору и хорошо обученной армии. В лагере раса Тэфэри-Мэконнына оказалась значительная группа личных врагов Хабтэ-Гийоргиса и — что имело решающее значение — часть наиболее просвещенных крупных шоанских и харэрсских феодалов, а также значительное число сановников из других провинций, понимавших, что будущее Эфиопии зависит от того, в какой степени и как быстро удастся провести централизацию государственной власти и укрепить страну в экономическом и военном отношении. Наиболее выдающимися лицами в группировке раса Тэфэри-Мэконнына были следующие: бластенгета Хыруй-Уольдэ-Сылласе, лидж Таккэле-Уольдэ-Хауарьят, аздаж Уоркнэх (в Европе известный под именем доктор С. Мартин), лиуль рас Каса-Хайлу, кэннязмач Ымру, дэджазмач Йигэзу, нэгадрас Гэбрэ-Хыйуот-Байкэдандь.

Перед тем как приступить к осуществлению намеченных реформ, рас Тэфэри-Мэконнын должен был прежде всего укрепить и увеличить собственные вооруженные силы и окончательно победить находившегося на севере Лиджа-Иясу. Регент старался в первую очередь вооружить новым европейским оружием отряды, находившиеся под его непосредственным контролем. Это мероприятие позволило ему позднее иметь военное преимущество над всеми противниками. Другая задача также была не из легких: хотя Лидж-Иясу и не располагал значительными силами, но бывшего императора поддерживала часть населения Уолло. На счастье для Тэфэри-Мэконнына, против Лиджа-Иясу выступал также Хабтэ-Гийоргис. Стычки с отрядами Лиджа-Иясу длились несколько лет. Многие еще продолжали считать императором бывшего правителя.

Только пленение Лиджа-Иясу могло покончить с подобным положением, создающим потенциально грозную политическую опасность для новых властей. Переломным моментом в этой войне была битва в Уолло, в которой встретились войска Лиджа-Иясу с армией Хабтэ-Гийоргиса и оказывавшими ей помощь отрядами раса Абатэ, раса Дэмса, дэджазмача Кэббэдэ и дэджазмача Уольдэ-Цадыка. Войска Лиджа-Иясу были полностью разбиты. С этого времени события развивались уже быстро и продолжавшаяся 5 лет война подошла к концу. Лидж-Иясу пытался скрыться в Мэждэле, затем в диких, ненаселенных местностях и наконец в 1921 г. оказался в тигрейском монастыре Гыбция. Здесь он был арестован по приказу раса Гугсы-Араи, одного из известных тигрейских сановников, и переправлен в Аддис-Абебу. Позднее он был отдан под стражу лиуль раса Каса-Хайлу, заключившего его в тюрьму в Сэлале-Фыче, в местности, расположенной более чем в 100 км к северу от Аддис-Абебы.

Арест Лиджа-Иясу, с одной стороны, укрепил позицию регента, но с другой — дал Хабтэ-Гийоргису также {438} большую свободу действий. Если к этому добавить, что в 20-х годах императрица Зоудиту все чаще оказывалась на стороне фитаурари Хабтэ-Гийоргиса, то нетрудно понять, что внутренние реформы, предлагаемые группой Тэфэри-Мэконнына, можно было проводить только с самой большой осторожностью и очень медленно. Тем более что последовательное, хотя и медленное укрепление центральной власти встретило отпор со стороны крупных феодалов, в том числе таких, как лиуль рас Хайлу-Тэкле-Хайманот, правитель большой, известной своими сепаратистскими устремлениями провинции Годжам, и дэджазмач Бальча, губернатор провинции Сидамо. Положение раса Тэфэри было тем более сложным, что наряду с трудностями внутри страны начиная с 1919 г. Эфиопии все более стала угрожать опасность извне. Это была одна из основных причин, из-за которой регент старался быстрее наращивать силы своей армии. Извне, так же как и в XIX в., снова угрожала Италия. Эта угроза висела над Эфиопией в течение более десяти лет, чтобы в 1935 г. перерасти в войну, спустя несколько месяцев закончившуюся пятилетней итальянской оккупацией. Внешние факторы сыграли такую значительную роль в истории Эфиопии между первой и второй мировыми войнами, что нам представляется правильным уделить им такое же внимание, как и анализу внутренних событий.

В межвоенный период политика европейских держав в Северо-Восточной Африке оп-

ределялась во многом экспансионистскими устремлениями Италии и, в некоторые моменты, Великобритании. Во всяком случае, эфиопская проблема в 1919—1934 гг. находилась исключительно в орбите колониальной политики трех государств: Италии, Великобритании и Франции. Лишь в последние два года перед итальянской агрессией эфиопской стороне удалось прорвать кольцо блокады этих трех стран, за которое не могла выйти до этого времени ни одна дипломатическая инициатива со стороны Эфиопии.

Уже в 1919 г. итальянское правительство обратилось с требованием к Лондону, чтобы Великобритания оказала давление на Аддис-Абебу и склонила эфиопское правительство предоставить Италии ряд концессий. Это должно было стать частью компенсации, какую требовала Италия {439} за свое участие в войне на стороне союзников. Свои требования итальянское правительство основывало на статье 13 «Межсоюзного трактата по территориальным вопросам» от 26 апреля 1915 г., подписанного между Италией и Антантой, в котором говорилось: «В том случае, если Англия и Франция увеличат за счет германской территории свои колониальные владения в Африке, обе эти державы принципиально согласны, что Италия также должна получить соответствующую компенсацию. Особенно это относится к расширению границ итальянских колоний в Эритрее, Сомали и Ливии, а также и к некоторым прилегающим к ним колониям, принадлежащим сейчас Франции и Великобритании». Италия полагала, что этот договор поможет ей также укрепить свои позиции в Северо-Восточной Африке за счет Эфиопии. В 1919 г. она предложила английскому правительству предпринять совместные действия для получения на территории Эфиопии обеими колониальными странами экономических концессий. Для себя итальянцы требовали прежде всего концессии на строительство железной дороги от границы Эритреи и до границы Итальянского Сомали. Это в огромной степени облегчило бы Италии, как правильно полагали в Риме, дальнейшее подчинение Эфиопии. Инициатива Рима не встретила в то время доброжелательного приема в Лондоне, который, уже после окончания войны, не был склонен к каким-либо уступкам Эфиопии в пользу Италии. Владея Египтом и Суданом, англичане очень подозрительно и неохотно относились к итальянским экспансионистским планам в отношении Эфиопии, осуществление которых могло бы отдать в руки Италии контроль над озером Тана, а следовательно, и рекой Аббай. Англия отдавала себе отчет в том, что тот, кто владеет рекой Аббай, имеет большие возможности влиять на судьбы Египта и Судана.

ПРИНЯТИЕ ЭФИОПИИ В ЛИГУ НАЦИЙ. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЭФИОПИИ В 20-Х ГОДАХ

Тем временем рас Тэфэри, опасаясь того, что Эфиопия, последнее свободное государство Африки, может вскоре стать жертвой открытой агрессии со стороны ко- {440} лониальных держав, настойчиво пытался укрепить позиции на международной арене. Его усилия закончились большой победой. 28 сентября 1923 г. Эфиопия была принята в Лигу наций. Хотя Англия решительно протестовала против этого, однако при поддержке Франции, которая, эксплуатируя железную дорогу Джибути — Аддис-Абеба, была заинтересована в сохранении выгодного для нее статус-кво, усилия раса Тэфэри увенчались успехом. Протесты Англии против решения о принятии Эфиопии в Лигу наций исходили прежде всего из того, что Великобритания опасалась, с одной стороны, усиления французского влияния в Аддис-Абебе, с другой — не хотела создавать себе препятствий в возможном расширении своих владений в Судане за счет присоединения территорий, прилегающих к озеру Тана. Принятие Эфиопии в Лигу наций могло бы положить конец этим расчетам, учитывая, что эта страна имела бы в Лиге поддержку Франции. После дискуссии, продолжавшейся несколько дней, во время которой английская делегация пыталась демагогически обосновать свое отрицательное отношение к решению по вопросу принятия Эфиопии в Лигу наций существованием рабства на территории этой страны, французская позиция взяла верх. Мало кто тогда мог предположить, что этот формальный акт сыграет решающую роль в истории Эфиопии и будет служить в будущем различным тенденциям в международной политике, становясь либо камуфляжем для защиты колониальных интересов Великобритании, либо сигналом для начала огромной политической баталии в защиту Пакта Лиги наций, проводимой СССР и другими государствами, стоявшими за осуществление

принципов коллективной безопасности.

Однако пока лишь рас Тэфэри и группа его ближайших советников верили в то, что Лига наций может дать какую-либо защиту самой Эфиопии. И эта вера не была лишена черт политического реализма. Дело было не только в том, что в 1923 г. Лига наций имела еще значительный авторитет среди многих политических деятелей мира, но прежде всего в том, что, пользуясь допуском на женеvский форум, Эфиопия путем умелого, традиционного уже в иностранной политике этой страны использования {441} противоречий между великими державами могла укреплять собственные позиции.

Неслыханным событием в политической жизни Эфиопии, не имеющим до этого прецедента в истории этой страны, было путешествие Тэфэри-Мэконнына в Европу в 1924 г. Правда, рас Тэфэри с формальной точки зрения был только регентом страны, но фактически уже тогда он осуществлял почти полный контроль над правительством в Аддис-Абебе, и в Европе его приняли как единовластного правителя. Это путешествие имело две главные цели: выход Эфиопии на широкую политическую арену и изучение возможностей оказания Эфиопии технической помощи европейскими странами. Свита раса Тэфэри состояла из многих выдающихся советников. Среди них были лиуль рас Каса-Хайлу, рас Сьюм-Мэнгэша, внук Йоханнса IV, и лиуль рас Хайлу-Тэкле-Хайманот, губернатор Годжама. Об этом великом годжамском феодале, известном своей экстравагантностью, рассказывали, что он приказал купить большой пароход и перевезти его по частям на озеро Тана. Он известен был также как человек весьма остроумный и обладавший большим чувством национальной гордости. Рассказывали, что, когда он встретился с английским королем Георгом V, тот спросил его, знает ли он английский язык. «Нет»,— ответил лиуль рас Хайлу. Когда английский король получил также отрицательные ответы на вопросы о знании французского и арабского языков, на его лице можно было заметить тень разочарования. Тогда Хайлу в свою очередь спросил Георга V, знает ли он амхарский язык, языки галлиння или гураге. Получив отрицательный ответ, рас Хайлу с милой улыбкой заметил, что ему приятно констатировать, что они оба одинаково невежественны.

Наряду со сторонниками своей политики регент взял с собой также нескольких советников из лагеря консерваторов, являвшихся противниками всяких реформ. Таким образом Тэфэри оградил себя от возможной попытки захвата ими власти в стране во время своего отсутствия. Одновременно он хотел их убедить в целесообразности проведения некоторых реформ в Эфиопии, демонстрируя достижения в области техники в Европе и знакомя {442} с функционированием государственного аппарата в европейских странах.

Эфиопская делегация поехала сначала в Палестину, позднее в Египет и оттуда уже направилась в Европу. Она посетила Францию, Великобританию, Италию и несколько малых государств. Во время бесед с европейскими политическими деятелями эфиопская делегация стремилась установить тесные экономические, политические и культурные контакты. Рас Тэфэри думал также добиться от какой-либо державы, имеющей колонии, граничащие с Эфиопией, заключения соглашения на предоставление ей свободного выхода к морю. Однако ему не удалось осуществить эту цель. Франция также не согласилась предоставить Эфиопии свободную зону в порту Джибути.

Рас Тэфэри придавал большое значение и визитам в такие европейские страны, как Швеция и Бельгия. Речь шла об установлении с ними тесных торговых контактов и о приглашении экономических и военных советников из этих стран в Эфиопию. Европейские государства, не имевшие колоний в непосредственном соседстве с Эфиопией, являлись очень желательными партнерами для эфиопского правительства, так как они могли в некоторой степени составить противовес для тех колониальных государств, которые попытались бы расширить свои владения за счет Эфиопии. Во всяком случае, для эфиопского правительства безопаснее было давать концессии фирмам нейтральных стран. Положительный результат этих переговоров проявился спустя несколько лет, когда в Эфиопию прибыли шведские и бельгийские военные инструкторы.

Общие результаты визита раса Тэфэри в Европу были, однако, ничтожны. Единственным значительным следствием этого путешествия был рост заинтересованности европейской прессы Эфиопией. Следует добавить, что во время бесед в Лондоне король Георг V согласился возвратить Эфиопии корону императора Теодроса II, захваченную войсками лорда Нэпира в 1868 г. в Мэкдэле. С точки зрения престижа и традиций это лондонское достижение раса Тэфэ-

ри было воспринято в Эфиопии как большое политическое событие; 11 июля 1925 г. императорская корона Теодроса II была торжественно направлена в Аддис-Абебу. {443}

Тем временем в политических кругах Великобритании зрела мысль о присоединении Западной Эфиопии к Судану или подчинении этой территории английскому контролю в какой-либо другой форме. Эта концепция возникла в противовес набирающим силу экспансионистским замыслам Италии в Северо-Восточной Африке и крепнущему французскому влиянию в Эфиопии. В данный момент Англия сочла возможным использовать упоминаемую итальянскую инициативу 1919 г. Обращаясь к итальянскому правительству, английский посол в Риме сэр Рональд Грэхэм представил 14 декабря 1925 г. Муссолини предложение, в котором говорилось, что Великобритания готова решить вопрос раздела Эфиопии на две зоны влияния: итальянскую и английскую. Вместе с тем было оговорено, что Великобритания не согласится на какие-либо итальянские инвестиции, особенно военного типа, в районе Голубого Нила и его притоков. Несколько дней спустя, итальянская сторона приняла английское предложение. Итало-английские переговоры, естественно, вызвали протест Франции. Французская пресса забила тревогу в связи с «угрозой независимости» Эфиопии, поскольку дипломатические представители Великобритании и Италии в Аддис-Абебе вручили эфиопскому правительству ноты, требующие предоставления обоим государствам ряда концессий. Поддерживаемый французским правительством, рас Тэфэри отклонил англо-итальянские требования, утверждая, что обратится по этому вопросу в Лигу наций. 19 июня 1926 г. регент Эфиопии передал текст англо-итальянских требований генеральному секретарю Лиги наций и одновременно проинформировал его, что Эфиопия в любом случае не согласится с нарушением своего суверенитета. В результате решительной поддержки Эфиопии со стороны Франции Италия и Великобритания отказались на этот раз от своих требований. Таким образом, первая, впрочем и единственная, совместная англо-итальянская акция по эфиопскому вопросу потерпела неудачу. С этого времени эфиопская проблема постепенно становится спорным вопросом между Великобританией и Италией и в 1935 г. приводит к серьезному политическому конфликту между этими государствами. Это было связано с экспансионистской политикой фашистского итальянско- {444} го правительства, которое после 1926 г. уже не искало партнеров в своей африканской политике. Намерение Муссолини сделать всю Северо-Восточную Африку итальянской колонией угрожало колониальным интересам Великобритании в этом районе.

Подготавливая планы военной экспансии в Северо-Восточной Африке, итальянское правительство считало, что ей должно предшествовать усиленное экономическое проникновение. В 1924 г., заявляя, что им руководят искренние желания политического сближения с Аддис-Абебой, Рим начал непосредственные переговоры с эфиопским правительством. Они привели к подписанию в Аддис-Абебе 2 августа 1928 г. итало-эфиопского «Договора о дружбе, консультациях и арбитраже». В статье 1-й этого трактата говорилось, что «мир и вечная дружба будут существовать между королевством Италия и империей Эфиопия». Обе стороны обязывались не предпринимать в будущем никаких шагов, которые могли бы нанести ущерб независимости и суверенности какой-либо из подписавшихся стран. Одновременно утверждалось, что спорные вопросы будут разрешаться исключительно мирным путем. Договор предполагал также развитие торговли между обеими странами.

Вышеуказанный договор был выгоден прежде всего Италии. Он позволил ей установить более близкие контакты с Эфиопией и создать на ее территории ряд консульств и торговых представительств, главной, если не единственной, задачей которых была шпионская работа. Это дало возможность Италии достаточно хорошо ознакомиться с территорией, где она намеревалась в будущем вести военные действия. Зато для Эфиопии, желавшей сделать из этого трактата еще один, наряду с Пактом Лиги наций, охранительный щит своей независимости, он оказался чисто иллюзорным документом.

В период, когда Эфиопия, подобно тому как это было на рубеже XIX и XX вв., становилась объектом все большей заинтересованности со стороны европейских держав, рас Тэфэри должен был преодолевать большие трудности внутри страны, чтобы провести в жизнь хотя бы часть своих планов. Несмотря на то что еще Теодрос II и Менелик II издали эдикты, запрещавшие торговлю рабами, {445} рас Тэфэри встретил даже по этому вопросу сопротивление со стороны некоторых феодалов, являющихся противниками провозглашения официальной прокламации о ликвидации рабства. Для регента было необходимо издание такой прокламации из

международных соображений, прежде всего учитывая те обвинения, какие по этому вопросу выдвигала английская делегация в Женеве в 1923 г. В 1924 г. рас Тэфэри склонил императрицу Зоудиту издать декрет об уничтожении рабства.

В 1927 г. умер Хабтэ-Гийоргис. Это значительно облегчило политическую позицию раса Тэфэри, у которого было теперь одним серьезным противником меньше. Это укрепило также экономические позиции раса Тэфэри, так как он конфисковал земельные владения Хабтэ-Гийоргиса. В следующем году расу Тэфэри удалось нейтрализовать и другого своего мощного противника — дэджазмача Бальчу, губернатора провинции Сидамо. Именно он больше всего протестовал против декрета об уничтожении рабства. Он не желал также платить налоги центральному правительству. В начале 1928 г. рас Тэфэри вызвал его в столицу для объяснений. Дэджазмач Бальча прибыл, но в сопровождении 10-тысячной армии и расположился лагерем под Аддис-Абебой.

Тогда рас Тэфэри пригласил его на банкет в свою резиденцию; Бальча явился на прием в окружении стражи, состоящей из 600 человек. Во время пиршества к войскам дэджазмача Бальчи направились эмиссары раса Тэфэри во главе с лиуль расом Каса-Хайлу, которые выдали каждому солдату по несколько талеров за их возвращение домой. Получив деньги, солдаты ушли из лагеря. Армия раса Бальчи перестала существовать. Когда тот вернулся с пиршества и увидел, что от его войска не осталось и следа, он отказался от сопротивления и несколько часов спустя сдался расу Тэфэри, приказавшему заключить его в тюрьму. В заключении дэджазмач Бальча находился два года. Позднее он сохранял уже лояльность в отношении властей в Аддис-Абебе, однако у него не было никакой значительной должности.

После ареста раса Бальчи противники раса Тэфэри начали все более группироваться вокруг императрицы Зоудиту, на которую после смерти Хабтэ-Гийоргиса консервативные круги возлагали свои надежды. Определение «консерватизм» относится здесь исключительно к политическому направлению, представляемому этими кругами, так как борьба за власть велась только внутри одного общественного класса — феодалов. Говоря о консерваторах в Эфиопии в межвоенный период, мы имеем в виду прежде всего тех людей, кто являлся противником централизации государственной власти, выдвигая требование почти полной самостоятельности отдельных провинций и областей. Они считали, что в Эфиопии не следует проводить никаких значительных реформ, даже если эти реформы отнюдь не направлены против класса, который они представляли.

До этого времени Зоудиту не включалась активно ни в какие действия, направленные против раса Тэфэри, также относившегося к ней лояльно, впрочем, он не имел другого выхода. Императрица играла в государственной жизни скорее пассивную роль. Однако при ее дворе стал создаваться центр оппозиции против регента, его противники пытались склонить на свою сторону Зоудиту, внушая ей, что рас Тэфэри готовит против нее заговор, намереваясь лишить ее престола. Имеется немало подтверждений, что Зоудиту убедили в этом и она планировала якобы использовать войска Бальчи для свержения регента. Но за отсутствием прямых доказательств подобные предположения следует принимать весьма осторожно.

Подтвердилось, что к лету 1928 г. вокруг императрицы сосредоточились все оппозиционные силы, находившиеся в Аддис-Абебе. Однако регент уже имел военное преимущество в столице. В сентябре его войска окружили императорский дворец и разоружили гвардию Зоудиту. Императрица была фактически отстранена от власти, хотя формально сохраняла императорскую корону.

КОРОНАЦИЯ РАСА ТЭФЭРИ НЫГУСЭ ШОА. БОРЬБА С СЕПАРАТИСТСКИМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ

7 октября 1928 г. в церкви Мэканэ-Сылласе в Аддис-Абебе произошла торжественная коронация раса Тэфэри ныгусэ Шоа. Этот акт предполагал укрепление престижа раса Тэфэри среди народов Эфиопии. {447}

После коронации регент считал себя уже достаточно сильным, чтобы начать осуществление своей программы в более широком масштабе, чем до этого времени. В 1929 г. он пригласил из Бельгии военных инструкторов, которые должны были обучать императорскую гвардию

по европейскому образцу. В том же году он сам назначил 5 эфиопских епископов, положив тем самым начало независимости эфиопской церкви от александрийской патриархии. Однако дальнейшие намерения регента были в большой степени парализованы очередными серьезными внутренними потрясениями, какие принес Эфиопии 1929 г. Произошли бунты в Огадене. На севере восстали галла-азебо. Однако самым значительным вооруженным выступлением, направленным непосредственно против нового ныгусэ, был мятеж раса Гугсы-Уоле.

После провозглашения в 1916 г. его жены Зоудиту императрицей рас Гугса-Уоле по распоряжению высших шоанских сановников должен был покинуть Аддис-Абебу. Позднее он стал губернатором провинции Бэгемдыр. Удаленный от Зоудиту частично вследствие оппозиции раса Тэфэри, опасавшегося, что императрица, имея рядом мужа, может занять очень мощную позицию, рас Гугса-Уоле смертельно ненавидел регента и долгое время собирал силы, чтобы с ним расправиться. Летом 1929 г., посчитав, что восстание галла-азебо благоприятствует его планам, он заявил, что не будет больше платить налогов, так как не признает власти регента. Рас Гугса-Уоле имел в своем распоряжении 10-тысячную армию, хорошо вооруженную итальянцами и англичанами. Положение ныгусэ Тэфэри оказалось трудным, так как значительная часть его войск была выслана для подавления других бунтов. Кроме того, одни из самых могущественных эфиопских феодалов тех времен, рас Сьюм-Мэнгэша из Тигре и рас Хайлу-Тэкле-Хайманот из Годжама, были настроены оппозиционно к ныгусэ Тэфэри. Регент пытался вести с ними переговоры, а тем временем собирал верные себе отряды. В марте 1930 г., сорвав переговоры, рас Гугса-Уоле двинулся по направлению к Аддис-Абебе. Как Англия и Италия поддерживали Гугсу-Уоле, так теперь и Франция оказала помощь центральному правительству, передав Тэфэри боевое снаряжение. Против приближающихся сил раса Гуг-^{448}сы-Уоле регент выслал 20-тысячную армию во главе с военным министром дэджазмачем Мулугетой.

31 марта 1930 г. в местности Зэбит, на границе Бэгемдыра и Уадла, произошла решающая битва. Дэджазмачу Мулугете большую помощь оказали два самолета, пилотируемые французскими летчиками. Сначала они доносили о движении противника, а позже сбрасывали бомбы на войска раса Гугсы, что привело не только к большим потерям в его армии, но и вызвало в ней панику. Большую помощь ныгусэ Тэфэри в период конфликта с расом Гугсой-Уоле оказал назначенный в 1929 г. абунэ Кырыл, заявивший, что эфиопская церковь стоит на стороне регента.

1 апреля 1930 г. артиллерийский салют в Аддис-Абебе возвестил городу о большой победе над расом Гугсой-Уоле. На следующий день внезапно от разрыва сердца умерла императрица Зоудиту. 3 апреля ныгусэ Тэфэри был провозглашен императором Эфиопии под именем Хайле Селассие I. И так, длинный путь раса Тэфэри к захвату полной власти в государстве был закончен. Спустя несколько месяцев произошла торжественная коронация нового императора Эфиопии. ^{449}

Глава XXVI

ЭФИОПИЯ В 1930—1934гг.

КОРОНАЦИЯ ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ I

В конце поры дождей 1930 г. в Аддис-Абебе закончились приготовления к торжественной коронации нового императора. Программа торжественной коронации была подготовлена чрезвычайно старательно. Своим оформлением и традиционным церемониалом она должна была напомнить народам Эфиопии самые великолепные времена империи. Приглашенные из Европы инженеры и техники день и ночь работали над украшением столицы. Вдоль пути, по которому должен был проезжать Хайле Селассие, были построены триумфальные арки. В Аддис-Абебу пригласили представителей всех народов, населяющих Эфиопию. В течение нескольких недель из самых отдаленных концов империи шли в столицу группы людей, боявшихся опоздать на торжества, о которых еще до их начала рассказывали легенды. Говорили, что со времен правления самых могущественных государей в Эфиопии не было такой пышной

коронации, своим великолепием свидетельствующей о могуществе страны. Готовя такие празднества и создавая вокруг них соответствующую атмосферу, императорский двор вовсе не стремился добиться только дешевого внешнего эффекта. Это была глубоко продуманная политическая акция. Хайле Селласие и его советники прекрасно понимали значение символики и традиционного церемониала для эфиопских народов. Огромные суммы денег, истраченные на подготовку празднества, должны были компенсироваться политически и способствовать росту престижа правителя во всей Эфиопии. {450}

На коронацию прибыли официальные делегации многих стран мира и представители прессы.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ

Спустя несколько месяцев после коронации Хайле Селассие I провел самую значительную из своих реформ, огласив 16 июля 1931 г. конституцию Эфиопии. Для населения империи это было событие неожиданное, почти как гром среди ясного неба, так как оглашенная конституция формально ограничивала власть императора, создавая парламент, санкционируя существование правительства и становясь юридической основой для деятельности государственных властей. Мировое общественное мнение только за одно это мероприятие вписало имя Хайле Селассие I в список наиболее прогрессивных правителей, якобы умеющих использовать традиции европейского парламентаризма для модернизации своей страны.

Интерпретации такого рода, часто повторяемые в различных работах, посвященных новейшей истории Эфиопии, поверхностны и являются следствием попросту незнания реальной политической жизни этой страны. Думается, что и общественное мнение внутри страны не сумело полностью сориентироваться в сущности новой конституции. С формальной точки зрения введение конституции в стране, имеющей такие длительные традиции неограниченной императорской власти, было действительно небывалым фактом. Однако нельзя ограничиться здесь только формальной точкой зрения. При анализе мотивов, которыми руководствовался Хайле Селассие I, вводя конституцию, и целей, которым она должна была служить, следует прежде всего учитывать внутреннюю ситуацию в стране. Приход к власти Хайле Селассие I не означал, конечно, что с этого момента он сможет уже легко проводить в жизнь все свои начинания. Объективно существующие факторы¹, дезинтегрирующие страну, такие, как этнические и религиозные различия или политические амбиции отдельных крупных феодалов, которые, основываясь {451} на местных сепаратистских тенденциях, противились объединению страны и централизации государственной власти, вновь и вновь создавали трудности в политике, проводимой императором. Осуществление политики центрального правительства было затруднено еще потому, что в большинстве районов действовало только обычное неписаное право, которое еще более разделяло области и благоприятствовало сепаратистским тенденциям. В этой ситуации необходимо было срочно издать единые для всего государства юридические распоряжения и законы, на которые могла бы опираться центральная власть. Одновременно император стремился укрепить позиции собственной династии, а это тоже был сложный вопрос, принимая во внимание политические тенденции, существовавшие в некоторых провинциях, таких, как Годжам, где его продолжали считать ныгусэ Шоа, или Тигре, где довольно широко было распространено мнение, что права на императорский престол имеют только потомки Йоханныса IV. В этой ситуации конституция, которая бы санкционировала права шоанской династии на императорский престол Эфиопии, могла стать для Хайле Селассие I очень выгодным орудием во внутренней политике, одновременно укрепляя его позицию в глазах мирового общественного мнения как просвещенного и либерального правителя.

Конституция состояла из 55 статей. Статьи 1 и 2 подтверждали единство эфиопских народностей, которые «создают один эфиопский народ», и неделимость территории страны. Эти положения были направлены против всякого рода сепаратистских тенденций. В следующей статье говорилось, что «звание императора останется навсегда связано с династией Хайле Селассие I, потомка ныгусэ Сахле-Сылласе, который по прямой линии происходит из династии

¹ См.: Левин И. Современная Эфиопия. Социальные сдвиги и политические реформы. М.—Л. 1936. — Прим. ред.

Менелика I, сына царицы Савской и царя Соломона из Иерусалима». В пятой, очень знаменательной статье утверждалось, что «особа императора священна в силу его императорской крови и в силу полученного помазания. Его достоинство ненарушаемо, а его власть не может быть подвержена сомнению. Он имеет право на различные почести, которые признает за ним традиция {452} и данная конституция. Если кто-либо осмелится оскорбить императора, будет наказан».

Важным положением конституции было введение парламента. Он должен был состоять из двух палат: сената и палаты депутатов. Сенат состоял из самых крупных феодалов, отличившихся на императорской службе, министров, судей и высших офицеров. Членов сената назначал император. В палату депутатов входили местные племенные вожди, а также представители мэкуаннентов, также назначаемые императором. Парламент не имел права принимать никаких решений вопреки воле императора. Конституция предполагала также создание совета министров. Совет министров назначался императором и только перед ним был ответствен. Фактическая исполнительная власть не вверялась министрам. Они имели только совещательный голос. Полная законодательная и исполнительная власть находилась в руках императора. Конституция регулировала также вопросы судопроизводства, гражданских прав и государственного бюджета. Одной из важных статей конституции была статья, в которой утверждалось, что ни один подданный императора не может быть арестован, осужден и заключен в тюрьму без соответствующей судебной процедуры. Несомненно, положительным была проведенная в конституции унификация правовых положений, составляющих основу государственного строя. Зато введение парламента не имело большого значения для демократизации политических отношений в Эфиопии. Фактически он представлял только форум для публичных выступлений императора.

В результате введение конституции не только не ограничило власть императора, но, напротив, ее очень укрепило. Авторитет Хайле Селассие I и его династии был теперь основан на самом высшем в стране юридическом акте, обязательном для всех ее жителей. С точки зрения государственных интересов Эфиопии введение конституции, узаконившей централизацию государственной власти, подчеркивавшей единство и неделимость страны, было, несомненно, необходимым актом, укрепившим политическое устройство государства. Однако не следует забывать, что конституция была введена прежде всего в интересах шоанской династии. Думается, что в политической {453} ситуации того времени это соответствовало интересам всего эфиопского государства, для которого было необходимо утвердить авторитет центральной власти в противовес сепаратизму феодалов. Ведь нельзя было серьезно думать о дальнейшем росте могущества государства без сильной центральной власти. Следует подчеркнуть, что конституция 1931 г. дала Хайле Селассие I такие основы власти, которые не имел ни один эфиопский император со времен средневековья.

При оценке конституции 1931 г. обманчивы всякие аналогии с Европой. Эта конституция вместо ограничения власти императора ее сильно укрепила. Вместе с тем Хайле Селассие I предполагал, что путем введения конституции укрепит его авторитет и на международной арене как наиболее просвещенного и прогрессивного правителя.

ПОПЫТКА СВЕРЖЕНИЯ ИМПЕРАТОРА

Спустя несколько месяцев после введения конституции политическая оппозиция во главе с лиуль расом Хайлу-Тэкле-Хайманотом предприняла попытку свержения Хайле Селассие I. Для этой цели лиуль рас Хайлу-Тэкле-Хайманот решил использовать все еще находившегося в тюрьме в Фыче под надзором раса Касы-Хайлу бывшего правителя Эфиопии Лиджа-Иясу. Когда в мае 1932 г. лиуль рас Каса-Хайлу выехал в Аддис-Абебу на свадьбу наследника престола мэрыд азмача Асфа-Уосэна, лиуль Хайлу-Тэкле-Хайманот организовал побег Лиджа-Иясу. Губернатор Годжама обещал ему помощь в возвращении престола ныгусэ нэгэст. Лиджа-Иясу, находясь в тюрьме уже 11 лет, все еще надеялся вернуть себе престол. Поэтому он охотно принял предложение лиуль раса Хайлу-Тэкле-Хайманота. Стража, охранявшая Лиджа-Иясу, была подкуплена, и ей обещали большие льготы в Аддис-Абебе, когда он вернет себе престол императора. В тот день, когда в столице происходили свадебные торжества наследника пре-

стола, Лидж-Иясу бежал. Посланники лиуль раса Хайлу-Тэкле-Хайманота начали распространять слухи среди мусульманского населения, будто бы Лидж-Иясу, когда снова станет ныгусэ нэгэст, предоставит им {454} особые привилегии. Одновременно они пытались повысить популярность Лиджа-Иясу и среди христиан, распространяя весть, что было знамение, выражающее волю бога, чтобы Лидж-Иясу вернулся к власти. Вначале заговорщикам все удавалось. Известие о побеге Лиджа-Иясу пришло в Аддис-Абебу лишь спустя несколько дней. В столице царило замешательство, поскольку никто не думал о возможности заговора. Пока не знали также, кто поддерживает Лиджа-Иясу. Однако ситуация прояснилась быстро. Фитаурари Гиндо, один из наиболее доверенных людей раса Хайлу-Тэкле-Хайманота, посланный им на помощь Лиджу-Иясу, собрав все сведения о заговоре, направил информацию обо всем в Аддис-Абебу. Видимо, рас Хайлу-Тэкле-Хайманот, человек очень богатый, не выслал вовремя Гиндо денег. Тогда последний, не желая больше ждать, решил быстро оставить заговорщиков и проявить лояльность в отношении Хайле Селассие I, информируя его обо всем. Теперь в столице все стало известно. Рас Хайлу-Тэкле-Хайманот немедленно был арестован после короткой стычки с его личной гвардией. Против Лиджа-Иясу выступил рас Дэста-Дамтоу вместе с отрядами, данными ему в помощь расом Каса-Хайлу. Битва со сторонниками Лиджа-Иясу произошла в Гындэ-Бэрэте и закончилась их поражением. Неудачливый претендент на престол бежал в Годжам, где вопреки ожиданиям не получил помощи. Когда он оказался в округе Ли-бэн, управляемом фитаурари Гэссэсэ-Бэлоу, последний арестовал Лиджа-Иясу и передал его расу Дэста, который перепроводил Лиджа-Иясу в столицу. Отсюда Лидж-Иясу был выслан в заключение в Гара-Мулета. Заговор лиуль раса Хайлу-Тэкле-Хайманота был поддержан Италией, которая, планируя захват Эфиопии, подогревала в своих интересах сепаратистские тенденции. Италия рассчитывала также на Лиджа-Иясу как на возможного предводителя мусульманского населения, которое можно было использовать против Хайле Селассие I. Три года спустя Лидж-Иясу умер при невыясненных обстоятельствах. Ходили слухи, что он был отравлен. 1 июля 1932 г. произошел суд над лиуль расом Хайлу-Тэкле-Хайманотом. Он был приговорен к смерти. Император, опасаясь, что исполнение приговора еще более усилит {455} сепаратистские тенденции в Годжаме, где род Тэкле-Хайманота пользовался большим авторитетом, заменил смертный приговор заключением в тюрьму. Раса Хайлу посадили в тюрьму на одном из островов озера Звай. 20 сторонников Лиджа-Иясу повесили на главных дорогах, ведущих в Аддис-Абебу. Император назначил раса Ымру (Имру) правителем Годжама.

Именно в момент заговора раса Хайлу-Тэкле-Хайманота и Лиджа-Иясу император осуществлял план нейтрализации нежелательных ему настроений в провинции Тигре. Он попытался достичь этой цели путем брака своих детей с представителями могущественных тигрейских родов. Наследник престола мэрыд азмач Асфа-Уосэн женился на Уолетэ-Ысраэль, дочери лиуль раса Сьюма-Мэнгэши. В это же время дочь императора принцесса Зэннэбэ-Уорк вышла замуж за дэджазмача Хайле-Сылласе-Гугсу, сына лиуль раса Гугсы-Арая, потомка Йоханныса IV. Однако этот последний брак не имел никакого положительного политического значения для императора, так как Зэннэбэ-Уорк вскоре умерла, а сам Хайле-Сылласе-Гугса занимал все более враждебную позицию в отношении своего тестя, особенно тогда, когда последний не пожаловал ему новых земель и титул раса.

ВНУТРЕННИЕ РЕФОРМЫ. ОБРАЗОВАНИЕ

Став императором, Хайле Селассие I начал осуществление внутренних реформ, планировавшихся еще в тот период, когда он был регентом. Приглашенные из Швеции и Бельгии инструкторы занялись обучением императорской гвардии и полиции. Началось строительство новых дорог. Был установлен более строгий, нежели ранее контроль центрального правительства над отдельными провинциями. Наконец, в столицу со всех концов страны начали поступать относительно регулярно налоги, что позволяло думать о новых инвестициях. В 1931 г. существовавший в Аддис-Абебе с 1905 г. банк, находившийся под иностранным контролем, был преобразован в государственный банк. В состав нового правления банка вошли 6 эфиопов и 4 иностранца. Чтобы наладить работу важнейших министерств, император пригласил из Европы много специа-{456}листов на должности различных советников. Были созданы особые

комиссии, которые должны были контролировать исполнение указа о ликвидации рабства. Особенно срочной задачей для Эфиопии было развитие службы здоровья. До 1930 г. во всей стране имелось лишь несколько врачей.

Ни одна значительная реформа, касающаяся реорганизации государственной администрации или же модернизации экономики страны, не могла быть осуществлена без собственных квалифицированных кадров специалистов. Поэтому развитие образования должно было стать первоочередной задачей. Хайле Селассие I придавал огромное значение этой проблеме, тем более что положение в этой области было почти катастрофическое. До самого начала XX в. обучение находилось исключительно в руках духовенства. Существовало много школ при церквях и монастырях, но обучение там велось главным образом на классическом, уже мертвом, языке геэз. Программа этих школ ограничивалась богословской литературой. Согласно статистическим данным, в первой половине XIX в. в амхарских районах центральной Эфиопии умело читать 20% мужского населения. Наряду с начальными школами существовали школы высшей ступени, но их было совсем мало. Светское образование начало получать развитие лишь в период правления Менелика II. В 1908 г. в Аддис-Абебе была создана первая государственная школа имени Менелика II. Почти одновременно возникла вторая государственная школа в Харэре. В их программу входило обучение французскому, итальянскому, английскому и амхарскому языкам, а также физике, химии, математике, истории и географии. В начале XX в. в Эфиопии начали также открываться многочисленные миссионерские школы. Очередным этапом в развитии образования было основание в 1925 г. в Аддис-Абебе лицея имени Тэфэри-Мэконнына. В 1930 г. в Аддис-Абебе был открыт Институт художеств имени Хайле Селассие I, а в следующем году — школа для девочек. В 1934 г. в столице было открыто училище, готовившее учителей. Наряду с Аддис-Абебой школы появились и в некоторых провинциальных городах: в Дэссе в 1928 г., в Горе в 1928 г., в Джиджиге в 1929 г., в Лекэмте в 1929 г., в Асбэ-Тэфэри {457} в 1931 г., в Джимме в 1932 г., в Гондэре в 1934 г. В 1935 г. новые школы открылись также в Адуе, Сэлале, Мэкэле. Накануне итальянской агрессии в Эфиопии существовало 30 государственных неполных средних и средних школ. Определенное число студентов посылалось за границу. Кроме развивающегося светского образования, продолжали существовать школы при церквях и монастырях. Численность их трудно определить. Во всяком случае, их насчитывалось несколько тысяч.

Наряду с развивающимся образованием большую роль в формировании государственного и национального самосознания сыграла амхарская литература и пресса. Хайле Селассие I, понимая значение развития национальной литературы в создании современного облика Эфиопии, поддерживал ее развитие.

В 1920 г. стараниями раса Тэфэри-Мэконнына в Аддис-Абебе была открыта типография под названием «Свет и мир», начавшая печатать книги, а с 1923 г. — и периодические издания. Наряду с «Курьер д'Этиопи», основанным в 1913 г. и издаваемым вначале в Европе, в межвоенный период возникает также несколько других периодических изданий, таких, как упоминаемый уже «Свет и мир» и «Предвестник света».

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Не прошло и полвека со времени появления эфиопской литературы на амхарском языке, а в Эфиопии появились уже совершенно новые литературные жанры, правда сосуществовавшие с традиционными. Их развитию способствовали как все более расширяющиеся контакты с Европой, так и строительство типографий, позволивших выйти письменному слову за очень узкий круг возможных читателей рукописных книг. Появление газет, открытие типографий, тенденция к модернизации государства и контакт с внешним миром расширили почти автоматически как круг людей пишущих, так и круг людей читающих. Лишь недавно начали собирать и описывать эфиопские «инкунабулы» — первые печатные издания. В Европе к инкунабулам относят первопечатные книги, появившиеся до 1501 г. Для Эфиопии 1936 г. {458} нят за дату, до которой каждая изданная книга определяется как инкунабула. Недавно начатые работы по описанию эфиопских инкунабул представляют известные трудности. Не простой также вопрос воссоздания истории возникновения печатного дела в Эфиопии. Если

известно, что первая государственная типография начала функционировать в Аддис-Абебе в 1911 г., то почти забыты основанные уже в 80-х годах XIX в., преимущественно на территории Эритреи, малые миссионерские и частные типографии. Более известна из первых типографий типография шведской миссии в Монкулло (Северная Эфиопия), в которой была напечатана одна из самых первых амхарских книг — грамматика языка геэз, написанная по-амхарски эфиопом Тайе-Гэбрэ-Марьямом (1889 г.). С этого времени вплоть до 1936 г. в Эфиопии вышло свыше 220 книг. Среди них первый в истории эфиопской литературы роман «Лыбб уоллед тарик» — «Выдуманная повесть», пера Афэ-Уорка-Габрэ-Ийесуса.

Примерно с 20-х годов число эфиопских печатных изданий заметно увеличивается. Тематика этих книг и брошюр хорошо отражает происходящие в Эфиопии изменения. Так, появляются первые эфиопские учебники, как, например, учебник арифметики, написанный Гэбрэ-Крыстос-Тэкле-Хайманотом и изданный в Аддис-Абебе в 1921 г.; брошюры, популяризирующие знания о современном мире, а также и серьезные работы в этой области (например, брошюра фитаурари Тэкле-Хауарьята-Тэкле-Марьяма о сельском хозяйстве, изданная в 1920 г.; описание географии мира пера Уоркнэха-Ышэту от 1927 г.; несколько грамматик амхарского языка; издания, посвященные организации государства и т. п.). Был отпечатан в типографии и текст конституции — несомненно, одна из важнейших эфиопских инкунабул.

Наряду с современными течениями в литературе значительную, если не львиную, часть составляют традиционные формы и содержание. Так, много издается книг религиозного и религиозно-нравоучительного характера, таких, как Старый и Новый завет, псалмы и пр. Многочисленны также биографическо-исторические работы. По примеру прежних правителей Эфиопии у Хайле Селассие также был собственный биограф. Выходят из печати {459} описания заграничных путешествий императора и его жены пера блаттенгеты Хыруй-Уольдэ-Сылласе.

Эфиопская живопись идет по пути развития «формально-тематического» стиля, появившегося еще в XIX в. Как и прежде, развивается настенная живопись, украшающая старые и новые церкви. Здание парламента — выражение современных изменений в государственной администрации — в соответствии с традиционным обычаем украшено росписями и картинами. Среди художников, чьи картины украшали внутренние помещения парламента, следует отметить, в частности, ато Бэлачоу-Ымру, священника Мэзмур зе-Давит из Годжама, создавшего для парламента огромное полотно, изображающее коронацию императора Хайле Селассие I и ытеге Мэнэн. Священнослужитель из Уолло Уольдэ-Мэдхын в своих полотнах обращается к исторической тематике. Он воссоздает историю Йикуно-Амлака и абунэ Тэкле-Хайманота, изображает ныгусэ Сахле-Сылласе, принимающего иностранные делегации. Бэхайлу-Гэбрэ-Марьям из Тигре, получивший образование в монастырских художественных школах в Гондэре, изображает главным образом батальные сцены и сцены охоты. Из-под кисти Йоханныса-Тэсэммы из Годжама выходят полотна, изображающие повседневную жизнь. Художники охотно продолжали создавать большие циклы, состоящие иногда из нескольких десятков отдельных сцен или картин, расположенных рядом, на одном полотне, и представляющих, например, легенду о царице Савской, Соломоне и Менелике I.

Многие полотна эфиопской живописи, относящиеся к первым десятилетиям нашего столетия, сегодня можно увидеть, не посетив Эфиопию. Скупаемые европейцами, они находятся в различных музеях мира. Многочисленные творения эфиопской живописи, привезенные русским путешественником врачом Кохановским, находятся в Ленинграде. Много картин находится также в Париже, Женеве, Лондоне, в Италии и Швеции.

Уже в тот период молодое поколение эфиопских художников выезжало учиться в европейские академии изящных искусств. Здесь следует подчеркнуть, что еще не создана систематическая работа по истории эфиопского искусства. В отдельных статьях можно встретить {460} имена художников, с которыми встречались европейские путешественники, но это случайные упоминания, зато полностью отсутствуют какие-либо работы о монастырских центрах изящных искусств, поэтики, музыки и танца. Стоит об этом упомянуть, так как быстрые изменения, которые произошли и происходят в эфиопской культуре в период после войны 1935—1941 гг., отодвигают на задний план традиционную культуру.

ЭФИОПИЯ НАКАНУНЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ АГРЕССИИ

Прошло всего несколько лет с момента прихода к власти Хайле Селассие I, когда над Эфиопией нависла большая опасность извне. Она исходила со стороны фашистской Италии. С начала 30-х годов в правящих кругах Италии все яснее проявляется стремление к реализации планов, выдвинутых еще в XIX в., — соединении Эритреи и Итальянского Сомали путем захвата Эфиопии. Осуществление этого проекта должно было привести к созданию единой территории итальянских колониальных владений в Северо-Восточной Африке. Уже в 1927 г. фашистский диктатор Италии Муссолини начертал широкую программу внешней политики, реализация которой представляла угрозу и независимости Эфиопии. А в речи, произнесенной 27 мая в палате депутатов, Муссолини заявил, что основная обязанность фашистской Италии — это подготовка всех вооруженных сил: на суше, на море и в воздухе. Только мощная армия позволит завоевать Италии соответствующее ей место в мире.

Уже в 1932 г. в Эритрее и Сомали велась подготовка к войне против Эфиопии. Итальянское министерство колоний отдало приказ о тайной мобилизации местного населения в возрасте от 18 до 25 лет. Подобная подготовка началась также на территории Ливии. В начале января 1933 г., давая инструкции вновь назначенному послу Италии в Эфиопии графу Луиджи Винчи, Муссолини заявил, что верит в успех предполагаемой итальянской военной операции против Эфиопии. Он отметил, что военные эксперты под руководством генерала де Боно изучили уже планы военных действий. Однако пока послу поручалось отвергать все подозрения о военных планах {461} Италии, подчеркивая мирный характер намерений в отношении Эфиопии.

Окончательное решение о нападении уже в ближайшее время на Эфиопию оформилось в Риме в 1934 г. Его держали в тайне, не желая возбуждать против себя международное общественное мнение. Италия хотела до начала военных действий развязать себе руки в Европе путем заключения соответствующего соглашения с Францией, ликвидирующего итало-французские противоречия в Африке. Итальянцы очень старательно изучили территорию предстоящих военных действий. Немалые заслуги в этой области имел военный атташе Италии в Аддис-Абебе полковник Руджиеро, организовавший в Эфиопии специальную разведывательную сеть. Психологической подготовкой международного общественного мнения к будущей войне должны были служить широко распространяемые итальянской пропагандой слухи о военных стычках на границах Эфиопии с Эритреей и с Сомали. Такие стычки действительно имели место, но были спровоцированы итальянской стороной. О методах, какими пользовалась итальянская пропаганда, желавшая дискредитировать Эфиопию, лучше всего свидетельствует так называемый инцидент в Гондэре, который итальянская пресса изображала как небывалую угрозу итальянским интересам в Эфиопии. Дело в том, что в Гондэре существовало итальянское консульство. Консул поддерживал хорошие отношения с местными властями и населением. В консульстве работала некая красивая эфиопская девушка. Она флиртовала одновременно с охранником консульства и с одним полицейским из города. Когда последний узнал о своем сопернике, он собрал друзей и застрелил охранника, не причинив при этом зла никакому другому сотруднику консульства. Это типичное убийство из ревности итальянское министерство иностранных дел определило как «кровавый инцидент» в Гондэре.

Одновременно с пропагандистскими действиями итальянцы усилили в 1934 г. военные приготовления. Были расширены существующие и созданы новые аэродромы в Эритрее и Сомали; перестроены порты в Массауа в Эритрее и в Могадишо в Сомали, их приспособляли к приему крупных транспортов; улучшены дороги, ведущие к границам Эфиопии. Была продолжена уже существующая в Эритрее железная дорога, чтобы обеспечить более быструю переброску войск с побережья к границе Эфиопии. Таким образом, в конце 1934 г. подготовка войны против Эфиопии как в военном отношении, так и с точки зрения пропаганды была уже в полном разгаре.

Перед лицом итальянской военной угрозы Хайле Селассие I пытался укрепить международное положение своей страны. Рассчитывая все еще использовать для защиты суверенитета Эфиопии старые конфликты между традиционными колониальными державами, главным образом возлагая надежды на дружественную Францию, Хайле Селассие I попытался также установить контакты со странами, которые до этого времени не интересовались Эфиопией. Это дало бы императору большую свободу действий на международной арене. Сама концепция, конечно, была правильной и дальновидной. Однако для ее проведения в жизнь уже не хватало

времени. Накануне войны Эфиопия сумела установить контакты лишь с двумя странами, не считая ее прежних иностранных партнеров. Это были Япония и Польша. Наибольшее практическое значение имели для Эфиопии контакты с Японией, которая уже в начале 30-х годов стала наиболее сильным торговым партнером Эфиопии. В 1934 г. импорт японских товаров в Эфиопию превышал общую сумму эфиопского импорта из других стран, таких, как Англия, Франция, Германия, Италия, США и Египет, до этого бывших наиболее значительными торговыми партнерами Эфиопии. В том же году в Токио был заключен японо-эфиопский договор, предусматривавший эмиграцию в Эфиопию некоторого числа японских граждан.

26 декабря 1934 г. в Париже был подписан польско-эфиопский «Трактат о дружбе, торговле и переселении». Этот договор подписал, с одной стороны, посол Эфиопии во Франции Тэкле-Хауарьят, с другой — польский посол в Париже Альфред Хлаповски.

Договор содержал четыре статьи, в которых подчеркивалось, что между обеими странами сохраняются дружественные и мирные отношения и что обе стороны обмениваются дипломатическими и торговыми представительствами. Гарантировался также принцип наибольшего {463} благоприятствования в торговле, в таможенной и эмиграционной политике. В связи с обострением итало-эфиопских отношений этот договор не вступил в силу.

Как видно из вышеуказанных примеров, перед лицом итальянской угрозы эфиопская дипломатия оказалась способной искать пути выхода, не ограничиваясь только ожиданием помощи со стороны традиционных соперников Италии в Северо-Восточной Африке. Не имея собственной военной промышленности, эфиопское правительство вынуждено было закупать оружие в других государствах. По этому вопросу велись переговоры, в частности, с Бельгией, Швецией, Чехословакией и Польшей. Эфиопии удалось закупить немного оружия только в Бельгии и Швеции и еще меньше — в Чехословакии, а также у некоторых частных фирм. В результате накануне итальянской агрессии эфиопская армия была вооружена очень слабо и располагала крайне устаревшим вооружением времен XIX в.

ИНЦИДЕНТ В УОЛЬУОЛЕ (УАЛ-УАЛ)

К концу 1934 г. итало-эфиопские отношения значительно обострились. Происходили все более частые пограничные инциденты. Итальянские провокации, а также набеги данакильских и сомалийских племен как с итальянской, так и с эфиопской территории облегчались тем, что еще со времен завоеваний Менелика II границы Эфиопии с колониальными владениями европейских держав никогда не были точно определены в связи со спецификой пустынной территории, где просто не хватало постоянных пограничных пунктов.

В 1934 г. итальянцы все чаще делали попытки оккупировать отдельные эфиопские территории, расположенные, согласно оценкам эфиопских властей, даже на несколько десятков километров от границы. Итальянская сторона объясняла, что по находящимся в их распоряжении картам эти местности принадлежат Сомали. Неуточнены были также границы Эфиопии с британскими владениями. Эфиопское правительство, желая окончательно ликвидировать пограничные инциденты, пока по крайней мере с Великобританией, попыталось более точно определить {464} границы с Британским Сомали. Была создана специальная эфиопско-английская пограничная комиссия во главе с подполковником Клиффордом с английской стороны и фитаурари Тэсэмма-Банте — с эфиопской. 23 ноября 1934 г. комиссия прибыла в оазис Уольуоль, расположенный в 30 км от местности Адо. Уольуоль находился в глубине эфиопской территории, более чем в 100 км от границы Эфиопии с Итальянским Сомали. Комиссию охранял отряд эфиопских солдат во главе с фитаурари Шифэррау. После прибытия в Уольуоль комиссия неожиданно увидела находившийся там итальянский отряд численностью около 250 человек. Эфиопские солдаты заняли позицию напротив итальянцев вблизи источников воды. 25 ноября английские и эфиопские члены комиссии в связи с присутствием итальянских солдат переехали из Уольуоля в Адо. На месте остался только эскорт, соблюдавший осторожность по распоряжению из Аддис-Абебы, чтобы не дать возможности спровоцировать военный конфликт. В течение нескольких дней длилось состояние выжидания. Командир итальянского отряда Чиммарута и не думал покидать оазис. Наконец 5 декабря произошел инцидент, известный позднее под названием «инцидент в Уольуоле».

Согласно эфиопской версии, в 15 ч. 30 мин. 5 декабря итальянский отряд неожиданно открыл огонь по эфиопским солдатам. Итальянцы использовали танки, на помощь им прилетели даже самолеты. Много эфиопов погибло, в том числе фитаурари Алемайеху. Итальянцы пытались возложить ответственность за инцидент на эфиопов, утверждая, что это они начали стычку. Трудно утверждать, с какой стороны раздался первый выстрел. Для оценки этого события это не имеет, однако, ни малейшего значения, поскольку известно, что провокация большого пограничного вооруженного конфликта была исключительно в интересах итальянцев, любой ценой искавших предлога к войне. Аддис-Абеба, по понятным соображениям, делала все, чтобы не дошло до войны. Кроме того, итальянский отряд незаконно находился в местности, расположенной на территории Эфиопии, что подтверждал также полковник Клиффорд. {465}

События в Уольуоле явились непосредственным поводом для начала пока только «дипломатической» итало-эфиопской войны. 14 декабря 1934 г. министерство иностранных дел Эфиопии информировало генерального секретаря Лиги наций об инциденте, утверждая, что прежние дипломатические попытки, которые предприняло эфиопское правительство для урегулирования спора непосредственно с итальянским правительством, не дали результатов. Информировав Лигу наций о нарастающем конфликте, а также о том, что итальянское правительство не проявляет даже желания к мирному урегулированию конфликта, Хайле Селассие I очень рассчитывал на помощь Лиги наций в защите суверенитета Эфиопии. В ответ на дипломатическую акцию Эфиопии итальянцы сразу же начали в широком масштабе пропагандистскую кампанию, пытаясь возложить всю ответственность за начало конфликта на эфиопскую сторону. Одновременно итальянское правительство пыталось получить поддержку Франции своим экспансионистским планам в Африке. Эти усилия увенчались успехом. Страх французского правительства перед всевозрастающей агрессивностью внешней политики Германии и перед возможностью итало-германского соглашения привел к отказу Франции от собственных политических амбиций в Северо-Восточной Африке в обмен на получение поддержки со стороны Италии в ее среднеевропейской политике.

В результате 7 января 1935 г. состоялось подписание так называемого римского пакта, или же иначе «договора Лаваль — Муссолини», в результате которого Италия получала свободу действий в Эфиопии, хотя по этому вопросу не было опубликовано официального заявления. Кроме того, Франция уступала Италии 114000 км² территории, прилегающей к южным границам Ливии, 800 км² на границе Эритреи и острова Думейра и передавала итальянскому правительству 20% акций железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. Взамен этого, кроме поддержки европейской политики Франции, итальянская сторона заявила, что уже не имеется никаких спорных проблем между Италией и Францией на территории Африки.

Договор Лаваль — Муссолини стал важным этапом по пути осуществления итальянского плана завоевания Эфиопии. Римские переговоры Лавалья совпали по времени с дальнейшим обострением итало-эфиопских отношений. Следующие после событий в Уольуоле вооруженные инциденты, имевшие место в конце декабря 1934 г. на границе Эфиопии с Итальянским Сомали, послужили причиной обращения правительства Эфиопии в Лигу наций с просьбой рассмотреть их на основе статьи 11 Пакта Лиги наций. С точки зрения Женевской процедуры это было очень важно, так как эта статья обязывала Совет Лиги наций предпринять конкретные действия в случае угрозы миру. Эфиопское правительство все еще рассчитывало в Женеве на поддержку Франции. Однако вскоре оно убедилось, насколько обманчивы на этот раз были эти расчеты. {467}

Глава XXVII

ИТАЛО-ЭФИОПСКИЙ КОНФЛИКТ В ЛИГЕ НАЦИЙ

ЭФИОПСКАЯ ПРОБЛЕМА В ЛИГЕ НАЦИЙ

События в Уольуоле положили начало так называемой «женевской фазе» итало-

эфиопского конфликта. После внесения 3 января 1935 г. в Лигу наций эфиопским правительством протеста против действий Италии итальянское правительство из тактических соображений предложило разрешить спор путем непосредственных переговоров между обоими заинтересованными государствами. Предложение Рима встретило поддержку Парижа. После заключения римского пакта Франция проводила политику доброжелательного нейтралитета в отношении итальянских действий в Северо-Восточной Африке. Лондон, хотя совершенно по другим соображениям, также положительно отнесся к предложению о двусторонних переговорах. Великобритания обольщалась еще надеждой, что удастся предотвратить итальянскую агрессию в Африке, создающую угрозу интересам Британской империи в зоне Суэцкого канала и в районе истоков Нила. В результате обе эти державы благосклонно отнеслись к итальянским предложениям о том, чтобы конфликт был улажен в соответствии с итало-эфиопским договором от 1928 г., предусматривавшим решение всяких споров между странами — участниками договора с помощью мирных средств и путем непосредственных консультаций между ними. Как оказалось позднее, со стороны фашистской дипломатии это было лицемерное и демагогическое заявление, рассчитанное только на выигрыш времени. Однако пока в женевских кругах надеялись, что удастся избежать войны. В этой ситуации делегат Эфиопии в Лиге наций Тэкле-Хауарьят 11 января взял обратно жалобу своего правительства. В этот период в Женеве Тэкле-Хауарьят проявил настоящий дипломатический талант. Он пользовался большой симпатией в дипломатических и журналистских кругах.

Одновременно с изъятием эфиопским правительством просьбы об обсуждении конфликта с Италией в Совете Лиги наций как эфиопское, так и итальянское правительство сделали в Женеве заявление, объясняющее их позиции в отношении конфликта. Оба правительства официально согласились решить спор в соответствии со статьей 5 итало-эфиопского договора 1928 г. Совет Лиги наций принял резолюцию по вопросу итало-эфиопского конфликта, подтверждающую, что в случае новых итало-эфиопских конфликтов этот вопрос будет поставлен на очередной сессии Совета Лиги. На этом завершился вступительный этап итало-эфиопской борьбы на женевской арене. Несомненно, Италия одержала успех, ей удалось не допустить включения жалобы Эфиопии в повестку дня Совета Лиги наций в тот момент, когда все открывшее велась подготовка к войне в Африке.

Уже назначение 10 января генерала Эмилио де Боно, прежнего министра колоний, верховным комиссаром в Восточной Африке свидетельствовало, что итальянское правительство вступает в последнюю фазу подготовки к войне. Предполагалось, что де Боно станет командующим итальянских войск в Африке в случае вооруженного конфликта. Назначенный верховный комиссар в тот же месяц прибыл в Эритрею, где под его непосредственным контролем велось ускоренное строительство в Массауа, а также строительство новых аэродромов и дорог. Были также значительно ускорены работы по приспособлению для военных целей коммуникаций в Сомали и порта Могадишо. В феврале 1935 г. из Италии в Эритрею начали прибывать первые большие военные транспорты. Все это не предвещало хороших перспектив затягиваемым без конца итало-эфиопским переговорам, тем более что на границе Эфиопии вновь участились военные инциденты, провоцируемые итальянцами. Публикуемые сообщения итальянской прессы также свидетельствовали уже ясно о намерениях фашистского правительства: «Верховный {469} фашистский совет с энтузиазмом приветствует, — читаем в сообщении, — военные распоряжения, изданные в последнее время с целью обеспечения безопасности и мира нашим восточноафриканским колониям». Верховный фашистский совет, читаем дальше, «посылает свои братские поздравления отрядам, которые уже отправились, и тем, которые отправятся в Африку, и уведомляет народ, что были предприняты все возможные средства, чтобы вооруженные силы еще увеличили свою готовность». Как видим, итальянские правительственные круги, все сделавшие уже к началу войны против Эфиопии, пытались еще цинично внушать международному общественному мнению, что они действуют для защиты границ своих владений в Африке.

Тем временем, к несчастью для Эфиопии, международная ситуация развивалась все более выгодно для Италии. Проведенный в январе 1935 г. в Сааре плебисцит принес победу сторонникам присоединения этой территории к Германии. Этот факт был дополнительным импульсом для гитлеровской пропаганды, которая начала еще более оживленную кампанию, добиваясь возврата всех земель, на которые Германия имела претензии после Версальского дого-

вора. В марте 1935 г. немецкое правительство ввело всеобщую воинскую повинность, нарушая, таким образом, положения Версальского договора по этому вопросу. Эти события на некоторое время отодвинули в тень другие международные проблемы, в том числе и эфиопский вопрос.

В этих условиях 17 марта эфиопское правительство проинформировало генерального секретаря Лиги наций о мобилизации итальянцами дополнительных дивизий и о военных приготовлениях Италии в Африке, а также указало, что непосредственные переговоры фактически прекратились. Эфиопское правительство, информируя о предпринятой Италией мобилизации, о посылке в Африку все более многочисленных войск и военных материалов, просило Лигу наций провести полное расследование, предусмотренное статьей 15 Пакта Лиги наций, подчеркивая, что итальянские военные приготовления находятся в противоречии как с итало-эфиопским договором 1928 г., так и с резолюцией, принятой Советом Лиги 19 января. Одновременно Эфиопия заявляла, что готова и дальше решать спорные проблемы с Италией путем арбитража.

Заявление Эфиопии, совпавшее по времени с введением всеобщей воинской повинности в Германии, не могло произойти в более неподходящей для Эфиопии международной ситуации и прошло почти незамеченным общественным мнением и европейскими правительствами. Правда, Великобритания была все более обеспокоена военными приготовлениями Италии, но перед лицом опасности со стороны Германии и она не спешила выступить против Италии, которая со времени Версальского договора 1919 г. и конференции в Локарно 1925 г. была одним из гарантов статус-кво в Европе. В этой ситуации Италия, уверенная в своей позиции ценного партнера для европейских держав, главным образом Франции, опасавшейся прежде всего немецких вооружений, могла себе позволить открыто дать циничный ответ на эфиопскую жалобу. В этом ответе, датированном 22 марта, итальянское правительство утверждало, что эфиопская жалоба основана на неправильных данных и что Италия не имеет никаких намерений наступать в Африке, а укрепление итальянских сил в Эритрее и Сомали вызвано только ненормальной ситуацией на границах с Эфиопией и потребностью обороны.

20 и 23 марта произошли очередные важные пограничные инциденты, вызванные действиями итальянских отрядов. В связи с этим эфиопское правительство вновь обратилось с жалобой к генеральному секретарю Лиги наций, прислав одновременно по его требованию дополнительные материалы об итальянских военных приготовлениях в Африке. Эфиопская сторона, представляя записку о прежних безуспешных двусторонних переговорах с представителями итальянского правительства, в том числе с послом Италии в Аддис-Абебе Луиджи Винчи, просила создать Советом Лиги наций специальную комиссию для рассмотрения пограничных итало-эфиопских конфликтов.

В это же самое время эфиопское правительство, располагающее, кроме представительства в Лондоне, только дипломатическими представительствами в Париже и Риме, предпринимало отчаянные усилия, чтобы довести до международного общественного мнения действительное положение своей страны в споре с Италией. Как посол Эфиопии в Париже, выполнявший одновременно функцию представителя своего правительства в Лиге наций, Тэкле-Хауарьят, так и Ийесус-Афэ-Уорк, временный уполномоченный Эфиопии в Риме, проводили многочисленные встречи с представителями других государств, объясняя позицию Эфиопии.

Под угрозой все туже затягивающейся военной итальянской петли и все большего количества проходящих через Суэцкий канал и Красное море итальянских военных транспортов немногочисленные эфиопские дипломаты все делали, чтобы пробудить совесть мира и получить поддержку своей стране. «Клянусь своей честью и честью своего народа, — заявлял на пресс-конференции Ийесус-Афэ-Уорк, — что никогда эфиопское правительство не думало и не думает нападать на итальянские колонии Сомали и Эритрею».

Итальянские военные приготовления против Эфиопии не ограничивались проведением на международной арене пропагандистских и дипломатических действий, увеличением своих вооруженных сил и переброской их в Африку. Большую роль в военных приготовлениях играла также итальянская разведка, имевшая в своем распоряжении — независимо от неофициальных каналов — итальянские дипломатические и торговые представительства, созданные на территории Эфиопии. Кроме изучения территории и подготовки соответствующих карт, итальянская разведка делала попытки подорвать авторитет центрального правительства, поддержи-

вая сепаратистские движения, как это было в случае мятежа лиуль раса Хайлу-Тэкле-Хайманота. Располагая значительной группой специалистов, прекрасно ориентирующихся во внутреннем положении в Эфиопии, итальянцы знали, на какие группы населения они смогут рассчитывать и какие нужно выдвигать лозунги, чтобы ослабить доверие к Хайле Селассие I. Итальянские агенты, например, распространили версию, будто бы он является только ныгусэ Шоа, а не ныгусэ нэгэст, которому должны повиноваться все народы Эфиопии.

Весной 1935 г. итальянская разведка попыталась осуществить серьезную акцию. Когда умер правитель Джим-^{472}мы Абба-Джыфар, итальянские агенты установили близкий контакт с его заместителем и попытались оторвать от Эфиопии округ Джимма, планируя установить над ним итальянский протекторат. Это сразу же встретило противодействие Хайле Селассие I, поспешившего отдать управление Джиммы расу Дэста-Дамтоу, губернатору Сидамо, несмотря на официальные протесты итальянцев в Аддис-Абебе по этому вопросу.

В создавшейся весной международной ситуации попытки Эфиопии получить помощь от Лиги наций были обречены на неудачу, несмотря на то что в Женеве прекрасно понимали, что в споре с Италией Эфиопия абсолютно права. Немецкая проблема, ставшая главной проблемой европейской политики в марте — апреле 1935 г., отодвинула эфиопский вопрос на дальний план, тем самым укрепляя позиции Италии в отношении Англии и Франции.

В начале апреля правительство Эфиопии вновь обратило внимание генерального секретаря Лиги наций на продолжающиеся военные приготовления Италии в Африке, и главным образом на строительство стратегической дороги от порта Массауа к эфиопской границе. Эфиопское правительство предложило, чтобы вопрос об итало-эфиопском конфликте рассматривался на приближающейся 85-й сессии Совета Лиги наций. Накануне открытия этой сессии итальянское правительство снова применило тактический маневр, направленный на то, чтобы отложить дискуссию по эфиопскому вопросу. Оно согласилось на созыв обеими заинтересованными сторонами арбитражной комиссии, которая бы рассмотрела спорные проблемы. Информировав об этом Аддис-Абебу 14 апреля, итальянская сторона утверждала, что готова уладить конфликт арбитражным путем, ссылаясь на выдвинутые в марте предложения Эфиопии по этому вопросу. В этих условиях Тэкле-Хауарьят, продолжавший требовать внесения в повестку дня Совета вопроса об итало-эфиопском конфликте, не имел больших шансов на успех. После его выступления, где подчеркивалось, что итальянские военные приготовления в Африке угрожают независимости Эфиопии, вследствие чего Совет Лиги наций должен окончательно решить этот вопрос, взяли слово представители ^{473} Великобритании — Джон Симон и Франции — Пьер Лаваль. Как Симон, так и Лаваль предложили отложить дискуссию по эфиопскому вопросу. Их предложение было принято, и Совет Лиги наций отложил дискуссию по итало-эфиопскому конфликту до обычной сессии в мае.

В начале мая произошло дальнейшее обострение итало-эфиопских отношений. С одной стороны, на это влияли проволочки, устраиваемые Италией в назначении членов арбитражной комиссии, с другой — дальнейшая ее подготовка к войне, мобилизация двух следующих дивизий и набор 7 мая в армию призывников 1913 и 1914 гг. В этот же день итальянский заместитель министра в министерстве колоний Лессона выступил в палате депутатов с резкой, направленной против Эфиопии речью.

20 мая 1935 г. Хайле Селассие I в своем выступлении решительно осудил итальянские приготовления к войне. Император резко нападал на итальянское правительство за проводимую концентрацию вооруженных сил на границах Эфиопии и за систематическую пропагандистскую кампанию, направленную на подготовку своей страны к войне. Несколькими днями раньше Италия согласилась в конце концов на созыв арбитражной комиссии, но одновременно так ограничивала ее компетенции, что сразу было видно, что работа этой комиссии не принесет значительных результатов. Император скептически отозвался о возможностях мирного решения спора. В общем выдвинутые в речи Хайле Селассие I положения можно свести к следующим основным пунктам: 1) приостановить подготовку Италии к войне; 2) признать, что компетенция арбитров распространяется на интерпретацию итало-эфиопского пограничного договора от 16 мая 1908 г.; 3) изучение всего вопроса Советом Лиги наций.

Накануне майской сессии Совета Лиги наций Италия начала усиленную пропагандистскую кампанию против Эфиопии. Это нашло выражение в острых нападках всей итальянской прессы против этой страны. Не гнушающаяся никакими средствами, порочащая Эфиопию и

обвиняющая ее вопреки очевидным фактам в провоцировании пограничных инцидентов итальянская пропаганда была рассчитана, с одной стороны, на то, чтобы осложнить положение эфиопской делегации на приближающейся сессии Совета Лиги наций, с другой же — что, впрочем, было главной целью этих действий — она должна была обосновать посылку итальянских военных транспортов в Африку и психологически подготовить итальянское общество к будущей войне в Африке.

После дискуссий, проходивших в Женеве с 22 по 25 мая, Совет Лиги наций принял постановление о процедуре разрешения итало-эфиопского конфликта. На этот раз итальянцы не одержали полного успеха. Правда, Совет еще раз отложил дискуссию о конфликте, соглашаясь, чтобы его рассматривала арбитражная комиссия, но в то же время постановил, чтобы разбирательство конфликта между двумя странами закончилось к 25 августа.

Указание точной даты окончания двусторонних итало-эфиопских переговоров было большим успехом эфиопской делегации. Этому в значительной мере способствовала позиция Советского Союза, который с самого начала поддерживал Эфиопию в Женеве¹. Еще в апреле 1935 г. М. Литвинов, глава делегации СССР в Женеве, утверждал, что мир неделим и что нельзя рассматривать только вопросы безопасности в Европе, а надо также не допускать угрозы миру в других частях света. В соответствии с этим тезисом СССР будет последовательно выступать на международном форуме в защиту суверенных прав Эфиопии.

Великобритания, все более обеспокоенная возможностью угрозы со стороны Италии ее интересам в Северо-Восточной Африке, начала занимать все более антиитальянскую позицию, хотя с диаметрально противоположных, чем СССР, позиций. Это вскоре привело к обострению англо-итальянских отношений, что выразилось в продолжавшейся несколько месяцев «газетной войне» между обеими странами.

В июне 1935 г. Великобритания предприняла попытку отстоять свои интересы в Западной Эфиопии путем непосредственных переговоров с итальянским правительством. В Рим с официальным визитом прибыл английский министр по вопросам Лиги наций Антони Иден. В переговорах приняли участие Муссолини и Сувич, а также Иден и английский посол в Италии Драммонд. Пытаясь помешать Италии захватить Западную Эфиопию, граничащую с Суданом, английская делегация предложила итальянской стороне за отказ от планов захвата всей Эфиопии ряд концессий на ее территории, таких, как строительство железнодорожной линии, которая бы соединила через территорию Эфиопии порт Массауа в Эритрее с портом Могадишо в Сомали. Итальянцам обещали, в качестве компенсации по их территориальным претензиям, также часть эфиопской провинции Огаден. В качестве компенсации Англия должна была передать Эфиопии и порт Зейлу в Британском Сомали. Муссолини отклонил английские предложения. Видимо, итальянский диктатор не удовлетворялся уже концессиями и рассчитывал полностью овладеть Эфиопией.

Тем временем итало-эфиопские арбитражные переговоры продолжались. Как можно было предвидеть, они не дали больших результатов. Уже первые встречи четырех арбитров в Медиолане показали, что Италия относится несерьезно к этому вопросу и лишь выигрывает время. Единственным результатом переговоров было установление точной даты следующей встречи арбитражной комиссии — 25 июня в Шевенингене. Эта встреча также не дала никаких положительных результатов. Комиссия постановила тогда приостановить работу до 9 июля. Наконец когда она собралась в этот день, то снова не смогла прийти ни к какому соглашению и вообще прекратила работу. Предпринятая эфиопским правительством еще ранее, 19 июня, попытка через Лигу наций повлиять на ускорение двусторонних переговоров также не дала результатов.

Прекращение работы арбитражной комиссии и объявление итальянским правительством о призыве под оружие следующих дополнительных дивизий вызвали политические контрдействия со стороны Эфиопии. 18 июля Хайле Селассие I произнес в парламенте речь, в которой заявил, что Эфиопия до конца будет защищать свою независимость. 24 июля эфиопское правительство в связи с прекращением работ арбитражной комиссии потребовало созыва

¹ См.: Козлов В. С. Итало-эфиопская война 1935—1936 гг. М., 1951 (Диссертация); Райт М. В. Советский Союз и борьба народов Эфиопии против итальянской агрессии. — В сб. «Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология». М., 1973, стр. 218—225.— *Прим. ред.*

Совета Лиги наций для рассмотрения конфликта. Одновременно император Эфиопии предпринял очередные действия с целью разъяснения мировому общественному мнению действительных намерений своего правительства в области внешней политики. В интервью, данном французской газете «Le pti журналъ» от 28 июля, Хайле Селассие I говорил, что Эфиопия желает жить в мире со своими соседями. Она не проводит даже частичной мобилизации и не концентрирует своих войск на границах, так как верит в авторитет Лиги наций. В этом же интервью император подчеркивал, что в его стране в настоящее время проводятся значительные внутренние реформы. Особенно, добавил он, уделяется большое внимание ликвидации рабства во всех его проявлениях. Последнее было направлено против одного из тезисов итальянской пропаганды, утверждавшей, будто Эфиопия не созрела для независимости, так как там существует еще рабство.

На требование эфиопского правительства созвать Совет Лиги наций Муссолини ответил оскорбительным интервью, опубликованным в «Эко де Пари». Глава итальянского правительства заявил: «Лига наций, видимо, воображает, что она может задержать жизнь и ход истории? Должны ли из-за Пакта Лиги наций мир и цивилизация стоять на мертвой точке? Если так, то пусть он исчезнет».

В такой атмосфере 31 июля 1935 г. начались заседания чрезвычайной сессии Совета Лиги нации, посвященной итало-эфиопскому конфликту. 3 августа Совет закончил работу, приняв две резолюции. Первая была уступкой Италии. В ней говорилось, что арбитражная комиссия должна продолжать работу, но заняться исключительно «инцидентом в Уольуоле» и не касаться других вопросов, не входящих в ее компетенцию. Вторая резолюция была выгодна эфиопской делегации, так как она постановила, что независимо от хода арбитражных работ Совет Лиги наций соберется 4 сентября для рассмотрения итало-эфиопских отношений в полном объеме.

Правда, 87-я сессия Совета Лиги наций не дала, как и предшествующие, никаких конкретных результатов по эфиопскому вопросу, однако приняла решение, что независимо от двусторонних итало-эфиопских переговоров {477} Совет займется в начале сентября, т. е. перед очередной сессией Лиги наций, проблемой итало-эфиопского конфликта в полном объеме. Следовательно, впервые в Женеве было заявлено, что итало-эфиопский конфликт должен стать предметом дискуссии Совета Лиги наций. Эфиопский вопрос начал приобретать все большую значимость в международной политике, а вскоре стал основной проблемой для всех государств — членов Лиги наций.

В ответ на женевские резолюции от 3 августа итальянское правительство поставило под ружье еще три дивизии. Одновременно 6 августа итальянская пресса опубликовала полный текст речи Муссолини, произнесенной в Эболи под Неаполем перед несколькими батальонами «чернорубашечников». Эта речь не оставляла сомнений в том, что решения последней сессии Совета Лиги наций никак не отразятся на итальянской политике в отношении Эфиопии.

Тогда же, в августе 1935 г., Великобритания, обеспокоенная военными приготовлениями Италии, предприняла еще одну попытку урегулирования нарастающего конфликта, предлагая признать за Италией соответствующие концессии на территории Эфиопии. По инициативе Англии 16—18 августа в Париже состоялась конференция представителей Великобритании, Франции и Италии. На ней присутствовали Иден, Лаваль и итальянский представитель в Лиге наций Алоизи. Западные державы предложили Италии ряд концессий на территории Эфиопии взамен урегулирования конфликтной ситуации. Предложения были следующие: Франция и Англия предпринимают соответствующие шаги в Аддис-Абебе, чтобы склонить эфиопское правительство к уступкам в пользу Италии, а именно: выразить согласие на строительство железнодорожной линии через эфиопскую территорию, связывающую Эритрею и Сомали, и передачу Италии части округов Огаден и Данакиль. Независимо от этого намечалось создать специальную систему контроля над эфиопской экономикой. Этим должна была заняться комиссия от имени Лиги наций. Итальянской делегации гарантировалось, что в состав этой комиссии войдут также представители Италии. Одновременно Великобритания вновь высказала предложение о предоставлении Эфиопии в качестве компенсации выхода к морю через порт Зейла в Британском Сомали.

Однако конференция не дала никаких результатов. Алоизи категорически отклонил представленные ему предложения. В официальном коммюнике, опубликованном после окон-

чания совещания, не скрывалось, что в ходе переговоров между тремя странами не было достигнуто ни по одному вопросу совпадения взглядов. 20 августа возобновила свою работу итало-эфиопская арбитражная комиссия, занимающаяся совсем второстепенными вопросами. После длительного спора наконец договорились о приглашении пятого арбитра (двух представляла итальянская сторона и двух — эфиопская). Им был греческий посол в Париже Политис. Начало работы комиссии прошло незамеченным. Уже тогда никто не придавал большого значения ее деятельности.

Накануне начала совещаний Совета Лиги наций Муссолини, как бы готовя почву для дискуссий в Женеве, произнес речь, обращенную к войскам, проводившим маневры, в которой объявил о призыве под ружье еще 200 тыс. солдат в сентябре, что позволило бы довести численность итальянской армии до 1 млн. человек. Муссолини подчеркнул, и это красноречиво свидетельствовало о дальнейших итальянских планах в отношении Эфиопии, что в сентябре этого года вопреки обычаю прошлых лет не предвидится отпусков в армии.

За три дня до открытия сессии Совета Лиги наций произошло сенсационное событие. Пресса сообщила, что в конце августа 1935 г. эфиопское правительство предоставило концессии на разведку и добычу нефти на территории Эфиопии некоей американской фирме. Буря, поднявшаяся вокруг этого вопроса, так же быстро утихла, как и началась. Под давлением государственного департамента эта фирма уже 3 сентября прекратила переговоры с эфиопским правительством, и концессия была аннулирована. Попытка Эфиопии вовлечь перед лицом опасности итальянской агрессии в защиту своего суверенитета Соединенные Штаты Америки, хотя бы путем предоставления им максимально выгодной экономической концессии, закончилась неудачей. Правительство США не хотело конфликтовать с Италией. В августе 1935 г. США {479} опубликовали так называемый закон о нейтралитете². На его основе президент имел право запретить экспорт военных материалов в государства, находящиеся между собой в конфликте, независимо от того, которое из них было агрессором. Последствия принятия закона о нейтралитете были, конечно, более значительными и явились причиной того, что Соединенные Штаты вообще не захотели вмешиваться в итало-эфиопский конфликт. Кроме того, было ясно, что нейтралитет такого рода в данном случае будет выгоден агрессору, так как Италия имела собственную военную промышленность, в то время как запрет на поставки оружия в Эфиопию оставлял ее беззащитной перед лицом неприятеля.

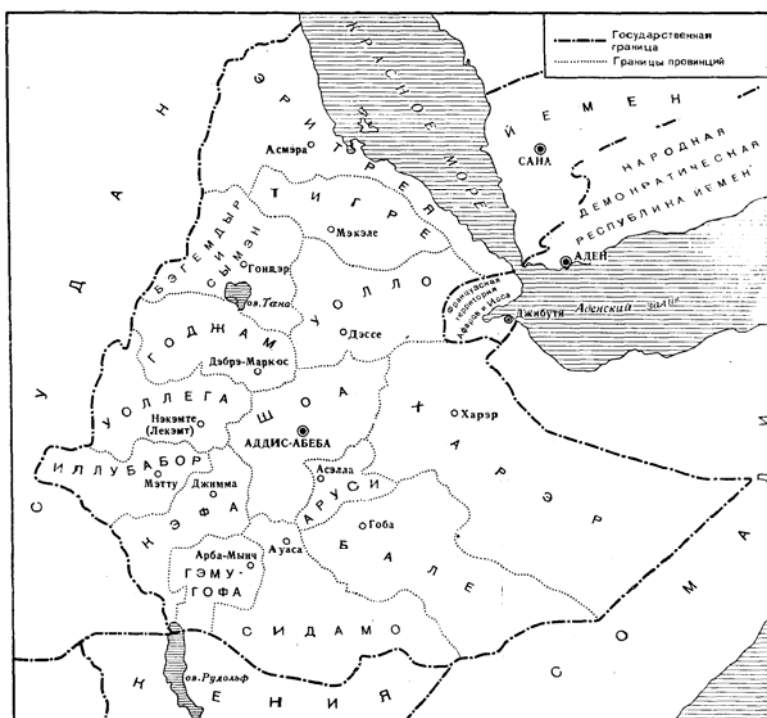
3 сентября арбитражная комиссия под руководством Политиса, в состав которой, кроме двух итальянцев, входили в качестве представителей Эфиопии известные друзья этой страны — француз Ля Прадель и американец Питтман Поттер, — опубликовала постановление по вопросу об «инциденте в Уольуле». Учитывая долгие месяцы консультационной процедуры, это решение привносило совсем немного нового. Утверждалось, что ни итальянская, ни эфиопская сторона не несут исключительной ответственности за инцидент. В ситуации, когда было известно, что инцидент произошел на эфиопской территории, такое решение было очень выгодно Италии, особенно в связи с приближающейся дискуссией в Лиге наций по эфиопскому вопросу.

88-я СЕССИЯ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ

4 сентября в Женеве начались заседания 88-й сессии Совета Лиги наций, которая впервые должна была заняться рассмотрением итало-эфиопского конфликта по существу. Открыло дискуссии выступление Идена. Как представитель той части британского кабинета, которая была известна своими антиитальянскими настроениями, Антони Иден в это время подвергся яростным нападкам со стороны итальянской прессы. Иден информировал сессию о ходе парижских переговоров и выразил мнение, что в настоящее время можно надеяться на их успешное окончание. Наряду с другими ораторами взял также слово и представитель Италии Алоизи. В своем выступлении он яростно обрушился на Эфиопию. Он пытался доказать членам Лиги наций (лицам, знающим фактическое положение вещей, это могло показаться абсолютным издевательством), что якобы в течение последних 15 лет Италия стремилась устано-

² См.: В о б л и к о в Д. Р. Итало-эфиопская война 1935—1936 годов и политика США. — «Ученые записки по новой и новейшей истории». Вып. III. М., 1957. — *Прим. ред.*

вить дружественные политические и экономические отношения с Эфиопией и не смогла этого сделать из-за постоянной угрозы итальянским владениям в Африке со стороны последней.

В тот же день итальянская делегация представила в Женеве обширный меморандум о внутреннем положении в Эфиопии и об отношениях Италии с этой страной. Это был, пожалуй, один из наиболее тенденциозных и фальшивых документов, какие когда-либо представлялись международным конференциям.

В нем была сделана попытка доказать, что Италия всегда стремилась поддерживать хорошие отношения с Эфиопией. Одновременно выдвигался тезис, что Эфиопия не имеет морального права быть членом Лиги наций. В частности, утверждалось, что эта страна проводит агрессивную внешнюю политику, что вынуждает Италию предпринимать соответствующие меры для защиты своих владений в Африке. В общем, меморандум содержал старые тезисы итальянской фашистской пропаганды, которые никого не могли ввести в заблуждение. Единственной его целью, пожалуй, было желание в некоторой степени ослабить ожидаемые обвинения со стороны Эфиопии, основанные на действительных фактах.

Делегат Эфиопии, взяв слово после выступления Алоизи, подверг сокрушительной критике его тезисы. Утверждая, что, несмотря на усилия эфиопского правительства, направленные на мирное урегулирование конфликта, Италия вновь готовится к агрессии, он потребовал рассмотреть вопрос в Лиге наций.

В ходе последующих заседаний по эфиопскому вопросу 5 сентября взял слово делегат СССР Литвинов. Он решительно выступил в защиту суверенитета Эфиопии. {481} Он сказал, что нельзя солидаризироваться с выступлением итальянского делегата, подтвердившего, что его страна готова к войне. Нельзя пройти спокойно мимо угрозы агрессии, заявил Литвинов. Представитель СССР закончил свою речь призывом, чтобы Лига наций предприняла необходимые конкретные шаги с целью не допустить вооруженного конфликта.

КОМИТЕТ ПЯТИ

После окончания дискуссии Совет Лиги наций создал так называемый Комитет пяти, в состав которого вошли представители Великобритании, Франции, Испании, Польши и Турции. Комитету поручалось рассмотреть все вопросы, связанные с итало-эфиопским конфликтом, и выработать проект урегулирования его. Председателем Комитета пяти стал представитель Испании Мадариага.

В ходе заседаний XVI Ассамблеи Лиги наций на первый план среди обсуждаемых вопросов выдвинулась проблема итало-эфиопского конфликта. Начало дискуссии по этому вопросу положило страстное выступление эфиопского делегата Тэкле-Хауарьята, который 11 сентября обратился с призывом о помощи к народам мира.

«Народ Эфиопии,— сказал он,— призывает всех людей доброй воли не допустить чудовищной несправедливости — пролития крови их братьев в Африке». Одновременно Тэкле-Хауарьят отверг обвинения Италии в наличии рабства в его стране и предложил выслать от имени Лиги наций специальную комиссию в Эфиопию для выяснения этого вопроса на месте.

Менее чем через две недели после начала работы Комитет пяти представил предложения по урегулированию итало-эфиопского конфликта. 18 сентября председатель Комитета Мадариага послал эти предложения правительствам Италии и Эфиопии. В них предусматривалось сохранение независимости Эфиопии, но при установлении над ней международного контроля с целью, как утверждалось, «не только улучшения жизни эфиопского народа и развития ресурсов страны, но также предоставления {482} возможности эфиопской империи поддерживать мирные отношения с соседями». Одновременно предлагалось передать Италии провинцию Огаден и округ Данакиль, а также часть Французского и Английского Сомали. Было обещано также итальянскому правительству предоставить ряд концессий на территории Эфиопии. Таким образом, выработанные предложения комиссии явно ограничивали суверенитет Эфиопии. Однако они не давали и Италии больших выгод, чем предлагалось ей на парижском совещании. 22 сентября итальянский делегат в Женеве проинформировал председателя Комитета пяти, что итальянское правительство отвергает предложения об урегулировании конфликта. Днем позднее эфиопская делегация заявила о своем согласии принять предложения Комитета как основу для дискуссий по окончательному урегулированию конфликта.

После окончания работ Комитета пяти Совет Лиги наций создал 20 сентября так называемый Комитет тринадцати, состоящий из членов Совета (за исключением Италии), для дальнейшего изучения способов разрешения конфликта.

Тем временем Италия закончила подготовку к войне. 27 сентября 1935 г. в итальянской газете «Ил пикколо» можно было прочесть следующее заявление: «В Эфиопии закончилась пора дождей. Быть может, недалек тот день, когда участники женевских дискуссий будут разбужены грохотом орудий. Тогда они поймут, что Италия начала сводить счета за свои старые и новые долги».

Когда итальянское правительство отклонило предложения Комитета пяти, всем стало окончательно ясно, что Муссолини не откажется от войны. Собственно, ни Лига наций, ни Великобритания уже не могли ему ничего больше предложить, кроме как согласие на оккупацию Эфиопии.

АГРЕССИЯ И САНКЦИИ

3 октября в Женеву начали поступать известия о переходе итальянскими войсками границ Эфиопии на севере, юге и востоке страны. Ожидаемая война стала {483} фактом³. Лига наций оказалась перед самым тяжелым в своей истории испытанием. Перед лицом явной и не спровоцированной агрессии она должна была доказать, какое практическое значение для защиты мира имеет Пакт Лиги наций, гарантирующий ее членам нерушимость границ. Правда, уже во время японской агрессии в Маньчжурии, четыре года тому назад, Лига наций не выступила серьезно против агрессора, скомпрометировав тем самым себя. Однако тогда подчеркивалось, что это было вызвано прежде всего отдаленностью конфликта. В данном случае эфиопский вопрос стал показателем эффективности самой организации. Особенно важное значение имели действия Лиги наций для малых государств, связывавших большие надежды с системой коллективной безопасности. Ведь эфиопская проблема как прецедентный вопрос с точки зрения действенности Пакта Лиги наций стала самой важной проблемой мировой политики во второй

³ Материалы по национально-колониальным проблемам. Сборник посвящен проблемам Абиссинии. Сборник НИАНКП. № 7 (31). М., 1935; Лукницкий К. Н. Итало-абиссинская война. В сб. «Абиссиния (Эфиопия)». Под ред. Ольдерогге Д. А. М.—Л., 1936; Лисовский П. Абиссинская авантюра итальянского фашизма. М.—Л., 1936; В о б л и к о в Д. Р. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. М., 1961.— *Прим. ред.*

половине 1935 г. и даже в некоторой степени в первой половине 1936 г.

3 октября поздно вечером в Женеву поступила официальная просьба эфиопского правительства о немедленном созыве Совета Лиги наций. В связи с началом военных действий со стороны Италии эфиопское правительство просило рассмотреть возможности применения Пакта для защиты суверенитета Эфиопии.

В ответ на военные действия Италии и в связи с просьбой Эфиопии в Женеве в атмосфере господствующего всеобщего осуждения итальянской агрессии 5 октября начал заседать Совет Лиги наций. Первым выступил делегат Эфиопии Тэкле-Хауарьят. «В этот трагический для Эфиопии момент,— сказал он,— я обращаю ваше внимание на то, что правительство Эфиопии не дало никакого повода для агрессии. Напротив, оно делало все, чтобы предотвратить войну». В связи с этим Тэкле-Хауарьят обратился к Лиге наций с просьбой начать действовать на основе статьи 16 Пакта, предусматривающей применение санкций против агрессора всеми членами Лиги. На этом заседании Совет создал Комитет шести для анализа ситуации, создавшейся в результате военной акции Италии, и выработки соответствующих решений. В состав Комитета вошли представители следующих государств: Франции, Великобритании, Дании, Чили, Румынии и Португалии. Уже на следующий день Комитет шести подготовил свой доклад, в котором констатировалось, что Италия нарушила Пакт Лиги наций. На тайном заседании Совета Лиги наций утром 7 октября был принят без дискуссий доклад Комитета шести. На открытом заседании Совета в тот же день против подобной позиции Совета пытался протестовать итальянский делегат, но безуспешно. Принятие решения о том, что итальянское правительство, начав войну, нарушило пакт Лиги наций, должно было привести автоматически к применению статьи 16 того же Пакта. Это был беспрецедентный факт в истории Лиги наций. С этого момента Италия была признана страной, находящейся с формальной точки зрения в конфликте со всеми государствами — членами Лиги. Такое положение дел должно было вызвать по крайней мере экономические санкции в отношении агрессора. С целью принятия решения по этому вопросу на 9 октября был назначен созыв Ассамблеи Лиги наций. На следующий день Ассамблея приняла резолюцию о введении антиитальянских экономических санкций всеми членами Лиги. Специально созданный Координационный комитет должен был выработать по этому вопросу подробные указания и назначить дату вступления санкций в силу. Из 54 членов Лиги наций 50 проголосовали за санкции, 1 — против (Италия) и 3 воздержались от голосования (Австрия, Венгрия, Албания).

Координационный комитет принял решение о том, что санкции вступят в силу с 18 ноября 1935 года. Были составлены специальные списки товаров, которые запрещалось ввозить в Италию. Прежде всего это были военные материалы, а также продукты, могущие служить прямо или косвенно военным целям. Однако на некоторые важнейшие виды сырья, такие, как уголь и особенно нефть, на необходимую Италии для ведения войны нефть, эти санкции не распространялись.

Эффективность антиитальянских экономических санкций ослаблял также тот факт, что некоторые государства, не принадлежавшие к Лиге наций, такие, как Германия и Соединенные Штаты, не присоединились к данному решению. В результате решения Лиги наций о применении против агрессора экономических санкций, хотя и создавали некоторые затруднения для итальянской экономики, не могли серьезно повлиять на ход военных действий. Это решение имело скорее моральное значение. На практике же Эфиопия была оставлена один на один с агрессором, и только ход военных действий мог решить ее судьбу. {486}

Глава XXVIII

ИТАЛО-ЭФИОПСКАЯ ВОЙНА

1935—1936 гг.

ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ЭФИОПИИ

Помня о поражении под Адуа, итальянцы долго и тщательно готовились к войне против Эфиопии. Мобилизация закончилась в конце августа 1935 г. Накануне войны в итальян-

ских колониальных владениях в Африке находилось 5 регулярных пехотных дивизий, 4 дивизии «чернорубашечников», 2 местные дивизии и большое количество других родов войск, а также полицейские части. В сумме итальянские силы насчитывали тогда 276 тыс. человек. Если к этому прибавить различного рода вспомогательные войсковые соединения, то эта цифра увеличится до 350 тыс. человек. Прибывшие уже в ходе военных действий пополнения увеличили это число почти до полумиллиона. Эти войска располагали самым современным вооружением, в том числе танками и большим количеством самолетов. Направленные в Эритрею пехотные дивизии, которые должны были действовать в тяжелых горных условиях, были укомплектованы преимущественно итальянцами, проживающими в горных районах. Солдаты, входящие в их состав, перед отъездом в Африку проходили специальное обучение в горах.

Дивизии, направленные в Сомали, состояли преимущественно из сицилийцев, лучше переносящих жаркий тропический климат, чем жители северных провинций Италии. Старательно были подготовлены к войне офицерские кадры. Для офицеров были организованы специальные курсы по ведению военных действий в условиях Африки. Командование итальянских войск придавало большое значение также отрядам, состоящим из местных {487} солдат, набранных в Эритрее, Сомали или Ливии. Позднее, однако, оказалось, что на эти войска не всегда можно было положиться, так как они неохотно сражались с эфиопами, а иногда даже переходили на их сторону.

Две трети итальянских сил было сосредоточено в Эритрее. Именно отсюда предполагалось нанести главный удар. К началу войны здесь находилось три корпуса, состоявших из разных родов войск. В конце войны на северном фронте действовало уже 5 корпусов и 2 самостоятельные группы, предназначенные для обеспечения флангов главных сил. На южном фронте итальянские силы действовали двумя оперативными группировками. Восточный же фронт имел второстепенное значение. Здесь в направлении от Асэба действовало только 17 тыс. итальянских солдат.

Такая значительная концентрация сил была вызвана стремлением Италии как можно скорее закончить войну. Тому было несколько причин. Прежде всего военные действия следовало провести в период между октябрём и маем, чтобы избежать поры больших дождей. В период дождей техническое преимущество итальянской армии было бы сведено к минимуму. Самолеты не смогли бы использовать размокшие полевые аэродромы, а бронемашины увязли бы на топких дорогах, по которым в период дождей трудно проходить даже пехоте. Кроме того, длительная война была бы смертельным ударом для итальянских финансов, тем более что Италия считалась с возможностью применения против нее экономических санкций Лигой наций. Согласно планам Муссолини, победоносная война с Эфиопией должна была также укрепить положение фашистского правительства внутри страны. Затягивание же войны было чревато возможностью волнений в самой Италии. Эти причины, а также сознание того, что жители Эфиопии сделают все возможное для защиты своей независимости, повлекли за собой то, что фашистское правительство Италии бросило на войну в Африке все свои военные резервы.

Всеобщая мобилизация в Эфиопии была объявлена лишь в последний момент. Столь запоздалое объявление мобилизации было вызвано опасением императора Хайле Селассие I дать Италии повод для начала войны. В результате страна начала готовиться к отражению агрессии со значительным запозданием. Кроме того, накануне войны в связи с постоянными итальянскими провокациями император отдал приказ об отходе эфиопских войск на несколько десятков километров от границы, дабы избежать дальнейших инцидентов. Местом сосредоточения войск, кроме тех, которые уже находились в пограничных районах и составляли ядро эфиопской армии, император назначил Аддис-Абебу. Согласно плану объявленной мобилизации, каждый правитель округа обязан был выставить как можно больше солдат. Трудности возникли вследствие отсутствия современных средств связи, когда императорские приказы доходили с большим опозданием в отдаленные районы страны. Приученные к традиционным способам ведения войны, эфиопские войска концентрировались в Аддис-Абебе исключительно медленно. Из-за отсутствия механизированного транспорта отдельные армии шли к столице пешком, поэтому концентрация эфиопских войск была закончена лишь в декабре 1935 г.

Первыми прибыли в столицу 12 октября войска из округа Кэмбата под предводительством дэджазмача Мэшэши-Уольде. 18 октября в Аддис-Абебу вступил дэджазмач Ауларис. 10 ноября прибыли войска дэджазмача Йигэзу, которые возглавлял его заместитель фитаурари

Ныгату. 16 ноября прибыла армия битуюдэда Мэконнына-Дэмсоу. В последующие дни в столицу прибыли армии из других провинций: войска из Конта под предводительством дэджазмача Бэйенэ-Хабтэ-Марьяма; из Горе — под предводительством дэджазмача Мэконнына-Ындалькачоу; из Кэфы — под предводительством раса Гетачоу и дэджазмача Дэббэбэ-Андаргачоу; и из Уоллеги — под предводительством дэджазмача Хабтэ-Марьям-Гэбрэ-Ыгзиабхера. По случаю вступления в Аддис-Абебу отдельных отрядов в столице были организованы традиционные в подобных случаях торжества, называемые фуккерами.

После прибытия ожидаемых войск император с военным министром расом Мулугетой устроили им смотр. Тут же собравшимся войскам был зачитан приказ. В частности, солдатам приказывалось снять все золотые и серебряные украшения на обмундировании, выбросить бросающиеся в глаза щиты и копья и одеться так, чтобы {489} сделать возможной противоздушную маскировку. Была издана также подробная инструкция о том, как себя вести в случае воздушной атаки. В ней, например, говорилось: «Когда летит самолет, следует покинуть дорогу или открытое пространство и спрятаться в зарослях, лесу или в ямах». Инструкции подобного рода красноречиво свидетельствовали об отсутствии самого элементарного военного обучения огромной части эфиопской армии. Собственно, только императорская гвардия, насчитывающая 10 тыс. солдат, была подготовлена шведскими и бельгийскими инструкторами к условиям современной войны. Большинство эфиопских полководцев также следовали традиционному способу ведения войны. Необычайно мужественные и не щадящие жизни в борьбе за свою страну, они, однако же, не были подготовлены к управлению большими армиями в ситуации, когда такие факторы, как дисциплина и взаимодействие войск, являлись необходимым условием успеха, особенно если учесть, что вооружение армии было совершенно устаревшим. Во всей Эфиопии в то время, по примерным расчетам, имелось около 500 тыс. винтовок. Из них только 10% имело магазинную коробку. Предполагалось, что всеобщая мобилизация охватит 600 тыс. человек. Следовательно, не хватало даже самого простого огнестрельного оружия для всех солдат. Эфиопская армия имела около 300 пулеметов и лишь 50 орудий. В ее распоряжении находилось также 7 устаревших пассажирских самолетов. Почти полностью отсутствовали средства связи — имелось только 4 радиостанции. В результате случалось, что крупные армии должны были связываться между собой с помощью гонцов, как во времена давних войн. Мобилизация закончилась лишь спустя 2 месяца после начала войны, и эфиопские войска оказались в отведенных для них районах. На северном фронте сосредоточились армии общей численностью от 150 до 200 тыс. солдат под командованием раса Мулугета, раса Сьюма-Мэнгэши, раса Каса-Хайлу, раса Ымру, дэджазмача Аялеу. На южном фронте было около 150 тыс. солдат под командованием раса Нэсибу-Заманеля и раса Дэсты. Менее важным был восточный фронт, называемый также центральным фронтом. Здесь находилось около 10 тыс. эфиопов против 17 тыс. итальянцев. {490}

Учитывая техническое преимущество врага, эфиопское командование разработало план военных действий, главным положением которого были партизанские действия и постоянные атаки на войска противника небольшими отрядами при максимальном использовании особенностей высокогорной территории. Это был план активной обороны, которая в перспективе могла привести к полному изнурению и уничтожению войск противника. План учитывал реальные возможности эфиопской армии, которая не имела никаких шансов на победу в крупных регулярных сражениях с несравненно лучше вооруженным и обученным противником. Позднее из политических соображений, желая создать эфиопской делегации в Лиге наций дополнительные аргументы благодаря победам своих войск. Хайле Селассие I частично изменил первоначальный план войны и принял ряд больших сражений с участием большого числа войск, однако эфиопской стороне это принесло лишь серьезные поражения.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ. БИТВЫ В ТЭМБЕНЕ

3 октября 1935 г. в 5 часов утра итальянские войска без объявления войны перешли

границу Эфиопии¹. Итальянский план военных действий предусматривал, что главный удар будет нанесен на северном фронте по линии Адди-Грат — Адуа — Аксум, а позднее на Мэкэле — Дэссе—Аддис-Абеба. Столица Эфиопии была конечной целью операции, ее итальянцы хотели занять как можно быстрее. Они надеялись, что после падения Аддис-Абебы, даже если главные эфиопские силы не будут еще разбиты, авторитет Хайле Селассие I настолько падет в глазах большинства народов Эфиопии, что они уже не окажут своей поддержки императору. Существовало еще одно направление на Аддис-Абебу через Гондэр, но итальянцы опасались, что тогда военные действия будут слишком близко проходить с границей Судана и смогут {491} привести к конфликту с англичанами. Поэтому удар в направлении Гондэра считался только вспомогательным. Тем более что дорога через Дэссе, так называемая «императорская дорога», казалась более проходимой для механизированных средств передвижения. Следует также напомнить, что на этом направлении, считавшемся основным, находилась Адуа и речь шла о том, чтобы быстрым овладением этого города вычеркнуть из памяти поражение 1896 г. Кроме того, эта дорога проходила через относительно богатые и густо населенные эфиопские территории, что могло облегчить снабжение армии.

На северном (эритрейском) фронте было сосредоточено $\frac{2}{3}$ всех итальянских сил, принимавших участие в войне с Эфиопией. Этим фронтом командовал генерал Эмилио де Боно, являвшийся одновременно и главнокомандующим всей экспедиционной итальянской армией.

Итальянская армия, действующая на южном (сомалийском) фронте под командованием генерала Р. Грациани, должна была выполнять вспомогательную задачу: оттягивать на себя как можно большее количество эфиопских войск и тем самым помочь эритрейскому фронту.

Форсировав пограничную року Мэрэб, итальянская армия численностью 100 тыс. человек, оснащенная авиацией, танками и артиллерией, продвигалась вперед очень осторожно, ожидая повсюду засады. В первые дни итальянские отряды почти не встречали сопротивления, так как эфиопские силы по приказу императора еще ранее отошли от границы. 8 октября итальянцы достигли линии Аксум — Адуа — Адди-Грат. Здесь генерал де Боно остановил войска и перед дальнейшим наступлением начал укреплять и строить коммуникации.

10 октября итальянская разведка добилась большого успеха, который позднее итальянская пропаганда раздула до небывалых размеров. А именно: на итальянскую сторону перешел командующий важного участка эфиопской обороны под Мэкэле дэджазмач Хайле-Сылласе-Гугса. Это не было изменой в европейском понимании данного слова. Хайле-Сылласе-Гугса принадлежал к противникам Хайле Селассие I. Несколько лет назад император пытался привлечь дэджазмача на свою сторону, женив его на своей дочери, но не достиг положительного результата. {492} Хайле-Сылласе-Гугса считал, что ему как одному из правнуков Йоханнуса IV по праву принадлежит эфиопский престол. Хайле-Сылласе-Гугса перешел на сторону итальянцев, считая, что он сможет использовать их войска для завоевания императорского престола, помощь в чем ему, пообещала итальянская разведка. Естественно, что Хайле-Сылласе-Гугса стал только орудием в руках итальянцев, которые, победив, забыли о каких-либо своих обещаниях. В результате честолюбивый дэджазмач, избравший самый худший из всех возможных путей к власти, не получил ничего.

В начале ноября по приказу Муссолини, недовольного слишком медленным продвижением итальянских войск, генерал де Боно начал дальнейшее наступление на Мэкэле. У подножия горы Гундэт войска дэджазмача Гэбрэ-Хыйуота, дэджазмача Уорэса и фитаурари Ассэгахэня пытались оказать им сопротивление. В кровопролитном сражении обе стороны понесли тяжелые потери. Эфиопские войска, однако, вынуждены были отступить. Вскоре итальянская армия заняла Мэкэле, после того как эфиопские войска покинули его по приказу раса Сьюма-Мэнгэши, считавшего невозможной дальнейшую оборону города.

После захвата Мэкэле фронт снова стабилизировался на несколько дней. Де Боно действовал очень осторожно. Тогдашнее расположение главных эфиопских армий было следующим: на юге от Аксума, в Шире, находилась группа войск под командованием раса Ымру и дэджазмача Аялеу, на востоке от этой группы, в Тэмбене, расположились армии раса Касы-

¹ Корсун Н. Г. Итало-абиссинская война 1935—1936 гг. М., 1939; Татарченко Е. Воздушные силы в итало-абиссинской войне. М., 1940; Прочко И. С. Итало-абиссинская война 1935—1936 гг. (Краткий очерк). М., 1941.— *Прим. ред.*

Хайлу и раса Сьюма-Мэнгэши; наконец, к югу от Мэкеле против войск главного стратегического направления итальянской армии были сконцентрированы лучшие, если не считать находящуюся в резерве императорскую гвардию, эфиопские силы под командованием раса Мулугеты.

В конце ноября 1935 г. главнокомандующим итальянской армии вместо генерала де Боно был назначен маршал Пьетро Бадольо, который начал тотчас же подготовку к новому наступлению. Чтобы обеспечить себе тылы и лишить эфиопские войска поддержки, у местного населения по его приказу отбиралось любое оружие. Бадольо {493} издал также приказ, запрещающий бомбардировку с воздуха небольших эфиопских отрядов, направлявшихся к месту сосредоточения войск. Опасаясь возможности ведения противником партизанской войны в широком масштабе, он желал бы иметь дело с эфиопскими силами, сконцентрированными в большие соединения и представляющими поэтому более удобную цель для эффективных атак с воздуха.

В тот момент, когда еще не была завершена подготовка итальянцев к наступлению и войска их оказались растянутыми от Эритреи до Мэкэле, причем далеко не везде были достаточно защищены коммуникации и фланги, эфиопская армия перешла в контрнаступление. В середине декабря 1935 г. группировка раса Ымру и дэджамача Аялеу нанесла удар по правому флангу итальянцев в направлении на Аксум. В случае успеха этой операции итальянская армия была бы отрезана от Эритреи, что поставило бы ее в критическое положение. Поначалу успех сопутствовал эфиопам. В районе реки Тэкэзе одному из эфиопских соединений удалось окружить значительную группу итальянских войск. В сражении эфиопы захватили несколько танков и орудий. Было взято в плен большое количество солдат, несколько сот итальянцев погибло. Лишь небольшому отряду противника удалось выйти из окружения и избежать разгрома. Тяжелые потери понесла также атакующая сторона. В частности, погиб командир эфиопского отряда фитаурари Шиффэррау-Рэтта.

Одержав победу, эфиопские войска отбросили итальянцев к Абий-Адди. Рас Ымру подошел к Аксуму. Однако его положение предопределили результаты боев на другом участке фронта, в Тэмбене, где произошла так называемая «первая битва в Тэмбене». Находившиеся здесь войска раса Касы-Хайлу и раса Сьюма-Мэнгэши начали наступление в направлении Адуи. Рас Сьюм-Мэнгэша отдал тогда известный приказ «победить или умереть». Несмотря на то что противника не удалось захватить врасплох, поскольку итальянская разведка узнала о готовящемся наступлении, вследствие чего маршал Бадольо приказал своим войскам отступить, дабы втянуть атакующих в ловушку, эфиопы ударили с такой силой, что про-{494}рвали итальянский фронт. К 18 января 1936 г. наступающие эфиопские части дошли почти до дороги, соединяющей Адуа с Мэкэле.

20 января итальянская армия перешла в контрнаступление. 22 января началась большая трехдневная битва в Тэмбене. Итальянцы стремились окружить эфиопскую армию, находящуюся в местности Зэбан-Кэркахта на небольшой речке Май-Мэрытта. Неоднократно в ходе сражения дело доходило до рукопашных схваток. Итальянская сторона постоянно получала подкрепления. У раса Каса-Хайлу и раса Сьюма-Мэнгэши не было резервов, и они в конце концов вынуждены были отступить. Ценой больших потерь итальянцы одержали победу, однако им не удалось добиться главной цели: уничтожить эфиопскую армию. Вследствие поражения в Тэмбене рас Ымру и дэджамач Аялеу вынуждены были также отступить.

Теперь перед маршалом Бадольо встала задача овладеть горой Амба-Арадом, контролирующей важные коммуникации. Без захвата этого важного стратегического пункта нечего было и думать о продвижении вперед по «императорской дороге» в Дэссе. В районе Амба-Арадом находилась армия раса Мулугеты численностью около 80 тыс. солдат, имевшая 50 пулеметов и лишь несколько пушек.

Против них маршал Бадольо выставил 1-й и 3-й корпуса общей численностью 100 тыс. солдат. Итальянцы имели здесь 250 пушек, 230 легких танков, 1344 станковых пулемета, 486 легких пулеметов и 200 самолетов; в составе итальянской армии имелись также химические и инженерные войска.

В это же самое время в горах, расположенных в нескольких десятках километров к западу от позиций, занимаемых войсками раса Мулугеты, находились отряды раса Касы и раса Сьюма-Мэнгэши общей численностью 60 тыс. человек. У них ничего не было, кроме старых

ружей. Правда, против них действовала итальянская группа войск всего в 25 тыс. человек, но она была оснащена танками, имела 55 пушек, 76 станковых и 212 ручных пулеметов, кроме того, ей помогала авиация. Еще далее к западу находились оборонительные позиции {495} войск раса Ымру и дэджазмача Аялеу, приблизительно насчитывающих 40 тыс. человек. Эти войска также не располагали значительной артиллерийской поддержкой и имели мало пулеметов. Против них маршал Бадольо выставил большие силы численностью около 90 тыс. солдат, имевших 148 пушек, бронемашины, танки, самолеты, 1160 станковых и 536 легких пулеметов. Бадольо рассчитывал по очереди разбить каждую из трех указанных эфиопских групп войск. В первую очередь он решил атаковать армию раса Мулугеты, расположенную в районе Амба-Арадом.

11 февраля началась битва за Амба-Арадом. Тяжелые бои продолжались несколько дней. Эфиопы укрепились на склонах горы на высоте 3 тыс. м, и их позициями было очень трудно овладеть фронтальной атакой. Тогда итальянцы применили бомбардировку с воздуха и массированный артиллерийский огонь. Итальянские войска использовали также в борьбе химическое оружие, в частности иприт. Почти безоружные перед лицом постоянных воздушных и газовых атак, под непрерывным артиллерийским огнем, эфиопы, показывая пример большого мужества и решимости, в течение 5 дней удерживали свои позиции. Наконец, видя, что далее невозможно обороняться, рас Мулугета отдал приказ об отступлении. Во время отступления рас Мулугета, командующий армией, военный министр Эфиопии, погиб. Победа в битве за Амба-Арадом, одержанная ценою больших потерь, явилась одним из самых крупных успехов Италии в ходе войны. Она открыла итальянцам путь на Аддис-Абебу и привела к разгрому армии, составлявшей костяк эфиопских войск.

После победы, одержанной у Амба-Арадом, Бадольо решил приступить к ликвидации войск раса Касы-Хайлу и раса Сьюма-Мэнгэши, занимавших позиции в районе массива Андино, в Тэмбене. Итальянское командование могло уже теперь бросить против этой группы также и часть войск, принимавших участие в борьбе за Амба-Арадом. В последние дни февраля соединения Касы-Хайлу и Сьюма-Мэнгэши, усиленные войсками дэджазмача Бэйенэ-Хабтэ-Марьяма, дэджазмача Хайлу-Кэббэдэ, дэджазмача Мэнгэши-Йильма, добились некоторого успеха. Однако итальянские подкрепления, подошедшие в это {496} время из района Амба-Арадом, отрезали эфиопам дорогу на юг. Это принципиально изменило положение на фронте не в пользу эфиопской армии. 27 февраля итальянские части перешли в решающее наступление на эфиопские позиции в районе Пасо-Уарию и Кэчэм-Мельфа в округе Тэмбен. Так началось одно из самых значительных сражений в этой войне, так называемая «вторая битва в Тэмбене». Бой длился 4 дня. Итальянцы снова использовали удушливые газы. Иприт, самолеты и бронетанковые войска решили исход сражения. Эфиопские солдаты с голыми руками бросались на итальянские танки. Однако даже самое большое мужество не могло принести победу эфиопской армии над противником, имевшим колоссальное техническое преимущество. Применение итальянцами удушливых газов представляло особую опасность для эфиопских войск. Позднее Хайле Селассие I писал об одной из газовых атак, примененных против армии раса Сьюма-Мэнгэши: «Началась бомбардировка. Вдруг солдаты начали бросать винтовки, закрывать глаза руками и падать на землю. Сверху на нашу армию медленно опускалась смертоносная мгла. Все живое, что еще оставалось после бомбардировки, было уничтожено газами. В этот день полегло столько людей, что нет сил назвать их число... Мы атаковали пулеметные гнезда, артиллерийские позиции, почти с голыми руками шли на танки и захватывали их. Не сломили нас и воздушные атаки, но с отравляющими газами мы ничего не могли поделать».

Во время «второй битвы в Тэмбене» бессмертную славу завоевал дэджазмач Бэйенэ-Хабтэ-Марьям. Это он в период фуккеры в Аддис-Абебе поклялся императору, что будет до последней капли крови бороться с врагом. Теперь, когда исход сражения был предрешен в пользу итальянцев, дэджазмач Бэйенэ-Хабтэ-Марьям с возгласом «Бэйенэ не отступает перед врагом» бросился с обнаженной саблей на неприятеля, сумел убить нескольких захваченных врасплох итальянцев, а затем упал, сраженный пулей.

Потери с эфиопской стороны во «второй битве в Тэмбене» были чрезвычайно велики. Погибло много выдающихся полководцев. В этом сражении был смертельно ранен дэджазмач Мэшэша-Уольде. Остатки эфиопских {497} войск ушли в труднодоступные горы в Сымен, высота которых превышает 4 тыс. м. Здесь их также атаковала итальянская авиация. Рас Каса-

Хайлу и рас Сьюм-Мэнгэша сумели с остатками разбитой армии прорваться на юг и соединиться с императорским войском.

Во время «второй битвы в Тэмбене» войска раса Ымру и дэджазмача Аялеу находились на северном берегу реки Тэкэзе, в округе Шире. До этого они уже получили приказ атаковать итальянцев в районе Аксума и вели очень тяжелые бои, когда до них дошли вести о трудном положении группировки раса Касы-Хайлу и раса Сьюма-Мэнгэши, но они не смогли прийти ей на помощь в близлежащий Тэмбен. 29 февраля итальянцы нанесли решающий удар, целью которого была окончательная ликвидация группировки раса Ымру и дэджазмача Аялеу. Не рассчитывая на победу, рас Ымру решил отступить на юг, за реку Тэкэзе. Эфиопские войска, отражая атаки противника, сумели отступить к реке, имея относительно небольшие потери. Однако во время переправы они понесли жестокий урон вследствие непрерывных воздушных и газовых атак.

После поражения на северном фронте трех основных групп эфиопских войск, т. е. раса Мулугеты, раса Касы-Хайлу и раса Сьюма-Мэнгэши, а также раса Ымру и дэджазмача Аялеу, в начале марта на главном направлении удара итальянской армии находились только сосредоточенные в районе озера Ашэнге императорские резервы, представлявшие для противника последнее препятствие на пути с севера к Аддис-Абебе.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Одновременно со сражениями на северном фронте с начала октября 1935 г. шли тяжелые бои на южном фронте. Здесь война началась уже 2 октября бомбардировкой итальянской авиацией пограничных районов Эфиопии.

Из Могадишо, где были сконцентрированы основные итальянские силы численностью свыше 110 тыс. человек, два пути вели на Аддис-Абебу. Один через Бэллед-{498} Вен — Корахе — Дэгэх-Бур — Джиджиге — Харэр, второй — через Бейдоа — Луг-Ганана — Доло — Нэгэле — Йирга-Алем — Моджо. В качестве главного направления действий Грациани избрал более легкий путь — через Корахе — Харэр. На втором направлении действовали малочисленные силы. Основной задачей армии Грациани было не наступление, а защита Итальянского Сомали от ожидаемой атаки эфиопской армии и одновременно оттягивание на себя как можно большего количества эфиопских сил с северного фронта.

Эфиопская армия, действовавшая на южном фронте, насчитывала 150 тыс. солдат. Она была разделена на две более или менее равные группировки. Одна, под командованием раса Нэсибу-Заманеля, находилась в Огадене, в районе Сассабанех. В состав армии Нэсибу входили, в частности, войска под командованием дэджазмача Мэконнына-Ындалькачоу, дэджазмача Амдэ-Микаэля, дэджазмача Хабтэ-Микаэля и дэджазмача Аббэбэ-Дамтоу. Вторая эфиопская группировка находилась в Сидамо, на северо-западе от Доло; ею командовал рас Деста-Дамтоу. Значительные эфиопские силы находились также в Бале под командованием дэджазмача Бэйенэ-Мэрыда. Он должен был действовать совместно с расом Деста-Дамтоу.

Заняв в первые дни октября пограничные районы, итальянцы не проявляли затем в течение длительного времени большой активности. Это было вызвано прежде всего значительным дезертирством местных рекрутов, которые составляли основную часть армии Грациани, а также отсутствием воды в пустынных районах Огадена. Отсутствие воды явилось уже в первые дни войны серьезной проблемой для Грациани, которую итальянский полководец в дальнейшем так и не сумел решить.

Первое значительное сражение на сомалийском фронте произошло лишь 2 ноября 1935 г. в местности Корахе, расположенной на пути, ведущем к Джиджиге. В Корахе находились эфиопские войска под командованием гыразмача Афэ-Уорк-Уольдэ-Сэмайт, который построил укрепления в этой местности и прекрасно подготовил ее к защите. В продолжавшемся несколько часов сражении итальянцы не сумели добиться успеха. Тогда они нанесли удар с воздуха. Самолеты, стартовавшие с баз, {499} расположенных в Сомали, налетавшие группами по 30 машин, в течение нескольких часов бомбардировали Корахе. Исход в пользу итальянцев был решен лишь в тот момент, когда осколок бомбы тяжело ранил гыразмача Афэ-Уорка. Пока был в сознании Афэ-Уорк, он не разрешал своим солдатам вынести себя с поля боя, так как он

хотел продолжать сопротивление. Позднее тяжело раненного полководца солдаты попытались переправить на санитарный пункт. Однако ближайший врач находился в санитарном центре Красного Креста, удаленном более чем на 200 км. Пока туда добрались, Афэ-Уорк умер.

13 декабря 1935 г. губернатор провинции Бале, дэджазмач Бэйенэ-Мэрыд, во главе своих собственных войск начал наступление в районе Уаби-Шэбэлле с целью перенесения боевых действий на территорию Итальянского Сомали. Этот большой рейд Бэйенэ-Мэрыда явился серьезной угрозой тылам итальянских армий. В районе, где наступали эфиопы, итальянское командование располагало войсками, насчитывавшими лишь несколько тысяч человек и состоявшими из сомалийцев, при которых находились итальянские советники. 27 декабря Бэйенэ-Мэрыд разбил 7-тысячную сомалийскую армию, пытавшуюся помешать его продвижению. Сомалийцев не спасла от поражения даже поддержка итальянской авиации. Во главе сомалийцев стоял султан Уололь-Джылле. Во время боя на сторону эфиопов перешло 300 сомалийцев, не желавших сражаться на стороне Италии. В свое время итальянцы пытались противопоставить сомалийцев эфиопам с помощью наиболее вероломных методов. Итальянская пропаганда стремилась убедить сомалийцев в том, что эфиопы якобы намереваются захватить их территорию и что при этом они будут применять самые жестокие методы. Нужно отметить, что оголтелая пропаганда нашла определенный отклик среди некоторых сомалийцев, давших себя вовлечь в борьбу против Эфиопии.

Однако Бэйенэ-Мэрыд не смог дальше развить свой успех, поскольку генерал Грациани, получивший в середине декабря 1935 г. значительные подкрепления, подготовил большое наступление в районе Доло. Защищавший этот район рас Дэста-Дамтоу должен был спешно собрать все силы, готовясь к решающему сражению. {500}

В начале января 1936 г. положение эфиопских войск на южном фронте было следующим: к северу и западу от Доло находилась группа раса Дэсты-Дамтоу, к северо-востоку от этих войск, в среднем течении реки Уаби-Шэбэлле, размещались отряды дэджазмача Бэйенэ-Мэрыда, в районе Сассабанех, к юго-востоку от Харэра, находилась армия раса Нэсибу. Когда в первые дни января левое крыло итальянской армии перешло в наступление, войска раса Дэсты-Дамтоу занимали оборонные позиции в следующих местностях: Гогору, Гальгало, Боголь, Манио, Калеча, Фильту. Перед наступлением итальянская авиация произвела бомбардировку районов сосредоточения эфиопской армии. Решающая битва началась 11 января 1936 г. и продолжалась 5 дней. Несмотря на большие потери, итальянцы разбили армию раса Дэсты-Дамтоу. Как часто бывало в этой войне, окончательный исход борьбы решили итальянская авиация и бронетанковые войска.

Затем итальянцам удалось разбить в районе Бале войска под командованием дэджазмача Бэйенэ-Мэрыда.

Разбив армию раса Дэсты-Дамтоу, генерал Грациани оставил в районе Доло и Нэгэле в качестве заслонов лишь небольшие силы. Основную же часть своей армии он сконцентрировал на правом крыле, действующем на главном направлении наступления. Однако Грациани не удалось разбить армию раса Нэсибу прежде, чем была решена судьба войны на северном фронте, когда там в конце марта — начале апреля произошла крупная битва под Май-Чоу.

Прежде чем перейти к событиям на северном фронте, решившим исход войны, необходимо кратко рассказать, как повлияла итало-эфиопская война на международные отношения. Как уже указывалось, эфиопское правительство очень рассчитывало на помощь Лиги наций, тем более что эфиопская проблема стала на рубеже 1935 и 1936 гг. самой важной проблемой международной политики. Итальянская агрессия в Эфиопии получила тогда широкий отклик не только в дипломатических кругах, но также среди мирового общественного мнения, для которого она являлась главным предметом заинтересованности в течение ряда месяцев. {501}

«ПЛАН ЛАВАЛЯ И ХОРА»

Принятие Лигой наций экономических санкций против Италии 18 ноября 1935 г. не изменило положения на фронтах в Эфиопии. Уже первые недели показали, что введение санкций не даст больших результатов, если не будет введена более строгая экономическая блокада Италии. Прежде всего выявилась срочная необходимость расширить список товаров, запре-

щенных для ввоза в Италию, включив в него нефть и уголь, вместе с тем следовало приостановить торговлю Италии с государствами, не входящими в Лигу наций. Насколько важен был этот последний момент, свидетельствует тот факт, что во время применения санкций товарообмен Германии и США с Италией значительно расширился.

Однако решающим фактором для эффективности действия санкций было бы введение эмбарго на поставки в Италию нефти, поскольку, как мы видели, основным условием военных успехов Италии в Эфиопии было действие авиации и бронетанковых войск, не говоря уже о том, что почти все снабжение итальянской армии происходило с помощью автотранспорта. Прекращение поставок нефти Италии при отсутствии ее собственной добычи должно было бы отразиться на ходе войны в Африке. Несколько лет спустя Муссолини сам это подтвердил, заявив: «Если бы Лига наций во время эфиопского конфликта прислушалась к рекомендациям Идена и расширила санкции против Италии на нефть, то мы вынуждены были бы вернуться из Эфиопии в течение восьми дней. Для нас это была бы катастрофа, которую трудно себе представить».

В женевских кругах прекрасно осознавали значение санкций на поставки нефти в Италию. Активным сторонником введения таких санкций был Антони Иден, который, учитывая британские интересы, резко выступал против экспансионистской политики Италии якобы в защиту Эфиопии.

Среди государств, занимавших наиболее последовательную антиитальянскую позицию и требовавших расширения санкций, главную роль играл Советский Союз. Поддерживая позицию Эфиопии, начиная с «инцидента {502} в Уольуоле» и в течение всего «женевского периода» итало-эфиопского конфликта, СССР после развязывания Италией захватнической войны в Африке со все большей энергией выражал свою солидарность на международной арене с борьбой эфиопского народа за свободу.

Впервые вопрос о распространении санкций на нефть был официально поставлен на заседании Лиги наций 2 ноября 1935 г. делегатом Канады Уолтером Ридделем. Он предложил распространить запрет на ввоз в Италию таких видов сырья, как нефть, уголь, железо и сталь. Однако перед началом дискуссии по этому вопросу в Лиге наций в Великобритании состоялись парламентские выборы, принесшие очередную победу консерваторам и укрепившие влияние Самуэля Хора, министра иностранных дел, являвшегося сторонником более умеренной политики в отношении Италии, нежели Иден. В начале декабря уже стало ясно, что по эфиопскому вопросу Хор занимает позицию, близкую к проитальянской позиции Лавалья. А так как Англия и Франция имели наибольшее влияние в Лиге наций, подобная позиция Хора предопределила отрицательное решение вопроса о введении эмбарго на нефть. Окончательное снятие с повестки дня работы Лиги наций предложения о расширении санкций стало уже только вопросом времени. Хор полагал, что существует еще возможность защитить интересы Великобритании в Эфиопии, предложив Италии достаточно большую компенсацию. При этом он даже не пытался создать видимость того, что относится к Эфиопии как к суверенному государству.

В первые дни декабря 1935 г. Хор предпринял попытку реализовать свои планы решения эфиопского вопроса и прибыл в Париж на переговоры с Лавалем. В результате этих переговоров зародился пресловутый «план Лавалья и Хора». 9 декабря Лаваль и Хор согласовали окончательный текст своих предложений о решении итало-эфиопского конфликта. Затем с ними были ознакомлены итальянское и эфиопское правительства. Их предложения состояли в следующем: произвести изменения границ Эфиопии в пользу Италии в районе Огадена и Данакиля. Часть провинции Тигре, в том числе Адуа, будет присоединена к Эритрее. Эфиопия взамен получит порт Асэб и узкий {503} коридор вдоль северной границы Французского Сомали, дающий возможность соединения этого порта с остальной территорией страны. Кроме того, французское и английское правительства предложили выделить в Эфиопии специальную зону, где Италия имела бы неограниченные возможности экономической и эмиграционной экспансии. Граница этой зоны на севере должна была проходить по 8° северной широты. В ее состав вошла бы также значительная часть южной Эфиопии. Таким образом, в результате осуществления «плана Лавалья и Хора» более половины территории Эфиопии находилось бы в границах ничем не ограниченной итальянской экономической экспансии, а значительная часть территории этого государства была бы непосредственно включена в состав итальянских коло-

ниальных владений.

Предложения Лавалья и Хора, предусматривавшие, по мнению эфиопского правительства, фактическую аннексию Италией значительной территории Эфиопии даже без решающей военной победы, встретили в Аддис-Абебе категорическое осуждение. Уже 12 декабря 1935 г. правительство Эфиопии официально отклонило «план Лавалья и Хора», заявляя, что парижские предложения направлены к тому, чтобы Эфиопия, будучи жертвой агрессии, отдала захватчику, в открытой либо скрытой форме, около половины своей территории и в дальнейшем ожидала бы полной аннексии. В середине декабря 1935 г. Хайле Селассие I заявил: «Торжественно и со всей решительностью заявляю, что наши стремления к мирному урегулированию конфликта не изменились, тем не менее принятие нами англо-французских предложений означало бы измену не только в отношении нашего народа, но также Лиге наций и всем тем государствам, которые показали, что возлагают надежды на систему коллективной безопасности. Эти предложения попирают те принципы, на которых основана Лига наций».

Оглашение предложений Лавалья и Хора вызвало всеобщее возмущение во всем мире. Под натиском общественного мнения своих стран оба политических деятеля вынуждены были подать в отставку. Мировая пресса в подавляющем большинстве определила «план Лавалья {504} и Хора» как желание наградить агрессора и поощрить его к дальнейшим агрессивным актам.

В Женеве обсуждение эфиопской проблемы шло медленно, и никаких решений еще не было принято. 18 декабря 1935 г. проходила 2-дневная сессия Совета Лиги наций, темой работы которой было обсуждение актуальной фазы итало-эфиопского конфликта. Эти заседания также не принесли ничего нового; так как в это время были выдвинуты предложения Лавалья и Хора, то даже не состоялась дискуссия по вопросу о нефтяных санкциях, так как появилась надежда, что найдется решение итало-эфиопского конфликта путем компромисса с Италией. В январе 1936 г. эфиопская проблема в международной политике начала постепенно отходить на задний план. Совет Лиги наций передавал рассмотрение вопроса о нефтяных санкциях различным комитетам, которые топили его в нескончаемых процедурных дискуссиях. Это происходило прежде всего потому, что Англия в начале 1936 г. ввиду растущей в Европе угрозы со стороны Германии все менее была заинтересована в расширении санкций. Иден, заменивший Хора на посту министра иностранных дел, еще в январе 1936 г. пытался шантажировать Италию войной, но уже тогда было видно, что это пустые угрозы. Советский Союз, одинокий в Лиге наций в своей последовательной защите Эфиопии, не многое мог сделать сам. Эфиопский вопрос и вопрос о расширении санкций окончательно сошли с повестки дня в первые дни марта 1936 г. Заявление Гитлера в рейхстаге 7 марта о ремилитаризации Рейнской области выдвинуло германскую проблему на первое место в международной политике, отодвигая итало-эфиопский конфликт на задний план.

Ремилитаризация Рейнской области оказалась бесценным козырем для Италии в Лиге наций. С этого момента эфиопский вопрос с политической точки зрения для Италии был выигран. Результат войны в Африке должен был уже зависеть исключительно от хода военных действий. Дальнейшие дебаты по поводу итало-эфиопского конфликта в Лиге наций следует считать чисто формальной борьбой, которая ввиду упоминаемых событий в Европе была предпринята в пользу Италии. Обсуждение вопроса о введении антиитальянских нефтяных санкций {505} формально было завершено на 91-й чрезвычайной сессии Совета Лиги наций. Одновременно было принято обращение к Италии, чтобы та при решении своих споров с Эфиопией руководствовалась духом Лиги наций. В ситуации, когда всему миру было известно, какими варварскими способами, не останавливаясь даже перед применением удушливых газов, захватчики ведут войну против Эфиопии, это обращение звучало почти цинично.

БИТВА ПОД МАЙ-ЧОУ

Тем временем в Эфиопии Бадольо готовился к окончанию военной кампании. Решающий удар планировалось нанести на главном направлении наступления итальянской армии, т. е. на пути, ведущем из Мэкэле в Дэссе, откуда дорога шла на Аддис-Абебу. К концу марта 1936 г. эфиопы сумели сконцентрировать в районе озера Ашэнге на севере от Дэссе остатки

разбитых армий Мулугеты, Сьюма-Мэнгэши, Касы-Хайлу и Ымру, которые вместе с находившееся до этого времени в резерве императорской гвардией составляли еще мощную ударную силу, насчитывающую около 40 тыс. человек.

Накануне битвы под Май-Чоу положение армии осложняли волнения в Годжаме, продолжавшиеся уже длительное время и направленные против Хайле Селассие I. Часть годжамских феодалов, и прежде всего сторонники раса Хайлу-Тэкле-Хайманота, подняла мятеж против Хайле Селассие I уже в конце 1935 г., считая, что война создает выгодную ситуацию для освобождения из-под власти «ныгусэ Шоа» (так называли в некоторых годжамских округах Хайле Селассие I, стараясь избегать в отношении его определения «ныгусэ нэгэст»). В первые недели войны несколько годжамских сановников покинуло армию, удалившись в свои родовые поместья. С их стороны это был открытый бунт. Не желая допустить братоубийственную войну и стремясь покончить с серьезной политической угрозой власти в центре страны, Хайле Селассие I 16 декабря 1935 г. издал прокламацию к населению Годжама, призывая его к борьбе с захватчиком. В этой прокламации, в частности, говорилось: «Годжамский народ! Когда придет враг, он начнет беспощадно и жестоко искоренять твою веру. Отберет силой твоих жен и дочерей. Заберет наследственную собственность. Я не верю, что ты предпочтешь измену мне вместо того, чтобы пролить кровь за свою страну, за свободу Эфиопии, за ортодоксальную веру. Изменили своей стране Эфиопии и мне, императору, дэджазмач Гэссэсэ, фитаурари Тамрат, фитаурари Гэссэсэ-Ныгусе, фитаурари Зэллекэ-Каса, фитаурари Зэллекэ-Уоле, кэннязмач Айеле-Хайлу, кэннязмач Мэрыд-Уасе...»

Указанные в обращении феодалы, покинув императорскую армию, доказали, что сепаратистские тенденции могут быть сильнее даже, чем чувство опасности перед общим врагом. В какой-то мере понятно, что в этой стране, где междоусобные и межэтнические войны были обычным явлением, не все могли правильно оценить сложившуюся ситуацию. Часть феодалов попросту не понимала разницы между угрозой империалистической войны и междоусобными войнами за гегемонию в государстве, к которым в течение веков успели привыкнуть. Однако следует подчеркнуть, что во время войны и 5-летней оккупации случаев сотрудничества с фашистскими захватчиками было значительно меньше, чем надеялись итальянцы, хорошо изучившие эфиопские порядки. Тем не менее выступления во время войны против правительства в Аддис-Абебе, хотя и единичные, были очень выгодны итальянцам. Такое сепаратистское движение, направленное против Хайле Селассие I, развернулось в широком масштабе только в Годжаме.

Декабрьская прокламация императора не дала ожидаемого результата. В Годжаме дошло до открытой гражданской войны, инициаторами которой, в частности, были указанные в прокламации сановники. В связи с этим возникла необходимость выслать против бунтовщиков верные императору войска, в результате чего эфиопские силы оказались ослабленными в момент битвы под Май-Чоу — последней, решающей битвы на северном фронте.

Под Май-Чоу вместе с императором находились абунэ Петрос и ычэге Гэбрэ-Гийоргис, а также известные военачальники, уже ранее действовавшие на северном фронте, как кэннязмач Мэкурия, гыразмач Абэрра-Гызау (командующий императорской гвардией), фитаурари Бырру-Уольдэ-Гэбрыэль, рас Кэббэдэ-Мэнгэша, рас Гетачоу-Абатэ, дэджазмач Мэнгэша-Йильма, дэджазмач Уонд-Йирад, дэджазмач Уольдэ-Амануэль, дэджазмач Абэрра-Тэдла, фитаурари Ашэннафи, дэджазмач Абэрра-Каса, ато Уольдэ-Гийоргис-Уольдэ-Йоханнис и многие другие. Вначале предполагалось занять оборону в районе озера Ашэнге и таким образом преградить врагу путь на Дэссе. Позднее было решено атаковать приближающуюся итальянскую армию. Три подошедших корпуса противника насчитывали вместе 125 тыс. солдат. Они имели мощную поддержку со стороны авиации, 276 танков, 210 орудий, 1720 тяжелых и 698 легких пулеметов. Диспропорция сил была настолько разительной, что в случае сражения у эфиопской армии не имелось никаких шансов на успех. Несмотря на это, 21 марта император принял окончательное решение о наступлении. 27 марта 1936 г. итальянская разведка перехватила телеграмму императора, высланную в Аддис-Абебу, в которой Хайле Селассие I информировал императорский двор о том, что 28—31 марта эфиопская армия будет атаковать врага. Это было большой удачей для итальянцев, так как они имели время занять выгодные позиции и подготовиться к обороне. Эфиопы же лишились большого козыря, которым могла быть внезапность удара.

31 марта, в понедельник, еще в ночной темноте, эфиопская армия начала наступление в районе местности Май-Чоу. Она была разделена на три основные группы. Важнейшей, центральной группой командовал рас Каса-Хайлу. С ним вместе были, в частности, рас Кэббэдэ-Мэнгэша, фитаурари Арая, министр сельского хозяйства Сэйф-Джагыре, аэзаж Богале, нэгад-рас Уодаджо, дэджазмач Абэрра-Тэдла. Во главе правого фланга стоял рас Сьюм-Мэнгэша. Левым крылом эфиопской армии командовал рас Гетачоу-Абатэ. Эфиопское войско напало так внезапно, что итальянцы, несмотря на то что они знали о готовящемся наступлении, не везде смогли выдержать его натиск. Левый фланг итальянской армии понес такие тяжелые потери, что только массированные атаки авиации помешали эфиопам прорвать здесь линию фронта. Битва под Май-Чоу, местности, расположенной севернее озера Ашэнге, продолжалась три дня. 2 апреля 1936 г. итальянцы начали контратаку, но только после того, как воздушные бомбардировки и артиллерийский огонь нанесли жестокий урон императорской гвардии, итальянские войска в конце концов смогли добиться успеха. Эфиопская армия начала отступление. Император в окружении 1 тыс. солдат своей личной стражи направился в Аддис-Абебу, куда прибыл 30 апреля.

Битва под Май-Чоу является одним из наиболее ярких примеров героизма эфиопских солдат во время войны с Италией. Армия начала отступление только тогда, когда в живых оставалась четвертая ее часть. Среди убитых эфиопских воинов было много известных полководцев, таких, как дэджазмач Мэнгэша-Йильма, дэджазмач Уонд-Йирад, дэджазмач Абэрра-Тэдла, фитаурари Нэгаш-Тэсфэе и гыразмач Тэнанне-Дарге вместе со своим сыном Бэккэле.

В результате поражения под Май-Чоу эфиопская армия на северном фронте перестала существовать. Продолжали борьбу лишь ее отдельные группы, применяя тактику партизанской войны. В основном путь на Аддис-Абебу был перед итальянцами открыт. В середине апреля итальянские войска вступили в Дэссе, 23 апреля в этот город прибыл маршал Бадольо. Из Дэссе две колонны итальянских войск, каждая своей дорогой, быстро продвигались к Аддис-Абебе, находившейся на расстоянии около 400 км.

В это же самое время к Дэссе подошли войска центрального фронта. Как мы уже говорили, эти войска сыграли в войне второстепенную роль. 17-тысячная итальянская группировка, иначе называемая «данакильской группой», состоявшая из отрядов мехаристов (наездники на верблюдах) и горной артиллерии, перевозимой также на верблюдах, продвигалась вдоль дороги Асэб — Оддобо — Сэрдо — Ходем-Губо — Дэссе. Однако эта обозначенная на картах дорога, соединявшая важнейшие пункты по линии Асэб — Дэссе, практически не существовала. «Данакильская группа» должна была пройти по одному из самых трудных в Эфиопии пустынных районов. Большую помощь оказала ей в этом транспортная авиация. Задача центрального фронта заключалась в обеспечении безопасности флангов северного и южного фронтов и в оттягивании на себя эфиопских сил. Эфиопские отряды, {509} предназначенные для отражения неприятеля на направлении продвижения «данакильской группы», действовали в районе Дэссе. На этом фронте вообще не было крупных сражений, так как, когда в середине апреля 1936 г. войска «данакильской группы» приблизились к Дэссе, судьба войны была предрешена и эфиопские войска покинули этот район. Во второй половине апреля 1936 г. «данакильская группа» соединилась с войсками северного фронта и перестала существовать как самостоятельная оперативная группа.

В тот момент, когда решалась судьба битвы под Май-Чоу, другие итальянские подразделения действовали в Западной Эфиопии на направлении Галлабат и озеро Тана. 1 апреля генерал Стараце занял Гондэр. 12 апреля войска под командованием генерала Коутуре заняли Галлабат. В тот же день отряды генерала Стараце дошли до озера Тана.

После поражения под Май-Чоу в правящих кругах Эфиопии существовало два мнения по поводу того, как в дальнейшем вести борьбу. Капитулировать не хотел никто. Отстраненный на некоторое время от государственных дел и помилованный незадолго до битвы под Май-Чоу Таккэле-Уольдэ-Хауарьят и его сторонники, такие, как дэджазмач Фыкрэ-Марьям, баламбарас Аббэбэ-Арэгай, министр торговли Мэконнын-Хабтэ-Уольд, дэджазмач Йиггэзу и блаттенгета Хыруй-Уольдэ-Сылласе, предлагали перевести правительство во главе с императором в Горе и продолжать войну, перейдя к чисто партизанским методам борьбы. Они считали, что если император останется в Эфиопии, то это поддержит народ и укрепит его волю к дальнейшей борьбе. Выразители этого мнения полагали, что приближающийся период дождей

радикально изменит ситуацию в пользу эфиопов, так как в это время итальянцы не смогут применять авиацию и будут испытывать затруднение в использовании бронетанковых войск. Они утверждали, что почти не пострадавшие войска Нэсибу, имеющие в своем распоряжении Харэр и Джиджигу, смогут составить ядро будущей армии, которую следует восстановить. Первоначально император склонялся на их сторону, однако позднее взяло верх мнение, выдвинутое расом Касой-Хайлу, расом Гетачоу-Абатэ и фитаурари {510} Бырру-Уольдэ-Гэбрыэлем, считавшими, что Хайле Селассие I вместе с частью правительства должен выехать в Европу, чтобы там, на международной арене, и прежде всего в Лиге наций, защищать Эфиопию.

Приняв решение, император назначил раса Ымру своим заместителем и временным главой правительства и отдал приказ продолжать сопротивление итальянцам, а сам на английском крейсере «Энтэрпрайз» отправился в Европу.

Последствия отъезда императора за границу можно оценивать по-разному, если принимать во внимание интересы эфиопского государства. Можно считать решение Хайле Селассие I правильным, так как в эмиграции он мог предпринимать дипломатические меры в пользу своей страны, но, с другой стороны, остается фактом, что его отъезд способствовал значительному падению его авторитета среди многих эфиопских народностей. В сознании среднего эфиопа жило глубоко укоренившееся убеждение, что никогда, в течение всей истории государства, ни один император, даже в минуты самой большой опасности, не покидал своей страны. Отъезд императора у многих эфиопов мог автоматически ассоциироваться с окончательным падением государства, что, несомненно, ослабляло их волю к борьбе с врагом, тем более что Хайле Селассие I не оставил в стране никого из своих близких родственников.

ЗАХВАТ АДДИС-АБЕБЫ

5 мая 1936 г. итальянские моторизованные подразделения заняли Аддис-Абебу. Итальянское правительство официально объявило миру, что война в Эфиопии закончена. Однако итальянские войска контролировали лишь третью часть территории Эфиопии, и гарнизоны оккупантов чувствовали себя относительно безопасно только в больших населенных пунктах. Вопреки ожиданиям Муссолини захват столицы государства не сломил духа сопротивления у эфиопов, немедленно перешедших к партизанской войне, продолжавшейся в течение всего 5-летнего периода итальянской оккупации.

9 мая 1936 г. итальянское правительство издало декрет об аннексии Эфиопии и о принятии королем Италии Виктором Эммануилом III титула императора Эфиопии. {511}

Глава XXIX

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОККУПАЦИЯ. ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ЭФИОПИИ

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

После официального объявления об аннексии Эфиопии итальянское правительство провело административную реорганизацию своих колониальных владений в Северо-Восточной Африке, создав из них так называемую Итальянскую Восточную Африку, в состав которой вошли Эритрея, Эфиопия и Итальянское Сомали. Итальянская Восточная Африка состояла из следующих 6 провинций:

1. «Эритрея» — в состав которой были включены султанат Ауса, часть Тигре и округ Данакиль. Столицей этой провинции была Асмэра. 2. «Амхара» — со столицей в Гондэре. 3. «Шоа» — с центром в Аддис-Абебе. 4. «Галла-Сидамо» — со столицей в Джимме. 5. «Харэр» — местопребывание властей этой провинции находилось в городе Харэр. 6. «Сомалия», в которую была включена часть прежней эфиопской провинции Харэр и вся огромная провинция Огаден; центр этой провинции находился в Могадишо. Во главе Итальянской Восточной Аф-

рики стоял генерал-губернатор, который одновременно носил титул вице-короля Эфиопии. Его резиденцией была Аддис-Абеба. Вице-королем Эфиопии был назначен генерал Рудольфо Грациани, получивший звание маршала за участие в войне против Эфиопии.

Основной целью завоевания Эфиопии Италией была экономическая эксплуатация этой страны и создание здесь благоприятных для итальянской эмиграции районов. Еще задолго до войны итальянская фашистская пропаганда заявляла, что Эфиопия со своими сказочными природными богатствами станет неисчерпаемым источником сырьевых ресурсов для итальянской про-

Участники национально-освободительного движения против итальянской оккупации.

мышленности. Различные частные предприятия, прельщенные возможностью получить большие прибыли, начали осуществлять экономическую экспансию в Эфиопии при поддержке и участии правительства. Для того чтобы облегчить эксплуатацию Эфиопии и сделать возможным вывоз сырья из провинций, расположенных далеко от побережья, необходимо было прежде построить дороги, поэтому была создана компания, целью которой было строительство дорог и мостов. Вскоре в Эфиопии действовало уже несколько сотен различных компаний, созданных для эксплуатации таких богатств Эфиопии, как леса и природные ресурсы. Итальянцы взяли в свои руки также всю торговлю страны. Возникло несколько смешанных немецко-итальянских обществ, надеявшихся на огромные прибыли. В январе 1937 г. была создана, например, немецко-итальянская компания с местопребыванием в Медиолане, целью которой были поиски и добыча угля в провинциях Харэр и Уоллега. К экономическому проникновению в Эфиопию итальянцы частично допустили немецкий капитал, большой поддержкой которого они пользовались во время войны. Для других стран эфиопский рынок был закрыт. Итальянские власти не позволили вернуться в Аддис-Абебу даже тем предпринимателям из других государств, которые действовали в Эфиопии еще задолго до агрессии и выехали оттуда на некоторое время, опасаясь войны.

Однако вскоре выяснилось, что щедро распространяемые итальянской фашистской пропагандой перед войной слухи о неизмеримых природных богатствах Эфиопии, к которым, как говорилось, достаточно было только протянуть руку, оказались очень преувеличенными. В эфиопской земле, быть может, и имелись такие ценные ископаемые, как железная руда, уголь, нефть или золото. Однако для того, чтобы их добыть, нужно было вложить огромные средства, тем более что здесь почти не существовало инфраструктуры. В промышленном масштабе итальянцам удалось организовать только добычу каменной соли, которую, впрочем, уже много веков добывали традиционным способом в данакильской пустыне. Найдено было также много месторождений олова. Однако рентабельность добычи этих видов сырья стояла под знаком вопроса в связи с тем, что перевозка его до побережья была необычайно дорогой. Без строительства хороших дорог трудно было даже думать о вывозе сырья из Эфиопии в больших масштабах. В недоступных гористых или пустынных местностях, где вдобавок целый сезон идут проливные дожди, строительство коммуникаций было и является задачей очень трудной и прежде всего дорогостоящей. Реализация такого рода мероприятий должна была быть рассчитана на много лет. Италия же, истощенная войной, не располагала достаточными финансовыми средствами, чтобы решить ее. Большие капиталовложения планировалось произвести лишь в будущем. Предполагалось, например, строительство большой плотины и гидроэлектростанции у истоков Голубого Нила на озере Тана с использованием водохранилища для орошения близ-

лежащих земель. Проекты готовила специальная итальянская научная экспедиция, исследовавшая в 1937—1939 гг. район истоков Голубого Нила. Однако итальянцам так и не удалось в течение всего периода оккупации Эфиопии решить проблему транспорта. Дорогу, соединяющую Аддис-Абебу с Могадишо, только с большим трудом удалось приспособить для автотранс-порта. Дорогу, соединяющую столицу Эфиопии через Эритрею с побережьем Красного моря, было также трудно использовать, принимая во внимание опасные крутые повороты и тот факт, что она постоянно размывалась дождями. В результате на таких дорогах автомобили зачастую выходили из строя, что также удорожало стоимость транспортировок из внутренней части страны. Только строительство специальных дорог с не боящимся дождей покрытием могло решить эту проблему и сделать их проезжими в течение всего года. Новые дороги строились очень медленно, в результате чего торговля товарами, которые итальянцы скупали за бесценок или брали даром в провинциях, расположенных далеко от побережья, вследствие огромной стоимости транспортных расходов внутри страны, не давали той прибыли, на которую вначале рассчитывали итальянские коммерсанты.

Итальянская экономическая политика в Эфиопии ложилась тяжелым бременем на плечи местного населения. Содержание оккупационных вооруженных сил в значительной степени обременяло эфиопскую деревню, где итальянские власти реквизировали урожаи на нужды армии. Если даже случалось, что оккупанты платили за продукты некоторую, скорее символическую, сумму, то это ничего не давало крестьянину, так как итальянская валюта не стала у местного населения платежным средством. По той же причине крестьяне перестали ездить на ярмарки, где им платили бумажными лирами. На итальянские деньги эфиопский крестьянин не мог купить много промышленных товаров в итальянских магазинах в Аддис-Абебе и других городах Эфиопии, так как там были очень высокие цены. Причину таких завышенных цен следует, в частности, искать именно в стоимости транспортных расходов.

Оккупанты переселили на другие территории довольно большое количество эфиопских крестьян, проживавших в наиболее урожайных местностях, предназначая эти земли для своих нужд, главным образом для итальянских колонистов, которые постепенно прибывали в Эфиопию. В общем в Эфиопию приехало около 200 тыс. итальянцев. Часть из них осела в деревне, другие работали в торговле, на транспорте и на созданных в некоторых городах небольших промышленных предприятиях. Вопреки ожиданиям итальянского правительства иммиграция в Эфиопию была не слишком велика. Впрочем, оказалось, что здесь не всегда находилась работа даже для тех, кто прибыл.

«ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКИХ ПАРТИЗАНСКИХ ВОЙН»

Основным препятствием в осуществлении экономической эксплуатации Эфиопии Италией было вооруженное сопротивление народов Эфиопии, продолжавшееся в течение всего периода оккупации¹. Благодаря широкой национально-освободительной борьбе, в которой принимали участие все социальные слои и все народности Эфиопии, итальянским вооруженным силам никогда не удавалось подчинить всю Эфиопию ни в военном, ни в политическом отношении. Несмотря на то что и после захвата Аддис-Абебы итальянцы сохранили в Эфиопии огромную армию, имевшую на вооружении значительное количество танков и 300 самолетов, большие территории страны в труднодоступных горных и пустынных районах контролировались в течение всего периода оккупации эфиопскими партизанами.

Освободительную борьбу народов Эфиопии в 1936—1941 гг. можно разделить на три основных этапа: 1 — «первый период великих партизанских войн» — с мая 1936 г., т. е. с момента занятия Аддис-Абебы, до 1937 г.; 2 — период так называемой «новой итальянской политики» — с 1937 до 1938 г.; 3 — «второй период великих партизанских войн» — с 1938 до 1941 г. Этот последний период освободительного движения четко делится на два этапа: а) с 1938 г. до конца 1940 г.; б) с января 1941 г., т. е. с момента вступления на территорию Эфиопии союзнических отрядов, которым во многом помогли одержать победу эфиопские партизаны, и до конца 1941 г., когда итальянские войска были уже полностью разбиты.

¹ См.: Облик Д. Р. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости 1860—1960. М., 1961.— *Прим. ред.*

Характерной чертой эфиопского освободительного движения является непосредственный переход от военных действий на фронтах к партизанской борьбе. Еще перед {516} занятием Аддис-Абебы итальянцами часть разбитых на северном фронте эфиопских войск, оставшихся в тылу врага, начали партизанскую борьбу. Борьбе такого рода способствовала гористая местность, так как небольшие отряды партизан трудно было обнаружить. После захвата итальянцами столицы Эфиопии деятельность партизан значительно усилилась. Назначенный Хайле Селассие I его заместителем и главой правительства рас Ымру получил приказ направиться на юго-запад Эфиопии, в Горе, и продолжать там борьбу. Недалеко от самой столицы находились в укрытии многочисленные эфиопские отряды, ожидавшие только сигнала к борьбе. Уже в мае 1936 г. разгорелись первые ожесточенные схватки, служившие итальянцам сигналом того, что сопротивление не сломлено. Партизанам даже удалось отбить на некоторое время у неприятеля город Дэссе. Период больших дождей 1936 г. сопровождался также большим количеством крупных партизанских акций. Итальянская политика, направленная на то, чтобы поссорить между собой отдельные эфиопские народности, не принесла больших результатов, и движение сопротивления развернулось во всех главных эфиопских провинциях.

В момент объявления Италией аннексии Эфиопии итальянская армия — как мы упоминали — контролировала только треть эфиопской территории и все важнейшие города страны. Грациани надеялся, что с помощью террора ему удастся быстро покончить с эфиопским движением сопротивления, и он заверил итальянское правительство, что в ближайшее время в Эфиопии станет спокойно, партизаны будут разбиты, население разоружено и итальянскому господству в этой стране ничего не будет угрожать. Однако уже в первые месяцы оккупации эти утверждения были опровергнуты. Несмотря на итальянские репрессии, сопротивление партизан набирало силу в различных районах страны. В районе Аддис-Абебы уже летом 1936 г. находилось несколько партизанских отрядов: дэджазмач Фыкрэ-Марьям действовал в Йеке, дэджазмач Абэрра-Каса — в Сулульте, Гэррэсу-Дуки в Уолисо, дэджазмач Бальча — в Уочэче, гыразмач Зоуде-Асфая и Мэсфын — в Гэфэрсе. В июне 1936 г. отряды дэджазмачей Бальчи, Абэрра-Касы и Фыкрэ-Марьям почти еже-{517}дневно нападали на итальянские транспорты, направлявшиеся в Аддис-Абебу, чтобы лишить находившийся там итальянский гарнизон продовольствия. Оккупационные власти ввели в столице комендантский час, пытаясь таким образом помешать населению города поддерживать связи с партизанами ночью.

В начале октября 1936 г. боевые действия в районе Аддис-Абебы усилились. Партизаны намеревались даже захватить столицу. Они нападали на итальянцев преимущественно ночью, после чего уходили в горы, где пережидали воздушные бомбардировки. Наконец, ночью 16 октября партизанским отрядам удалось ворваться в столицу. Бои на улицах продолжались до утра. Дэджазмач Фыкрэ-Марьям во главе своего отряда дошел даже до императорского дворца. Под утро эфиопские силы перед лицом превосходящих сил противника должны были отступить. Бои за Аддис-Абебу продолжались 5 дней. В конце концов партизанские предводители в связи с тем, что к столице подходили подкрепления итальянцев, решили перенести действия в другие районы. В это же самое время другие партизанские отряды атаковали итальянский гарнизон в местности Хадама и перерезали здесь на некоторое время железную дорогу. В этом сражении погибло около 1 тыс. африканских солдат, находившихся на итальянской службе, и 300 «чернорубашечников».

Кроме отрядов, действовавших в непосредственной близости от столицы, партизанские отряды сражались и во многих других районах Шоа. Прежде всего нужно назвать сильную группу баламбараса Аббэбэ-Арэгая, который позднее за свои заслуги получил звание раса. Из других крупных партизанских групп, которые вели борьбу против итальянцев уже с первых дней оккупации, следует назвать группу раса Дэсты-Дамтоу, действовавшего в Сидамо во главе отрядов, насчитывавших, как говорят, 95 тыс. человек, однако полагаем, что эта цифра завышена. Вместе с расом Дэстой-Дамтоу в Сидамо боролись еще пять дэджазмачей. Значительные партизанские силы находились также в других округах: в Нэкэмте (Лекэмет) во главе с дэджазмачем Гэбрэ-Марьямом, в Аруси — с бэджырондом Фыкрэ-Сылласе, в Уоллеге — с фитаурари Йоханнысом, в Джимме — с кэнтибой Танном, {518} в Бале — с дэджазмачем Бэйенэ-Мэрыдом. Со временем возникли новые партизанские отряды, и вскоре они действовали во всех эфиопских провинциях.

Номинально все партизанские отряды были подчинены расу Ымру, местопребывание

которого было в Горе. Фактически же из-за отсутствия соответствующих средств связи и вследствие контроля со стороны итальянцев над важнейшими коммуникациями общее руководство было скорее иллюзорным. За короткий период своей деятельности раса Ымру имел некоторое влияние лишь на отряды раса Дэсты-Дамтоу, бэджыронда Фыкрэ-Сылласе, дэджазмача Бэйенэ-Мэрыда и дэджазмача Абэрра-Касы.

Генерал Грациани приступил к подавлению движения сопротивления, отдав приказ расправляться с партизанами без всякого милосердия. Неслыханная жестокость и нечеловеческие пытки, характеризующие период правления Грациани в Эфиопии, могут сравниться только с репрессиями гитлеровцев в отношении народов оккупированных территорий Восточной Европы во время второй мировой волны. После карательных операций, во время которых итальянские войска применяли, как и в период военной кампании, боевые газы, и прежде всего самое страшное в то время химическое оружие — иприт, фашисты часто отрезали головы убитых и, держа их в руках, позировали для фотографий. Сцены подобного рода должны были служить устрашающим примером для населения. Для Грациани террор был методом «успокоения» страны (так определял итальянский вице-король проводимые репрессии).

Одной из первых крупных военных операций итальянцев против не признающих итальянского господства эфиопов была так называемая «данакильская экспедиция». В начале сентября 1936 г. почти 30-тысячная итальянская армия двинулась в пустынные районы Данакиля с целью заставить покориться жившие там племена и конфисковать все имевшееся у них оружие. В трудных условиях пустыни, так же как и в высокогорных районах, итальянцы не смогли использовать свое техническое преимущество. После трех месяцев они вынуждены были отступить, неся значительные потери. Таким образом, еще раз было доказано, что в Эфиопии единственно правильным {519} методом ведения военных действий с вооруженной до зубов итальянской армией была тактика партизанской борьбы и активной обороны с использованием особенностей территории и знакомых населению традиционных способов ведения войны. Как мы уже указывали, таких взглядов придерживался в начале войны 1935—1936 гг. Хайле Селассие I. Однако позднее, в начале 1936 г., вопреки мнению многих расов и следуя советам своих европейских советников, не понимавших специфику местных условий, он решил вести регулярные бои и фронтальные атаки, что в скором времени подорвало эфиопские силы и значительно ускорило поражение.

1 января 1937 г. Грациани выслал вторую большую экспедиционную армию в округ Данакиль. Она насчитывала 50 тыс. солдат. Для итальянцев было очень важно как можно быстрее подавить сопротивление в этом районе, так как они начали строительство дорог через страну Ауса, а данакильские племена постоянно прерывали ход работ вооруженными нападениями. Вторая «данакильская экспедиция» также не принесла полного успеха.

Серьезную опасность представляли для итальянцев части не разгромленной ими армии раса Нэсибу-Заманеля, действовавшей на южном фронте и в момент окончания войны находящейся в провинции Харэр. Кроме того, прежде чем силы генерала Грациани подошли к Джиджиге, Харэру и Дыре-Дауа, большая часть мужского населения этих городов скрылась в горах, захватив с собой оружие. 6 мая 1936 г. итальянцы вступили в Харэр. В течение трех дней без всякого повода они расстреляли свыше 500 человек. Всеобщее негодование во всей провинции вызвала жестокая и бессмысленная расправа над шестнадцатью старцами, совершенная оккупантами в воскресенье 9 мая. Солдаты оккупационной армии вошли в эфиопскую церковь и начали звонить в колокола. Эти старцы, думая, что звонят на молитву, направились в церковь, но у входа были убиты. Расправа в Харэре продолжалась 18 дней, массовым явлением было насильственное эфиопских женщин.

Против находившихся в горах в районе Харэра эфиопских отрядов, во главе которых стоял фитаурари Баадэ, итальянцы выслали 40-тысячную армию и 500 самолетов. {520} Бои продолжались с 10 июня до 23 июля. Понеся тяжелые потери, итальянцы не сумели разбить войска фитаурари Баадэ, которые, маневрируя в районе между Харэром и Джиджигой, избежали окружения и отошли в Чэрчэр. И на этот раз итальянцы использовали против партизан боевые газы. Чтобы отомстить за потери, понесенные в борьбе с отрядами фитаурари Баадэ, оккупационные власти расстреляли несколько тысяч человек местного населения.

Осенью 1936 г. итальянцы решили начать ликвидацию двух самых грозных для них партизанских группировок: сил раса Дэсты-Дамтоу и раса Ымру. Этот последний как офици-

альный заместитель Хайле Селассие I был опасен для итальянцев не столько в военном отношении, так как сам он не располагал большой военной силой, сколько в политическом.

Первые крупные сражения между оккупационной армией и войсками раса Дэсты-Дамтоу произошли в начале октября 1936 г., когда эфиопские отряды атаковали итальянские позиции в районе железнодорожного моста на реке Аваш. Рас Дэста-Дамтоу, предпринимая такую далекую от основного района своих действий экспедицию на север, рассчитывал на какое-то время перерезать железную дорогу, соединяющую Аддис-Абебу с Джибути, и одновременно захватить оружие, боеприпасы, которых ему не хватало. В течение 16 суток, днем и ночью, продолжались бои за мост на реке Аваш. Эфиопские источники указывают, что в этих боях с обеих сторон погибло 30 тыс. человек.

Несмотря на усилия итальянцев, им до конца 1936 г. не удалось разбить отряды раса Дэсты-Дамтоу. Более того, он распространил свои действия в этот период на провинции Уоллега и Кэмбата. В январе 1937 г. Грациани выслал против него специальный экспедиционный отряд в 8 тыс. человек, который был полностью разбит партизанами, правда ценой огромных потерь. С расом Дэстой-Дамтоу совместно действовал и дэджазмач Гэбрэ-Марьям. Последнего Грациани пытался привлечь на свою сторону, предлагая ему должность губернатора провинции Сидамо. Дэджазмач Гэбрэ-Марьям с возмущением отклонил эти предложения. Тогда в январе 1937 г. против отрядов раса {521} Дэсты-Дамтоу выступил сам Грациани во главе специально подобранной 12-тысячной армии, подкреплённой десятками самолетов. В ходе этой операции итальянцы первоначально чуть не потерпели поражение в борьбе с отрядами под командованием Ака-Салабы. Однако позднее, в сражении 13—15 февраля в районе реки Аваш, им удалось разбить объединённые партизанские силы провинций Аруси, Бале и Харэр под командованием губернатора Бале дэджазмача Бэйенэ-Мэрыда. Вместе с Бэйенэ-Мэрыдом в руки к итальянцам попали тогда дэджазмач Гэбрэ-Марьям и фитаурари Шимэллис. Все они были немедленно расстреляны.

В это же время был взят в плен итальянцами тяжело раненный губернатор провинции Сидамо рас Дэста-Дамтоу. Грациани, разгневанный его длительным сопротивлением, приказал его тотчас расстрелять. Раненого раса, который из-за большой потери крови не мог держаться на ногах, привязали к дереву и расстреляли.

Несколько раньше итальянцам удалось разбить силы раса Ымру, вместе с которым сражалась часть членов правительства и была связана значительная группа образованной молодежи, пытавшаяся создать освободительную организацию под названием «Черные львы», основанную на современных организационных принципах, с собственным уставом. Эта группа, провозглашавшая необходимость объединения всех патриотических сил в борьбе против оккупантов и создания новых организационных форм движения сопротивления, представляла особенно большую политическую опасность для итальянских властей. В декабре 1936 г., вероятно в результате измены, итальянским войскам удалось окружить ночью лагерь раса Ымру. Рас Ымру был взят в плен. Стремясь лишить его возможности бежать, оккупанты отправили пленника в тюрьму в Италию.

Большую роль в движении сопротивления сыграла эфиопская церковь. Эфиопское духовенство, представлявшее преимущественно консервативные круги, заняло в основном враждебную позицию в отношении захватчиков. Вообще следует отметить интересный факт, что большая часть феодалов и местных вождей, придерживавшихся наиболее консервативных политических и обществен- {522} ных взглядов и находившаяся всегда в оппозиции в отношении каких-либо реформ, проводимых Хайле Селассие I, тесно связанная с этническими традициями и возводившая в принцип политику изоляции в отношении внешнего мира, очень быстро стала на путь сопротивления.

В данном случае на это повлияло, видимо, не только чувство общегосударственного патриотизма, но и опасения, что оккупанты попытаются преобразовать социально-экономическую систему соответственно со своими потребностями. Этот факт в глазах европейца может показаться парадоксальным, однако тем не менее глубокая косность некоторых эфиопских феодальных кругов была одним из основных факторов, наряду с чувством патриотизма, затруднявших оккупантам заполучить коллаборационистов.

Эфиопская церковь также опасалась утратить главенствующие экономические и политические позиции в государстве и потому поддерживала движение сопротивления, хотя чаще

всего только косвенно. Эфиопское духовенство, памятуя времена, когда в начале XVII в. иезуиты пытались отобрать у него политическую гегемонию в государстве, с беспокойством и тревогой наблюдало за новым политическим порядком, создаваемым в стране оккупантами. Одним из примеров непосредственного участия высшего эфиопского духовенства в движении сопротивления является деятельность абунэ Петроса из Уолло. После захвата Аддис-Абебы итальянскими войсками абунэ Петрос присоединился к партизанам, действовавшим в Сэлале. Здесь Петрос отлучил от церкви всех тех, кто не присоединился к борьбе против врага. Абунэ Петрос, деятельность которого вызывала ненависть итальянцев, так как она влекла за собой рост числа участников движения сопротивления, в июле 1936 г. был схвачен оккупантами. Оккупационные власти обещали ему свободу за сотрудничество с ними. После отказа абунэ Петрос был расстрелян итальянцами 30 июля 1936 г. Перед смертью он успел выкрикнуть слова: «Будьте прокляты все, кто подчинится итальянцам». Весть о поведении абунэ Петроса разнеслась по всей Эфиопии и значительно способствовала усилению сопротивления среди христианского населения. Такого рода позиция духовенства была серьезным ударом {523} для итальянской политики в Эфиопии. Итальянцы многократно пытались подчинить себе эфиопскую церковь, в частности, путем назначения на некоторые должности настроенных лояльно в отношении себя лиц, чаще всего родом из-за границы, главным образом из Египта. Однако эти попытки не оправдали надежд оккупантов, так как назначенное итальянскими властями духовенство не имело никакого авторитета у местного населения.

Тот факт, что в движение сопротивления вступили и массы из бедных слоев эфиопского населения, определил его большой размах. Составляя основную часть населения страны, они были неисчерпаемым источником пополнения для партизанских отрядов. Участие сельского населения в движении сопротивления и поддержка, которую оно ему оказывало, являлось фактором, предопределяющим его успехи. В горных районах Эфиопии практически невозможно было уничтожить партизанские отряды, имевшие поддержку среди местного населения, которая выражалась в поставках продовольствия и пополнении рядов партизан. Это прекрасно понимали оккупанты, которые, стремясь устроить население и изолировать его от партизан, жгли деревни, совершенно опустошая значительные области страны там, где действовали большие партизанские отряды. Деревни поджигались, как правило, итальянской авиацией, так как небольшие отряды оккупантов боялись проникать в глубь страны.

Проведение карательных экспедиций против безоружного населения являлось методом, систематически применяемым Грациани. Об одной из таких экспедиций, а их насчитывается множество, итальянский вице-король так докладывал Риму 25 марта 1937 г.: «В радиусе 25 км не осталось камня на камне. Разрушено свыше 40 деревень, сожжено 4 тыс. домов. Наши потери: 31 убитый и 38 раненых. Потери врага: 212 убитых во время боев. Расстреляно 396 человек». В октябре 1936 г. Грациани издал приказ о необходимости «всеобщего уничтожения» врага, впрочем только подтверждая этим свои прежние указания.

Политика эта не принесла желаемых результатов. Напротив, движение сопротивления в последние месяцы 1936 г. получило еще больший размах. Так, в районе Ан- {524} кобэр выросли силы одного из самых крупных партизанских командиров, раса Аббэбэ-Арэгая, который в начале 1937 г. имел уже в своем распоряжении армию в несколько десятков тысяч человек. Совместно с ним действовали дэджазмач Аурарис, дэджазмач Фыкрэ-Марьям и дэджазмач Зоуде-Асфау.

В начале 1937 г. эти отряды действовали близко от Аддис-Абебы.

К партизанским командирам, которые после гибели раса Дэсты-Дамтоу и пленения раса Ымру не только не прекратили борьбу, но в первые месяцы 1937 г. продолжали ее с еще большим упорством, принадлежали, в частности, дэджазмач Мэнгэша-Йильма, действовавший в Годжаме, и дэджазмач Нэгаш — в западном Шоа и Годжаме. Таким образом, когда итальянцам казалось, что сопротивление в данной провинции уже подавлено, и они переносили действия в другую часть страны, в ней снова вспыхивало вооруженное выступление населения. Однако за свои действия партизаны платили огромными человеческими потерями — намного большими, чем итальянцы, располагающие непропорциональным техническим преимуществом.

Наряду с партизанскими командирами, такими, как Аббэбэ-Арэгай, за голову которого оккупационные власти назначили огромную сумму, во время партизанской борьбы прослави-

лись многие участники движения сопротивления, которые, несмотря на то что они не выполняли высших командных функций, в глазах народа были окружены легендой, а их имена в эти годы стали синонимом героизма. К ним, в частности, принадлежал Уольдэ-Йоханнис-Зэмэденэх. В рядах императорской гвардии он принимал участие в битве под Май-Чоу, где получил шесть ранений. Затем он сражался в партизанском отряде дэджамеча Фыкрэ-Марьяма, с которым ворвался в Аддис-Абебу во время известного нападения партизан на столицу в октябре 1936 г. В этой битве Уольдэ-Йоханнис-Зэмэденэх снова получил несколько ран. Позднее он был в отряде под командой Аббэбэ-Арэгая в Мэнзе, где снова был многократно ранен, всегда находясь в первых рядах атакующих. Затем он участвовал в боях под командованием дэджамеча Хайлу-Уольдэ-Мэдхына. Прежде чем он {525} погиб в одном из сражений, он еще многократно отличился в борьбе с оккупантами.

Другим примером партизанского героя, о котором в это время слагали песни, является гыразмач Абэрра-Гызау. Перед войной он был офицером императорской гвардии. Он командовал отрядом, охранявшим Хайле Селассие I, когда тот после битвы под Май-Чоу возвращался в Аддис-Абебу. После отъезда императора, став во главе своего отряда, Абэрра-Гызау начал борьбу с врагами и погиб 19 октября 1936 г.

Большой славой было окружено также имя баламбараса Ымру-Гызау. Во время войны он сражался в армии, действовавшей в провинции Бале, где отличился как командир одного из отрядов. Позднее он стал во главе небольшой партизанской группы в округе Гинир. Вместе с ним сражались его братья: Кэббэдэ-Гызау и Чэкол-Гызау. Вскоре оба они погибли в борьбе с итальянцами. 3 марта 1937 г. баламбарас Ымру-Гызау захватил хорошо укрепленные позиции итальянских оккупационных войск в местности Кэкса-Булала. Во время битвы погибло большинство неприятельских солдат, а остатки итальянского гарнизона были взяты в плен. Позднее, атакованный новыми отрядами врага и авиацией, после продолжавшегося несколько часов боя, когда его отряд практически уже перестал существовать, баламбарас Ымру-Гызау покончил с собой, не желая попасть живым в руки итальянцев.

ПОКУШЕНИЕ НА ГРАЦИАНИ. ВЕЛИКАЯ РЕЗНЯ

19 февраля 1937 г. двое молодых эфиопов, Абрыха-Дэбоч и Могэс-Асгэдом, совершили в Аддис-Абебе покушение на Грациани. Бомба была брошена в тот момент, когда перед императорским дворцом собрались многие крупные эфиопские феодалы, которым вице-король должен был вручить подарки для бедных, желая тем самым снискать себе популярность. Совершая покушение, Абрыха-Дэбоч и Могэс-Асгэдом желали показать мировой общественности, что эфиопский народ никогда не примирится с оккупацией. Грациани остался невредимым, получив только небольшие ушибы. Изготовленная домашним способом бомба не обладала большой взрывной силой. {526} Было ранено несколько высших офицеров из окружения маршала, в том числе генерал Аурелио Лиотта, главнокомандующий итальянскими воздушными силами в Эфиопии. В ответ на покушение по приказу Грациани оккупационные власти совершили чудовищную расправу с населением Аддис-Абебы. События, имевшие место в Аддис-Абебе 19 февраля и в последующие дни, в эфиопистской литературе получили название «великая резня». Грациани отдал приказ стрелять в любого эфиопа, который появится на улице. Позднее безоружных людей убивали также и в домах. Зачастую дома поджигались, а по людям, пытавшимся выбраться из пламени, открывали пулеметный огонь. Столицу, где проходила кровавая расправа с эфиопским населением, окружили итальянские войска. Была прервана телеграфная связь Аддис-Абебы с миром. В этой акции участвовали фашистские «чернорубашечники-добровольцы».

Погром в Аддис-Абебе продолжался несколько дней. Репрессиям подверглись также жители всех близлежащих местностей, таких, как Йека, Фури, Акаки, Гэфэрсэ. Вскоре на деревьях, растущих вдоль дорог, ведущих к Аддис-Абебе, можно было увидеть множество повешенных эфиопов. Репрессиям были подвергнуты также другие города, такие, как Харэр и Дыре-Дауа. В самой столице в феврале 1937 г. было убито 30 тыс. жителей. Жертвой репрессий пала тогда почти вся немногочисленная эфиопская интеллигенция, если не считать той ее части, которая находилась в эмиграции или в партизанских отрядах. До настоящего времени день

19 февраля отмечается в Эфиопии как день национального траура.

Движение сопротивления не располагало современными средствами пропаганды, поэтому существенную роль в распространении антиитальянской пропаганды играли бродячие певцы и предсказатели, пользовавшиеся большим авторитетом у народов Эфиопии. После упомянутого покушения Грациани наряду с расширением общих репрессий в отношении гражданского населения и усилением военных действий против партизан приступил также к физической ликвидации этих певцов и предсказателей. О своих действиях Грациани таким образом информировал итальянское министерство колоний 19 марта 1937 г.: {527} «После покушения 19 февраля политические органы и полиция сообщили мне, что к опасным для общественного порядка элементам следует отнести бродячих певцов, ясновидцев и колдунов. Они распространяют среди отсталого, невежественного и суеверного населения неправдоподобные слухи о том, что якобы должно произойти полное уничтожение населения итальянцами, о приближающемся нападении на столицу повстанческих отрядов, использующих иностранную помощь, о близком возвращении нгусэ во главе многочисленной армии и тому подобное... Убежденный в необходимости с корнем вырвать эту сорную траву, я отдал приказ задерживать и расстреливать всех бродячих певцов, ясновидцев и предсказателей в городе и окрестностях. На сегодняшний день ликвидировано 70 человек».

На следующий день Грациани получил от Муссолини телеграмму, полностью одобряющую его действия. 23 марта Грациани отдал приказ губернаторам провинций и командирам больших гарнизонов принять те же самые меры, что и в столице. Приказывая усилить репрессии главным образом на территории Шоа, Грациани заканчивал свой приказ словами: «Я жду сообщения о числе расстрелянных отшельников, предсказателей, певцов и бродячих ясновидцев. А также число тех, кто будет отправлен в заключение».

Особенно широко движение сопротивления развернулось среди амхарского населения в Шоа. В связи с этим и репрессии оккупантов прежде всего были направлены против амхара как в Шоа, так и в других провинциях. Оккупационные власти считали эту группу населения своим главным врагом, в отношении которого они особенно жестоко применяли политику «всеобщего уничтожения». Среди многочисленных актов террора, проводившихся итальянцами в первые месяцы против амхара, следует отметить расстрел в Нэкэмте 24 апреля 32 амхарских сановников.

О политике, которой придерживались итальянцы по отношению к амхарскому населению, красноречиво свидетельствует инструкция Грациани военным и гражданским властям от 12 мая 1937 г.: «Действовать от моего имени более решительно против групп мятежников, с тем чтобы {528} их разоружить, а также полностью изолировать всех амхарских вождей, как крупных, так и мелких, для того чтобы в будущем избежать противодействия с их стороны. Остальная часть населения является апатичной массой, которую после изоляции вождей можно будет легко подчинить. Все должны это осознать. Гражданские служащие и военные командиры должны отбросить ложное чувство милосердия и гуманизма. У нас должна быть только одна цель — укрепление империи».

Для истребления населения предназначались также концентрационные лагеря, созданные на территории Итальянского Сомали. В них высылались прежде всего взятые в плен партизаны и — в соответствии с рекомендациями Грациани — те амхарские феодалы, которые, по мнению оккупационных властей, могли присоединиться к освободительному движению. Многие узники умерли в этих лагерях вследствие тяжелой работы и неслыханно трудных условий, которые там для них специально создавались.

В мае 1937 г. в ответ на участие духовенства в движении сопротивления Грациани приказал расстрелять монахов известного эфиопского монастыря Дэбрэ-Либанос. Осуществление этой акции 19 мая было поручено генералу Малетте, который получил лаконичный приказ: «Расстрелять всех монахов, пребывающих в монастыре». Испугавшись политических последствий, которые могла вызвать такая расправа в почти святом для многих эфиопов монастыре, генерал, по-видимому, послал Грациани запрос: правильно ли он понял приказ. 24 мая Грациани вновь ему телеграфировал: «Подтверждаю полную ответственность монастыря Дэбрэ-Либанос. Приказываю вашему превосходительству сразу же расстрелять всех монахов в Дэбрэ-Либаносе. Подтвердить словами — полная ликвидация». В конце мая 1937 г. в Дэбрэ-Либаносе приговор был приведен в исполнение: было расстреляно 320 монахов.

Уехавший за границу Хайле Селассие I вел на международной арене борьбу за оказание поддержки Эфиопии. В конце июня 1936 г. он прибыл в Женеву, чтобы лично просить помощи в Лиге наций. 30 июня 1936 г. на заседании Ассамблеи Лиги наций он произнес речь, в которой {529} указывал на варварские методы, с помощью которых итальянцы захватили его страну. Император обратился к Лиге наций с призывом оказать поддержку борющимся за свободу народам Эфиопии. Во время речи в зале заседаний произошел инцидент. Группа разнужданных, профашистски настроенных итальянских журналистов пыталась прервать выступление Хайле Селассие I громкими криками и шумом. Лишь через некоторое время представители службы общественного порядка заставили их покинуть зал.

Полная драматизма речь императора Эфиопии, произнесенная в Лиге наций, получила широкий отклик в мировой прессе. Однако это не оказало большого влияния на решение, принятое по эфиопскому вопросу в Женеве, ибо здесь не только не поддержали резолюцию, представленную эфиопской делегацией с требованием не признавать аннексии Эфиопии, но даже постановили ликвидировать антиитальянские экономические санкции. Была отклонена также просьба Эфиопии об оказании ей финансовой помощи в размере 10 млн. фунтов стерлингов. 6 июля 1936 г. Координационный комитет Лиги наций принял решение о ликвидации санкций с 15 июля 1936 г. Это означало окончательную и полную победу Италии в эфиопском вопросе в Лиге наций. Мало того, в сентябре 1936 г. итальянский министр иностранных дел угрожал, что итальянская делегация не будет участвовать в заседаниях Лиги наций, если в них впредь будет принимать участие представитель Эфиопии. В результате в том же месяце были ограничены права эфиопской делегации в Лиге наций. Таким образом, Эфиопия в соответствии с желанием агрессора была фактически лишена прав члена этой организации. Вслед за этим отдельные государства начали официально признавать аннексию Эфиопии². Первой это сделала Германия в октябре 1936 г. В ноябре того же года аннексию признали Венгрия, Австрия. В июне 1937 г. аннексию признала Япония. До 1938 г. аннексию признал ряд других государств. Согласились с ней также Великобритания и Франция. Против признания аннексии {530} в течение всего этого периода в Лиге наций энергично выступала делегация СССР. Не признавали ее также Соединенные Штаты Америки исходя из того, что исключительность влияния Италии в Эфиопии нарушает экономические интересы США в этой стране.

В ситуации, когда ведущие державы Западной Европы согласились с захватом Эфиопии, деятельность Хайле Селассие I в Лиге наций не могла принести конкретных результатов, но имела большое пропагандистское значение, ибо она не позволяла забывать миру, что Эфиопия борется за свободу и никогда не примирится с утратой независимости.

КНЯЗЬ АМАДЕО Д'АОСТА И «НОВАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЛИТИКА»

Репрессии, применяемые Грациани после покушения 19 февраля 1937 г., не сломили движение сопротивления, хотя, несомненно, нанесли ему тяжелые потери. Правда, ослабла деятельность партизанских отрядов в провинции Шоа, главном центре антиитальянской борьбы, но одновременно было отмечено оживление военных действий против итальянцев в других провинциях, таких, как Уолло, Тигре, Бэгемдыр и Годжам. В сентябре 1937 г. партизанам удалось даже овладеть — хотя и на короткое время — одним из крупных центров в провинции Тигре — Адуа. В этом бою погибло несколько сотен итальянцев. В том же месяце партизаны разбили итальянский гарнизон в Дэбре-Таборе, главном городе Годжама, и 4 батальона оккупационных войск, направлявшихся ему на помощь. В октябре 1937 г. произошло крупное сражение партизан с итальянскими войсками, насчитывавшими более десяти тысяч человек. Итальянцы понесли тогда большие потери, однако и с эфиопской стороны потери были огромны. В частности, тогда был ранен баламбарас Таддэсэ-Ныгусе.

Борьбу в Годжаме продолжали битуюдэд Нэгаш-Бэззабых, дэджазмач Мэнгэша-Джэмбэре и лыдж Бэлай-Зэллекэ. В Бэгемдыре и Тигре вели борьбу рас Уыбнэх-Тэсэмма, дэджазмач Гэбрэ-Хыйуот, дэджазмач Асфа-Уогэра, фитаурари Мэсфыл-Рэдда, лыдж Дэста-Мару

² См.: Козлов В. С. Итало-эфиопская война 1935—1936 гг. М., 1951; Диссертация; Вобликов Д. Р. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости, 1860—1960. М., 1961. — *Прим. ред.*

и лыдж {531} Йоханнис-Мару, а также дэджазмач Хайлу-Уонд. В Тэмбене в партизанской борьбе прославилось имя фитаурари Хайлу-Кыбрэт. В Сидамо, после смерти Дэсты-Дамтоу, во главе освободительного движения стали кэннязмач Бэйенэ, кэннязмач Гудэте и кэннязмач Вэккэле-Уольдэ-Мэдхын. В Уоллеге боролся фитаурари Гэррэсу, а в Боране — дэджазмач Тэсфайе-Уольде. Следовательно, в конце 1937 г. движение сопротивления продолжало существовать. Стало ясно, что применяемая Грациани политика «тотального уничтожения» потерпела фиаско. Это было одной из причин отзыва в конце 1937 г. итальянским правительством Грациани с поста вице-короля Эфиопии. На его место был назначен Амадео д'Аоста.

Новый вице-король Итальянской Восточной Африки, не отказываясь от репрессий в отношении партизан, выдвигал, однако, на первый план политику разжигания межнациональной розни среди отдельных эфиопских народностей, стремясь с ее помощью ослабить движение сопротивления. Конечно, к этому методу итальянцы прибегали с первых же дней оккупации. В действиях против партизан они пытались использовать войска, на вербованные из населения Сомали, Ливии и Эритреи. Однако очень часто случалось, что африканские отряды отказывались участвовать в такого рода борьбе, а иногда переходили даже на сторону эфиопов. Обычно отношения между итальянскими и сомалийскими солдатами, составлявшими ядро итальянских африканских отрядов, были очень натянуты. Итальянская администрация в Эфиопии прилагала много усилий, чтобы разжечь межплеменные распри и религиозные споры. Пытались, например, посорить христиан с мусульманами, амхара с галла и сомалийцами. Старательно раздували всякий антагонизм. Для этого, например, в округа, населенные галла, назначали чиновников и служащих гражданской службы из амхара или стремились навязать мусульманам христиан и наоборот. Политика такого рода, естественно, отрицательно сказывалась на развитии движения сопротивления и на взаимоотношениях различных групп эфиопского населения, однако не в такой значительной степени, как этого ожидали итальянцы. В принципе оккупационным властям так и не удалось посорить между собой народности Эфиопии {532} и натравить их друг на друга. Об этом свидетельствует наряду с другими фактами борьба против оккупантов партизанских отрядов, состоявших из представителей различных этнических групп, а также резолюция, которую в 1938 г. получил Хайле Селассие I от борющихся партизанских отрядов. В этой резолюции, в частности, говорилось: «Если в мире есть еще люди, которые думают, что мы можем подчиниться господству иностранной державы, то просим информировать их о том, что эфиопский народ никогда с этим не согласится. Пусть римский король спокойно пребывает в Риме. Эфиопия принадлежит только эфиопам. Враги хотели посорить христиан и мусульман, жителей Шоа и Тигре, племена галла и амхара, сомали и данакиль — сынов одной отчизны и одного народа. Они хотели, чтобы мы убивали друг друга, но мы объединены и будем бороться все, как один, каждый на своем посту, пока враг не уйдет с нашей земли».

Делая больший упор по сравнению с Грациани на политические методы борьбы с движением сопротивления, д'Аоста решил применить тактику нейтрализации части партизан путем объявления амнистии тем, кто сложит оружие. Видя, что прежние методы борьбы не оправдали ожиданий, д'Аоста, конечно с одобрения Муссолини, перешел к более гибкой политике. Освободили оставшихся в живых узников концентрационных лагерей. Обратились с призывом к партизанам сложить оружие, гарантируя взамен личную неприкосновенность и возвращение имущества. Некоторые итальянские губернаторы назначили даже денежные награды за сдаваемое оружие. Обещали также специальные денежные награды за сам факт прекращения борьбы. Некоторых эфиопских сановников, в основном молодежь из знатных родов, начали все чаще приглашать в Италию, где они присутствовали на военных парадах, которые наряду со всем прочим должны были убедить их в непобедимости итальянского оружия.

Такого рода методы, применяемые одновременно с проведением военных акций против партизан, мы можем назвать «Новой итальянской политикой» в Эфиопии. В отношении части партизан эти методы оказались эффективными. Некоторые из них вышли из укрытий и действительно получили утраченные звания и поместья. {533} Однако обещания итальянцев не соблазнили всех участников движения сопротивления. И все же несмотря на это, на рубеже 1937 и 1938 гг. движение было значительно ослаблено. К этому времени часть участников освободительной борьбы потеряла надежду на ее благополучный исход, так как не видели перспектив освобождения Эфиопии в той международной ситуации. Казалось, что народам Эфиопии неот-

куда ждать помощи. С тем большей энергией оккупационные власти начали в 1938 г. борьбу с оставшимися партизанскими отрядами.

Несмотря на это, в 1938 г. движение сопротивления наряду с поражениями одержало ряд военных и политических успехов. Здесь следует вспомнить прежде всего об антиитальянском восстании в Годжаме, где была создана организация «Комитет единства и сотрудничества». Борьба продолжалась во всех провинциях. В Уолло и Бэгемдыре было уничтожено несколько небольших итальянских гарнизонов. 20 февраля 1938 г. большой партизанский отряд пытался оказать сопротивление превосходящим силам противника в местности Агамса в Годжаме, однако итальянцам удалось окружить партизан и уничтожить. В этом бою погиб, в частности, фитаурари Дэббе-Мэсай; спастись удалось только десяти партизанам.

«ВТОРОЙ ПЕРИОД ВЕЛИКИХ ПАРТИЗАНСКИХ ВОЙН»

В конце 1938 г. мы наблюдаем повторный большой подъем освободительной борьбы, продолжавшийся уже непрерывно вплоть до освобождения страны. Этот этап движения сопротивления мы можем определить как «второй период великих партизанских войн». Существует несколько причин оживления партизанской борьбы на рубеже 1938—1939 гг. Во-первых, удалось наладить большую, нежели до этого, координацию действий между отдельными партизанскими отрядами. Была установлена более тесная связь между движением сопротивления в стране и эмигрантскими центрами. Во-вторых, всевозрастающая угроза войны со стороны Германии и ее союзника — Италии давала эфиопам надежду на то, что в будущем их борьбу за независимость могут поддержать Великобритания и Франция, поскольку эти страны окажутся в военном конфликте с Италией.

В 1939 г. движение сопротивления вновь охватило всю страну. Итальянцы не могли уже передвигаться по дорогам иначе, как только крупными колоннами. Они чувствовали себя безопасно лишь в самых больших городах.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

С начала второй мировой войны перед Эфиопией открылись новые перспективы³. 10 июня 1940 г. Италия объявила войну Франции и Великобритании. Итальянские войска, находившиеся в Итальянской Восточной Африке, вступили в Судан и Кению и овладели Британским Сомали. Еще в июне 1940 г. английское правительство обратилось к Хайле Селассие I с предложением предпринять на территории Эфиопии совместные действия против Италии. 25 июня 1940 г. Хайле Селассие I на борту английского самолета направился в Судан, а 3 июля прибыл в Хартум. Здесь он выступил по радио, обращаясь с речью к народам Эфиопии, призывая продолжать борьбу и заверяя, что освобождение и его возвращение уже близки.

Подготовка в Судане для вступления союзных войск на эфиопскую территорию и налаживание связи с партизанами в стране продолжались несколько месяцев. В рамках этой подготовки в августе 1940 г. в Годжам направилась так называемая «миссия 101», состоявшая из эфиопов и англичан. Она должна была установить непосредственные контакты с партизанскими отрядами и заниматься подготовкой общенародного восстания к моменту вступления союзных войск. Во главе «миссии 101» стоял майор Сандфорд.

Вскоре партизанские отряды в Годжаме под командованием битуюдэда Нэгаш-Бэззаббыха и дэджамача Мэнгэти-Джэмбэре, снабженные английским оружием, очистили от врага большую часть территории Годжама. Итальянцы пытались спасти положение, назначив {535} губернатором этой провинции раса Хайлу-Касу, который сотрудничал с оккупантами. Однако назначение раса Хайлу-Каса губернатором, на которое итальянцы очень рассчитывали, учитывая его влияние в Годжаме, не изменило в значительной степени положения.

В январе 1941 г. на территории Эфиопии началось генеральное наступление союзников. Из Кении на территорию Итальянского Сомали вступил генерал Каннингэм. Овладев важными опорными пунктами итальянцев в Брава и Мерка, 25 февраля он занял Могадишо. Затем

³ Луцкий В. Б. Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке. Ташкент, 1943.— *Прим. ред.*

он начал наступление в северном направлении, продвигаясь почти тем же самым путем, что и итальянцы в 1935—1936 гг. 10 марта Каннингэм занял Дэгэх-Бур, 17 — вступил в Джиджигу, а 19 — захватил Дыре-Дауа. К этой группе войск присоединились английские и французские отряды, которые после высадки в портах Бербера и Зейла нанесли удар по итальянцам с востока.

Одновременно с началом наступления генерала Каннингэма на территорию Эритреи вступила армия генерала Платта, нанося удар в направлении на Акордат (Агордат). Заняв Мас-сауа, генерал Платт направился в сторону Асмэры, а позднее в Амба-Алаге.

18 января 1941 г. эфиопско-суданскую границу перешел Хайле Селласие I во главе 2-тысячного эфиопского отряда, вступив на территорию провинции Годжам в районе местности Омедла. При императоре находился английский полковник Уингейт. Вступив на эфиопскую землю, императорская армия начала очень быстро пополняться. К ней присоединялись партизанские отряды и местное эфиопское население. Весть о вступлении императора на территорию страны усилила партизанские действия. В отдельных провинциях итальянские войска были окружены и изолированы. Всеобщее вооруженное выступление эфиопского народа способствовало быстрому успеху войск союзников. В военных операциях союзнических отрядов на территории Эфиопии в 1941 г. решающую роль сыграло эфиопское движение сопротивления, которое, изолировав большинство итальянских гарнизонов, дало возможность союзническим войскам быстро их ликвидировать. Прибывшие войска, состоявшие из английских, французских, бельгийских и южноафриканских солдат, {536} местное население встречало как армию освобождения и оказывало ей всяческую помощь. Без этих факторов нельзя было бы понять молниеносных успехов военной кампании 1941 г., которых добились союзнические войска в борьбе с противником, во много раз превосходящим их численно.

Одержав победы в битвах под Буре, Бырр, Чэрэка и Гулит, императорская армия, усиленная английскими танками, 1 апреля 1941 г. вступила в Дэбрэ-Маркос. 6 апреля отряды генерала Каннингэма заняли Аддис-Абебу. 5 мая император Хайле Селассие I торжественно въехал в столицу. Возвращение императора в Аддис-Абебу произошло в тот же самый день, в который пятью годами ранее итальянские войска заняли столицу.

Отдельные итальянские части, находившиеся на территории Эфиопии, сражались еще в течение нескольких месяцев. 20 мая 1941 г. капитулировал под Амба-Алаге д'Аоста. 21 июня пала Джимма. В январе 1942 г. были ликвидированы последние очаги сопротивления итальянцев.

Итальянская оккупация принесла народам Эфиопии тяжелые потери. Страна была опустошена, разрушена в экономическом отношении. Многие относительно богатые до этого округа почти обезлюдели. Требовалось восстановить тысячи сожженных деревень. Перед независимой уже Эфиопией стояла трудная задача — залечить раны, причиненные итальянскими оккупантами. {537}

Глава XXX

ЭФИОПИЯ ПОСЛЕ 1941 г.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТРАНЫ ПОСЛЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОККУПАЦИИ

Сегодня еще очень сложно излагать политическую историю Эфиопии после 1941 г. Поэтому в данном разделе мы попытались дать лишь самую общую картину некоторых событий, по нашему мнению наиболее важных для понимания современной истории Эфиопии.

Первоочередными задачами, вставшими перед эфиопским правительством после освобождения страны, являлись: восстановление государственной администрации, армии, полиции, системы образования, торговли и сельского хозяйства — т. е. налаживание нормальной жизни в стране и создание возможностей для функционирования центральных властей и организации сети территориальной администрации. Во время оккупации патриотические чувства обычно доминировали над сепаратистскими тенденциями. Сейчас же снова могла возникнуть опас-

ность сепаратистских стремлений. Несмотря на то что итальянские оккупанты были изгнаны, угроза независимости Эфиопии еще существовала. Внутренние конфликты могли создать благоприятную почву для вмешательства очередной державы, стремившейся укрепить свое влияние в Эфиопии. Этой державой была Великобритания.

Английские войска, встречаемые населением с огромным энтузиазмом, когда они как освободители вступили в Эфиопию, обосновались в важнейших пунктах страны, заняли Эритрею и провинцию Огаден и не намеревались в скором времени покинуть эфиопскую территорию. В этой ситуации император, прежде чем приступить к осуществлению основных внутренних реформ, должен {538} был заключить соответствующий договор с англичанами, подтверждающий суверенитет Эфиопии.

31 января 1942 г. после долгих и трудных переговоров был подписан англо-эфиопский политический договор и одновременно с ним военная конвенция. В ходе переговоров руководитель английской делегации сэр Филипп Митчелл потребовал от Эфиопии согласия на присоединение части Юго-Западной Эфиопии к Кении и Судану и части Северной Эфиопии к Эритрее в качестве компенсации за помощь, предоставленную Эфиопии в борьбе против Италии. Эти требования были отклонены, зато по договору, подписанному 31 января, Великобритания получила на два года ряд привилегий. Эфиопское правительство обязалось приглашать так называемых советников, т. е. инструкторов, для полиции, армии, служащих в администрации и т. д. только из английских граждан. Каждое отступление в этом вопросе требовало разрешения английского правительства. Аддис-Абеба согласилась также передать англичанам итальянских военнопленных. Взамен этого британское правительство обязалось вернуть Эфиопии произведения искусства и культуры, награбленные итальянцами. Договор предусматривал установление дипломатических отношений между Эфиопией и Великобританией, признававшей полную независимость и суверенные права этой страны. Одновременно Великобритания признавала Хайле Селассие I законным правителем Эфиопии.

Еще большие выгоды, чем политический договор, давала Великобритании военная конвенция, которая в значительной степени ограничивала суверенитет Эфиопии. В соответствии с положениями этой конвенции провинция Огаден и большая зона, прилегающая к английскому Сомали, так называемая Резервная зона, переходили под управление английской военной администрации. Английские войска должны были контролировать также Эритрею. В результате под предлогом обеспечения безопасности своих стратегических интересов в связи с продолжавшейся второй мировой войной Великобритания получала право непосредственного управления третьей частью эфиопской территории. Английские военные власти получили право свободного передвижения по всей стране. {539} Английская авиация могла без всякого ограничения использовать воздушное пространство Эфиопии. Численность английских войск, находившихся на территории Эфиопии, должны были определять только английские власти. Эфиопское правительство не имело права никакого контроля деятельности этих властей. Следовательно, Великобритания получала по январскому договору такие большие права в Эфиопии, каких никогда ни одно другое государство не имело в этой стране, не считая, конечно, периода итальянской оккупации. Но, с другой стороны, этот договор, продиктованный Англией с позиции силы, был важен и для Эфиопии. Официальное признание Лондоном суверенитета Эфиопии укрепляло позиции этой страны на международной арене как независимого государства. Это пресекало планы тех английских кругов, которые охотно включили бы Эфиопию в состав стран, находящихся в колониальной зависимости от Великобритании. Подписание этого договора и формальное признание независимости Эфиопии, хотя и на необыкновенно тяжелых условиях, дали возможность эфиопскому правительству приступить к осуществлению внутренних реформ¹.

Как с экономической, так и с политической точки зрения положение внутри страны требовало безотлагательных действий. Период войны и оккупации привел к значительному истощению экономического потенциала государства и огромным людским потерям. В 1946 г. эфиопское правительство представило данные о людских потерях, согласно которым во время

¹ Подробнее об английских планах в отношении Эфиопии в 1942—1944 гг. см.: Козлов В. С. Итало-эфиопская война 1935—1936 гг. М., 1951 (Диссертация); Ягья В. С. Эфиопия в 1941—1954 гг. История борьбы за укрепление политической независимости. М., 1969, стр. 124—260. — *Прим. ред.*

военных и партизанских действий, от репрессий оккупантов, в концентрационных лагерях и от голода погибло 760 300 человек. Это приблизительно составляло 10% населения страны. Десятки тысяч людей остались калеками. Значителен был также материальный ущерб, исчисляемый эфиопскими властями в 132,5 млн. фунтов стерлингов. Было разрушено 2 тыс. церквей и мечетей, уничтожено 525 тыс. домов, деревня потеряла 5 млн. голов крупного рогатого скота, 7 млн. {540} овец и коз, 1 млн. коней и мулов, 700 тыс. верблюдов. Даже если учесть, что эти данные были приблизительными, то и тогда они красноречиво свидетельствуют об огромных потерях, которые страна должна была возместить. К этому следует добавить, что во время отступления в 1941 г. итальянцы систематически разрушали дороги, взрывали мосты и разоряли пути сообщения, построенные ими со стратегическими целями.

С восстановления государственного аппарата начал Хайле Селассие I решение внутренних задач. Авторитет центральной власти, который накануне итальянской агрессии был уже относительно сильным, в период оккупации был снова подорван. Этому в немалой степени способствовал, как мы помним, отъезд императора в эмиграцию вместе с семьей и большей частью членов правительства. Любое эмиграционное правительство с течением времени теряет авторитет в стране независимо от объективных причин, побудивших его к эмиграции. В данном случае в связи с существовавшей в Эфиопии традицией, согласно которой даже в минуты самой большой опасности император не покидал своей страны, падение престижа правительства было еще большим. В основном господствовало убеждение, что если бы император остался в стране или по крайней мере оставил вместо себя наследника престола, то это укрепило бы движение сопротивления. Пятилетнее отсутствие Хайле Селассие I ослабило позиции императора в государстве. Снова начали оживать межплеменные антипатии и сепаратистские движения, приглушенные в некоторых областях в связи с общей борьбой против оккупантов. В восточной части провинции Тигре сразу же после капитуляции последнего итальянского гарнизона подняли открытый бунт племена рая и азебо. Начались также волнения на юго-западе страны. Ходили слухи, что во главе их стоял один из сыновей императора Иясу, претендующий на императорский престол. Во время отступления итальянцы побросали много оружия, попавшего населению или же в руки банд шыфта. Это создавало дополнительные трудности для властей, перед которыми стояла срочная задача конфискации брошенного итальянской армией оружия. В этих условиях наиболее срочным вопросом стало создание во всех провинциях {541} государственной администрации, подчинявшейся контролю правительства в Аддис-Абебе.

Перед императором стояла также нелегкая для разрешения проблема: что делать с теми людьми, которые, в различной форме сотрудничали с итальянскими оккупантами. К ним относились часто лица, стоящие высоко согласно феодальной и удельной иерархии. Жестокое наказание их могло бы создать впечатление, что император хочет свести счеты с какой-либо этнической группой и углубить внутренние беспорядки. С другой стороны, существовало сильное давление со стороны участников движения сопротивления, которые требовали, чтобы на высшие государственные должности назначались руководители партизанской войны. Однако это не было выгодно императору, не желавшему иметь рядом с собой слишком популярных и влиятельных политиков. Больше всего он доверял тем, кто вместе с ним находился все эти годы в эмиграции. В результате Хайле Селассие I решил продолжать свою довоенную политику балансирования между отдельными знатными родами и использования противоречий между ними для большего укрепления своего собственного авторитета. Поэтому он сравнительно мягко отнесся к тем политическим деятелям, которые имели дружественные контакты с оккупантами, желая, вероятно, иметь в них в какой-то степени политический противовес возросшему влиянию руководителей движения сопротивления. Даже не был казнен рас Гугса, схваченный и переданный англичанами в руки эфиопов, которые приговорили его к смерти. Император заменил этот приговор тюремным заключением.

Среди руководителей движения сопротивления, получивших высокие награды и государственные должности, следует назвать, в частности, следующих: дэджазмача Адэфрысоу, фитаурари Бырру-Уольдэ-Гэбрыэля и правнука ныгусэ Тэкле-Хайманота Хайлу-Бэлоу. Они получили титулы расов. Рас Бырру-Уольдэ-Гэбрыэль был назначен губернатором Кэфы и Джиммы, рас Хайлу-Бэлоу — Годжама, а рас Адэфрысоу — Сидамо.

Ряд назначений получили также лица, сопровождавшие императора в эмиграции. Та-

ким образом, равновесие сил на вершине государственной иерархии было сохране- {542} но. В сентябре 1942 г. был сформирован совет министров. Премьер-министром император назначил дэджамача Мэконнына-Индалькачоу. В этом же году был создан парламент.

В 1942—1944 гг. император провел многочисленные административно-государственные и социально-экономические реформы ². Губернаторы провинций лишились многих прежних привилегий, например таких, как право иметь собственную частную армию и проводить самостоятельные переговоры с представителями иностранных государств. Ограничения подобного рода коснулись также и других крупных феодалов, особенно тех, которые получили важнейшие государственные посты. Эти мероприятия, предпринятые с целью централизации государственной власти в руках правительства в Аддис-Абебе, были направлены против сепаратистских тенденций. Таким образом, независимо от других целей, которых он хотел достигнуть этими мероприятиями, Хайле Селассие I пытался лишить возможности использования внутренних волнений каким-либо иностранным государством для укрепления своих позиций в Эфиопии. А в условиях, когда третья часть эфиопской территории контролировалась британскими войсками, угроза такого рода существовала всегда.

Было установлено, что государственные чиновники, армейские офицеры и полицейские будут получать точно определенную месячную зарплату, чтобы ликвидировать таким образом прежний обычай и обязанность содержать войска, полицию и администрацию за счет крестьян. Повинностями такого рода, как известно, была сильно обременена деревня, главным образом те территории, которые присоединил император Менелик II в XIX в. Ликвидация этих повинностей, величина которых никогда не была точно определена и фактически всегда зависела от местных властей, эксплуатирующих обычно деревню беспрдельно, способствовала, до известной степени, облегчению экономического положения крестьян. {543}

В 1944 г. в деревне вместо прежних различных повинностей был введен единый налог на доходы от сельского хозяйства. Два года ранее, в 1942 г., был издан декрет, ликвидировавший остатки рабства. Усилия правительства, направленные на улучшение положения деревни и достижение таким образом увеличения сельскохозяйственной продукции, которая была и остается основой экономики страны, принесли вскоре свои результаты. Используя благоприятную конъюнктуру, вызванную военными действиями, Эфиопия начала даже экспортировать зерно в страны Ближнего и Среднего Востока. Если в 1942 г. она экспортировала 13 тыс. тонн зерна, то в 1943 г. — уже 48 тыс. тонн, а в 1947 г. — 120 575 тонн.

Однако это не означало улучшения положения самих крестьян. Правительство Хайле Селассие I не проводило никаких значительных реформ в деревне, поэтому положение крестьянина оставалось чрезвычайно тяжелым, а каждый большой неурожай вызывал голод. Например, в 1958—1959 гг. во время голода в Тигре и Уолло умерло много тысяч людей.

Несколько активнее, чем проблемами деревни, эфиопское правительство занималось вопросами промышленности, усматривая в ее развитии возможность повышения жизненного уровня населения. Этот вопрос является тем более актуальным, поскольку среднегодовой доход на душу населения составлял в Эфиопии лишь 70 американских долларов и в настоящее время является самым низким в Африке ³. Диспропорции в материальном положении самых низших слоев населения и имущих классов огромны и достигают таких размеров, которые редко можно встретить в других странах. Еще сегодня в Эфиопии существуют земельные владения, площадь которых можно сравнить с площадью целых воеводств в Польше.

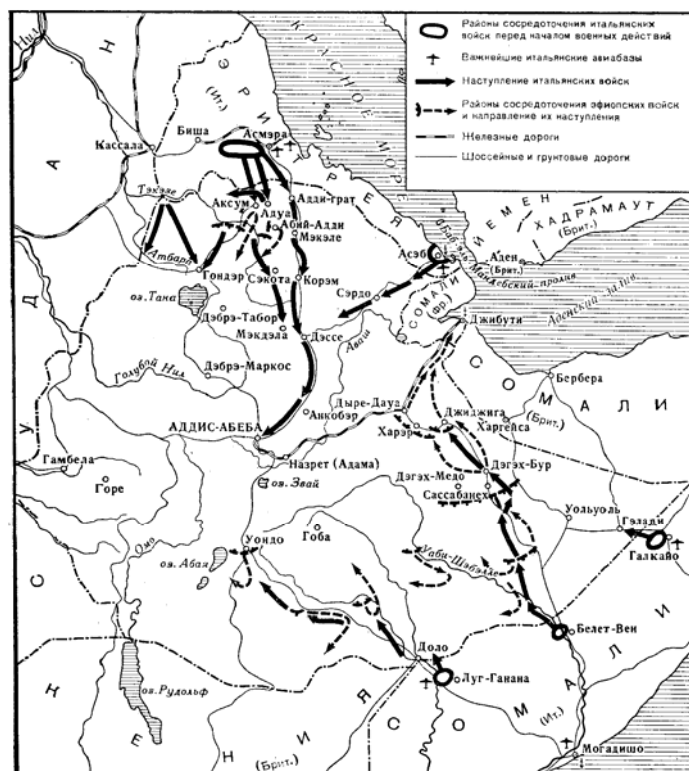
В 1957 г. Эфиопия приступила к реализации первого пятилетнего плана развития хозяйства страны. Предусматривалось, что государственные капиталовложения за этот период составят 534,6 млн. эфиопских долларов. Общая же сумма инвестиций, учитывая вклад крестьян {544} в собственное хозяйство, исчислялась в 673,6 млн. эфиопских долларов. Фактически же в период выполнения первого пятилетнего плана был вложен капитал на сумму 839,6 млн. эфиопских долларов.

В 1963—1967 гг. (второй пятилетний план экономического развития страны) капиталовложения на развитие экономики Эфиопии составили 1696 млн. эфиопских долларов.

Одновременно была начата разработка 20-летнего перспективного плана развития эко-

² См.: Эльянов А. Эфиопия (в серии: Социально-экономические проблемы развивающихся стран). М., 1976; а также «Новейшая история Африки», отв. ред. Смирнов С. Р. М., 1968, стр. 398—405. — *Прим. ред.*

номики, выполнение которого приходилось на 1963—1982 гг. Следовательно, второй пятилетний план являлся уже частью 20-летнего плана. Предусматривалось, что в результате реализации этого плана в 1982 г. в сельском хозяйстве будет занято лишь 72% населения.

Важное значение для экономического развития страны уже после получения независимости имели также финансовые реформы. В августе 1942 г. был создан Государственный банк Эфиопии, который начал свою деятельность с капиталом в 7 млн. талеров Марии Терезии, являвшихся денежной единицей, обращавшейся в Эфиопии с конца XVIII столетия. Государственный банк стал важным инструментом, позволяющим эфиопскому правительству проводить финансовую политику в соответствии с государственными интересами. В 1945 г. в Эфиопии была проведена денежная реформа. Вместо талера Марии Терезии была введена единая для всей страны денежная единица — эфиопский доллар (американский доллар равнялся 2,5 эфиопского в 1968 г.).

Важным условием осуществления внутренних реформ является наличие образованных кадров. С этой точки зрения после получения независимости положение Эфиопии было трагическим. Большинство образованных эфиопов погибло в годы оккупации в результате итальянского террора. Оккупанты реорганизовали существовавшую до этого времени школьную систему. Более 6 лет школы в Эфиопии были закрыты. Во время освободительной борьбы погибла не только большая часть учителей государственных, светских школ, но также представителей духовенства, руководивших церковными школами. Эти последние, хотя и по традиционной программе, учили по крайней мере писать и читать, выполняя этим положительную роль.

Обработка земли в современной Эфиопии

Традиционная система образования в Эфиопии делится в основном на элементарную и высшую ступень. Элементарная ступень включает в себя науку читать на языке геэз и только в небольшом объеме на амхарском языке, а также элементы арифметики. Хотя эту ступень обучения проходило в некоторых округах Эфиопии значительное число детей, однако только небольшое число продолжало обучение на высшей ступени традиционной системы образования, вследствие чего всеобщим явлением в деревне является вторичная неграмотность. На высшей ступени обучали главным образом теологии, поэзии и церковной музыке.

Этот вид образования с трудом возрождался после оккупации. В этой ситуации одной из наиболее срочных проблем стало развитие просвещения. В 1943 г. было вновь создано министерство просвещения. На развитие образования начали ассигновывать значительные суммы {546} в государственном бюджете. Организованная в послевоенный период современная система образования в Эфиопии охватывает: государственные 8-летние неполные средние школы (обучение на амхарском языке); 4-летние общеобразовательные средние школы (обучение на амхарском и английском языках) и разного рода профессиональные школы, в том числе военные. Наряду с государственными школами существуют частные неполные средние и средние школы, часто основанные разного рода иностранными организациями. В этих школах обучение ведется на английском, французском, немецком и итальянском языках.

В 1950 г. в Аддис-Абебе был основан Университетский колледж, преобразованный в 1961 г. в Национальный университет. Создание этого высшего учебного заведения вызвало многочисленные возражения. Было мнение, что с этим можно было еще подождать, так как первоочередной задачей должно быть развитие неполного {547} среднего и среднего образования. На такого рода мнения, несомненно, повлиял тот факт, что по плану развития образования на 1963—1964 гг. неполное среднее образование должно было получить только 13,3% детей, а среднее — 1,9% молодежи. Позднее и этот план признали очень завышенным. Однако, с другой стороны, основание университета хотя и обременяло бюджет, предназначенный на образование, но положительно повлияло на развитие научной жизни в Эфиопии. При университете возник ряд — первых такого рода в Эфиопии — научно-исследовательских институтов, например институт эфиопистских исследований, институт географии и картографии.

Нужно отметить большие диспропорции по отдельным провинциям в уровне образования. Больше всего школ имелось в Шоа и Эритрее. Следует еще добавить, что, например, в 1963/64 учебном году на общее число 313 тыс. детей, обучавшихся в неполных средних школах, приходилось всего 84 тыс. девушек. В высших учебных заведениях училось в этот период лишь 80 девушек на общее число 1626 студентов. Некоторых молодых эфиопов посылали учиться за границу, в том числе и в Польшу, где в последние годы обучалось ежегодно в среднем около 70 человек ⁴. {548}

⁴ В новейшее время с созданием светского образования, с появлением новой эфиопской интеллигенции большое развитие получила эфиопская литература и искусство. Развивается художественная литература — повести, новеллы, романы. Родается эфиопская бытовая драма, отражающая современную эфиопскую жизнь. Большие исследования ведутся в области фольклора. Молодые эфиопские художники создают национальные по форме произведения реалистического направления. Эфиопские ученые изучают прошлое и настоящее своей родины и направляют все свое внимание на построение новой, демократической Эфиопии. Идет процесс становления национальной эфиопской культуры. См. об этом: Г ю т р ю м о в Т. Л. Народная поэзия в Эфиопии. Сб. «Памяти академика И. Ю. Крачковского». Л., 1958; Р а й т М. В. Народы Эфиопии. М., 1965, стр. 198—230; «Фольклор и литература народов Африки».

Мощным инструментом, дающим возможность проводить централизованную политику правительству Хайле Селассие I, стала армия и полиция, подчиняющиеся только приказам Аддис-Абебы. Лучше других воинских формирований оснащена и обучена императорская гвардия, насчитывающая несколько тысяч человек и находящаяся в Аддис-Абебе. Вначале эфиопскую армию обучали английские инструкторы, позднее большую роль начали играть американские военные советники. В последние годы в Эфиопии появлялось все больше военных советников из ФРГ и Израиля.

В ситуации, когда провинциальные армии были ликвидированы, существование сильной и дисциплинированной армии, подчиняющейся только приказам Аддис-Абебы, делало невозможным успех каких-либо сепаратистских движений, и любые значительные планы оппозиционной деятельности могли быть реальны постольку, поскольку они нашли поддержку среди эфиопского офицерского корпуса.

Важным событием в политической жизни страны стало принятие в 1955 г. новой конституции. Она вводила тайные, всеобщие и прямые выборы в палату депутатов. Император впредь сохранил для себя право назначения членов сената.

Новая конституция была провозглашена к 25-летию правления Хайле Селассие I. Однако ее нельзя трактовать исключительно как формальный акт, придающий блеск юбилейным торжествам. Она вводила, несомненно, некоторые новые, хотя и небольшие, прогрессивные элементы в политический строй Эфиопии, такие, например, как равные права для всех граждан. Конечно, когда немного изменилось в социально-экономической структуре страны, а положение отдельных групп населения осталось почти таким же, как прежде, провозглашение равных гражданских прав — почти пустой звук.

Статьи конституции, касающиеся императорской власти, не изменились по сравнению с конституцией 1931 г., фактически император сохранял полную и почти неограниченную власть. Деятельность всех политических партий была по-прежнему запрещена.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЭФИОПИИ

Одновременно с укреплением своих позиций внутри страны Хайле Селассие I стремился упрочить международное положение Эфиопии. Следует напомнить, что 14 декабря 1942 г. Эфиопия официально объявила войну Германии, Италии и Японии. Этот шаг, однако, имел чисто формальное значение.

Первым мероприятием по укреплению авторитета Эфиопии на международной арене явился пересмотр невыгодного для нее договора с Англией. С целью усиления своих позиций на международной арене и учитывая предстоящие переговоры с Великобританией 23 апреля 1943 г. Эфиопия установила дипломатические отношения с Советским Союзом.

19 декабря 1944 г. был заключен новый англо-эфиопский договор, аннулировавший трактат и военную конвенцию, подписанную 31 января 1942 г. Этот договор был намного выгоднее для Эфиопии. Ограничивались привилегии английских граждан на территории Эфиопии, император мог уже без всяких ограничений приглашать иностранных советников, все иностранцы, проживающие на территории Эфиопии, подлежали только местному судопроизводству. Уменьшилась территория, находящаяся под контролем английских военных властей, английская авиация не могла уже использовать воздушное пространство Эфиопии без разрешения эфиопских властей. Было аннулировано также постановление о контроле эфиопских финансов представителями Великобритании.

Несмотря на эти выгодные для Эфиопии постановления, заключенный договор также не был равноправным, так как он вновь предусматривал контролирование значи-

М., 1970; «Проблемы культурного строительства в независимых странах Африки». Сб. статей под ред. Вавилова В. Н., Куббеля Л. Е., Шаревской Б. И. М., 1971; «Искусство народов Африки. Очерки художественной культуры с древности до настоящего времени». Ответств. ред. М. А. Коростовцев. М., 1975; а также переводы с амхарского на русский язык: Гермачоу Текле Хавариат. Арая. Повесть о молодом эфиопе. М., 1960; «Золотая земля». Сказки, легенды, поговорки, пословицы Эфиопии. М., 1960; «Приходи, сказка!» Сказки и поговорки народов Эфиопии и Судана. Л., 1958. О выставках в Советском Союзе эфиопских художников см.: «Выставка произведений Афеворка Текле» (каталог составила Г. Колобова). М., 1964; «Современная живопись Эфиопии». Выставка. Каталог (Вступит, статья В. Ю. Спано). М., 1961. — *Прим. ред.*

части эфиопской территории английскими войсками (провинция Огаден и Резервная зона).

Желая укрепить свои позиции в отношениях с Великобританией, правительство Хайле Селассие I после второй мировой войны начало устанавливать тесные контакты с другими странами. Эти стремления пытались использовать Соединенные Штаты, проводящие широко задуманную политику вытеснения старых колониальных держав из Африки путем экономического, военного и идеологического проникновения на этот континент. Расположенная вблизи важных путей сообщения, идущих из Европы на Дальний Восток и в Индийский океан, Эфиопия начала играть важную роль в стратегических планах Вашингтона. В июле 1944 г. были восстановлены дипломатические отношения с США, прерванные на время войны и итальянской оккупации Эфиопии. В начале 1945 г. в Каире состоялась встреча Хайле Селассие I с президентом США Рузвельтом. Тогда было установлено и более тесное экономическое сотрудничество между Соединенными Штатами и Эфиопией. Вслед за этим в Эфиопию начал проникать американский капитал. Американские фирмы получили ряд концессий на изыскания и добычу природных ресурсов, а главным образом нефти. Желая освободиться от английской зависимости, эфиопское правительство охотно приглашало американских специалистов в качестве советников в различные ведомства. В 1953 г. в Эфиопии находилось уже около 1500 американцев, официально принятых на работу эфиопскими властями⁵.

Одновременно Эфиопия расширяла контакты с другими странами, особенно азиатскими и африканскими. После того как Индия получила независимость, очень быстро произошло эфиопо-индийское сближение, особенно в экономическом плане. В 1950 г. Индия занимала уже первое место в эфиопском импорте. Опасаясь, что американцы будут иметь слишком большое влияние в стране, эфиопское правительство начало приглашать советников также из Индии. Оттуда прибыло много учителей и военных инструкторов. {551}

Эфиопское правительство, как и до войны, охотно развивало торговые отношения с малыми странами Западной Европы, такими, например, как Швеция; оно исходило из положения, что с этой стороны Эфиопии не может угрожать никакая экспансионистская политика.

Большое значение придавала Эфиопия также отношениям с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Факт создания после второй мировой войны блока социалистических стран, проводящего политику дружбы и сотрудничества с государствами Азии и Африки и поддерживающего национально-освободительные движения, в огромной степени облегчил внешнюю политику правительства Эфиопии, направленную на укрепление суверенитета Эфиопии, которая не была уже одинокой перед угрозой экономического и политического проникновения западных держав.

В 1952 г. перед эфиопским правительством встала очередная задача, без решения которой не могло быть и речи о полном суверенитете. Речь шла об эвакуации английских войск из Восточной Эфиопии. С целью укрепления своих позиций в переговорах с Англией эфиопское правительство согласилось в 1953 г. подписать эфиопско-американский договор «о взаимной обороне». Одновременно было заключено соглашение об использовании оборонных укреплений в Эфиопии вооруженными силами США. Договор «о взаимной обороне» предусматривал военную помощь США Эфиопии. Она должна была выражаться в том, что в Эфиопию прибывали американские военные инструкторы и поставлялась боевая техника.

Это соглашение об использовании оборонных сооружений — такое название было в тексте, — или, проще говоря, военных баз, предусматривало для США следующие привилегии: Соединенные Штаты могут использовать существующие сегодня военные сооружения в Эфиопии, а также расширять их и строить новые; вооруженные силы США, в том числе авиация, получают право неограниченного передвижения по всей стране; американские власти после предварительной консультации с эфиопским правительством могут проводить топографические измерения побережья и выполнять аэрофотосъемки всех эфиопских пограничных районов; США могут на отведенных {552} им базах сосредоточивать вооружение и боеприпасы в таком количестве, которое они признают уместным. За использование военных сооружений США обязалось выдать эфиопскому правительству соответствующую денежную компенсацию.

За поддержку Эфиопии, оказанную США против Англии, пришлось заплатить огром-

⁵ См.: «Новейшая история Африки». М., 1968, стр. 398—405.— *Прим. ред.*

ной ценой. США получали в Эфиопии военные базы на очень выгодных условиях ⁶. В соответствии с договором 1953 г. в следующем году США поставили Эфиопии первую партию боевой техники на сумму в 5 млн. долл. Одновременно в Эфиопию прибыла военная миссия США в составе 15 человек. В 1965 г. она уже насчитывала 187 офицеров. В этом же году поставки американской боевой техники для эфиопской армии исчислялись на общую сумму 80,9 млн. долл.

29 ноября 1954 г. Эфиопия подписала новый договор с Великобританией. Это было решающим ударом по планам Великобритании, направленным на включение в сферу английского колониального влияния хотя бы части эфиопской территории. В статье 1 этого договора указывалось, что Эфиопии возвращается Огаден и Резервная зона. Было установлено, что день 28 февраля 1955 г. будет последним днем осуществления английскими войсками административной власти в Восточной Эфиопии. Эвакуация английских войск с территорий Эфиопии знаменовала достижение этой страной полного суверенитета. Одновременно это означало большое поражение английской политики в Север-Восточной Африке.

Франция принадлежала к тем государствам, отношения с которыми имели для Эфиопии очень большое значение. Вскоре после окончания второй мировой войны были установлены эфиопо-французские дипломатические отношения. Эфиопское правительство хотело прежде всего изменения статуса контролируемой Французским обществом железнодорожной линии Джибути — Аддис-Абеба. 12 ноября 1959 г. подписан новый эфиопо-французский договор, касающийся этой важной для экономики Эфиопии железнодорожной линии. Договор предусматривал пере-^{553}дачу 50% акций общества, управляющего железной дорогой, эфиопскому правительству. Правление общества должно было быть перенесено из Парижа в Аддис-Абебу. Эфиопия получала право свободного использования порта Джибути. Этот договор ликвидировал противоречия между Парижем и Аддис-Абебой. С этого времени Франция стала принадле-

Центр Аддис-Абебы. ^{554}

жать к странам, с которыми Эфиопию связывали наиболее дружественные отношения.

Нормализация эфиопско-итальянских отношений произошла лишь спустя несколько лет после окончания второй мировой войны. В подписанном в Париже в 1947 г. мирном договоре с Италией был специальный раздел, касающийся Эфиопии. В статье 33 утверждалось, что «Италия признает и обязуется соблюдать суверенитет и независимость Эфиопского государства». Устанавливалось также, что итальянское правительство должно заплатить Эфиопии репарации в сумме 25 млн. американских долларов. 26 января 1951 г. были установлены итало-

⁶ См.: «Народы Африки». Под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина. М., 1954.— *Прим. ред.*

эфиопские дипломатические отношения. Вскоре между обеими странами наладились оживленные экономические контакты, и Италия заняла первое место в экспорте Эфиопии.

Внешняя политика Эфиопии особенно активизировалась с середины 50-х годов. С этого момента Эфиопия стала играть все большую роль на международной арене и завоевывать значительный авторитет в Организации Объединенных Наций, будучи одной из наиболее активных стран «третьего мира». Эфиопия поддерживала также близкие контакты с социалистическими государствами.

Эфиопское правительство придавало большое значение отношениям со странами Азии и Африки. Эфиопия была активным участником конференции в Бандунге в 1955 г.

Эфиопское правительство было одним из инициаторов создания Организации африканского единства. Эта организация была создана в 1963 г. на конференции глав государств и правительств независимых стран Африки в Аддис-Абебе. Эфиопия, пользуясь большим авторитетом в Африке как государство, понесшее такие большие потери в борьбе за свою свободу, имеет все данные, чтобы играть значительную политическую роль на Африканском континенте и с другой точки зрения. Не будучи тесно связана ни с арабскими государствами Северной Африки, ни со странами, расположенными на юг от Сахары, оставаясь страной обособленной от других и одновременно африканской, Эфиопия считается желательным посредником в конфликтах между государствами Африканского континента. {555}

Выражением признания значительной роли и авторитета Эфиопии со стороны африканских государств было выраженное ими согласие на то, чтобы местопребывание Организации африканского единства находилось в Аддис-Абебе. Таким образом, столица Эфиопии стала местом важных встреч руководителей африканских стран.

«ДЕКАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» 1960 г.

Среди наиболее важных событий политической жизни Эфиопии после 1941 г. в первую очередь следует назвать декабрьские события 1960 г. в Аддис-Абебе ⁷. Эти события, вероятно, станут в будущем одной из основных хронологических вех в политической истории Эфиопии XX столетия. Уже сегодня они иногда называются «декабрьская революция». В декабре 1960 г. в Аддис-Абебе произошла попытка государственного переворота, направленного против Хайле Селассие I. В число заговорщиков входили прежде всего молодые офицеры и представители интеллигенции. При этом их поддержали студенты. Следовательно, в отличие от подавляющего большинства антиимператорских выступлений в прошлом это движение было качественно совершенно новым, не имеющее ничего общего с известными до этого феодальными мятежами. Во главе заговорщиков стояли молодой эфиопский интеллигент Гырмаме-Ньюай и его брат, командующий императорской гвардией, генерал Мэнгысту-Ньюай.

Гырмаме-Ньюай родился в 1924 г. в округе Моджо в Шоа. В 1954 г. он закончил учебу в США и вернулся в Эфиопию. Будучи человеком очень способным, хорошим и убедительным оратором, он вскоре собрал вокруг себя значительную группу интеллигенции Аддис-Абебы. Эта группа устраивала собрания, на которых обсуждались вопросы о необходимости социальных и экономических реформ в Эфиопии, которые позволят улучшить положение беднейших слоев населения. Через своего брата Мэнгысту-Ньюая, генерала и командующего с 1956 г. императорской гвардией, Гырмаме-Ньюай наладил контакты {556} с офицерами гвардии. Однако молодые офицеры и интеллигенты, получившие образование преимущественно за границей, были очень обособлены, без широких связей в обществе. В этой ситуации лучшую возможность совершить переворот Гырмаме-Ньюай видел в привлечении на свою сторону войска, и прежде всего находящейся в столице императорской гвардии. Вероятно, уже до 1960 г. он вовлек в заговор брата, который как командующий гвардией императора должен был сыграть основную роль в перевороте. Оба брата полагали, что к ним присоединятся все офицеры ниже ранга майора. Когда в декабре 1960 г. Хайле Селассие I уехал за границу, заговорщики решили использовать этот случай и начали действовать. 13 декабря 1960 г. в послеобеденное время по приказу Мэнгысту-Ньюая отряды императорской гвардии захватили все важнейшие стратегические пункты в городе и радиостанцию. Арестовали также многих государственных советников, но оставили на свободе некоторых генералов, которые — как надеялся Мэнгысту-Ньюай

— перейдут на их сторону. Оказалось, что это была одна из самых больших их ошибок. Позднее эти генералы выступили на стороне императора, что стало одной из основных причин поражения заговорщиков.

14 декабря 1960 г. по радио было оглашено обращение Революционного Совета. Его огласил наследник трона, мэрыд азмач Асфа-Уосэн, которого заговорщики хотели поставить во главе государства. Позднее утверждалось, что заговорщики заставили занять посты как принца Асфа-Уосэна, так и раса Ымру, которого назначили премьер-министром нового правительства. В обращении, автором которого был в основном Гырмаме-Ньюай, говорилось: «Эфиопия гордится своей славной 3-тысячелетней историей, но в течение такого длительного времени не произошло никаких значительных изменений в основных областях жизни страны. Этот застой и низкий уровень жизни существует и сегодня. Не видно прогресса ни в какой области. Это является следствием того, что горстка сановников закоснела в своем эгоизме и коррупции вместо того, чтобы трудиться для общего блага. Народ Эфиопии все ждал того дня, когда наконец будет ликвидирована нищета и отсталость, но так ничего и не было осуществлено из {557} многочисленных обещаний. Никакой бы другой народ не смог так долго терпеть. Огромные успехи, достигнутые получившими недавно независимость странами Африки, показывают, что эти страны своими достижениями в области экономики, просвещения и повышения жизненного уровня оставят Эфиопию далеко за собой. В последние несколько лет в Эфиопии царил полный застой. Атмосфера недовольства и разочарования все более росла среди крестьян, купцов, служащих; недовольна армия и полиция, учащаяся молодежь — и все общество Эфиопии...»

Обращение кончалось словами: «Народ Эфиопии! Пусть твое единство станет сильнее железных цепей! Сегодняшний день станет началом новой эры для Эфиопии в глазах всего мира!»

15 декабря радио Аддис-Абебы объявило, что новое правительство взяло власть в свои руки мирным путем, без пролития крови, при полной поддержке армии и полиции. Однако заговорщики по-прежнему располагали только императорской гвардией, насчитывающей в то время 4200 человек, так как около тысячи солдат гвардии как раз находилось в Конго, входя в состав контингента сил ООН. 14 декабря генерал Мэнгысту-Ньюай провел специальное совещание с представителями студентов, призывая их к сотрудничеству с новым правительством. Во время выступления Мэнгысту-Ньюай сказал, что не известно, что будет в будущем, но даже если переворот не удастся, то разожженный ими огонь никогда не погаснет и рано или поздно разгорится полным пламенем. На собравшемся позднее общем собрании студенты огромным большинством голосов выразили поддержку заговорщикам.

Тем временем известие о перевороте дошло до императора, находившегося в Южной Америке. Специальным самолетом он тотчас же отправился обратно. При известии о возвращении императора, прибывшего пока в Эритрею, армия и авиация высказались против заговорщиков. В значительной мере этому способствовала прокламация абунэ Базылиоса, который 14 декабря угрожал отречением от церкви каждому, кто выступит на стороне заговорщиков. 15 декабря в Аддис-Абебе начались бои. Императорская гвардия, располагавшая только легким {558} оружием, не имела шансов в борьбе с отрядами, оснащенными танками и авиацией. После коротких, но кровавых сражений, в ходе которых полегло несколько сот человек с обеих сторон, отряды, лояльно настроенные в отношении императора, захватили Аддис-Абебу. 17 декабря Хайле Селассие I торжественно возвратился в столицу.

После подавления заговора стоящие во главе его оба брата пытались бежать. Когда их окружила полиция, Гырмаме-Ньюай покончил с собой. Раненый генерал Мэнгысту-Ньюай был арестован. После излечения его публично повесили 30 марта 1961 г. в Аддис-Абебе. Так закончилась первая попытка ускорить прогресс в политической, социальной и экономической жизни Эфиопии.

Следует отметить, что насколько прогрессивные круги эфиопского общества очень критически оценивали внутреннюю политику Хайле Селассие I, считая, что с позиций реформатора, какие он занимал в период до итальянской оккупации и в первые годы после освобождения, он перешел на консервативные позиции, настолько мнение о его внешней политике положительное. Слишком малый период времени отделяет нас от событий, о которых мы пишем в данном разделе, чтобы историк мог дать окончательную их оценку. Не вдаваясь в анализ

сложной проблематики внутреннего положения современной Эфиопии, следует все же подчеркнуть, что Хайле Селассие I как главный представитель феодального класса, некогда сторонник внутренних преобразований в стране, позднее стал на позиции сохранения социально-политического статус-кво. Понятно, что позиция такого рода с течением времени будет встречать все более острую критику со стороны либерально-демократической оппозиции по мере того, как будут расти кадры новой интеллигенции, будет укрепляться буржуазия и развиваться рабочий класс. {559}

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Заканчивая изложение исторического развития Эфиопии началом 60-х годов, А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко писали в 1971 г., что социально-политический режим в Эфиопии будет все более и более подвергаться критике со стороны либерально-демократической оппозиции по мере роста новых социальных слоев эфиопского общества. События 1974 г. далеко превзошли их предположения. Антифеодальная, антимонархическая революция в Эфиопии начала перерастать в революционно-демократическую. 12 сентября 1974 г. был низвергнут император Эфиопии Хайле Селассие I, а спустя три с лишним месяца, 20 декабря, новое правительство в лице Временного военного административного совета — ВВАС (ВВАК) — провозгласило курс на социалистическую ориентацию страны.

Вслед за политической декларацией последовали реальные действия, направленные на проведение коренных социально-экономических преобразований. 4 марта 1975 г. вся земля в Эфиопии была объявлена общенародной собственностью, в частном пользовании могут отныне находиться наделы до 10 гектаров и то при условии, если их обрабатывают сами владельцы без применения наемного труда. Многие крупные поместья стали государственными хозяйствами. В настоящее время в эфиопской деревне созданы десятки тысяч крестьянских ассоциаций. Они наделяют землей малоземельные и безземельные семьи, организуют различные кооперативные общества, помогают крестьянам осваивать сельскохозяйственную технику.

Было принято решение о национализации земли в городах, где феодалы, крупные чиновники, местные богачи владели огромными участками и доходными домами. Вслед за этим была {561} снижена арендная плата за жилье в городах, начато создание жилищных кооперативов.

Идет наступление на иностранный и местный капитал: национализированы крупные промышленные предприятия, принадлежавшие иностранному и частному капиталу, банки и страховые компании. Впервые государство вкладывает крупные средства в экономику страны. Новый государственный бюджет предусматривает увеличение расходов на образование и здравоохранение, а также повышение зарплаток низкооплачиваемым категориям трудящихся. Эфиопская печать справедливо назвала новый бюджет «бюджетом развития».

Все эти реформы пользуются широкой поддержкой народных масс Эфиопии. В стране быстро растет интерес к социалистическим идеям, опыту социалистических государств. Запрещенные при старом режиме книги и брошюры, произведения классиков марксизма-ленинизма сегодня расходятся в тысячах экземпляров. 1 мая 1975 г. эфиопские трудящиеся впервые отмечали День международной солидарности трудящихся — состоялась яркая массовая демонстрация рабочих столицы.

Вполне естественно, что перед Эфиопией стоит еще очень много трудностей и сложностей, порожденных прежним режимом, общей отсталостью страны, экономической зависимостью от иностранного капитала; сказываются последствия сильной засухи, унесшей сотни тысяч жизней, а в некоторых районах страны это народное бедствие еще продолжается.

Впереди еще много испытаний, много трудностей, но эфиопский народ уверенно идет по пути прогрессивных социально-экономических преобразований!

М. Райм

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

В книге встречается весьма значительное число наименований военных чинов, титулов, званий отдельных деятелей эфиопской истории: ныгусэ нэгэст (царь царей), мэрыд азмач, битуюддэд, рас, дэджамач, фитаурари и многие другие. Все это — наименования правителей отдельных областей, военачальников эфиопской армии, занимавших различные должности или имевших определенные дворянские титулы в военно-феодальной иерархии Эфиопии. Как правило, многие из этих титулов и званий уже давно потеряли свое первоначальное значение. Некоторые путешественники XIX — начала XX в. пытались найти соответствия эфиопских военных званий русским, но, разумеется, эти параллели только приблизительны. Об этих попытках можно посмотреть в книге А. К. Булатовича «От Энтото до реки Баро»

(СПб., 1897 г., стр. 127—128). Так, он полагал, например, что рас (дословно — голова) — главнокомандующий армией своей области или одной из армий императора соответствует «фельдмаршалу». Дед-жамач (дословно — «начальник дверей») соответствует генерал-лейтенанту и т. п. Одновременно очевидцы указывали, что военная иерархия в Эфиопии очень запутанна и уже в XIX в. почти не соблюдалась.

Абба — дословно «отец», определение каждого духовного лица без указания его должности. Абба употребляется также в прозвищах влиятельных лиц и императоров.

Абето хун — дословно «будь господином»; был титулом членов императорской семьи и высших придворных сановников. Со временем его значение уменьшилось. Употреблялись и его сокращенные формы: абето, а позднее ато. Сейчас употребляется просто при обращении, в значении «господин». {563}

Абунэ — дословно «наш отец»; титул главы эфиопской церкви. Официальное название митрополита эфиопской церкви звучит «ликэ папасат» или архиепископ (дословно «глава епископов»). Первым митрополитом эфиопской церкви был абунэ Сэлама (IV в.), греко-сириец по происхождению. До 1959 г., когда эфиопская церковь отделилась от александрийской патриархии, абунэ назначался александрийским патриархом обычно из египетских коптов. В 1959 г. впервые в истории страны на этот пост был избран эфиоп — абунэ Базилиос. Обращение «абунэ» применяется также к крупным высокопоставленным церковным сановникам, например к епископам, настоятелям монастырей (главным образом в провинции Тигре).

Агаме шум — правитель округа Агаме. Подробнее см. шум.

Аггафари — титул высокопоставленного сановника, функции которого можно было бы приравнять к роли мажордома или церемониймейстера при европейских королевских дворах; часто предводитель стражи.

Аззаж — дословно «повелевающий». Уже в XV в. это было высокое звание. Титул аззажа могли иметь крупные сановники, такие, как акабе сэат, цэхафе тыызас. С XVI в. одно из самых высоких государственных званий. Четыре аззажа, назначаемые императором, составляли высший императорский судебный трибунал. Аззаж назначался только из членов императорской семьи. Некоторые правители Эфиопии давали этот титул предводителям гвардии, а также казначеям.

Акабе сэат — дословно «хранитель часов»; некогда высокая церковная функция. Согласно легендам, это звание в XIII в. было дано Ийесусу-Моа, одному из деятелей эфиопской церкви, императором Йикуно-Амлаком за помощь в завоевании престола. На рубеже XIV и XV вв. самым привилегированным духовным лицом эфиопской церкви являлся акабе сэат из монастыря с озера Хайк. Во времена Иясу Великого акабе сэат был одной из самых влиятельных личностей при императорском дворе и выполнял церковные и светские функции. Он был также самым значительным авторитетом в религиозных спорах. Некогда в его обязанности входила экзаменовка прибывавшего из Александрии абунэ, чтобы уточнить, может ли эфиопская церковь считать ортодоксальным его вероисповедание. При императорском дворе он следил за распорядком дня, назначал аудиенции у императора и т. д. {564}

Акацэн — в средние века титул правителя округа Сэрае (Северная Эфиопия), он подчинялся бахыр нэгашу. Титул акацэн давался только крупным феодалам из Сэрае, происходящим обычно из рода Ат-Кэмэ-Мылгай. В царствование Бэйдэ-Марьяма этот титул носил также правитель области Гыддым.

Амба-Гышен — см. Уохни-Амба.

Амоле — название куска соли (длиной около 30 см, шириной 5 см и толщиной 3 см), в течение многих веков использовался в Эфиопии как платежное средство. Стоимость одного амоле соли колебалась в зависимости от провинции и, конечно, эпохи.

Ате (аце) — соответствует европейскому «Его императорское величество».

Афэ ныгусэ — дословно «уста царя»; некогда верховный судья; с начала XX в. титул министра юстиции.

Балаббат — титул мелких и средних землевладельцев, правителей сельских общин.

Баламбарас — дословно «глава горной крепости»; традиционный военный титул, введенный, согласно эфиопской традиции, в правление Давида I.

Бальгада — некогда титул заместителя правителя округа Ындэрта (Северо-Восточная Эфиопия). Так называли и начальника над караваном, привозящим соль из Данакиля в Центральную Эфиопию.

Бальдэрас — титул главного императорского конюшего; традиционное военное звание, введенное на рубеже XIV и XV вв.

Бальтихат — в средние века титул императорских жен. Две жены императора носили титул: гыра бальтихат («левая» бальтихат) и кэнь бальтихат («правая» бальтихат).

Бахыр нэгаш — дословно «правящий в приморье»; одна из высших должностей в Эфиопии до XVIII в. Этот титул давался правителям Северной Эфиопии. Император давал также титул нэгаша пра-

вителям провинции Годжам и Дамот. Отсюда: годжам нэгаш и дамот нэгаш.

Баша («паша») — традиционный военный титул, заимствованный в XVI в. от турок. Титул баша и турк баша в Эфиопии давали предводителям отрядов, вооруженных огнестрельным оружием. Титул турк баша до XX в. имел большое значение, в то время как баша стал невысоким воинским званием (сотник). {565}

Битуоддэд — одно из самых старых званий при императорском дворе, которое давалось наиболее доверенным сановникам императора. Отсюда известная поговорка: «битуоддэд ындэ уоддэд» — «битуоддэд делает согласно своей воле». Некогда при императорском дворе было два битуоддэда, из которых один отправлялся в поездки и походы с императором, а другой оставался, чтобы хранить государственный порядок. Во время заседаний императорского трибунала, составленного из высших государственных сановников, битуоддэд занимал третье место после императора и акабе сэата. На рубеже XIX и XX вв. битуоддэд стал титулом, средним между расом и дэджазмачем, а со времен Менелика II введен титул рас битуоддэд, который давался ближайшему советнику императора.

Блатта — см. блаттенгета.

Блаттенгета — дословно «господин пажей». Вероятно, уже в XV в. при императорском дворе существовал корпус пажей из 30 молодых рабов. Во главе их был блаттенгета. В период правления Зэра-Яккоба должность блаттенгеты считалась очень ответственной. Со временем, видимо в XVI в., численность пажей возросла до 150 человек, и установили двух блаттенгетов. Один из них (тыкакын блаттенгета) отвечал за весь корпус пажей и выполнял функции суперинтенданта двора, другой же (тыллак блаттенгета) — функции судьи при императорском дворе. Когда битуоддэд и другие высшие сановники уезжали из императорской резиденции, блаттенгета становился высшим распорядителем двора. С XVII в. уменьшается значение блаттенгеты, а в конце XIX в. этот титул исчезает совсем. Как высокое почетное звание он был возвращен во времена императрицы Зоудиту.

Бэджыронд — одно из самых старых званий при императорском дворе, введенное в конце XIV в. Тогда это был императорский казначей и ключник.

Гыразмач — дословно «командующий левым [флангом императорских войск]» — прежде одно из высоких эфиопских воинских званий.

Гэдам — дословно «пустынь»; вид монастыря.

Гэрад — титул правителей мусульманских областей, расположенных на юго-восточных рубежах Эфиопской империи {566} (Хадья, Доуаро, Гент, Бали). Так назывались и вожди некоторых племен сидамо и сомали.

Дамот нэгаш — см. бахыр нэгаш.

Джан хой соответствует «Ваше императорское величество».

Дэджазмач, сокращенное дэджач — дословно «командующий войском у дверей императорского шатра»; одно из высших военных званий.

Дэджач — см. дэджазмач.

Кале аце — дословно «голос его императорского величества». В обязанности кале аце входила передача императорских приказов.

Кэньязмач — дословно «командующий правым [флангом императорских войск]»; одно из эфиопских воинских званий.

Кэнтиба — один из феодальных титулов. До недавнего времени титул кэнтибы полагался только мэрам городов Аддис-Абеба, Асмэра и Гондэр. А также этот титул имели правители некоторых округов.

Лигаба — одно из высших званий при императорском дворе, лигабе полагается традиционное военное звание дэджазмача.

Лидж (лыдж) — дословно «ребенок»; по значению отвечает приблизительно испанскому «инфант». Некогда этот титул давался только членам императорского рода.

Ликэ мэкуас — с XV в. так назывался императорский двойник, который, одетый так же, как император, должен был во время битвы отвлекать на себя внимание врага; во время публичных выступлений императора он, находясь рядом с ним, должен был отводить от него злые чары.

Ликэ папасат — см. абунэ.

Лиуль (лыуль) — «его высочество», титул сыновей императора. Кроме того, перед высшим военным и административным званием ставится слово лиуль, например лиуль рас, лиуль дэд казмач и т. п., указывающее на родовитость данного сановника.

Лиыльт — «ее высочество», титул дочерей императора.

Мар — титул, даваемый некогда в Эфиопии светским и духовным сановникам за особо благочестивую жизнь или выдающуюся образованность. {567}

Мэкет азмач — звание, даваемое только правителям округа Мэкет.

Мекуаннынт — см. мэсафынт.

Мэляке бахыр — дословно «приморский легат». Первоначально титул правителя округов, расположенных на побережье Красного моря, в XV в. измененный на бахыр нэгаш.

Мэлякэ цэхай — дословно «солнечный ангел». Титул главы некоторых монастырей и церквей.

Мэрыд азмач — дословно «прекрасный вождь». Этот титул носили отдельные шоанские князья в XVIII — середине XIX в.

Мэсафынт — дословно «князья» или принцы (ед. число мэсфын — князь). Принцы из императорского рода, а также самые крупные князья провинций. Самое большое политическое значение они имели в период упадка центральной власти в Эфиопии, со второй половины XVIII в. до середины XIX в., в период, называемый «зэмэнэ мэсафынт» — период удельных князей. До последнего времени они играли огромную роль в политической и экономической жизни Эфиопии. Это крупные земельные собственники. Другое определение князей — мекуаннынт (ед. ч. мэконнын).

Ныбурэ ыд — дословно «рукоположенный», т. е. «назначаемый» или «посвященный». Звание светского главы церкви, одно из самых старших и самых высоких в Эфиопии, давалось обычно главе аксумского собора Цыйон.

Ныгусэ — дословно «царь»; один из самых древних эфиопских титулов, восходящий к аксумскому периоду. Ныгусэ подчинялся единственно, и то только формально, ныгусэ нэгэст, «царю царей».

Ныгусэ нэгэст — дословно «царь царей». С аксумских времен это титул императоров Эфиопии.

Нэгадрас — титул сборщика торговых пошлин.

Рак масэре — титул правителей провинций, установленный императором Зэра-Якобом в XV в.

Рас — дословно «голова»; один из высших титулов при императорском дворе и в провинциях.

Тигре мэконнын — титул правителя провинции Тигре.

Турк баша — см. баша. {568}

Уохни аззаж — дословно «распоряжающийся тюремным заключением»; этот титул присваивался правителю анкобэрского округа. Степень равная дэджамачу.

Уойзэро — некогда этот титул соответствовал определению «княгиня». Его носили княжны из императорского рода. Сегодня это распространенное обращение, применяемое к замужним женщинам, аналогичное слову «госпожа».

Уохни-Амба — дословно «тюремная гора». По эфиопскому обычаю, применявшемуся главным образом в XV—XVII вв., император сажал в Уохни-Амба всех, кто мог бы претендовать на престол, включая собственных детей. Императорские родственники, заключенные в Уохни-Амба, проводили там всю жизнь, впрочем находясь в хороших условиях. Побег оттуда был редкостью в истории Эфиопии. После смерти очередного императора из Уохни-Амба привозили наследника. Наиболее известными в истории Эфиопии местами изоляции императорских родственников являлись Уохни-Амба, расположенная в нескольких десятках километров от Гондэра, и Амба-Гышен в Уолло.

Фитаурари — дословно «атакующий во главе». Один из самых старых традиционных военных титулов в Эфиопии, введенный в XIV в. Фитаурари был либо командующим авангардом, либо главнокомандующим войсками императора или отдельных провинциальных правителей.

Хегэно — титул правителей мусульманских округов Юго-Восточной Эфиопии, установленный Зэра-Якобом и вскоре потом ликвидированный.

Цэхафе лам — дословно «переписывающий коров»; титул правителей некоторых областей.

Цэхафе тыгызаз — дословно «записывающий приказы». Титул, установленный императором Амдэ-Цыйоном для летописца и секретаря.

Чоуа (цоуа, шоа) — первоначально так называли детей сановников, которым вверялись различные функции. Вероятно, в первой половине XV в. из них начали создавать специальные военные отряды, предназначенные для охраны императора, а затем так стали называть и полки военных поселенцев. {569}

Шака — традиционное военное звание командующего отрядом (насчитывающим до 900 солдат). Как почетный титул давался правителям некоторых округов.

Шум — дословно «назначаемый»; название командующего, правителя или начальника. Правители некоторых округов носят этот титул с добавлением названия данного округа, например уаг шум, шире шум, тэмбен шум, агаме шум, гураге шум. Среди них уаг шум являлся самым высоким званием.

Шум шыр — дословно «назначаемый — разжалованный»; обычно каждый новый император

проводил шум шыр, отстраняя от власти тех государственных сановников, в лояльности которых он не был уверен, и назначая преданных себе людей.

Шыфта — дословно «разбойник», «повстанец».

Ыте — см. ытеге.

Ытеге — титул, соответствующий «е императорское величество», полагался жене императора Эфиопии после ее коронации императрицей.

Ычге — титул настоятеля монастыря Дэбрэ-Либанос, одно из самых старших церковных званий. {570}

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абале-Марьям см. Цэбэле-Марьям
Абатэ 370, 418, 419, 421, 438
Абба-Джахид см. Тэкле-Гийоргис II
Абба-Джыфар II 22, 324, 356, 359, 473
Аббас 153, 159
Аббе 262
Аббет 139
Аббойе 419
Аббэбэ-Арэгай 510, 518, 525
Аббэбэ-Дамтоу 499
Абдаллах 305, 306, 308, 310, 311, 319, 379
Абдуллах 324, 325, 357
Абид 144
Абийе 200, 218, 252, 253
Абрам 203
Абрахам 140
Абрыха 46
Абрыха 418, 419
Абрыха-Дебоч 526
Абу Анга 305, 306, 308, 309
Абу-Бэкр-ибн-Мухаммед 131
Абэрра-Гызау 507, 526
Абэрра-Каса 508, 517, 519
Абэрра-Тэдла 508, 509
Адалю 150
Адаль-Тэсэмма см. Тэкле-Хайманот Годжамский
Адам 193
Адмас-Могэса см. Сыллу-Хайла
Адмас-Могеса см. Ылени
Адоие-Баббу 247
Адоле 146, 149—151, 153
Адэфрысоу 542
Айеле-Хайлу 507
Айналов Д. В. 370
Акале-Крыстос 194
Ака-Салаба 522
де Албугера Лопеш Суареш 120
Алвареш Франсишко 120, 121, 123, 124, 181, 192
Александр см. Ыскындыр Алемайеху 465
Али 89
Али Великий 242, 243
Али Малый 246—250, 257—263
Алигаз 243
Алигаз 249
Али-Фарис 289
Алмейда М. 189
Алоизи 478, 479, 481 {571}
Алула 292, 299, 300, 301, 304, 305, 308, 316, 317, 326, 331, 334, 340, 341, 345, 411, 412
Альбертоне М. Ф. 345—349
Альташ 320
Амду 113
Амду 166
Амду см. Амдэ-Микаэль
Амдэ-Микаэль 113, 114
Амдэ-Микаэль 499
Амдэ-Ийесус (Бэдыль-Нань) 90
Амдэ-Мэскэль (Амдэ-Сэйтан) 99, 100
Амдэ-Сэйтан см. Амдэ-Мэскаль
Амдэ-Цыйон I (прозвище Гэбрэ-Мэскэль) 14, 70—74, 78, 79, 81, 83—89, 127
Амдэ-Цыйон II см. Ындырьяс
Амдэ-Цыйон 101
Амизо 225
Амха-Ийесус 98, 106
Амха Ийесус 99, 100
Амха-Микаэль 154
Амха-Гынсай 136
Амхайес 213—215
Амхайес Справедливый 253
Амэно 85
Амэтэ-Гийоргис 100
Амэтэ-Мэших 100
Ананиаш 149
Ананья 168
Анбэса-Ыддым 50, 51
Антонелли Пьетро 314, 331, 333
Аныстасйос 206
д'Аоста Амадео 532, 533, 537
Аракия-бей 299
Арая 265, 290
Арая 508
Арая-Йоханныс Великий 301, 308, 432
Арендруп 299
Аримонди 334, 341, 342, 345, 349
Арон 79
Артамонов Л. К. 21, 361
Арыуе-Бэдлай см. Ахмед-Бэдлай
Аса 155
Асбо 206
Асрат 206
Асрат 242
Ассэгахэнь 370
Ассэгахэнь 493

Ассэрэ-Крыстос 206
Асфа-Уогэра 531
Асфа-Уосэн 253, 254
Асфа-Уосэн 454, 456, 557
Атнасийос (Атнази) 182, 183
Атнатгеуос 292
Аурарис 489, 525
Аусабийос (Эузебиуш) 251
Афанасий (Атанази) 45
Афилас (Афила) 42
Афэ-Крыстос 186
Афэ-Уорк-Гэбрэ-Ийесус 459
Афэ-Уорк-Уольдэ-Сэмайт 499, 500
Ахмед-Бэдлай (Арыуе-Бэдлай, Бэдлай-
чудовище) 91, 96, 110, 147
Ахмед-ибн-Абу-Бэкр 298
Ахмед-ибн-Ибрахим аль-Гази (Грань) 17, 131—
160, 163, 166, 167, 170, 172, 177, 199, 200, 207,
240, 251, 433
Ахмед-Харб-Арад 89
Ахмушу 148, 149
Ашэннафи 425
Ашэннафи 508
Ацкэ-Дынгыль 168
Ацнав-Сэгэду 101
Ацнаф-Сэпра 100—101
Аялеу 408, 421 {572}
Аялеу 490, 493—496, 498
Аяхылюшым 401

Баадэ 520, 521
Бадит бинт Майя 67
Бадольо Пьетро 493—496, 506, 509
Базылиос 558
Бальдиссера Антонио 349, 351
Бальча 22, 24, 370, 439, 446, 447, 517
Бандэчо 171
Баратьери О. 332—338, 341—344
Баррадаш Эммануэл 18
Баррето Нуньес 164
Бати-Дыль-Уонбэра 131—133, 158—160
Бафэна 406
Бахыр-Ассэгыд 70, 92
Бахыр-Мэнгыса 101
Бермудеш Жоан 153, 154, 156, 164
Билл Джон 272
Богале 508
Болотов В. В. 21, 45, 62, 77, 127, 191—193
де Боно Эмилио 461, 469, 492, 493
Бонур 387, 388
Бровцын Н. П. 21
Брюс Ф. 272
Брюс Джеймс 233
Булатович А. К. 20, 21, 358, 360, 381
Бырру 246, 247
Бырру 325, 336
Бырру-Алигаз 262, 263
Бырру-Уольдэ-Гэбрыэль 507, 511, 542
Бырру-Хайлу 275, 276
Бырхан-Зэмэда 100
Бырхан-Сэгэд см. Иясу II

Бырылле 225, 227
Бытуль 324, 406
Быысе-Ыгзиабхер 152, 153
Бьянки Густаво 313
Бэдлай 138, 139
Бэдлай-Чудовище см. Ахмед-Бэдлай
Бэдыларыд 113
Бэдыль-Нань см. Амдэ-Ийесус
Бэззаббых 275, 321
Бэзыбыз-Каса см. Йоханныс IV
Бэйенэ 532
Бэйенэ 425
Бэйенэ-Мэрыд 499—501, 519, 522
Бэйенэ-Хабтэ-Марьям 489, 496, 497
Бэкаффа 197, 203, 204, 211, 214—217, 223, 232,
240
Бэккэле 509
Бэккэле-Уольдэ-Мэдхын 532
Бэлай-Зэллекэ 531
Бэлачоу-Ымру 460
Бэлоу 262, 263
Бэнят 136, 145, 150
Бэтрэ-Гийоргис 190
Бэтэ-Крыстос 194
Бэхайлу-Гэбрэ-Марьям 460
Бэцэлотэ-Микаэль 79
Бэыдэ-Марьям 16, 108—114, 116, 128, 147, 148,
161
Бэыдэ-Марьям 242, 243

Васин И. И. 330, 382
Виктор Эммануил III 511
Виктория (англ. королева) 273, 281, 318, 330,
410
Винчи Луиджи 461, 471
Владыкин Б. 21 {573}
Власов П. М. 382
Вобликов Д. Р. 480, 484, 510, 530

Гад 154
Гадарат 42
Гака Сероко см. Тченито
Галван Эдуард 120
Галито 356, 358
Галлиано Г. 343
да Гама Кристован 156—158, 172
Ганкин Э. Б. 26
Гарэд 272, 275, 276
Гедеуон 50
Гедеуон 154
Гедеуон 187
Георг V 442, 443
Гера 166
Гермачоу Текле Хавариат 549
Гетачоу 251
Гетачоу-Абатэ 489, 508, 510
Гигар 244
Гийоргис 79
Гийоргис 140
Гийоргис 196, 214
Гикс 302

Гиндо 455
Гитлер 505
Гобэээ см. Тэкле-Гийоргис II
Гобэна 355—357, 401, 403, 404
Гордон Ч.-Г. 314, 315
Гонорий (Анореуос) 74, 79
Горовая Е. В. 26
Гошен 171
Гошу 235—237
Гошу 245—248, 259, 261, 262
Грань см. Ахмед-ибн-Ибрахим аль-Гази
Грациани Рудольфо 492, 499—501, 512, 517,
519—522, 524, 526—529, 531—533
Грэхэм Рональд 444
Гуалу 245
Гуангуль 336, 345, 346
Губала 203, 215
Гугса 244—246, 254
Гугса-Арая 438, 456
Гугса-Уоле 414, 415, 421, 432, 448, 449
Гудэте 532
Гырмаме-Ныуай 556, 557, 559
Гэбре 244
Гэбру 429
Гэбрийе 279, 283
Гэбрыэль 211
Гэбрэ-Гийоргис 507
Гэбрэ-Ийесус 174
Гэбрэ-Крыстос 98, 101
Гэбрэ-Крыстос 174
Гэбрэ-Крыстос 247
Гэбрэ-Крыстос-Тэкле-Хайманот 459
Гэбрэ-Марьям 424, 425
Гэбрэ-Марьям 518, 521, 522
Гэбрэ-Мэскэль 45
Гэбрэ-Мэскэль 242, 243
Гэбрэ-Мэскэль см. Амдэ-Цыйон I
Гэбрэ-Руфаэль 248
Гэбрэ-Сылласе 372
Гэбрэ-Сылласе 426
Гэбрэ-Ханна 372
Гэбрэ-Хыйуот 493, 531
Гэбрэ-Хыйуот-Байкэдань 429, 438
Гэбрэ-Ындыряс 118, 132
Гэбэйеху 345—347, 349
Гэлаудеуос 101
Гэлаудеуос (Гелаудеос, Клав- $\{574\}$ дий) 17,
155, 157—160, 162—166, 172
Гэллебу 242
Гэнэме 349
Гэрам-Фасиль 251
Гэррэсу 532
Гэррэсу-Дуки 517
Гэссэсэ 507
Гэссэса-Бэлоу 455
Гэссэсэ-Ныгусе 507
Дабормида 345, 346, 348, 349
Давид (Давит) I 75, 76, 79, 80, 89, 90, 92, 96, 97
Давид III 196, 214
Дамтоу 349
Дарге 339, 351, 357, 364, 399, 400
Дармэн 212, 213
Дахракот 174
Джемаль-ад-Дин (Гемальдин) 86—88
Джемаль-ад-Дин 90
Джене 316
Диламо 203
Дильгамис 69
Дильмаррах-ибн-Мальзаррах 69
Дори 246
Драммонд Е. 476
Дыль-Бэйесус 117
Дыль-Нэад 51, 54, 59
Дыль-Сэмра 100, 101
Дыль-Уонбэра см. Бати-Дыль-Уонбэра
Дыметрос 214
Дынкынэш 291, 292
Дэббе-Мэсай 534
Дэббэбэ-Андаргачоу 489
Дэгальхан (Дегальхан, Дегэль) 132, 138, 145,
146, 151
Дэгнажэн 50
Дэмс 421, 434, 438
Дэмсоу 359
Дэрадэр 84
Дэреса-Шифэррау 356
Дэста (Абба-Кэммау) 287, 293
Дэста-Дамтоу 455, 473, 490, 499—501, 518, 519,
521, 522, 525, 532
Дэста-Мару 531
Евстахий (Аустатеуос) 14, 75
Екатерина II 18
Елисеев А. В. 21, 381
Елец Ю. 326, 344
Жан-Ассэггид 70
Жан-Белеу 136
Жан-Зала см. Ылени (Елена)
Жан-Мэнгэса 88
Жан-Сэйфа см. Романэ-Уорк
Жан-Хайла см. Фыре-Марьям
Жуан III 121
Заманель 422
Зеаб см. Цэга-Аб
Зеки Тумаль 308—311
Земур 167
Зихи 299
Зоуде 245
Зоуде-Асфай 517, 525
Зоудиту 22, 301, 414, 429, 432, 435, 436, 439,
446—449
Зоуольд 211
Зоунгель 136
Зу-Нувас 46
Зык-Аргачу 406
Зыкыре 164, 166
Зэдынгыль 182—188, 192, 199
Зэгийоргис 217
Зэйесус 193 $\{575\}$
Зэллекэ-Каса 507

- Зэллекэ-Уоле 507
 Зэмикаэль 251
 Зэннэбэ 370
 Зэннэбэ-Уорк 456
 Зэра-Абрыхам 101
 Зэра-Йоханныс 167
 Зэра-Йоханныс 168
 Зэра-Сэйттан см. Зэра-Цыйон
 Зэра-Цыйон (Зэра-Сэйттан) 98, 101, 102
 Зэра-Яыкоб (Костэнтинос) 15, 16, 73, 77, 90—100, 102—110, 112, 116, 126, 127, 147, 161, 189, 198, 199, 254, 290, 294, 296, 358
 Зэра-Яыкоб (Сэлэмон) 50, 55
 Зэсылласе 182, 185
 Зэсыллус 113, 114
- Ибрахим** 131
 Ибрахим-бен-Ахмед 312
 Иден Антони 476, 478, 480, 502, 503, 505
 Ийесус-Афэ-Уорк 472
 Ийесус-Моа 59, 60, 62, 63
 Ийеоас 197, 224—232, 237, 242
 Ийеоас II 244
 Ильг Альфред 366
 Исаяс 99, 100
 Исмаил 297, 299, 300
 Иясу I Великий 181, 194, 203—216, 218, 232, 240, 252, 373
 Иясу II (Иясу Куариец, Бырхан-Сэгэд) 197, 204, 216—224, 227, 228, 235, 240
 Иясу III 242, 243
- Йедых-Аббат** см. Уосэн-Сэгэд
 Йеманэ-Крыстос 186, 189
 Йерзи 154
 Йесуф 165
 Йеши-Ыммэбет 432
 Йигэбауаль 251
 Йигэзу 438, 489, 510
 Йикуно-Амлак 59—66, 68—70, 73, 111, 197, 222, 460
 Йимам 245
 Йисхак 65, 79
 Йисхак 77, 80, 81, 89, 90
 Йисхак 79
 Йисхак 140
 Йисхак 157, 167—169, 172—174
 Йисхак-Уорення (Йисхак-Поджигатель) 181, 204
 Йитбарэк 59, 60
 Йонаэль 187
 Йорам 154, 159
 Йостос 195, 213, 214
 Йоханни 60
 Йоханныс 114
 Йоханныс 153
 Йоханныс 160
 Йоханныс 191
 Йоханныс I 193, 194, 205, 211
 Йоханныс II 227, 232, 233, 432
 Йоханныс III 247, 249, 260, 262
- Йоханныс IV (Бэзыбыз-Каса) 198, 280—287, 290—296, 298—306, 308—310, 312—323, 325, 331, 332, 339, 351, 352, 355—357, 363, 372, 392, 395, 404, 406, 407, 410—412, 418, 442, 452, 456, 493
 Йоханныс 518
 Йоханныс-Мару 532
 Йоханныс-Тэсэмма 460
- аль-Кавкабани 193
 Кадаверт 175
 Калев (Элла-Ацбыха) 45, 46, 222 {576}
 Камерон 273, 274, 281, 282
 Каратаев Н. М. 28
 Каса см. Теодрос II
 Каса-Гэбрэ-Хыйвот 26
 Каса-Хайлу 429, 438, 442, 446, 454, 455, 490, 493—496, 498, 506, 508, 510
 Касай 248
 да Кастаньозо Мигел 158
 Кауфман С. А. 58
 Кацнельсон И. С. 39, 381
 Качачишвили М. 18, 228
 Кирилл (Керлос) 60
 Китчнер 377
 Киффу-Адьям 238
 Кларендон Джордж 272, 274
 Клемент VII 121
 Клемент VIII 183
 Клиффорд Х. 465
 Кобищанов Ю. М. 31, 37, 41, 42, 228
 Ковалевский Е. 21
 де Ковильян Педро 126
 Козлов В. С. 475, 530, 540
 Костэнтинос см. Зэра-Яыкоб
 Коростовцев М. А. 58
 Корсун Н. Г. 491
 Космос 194
 Коутуре 510
 Кохановский А. И. 21, 419, 460
 Крачковский И. Ю. 80
 Криспи Франческо 318, 349
 Крыстодулос 196, 217
 Куббель Л. Е. 228
 Кумо 168
 Кучо 204
 Кыдмэ-Ассэггид 70
 Кынфэ-Микаэль 211
 Кынфу 275, 276
 Кырыл 449
 Кыфле 136
 Кыфле 140
 Кыфле-Йоханныс 210, 211
 Кыфле-Марьям 168
 Кыфле-Уахд 182
 Кэббэдэ 407, 415, 438
 Кэббэдэ-Гызау 526
 Кэббэдэ-Мэнгэша 508
 Кэбэро-Сайтан см. Ноб
 Кэнафро 211
 Каннингэм А. 536, 537

Лаваль Пьер 466, 467, 474, 478, 503—505
 Лакэч-Гэбрэ-Мэдхыа 287
 Лалибэла (Лалыбэла) 55, 58, 59, 73, 83
 Лало 251
 Лаыкэ-Марьям 185
 Лебединский М. 21
 Лев X 120
 Лев XIII 353
 Левин И. 451
 Леонтьев Н. С. 381
 Лессона 474
 Лета 214
 Лета 251
 ф. Летов-Форбек Пауль 428
 Либнэ-Дынгыль 17, 115, 116, 118, 120—122,
 128, 132, 134, 135, 137, 139, 141, 144—148, 150,
 152—156, 159, 161, 164, 167, 169, 170, 182, 188,
 199, 200, 251, 290, 295
 Либо 225
 Либсэ-Каль 251
 Лидж-Иясу 22, 360, 384, 402, 414, 416—420,
 422, 425—430, 438, 454—456
 де Лима Родриго 120, 123
 Лиотта Аурелио 527
 Лисовский П. 484 {577}
 Литвинов М. 475, 481, 482
 Лобо И. 189
 Лойла Игнатий 164
 Ломоносов Михаил 21
 Лукаш 373
 Лукницкий К. Н. 484
 Луль-Сэгэд 370, 433, 434
 Лундин А. Г. 35
 Луцкий В. Б. 535
 Лягард 377
Мадариага С. 482
 Мадэре 195
 Малетта 529
 Маммо 206, 217
 Маммо 251
 Мансур 90
 Мануэл I Великий 120
 Марйе 245—247
 Маркос III
 Маркос 190
 Мартин С. см. Уоркнэх
 Мару 259
 Маршан Ж.—Б. 361, 376, 377
 Марьям-Бария 227—230
 Марьям-Сына 182, 186
 Марьямауит 214, 215
 Массайя 313
 Матеуос (Матвей) 17, 119, 121, 124, 126
 Матеуос 327, 347, 407, 412, 420, 424, 425
 Махико 91
 Махфуз 118, 130—132, 159, 160
 ди Мендес Дуарта 169
 Мендес А. 189—191
 Менелик I 65, 285, 452
 Менелик II (Сахле-Марьям) 20—22, 160, 181,
 198, 266, 267, 280, 282, 284, 290, 292, 294, 301,
 314, 316—327, 330—347, 349—358, 360—370,
 372, 375—377, 379—384, 387, 388, 391—396,
 399—420, 422, 425, 427, 431, 432, 436, 445, 457,
 460, 464, 543
 Мереуезер Уильям Лакшир 283
 Меропий 44
 Микаэль 22, 301, 308, 340, 341, 345, 346, 357,
 364, 404, 405, 414—416, 418, 420, 422, 427, 429,
 431, 433—435
 Микаэль-Сыуль 218, 219, 228—238, 280, 290
 Минас 154, 166—169, 182
 Митчелл Филипп 539
 Могэс-Асгэдом 526
 Мулай Хассан-паша 299, 300
 Мулугета 369, 449, 489, 490, 493, 495, 496, 498,
 506
 Мюнцингер Вернер 297, 298
 Мурад 208
 Муса 208
 Муса-бей 302
 Мусса Паша 259—261
 Муссолини 445, 461, 466, 476—479, 483, 488,
 493, 502, 511, 528, 533
 Мухаммед 130—132
 Мухаммед IV 173
 Мухаммед-Абу-Бэкр 22, 427
 Мухаммед Али 258—260, 271, 297
 Мухаммед Ахмед 302
 Мухаммед-ибн-Бэдлай 16, 116
 Мухаммед-ибн-Ибрахим 133
 Мыльмыль-Иясу (Иясу-Избранник) 223
 Мынтыуаб 216—218, 220, 221, 223—225, 227,
 229—232, 235, 258, 406 {578}
 Мыымэн-Бэцдыку 113
 Мэбаа-Цыйон 166
 Мэдхын-Зэмэда 100
 Мэзмур зе-Давит 460
 Мэконнын 325, 327, 335, 339—343, 345, 348,
 360, 361, 364, 370, 377, 395—399, 401, 402, 408,
 411, 416, 417, 429, 432
 Мэконнын-Дэмсоу 489
 Мэконнын-Хабтэ-Уольд 510
 Мэконнын-Ындалькачоу 489, 499, 543
 Мэкурия 507
 Мэлекотауит 190, 211
 Мэлька-Крыстос 186, 202
 Мэлька-Марьям 203
 Мэнгэша-Атикэм 340, 341, 345
 Мэнгэша-Джэмбэре 531, 535
 Мэнгэша-Йильма 496, 508, 509, 525
 Мэнгэша-Йоханныс 308, 310, 325, 326, 331—
 334, 339—341, 345—347, 352, 395, 398, 407,
 410—412
 Мэнгысту-Лемма 33
 Мэнгысту-Ныуай 556—559
 Мэнэн 259—262
 Мэнэн 460
 Мэрыд 244
 Мэрыд-Уасе 507

Мэсобэ-Уорк 54
Мэсфын 517
Мэсфын-Рэдда 531
Мэтаы (Либанос) 73, 75, 80
Мэттан-ибн-Отман 133
Мэшэша 349
Мэшэша 422
Мэшэша-Баббу 247
Мэшэша-Уольде 489, 497

Наод (Наод-Кэлейопа, Наод-Калиопа) 113—118, 127, 130, 141, 147
Наод 215
Наод-Кэлейопа см. Наод Наод-Могэса 115—117, 134, 155
Наполеон III 276, 277
Насреддин 157
Нерацини Чезаре 332, 333, 353, 383
Николаос (Николай) 194, 196
Ноб (Кэбэро-Сэйтан) 99, 100
Нур-ибн-Ибрахим 147, 148
Нур-ибн-Муджахид 159, 160
Ныгату 489
Ныгусе 275, 277, 374
Ныгусе-Гуалу 287
Ныуайе-Крыстос см. Сэйфэ-Арыд
Ныуайе-Марьям 89, 111
Нэакуто-Леаб 59, 60, 66
Нэгаси-Крыстос 200, 251, 252, 255
Нэгаш 525
Нэгаш-Бэззаббых 531, 535
Нэгаш-Тэсфае 509
Нэгадэ-Ийесус 152
Нэпир Роберт 19, 274, 282—287, 290, 291, 297, 337, 443
Нэсибу 370, 421
Нэсибу-Заманель 490, 499, 501, 510, 520

де **Овьедо** Андрес 164, 165, 192
Ольдерогге Д. А. 28, 32
Омар (Умар) 241
Орлов Н. А. 344
Осман Дигна 304

Паес П. 183, 187—189, 192
Паулос (Паули) 164, 166 {579}
Паулос 212, 213
Персико 336
Петрос 185, 186
Петрос 309
Петрос 507, 523
Пигулевская Н. В. 46
Пий IX 276
Платт 536
Плоуден Уолтер 272
Политес Н. 479, 480
Попов В. Т. 344
Порро Пьетро 316
Поттер Питтман 480
Ля Прадель 480
Прочко И. С. 491
Пьяно 333

Рагуэль 166
Раджих 136
Райт М. В. 32, 190, 380, 475, 548
Рани 348
Рассам Х. 281, 282
Рассел 274
Ратиб-паша 299
Рауф-паша 298
Риддель Уолтер 503
Робель 136
Родд Реннел 379, 380
Родригес Гонсало 164
Роман 418, 427
Ром-Гэнэйела 100
Ром-Сэгэд 168, 169
Романэ-Уорк (Ромна-Уорк, Жан-Сэйфа) 112, 113
Руджиеро 462
Рузвельт Т. 551
дю Руль 18
Рыгум Тэкле-Хайманот см. Тэкле-Хайманот I
Рэдет 167
де Рюссель 277

Саад-ад-Дин (Саадин) 89, 90 131
Сабр-ад-Дин (Сабрдин) 84, 85, 89
Савская (царица) 65, 249, 285, 358, 452, 460
Сайид-Халиф-ибн-Сайид 329
Салетта Танкреди 314
Салех (Салих) 87
Салимбени 332, 333
Сальса Томасо 352
Самуэль 79
Сандфорд 535
Сан Марцано 317, 319
Сапето Джузеппе 312
Саул 153
Сахле-Дынгыль 247
Сахле-Крыстос 186, 188
Сахле-Марьям см. Менелик II
Сахле-Сылласо 197, 249, 254, 255, 266, 280, 355, 377, 395, 399, 401, 422, 429, 452, 460
Себенхи 170
Сембригэс 41
Серу-Гуангуль 241—243, 245—247, 250, 254, 289
Сиди-Мэскэль 58
Сиди Мохаммед 147, 158
Симон Джон 474
Синода 211
Смирнов С. Р. 302
Соломон (царь) 65, 249, 285, 358, 452, 460
Софья 101
Старце А. 510
Сувич 476
Сулейман 160
Сусныйос 215
Сусныйос 235, 236
Сусныйос 180, 182, 186—190, 193, 199, 202, 207, 251 {580}
Сыбсыте 252

Сыбхат 336, 344, 349, 411, 419
Сыбхат-Леаб 168
Сыгыуо-Каль 251
Сыыле-Крыстос 192
Сыллус-Хайла (Адмас-Могэса) 166, 168
Сыруы-Ийесус 90
Сымон 80
Сымон 188, 189
Сыном-Бэкахаэнь 247
Сыном-Мэнгэша 426, 442, 448, 456, 490, 493—
498, 506, 508
Сэбагадис 246, 248, 290
Сэбле-Уонгель 155, 157, 158, 166, 168, 172
Сэбхай 203
Сэйфу 275
Сэйфэ-Арыд (Ныуайе-Крыстос) 74, 79, 89
Сэйф-Джагыре 508
Сэлама 44, 45, 50, 64
Сэлама 80
Сэлама III 249, 263—266
Сэломон см. Зэра-Яыкоб
Сэломон см. Ягбыя-Цыйон
Сэломон 227, 237
Сэмаил 140
Сэнбэльт 251
Сэрэка-Бырхан 75
Сэрцэ-Дынгыль 168—179, 182, 207
Сэрцэ-Кыссос 203

Таддэсэ-Ныгусе 531
Тайе 371
Тайе 421
Тайе-Гэбрэ-Марьям 459
Тайту (Тайту-Бырхан) 324, 345, 364, 368, 399,
401, 405—408, 414—418, 420—422, 431
Тайту-Бырхан см. Тайту
Таккале-Уольдэ-Хауарьят 438, 510
Тамрат 507
Танн 518
Тасоу (Тырсо) 285, 287
Татарченко Е. 491
Тафэссэ 349
Теодрос (Федор) I 76, 77, 90, 111
Теодрос 101
Теодрос (Федор) II (Каса) 19, 20, 32, 81, 197,
198, 232, 248, 250, 256—293, 296, 320, 321, 337,
370, 371, 374, 392, 400, 406, 443, 445
Терехова Г. 381
Теуофилос 309
Теуофлос 195, 213
Тино 188
Тозелли 339, 341, 342
Толстой Л. Н. 21
Тоуабэч 260—262, 275, 279
Траверси Леопольдо 332, 333
Трофимов В. С. 282, 292
Тураев Б. А. 21, 71, 84, 180, 370
Тченито (Кеннито, Гака Сероко) 358—360
Тыду 251
Тырсо см. Тассоу

Тыру-Уорк 279
Тэаука-Бырхан 98, 101
Тэбдан 194
Тэдла-Гуалу 275, 276, 287
Тэзкара-Каль (Тэзкаро) 167
Тэка-Крыстос 115, 116
Тэкле-Гийоргис 154
Тэкле-Гийоргис 170
Тэкле Гийоргис I 227, 238—241, 243 {581}
Тэкле-Гийоргис II (Абба-Джахид, Гобэзе) 280—
289, 291—293, 371
Тэкле-Гийоргис 406
Тэкле Ийесус 111
Тэкле-Ийесус 139, 140
Тэкле-Марьям 90
Тэкле-Хайманот 51, 54
Тэкле-Хайманот 59, 60, 62, 63, 70, 197, 222, 460
Тэкле-Хайманот 151
Тэкле-Хайманот I (Рыгум Тэкле-Хайманот) 195,
211—213, 227, 373
Тэкле Хайманот 215
Тэкле-Хайманот II 233—237, 243
Тэкле-Хайманот Годжамский 22, 287, 293, 300,
301, 304—308, 318, 325, 335, 340, 345, 356, 357,
404, 407, 409—411, 415, 542
Тэкле-Хауарьят 144
Тэкле-Хауарьят 463, 468, 469, 472, 473, 482, 484
Тэкле-Хауарьят 429
Тэкле-Хауарьят-Тэкле-Марьям 459
Тэклю 168
Тэмэртэ 195
Тэнанне-Дарге 509
Тэнанье-Уорк 395, 401
Тэнсыа-Крыстос 154
Тэсэмма 360, 361, 364, 368, 377 380, 388, 400,
401, 415, 419—422
Тэсэмма-Банте 465
Тэсэмма-Гэзму 434
Тэсфа-Гийоргис 113
Тэсфа-Лыуль 153, 159
Тэсфайе-Уольде 532
Тефери-Мэконнын см. Хайле-Сылласе I
Тютрюмова Т. Л. 548
Уад Арбаб 304, 305
Уингейт 536
Умар 155
Умар-ад-Дин 131
Умберто I 330
Уодаджо 508
Уоле (Уоле-Бытуль, Бытуль) 324, 325, 340, 341,
345, 407, 411, 415, 419, 421
Уолетэ 174
Уолетэ-Берсабех см. Уыбит
Уолетэ-Руфаэль 215
Уолетэ-Сылласе 233
Уолетэ-Цыйон 205
Уолетэ-Ысраэль 456
Уололь-Джыле 500
Уольду 251
Уольдэ-Абиб 213

Уольдэ-Амануэль 508
Уольдэ-Гийоргис 201
Уольдэ-Гийоргис 217
Уольдэ-Гийоргис (Ахиллес Эфиопии) 20, 22, 357—361, 364, 369, 370, 401, 402, 422, 426, 429, 431, 436
Уольдэ-Гийоргис 373
Уольдэ-Гийоргис 412
Уольдэ-Гийоргис-Уольдэ-Йоханныс 508
Уольдэ-Гэбрыэль 242
Уольдэ-Гэбрыэль 251
Уольдэ-Гэбрыэль 406
Уольдэ-Гэбрыэль 423, 425
Уольдэ-Йоханныс-Зэмэденах 525
Уольдэ-Крыстос 194
Уольдэ-Лыуль 217, 218, 225 {582}
Уольдэ-Марьям 287, 289
Уольдэ-Марьям 370
Уольдэ-Микаэль 395
Уольдэ-Мэдхын 460
Уольдэ-Сылласе 238, 243, 244
Уольдэ-Сылласе 325
Уольдэ-Сэлломон 237
Уольдэ-Тынсае 195
Уольдэ-Тынсае 207
Уольдэ-Хауарьят 203
Уольдэ-Цадык 438
Уольдэ-Ысум 174, 175
Уонаг-Жан (Джан) 132
Уонаг-Жан 117
Уонд 235—237
Уонд-Йирад 259
Уонд-Йирад 508, 509
Уоркит 280, 284, 320, 321
Уоркнэх (С. Мартин) 438
Уоркнэх-Ышэту 459
Уорэдэ-Каль 251
Уорэс 493
Уосэн-Сэгэд (Йедых-Аббат) 115—117, 139, 141—144
Уосэн-Сэгэн 254
Уыбе 245, 246, 248—250, 256, 257, 261—265, 275, 276, 279, 406, 432
Уыбит (Уолетгэ-Берсабех) 204, 217, 224—226
Уыбнэх-Тэсэмма 531
Уыддым-Арыд 70
Фануэль 132, 136, 159
Фарис 242
Фасиледэс 17, 18, 190, 191, 193, 199—203
Фасиледэс (Фасиль) 167, 169, 170
Фасиль Могучий 230, 231, 234—236
Федоров Г. 21
Фелтер 335
Филипп (Филипос) 73, 74
Филипп (Филипос) 75, 76
Филипп 79
Филипп II 169
Филипп III 183
Фиктор 154
Филонарди Винченцо 328

Фрументий см. Сэлама
Фыкрэ-Марьям 510, 517, 518, 525
Фыкрэ-Сылласе 518, 519
Фыре-Марьям (Жан-Хайла) 106
Фысыха-Крыстос 206
Хабтэ-Гийоргис 22, 357, 358, 369, 370, 402, 403, 415, 417, 431, 432, 434, 436—439, 446
Хабтэ-Йиесус 205
Хабтэ-Марьям 364
Хабтэ-Марьям-Гэбрэ-Ыгзиабхер 489
Хабтэ-Микаэль 499
Хабтэ-Сылласе 249
Хагос 246
Хагос-Тэфэри (Агос) 336, 344, 345, 411
Хаджи-Али 208
Хазанов А. М. 190
Хайдэра 85
Хайле-Гийоргис 369
Хайле-Кынфу 258
Хайле-Марьям 245
Хайле-Марьям 258
Хайле-Марьям 308
Хайле-Марьям 353
Хайле-Мэлекот 255, 256, 263—266, 275, 280, 320, 321, 395, 400 {583}
Хайле Селассие I (Хайле-Сылласе I, Тэфэри-Мэконнын) 22, 382, 402, 417, 429—461, 463, 466, 472—474, 476, 477, 488, 491, 492, 497, 504, 506—508, 511, 517, 520, 521, 523, 526, 529—531, 533, 535—537, 539—544, 547, 549—552, 556, 557, 559, 560
Хайле-Сылласе-Гугса (Гугса) 456, 492, 493, 542
Хайлу 222
Хайлу 243, 244
Хайлу 248
Хайлу-Бэлоу 542
Хайлу-Каса 536
Хайлу-Кыбрэт 532
Хайлу-Кэббэдэ 496
Хайлу-Тэкле-Хайманот 407, 439, 442, 448, 454—456, 572, 506
Хайлу-Уольдэ-Мэдхын 525
Хайлу-Уонд 532
Хакк-ад-Дин I (Хакдин) 84
Хакк-ад-Дин II 89
Хамэльмаль 168, 169
Харбо 168
Харрис У. К. 255, 266
Хассан-бен-Ахмед 312
Хаурья-Крыстос 206, 211
Хаыр-ад-Дин 91
Хасбо 113
Хлаповски Альфред 463
Хор-Самуэль 503—505
Христофори 317
Хызбэ-Ассэгыд 70
Хызкыяс 213, 217
Хызкыяс 215, 243
Хыруй-Уольдэ-Сылласе 372, 438, 460, 510
Хырьякос (Кирьяк) 206

- Хырьякос 251
Хьюитт Уильям 302
- Ц**
Цыйон-Могэса 109
Цынфэ-Арыд 70
Цыпкин Г. В. 368
Цэбэле-Марьям (Абале-Марьям) 100
Цэга 251
Цэга-Аб (Зеаб) 121
Цэга Крыстос 85
Цэдаль-Комите 195
- Ч**
Чача 349
Чернецов С. Б. 184
Чаммарута 465
Чэкол-Гызау 526
- Ш**
Шамун 144
Шафнё Л. 366, 387, 388
Шимплис 522
Шифэррау 465
Шифэррау-Рэтта 494
Шихаб ад-Дин Ахмед Араб-Факих 131
Шоуарэг 405, 414, 420, 432
Шусев П. 21
- Ы**
Ыбэйе-Дынгыль 180, 181
Ыгзыи-Кыбра 92
Ыгуале-Цыйон 244
Ыкубэ-Микаэль 136
Ыкубэ-Микаэль 175
Ылени (Елена, Жан-Зала) 106
Ылени (Адмас-Могэса) 112, 113, 115, 117—122, 124, 126, 127, 132, 187, 405
Ылени 205
Ылфыйос 203
Ымбаком 166
Ымнэту 276 {584}
Ымру-Гызау 526
Ымру-Айле-Сылласе (Ымру) 438, 456, 490, 493—496, 498, 506, 511, 517, 519, 521, 522, 525, 557
- Б**
Бнгыд 373
Бндрыяс 90
Бндрыяс (Андрей) 97, 98, 101, 102, 109
Бндрыяс (Амда-Цыйон II) 114
Бнко-Ысразль 113
Бнкуай 203
Бскындыр (Александр) 112—114, 116
Бслам-Дахар 150
Бслам-Сэгэд (Бсламо) 138—140, 168
Бшэте (Эште) 225, 227
- Э**
Эдезий 44, 45
Эзана 42, 43, 51
Эзраш 154
Элена 345—348
Элиаш 373
Элияс (Элыяс) 217
Элла-Алада 44
Элла-Асгуагуа 44
Элла-Ацбыха см. Каллеб
Эльянов А. 543
Эмайлаф-Хыруй 373
Эстер см. Юдит
Эште см. Бшэте
Юдит (Эстер) 50, 51, 55
Юдит 154
Юнус 305
Юстиниан 46
Ябика-Ыгзыи 81
Ягбыа-Цыйон (Сэломон) 69, 70
Ягья В. С. 32, 540
Язоу 262
Яред 222
Яыкоб 73, 74
Яыкоб 145, 154, 167, 200, 251
Яыкоб 180, 182, 183, 186, 187, 199 {585}

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Введение	27
Глава I. Расцвет и упадок Аксума	35
Колонисты из Южной Аравии	35
У истоков государства Аксум	39
Принятие христианства	42
Попытки покорения Южной Аравии	46
Падение Аксума	47
Глава II. Династия Загуйе (X—XIII вв.)	50
Закат Аксума в свете эфиопских преданий	50
Национальная пестрота. Борьба за власть	52
Загуйе — династия «узурпаторов». Церкви Лалибэлы — забытое чудо света	54
Потомок последнего правителя Аксума	59

Глава III. Эпоха великих преобразований	61
«Год священного союза»	61
Реставрация «Соломоновой» династии	63
Союз между «Соломоновой» династией и династией Загуйе	66
Мусульманские султанаты — новая сила на рубежах империи	67
Глава IV. Церковь в Эфиопии. Император Амдэ-Цыйон I	71
Рост значения церкви в Эфиопии	71
Монахи с островов на озере Хайк. Монастыри Дэбрэ-Асбо и Дэбрэ-Либанос	72
Конфликт между императором Амдэ-Цыйоном I и духовенством	74
Значение духовенства Дэбрэ-Бизэн. Внутренние конфликты в эфиопской церкви	75
Экономическая стабилизация и расцвет культуры государства	78
Глава V. Борьба Эфиопии с султанатами	82
Отношения Эфиопии с мусульманскими странами	82
Истоки эфиопско-мусульманских войн	83
Император Сэйфэ-Арыд I. Давид I. Дальнейшая борьба	89
Битва при Ыгубба. Поражение султаната Йифат	90
Глава VI. Император Зэра-Яйкоб. Попытка установления абсолютного правления	92
Амба-Гышен	92
Политическая концепция Зэра-Яйкоба	93
Попытки использования эфиопской церкви в унификаторской политике	95
Казнь принцев	99
Реформы государственной администрации	102
Отряды «шоа»	102
Бахыр нэгаш. Северная политика	103
Императорская резиденция в Дэбрэ-Бырхане	104
Глава VII. Ослабление императорской власти	108
Император Бэйдэ-Марьям	108
Правление регентов	112
Усиление мусульманской угрозы	116
Императрица Ылени. Контакты с Европой	118
Португальская миссия	120
Культура Эфиопии накануне мусульманского нашествия	126
Глава VIII. Тридцатилетняя война (1529—1559). Империя перед угрозой гибели	128
Наращение конфликта	128
Ахмед-ибн-Ибрахим по прозвищу Левша и его планы завоевания Эфиопии	131
Сражение у Шынбыра-Куре	135
Битва в Анцокии и у Айфэр	138
Уосэн-Сэгэд	141
Вытеснение императорских сил в горы Севера	145
Потери, понесенные эфиопской культурой	147
Дальнейшие поражения эфиопских войск	151
Начало побед эфиопских войск	154
Прибытие португальского отряда	156
Битва у Зэнтэра	158
Глава IX. Восстановление государства	161
Внутренняя ситуация после тридцатилетней войны	161
Прибытие иезуитов	163
Литература	165
Император Минас. Мятеж бахыр нэгаша Йисхака. Войны с фалаша	166

Захват власти Сэрцэ-Дынгылем	168
Завоевания Сэрцэ-Дынгыля. Войны с галла	169
Ликвидация титула бахыр нэгаша	172
Глава X. Народные движения и религиозные войны в XVII в.	177
Экономическая ситуация в начале XVII в.	177
Крестьянские бунты и борьба в лоне эфиопской церкви	180
Зэдынгыль — Яькоб — Сусныйос	182
Реформы императора Зэдынгыля	183
Император Сусныйос. Попытка освобождения императорской власти от церковной зависимости. Союз с галла и иезуитами	186
Религиозные войны	188
Изгнание иезуитов	190
Крупный конфликт в эфиопской церкви	191
Глава XI. Экономический и культурный расцвет империи	199
Гондэрские императоры	199
Мятеж области Ласта. Роль народов галла	202
Император Иясу I Великий. Административные и экономические реформы	204
Литература	210
Внутренние беспорядки после смерти Иясу I Великого	211
Император Бэкаффа	214
Императрица Мынтыуаб и Иясу II	216
Расцвет духовной жизни	219
Отравление Иясу II	222
Глава XII. Закат империи	224
Политическая роль народов куара и галла в XVIII в.	224
Рост центробежных тенденций	226
Рас Микаэль-Сьуль	228
Тэкле-Гийоргис — «последний из императоров»	238
Глава XIII. «Времена князей»	240
Начало удельной раздробленности	240
Возвышение рода Серу-Гуангуль. Гондэрские наместники	241
Важнейшие провинции — Гондэр, Тигре и Шоа	243
Рост значения провинции Шоа	250
Глава XIV. Объединение Эфиопии. Реформы Теодроса II	257
Попытки объединения государства	257
Дэджазмач Каса. Борьба с гондэрским наместником. Завоевание Тигре	258
Коронация Теодроса II. Победа над Шоа	265
Внутренняя политика Теодроса II	268
Глава XV. Попытки получить доступ к морю. Смерть Теодроса II	271
Внешняя политика Теодроса II	271
Конфликт с Англией	273
Выступления против императорской власти	274
Мятеж дэджазмача Ныгусе	276
Конфликт императора с духовенством. Репрессии Теодроса II	278
Экспедиция лорда Нэпира. Поражение и смерть императора	281
Глава XVI. Ласта, Тигре и Шоа в борьбе за гегемонию	285
Борьба за императорскую корону	285
Тэкле-Гийоргис II	288
Гегемония провинции Тигре	289
Объединительная политика Йоханныса IV	292
Глава XVII. Эфиопия в период правления Йоханныса IV	297
Египетско-эфиопская война	297

Договор между императором Йоханнысом IV и Менеликом, ныгусэ Шоа	300
Начало борьбы с махдистами. Захват Массауа итальянцами	301
Сражение под Мэтэммой. Смерть Йоханныса IV	307
Глава XVIII. Итальянская экспансия. Менелик II	312
Проникновение Италии в Северную Эфиопию	312
Захват императорской власти Менеликом II	320
Уччиалльский договор	326
Глава XIX. Итало-эфиопская война (1894—1896)	328
Усиление позиций Италии в Эритрее и Сомали	328
Начало войны	334
Эфиопия перед решающими сражениями	337
Глава XX. Сражение под Адуа	341
Победа при Амба-Алаге	341
Взятие Мэкэле	342
Сражение под Адуа	344
Политика Менелика II после победы под Адуа	350
Глава XXI. Завоевания и реформы Менелика II	355
Военные походы императорских войск	355
Присоединение Кэфы	358
Завоевание земель на юге и западе	360
Основание Аддис-Абебы	363
Торговля. Строительство железнодорожной линии Джибути — Аддис-Абеба	364
Модернизация государственного аппарата	367
Литература и искусство на рубеже XIX и XX вв. Введение в письменность амхарского языка	370
Глава XXII. Эфиопия и политика европейских государств	374
Соперничество Великобритании, Франции и Италии в Северо-Восточной Африке	374
Россия и Эфиопия	380
Пограничные соглашения	382
Лондонский трактат о разделе сфер влияния в Эфиопии	389
Глава XXIII. Крупные расы и Менелик II	392
Правда и легенда о Менелике II	392
Рас Мэконнын	385
Рас Дарге и рас Тэсэмма	399
Рас Уольдэ-Гийоргис	401
Фитаурари Хабтэ-Гийоргис	402
Рас Гобэна	403
Рас Микаэль из Уолло	404
Императрица Тайту	405
Рас Мэнгэша-Йоханныс и другие противники Менелика II	410
Глава XXIV. Царствование Лиджа-Иясу	414
Борьба за престол после Менелика	414
Прокламация Менелика II о наследнике престола	418
Крах планов императрицы Тайту	420
Захват власти Лиджем-Иясу	424
Внутренняя и внешняя политика Лиджа-Иясу	426
Государственный переворот	429
Глава XXV. Императрица Зоудиту и рас Тэфэри	431
Победа шоанских феодалов	431
Рас Тэфэри-Мэконнын	432

Битва под Сэгэле	433
Коронация императрицы Зоудиту и провозглашение раса Тэфэри-Мэконньна регентом	435
Политика раса Тэфэри	436
Принятие Эфиопии в Лигу наций. Международное положение Эфиопии в 20-х годах	440
Коронация раса Тэфэри ныгусэ Шоа. Борьба с сепаратистскими тенденциями	447
Глава XXVI. Эфиопия в 1930—1934 гг.	450
Коронация Хайле Селассие I	450
Провозглашение конституции	451
Попытка свержения императора	454
Внутренние реформы. Образование	456
Литература и искусство	458
Эфиопия накануне итальянской агрессии	461
Инцидент в Уольуоле (Уал-Уал)	464
Глава XXVII. Итало-эфиопский конфликт в Лиге наций	468
Эфиопская проблема в Лиге наций	468
88-я сессия Совета Лиги наций	480
Комитет пяти	482
Агрессия и санкции	483
Глава XXVIII. Итало-эфиопская война 1935—1936 гг.	487
Всеобщая мобилизация в Эфиопии	487
Северный фронт. Битвы в Тэмбене	491
Южный фронт	498
«План Лавалья и Хора»	502
Битва под Май-Чоу	506
Захват Аддис-Абебы	511
Глава XXIX. Итальянская оккупация. Движение сопротивления и освобождение Эфиопии	512
Итальянская Восточная Африка	512
«Первый период великих партизанских войн»	516
Покушение на Грациани. Великая резня	526
Князь Амадео д'Аоста и «Новая итальянская политика»	531
«Второй период великих партизанских войн»	534
Возвращение независимости	535
Глава XXX. Эфиопия после 1941 г.	538
Восстановление страны после итальянской оккупации	538
Международное положение Эфиопии	550
«Декабрьская революция» 1960 г.	556
Вместо послесловия	561
Терминологический словарь	563
Именной указатель	571